

XVIII Международная научная конференция

РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

BALTIJAS STARPTAUTISKĀ AKADEMIJA (Latvija)

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА (Россия)**

UNIWERSYTET RZESZÓWSKI (Polska)

**ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ ІМ. І.І. МЕЧНИКОВА (Україна)**

РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

18 МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Рига 2016

УДК 821.161.1

Р 88

Русистика и современность. 18-я Международная научная конференция. Сборник научных работ. Рига: Балтийская международная академия, 2016. 611 с.

РЕЦЕНЗЕНТ

Проф. PhDr. Эва Колларова – президент Ассоциации русистов Словакии, главный редактор журнала «Русский язык в центре Европы»

РЕДАКТОРЫ

Э. Архангельская

Л. Игнатьева

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Э. Архангельская

Сборник издается за счет организационного взноса участников конференции.

ISBN 978-9984-47-107-5

© Статьи и публикации: авторы, 2016
© Издательство БМА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Доктор филологии	Э. Архангельская (Латвия)
Доктор филологических наук	И. Лысакова (Россия)
Доктор филологических наук	Е. Степанов (Украина)
Кандидат филологических наук	Г. Зиенталя (Польша)
Доктор педагогики	Л. Игнатьева (Латвия)
Доктор филологических наук	О. Новицкая (Бельгия)
Доктор филологических наук	К. Нургали (Казахстан)

В сборник вошли статьи участников 18-й Международной научной конференции «Русистика и современность», представляющих Бельгию, Болгарию, Белоруссию, Грузию, Казахстан, Молдавию, Латвию, Литву, Польшу, Россию, Украину, Финляндию, Хорватию, Эстонию. Круг обсуждаемых вопросов охватывает актуальные проблемы функционирования русского языка в разных сферах общения; сосуществования и взаимовлияния языков в поликультурной среде; особенности перевода как средства межкультурной коммуникации; вопросы русской культуры в контексте европейской и мировой культуры. Большое внимание уделяется новым технологиям в преподавании русского языка и русской литературы, а также состоянию, проблемам и методике преподавания русского языка как иностранного.

СОДЕРЖАНИЕ

Абдулхакова Л. (Россия) Словообразовательные отношения глаголов с начальным <i>до-</i> в русском языке XVIII века	3
Аникина М. (Россия) Вовлечение в личное пространство как способ введения культурологической информации при обучении русскому языку как иностранному	14
Авдони́на М., Валеева Н., Жабо Н. (Россия) Конкурирующие форманты в мотивированных знаках языка: методические аспекты перевода терминов	21
Балахонская Л. (Россия) Речевая агрессия в современной российской рекламе.....	29
Беляев О. (Латвия) «Пьяный корабль» Артюра Рембо (поиски денотата посредством сравнения переводов с французского языка на русский)	35
Бобохидзе Н., Чикваидзе А. (Грузия) О некоторых проблемах составления учебников по РКИ	41
Бормане Ж. (Латвия) Перевод как «Маленькая свобода»: поэзия Э. Кестнера в переводе Е.Г. Эткинда.....	46
Бучек К. (Польша) Компенсаторы паралингвистических средств в польских и русских виртуальных комплиментах	55
Вильк Г. (Польша) Лингвокультурная специфика глаголов семантического поля «трудовая деятельность» в русском и польском языках	64
Высочаньска-Пайонк К. (Польша) Литература факта Вениамина Каверина	72
Гаврилина М. (Латвия) Письменная речь латвийских школьников в ситуации билингвального обучения.....	78
Гауберген ван М. (Бельгия) Полихронный характер русской литературы	85
Генералова Е. (Россия) Образования от топонимов в русском языке: культурно-историческое значение и семантический потенциал	90
Гладких И. (Россия) Фонетический аспект обучения говорению иностранных студентов	98
Гладкова Р. (Украина) О специфике английских заимствований в современной русской лексической системе	105
Глазунова О. (Россия) Форма и содержание художественного произведения: проблема выбора и принципы взаимодействия	110

Гранева И. (Россия)	
Креативный потенциал местоимения мы (на материале текста романа Е. Замятина «Мы»)	118
Данецка И. (Польша)	
Учебник и оптимизация процесса обучения русскому языку в польской школе.....	123
Даукшите Й. (Литва)	
Литовский идентитет в контексте других европейских культур: семантические особенности паремических единиц	130
Диманте И. (Латвия)	
Мультилингвизм в полиэтническом обществе: языковая ситуация в Латвии	136
Домбровска М. (Польша)	
Русская литература в польской журналистике первой половины XIX века („Przyjaciel ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości”)	144
Ерофеева И. (Россия)	
Функционирование отсубстантивных прилагательных с суффиксом <i>-ьн-</i> в языке летописных текстов	150
Жарска А. (Польша)	
Стратегии выражения эмоций в интернет-пространстве (на материале польского и русского языков)	156
Жуковская Л. (Россия)	
Языковые преобразования слов — репрезентантов концепта «менталитет / ментальность» в современной русской речевой практике.....	165
Иванова Л. (Россия)	
Становление норм русского литературного языка в оценке Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя	173
Иванчук И. (Россия)	
У истоков российской разговорности (к проблеме преемственности языковых принципов А.С. Пушкина и Я.К. Грота)	179
Игнатьева Л., Курпниене Р. (Латвия)	
«Сосед» как субъект событийного пространства в новостном русскоязычном дискурсе Латвии разных исторических эпох.....	186
Иссерс О. (Россия)	
Спасибо за воспоминания: вербальные штрихи к ушедшему году.....	193
Капела Э. (Польша)	
Заметки о современном политическом дискурсе в русскоязычных СМИ.....	201
Карольчук М. (Польша)	
Новые приоритеты в области обучения русскому языку в польской школе.....	209
Каширина Л. (Латвия)	
Дискурсивные стратегии и тактики публичных выступлений мэра города Риги Нила Ушакова	216
Кныш-Крюков Л. (Эстония)	
Использование электронных материалов на примере изучения терминологии по бухучету	223
Коледова Е., Розова О. (Россия)	
Фонетическая интерференция согласных звуков в русской речи носителей нидерландского языка	231

Коницкая Е. (Литва)	
Имена собственные в библейских фразеологизмах литовского и русского языков.....	237
Кореновская Л. (Польша)	
Онтология мотивов «смерти» и «зеркала» в романе «Письмовник» Михаила Шишкина.....	245
Козел И. (Польша)	
Андрей Тарковский и его диалог с православной культурой – анализ на основе фильма «Андрей Рублев».....	256
Коссаковска-Марас М. (Польша)	
Репрезентация концепта <i>свадьба</i> в российском кинематографе	264
Костанди Е. (Эстония)	
Типовой текст диаспоры: когнитивный аспект	273
Кравцова Л. (Литва)	
Отражение явления посредничества в словарях и дискурсе публичной коммуникации	281
Кравченкова Е. (Россия)	
И. Грекова и И. Бродский «на кафедре»: опыт работы в советском и американском университетах.....	289
Кузнецов А. (Латвия)	
К вопросу о фонетическом и фонологическом статусе <i>еров</i> («редуцированных»).....	296
Кулибина Н. (Россия)	
Читаем художественную литературу на уроках русского языка.....	302
Логинова А. (Латвия)	
О структуре ядра семантического поля «не-цельность» в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» и его переводе на латышский язык.....	308
Лукина О. (Беларусь)	
Экклезионимы как отражение культуры народа (на материале названий культовых сооружений Беларуси).....	314
Маврова А. (Болгария)	
Образовательный потенциал концепта	321
Макарова В. (Литва)	
Советские и постсоветские отцы и дети	328
Маршалек М., Завойски К. (Польша)	
Окказионализмы Михаила Шолохова: к проблеме адекватности перевода на польский язык.....	335
Микулац И. (Хорватия)	
Концепт «вины» в хорватской и русской юридической терминологии (сопоставительный анализ хорватской и русской уголовно-правовой терминологии)...	344
Милованова И. (Россия)	
Сопроводительный курс по фонетике и интонации. Базовый уровень	350
Мокрородова Л. (Финляндия)	
О концептуальных метафорах интернета в языке русскоязычных из России и финляндских билингвов.....	358

Моцаж-Клейнденст (Польша)	
Киноперевод как средство обогащения культур	366
Никитин С., Авдонова М. (Италия, Россия)	
Поэтический текст в молодежных проектах «москультпрог» и «велоночь»	372
Нистратова С. (Италия)	
Прагматическая актуальность сопоставительного изучения содержания общечеловеческих ценностей в различных этнокультурах	380
Новицкая О. (Бельгия)	
Сопоставительный анализ риторических вопросов (на примере русского и нидерландского языков).....	388
Нургали К. (Казахстан)	
Проблемы художественного перевода в творческом наследии Г. Бельгера	395
Оцхели В. (Грузия)	
Борьба за корону герцога Курляндии в художественном изображении Е.П. Карновича	402
Пименова М. (Россия)	
Эстетическая оценка в диахронии (на материале агиографических текстов владими́ро-суздальской Руси XIV-XVI вв.).....	413
Подберезская Ю. (Беларусь)	
Семантическая эквивалентность лексем со значением синего цвета в русской и белорусской лингвокультурах	419
Радбиль Т. (Россия)	
Прагматические механизмы языкового манипулирования сознанием в современной русской речи.....	428
Разумовская В. (Россия)	
Название романа Ф.М. Достоевского «Бесы» как переводческая проблема.....	436
Ракитина Л. (Россия)	
Играть по-взрослому»: проведение тестирования по русскому языку как иностранному в игровой форме	444
Рацибурская Л. (Россия)	
Активные процессы в современном медийном словотворчестве.....	448
Романик А. (Польша)	
Синтаксические особенности коммерческой рекламы в русских журналах.....	455
Савчук Т. (Беларусь)	
Вербализация аргументативных структур в научном гуманитарном дискурсе.....	461
Сайгин В. (Россия)	
Глагольные и субстантивные дериваты лексемы «грех» как компоненты концептуального поля «грех» в современном русском языке	469
Скачкова О. (Латвия)	
Английский юмор в русском дискурсе (о переводах П.Г. Вудхауза на русский язык)	475
Степанов Е. (Украина)	
Лингвокультурный фон портового города.....	484
Степанова С. (Украина)	
Отражение профессиональной картины мира персонажа в художественной речи.....	493

Столярова И. (Россия)	
Некоторые наблюдения над соотношением внешнесобытийного и внутриличностного сюжетных рядов (на материале рассказов Т. Толстой).....	499
Титаренко М. (Украина)	
Семиотика социального статуса в русской языковой культуре.....	506
Томасик С. (Польша)	
Место названий торговых центров в ономастической системе	513
Трощинская-Степушина Т. (Беларусь)	
Русскоязычный художественный текст в белорусском литературном пространстве как лингвокультурный феномен	519
Урбанович И. (Беларусь)	
Внетиповое моделирование окказионализмов в идиолекте Ф. Искандера.....	525
Фатхутдинова В. (Россия)	
«Модели поведения» в лексико-словообразовательной семантике русского глагола.....	532
Филей А. (Латвия)	
Лексико-семантические и лингвопрагматические особенности языка иностранных источников русской разговорной речи позднего средневековья «Ein Rusch Boeck»	538
Филина О. (Латвия)	
Литературный туризм как фактор читательского развития студентов	550
Федотова И., Санникова А. (Беларусь)	
Состояние и перспективы обучения иностранных граждан в республике Беларусь.....	557
Хлебда Б. (Польша)	
Выражения, устанавливающие и поддерживающие словесный контакт в настольном польско-русском идиоматиконе	564
Чарторийский В. (Россия)	
Какой учебник нужен?	570
Чепурная Т. (Украина)	
Функционирование трансформированных фразеологизмов в письменной речи би-/мультилингва в процессе преодоления субстрата родного языка (на материале переписки Екатерины II и Г.А. Потёмкина).....	578
Шаймердинова Н. (Казахстан)	
Системно-семантические особенности русских переводов рунических текстов П.М. Мелиоранским	585
Щаднева В. (Эстония)	
Темпоральные средства в языковой картине мира староверов Эстонии.....	594
Юзефяк С. (Польша)	
Антропоцентрический подход при формировании лингво-коммуникативной компетенции студентов-русистов в процессе подготовки дипломных работ на бакалавриат и магистратуру в педагогическом университете г. Кракова	601
Яскевич М., Корепанова Т., Кулибина Н. (Россия)	
Новые электронные образовательные ресурсы для изучающих русский язык и их преподавателей на портале «Образование на русском» (http://pushkininstitute.ru)	607

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛОВ С НАЧАЛЬНЫМ ДО- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Л.Р. Абдулхакова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

laisanabdul@yandex.ru

На материале глаголов с начальным *до-*, зафиксированных в Словаре русского языка XVIII в., характеризуются словообразовательные типы, получившие отражение в сфере указанных глаголов. Рассматриваются явления словообразовательной омонимии и синонимии префиксальных и конфиксальных производных, характеризуются процессы изменения словообразовательной структуры слова в истории русского языка. Делаются наблюдения об активизации конфиксального способа словообразования в сфере глагольного словопроизводства.

Ключевые слова: словообразовательные отношения, словообразовательная омонимия, словообразовательная синонимия, конфикс

В Словаре русского языка XVIII века число глаголов с начальным *до-* составляет 287 лексем, что значительно меньше, чем в словарях современного русского языка. Среди них можно выделить целый ряд отдельных словообразовательных типов, характеризующихся разными словообразовательными значениями. В области префиксальных производных это следующие значения:

1) 'окончить, завершить действие, названное производящим глаголом':

добрызгать – 'Окончить брызгание чего-л. *Добрызгать белье* (САР I 357)' (с. 159¹);

довалять – 'Докончить валяние чего-л. *Довалять хлѣбы. Довалять войлок, колпак* (САР I 487)' (с. 163);

догородить – 'Окончить городьбу, огораживание. САР II 306. (с. 174);

докидать – 'Докончить кидание чего-либо. *Докидать стог сена.*' (с. 186);

доучиться – 'Довести до конца свое обучение чему-л. *Нѣмецкому диалекту обучался я на собственном своем коштѣ, и желаю, для совершеннаго знания помянутаго языка, в переводах доучиться.* МАН V 120' (с. 244);

досудиться – 'Довести тяжбу до какого-л. конца. *Доходы законные наместнику денежные за суд и росправу... с виноватаго, когда тяжущейся досудится до поля и помирятся без бою.* Фомин 334' (с. 239);

2) 'совершая действие, названное производящим глаголом, достичь определенной цели в виде объекта, места и др.':

¹ Примеры приводятся по Словарю русского языка XVIII века, вып. 6.

долететь – ‘Летя, достигнуть чего-л. *До солнца и сокол еще не долетал*’ (с. 196);

донести – ‘Неся, доставить до какого-л. места, куда-л. *Он взял его <раненого> к себѣ на плеча и донес до безопаснаго мѣста*’ (с. 210);

дошагнуть – ‘Шагнув, достичь чего-л.; сделать еще несколько шагов. *Дошагнул до стѣны*. САР VI 845’ (с. 247);

дошвырнуть – ‘Добросить, докинуть. *Дошвырнуть камень до стены*. САР VI 864.’ (с. 247).

3) ‘в результате действия, названного производящим глаголом, нажить неприятности, какую-либо беду’:

догулять – ‘Гульбою нажить какую-л. беду. *Догулять тебѣ до чего нибудь*. САР II 428’ (с. 175);

додвигать – ‘Долго, неосторожно двигая что-л., вызвать неприятные последствия, беду. *Он до того додвигал, что уронил. Додвигать тебѣ до того, что разобьешь*. САР II 545’ (с. 175);

додружиться – ‘Дружась, нажить какую-либо беду. *Додружиться тебе до чего ни будь, дружася с развратными*. САР II 772’ (с. 176);

досмеяться – ‘Много смеясь, дойти до каких-л. нежелательных последствий. *До слез досмеешься*. ВЛ 356’ (с. 227).

4) ‘добавочное действие’:

довалить – ‘Наваливая, дополнить что-л. *Довалить кучу песку, щебня* САР I 469’ (с. 163);

догрузить – ‘Добавить к грузу недостающее, загрузить дополнительно’ *Оныя [коломенки] отпускать с Уткинской пристани в половинном грузу, а другую половину догружать на Сулемской пристани алапаевским... железом* (с. 174);

додать – ‘Отдать недостающее, добавить нехватящее. *Должен он [конюх] смотреть все ли лошади корм свой съели, и коим не достало, додать*. Кон.зав. 191’ (с. 175);

докопить – ‘Копя, дополнить, довести до определенного количества, меры; скопить. *Докапливать кубышку денег. Докопить кринку сметаны*. САР III 803’ (с. 188);

доложить – ‘прибавить недостающее, добавить’ (САР III 1264) (с. 199).

Перечисленные словообразовательные типы представляют собой случаи словообразовательной омонимии, в создании которой принимают участие омонимичные префиксы *до-*, оформляющие каждое из названных значений. Об отличии первого и второго типов свидетельствуют, в частности, синтаксические особенности конструкций, в которых могут использоваться образования второй группы. При них часто употребляется предложно-падежная форма имени с предлогом *до*, которая способствует актуализации названного

словообразовательного значения глагола: *довезти до двора, долететь до солнца, добросить до стены* и под. Именно невозможность присутствия подобного дополнения при глаголах первого из названных словообразовательных типов и актуализирует семантику ‘завершенности действия’.

По данным Словаря русского языка XVIII в., можно также выделить ряд омонимичных словообразовательных типов в кругу конфиксальных образований на *до-...-ся* со следующими значениями:

1) ‘довести до конца действие, названное производящим глаголом’:

докупиться – ‘Добиться чего-л. с помощью подкупа, за плату. ...*докупиться (в чин)* ВЛ 153’ (с. 190);

допытаться – ‘Дознаться, расспрашивая, разведывая. *Раза три видел я в маскараде девицу, а кто она и как ее зовут, етова я не допытался.* Сум. Лих. 53’ (с. 217);

доспроситься – ‘Расспрашивая узнать, выведать что-л. *Я старался всячески успокоить ее, и дал ей слово, что доспрошусь у Филота о причине такой чудной перемены.* Ант.пут. I 219’ (с. 228);

2) ‘действием, названным производящим глаголом, довести себя до неприятностей, навлечь на себя что-либо неприятное’:

доворчаться – ‘Ворчаньем навлечь на себя какую-л. неприятность. [Афросинья Сысоевна:] *Я тебя сказываю, что доворчаться тебе будет до доброй бани.* Врвкн 17’ (с. 170);

довраться – ‘Наговорить много лишнего; болтовней навлечь на себя какую-л. неприятность. *Он до горячки доверется.* Лук. Пуст. 187’ (с. 170);

договориться – ‘Много говоря, навлечь на себя что-л. неприятное. *Во вред себя говорить, до бѣды договориться.* Ад. II 34’ (с. 174);

3) ‘совершая действие, названное производящим глаголом, достичь определенной цели в виде объекта, места и др.’:

докопаться – ‘Копая, прийти, добраться до кого-, чего-л. [*Ров*], *который копается... до тех мест, пока до воды докопаются.* Терм. Форт. 15’ (с. 188);

дотронуться – ‘Прикоснуться к кому-, чему-л. *До оных елевых шишек только дотронешься.., то семена в великом множестве вывалятся.* ТВЭО I 30’ (с. 243);

дочитаться – ‘Читая, прийти до какого-л. места (книги, текста). *Живость изображения возбуждает в читателе приятность и нетерпение, чтоб дочитать до конца книги.*’ (с. 246).

Необходимо подчеркнуть, что в указанных случаях речь идет об оморфемах (в данном случае – конфиксах) *до-...-ся*, выражающих разные словообразовательные значения.

Кроме того, в рамках словообразовательного значения – ‘действием, названным производящим глаголом, довести себя до неприятностей, навлечь на себя что-либо неприятное’ – наблюдается словообразовательная синонимия префиксальных и конфиксальных производных глаголов: *догулять* – *довраться* и др.

Особый интерес вызывает широко отраженная в Словаре синонимия префиксальных и конфиксальных глаголов, образованных на базе одного и того же производящего глагола:

договорить – ‘Договориться, условиться о чем-л. *А что он у вашего цесарского величества с вашими думными людьми договорит и постановит, и то ... будет додержано крепко.* ПБП I 92’ (с. 173) и *договориться* – ‘Условиться, согласиться. *О цене договориться, торг заключить.* ЛВ I 146’ (с. 174);

дождать – ‘То же, что дожждаться. *Дождем, чтоб время укрепило нашу дружбу.* Мизантр. 21’ (с. 177) и *дождаться* – ‘Ожидая кого-, чего-л., дожить до ... ожидаемого. *Дождались попутного ветра, и пустились в путь.* Распе 42’ (с. 177);

дознать – ‘Узнать, понять. *За молодыми смотри прилежно, и чего они не дознают, указывай им.* Псш. Завещ. 175.’ (с. 180) и *дознаться* – ‘Узнать, понять. *Математики по некоторым известным количествам неизвестных дознаются.* Лом. СС I 243’ (с. 181);

дослужить – ‘Дослужиться. *Может кто в избирательном, а не в наследном Государстве, того дослужити, что по смерти Государя, будет... достоин короны.* ПВМ 17.’ (с.227) и *дослужиться* – ‘Дойти по службе до какого-л. чина. *Он дослужился маиорскаго ранга.* Зап. Блтв I 25’ (с. 227);

а также: *доведать* и *доведаться* – ‘узнать’ (с. 163); *доверить* и *довериться* – ‘положиться на чью-л. верность, честность, искренность и т.п.’ (с. 164), *доискать* и *доискаться* – ‘найти, выяснить что-л.’ (с. 182) и др.

В дальнейшем в синонимичных парах произошла утрата одного из компонентов синонимического ряда. Как правило, это были префиксальные образования. В современном русском языке, например, отсутствуют глаголы *дождать*, *дознать*, *доведать*, а также утрачены лексемы *договорить*, *дослужить* и др. в значениях, свойственных им в языке XVIII столетия.

Обращает на себя внимание еще одна интересная группа глаголов с начальным *до-*, получившая отражение в Словаре:

довершить ‘Окончить, доделать; завершить. *Сатиры стихотворца нашего начаты в конце 1729, а довершены в конце 1742.* Кнт. Соч. I 7’ (с. 165) и *довершиться* – ‘Прийти к окончанию, завершиться. *[Государь] оставлял по себе таких потомков, о которых Он уверен был, что положенныя Им основания когда либо довершатся.* Плт. 1785 4’ (с. 165);

довести ‘Сообщить о чьей-л. вине, донести на кого-л. *В воровстве на кого доказать, довести; в воровстве кого уличить.* ЛВ I 550’ (с. 165-166) и *довестись* – ‘Быть обвиненным, уличенным в чем-л. *Иеромонах Иларион в Преобр[аженский] Приказ принят и ... по сему делу, в чем довелся, опрошаван.* СД 176’ (с. 166);

догадать ‘Надоумить, навести на мысль. *Кто догадал тебя сие сделать?* САР II 6’ (с.171) и *догадаться* ‘Понять, угадать по каким-л. признакам, приметам, соображениям. *И Елисей де говорил, что он пом[еицику] своему о тех письмах не сказывал, догадался сам.* СД 95’ (с. 171).

На наш взгляд, в этом случае также можно усматривать связь между названными лексемами и рассматривать глаголы на *-ся* как постфиксальные производные с общим возвратным значением.

Как показывают приведенные примеры, словообразовательные отношения, имевшие место в сфере глаголов с начальным *до-* в русском языке XVIII в., продолжали свое развитие, во многих случаях сохранившись в современном русском языке. Вместе с тем, сравнение словообразовательной структуры образований, представленных в XVIII в., с глаголами современного языка иногда позволяет наблюдать процесс изменения их членимости. Это могло быть, в частности, вызвано сменой соотнесенности, которая происходила в связи с утратой производящего глагола, в результате чего на месте префиксальных или постфиксальных производных в современном русском языке представлены конфиксальные образования. Так, например, глагол *додружиться* (‘Дружась, нажить какую-либо беду. *Додружиться тебе до чего ни будь, дружася с развратными.*’ (с. 176)) в русском языке XVIII в. имел соотнесенность с *дружиться* (‘Водить дружбу, знакомство с кем-либо. *<Тщеславные люди> любят дружиться с вельможами и великими мужами*’ (т. 7, с. 18)), тогда как глагол *дружить* выражал иные значения: 1. ‘Делать друзьями, сближать.’ 2. ‘Потакать, пристрастно одобрять чьи-либо действия; угождать.’ (т. 7, с. 17). Таким образом, для XVIII в. мы имеем дело с префиксальным производным (*дружиться* → *додружиться*). Что касается словообразовательных отношений этого глагола в языке современном, то он является конфиксальным образованием: *дружить* → *до-дружить-ся*.

Вообще, на основании сравнения материалов исторического и современного словарей можно сделать предварительное наблюдение о возрастании активности конфиксальных моделей глагольного словообразования.

Таким образом, картина, представленная в Словаре русского языка XVIII века в отношении глаголов с начальным *до-*, дает основания говорить о богатстве и разнообразии словообразовательных отношений в сфере названных образований, динамичности их развития, что можно наблюдать, сравнивая данные разных этапов истории русского языка.

Литература

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Москва: Наука, 1991. 256 с.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 14-20. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

ВОВЛЕЧЕНИЕ В ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СПОСОБ ВВЕДЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

М.Н. Аникина

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МГИМО МИД РФ, Россия

anikina-marina@mail.ru

В статье речь идёт о возможном подходе к введению культурологической информации при обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе. Подход был реализован в учебных средствах универсального характера, созданных в рамках единой авторской мировоззренческой методики. Суть подхода – вовлечение информации культурологической информации широкого спектра в поле личного пространства человека, изучающего язык. Здесь излагаются способы естественного «вплетения» культурологической информации в обучающий контекст, что позволяет избежать эффекта навязывания.

Ключевые слова: культурологическая информация, начальный этап, учебник, вплетение, личное пространство

Преамбула

Важность начального этапа в обучении любому иностранному языку, в том числе русскому, трудно переоценить. Именно он определяет как качество будущего владения языком, так и полноценность межличностной коммуникации. Важность начального этапа этим, однако, не ограничивается.

Не менее значим он и с точки зрения приобщения к культурному пространству страны изучаемого языка, расширения общекультурного кругозора и, в конечном итоге, повышения интеллектуального багажа человека, изучающего новый язык. Говоря о практике преподавания русского языка, с сожалением приходится констатировать факт, что все чаще и чаще знакомство с фактами культуры, с информацией страноведческого характера в целом становится для студентов первичным, зачастую у них полностью отсутствует информация, связанная с русским культурным пространством. С одной стороны, это объясняется общемировой тенденцией к технократическому обучению, к сокращению широкой общекультурной информации в пользу технологичной и узко прагматичной. Изменился и приоритетный источник информации. На смену книгам пришел Интернет с его информационными «выжимками», ориентацией на клиповое мышление, быстроту и поверхностность восприятия при отсутствии глубины и вдумчивости. Книги требуют осмысления, Интернет – восприятия. С другой стороны, на отношение к российской

действительности сильное влияние оказывает современный политический контекст, негативная «политическая аура». Сейчас политический информационный контент повсеместно превалирует над культурным, практически полностью подавляя его. Мало того, отрицательный политический контекст может приводить не только к «забыванию» интереса к культуре, но и к ее отторжению. С учетом тенденций развития нынешней ситуации в ближайшем будущем нам вряд ли стоит ожидать изменения складывающегося положения вещей.

С учетом сказанного, сложность задачи представления и введения культурологической информации на начальном этапе удваивается, если не вырастает в разы. Соответственно, она требует чрезвычайно взвешенного и аккуратного решения.

Теория

Изначально сложность решения задачи диктуется объективными причинами – ограниченностью языковых средств начального этапа. Помимо этого, сложность в немалой степени обусловлена социально-мировоззренческим контекстом обучения русскому языку как иностранному, а также объективными процессами общемирового развития, о которых речь шла в преамбуле. В этой ситуации преподаватели и авторы учебников должны пройти не только между Сциллой и Харибдой, но в условиях, когда под ведомым ими кораблем отсутствует привычная стихия. Для нас при решении задачи существует только один путь – взгляд на процесс обучения русскому языку в целом и на проблему представления информации о культуре через широкую призму глобального процесса познавательной деятельности, частью которого является постижение иного языка и иной культуры.

Мировая культура – это божественная мозаика, представляющая собой единую картину различных, но взаимосвязанных, взаимопроникающих и взаимноинтересных частей, создающих общую культурную гармонию. Выделение, возвеличивание своего ведет к одному – к узости мышления и отсутствию истинного культурного и интеллектуального кругозора, а в конечном итоге – к высокомерию и шовинизму. Естественно, ничего кроме отторжения и ненависти подобный подход принести не может. История имеет немало тому примеров.

Если же взгляд «изнутри» меняется на взгляд «снаружи», то при таком взгляде становится невозможным представлять «свое» вне рамок «общего». Невозможно любить и интересоваться только своим, вне любви и интереса к общему. Смена угла зрения приводит к тому, что гордость и желание поделиться «своим» проявляется через желание узнать иные грани «общего», где под общим имеется в виду общечеловеческие ценности многообразной мировой культуры.

Центром процесса обучения является человек изучающий, его когнитивные потребности, его мотивация, его психологический комфорт, его прогресс и результат. Важным здесь является понимание и учет свойственного ему психотипа. Главной целью обучения, согласно методике здравого смысла, является полноценное общение на грамматически правильном русском языке. В общем виде суть общения – донести до понимания собеседника свои мысли, взгляды, оценки в вербальной форме и услышать, воспринять, оценить и осознать мысли и взгляды собеседника. Иными словами – делюсь своим, узнаю чужое, оцениваю чужое, сравниваю свое с чужим, делаю выводы, ищу свое место в палитре чужих и т.д. Без этого коммуникация бессмысленна и будет называться уже совсем другими словами.

То же самое должно происходить и при введении и передаче культурной информации – происходит своеобразная коммуникация культур через посредство общающихся. В процессе передачи культурная информация обрабатывается, осмысливается, сравнивается, расширяется, определяется ее место в общем линейном ряду подобных явлений. Естественно, что в процессе обучения заинтересованный взаимообмен культурной информацией происходит на изучаемом языке.

Наш опыт убедительно показывает, что сопоставительное, сравнительное, контрастное введение культурологической информации обладает огромным мотивирующим эффектом для развития навыков говорения, выведения полученных языковых знаний в речь, в живую и заинтересованную коммуникацию.

На наш взгляд, в учебнике (или ином учебном средстве) для начального этапа обучения информация культурного характера не должна быть представлена в качестве отдельного закрытого информативного блока. Она должна естественно и ненавязчиво вплетаться в общее пространство учебника. Универсальный учебник, построенный по сюжетному принципу, имеет здесь значительное преимущество. Носителями информации о культуре, которые опосредованно передают ее изучающему русский язык, являются сквозные персонажи учебника-книги. Автор учебника, наделяя их определенным интеллектуальным багажом, делает персонажей идеальными проводниками интересующей нас информации. Путем обсуждения близких любому человеку проблем и жизненных коллизий в разговорах друг с другом, в рассказах о прошлых и нынешних событиях своей жизни персонажи вовлекают учащихся в процесс опосредованного общения. Степень вовлеченности будет зависеть от того, насколько близкими личности ученика станут затрагиваемые и обсуждаемые проблемы, насколько они соответствуют его собственным внутренним интересам. Если это происходит, то культурная информация как интегральная часть общего информационного поля вовлекается в личное пространство ученика. Таким

образом, происходит своеобразный перенос книжной коммуникации (в которую вплетена культурная) в плоскость реальной коммуникации, в настоящую жизнь. Важно, что это происходит плавным и естественным путем.

Учитывая все вышесказанное, мы пришли к следующему. В учебнике с сюжетным построением (при этом сюжет можно в общем виде охарактеризовать как «Я и жизнь вокруг меня») культурологическая информация подаётся плавно и естественно, она обусловлена контекстным содержанием, находится в спектре общемировых ценностей, лично ориентирована, вводится дозировано в рамках языковых возможностей.

Практика

На начальном этапе мы предполагаем введение, актуализацию и усвоение пяти блоков культурологической и страноведческой информации.

Первый блок – русская система называния, включающая имена собственные (антропонимы) и географические названия (топонимы). При этом, естественно, ассоциативный ряд исторических, литературных аллюзий, а также коннотативная окрашенность имен собственных были исключены в силу ограничений со стороны лексико-грамматического корпуса начального этапа обучения и желания избежать информативной перегруженности.

Второй блок – это ограниченное количество значимых для русского сознания имен собственных известных личностей и минимальная информация, связанная с ними. Список был составлен на основе частотности ассоциаций в сознании как носителей, так и не носителей русского языка.

Третий блок – это также ограниченный и тщательно подобранный блок литературных цитат. В нашем случае, исходя из положенного в основу разработки учебника мировоззрения, критерий частотности, повторяемости цитаты в сознании носителя языка не являлся приоритетным. Критерием отбора стало соответствие цитаты, ее естественное контекстное вплетение в содержание проблемного текста, дискуссионного диалога или в историю из жизни героев. Главная цель уместного цитирования – вовлечь личность автора в круг не прямых собеседников, вызвать интерес к другим его мыслям, выраженным в цитатах, к творчеству в целом в конечном итоге.

Четвертый блок – это наиболее тонкое и наименее очевидное (вернее, осознаваемое) поле информации, которое можно определить, как специфика русской ментальности, составляющее значительную часть сознания языковой личности. Сюда относится принятая и общепонятная система отношений внутри семьи (и само ее понимание), между друзьями, между мужчиной и женщиной, внутри коллектива коллег и т.д. Основными носителями и выразителями информации такого рода являются персонажи учебника-книги.

Пятый блок – это информация, связанная с географическими особенностями и обусловленными этим преимуществами России. Прежде всего, здесь речь идет об интересных и порой неожиданных маршрутах путешествий по России.

Помимо вышеперечисленного, развитие сюжета происходит в естественных условиях повседневной жизни, к которым относятся транспортная система, некоторые черты системы образования, которые также имеют свою страноведческую специфику.

Главным методическим принципом введения всей совокупности указанной информации является ее естественное вплетение в лексико-грамматический корпус и сюжетную линию учебника-книги. При этом происходит естественное и ненавязчивое вовлечение этой информации в личное пространство ученика. Подобный подход обладает мотивирующей ценностью, он пробуждает интерес у ученика к более глубокому знакомству с Россией, с русской культурой и историей.

Очевидно, что достижение этих целей, а именно – мягкое вовлечение информации в личностное пространство, снятие возможных негативных стереотипов и предубеждений, а также пробуждение, развитие и дальнейшее углубление интереса к России возможно только при условии продуманной, оправданной и уместной системы введения информации. Система включает в себя формы, способы, место расположения, соотношение с изучаемым в тот или иной момент лексико-грамматическим материалом и максимальная ему адекватность.

Введение культурологической информации начинается с первой ступени (урока) учебника. Как и в любом другом учебнике, оно начинается с системы называния и вводится на этапе изучения категории рода. В нашем случае знакомство с русскими антропонимами происходит вместе со знакомством с персонажами сюжетной линии.

Во второй ступени, где изучаются прилагательные в связке с обозначением национальностей, начинается работа над вторым блоком. Особо здесь стоит подчеркнуть потенциал слова «самый» как формообразующего элемента превосходной степени сравнения прилагательных. С его помощью организуется мини дискуссия о том, кто является самым известным русским, американцем и т.д. С точки зрения методики здравого смысла, он обладает не только языковой и коммуникативной значимостью, но и имеет культурологическое значение, поскольку является отражением специфики национального речевого поведения. Имена известных исторических фигур и связанная с ними культурологическая информация вводятся на уровне диалога – обсуждения, в котором происходит столкновение разных мнений по вопросу «Как вы думаете, кто самый известный русский (американец ...).

Страноведческая информация, связанная с географией, интересными городами и странами, уместна и естественна при введении конструкции «Здесь (там, справа, слева) есть»

и предложного падежа в той же конструкции (третья ступень). При этом происходит расширение и углубление страноведческой информации предыдущей ступени. Например, после выявления любимых (самых красивых) городов мира добавляется уточняющий вопрос «А что там есть?». Это вопрос, который расширяет коммуникацию по линии мнение – аргументация мнения. В этой же ступени вводится родительный падеж, что позволяет провести ненавязчивый мониторинг интеллектуального багажа учеников и при обнаружении лакун их заполнение информацией. При этом для создания положительного психологического фона начать стоит с вопросов, ответы на которые ученик предположительно знает. Обычно к таким вопросам относятся вопросы о кино, актёрах, президентах. Создав положительный фон, когда ученики смогли продемонстрировать знания в знакомых им темах логично перейти к вопросам, затрагивающим более сложные культурные пласты. Например. А вы знаете, кто автор романа (книги, поэмы ...) «Идиот» («Анна Каренина», «Дон Кихот» ...)? Вы знаете, кто автор музыки балета (оперы, мюзикла ...) «Ромео и Джульетта» («Жизель» ...)? Обсуждение этих вопросов позволит расширить лексический запас за счёт обозначений новых занятий и профессий (писатель, композитор, поэт, политик, режиссер ...) и активно попрактиковаться в создании цепочек родительного падежа (автор романа, режиссёр фильма, президент (лидер) страны, автор музыки оперы ...).

В учебнике, как уже было сказано, отсутствуют тексты страноведческого характера. Считаем это нецелесообразным в силу несоответствия замыслу автора. На начальном этапе введение таких текстов кажется нам искусственным. Информация вводится в разных сегментах учебника и на уровне разных видов работы с лексико-грамматическим материалом, она включена в упражнения и задания различного типа.

Однако основные формы – это диалог дискуссионного характера, рассказ персонажа о событиях жизни, а также проблемный текст с интерактивным расширением (рубрика «Вы и я»). Главным критерием выбора этих форм является их значительный коммуникативный потенциал и познавательная мотивационность. Диалог позволяет высказать, сопоставить, обсудить в полемическом ключе разные мнения. Диалог мотивирует поиск аргументов в защиту своего мнения и контраргументов для выражения несогласия с чужим. Помимо этого, познавательно будирующий диалог активно стимулирует развитие навыков аудирования, поскольку заинтересованное следование развитию диалога заставляет концентрироваться на речи говорящего. Слабые навыки аудирования неизбежно приведут к ослаблению полемического мастерства в диалоге и последующему интеллектуально не оправданному фиаско. Подобное развитие событий способно вызвать демотивирующий эффект, поскольку оно может поколебать у человека учащегося уверенность не только в своих навыках

владения языком, но и в интеллектуальной способности к полемике и конструктивному обсуждению в целом.

По мере совершенствования навыков владения языком культурологическая информация начинает вводиться на уровне проблемного текста, либо текста описательного характера. Информация текста, выбор проблемы носит неоднозначный характер, предполагает множественность решения. При этом в текст может уместно вплестаться и культурологическая канва: отсылки к мнению, произведениям известных личностей, информация о которых входят в структуру языковой личности. Текст имеет интерактивное расширение в виде прямых вопросов-обращений к читателю. Запрос мнения читателя по данной проблеме, апелляция к его жизненному опыту мотивируют свободное высказывание, столкновение и анализ различных мнений, поиск решения (в некоторых случаях).

В заключение хотелось бы сказать, что подходов к способам, объему, формам введения информации страноведческого, культурологического характера на начальном этапе существует немало. И именно это многообразие мнений и позиций авторов учебников и преподавателей должно приветствоваться и поддерживаться. Единственное, чего нельзя себе позволить – это ее навязывание, представление в абстракции от единого общемирового культурного пространства. Агрессивный патриотизм не только не принесет пользы, но и несет опасность столь же агрессивного отторжения.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 21-28. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

КОНКУРИРУЮЩИЕ ФОРМАНТЫ В МОТИВИРОВАННЫХ ЗНАКАХ ЯЗЫКА: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ

М.Ю. Авдони́на, Н.Г. Вале́ева, Н.И. Жабо

Московский государственный лингвистический университет, Россия

Российский университет дружбы народов, Россия

Российский университет дружбы народов, Россия

mavdonina@yandex.ru; lys11@yandex.ru; ngvaleeva@yandex.ru

Исследование посвящено терминологическим наименованиям и методическим аспектам обучения переводу терминов, в частности с помощью современных информационных технологий. Проведенный анализ текстов экологической тематики позволяет установить, что в языке науки для выражения одного и того же содержания используются конкурирующие форманты. Проводится анализ функционирования иноязычных (прежде всего, греческих, латинских, английских) словообразовательных элементов в современном русском языке. Обсуждаются методические аспекты освоения языка международного научного общения в области экологии. Предлагаются виды упражнений для обеспечения правильности выбора переводчика.

Ключевые слова: термины экологии, синонимия, заимствования, словообразование, обучение переводу, ИТ в переводе

Данное исследование посвящено особенностям терминов экологической тематики и приемам и способам обучения переводу, то есть поиску способов адекватной передачи новых понятий экологии средствами русского языка.

Молодые экологи, магистры и аспиранты, обязаны иметь навыки просмотрного и поискового чтения иноязычной литературы. Однако читать и понимать – это лишь подготовительный этап в деле создания собственного текста, например, справки, доклада, письменного сообщения. Рецептивные навыки у молодых специалистов-выпускников есть, это не подлежит сомнению, тем более что многие студенты в период обучения получают диплом переводчика в сфере профессиональной коммуникации по специальности «Экология».

Практические занятия выявляют трудности именно в передаче прекрасно понятого отрывка. Проведенный в апреле вебинар (25 участников) был посвящен поиску и осмыслению правил выбора переводчиком форм, принятых в современном научном и административном обиходе. На вебинаре студенты сравнивали варианты перевода очень простых фрагментов (приведем часть заданий, касающихся именно перевода терминов):

Упражнение 12. Сравните варианты перевода на русский язык следующих предложений из текста:

3. *The link between the spread of some diseases and **the quality of water for drinking and washing** is absolutely clear.*

Варианты перевода: *3а Связь между распространением некоторых болезней и качеством воды для питья и бытовых нужд абсолютна ясна. // 3б ~ качеством воды для питья и мытья очевидна // ~ 3в качеством питьевой воды и воды для мытья абсолютна ясна. // 3г ~ качеством питьевой и хозяйственно-бытовой воды // 3д ~ качеством питьевой воды и воды для хозяйственно бытового использования абсолютно ясна*

Чувство языка, чутье к форме отказывает обучающимся именно когда образ, «картинка» ясна (пунктуация авторов переводов):

5. Lead is found in old water pipes and old paints. Occasionally, small children get lead poisoning from eating lead-based paint from the walls of old houses.

5а. Свинец находится в старых водопроводных трубах и входит в состав старых красок. Иногда маленькие дети получают отравление свинцом от съеденной краски на основе свинца со стен старых домов.

5б. В старых водопроводных трубах и старых красках обнаружен свинец. Иногда маленькие дети отравляются свинцом, облизывая покрашенные этими красками стены в старых домах.

5д. Свинец находят в старых водопроводных трубах и старых красках. Иногда маленькие дети получают отравление свинцом от еды краски на основе свинца от стен старых домов.

5е. Иногда маленькие дети могут отравиться едой содержащей свинец, красками на основе свинца и свинцом содержащимся в материалах из которых построены старые дома.

Заметим, что это был перевод на родной язык. Темо-рематические отношения не выявлены. Требуется комментарий грамматического характера.

Чаще всего выпускники не затрудняют себя именно предпереводческой работой. Этому следует уделять серьезное внимание на занятиях с аспирантами, готовящими материалы к кандидатскому экзамену по иностранному языку, иначе они в дальнейшем позволят себе засорять русский язык научного стиля.

Например (текст о черной ольхе, фрагмент анализа): *The most common soils on which it grows in North America occur in the orders Histosols, Inceptisols, and Entisols -> Как правило, в Северной Америке ольха растет на следующих почвах: гистостоль, инсептисоль, и энтисоль.*

В переписке по электронной почте мы предлагаем следующий комментарий с последующим требованием переделать перевод:

Незачет: вы завершаете перевод транслитерированием названий почв. но у нас она растет – а таких названий мы не знаем. вот отрывки из описаний этой породы. Выберите адекватные соответствия трем названиям почв:

«Ольха чёрная светлюбива, произрастает в обильно увлажнённых проточными водами местах, на низинных болотах (ольховые топи, «елхи»), в заболоченных лесах и поймах рек, по берегам озёр, днищам оврагов и балок, у ключей, в виде куртин на островах. Хорошо растёт на сильно гумусированных почвах с большим увлажнением, растёт также и на хорошо аэрированных почвах с грунтовыми водами. На сравнительно сухих, даже песчаных почвах может расти при неглубоком залегании грунтовых вод, а на сильно увлажнённых почвах может расти и при жарком климате. Почвы могут быть от торфяно-болотных до перегнойно-глеевых».

Как видно, преподаватель делает большую работу по поиску, подбору материала – но такая работа себя окупает. В конце учебного года переводы становятся значительно лучше.

Не всегда оригинальный текст бывает правильно понят, это связано с привычкой к адаптированным текстам с крайне упрощенной семантической структурой. Следует готовить обучающихся к восприятию более сложных мыслей, фраз с большим количеством предикативных связей, открытых, скрытых и даже латентных [Гак 2000]. Например:

Упражнение 6. Обсудите в группе содержание фразы: *We know national parks to be abused and subjected to tourism in such a volume and pattern as to degrade and destroy the very natural resources whose preservation is legally required.*

Проанализируйте удачные и неудачные стороны следующих вариантов перевода:

ба. Мы знаем, национальные парки, которые злоупотребляли и подвергались туризму в таком объеме и структуре, что ухудшились и уничтожены ценные природные ресурсы, сохранение которых закреплено законодательно.

бб. Известно, что интенсивное использование национальных парков в целях туризма приводит к их деградации и истощению натуральных ресурсов, охраняемых законом.

бд. Мы знаем, что большое количество туристов в национальных парках вредит объектам живой природы, которые защищаются законодательно

бе. Известно, что нацпарки страдают от злоупотребления, их нещадно используют как туристические зоны, в результате ухудшаются ресурсы, сохранение которых закреплено законодательно

Последнюю мысль фразы (мысль о том, что закон предписывает нацпаркам сохранять экосистемы и отдельные редкие виды и что использование парка как зоны рекреации противоположно тому, ради чего их создавали), не передал ни один обучающийся. Преподавателю следует похвалить того, кто сумел найти яркое сочетание «*нещадно используют*». Обсуждение на вебинаре может привести к тому, что наилучшим будет признан перевод 5б (*интенсивное использование национальных парков в целях туризма*) как наиболее приближенный к принятому административному стилю изложения.

Одним из главных направлений работы является формирование у магистров и аспирантов осознания своей ответственности за чистоту русского языка. Словари безнадежно устаревают, не успев выйти [Акжигитов 2001]. Приходится констатировать, что функцию нормализующую берут на себя органы, никак не связанные и не зависящие от Академии наук, от специалистов-лингвистов. Глоссарии с толкованием составляются по мере надобности различными ведомствами, большими фирмами. Журналисты вносят немалый вклад в продвижение произвольно взятых форм [Терехова 2014]. В результате термины в текстах экологической тематики приобрели пертинентную черту, противоположную самому определению термина – СИНОНИМИЮ! Синонимические формы закрепляются в он-лайн словарях. Переводчику непросто сделать правильный выбор.

Предлагаем выполнять с обучающимися следующее упражнение:

Упражнение 8. Обдумайте преимущества русских эквивалентов из статьи словаря Multitran для слова *ecoparking* [<http://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=1&l2=2&s=ecoparking>]:

экостоянка; эксплуатируемый газон; зелёная парковка; экогазон; газон-парковка; экопарковка

Важным для подготовки молодых специалистов является проблема конкуренции формантов разного происхождения, обозначающих одно и то же. Например, в лекции «Геологическая деятельность ледников» Ю.В. Попова, руководителя направления подготовки аспирантуры «Науки о Земле» Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) читаем:

*Наряду с отложенными моренами, в процессе аккумуляции формируются водно-ледниковые образования, объединяющие **флювиогляциальные и ледниково-озёрные отложения***. [http://popovgeo.sfedu.ru/lecture_11]

Далее автору приходится прибегать и к двойному наименованию объекта:

Классификация ледниковых отложений (по Е.В. Шанцеру)

Ледниковый (гляциальный)

Собственно ледниковая (ортогляционная)

Флювиогляциальная морена (ледниково-речная)

Внутриледниковый (интрагляциальный)

Приледниковый (перигляциальный)

Ледниково-озёрная (лимногляциальная)

Ледниково-озёрный (лимногляциальный)

Заметим, что по неявным причинам (предположительно, случайно) один из объектов, флювиогляциальная морена (ледниково-речная), сначала именуется с помощью латинских формантов (второй из которых заимствован во французской форме) и потом идет термин из собственно-русских дериватов. Все остальные методически правильно именуются сначала с

помощью понятных русских формантов и только потом идет конкурирующий термин-гибрид с участием греческого форманта.

В качестве подготовительного упражнения мы предъявляем обучающимся тексты на разных языках по теме исследования, заранее подобранные преподавателем. Например:

1) по-английски: *The TSL2561 **luminosity sensor** is an advanced digital **light sensor**, ideal for use ... (since we cannot perceive the IR light that is detected by most **photo diodes**)* [www.adafruit.com/product/439]

2) по-русски: Аналогом **светимости** в системе энергетических **фотометрических величин** является **излучательность**.

3) по-французски: *En **photométrie**, la **luminance** est la grandeur mesurable correspondant à la sensation visuelle de **luminosité** ou de **brillance** d'une surface.*

Сравнение приводит к выводу, что конкуренция формантов свойственна современным терминосистемам и что существует набор единиц латинского и греческого происхождения, общих для научного стиля развитых языков. Важно понимать, что конкурирующие формы выражают одно содержание, то есть это не синонимы (слова, имеющие сходное значение, но отличающиеся нюансами смысла, стилистики).

В связи с тем, что древние языки не изучаются ни в школе, ни в вузе (кроме медицинских факультетов), усвоение терминологии по изучаемой теме представляет трудность. Нами разработаны тренировочные и контрольные упражнения, направленные на выработку языковой догадки и на формирование навыков поэлементного семантического анализа незнакомых слов, имеющих греческие форманты.

Разумеется, форманты *-ист* и *-ит* давно и прочно ассимилированы во всех европейских языках. Но, например, формант *теле-* в русском языке ассоциируется только с телевидением, в то время как в научных терминах он обозначает «действие на расстоянии». В результате молодые ученые не понимают семантики терминов с участием этого форманта. Может быть, и поэтому термины с инициальным *tele-* имеют в русском языке эквиваленты, избегающие этого форманта: *teleangiectatic fibroma* – ангиофиброма, склерозирующая ангиома, гемангиофиброма; *telecephalization* – кортикализация функций; *telechir* – дистанционно-управляемый робот-манипулятор. Справедливости ради заметим, что один аспирант медицинского факультета истово верил, что *-ит* по-гречески «болезнь», так ему объяснили на лекциях.

Французы понимают значение форманта *télé-* правильно, он очень продуктивен: в словаре Larousse 1974 года в инициальной позиции он участвует в 58 словах, в 1994 году – в 106 словах, причем 4 слова не сохранились, значит, прибавилось 52 слова. В Larousse 2015 года – 124 такие словарные статьи [Авдонина, Жабо, Попова 2015]. Формант входит в язык

повседневного общения. Несколько слов – научные термины узкого специального значения – стали употребляются в публицистических и рекламных текстах настолько часто, что вошли в обиход: *téléangiectasie*, (красные прожилочки на коже от лопнувших сосудов) научились если не лечить, то хотя бы немного убирать за большие деньги, и реклама таких процедур обычно имеет наукообразную форму; *téléchargement* (загрузка, термин информатики), *téledétection* (изучение объектов со спутника); *télétoxie* (в русском: системный инсектицид – о токсичных выделениях живых организмов).

Далее рекомендуем переходить к самостоятельной работе со словарями. Задание: Составьте тематический глоссарий (100 слов) и определите происхождение (этимологию) и значение формантов специальных терминов. В выборе слов следует полагаться на собственное мнение обучающегося о значимости единицы на сегодняшний день. В качестве справочного материала обучающиеся должны пользоваться списками греческих и латинских формантов, имеющимися в Интернете, Например [<http://projetbabel.org/ellenika/lexique.htm>]:

-algie Algos (боль) Névralgie, Analgésique, Nostalgie
 all(o)- Allos (другой) Allergie, Allogamie, Allochtone, Allopathie
 amphi- Amphi (с двух сторон, вокруг) Amphithéâtre, Amphibie, Amphibraque
 -andr(o) Anêr, andros (мужчина) mâle André, androïde
 éco- Oikos (дом) Économie, Écologie, Écosystème

(Перевод на русский – наш. М.Ю.)

Для закрепления слов самого общего значения предлагаются следующие упражнения:

А) Найдите в словах глоссария по изучаемой теме форманты (русские, греческие и латинские), обозначающие количество, и определите сферу их употребления:

Русский	Francais	англ	latin	grec:
Одно -	un	one	uni-	mono- ;
Дву-	deux	two	bis-	di- ;
Три-	trois/tré-	three-	tri -	tri- ;
Четверо-	quatre	four	quadri-	tetra- ;
Пяти-	cinq-	five	quingu-	penta- ;
Десяти-	dix-	ten-	déci-	déca- ;
Сто-	cent-	hundrid-	centi-	hecto- ;
Тысяче-	mille	thousand	mill-	kilo-;
Полу-	demi	half-	semi-	hémi- ;
Много-	beaucoup	many/much	multi-	poly- ;
Мало-	peu	few; little	mini-	hypo-, oligo- ;
Сверх-, пре-, слишком	trop	over-	super-	hyper- ;
Полно-	plein	full	pleni-	holo- ;
Недо-	trop peu	under-	sub-	
Все-	tout	all-	omni-	pan-

Б) Определите по этимологическому словарю значение нижеприведенных формантов и составьте с ними сложные слова, используя форманты, обозначающие количество:

-cellulaire, -corne, -latéral, -mètre, -logue, -cycle, -gramme, -colore, -chrome

В) Выделите форманты, обозначающие базовые научные понятия естественно-научных дисциплин. Например (с производными французского языка):

вода	лат. aqua	– греч hydr(o)- Hodor:	Hydroélectricité, Hydrocéphale
воздух	лат. aéro-	– греч Aêr, aeros:	Aérophore, Aéroport, Aérodynamique
трава	лат. herbi-	– греч -phyt(o)-	Phyton Plante Phytogenèse, saprophyte
земля	лат. terr(a)	– греч -gé(o)-	Gé Géologie, Géographie, Géométrie, Pangée
смотреть	лат. vid-vis-	– греч -scope	Skopeô Télescope, Stéthoscope, Périscope
свет	лат. lum- lumino-	– греч Phôs, photos -phot(o)-	Photosynthèse, Photon

Найдите в составленном вами глоссарии по теме русские слова с иноязычными формантами и определите по словарю их значение.

Г) Найдите в словаре русский эквивалент термина и проанализируйте его форму, определите значение его формантов (это упражнение должно показать обучающимся, что прямое заимствование не всегда допустимо):

robot icon (пиктограмма робота)

manifold нареч. многократно, во много раз, в несколько раз; книжка (третий отдел желудка жвачных); многочленный.

Серия упражнений может быть продолжена. Это зависит от степени интереса группы.

Подведем итоги.

Проведенный анализ текстов экологической тематики позволяет установить, что в языке науки для выражения одного и того же содержания используются конкурирующие форманты.

Практическое преподавание перевода как узкоспециальных текстов, так и текстов публицистического стиля требует от преподавателя постоянной работы с терминосистемой.

В современном языке слишком быстро появляется и исчезает слишком много терминов, это связано с необычайно быстрым развитием научного знания [Dury, Drouin 2010].

В ту минуту, когда рождается новый термин, он уже попадает в статьи, размещенные в сети Интернет. Определение нового термина также нужно искать в он-лайн толковых словарях. Перевод на русский совершается мгновенно, слово не паспортизируется, и сразу попадает в системы интернет-перевода. Но в этом и трудность. Термины скорее попадают в ГОСТы и ведомственные глоссарии, нежели в словари. Появляются синонимы, возможны ошибочные переводы. Сложные случаи принято обсуждать на форумах переводчиков.

Обучение переводу терминов, не может сейчас вестись без помощи современных информационных технологий.

Литература

- Акжигитов Г. Н. 2001 – *Англо-русский экологический словарь* / Акжигитов Г. Н., Мазур И. И., Маттис Г. Я. и др. Москва.
- Авдоница М.Ю., Жабо Н.И., Попова Е.П. – 2015. Греческие форманты в словообразовании французского языка: методические аспекты. *Романские языки и культуры: от античности до современности. Тезисы докладов VIII международной научной конференции* (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 26-27 ноября 2015 г.). Москва.
- Гак В. Г. 2000 – *Теоретическая грамматика французского языка*. Москва.
- Жабо Н. И. 2015 – *Системы экологических терминов русского и французского языков: типология, семантика и функции*. Москва.
- Терехова С. І. 2014 – Типи номінацій у терміносистемах германських та слов'янських мов. *Науково-методичні проблеми мовної підготовки іноземних студентів: Матеріали VII Міжнар. наук.-практ. конф., 17-18 квіт. 2014 р.*, Національний авіаційний університет. – К.: НАУ. С. 140-142.
- Dury P., Drouin P. 2010 – L'obsolescence des termes en langues de spécialité: une etude semiautomatique en corpus informatisés, appliquée au domaine de l'écologie. *Heine, Carmen / Engberg, Jan (eds.): Reconceptualizing LSP. Online proceedings of the XVII European LSP Symposium 2009*. Aarhus.
- Larousse 1974 – Le Petit Larousse Illustré – P. : Ed. Larousse 1973.
- Larousse 2008 – Le Petit Larousse Illustré – P. : Ed. Larousse 2007.
- Larousse 2015 – Le Petit Larousse Illustré – P. : Ed. Larousse 2014.
- http://popovgeo.sfedu.ru/lecture_11
- <http://www.adafruit.com/product/439>
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/Светимость>
- <http://www.multitran.ru/c/m.exe?l1=1&l2=2&s=ecoparking>
- <http://projetbabel.org/ellenika/lexique.htm>

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

Л.В. Балахонская

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

lb234@mail.ru

Статья посвящена коммуникативно-прагматическому аспекту речевой агрессии в современной российской рекламе. В работе выявлены критерии разграничения речевой агрессии и смежных явлений – речевого эпатажа и речевого манипулирования, определены субъектно-объектная сфера и специфика речевой агрессии в рекламной коммуникации, проанализированы коммуникативно-прагматические функции речевой агрессии в рекламе. Автор показывает, что в рекламе речевая агрессия может быть направлена либо на непосредственного адресата рекламного сообщения – потенциального потребителя, либо на конкурентов; во втором случае речевая агрессия становится инструментом дискредитации.

Ключевые слова: речевая агрессия, речевой эпатаж, речевое манипулирование, реклама, рекламная коммуникация

Современная российская реклама нередко выглядит чересчур агрессивной. Вербальным индикатором агрессивной рекламы является речевая агрессия.

Речевая агрессия является особой разновидностью деструктивного поведения человека, цель которой состоит в причинении психологического вреда отдельной личности или группе людей с помощью речевых действий в процессе коммуникации. Речевая агрессия – вербальное проявление негативного отношения к кому- или чему-либо (к человеку или группам людей, к предметам материального мира, к социальным явлениям и т.п.), желание доминировать в акте коммуникации, словесное выражение резкой оппозиции в отношении кого- или чего-либо.

Большинство исследователей подчеркивают преднамеренный характер речевой агрессии, определяя ее как злонамеренное речевое поведение, оказывающее негативное воздействие на адресата. В целом соглашаясь с тем, что речевая агрессия, как правило, является заранее спланированным актом, тем не менее, укажем на возможность ее проявления как необдуманной ответной реакции адресата на деструктивное речевое или неречевое поведение адресанта. Такой вид спровоцированной агрессии является спонтанным, он нередко проявляется в рамках бытового общения, например в ответных репликах типа «Сам дурак!», «От такого слышу!» и т.п.

В научных исследованиях выделяется несколько подходов к изучению речевой агрессии. Такие ученые, как Н.В. Быкова, К.Ф. Седов, В.И. Жельвис, рассматривают вербальную агрессию с позиции психологии, как проявление в речи негативных эмоций по

отношению к кому-либо или чему-либо. Другие исследователи, например Н.Д. Голев, Б.Я. Шарифуллин, Н.В. Муравьева, подходят к изучению агрессивного речевого поведения личности с точки зрения соответствия / несоответствия нормам, сложившимся в том или ином обществе. Т.А. Воронцова, проанализировав оба эти подхода, подчеркивает необходимость выявления коммуникативно-прагматических функций речевой агрессии, поскольку важно не только как сказано, но и для чего.

Для агрессивного коммуникативного акта характерен субъектно-объектный тип отношений. В рекламной коммуникации в роли субъекта агрессии выступает некий коллективный адресант, анонимный автор текста. Заметим, однако, что анонимным он, конечно, является лишь в сознании потребителя рекламы, для которого совершенно неважно, что инициатива, а часто и некоторые идеи создания рекламного текста, исходят от заказчика, что в разработке стратегии и реализации рекламной концепции принимают участие несколько сотрудников (копирайтер, дизайнер, фотограф, режиссер и т.д.). В статье мы затронули весьма сложную проблему анонимного авторства рекламного текста лишь по одной причине: как указывают многие исследователи, анонимность может провоцировать проявление агрессивного поведения.

Объектом речевой агрессии в рекламной коммуникации может стать либо непосредственный адресат рекламного сообщения (потенциальный потребитель), либо конкуренты.

Несмотря на очевидную, казалось бы, необходимость благожелательного отношения к адресату рекламного сообщения, являющегося потенциальным потребителем рекламируемого товара, в рекламных текстах можно обнаружить довольно много примеров агрессивного, враждебного отношения, демонстрации негативных эмоций, направленных на потенциальных потребителей с целью причинения им психологического вреда: унижить, оскорбить, запугать или продемонстрировать пренебрежение тем, кто до сих пор не воспользовался рекламируемым товаром, который преподносится как панацея от всех бед. Такая реклама, использующая негативные образы, строится по модели «проблема – товар решение проблемы»: *Не будь дятлом! Покупай продвинутую. Используешь Интернет? Телефония? Wi-Fi? Все это на одной продвинутой карте* (реклама карт доступа в Интернет quantum Wi-Fi Dial-Up); *Даже ежу понятно!* (реклама строительных материалов «Dufa» из каталога «Товары и цены»); *Очкуешь, товарищ? С наличкой тревожно? Сделай же вклад в банке надежном* (реклама банка в Екатеринбурге). *ОПТ ТВОЮ МАТЬ, ВОТ ЭТО ЦЕНЫ!* (реклама гипермаркета оптовых цен «FOZZY»).

Как видно из последних примеров, речевая агрессия нередко используется с целью эпатировать читателя или слушателя. Иногда трудно провести границу между речевой

агрессией и речевым эпатажем. Речевой эпатаж мы понимаем как особый тип речевого поведения адресанта, характеризующийся осознанным выбором таких языковых средств, употребление которых нарушает общепринятые этические нормы, шокирует адресата и в то же время обладает способностью притягивать его внимание, как все неожиданное и нетрадиционное [Балахонская 2015:209]. Что же общего можно обнаружить между речевой агрессией и речевым эпатажем?

Во-первых, и речевой эпатаж, и речевая агрессия базируются на нарушении этических норм и правил; во-вторых, и в том и в другом случае разрушается гармония общения; в-третьих, в обоих случаях может использоваться одинаковый набор языковых средств (эмоционально-окрашенная лексика, инвективы, жаргонизмы и т.п.).

В то же время следует подчеркнуть и различия между названными явлениями.

1. Речевой эпатаж всегда является преднамеренным, хорошо продуманным речевым актом, в то время как речевая агрессия, по нашему мнению, не всегда заранее планируется: агрессивное речевое поведение может проявиться как необдуманная реакция на какое-либо неожиданное или оскорбительное действие собеседника.

2. Основная цель речевой агрессии – желание «нанести коммуникативный урон адресату (унизить, оскорбить, высмеять и т.п.) или реализовать таким «запрещенным» способом какие-то свои потребности (самоутверждения, самозащиты, самореализации и др.)» [Щербинина 2004:9]. Совершенно иные цели преследует речевой эпатаж: привлечь внимание адресата, ошеломить его вербально выраженной скандальной выходкой, шокировать непристойным речевым поведением.

Речевая агрессия, безусловно, имеет точки соприкосновения и с речевым манипулированием, поскольку использование данных приемов в процессе коммуникации, как правило, имеет негативные последствия для психологического состояния реципиента. Различия между названными явлениями заключаются, во-первых, в том, что манипулирование всегда носит скрытый для адресата характер, а речевая агрессия проявляется, как правило, открыто; во-вторых, цель манипулирования – изменить поведение адресата в нужном адресанту направлении (например, заставить что-либо сделать вопреки собственным желаниям), а цель речевой агрессии – продемонстрировать враждебное отношение, оскорбить, унизить.

Самая высокая степень враждебного, агрессивного отношения проявляется в рекламе, целью которой является намеренная дискредитация конкурентов.

Речевая агрессия, направленная на конкретного конкурента, в рекламе встречается крайне редко, т.к. подобная реклама, как отмечено в статье 5 Федерального закона «О рекламе», «является актом недобросовестной конкуренции в соответствии с антимонопольным законодательством» [О рекламе, 2006] и считается недопустимой. Поэтому прямого

наименования фирмы-конкурента или его продукции в агрессивной рекламе, как правило, нет, однако элементы торговой марки, позволяющие без труда идентифицировать объект агрессии, в такой рекламе присутствует, например: *Не надейтесь на чудо, пейте Данон*. Потребитель понимает, что этот призыв направлен на дискредитацию конкурирующей продукции – молочных продуктов торговой марки «Чудо», производимых компанией «Вимм-Билль-Данн».

Нередко агрессивная реклама является откликом на недопустимые высказывания в рекламе конкурирующей компании. Так, в телевизионных роликах, рекламирующих пельмени «Дарья» и построенных на оппозиции «свой – чужой», появлялся персонаж в образе Царя-батюшки, который ругал «басурманские Равиолли». Воздействующий эффект строился на оппозиции «свой – чужой»: импортным продуктам противопоставлялись отечественные, при этом название иностранного бренда использовалось в негативизирующем контексте – с определением «басурманские», имеющем в русской культуре исторически сложившуюся отрицательную оценочную характеристику, обычно неодобрение. Конечно, подобный выпад не мог остаться незамеченным, и в ответ появился рекламный ролик пельменей «Равиолли», в сюжете которого кошка с пренебрежительным именем Дашка вела себя неподобающим образом и потому заслуживала порицания в форме императива: *Дашка, брысь!*

Деструктивное поведение по отношению к конкурентам нередко выражается в виде слова-намёка, которое по своей звуковой форме напоминает название конкурирующего бренда, хотя полностью и не совпадает с ним. Такой вид агрессии, в основе которой лежат ассоциативные связи фонетически близких слов в сознании реципиента, можно назвать вербально-ассоциативной. Так, в телевизионной рекламе средства от простуды и кашля «АЦЦ» появлялся персонаж в образе Мокроты, который сообщал о том, что поселился в организме больного надолго. При этом он по-хозяйски смахивал со стола стеклянные банки с лекарствами и восклицал: *Упс-с!* Конечно, потенциальные потребители в этом междометии легко узнавали название конкурирующего лекарственного средства от простуды аспирин «Упса». Агрессивное речевое поведение персонажа сопровождалось видеорядом, в котором болезнь в образе Мокроты совершенно не боялась никаких лекарственных средств, пока на ее пути не возникал рекламируемый препарат «АЦЦ».

Однако осознание рекламодателем своей социальной ответственности не только перед потенциальными потребителями, но и перед обществом в целом, желание оставаться в этико-правовом поле заставляет рекламистов обходиться обобщенным наименованием потенциальных конкурентов. С этой целью чаще всего используется лексема «обычный», которая в системе языка имеет вполне нейтральное значение: «1. Такой, как всегда;

постоянный, привычный. 2. Ничем не примечательный, не выделяющийся среди других; обыкновенный, заурядный» [Словарь 1983:581].

При этом под влиянием ситуации употребления и контекста, построенного на принципе контраста, «наводятся» негативные семы: «плохой», «неэффективный», «неинновационный». Например, в рекламе противопоставляются «обычный стиральный порошок» и «Tide»; «обычное средство для мытья посуды» и «FAIRY», «обычный телевизор в формате 3D» и телевизор «LG cinema 3D».

Другой распространенный способ обозначения обобщенного конкурента – субстантивированное местоимение «другой» или прилагательное «многие», которые становятся вторым членом оппозиции: «Я – другой» («Мы – другие»), «Я – многие» («Мы – многие»). Агрессивность рекламы, построенной на этом типе оппозиции, тоже достигается с помощью приема антитезы, например: *POLAR WOLF. Мы вчера реализовали то, что другие представляют как достижение завтрашнего дня* (реклама фирмы CAR ALARM SYSTEM, специализирующейся на продаже сигнализаций). Стратегия дискредитации потенциальных конкурентов здесь не главная, она подчинена стратегии самопрезентации.

Противопоставление двух субъектов, а точнее адресанта и референта речи (мы – другие) строится на противопоставлении двух временных планов (вчера – завтра), в результате чего адресат рекламного сообщения должен сделать логический вывод об успешном применении инновационных технологий рекламируемой фирмой и о технической отсталости ее потенциальных конкурентов. Однако такой вывод, содержащий диаметрально противоположные оценки двух разных явлений действительности (инновационный – отсталый), адресат делает под влиянием адресанта, который считает необходимым навязать ему собственные оценочные установки. «Стремление говорящего (адресанта) навязать адресату посредством деструктивных форм речевого поведения негативное отношение к предмету речи (к референту) есть не что иное, как вторжение в его аксиологическое пространство» [Воронцова 2006:31].

Агрессивное навязывание адресату негативного отношения к референту, являющемуся потенциальным конкурентом адресанта, имеет вполне определенную цель – не допустить взаимодействия адресата с референтом в качестве коммуникативных (а потом и деловых!) партнеров. В такой ситуации, по мнению Т.А. Воронцовой, можно говорить «о прямой и косвенной адресации такого агрессивного высказывания. По отношению к референту как к косвенному адресату речевая агрессия проявляется как дискредитация. По отношению к прямому адресату навязывание негативного отношения к референту является способом негативизирующего воздействия» [Там же].

Таким образом, речевая агрессия субъекта рекламной коммуникации, целью которой является дискредитация конкурента, может быть направлена одновременно на два объекта: на адресата (читателя рекламного сообщения) и на референта (потенциального конкурента).

В заключение следует подчеркнуть, что создатели рекламного текста используют речевую агрессию в определенных прагматических целях: с помощью средств речевой агрессии привлечь внимание к рекламному сообщению; найти «своего» адресата, которому близка агрессивная манера речевого поведения; сформировать негативное отношение к конкурентам и таким образом привлечь потенциальных потребителей на свою сторону. Однако при этом не стоит забывать о том, что агрессивная реклама часто вызывает отторжение у потенциальных потребителей.

Литература

- Балахонская Л.В. 2015 – Средства речевого эпатажа в рекламной коммуникации. *Медиалингвистика*. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: сб. статей / Под ред. Л.Р.Дускаевой. Санкт-Петербург.
- Воронцова Т.А. 2006 – *Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход*. Автореф. дис. ... канд. филол.наук. Челябинск.
- О рекламе*. Федеральный закон. Москва. 2006.
- Словарь русского языка*: В 4-х т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. Т.2. Москва. 1983.
- Щербинина Ю.В. 2004 – *Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления*. Москва.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 35-40. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ» АРТЮРА РЕМБО
(ПОИСКИ ДЕНОТАТА ПОСРЕДСТВОМ СРАВНЕНИЯ ПЕРЕВОДОВ
С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ)

О.В. Беляев

Лиепайский университет, Латвия

olegs.belajevs@liepu.lv

Поэзия Артюра Рембо широко комментируется и интерпретируется как специалистами по французскому языку и литературе, так и его переводчиками на русский язык. В данной работе рассматривается проблема поиска денотата путём сравнения переводов на русский язык главного произведения Артюра Рембо «Пьяный корабль». В России существует основательная традиция перевода этого фантасмагорического, коронного произведения поэта. Наша гипотеза заключается в том, что под образом «Пьяного корабля» автор имеет самого себя. В работе принимаются во внимание переводы Гилярова, Бродского, Лившица, Мартынова, Бердникова, Антакольского, Кудинова и Самойлова. В каждом переводе путём сопоставления с оригиналом мы обнаружили свои достоинства и недостатки. Думается, что все эти попытки перевода являются некоторым приближением к оригиналу. Много остаётся «непереведённым». Трудности перевода этой поэмы заключаются в наличии в ней тёмных мест, в плотности и насыщенности строфы, в темпе развития. Несмотря на все трудности и многочисленность переводов данного текста, точка ещё не поставлена и нас ожидают новые переводы на русский язык «Пьяного корабля» Артюра Рембо.

Ключевые слова: Артур Рембо, пьяный корабль, перевод, денотат, коннотат, смысл, экстенционал, интенционал

Поэзия Артюра Рембо чрезвычайно широко комментируется и интерпретируется как специалистами по французскому языку и литературе, так, так и его переводчиками на русский язык. В Рембо можно увидеть и основоположника символизма, и основателя сюрреализма. По мнению Альбера Камю, он был «поэтом бунта и наиболее великим». Многие полагают, что ключ к пониманию его поэзии находится или в области алхимии или в индийской мудрости, или просто в головоломной игре слов. Но только глубокое изучение творчества и жизни Артюра Рембо может дать ключ к его пониманию. Пониманием для нас является процесс постижения внутренних связей в содержании его текстов. Понимание – это процесс постижения смыслов его произведений. Понимание – это освоение его переживаний, мыслей и решений, опредмеченных в текстах. Понимание – это движение к знанию его творчества, хотя и не само знание. Понимание – это воссоздание ситуации действия автора текстов. А без этого понимания, как нам представляется, невозможен адекватный перевод его наследия на другой язык, в данном случае на русский язык.

Было бы неправильно объяснять феномен Артюра Рембо как мелькнувший на небосводе метеорит, чуждый этому миру, неизвестно откуда пришедший и тут же исчезнувший. Окружение поэта, его семья, друзья, литература его времени образуют ту среду, в которой и против которой сформировался его гений.

В данной работе рассматривается проблема определения денотата в главном произведении Артюра Рембо «Пьяный корабль». Под денотатом, в свете функционального подхода к определению знака, мы понимаем образ конкретного предмета или явления объективной действительности, обозначаемый именем [Пиотровский 1979:1]. Наряду с денотатом мы имеем в виду и остальные компоненты знака, а именно: **имя** (означающее), десигнат (представляющий собой смысл, понятие о предмете или явлении), коннотат (охватывающий дополнительные экспрессивно-оценочные, прескриптивные, а также эстетические значения) и прагматические потенции знака. Следует отметить, что имя образует план выражения, денотат, десигнат и коннотат охватывают план содержания, а прагматические потенции относятся к области интерпретации знака. А «Пьяный корабль» Артюра Рембо – это знаковое произведение.

Используя терминологию семиотической семантики, мы попытаемся найти и определить экстенционал «Пьяного корабля» [Семиотика 1983:20]. Двигаться, мы предполагаем от дискурса (как совокупности выражений) к экстенционалу, через интенционалы, которые занимают срединное положение между выражениями языка и предметами внешнего мира. Под интенционалом мы понимаем совокупность семантических признаков, а под экстенционалом – совокупность предметов внешнего мира, которые определяются этой совокупностью признаков.

Наша гипотеза заключается в том, что под образом «Пьяного корабля» автор имеет в виду самого себя. По мере создания (написания) всего своего наследия утрачивалась прямая автобиографичность поэтического «Я» Артюра Рембо, что особенно проявляется в его «Пьяном корабле». В произведении «Le poète de sept ans» поэтическое «Я» вполне реалистично и может рассматриваться как воспоминания молодого Артюра Рембо. В то время как в «Пьяном корабле» оно фантастично. В этой поэме мы можем найти всё, что характеризует поэта. Она полна символов и сюрреалистична. Здесь мы находим то, что мы называем бунтарством поэта. Здесь мы погружаемся в головоломную игру слов. Мы предлагаем сравнить «Пьяный корабль» и его небольшое стихотворение «Sensation», написанное в марте 1870 года [Rimbaud 1964:28]:

*Par les soirs bleus d'été, j'irai dans les sentiers,
Picoté par les blés, fouler l'herbe menue:
Rêveur, j'en sentirai la fraîcheur à mes pieds.
Je laisserai le vent baigner ma tête nue.*

*Je ne parlerai pas, je ne penserai rien :
Mais l'amour infini me montera dans l'âme,
Et j'irai loin, bien loin, comme un bohémien,
Par la Nature, - heureux comme avec une femme.*

В переводе Бориса Лившица на русский язык под названием «Ощущение» оно звучит так [Поэзия Франции 1985:289]:

*В сапфире сумерек пойду я вдоль межи,
Ступая по траве подошвою босою.
Лицо исколют мне колосья спелой ржи,
И придорожный куст обдаст меня росой.*

*Не буду говорить и думать ни о чём –
Пусть бесконечная любовь владеет мною –
И побреду, куда глаза глядят, путём
Природы – счастлив с ней, как с женщиной земною.*

«Пьяный корабль» в переводе Д. Бродского предстаёт перед нами в таком виде (4,303):

*Те, что мной управляли, попали впросак;
Их индейская меткость избрала мишенью.
Той порою как я, без нужды в парусах,
Уходил, подчиняясь речному теченью.*

*Вслед за тем, как дала мне понять тишина,
Что уже экипажа не существовало,
Я, голландец, под грузом шелков и зерна
В океан был отброшен порывами шквала.*

*С быстротою планеты, возникшей едва,
То ныряя на дно, то над бездной воспрянув,
Я летел, обгоняя полуострова,
По спиралям сменяющихся ураганов. [...]*

Из этого сравнения, а также из других сопоставлений, вытекает идея языческого опьянения «вольной волей» и бесшабашности удалого бродяжничества. Первый побег 29 августа 1870 года заканчивается в тюрьме. Он поехал на поезде без билета и был арестован. Едва вернувшись, не без помощи своего преподавателя Изамбара, он предпринимает новый

побег. Путешествуя, он пишет: “Au Cabaret-Vert“, “La Maline“, “Ma Bohème“. Во всех этих поэмах ясно просматривается идея удовольствия от бродяжничества, которому он предается. Можно задать себе вопрос: от чего и от кого он убегает? Он убегал из своего города, который считал самым идиотским из всех провинциальных городков. Он убегал от своего семейного окружения и особенно от своей матери.

Следует отметить, что из всей сумбурной кочевой жизни Артюра Рембо всего четыре-пять лет было отдано поэзии. Работал он самозабвенно, одержимо, спеша всё испытывать. На первых порах Рембо следует путями Вийона, Гюго, Бодлера. В его поэзии, в его «Пьяном Корабле», мы находим свежесть языческого опьянения «вольной волей», богохульные выпады (для Рембо, христианский бог – синоним отрицания жизни) против христианской безропотности и умерщвления плоти, насмешки над излишествами речи, богатство слова.

В «Пьяном корабле» мы находим всё: запахи (*я чуял смрад болот*), звуки (*мальштремы слышавший за тридевять округ*), грёзы (*я грезил о ночах в снегу, о поцелуях*), бред (*я бредил о снегах в зеленоватой мгле*), краски (*невучих фосфоров двуцветные мерцанья*). Сам Артюр Рембо называл это «алхимией слова». Прозрения мистического толка перерастали у Рембо в волевое магическое изобретение небывалого [Рембо 1999:93]:

Я видел, как всплывал в мистическом дурмане

Диск солнца, озарив застывших скал черты,

Как, уподобившись актёрам в древней драме,

Метались толпы волн и разевали рты.

Я грезил о ночах в снегу, о поцелуях,

Поднявшихся к глазам морей из глубины,

О вечно льющихся неповторимых струях,

О пенье фосфора в плену голубизны.

В данной работе рассматривается проблема поиска денотата путём сравнения переводов на русский язык «Пьяного корабля» Артюра Рембо. В России существует основательная традиция перевода этого фантазмагорического, коронного, основного произведения Артюра Рембо. На русский язык поэму переводил киевский филолог и философ А.Н. Гиляров: *«знаю небеса, разверзающиеся молниями, и смерчи, и буруны, и течения, я знаю вечера, зарю, такую же возбуждённую, как стая голубей, и я видел иногда то, что человеку казалось, будто он видел ...»*. В 1909 году в Киеве же был опубликован первый неполный русский стихотворный перевод «Пьяного корабля», сделанный поэтом Владимиром Эльснером *«Я медленно плыл по реке величавой – И вдруг стал свободен от всяких оков... Тянувших бечева индейцы в забаву Распяли у пёстрых высоких столбов...»*.

Спустя примерно двадцать лет появился новый, на этот раз уже полный перевод «Пьяного корабля» Д. Бродского: *«Те, что мной управляли, попались впросак: Их индейская меткость избрала мишенью, Той порою, как я, без нужды в парусах, Уходил, подчиняясь речному течению...»*. В 1935 году появился перевод Бориса Лившица: *«Когда бесстрастных рек я вверился течению, Не подчинялся я уже бичевщикам: Индейцы-крикуны их сделали мишенью, Нагими пригвоздив к расписанным столбам...»*. К тексту «Пьяного корабля» несколько раз обращался Леонид Мартынов. В последнем переводе на русский язык поэма звучит так: *«Когда, спускавшийся по Рекам Безразличья, Я от бичевщиков в конце концов ушёл, Их краснокожие для стрел своих в добычу, Галдя, к цветным столбам прибили нагишом»*. Имеется ещё перевод А. Бердникова: *«В то время как я плыл вниз по речным потокам, Остались навсегда мои матросы там, Где краснокожие напали ненароком И пригвоздили их к раскрашенным столбам»*. К переводу «Пьяного корабля» обращался и П. Антокольский и М. Кудинов.

Давид Самойлов прочитал у Рембо не только об упоении свободой среди стихии, но и об удивительно зрелом для семнадцатилетнего поэта осознания недостаточности пьянящей вольности, выделяющей, но и отделяющей нас. Прочитал о горечи, о потребности присоединения к людям. У Д. Самойлова перевод звучит так: *«Когда, от бичевы освободившись, я Поплыл по стрежням Рек, глухих и непогожих, На крашенных столбах – мишени для копья – Кончались моряки под вопли краснокожих»*.

В каждом переводе свои особенности, свои достоинства и свои недостатки. Лившица отличает глубина трактовки, Антокольского – яркость темперамента, Мартынова – своеобразие языка, Кудинова – сопоставление стиха Рембо с традиционной русской поэтикой. Все эти работы – это приближение к оригиналу. Но не всё ещё исчерпано в оригинале. Многое осталось «непереведённым». Трудности его перевода состоят в неясности и произвольности некоторых образов поэмы, в наличии в ней тёмных мест, в плотности и насыщенности строфы, в темпе развития. «Пьяный корабль» – одно из самых знаменитых стихотворений Артюра Рембо и редкая вещь, по поводу которой сам поэт выражал, согласно свидетельству Э. Делаэ, удовлетворение. Следует отметить, что каждый из вышеупомянутых поэтов мечтал и думал перевести «Пьяный корабль» если не лучше, то хотя бы несколько точнее, чем это было сделано их предшественниками. И продолжая мысль о приближении поэмы разных переводчиков (это как приближение к линии горизонта) к лучшему переводу можно отметить, что ни один из них не оказался в состоянии поставить точку в этом стремлении к идеалу. Дело здесь, видимо, заключается не только в том, что любой перевод есть подмена, но и в новой тенденции стилистики к перенесению центра внимания на исследование роли читателя в определении стилистических эффектов. Развитие этой

тенденции всё больше сближает стилистику с когнитивной психологией. С этих позиций признаки **плана выражения** классифицируются в соответствии с эффектом, который эти признаки предположительно вызывают в читателе. Индивидуальный стиль автора описывается через соответствие / несоответствие определённым типам мыслительной деятельности, проводимой читателем при восприятии литературного произведения.

Как мы уже говорили «Пьяный корабль» [1871] – выражение метаний и кризисных настроений, чувства отчаяния и растерянности. «Пьяный корабль» – это сам Артюр Рембо. Денотатом поэмы является сам автор, пьяный от ощущения свободы без руля и ветрил, бесшабашный от удалого бродяжничества, «путник в башмаках, подбитых ветром» (Верлен), пытающийся вырваться в дали запредельные, изведав там никогда и никем не изведенное. Архимедов рычаг переворота в поэзии усматривался им в долгом, безмерном и осознанном расстройстве своих чувств ради того, чтобы избавиться вольное наитие от шор трезвого рассудка (Nunc est bibendum!). Как мы уже отметили, в поэме есть всё: запахи, звуки, краски. Прозрения мистического толка перерастают у Артюра Рембо в волевое магическое изобретение небывалого. Артюр Рембо – поэт-новатор, поэтическая техника его нарушает привычные традиции французской поэзии. Неожиданные сравнения и метафоры, диссонансы, прозаизмы и жаргон придают его поэме своеобразную яркость и остроту. Артюр Рембо, вне всякого сомнения, получил дар благодати (*gratia gratis data*) или харизм, который творит поэтов. Его искусство является для элиты неким духовным островом Цитеры, где находит себе убежище французское превосходство.

Зная и понимая творчество Артюра Рембо и осознавая его международную, общеевропейскую известность, я позволю себе закончить данную статью ещё одним вариантом перевода предпоследней строфы «Пьяного корабля» в переводе Д. Бродского [Поэзия Франции 1985:306]:

*Если в воды Европы я всё же войду,
Ведь они мне покажутся лужей простою, -
Я – бумажный кораблик, - со мной не в ладу
Мальчик, полный печали, на корточках стоя.*

Литература

- Пиотровский Р.Г. 1979 – *Инженерная лингвистика и теория языка*. Ленинград.
Поэзия Франции. Век XIX 1985 – Москва: Изд-во «Художественная литература».
Рембо 1999 – *Стихотворения. Озарения. Одно лето в аду*. Санкт-Петербург.
Семиотика 1983 – *Семиотика (сборник переводов под ред. Ю.С. Степанова)*. Москва: Изд-во «Радуга».
Rimbaud Arthur 1964 – *Oeuvres poétiques*. Paris.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОСТАВЛЕНИЯ УЧЕБНИКОВ ПО РКИ

Н.Г. Бобохидзе, А.А. Чикваидзе

Департамент славистики

государственного университета им. Ак. Церетели, Грузия

nb999@list.ru

В статье говорится об актуальных на сегодняшний день вопросах подготовки и подачи материалов по изучению русского языка как иностранного. Авторы приводят примеры современных учебников по РКИ и утверждают идею национально-ориентированных учебников, учитывающих особенности родного языка учащихся, возникающие проблемы и эффективный подбор материалов по русскому языку с учетом такого рода проблем. Совместно с латвийскими коллегами (Э. Архангельская, Л. Игнатьева), авторами составлен первый учебник, точнее целый учебно-методический комплект по РКИ для грузинских школьников уровня А1, предлагающий изучение русского языка с учетом фонетики и грамматики родного языка.

Ключевые слова: РКИ, национально-ориентированный учебник, учебно-методический комплект

На первый план образования во всем мире сегодня вышел английский язык. Не стоит говорить о приоритетах и спорить – мировой рынок диктует свои условия. Поэтому во всех школах Грузии с первого класса безальтернативно изучается английский. Русский язык, еще недавно не воспринимавшийся населением как иностранный, отошел в сторону и занял позицию второго иностранного языка, конкурируя с немецким и французским. Таким образом, возрастание коммуникативной потребности в английском привело русский язык к утрате своей позиции. В данной ситуации встает вопрос о способах повышения мотивации изучения русского языка при выборе второго иностранного языка в школе, а затем в вузе. Вопрос этот связан с коммуникативной потребностью и перспективой контактов. Безусловно, чем больше будет потребность, тем устойчивее коммуникативная установка. Рост туризма в Грузии в последние годы создал благоприятную ситуацию. Кроме этого, обзор интернет-сайтов Грузии, представляющих вакансии в разных сферах экономики и сервиса, показывает, что наибольшая потребность для работодателей состоит в свободном владении английским и русским языками. Вопрос изучения русского уже перерастает в проблему: стремительно развивающийся туристический бизнес требует создания своего интеллектуального рынка. Наиболее востребованная форма – бизнес-русский или русский язык для отраслевых направлений (экономистов, юристов и т. д.). Кроме этого, конечно же, необходим разговорный русский язык.

Популяризация культуры и языка – важнейший фактор для перспективного развития коммуникативных потребностей в русском языке. А знание языка и культуры – залог укрепления будущих дружеских взаимоотношений между народами. Но при обучении разговорному языку мы сталкиваемся с некоторыми большими проблемами – учебников, например. Надо сказать, что за последние годы появилось такое количество новых учебников, учебных комплексов по изучению русского языка, что кажется практически невозможной такая постановка вопроса, как проблема учебников. И тем не менее это так. У нас имеются прекрасные учебники базового и продвинутого уровней изучения русского языка, изданные в России (*Дорога в Россию, Давайте говорить по-русски, Поехали, Лестница* и др.), но нет ни одного учебника элементарного уровня, который можно было бы назвать действительно удачным. В чем проблема? Во-первых, в количестве часов, отводимых авторами на изучение языка: нереально большое (*Дорога в Россию*) или мизерное (*Начинаем читать по-русски, Приключения Лены и Миши*). Более того, некоторые учебники (*Дорога в Россию*, например) вообще предполагают пребывание в языковой среде на время изучения языка. Во-вторых, надо заметить, что недостает адаптированных текстов, особенно художественных, и преподавателям приходится составлять свои тексты либо собирать из разных источников. Это очень неудобный вариант, в особенности для студентов из Азии, предпочитающих получать сведения из одного источника, а не из нескольких. В-третьих, необходимы сопровождающие учебные пособия диски, на которых не один и не два чтеца будут передавать диалоги, а желательно, чтобы голосов было несколько, да еще и с разными диалектными особенностями (мягкий южный вариант русского языка или окающее северное наречие), – так, как это дается в учебниках по изучению английского языка. Педагогические системы в разных культурах, как правило, не совпадают. Еще К. Д. Ушинский отмечал: «Немец, англичанин, француз, американец требуют от воспитания не одного и того же, и под именем воспитания заключаются у каждого народа различные понятия.... У каждого народа своя собственная система воспитания, а поэтому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным» [Ушинский 1953:2]. Мнение К. Д. Ушинского остается справедливым и по отношению к изучению иностранных языков и русского языка, в частности.

Поэтому, хороший учебник по русскому языку – учебник, написанный именно для китайцев, грузин, японцев, англичан и т.д., изучающих русский язык, то есть учитывающий специфику грамматики и фонетики родного языка учащегося.

Так, при обучении русскому языку в грузинской аудитории, наблюдаются особые сложности, обусловленные тем, что русский и грузинский языки относятся не просто к разным языковым группам, но и к разным языковым семьям. Это обуславливает

значительные отличия между двумя языками на всех лингвистических уровнях. В то же время анализ морфологических систем русского и грузинского языков позволяет найти и что-то общее, схожее: одинаковый перечень частей речи, тождественная система членов предложения и некоторые другие. Для наилучшего усвоения русского языка грузинскими учащимися преподаватели должны измерять степень «похожести» языков, умело использовать прием сопоставления терминов и создавать ориентировочную основу «как в родном языке». Использование такого рода приемов должно облегчить усвоение пройденного материала и улучшить запоминание несходных и сложных явлений в изучаемом языке по отношению к родному. Хотя есть темы особенно сложные для грузинских учащихся. Это, к примеру, объяснение категории рода; в грузинском языке, как и в английском, нет понятия рода, и если в английском есть местоимения *he – он, she – она*, то в грузинском и таковых не имеется. Приходится прибегать к особым пояснениям и множественным упражнениям, чтобы закрепить это правило в памяти учащихся. Необходимо максимально использовать предыдущий лингвистический опыт учащихся, чтобы овладение новым языком проходило в соответствии с лингвистическим опытом овладения родным языком. Принимая во внимание тот факт, что русский язык учащиеся – школьники в Грузии начинают изучать в 5 классе, такой подход кажется нам вполне оправданным.

С учетом всего вышесказанного и проводилась работа по составлению учебника для грузинских школьников уровня А1. За основу мы взяли уже существующий учебно-методический комплекс наших латвийских коллег Э. Архангельской и Л. Игнатьевой «Просто по-русски». Это национально-ориентированный учебник, предлагающий изучение русского языка с учетом фонетики и грамматики родного языка. При этом содержание учебника – разговорные ситуации, позволяющие достаточно легко овладеть элементарной разговорной речью. Поскольку первая книга рассчитана на начинающих, в ней нет переагруженности грамматическим материалом, что кажется нам также важным: учащиеся начинают изучать русский язык в достаточно простой игровой форме.

При обучении русскому языку в нерусской аудитории преподаватели наблюдают особые сложности, обусловленные проникновением элементов языковой системы и речевых навыков родного языка в изучаемый (русский). Там, где присутствует совпадение каких-либо явлений, происходит процесс транспозиции, который облегчает усвоение материала и способствует закреплению навыков разговорной речи. Ну а там, где такое совпадение отсутствует, родной язык старается «подавить» изучаемый (русский), то есть происходит процесс интерференции. Множество работ по методике изучения иностранного языка в наше время рассматривает проблему взаимодействия языков с точки зрения поиска путей

устранения интерферирующего влияния родного языка на изучаемый. При этом общепринято мнение о том, что знание первого языка имеет позитивное влияние при изучении второго. Учет такого процесса транспозиции может указывать пути к облегчению усвоения учащимися второго языка. Необходимо заранее определить, что и как именно должно быть теоретически осмысленно преподавателем и представлено учащимся. Актуальность специальных исследований о возможных путях использования языкового сходства и процесса переноса обусловлена также тем, что прогнозирование возникновения или невозникновения переноса может оказаться ошибочным, так как процесс его очень сложен и зависит от целого ряда лингвистических и психологических факторов, равно как и от возрастных и индивидуальных особенностей учащихся и от каждого отдельного конкретного уровня владения речью. Так, исследуя пути обучения второму языку, А.А. Леонтьев делает вывод, «что оптимальным путем будет, видимо, следующий: построить такой алгоритм осознания грамматической структуры родного языка, который мог бы быть в дальнейшем автоматизирован и перенесен на иностранный» [Леонтьев 1981:21]. В учебнике «Просто по-русски. Наши первые диалоги» материал предлагается на «пересечении» с родным языком: задания «Сравните», «Переведите», приводится большое количество заимствованных из русского языка слов – все это делает предлагаемый материал доступным и быстроусвояемым.

Многие методисты считают, что первый уровень индивидуализации – это приспособление техники обучения к общенациональной языковой тактике овладения языком, т. е. учет национальных особенностей каждой конкретной группы. Уже с первых дней обучения необходимо учитывать различия в усвоении учащимися русского произношения. Фонетический минимум, который должны усвоить учащиеся, общий, но пути овладения им различны. Этот минимум служит материалом, который подлежит специальной обработке для той или иной национальной аудитории. Преподаватель должен, прежде всего, выявить те факты, которые наиболее трудно усваиваются носителями другого конкретного языка, т.е. определить сквозные фонетические темы, а затем разработать на их основе индивидуализированные учебные задания. К примеру, для грузинских учащихся невероятно сложными являются буквы «я», «ю», «ь», «щ», «ы» и выражаемые ими звуки, и предложение-скороговорка «Мама мыла мылом Милу» на начальном этапе просто невозможно произнести. Тексты, предлагаемые иностранным учащимся, должны иметь практическое применение. Это также было учтено при составлении учебника: большое внимание в первой книге уделяется именно фонетике русского языка, приведено большое количество упражнений, позволяющих усвоить непростое произношение.

Для изучения русского языка иностранцами не годятся учебники для русской школы, поскольку её ученики уже владеют русским языком в его устной форме как родным. Учить грамматическим правилам иностранца, который не понимает ни смысла слов, ни зачем нужны эти порою нудные правила, и к тому же не владеет грамматическим строем языка, заканчивается, в лучшем случае, вызубриванием не применяемых в дальнейшем правил, а в худшем – отказом от занятий и дальнейшей неприязнью к языку. Поскольку обучение – это двусторонний процесс, в котором участвуют преподаватель и учащийся, задача преподавателей русского языка как иностранного состоит в том, чтобы, учитывая сложившуюся ситуацию, сделать изучение русского языка в максимальной степени эффективным, используя современные методы. Учебник «Просто по-русски» сопровождает тетрадь для учащихся, книга для учителя и диск, позволяющий учащимся не только слушать данные в первой книге тексты, но и выполнять несложные задания, то есть развивать навыки слушания и говорения.

Учет национальных особенностей учащихся способствует поддержанию стойкого интереса иностранцев к изучению русского языка, помогает преподавателям выбрать оптимальный способ презентации нового материала, эффективный путь работы над сложными случаями русского языка, разработать и реализовать методы и приемы предвидения и коррекции типичных трудностей и ошибок.

Литература

- Леонтьев А. А. 1981 – *Основы обучения устной иноязычной речи*. Москва.
Ушинский К. Д. 1953 – *Избранные педагогические сочинения в 2-х тт.* Т. 1., Москва: Изд-во МП РСФСР. С. 55 – 136.

ПЕРЕВОД КАК «МАЛЕНЬКАЯ СВОБОДА»: ПОЭЗИЯ Э. КЕСТНЕРА
В ПЕРЕВОДЕ Е.Г. ЭТКИНДА

Ж.И. Бормане

Балтийская международная академия, Латвия

zanna_bormane@yahoo.de

В статье рассматриваются переводы поэзии Эриха Кестнера, представителя течения «лирики для всеобщего употребления», использовавшего в своих стихах повседневную лексику и ориентировавшегося на злободневные сюжеты, выполненные известным теоретиком перевода и одновременно переводчиком-практиком Е.Г. Эткиндром с немецкого языка на русский. Для того чтобы сохранить для русского читателя особенности поэтики Кестнера, переводчик использует определенные языковые и художественные средства, среди которых особенно обращают на себя внимание стилистически сниженная лексика, метафоризация, фразеологизация, а также особая роль обращений.

Ключевые слова: художественный перевод, немецкий язык, русский язык, Кестнер, Эткинд

Ефим Григорьевич Эткинд (1918–1999) – известный теоретик перевода, автор более 500 научных работ в области романской и германской филологии, стилистики и художественного перевода. Одновременно с этим он является и переводчиком-практиком, переведившим европейскую поэзию. К.И. Чуковский, которого Е.Г. Эткинд считал одним из своих учителей, так отзывался в своем письме о переводе поэзии Э. Кестнера: «... я потрясен Вашим переводом Эриха Кестнера... Теперь, когда я прочитал «Пониже спину гни», «Генерал», «Ты знаешь край», «Рождественская песенка», «Тень отца Гамлета» – всюду меня поразила страстная энергия гневного слова и виртуозность словесных дел мастера. Если мне когда-нибудь удастся подготовить к печати новое издание «Принципов художественного перевода» ..., там я отмечу этот редкий случай: один из сильнейших теоретиков перевода оказался столь же замечательным практиком...» [Эткинд 1998:14].

Рассматриваемые в статье переводы Е.Г. Эткинда включены в изданную автором двуязычную обратную антологию немецкой поэзии *Маленькая свобода* [Эткинд 1998] и являются, по словам Е.А. Кацевой, своего рода подведением предварительных итогов переводчика, теоретика перевода и литературоведа Е.Г. Эткинда к своему юбилею [Кацева 1999]. Почти все переводы, включенные в данную антологию, возникли в десятилетие между 1955 и 1965 годами, в «золотой век» поэтического перевода [Эткинд 1998:548]. *Маленькая свобода* – это название сборника Эриха Кестнера, вышедшего в Москве в 1962 году. «Так

может называться и вся наша переводческая деятельность той глухой поры», – отмечает Е.Г. Эткинд [там же].

Как теоретик поэтического перевода Е.Г. Эткинд считал, что в основу эстетики поэтического перевода следует положить принцип, сформулированный В. Брюсовым, который указывал на различные составные элементы стихотворного произведения, «сочетание которых и воплощает более или менее полно чувство и поэтическую идею художника, – таковы: стиль языка, образы, размер и рифма, движение стиха, игра слогов и звуков» [Брюсов 1955:188–189]. Воспроизвести при переводе стихотворения все эти элементы полно и точно невозможно. Переводчик обычно стремится передать лишь один или в лучшем случае два (как правило, образы и размер), изменив другие. Выбор этого элемента, который считаешь наиболее важным в переводимом произведении, составляет метод перевода [Эткинд 1963:42].

Эрих Кестнер (1899–1974) – немецкий писатель, сценарист и кабаретист. Свою популярность в Германии он завоевал благодаря полным юмора произведениям для детей и поэзии на злободневные темы. «Наставник нации», глубоко уважаемый читающей публикой и вызывающий споры в кругу собратьев по перу – такую уже испытанную временем характеристику получает Кестнер в канун столетнего юбилея [Stolle 1998].

Наряду с Б. Брехтом, К. Тухольским и др. Кестнер был представителем течения «лирики для всеобщего употребления» (Gebrauchslirik) [Remo 2006:38]. Это направление в немецкой литературе (1918–1933), возникшее в период Веймарской республики и закончившееся с установлением в Германии фашистской диктатуры. «Подчеркнуто трезвое и реалистическое, холодно-дистанцированное от наблюдаемого объекта, оно использовало повседневную лексику и ориентировалось на злободневные сюжеты» [Науйокс 2011].

В переводах поэзии Кестнера, выполненных Е. Эткингом, четко прослеживается стремление переводчика сохранить для русского читателя эту особенность поэтики Кестнера. Для достижения данной цели переводчик пользуется определенными языковыми и художественными средствами, среди которых особенно обращают на себя внимание стилистически сниженная лексика, метафоризация, фразеологизация, а также особая роль обращений. Рассмотрим подробнее каждую из групп.

Разговорная и стилистически сниженная лексика

Использование повседневной лексики, как отмечалось, составляет одну из центральных особенностей поэтики Кестнера. Можно сказать, что в своих переводах Е.Г. Эткинд подчеркнуто акцентирует эту особенность, поэтому можно отметить такие переводные контексты, где вместо нейтральной лексики оригинала используется стилистически сниженная лексика (таблица 1).

Таблица 1. Использование в переводе стилистически сниженной лексики

Е.Кästner	Е.Г. Эткинд
1. <i>Man würde uns nach Noten zähmen Wie einen wilden Völkerstamm.</i> (‘Нас укрощали бы по нотам как дикое племя’)	<i>Нами командовал бы <u>балда</u>, какой-нибудь юнкер жирный.</i>
2. <i>...wer könne denn wirklich wissen, was später Aus einem anfangs ganz reizenden Kinde wird?</i> (‘Кто же может действительно знать, что получится из поначалу столь прелестного ребенка?’)	<i>Никто из нас не верит в хиромантию, А как узнать – вдруг вырастет <u>дурак</u>?</i>
3. <i>Dann brachte er ganz feierlich Einen Spiegel und zeigte mir den...</i> (‘потом он очень торжественно принес мне зеркало и показал мне его’)	<i>Потом он зеркало <u>принер</u> В награду мне за старанье...</i>
4. <i>Sie sägten ihm noch drei Rippen ab. Dann war er endlich tot.</i> (‘Они отпилили ему еще три ребра. Тогда он наконец умер’)	<i>Ему отпилили четыре ребра, В результате чего он <u>помер</u>.</i>
5. <i>Du sollst nicht fragen, was die andren täten! Im übrigen: die andren tun es auch.</i> (‘Тебе не следует спрашивать, что сделали бы другие. Вообще-то, другие тоже так делают’)	<i>Ты к этому привыкнуть должен смладу, Затем что так любая <u>тварь</u> живет.</i>
6. <i>Tief! Tiefer! Auf die Knie mit deiner Nase! Das Vaterland erwartet, daß du’s lernst.</i> (‘Низко, ниже! Нос к коленям! Отчизна ждет, что ты этому научишься’)	<i>Пониже, эй, пониже! В землю <u>мордой!</u> Отчизна ждет, - пониже! Носом в грязь!</i>
7. <i>... Freu dich an die Farben, Die man dir kunstvoll in die Rippen schlug!</i> (‘Радуйся тем цветам, которые тебе искусно вбили в ребра!’)	<i>Гордимся синяками мы недаром – Нам украшают <u>задницу</u> они.</i>
8. <i>Die Kinder kommen dort mit kleinen Sporen Und mit gezognem Scheitel auf die Welt.</i> (‘Дети там появляются на свет с маленькими шпорами и с готовым пробором волос’)	<i>Там <u>сосунок</u> позвякивает шпорой, Там размышляющий всегда неправ.</i>
9. <i>Schade war nur, daß sich Gustav Renner, Wenn er Geld besaß, enorm betrank.</i> (‘Жаль было только, что Густав Реннер, когда имел деньги, ужасно напивался’)	<i>Только вот досада – по субботам Реннер напивается как <u>скот</u>.</i>

10. *Ein Mann, der einen Selbstmord unternahm* Он принял яд, когда вдруг осознал,
Und den man rettete, als er schon schlief, Что все существование – дерьмо.
Schrieb, als er schließlich wieder zu sich kam, Его спасли. Тогда он написал
Den Brief. Письмо.
 ('Мужчина, который совершил самоубийство и которого спасли, когда он уже спал, написал письмо, когда наконец пришел в себя')

Использование разговорной (*дурак*) и просторечной лексики (*припереть, помереть, тварь*), которая, вдобавок, согласно словарным данным, обладает дополнительными стилистическими характеристиками, выраженными словарными пометами «бранное» (*балда*), «грубое» (*задница, морда*), «пренебрежительно» (*сосунок*), «презрительно» (*скот*), «вульгарно» (*дерьмо*) [СРЯ 1999; Мокиенко, Никитина 2008], отражает поэтику оригинала и выполняет отчасти компенсаторную задачу – восполняет неизбежные в поэтическом переводе стилистические потери. Кроме того, выбор лексемы может определяться или подсказываться необходимой рифмой (пример 10). Переводчик решает сохранить сильную позицию слова *письмо* (нем. *Brief*) в своем тексте, т.к. осознает его значимость для всего художественного целого. Это предопределяет выбор рифмующего слова (*дерьмо*).

Метафоризация, смена метафоры или образа

Метафора – самый распространенный и значимый троп, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений [Матвеева 2010: 206]. Под метафоризацией мы будем понимать использование в переводе метафоры вместо неметафорического выражения оригинала. Поскольку основной функцией метафоры в языке является образная характеристика действительности, в этой же группе будут рассмотрены и примеры смены метафоры или образа, что в широком смысле тоже можно понимать как метафоризацию перевода. Выявленные случаи метафоризации представлены в таблице 2.

Таблица 2. Метафоризация в переводе

E.Kästner	E.Г. Эткинд
1. <i>Der Staat braucht Kinder als Konserven.</i> <i>Und Blut schmeckt ihm wie Himbeersaft.</i>	<i>Государство любит иметь приплод</i> <i>И под кровь мясную закуску.</i>
2. <i>Der Leuchtschirm war seine Staffelei.</i> <i>Ich stand vor Ergriffenheit stramm.</i> <i>Er zeichnete eifrig und sagte, das sei</i> <i>Mein Orthodiagramm.</i>	<i>Он взором пронзал и мышцы, и жир,</i> <i>Он видел насквозь, как маги.</i> <i>Потом начертал мой внутренний мир</i> <i>Карандашом на бумаге.</i>

<p>3. <i>Dann brachte er ganz feierlich
Einen Spiegel und zeigte mir den...
Und sprach: „In dem Spiegel können Sie sich
Ihr Wurzelwerk anehen.“</i></p>	<p><i>Потом он зеркало прунер
В награду мне за старанье,
Промолвив: «Вот он, ваш мотор
Внутреннего сгорания».</i></p>
<p>4. <i>Und zwischen den Rippen schlug sonderbar
Ein schattenhaftes Gewächs.
Das war mein Herz! Es glich aufs Haar
Einem zuckenden Tintenklecks.</i></p>	<p><i>«А что там скачет в глубине
Лягушкой у колодца?»
Профессор объясняет мне:
«А это сердце бьется».</i></p>
<p>5. <i>Wir sitzen alle im gleichen Zug
Und reisen quer durch die Zeit.
Wir sehen hinaus. Wir sahen genug.
Wir fahren alle im gleichen Zug.
Und keiner weiß, wie weit.</i></p>	<p><i>Все едут в поезде одном -
Бедняк и воротила.
Мелькают годы за окном,
Мы едем в поезде одном
До станции Могила.</i></p>
<p>6. <i>Wir sehen hinaus. Wir sahen genug.
Wir sitzen alle im gleichen Zug.
Und viele im falschen Coupé.</i></p>	<p><i>Мелькают годы за окном,
Все едут в поезде одном
Воронам на съеденье.</i></p>

При переводе стихотворения *Die andere Möglichkeit (Если бы...)* в тексте Е.Г. Эткинда исчезают сравнения *Der Staat braucht Kinder als Konserven* ('государству нужны дети как консервы') и *Blut wie Himbeersaft* ('кровь как малиновый сок'), но вместо этого возникает новый образ *Государство любит ...под кровь мясную закуску* (пример 1). *Мясная закуска* – это, конечно, вполне адекватная замена слова *консервы*. Но здесь образ приобретает дополнительные смыслы и дополнительную экспрессию, потому что выражение *мясная закуска* порождает в данном контексте ассоциации с фразеологизмом *пушечное мясо*.

Примеры 2, 3, 4 взяты из стихотворения *Das Herz im Spiegel (Сердце в зеркале)*, в котором лирический герой посещает врача и рассматривает рентгеновский снимок собственного сердца. Пример 2 демонстрирует метафору *начертал мой внутренний мир карандашом на бумаге*, которая привносит в текст перевода дополнительную экспрессию, т.к. оригинальный контекст нейтрален и даже официален, благодаря использованию медицинского термина: *zeichnete ...mein Orthodiagramm* 'нарисовал мою ортодиаграмму'. Использование выражения *внутренний мир* (которое обычно используется для характеристики душевного склада, склонностей человека) для описания рентгеновского снимка, выражает ироничное восприятие лирическим героем своего физического, материального «я». Ту же иронию наблюдаем и в примере 4: сердце *скачет лягушкой у колодца* (в оригинале *schlug sonderbar ein schattenhaftes Gewächs* 'странно стучал какой-то нечеткий нарост'). Разочарование от увиденного, которое наиболее четко предстает в последних строфах (нем. *Das war mein Herz, das dir gehört, geliebte Hildegard?* – рус. *Вот эту дрянь у ног твоих / Я положил, Елена?*) говорит об истинном отношении лирического героя к

своему сердцу. Метафора *мотор внутреннего сгорания* (пример 3) вместо оригинального *Wurzelwerk* ‘корни, корневая система’ свидетельствует о том, что для лирического героя его сердце – это отражение его внутренней сущности (о том же говорит и метафора *внутренний мир*). И хотя *мотор внутреннего сгорания* – это терминологическая номинация, в стихотворении актуализируются значения каждого отдельного слова (*внутренний* – имеющий отношение к внутреннему миру, к личности, *сгорание* – здесь: метафора быстротечной жизни).

Примеры 5 и 6 из стихотворения *Das Eisenbahngleichnis* (*Железнодорожная метафора*) представляют центральную метафору этого текста, которая разворачивается на протяжении всего произведения: жизнь как путешествие на поезде. Но в русском переводе обращает на себя внимание конкретизация метафоры оригинала: нем. *Wir sitzen alle im gleichen Zug* (‘Мы все сидим в одном поезде’) – рус. *Все едут в поезде одном – / Бедняк и воронила*. Нем. *Alle* ‘все’ в тексте Кестнера – это очень широкое понятие, в переводе значение сужается до богатых и бедных. Вероятно, такая интерпретация возникла у переводчика под влиянием других стихов Кестнера, а также под влиянием шестой строфы данного стихотворения, в которой показано, что первый класс почти пустой, а большинство едет на деревянных лавках. Конкретизация метафоры происходит и в обозначении конечного пункта следования поезда: нем. *Und keiner weiß, wie weit* (‘И никто не знает, как далеко’) – рус. *до станции Могила или воронам на съеденье*. Кроме того, в переводе исчезает другой фрагмент «железнодорожной метафоры», который есть в стихотворении Кестнера: многие едут не в своей купе (*Und viele im falschen Coupé*), т.е. занимаются в жизни не тем, находятся не на своем месте. В русском переводе наиболее значимым оказывается не этот аспект, а неизбежность смертельного финала.

Фразеологизация

Под фразеологизацией мы будем понимать использование в переводе фразеологизма вместо нефразеологического выражения оригинала. Хотя образность и не является обязательной чертой фразеологизма, среди них много образных. То же можно сказать и о фразеологизмах, использованных Е. Эткингом в переводе (таблица 3).

Таблица 3. Фразеологизация в переводе

Е. Kästner	Е.Г. Эткинд
1. <i>Dann wäre Deutschland nicht zu retten Und gliche einem Irrenhaus.</i>	<i>Нам бы вовек не спасти страну, Ставиую <u>желтым домом</u>.</i>
2. <i>Oder es sei musikalisch! Das gäbe nur Zank, Falls seine Eltern nichts von Musik verständen.</i>	<i>Какой позор: ваш сын увлекся нотами, А вам <u>на ухо наступил медведь!</u></i>
3. <i>Er schwieg. Er war zum Schreien zu schwach. Doch sterben tat er noch nicht.</i>	<i>Фриц, обессилев, уже не кричит, Но <u>душу не отдал Богу</u>.</i>

4.	<i>Und wenn sie euch den Lohn entzögen...</i>	<i>И если в <u>рог</u> тебя согнули...</i>
5.	<i>Und wenn sie euch noch tiefer stießen
Und würfen Steine hinterher!</i>	<i>И если б из тебя <u>веревки</u>
<u>Свивали</u>, черт их подери ...</i>
6.	<i>Wir wollen endlich unsre eigne Aussicht haben
Und Platz für unsren Blick.</i>	<i>Мы собственную испытываем силу
И будем жить <u>на свой салтык</u>.</i>
7.	<i>Beginnt ein Anfang? Stehen wir am Ende?
Wir lachen hunderttausend Rätseln ins Gesicht.</i>	<i>Падут ли наши загнанные кони?
А может быть, <u>закусят удила</u>?</i>

Помимо создания образности, фразеологизмы способствуют также разговорной стилистической ориентации перевода, т.к. исконная фразеология носит по большей части разговорный и просторечный характер (ср.: *на свой салтык*, *закусить удила*, *медведь на ухо наступил*). Использование фразеологизма *закусить удила* приводит к созданию в переводе нового образа, т.к. происходит столкновение прямого и переносного значения, благодаря использованию в одном контексте выражений *загнанные кони* и *закусить удила*. Фразеологизмы *желтый дом*, *отдавать богу душу* являются устаревшими [Молотков 1968: 143, 301] и позволяют тем самым стилизовать текст во временном отношении, т.к. рассматриваемые в статье стихи Кестнера, в том числе и стихотворение *Die andere Möglichkeit*, в котором используются эти фразеологизмы, написаны в 30е годы 20 века.

Использование обращений

Обращение – это обозначение лица или другого живого существа, к которому обращена речь [Матвеева 2010:250]. Для нашего анализа важно отметить, что обращение связано с эмоционально-волевой сферой человека, часто сочетается с побудительными формами глагола, а в поэтическом тексте часто используется в качестве фигуры речи, усиливающей эмоциональность поэтического высказывания [там же: 250–251]. В рассмотренных переводах можно выделить несколько контекстов, где переводчик, в отличие от автора оригинала, прибегает к использованию обращений (таблица 4).

Таблица 4. Использование обращений в переводе

	Е.Кästner	Е.Г. Эткинд
1.	<i>So bück dich, <u>Mensch!</u></i>	<i>Нагнись, <u>дружище!</u></i>
2.	<i>Sei guten Muts! Es ist nicht deine Schuld.</i>	<i>Учись, <u>браток</u>, пониже гнуть хребет.</i>
3.	<i>Der eine tritt – wie die Erfahrung lehrt –, Damit ein anderer getreten werde.</i>	<i>Что делать, <u>братец</u>, в этом жизни суть: Гни спину перед вышшими...</i>
4.	<i>Ihr sollt nicht denken, wenn ihr sprecht!</i>	<i>Не вздумай думать, <u>старина!</u></i>
5.	<i>Weitergehen! Das Gewimmel Hat doch wirklich keinen Sinn.</i>	<i>Нечего смотреть, <u>зеваки</u>. Кто-то умер – не беда!</i>
6.	<i>Sie wollten Streit. Und uns gab man die Prügel.</i>	<i>Вы дрались, <u>папы</u>. Нам попало втрое</i>

Примеры 1, 2, 3 взяты из стихотворения *Die Tretmühle* (*Пониже спину гни!*). Но если в примере 1 обращение присутствует как в оригинале (*Mensch!*), так и в переводе (*дружище!*), то в примерах 2 и 3 обращение есть только в переводе. Слово *Tretmühle* ‘ступенчатое колесо’, использованное в качестве заголовка стихотворения, символизирует беспросветную жизнь простого народа, цель существования которого в том, чтобы гнуть спину (ср.: *die Tretmühle treten* ‘тянуть ляжку’, *in der Tretmühle sein* ‘крутиться как белка в колесе’). При помощи обращений (*браток, братец*) лирический герой солидаризируется с простыми людьми, и энергия гневного слова оказывается направленной в другую сторону – на тех «высших», перед которыми приходится гнуть спину. В примере 4 видим обращение (*старина!*) в той же функции – выражения солидаризации лирического героя с бедняком (немецкое название стихотворения *Knigge für Unbemittelte* Е.Г. Эткинд переводит как *Заповеди для бедняка*). Стилистический эффект усиливается еще и игрой слов (*не вздумай думать*), возникающей за счет столкновения разных значений однокоренных слов (*не вздумай* ‘не смей’ + *думать* ‘размышлять’). В примерах 5 и 6 обращения служат противоположной цели – лирический герой дистанцируется от тех, к кому обращается. Пример 5 взят из стихотворения *Gedanken beim Überfahrenwerden* (*Размышления при попадании под автобус*), в котором лирический герой находится в «процессе попадания под автобус», его мысли путаются – он вспоминает, во что он одет, куда собирался пойти вечером, кто живет здесь неподалеку, как отреагируют его родные на то, что он умер и т.п. Глазеющие зеваки – это постороннее, мешающее в тот момент, когда перед глазами проносится вся жизнь. Та же идея противопоставления выражается обращением в примере 6, здесь она ощущается более явственно, т.к. противопоставление поколения отцов поколению детей – основная линия стихотворения *Elegie mit Ei* (*Элегия*). Дети, «ничего дурного не содеяв», несут ответственность за поколение воевавших отцов (речь идет о Первой мировой войне).

Практикам перевода хорошо известно, что установка на дословную точность перевода не всегда совместима с установкой на точность смысловую. При этом, как заметил К.И. Чуковский, во всяком мастерстве, в том числе и мастерстве перевода, неминуемо отражается мастер [Чуковский 1936:41]. «Энергия гневного слова» в переводах Е.Г. Эткинда – это, с одной стороны, – передача особенностей поэтики Кестнера, а с другой – это отражение той «маленькой свободы» русского переводчика в 50-60-е годы в условиях большой несвободы пишущего, с которой сам Эткинд неоднократно сталкивался и из-за которой был в конечном итоге выслан из страны.

Литература

- Брюсов В.Я. 1955 – *Избранные сочинения в двух томах*. Том 2. Москва.
 Кацева Е. 1999 – Ефим Эткинд. Маленькая свобода. Двадцать пять немецких поэтов за пять веков. *Знамя*. № 2. [Online] <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/2/kaceva.html> (9.01.2016)

- Матвеева Т.В. 2010 – *Полный словарь лингвистических терминов*. Ростов-на-Дону.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 2008 – *Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь*. Москва.
- Молотков А.И. 1968 – *Фразеологический словарь русского языка*. Москва.
- Науйокс М. 2011 – Немецкое кабаре 20-30-х годов. *Иностранная литература*. № 2. [Online] <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/2/na10.html> (9.01.2016)
- СРЯ 1999 – *Словарь русского языка в четырех томах*. Москва.
- Чуковский К.И. 1936 – *Искусство перевода*. Москва, Ленинград.
- Эткинд Е.Г. 1998 – *Маленькая свобода. Двадцать пять немецких поэтов за пять веков*. Санкт-Петербург.
- Эткинд Е.Г. 1963 – *Поэзия и перевод*. Москва, Ленинград.
- Remo H. 2006 – *Gedichte zum Gebrauch. Die Lyrik Erich Kästners: Besichtigung, Beschreibung, Bewertung*. Würzburg.
- Stolle P. 1998 – Der ewige Muttertag. In: *Der Spiegel*. №46. [Online] <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-8031523.html> (9.01.2016)

КОМПЕНСАТОРЫ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПОЛЬСКИХ И РУССКИХ ВИРТУАЛЬНЫХ КОМПЛИМЕНТАХ

К. Бучек

Жешувский университет, Польша

k_t@poczta.onet.eu

В настоящее время интернет-пространство стало местом, в котором мы не только можем найти любую информацию, оформить разные дела, но также, а может быть, прежде всего – это место общения. Все время возникают новые коммуникаторы, социальные сети и блоги, в которых люди общаются друг с другом, иногда даже чаще чем в реальной жизни. Эта виртуальная действительность побуждает людей показывать себя, свою жизнь с лучшей стороны. Люди помещают фотографии, представляющие их дом, семью, новую машину, новую юбку, вкусный ужин в ресторане, фотографии со своих путешествий и т. д. Все они комментируются потребителями Интернета, большинство из этих комментариев можно рассматривать как речевой акт комплимента. В их структуру входят как лингвистические, так и паралингвистические средства. Целью настоящей статьи является выявить и охарактеризовать компенсаторы паралингвистических средств, употребляемых в польских и русских виртуальных комплиментах.

Ключевые слова: комплимент, интернет-сайты, компенсаторы паралингвистических средств, польский и русский языки

Экспрессивность, эмоциональность и спонтанность – это неотъемлемые составные комплиментов. В устной коммуникации для их выражения употребляются, кроме лингвистических, также паралингвистические средства как жест, мимика, интонация и другие. Они дополняют, усиливают сказанное, обогащают высказывание, расширяют контекст, помогают точнее раскрыть замысел адресанта.

Особого внимания заслуживают невербальные средства, употребляемые в комплиментах. Соотносительность высказывания с психологическим состоянием говорящего очень трудно оценить и выявить, а именно от намерения зависит, классифицируется высказывание как комплимент. Таким образом можно констатировать, что характер высказывания определяет намерение говорящего, а также ситуативный и словесный контекст. Раскрыть намерение говорящего помогают невербальные средства, сопровождающие высказывание. Паралингвистические средства рассматриваются, прежде всего, по отношению к устной речи. В последнее время, вместе с развитием Интернета большая часть межличностных отношений перешла в интернет-пространство. На чатах, коммуникаторах, блогах люди общаются друг с другом, иногда даже чаще, чем в реальной жизни. Письменная коммуникация лишена невербальных средств устного общения, но

возникают другие способы передачи эмоций, усиления перлокутивного эффекта, расширения контекста высказывания, которые являются существенной составной виртуальной коммуникации.

Предметом исследования является выявить и охарактеризовать эти компенсаторы паралингвистических средств, присутствующих в комплиментах, помещаемых на польских и русских интернет-сайтах.

Комплимент по Толковому словарю Ушакова [Ушаков 1940], – это *любезность, лестные слова, содержащие похвалу*; Словарь сексуальных терминов [http://www.medlinks.ru/dictionaries.php?dic=dicsex&dic_tid__=&dic_tid=1486&dic_ltr=%CA] характеризует комплимент как лестное высказывание, выражение похвалы или одобрения в адрес вызывающего симпатию объекта, а Толковый словарь под редакцией Ожегова и Шведовой – как *любезные, приятные слова, лестный отзыв* [Ожегов, Шведова: 1999].

К вышеприведенным дефинициям стоит добавить также более широкие определения комплимента. Как доказывают специалисты, суть комплимента составляет намерение. Итак, комплимент характеризуется как желание хвалить собеседника с целью доставить ему удовольствие. А. Вежбицкая представляет комплимент как последовательность простых предложений:

Я говорю: о тебе можно сказать что-то хорошее

По этой причине я чувствую восхищение тобой

Я говорю это, потому что я хочу сделать тебе приятно [Wierzbicka 1983:130]

Б. Драбик идет дальше и к пониманию комплимента А. Вежбицкой добавляет, что комплименты мы говорим не только для того, чтобы сделать приятно собеседнику. Лингвист убедительно доказывает, опираясь на психологические исследования, что от комплимента получает удовольствие как адресат, так и адресант. Она расширяет дефиницию А. Вежбицкой, добавляя еще одно предложение: Я говорю комплимент, потому что от этого я также получаю удовольствие [Drabik 2004:19]

Комплимент, как правило, должен быть направлен адресату, в ситуации, когда мы рассматриваем комплименты, помещаемые в интернет-пространстве, целесообразно подчеркнуть, что, с одной стороны, комплименты в Интернете направлены определенному адресату, однако, с другой стороны, адресант не в состоянии предвидеть, кто, кроме адресата, прочитает высказывание. Как замечает Б. Стигала-Стиллер, мы имеем дело с тремя участниками коммуникативного акта – отправителем, намеренным получателем и ненамеренным получателем [Ściagała-Stiller 2012:129]. Для речевого акта комплимента характерно употребление адресатных форм, индивидуализирующих получателя. В виртуальных комплиментах чаще всего в качестве адресатных форм выступают *ники* –

псевдонимы, которые пользователи Интернета употребляют вместо имени и фамилии. Они позволяют им сохранить анонимность.

Комплименты, как правило, насыщены эмоциями, но эти эмоции по-разному проявляются в обоих языках. В интернет-высказываниях, в том числе в помещаемых на сайтах комплиментах, эмоции проявляются не только в языковом плане, но также с помощью других – неязыковых приемов.

В настоящей работе приводится характеристика компенсаторных экстралингвистических средств, употребляемых в польских и русских комплиментах, помещаемых на интернет-сайтах.

Учитывая некоторые факторы, коммуникация в интернет-пространстве приближается к устной коммуникации, но можно выделить также такие ее особенности, которые чаще наблюдаются в виртуальном пространстве, или такие, которые свойственны только интернет-дискурсу. Главная разница заключается в отсутствии паралингвистических средств в виртуальном высказывании. Этот пробел заполняется, со временем возникла система общепринятых знаков, которые заменяют паралингвистические компоненты речи. К таким паралингвистическим средствами письменной коммуникации принадлежат «средства для передачи информации без использования слов в качестве системы кодирования. Набор таких средств не является жестко фиксированным и может варьироваться в зависимости от характера конкретного текста» [Мосцевенко 2010:192].

Паралингвистические (параграфемные) средства определяются как средства, существующие около графемной системы языка, сопровождающие вербальную речь и служащие для выражения различных коннотаций [Мосцевенко 2010:192].

Наиболее распространенные компенсаторы паралингвистических средств, которые появились в исследуемом материале – это графические средства для передачи кинестетических компонентов коммуникации: жестов, мимики, типа избираемой позы, взгляда [Мосцевенко 2010:192]. В русском языке употребляются названия – смайлики или эмотиконы – это эмограммы, способ записи эмоций в посланиях электронной почты с помощью ASCII символов [<http://www.morepc.ru/dict/>]. Эти символы напоминают человеческое лицо, на котором отображены определенные эмоции, с одной стороны, они заменяют лексику, с другой, – то, что в устной коммуникации определяется как невербальные средства – жест, мимику, смех и тому подобные. Например:

- [1] *Hihhi ;) Koronki są rewelacyjne *.* dodają lekkości i kobiecości ;)*
- [2] *Super pozytywna zmiana;-)*
- [3] *нет слов...очень ты:)*
- [4] *Очень-очень здорово:))))))*
- [5] *Красотаааа :)*

Для отражения чувств помимо эмотиконов используются также звукоподражательные слова. В устной коммуникации это разного типа «охи и вздохи», выражающие наслаждение, восхищение и т. д., например, на письме употребляются различные междометия:

[37] *Ahhhh jak patrze na te fotki, to normalnie chcem wyjść za mąż juz !!*

[38] *ech... slicznie*

[39] *lewa-prawa,lewa-prawa,lewa-prawa,lewa-prawa,lewa-prawa,lewa-prawa, hmmm... niewiem... ładniej z lewej... prawej nie wiem i tak i tak...xD*

[40] *Классс!!! Наташа, какие вы классные! Такие счастливые.... такие... ммммм... обожаю смотреть фото со свадьбы...*

[41] *Вау!!! Роскошна)))*

Интернет-дискурсу свойственная тенденция к экономности высказывания, мысленные сокращения, которые проявляются также в использовании акронимов. Этот прием не наблюдается в устной коммуникации. Акронимы, с одной стороны, сокращают время написания высказывания, одновременно они расширяют его, привлекают внимание и вызывают интерес. Для комплиментов характерны следующие акронимы:

Mbsz – moim bardzo skromnym zdaniem (по моему скромному мнению); *Змай – trzymaj* (игра слов – держи); *Pzdr – pozdrawiam* (приветствую, с приветом); *Ох – очень хорошо*; *МТД – молодец! так держать*; *Пмсм – по моему скромному мнению*; *ОС – очень смешно*; *Imho – in my humble opinion* (по моему скромному мнению); *OMG – oh my Good!* (Боже мой!).

Ниже приводятся высказывания, в которых появились описываемые акронимы:

[42] *Mbsz bardzo dobry kadr i ujęcie fajne.*

[43] *Jesteś niesamowita, Змай tak dalej,*

[44] *Fajnie wyglądasz...pzdr!*

[45] *вау! ты как всегда **выглядишь** просто.. – ох*

[46] *Это было просто **классно**))) МТД*

[47] *пмсм...красиво, добротнo,узнаваемо 😊*

[48] ***У тебя хорошее чувство юмора. ОС***

Часто, как в польских, так и в русских высказываниях употребляются акронимы, являющиеся сокращениями от английских фраз.

[49] *ИМНО wyglądasz bardzo ładnie :)*

[50] *imho wyglądasz o niebo lepiej w nowym, ciemniejszym kolorze 😊*

[51] ***OMG, to jest cudowne, idealne, świetne, fantastyczne, per-fect ♥***

[52] ***OMG!!! сама нежность и по цвету и по фактуре) очень классно.***

В языке инета наблюдается тенденция к несоблюдению норм правописания. Она проявляется, например, в пропуске прописных букв, даже в написании личных имен, пропуске знаков препинания, намеренном нарушении норм орфографии, неряшливости высказывания. В польском языке наблюдается тенденция к неупотреблению польских букв (*ą, ę, ć, ł, ń, ź, ż*). В Рунете распространился специфический сленг – падонкаффский, основной концепцией этого стиля в употреблении русского языка является *альтернативное правописание, при котором слово пишется максимально непохожим на словарное написание при сохранении фонетического образа* [http://lurkmore.to/Язык_падонков]. Применяется также шифрование русских букв латинскими – русский текст набирается при включенной англоязычной раскладке клавиатуры:

[53] *Ahhhh jak patrze na te fotki, to normalnie chcem wyjść za mąz juz !!* 🍷🍷🍷

[54] *jestem pod ogromnym wrazeniempiekniew zaufaniu powiem ,że mało co mnie zachwycą szczególnie w slubach*

[55] *очинь харошый совет!*

[56] *kakaja ty krasavica v instagrame na foto*

Кроме рассматриваемых средств, в Интернете популярны также *мемы*, называемые по-другому *медиа-вирусы* — это идея, образ или любой другой объект нематериального мира, который передается от человека к человеку вербально, не вербально, через интернет или как угодно еще [<http://lurkmore.to/Мем>]. Мемами могут считаться слова, высказывания, картинки, аудио и видео записи. В интернет-пространстве они иногда выступают в характере комплимента. Они могут выступать самостоятельно, без словесного комментария или дополнять, расширять высказывание. Не всегда значение мемов очевидно. Первый из приведенных ниже рисунков обозначает одобрение, выражает, что что-то нам понравилось. Второй мем можно понимать в двух плоскостях. Либо – как одобрение в прямом смысле, либо – как выражение похвалы в неочевидной ситуации, когда нам нравится что-то, что у других вызывает совсем другие ощущения. Он употребляется с целью подчеркнуть оригинальность своих нравов.

Выразить свое одобрение, положительное отношение к чему-либо в интернет-пространстве можно также употребляя *лайки* (от английского like – понравилось или нравится). Это своеобразная оценка фотографии, видео или текста, размещенного, как

правило, в социальных сетях. Лайки, как и мемы, могут либо расширять высказывание, либо полностью его заменять. Похожую функцию выполняет оценочный прием. Вместо комментария появляется лаконичная оценка объекта напр. 9 на 10. Такое проявление эмоции, с одной стороны, позволяет экономить время, с другой – обедняет высказывание.

Приведенные в данной работе примеры компенсаторов паралингвистических средств предназначены для того, чтобы богаче и разнообразнее выразить чувства, эмоции, намерение, дополнять смысл высказывания, уточнять его экспрессивно-интонационную окраску. Они включены в структуру высказывания. Как подтверждают приведенные примеры, разные средства неоднократно сочетаются друг с другом. Потребители Интернета охотно используют эти компенсаторные средства передачи паралингвистических компонентов, так как они сокращают время написания высказывания, кодируют эмоции и чувства, которые трудно передать посредством сети, так как они не выражаются лексическими средствами, а без них комплименты практически не существуют. В Интернете принято писать быстро, много – важно, чтобы пост был заметным, выразительным; содержание, соблюдение норм правописания играет второстепенную роль. Можно сделать вывод, что с одной стороны компенсаторы паралингвистических средств обогащают, дополняют содержание виртуальных комплиментов, но с другой стороны – обедняют его. Чем их больше, тем менее языковых средств проявления эмоции.

Выявленные в приведенных примерах компенсаторы невербальных средств в большинстве случаев оказались универсальными и межнациональными. В настоящей работе рассматривались те, наиболее распространенные, общепринятые. Итак, наиболее распространенной формой паралингвистического выражения экспрессивности в исследуемых польских и русских комплиментах является употребление эмотиконов, кодирующих эмоции, или выделение фразы посредством дифференцирования шрифта.

В указанных примерах наблюдается особый сетевой этикет; допускаются ошибки, транслитерации, акронимы. Приведенным средствам свойственна универсальность, они, в большинстве случаев, межнациональные. Комплименты, которые помещаются в сети, более лаконичны, чем те в непосредственной коммуникации. Языковое содержание в виртуальных комплиментах часто заменяют рассматриваемые нами компенсаторы паралингвистических средств.

Литература

- Мосцевенко А. Ю. 2010 – Паралингвистические средства выражения экспрессивности в интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов). *Психолінгвістика*. Вип. 5. С. 189-197. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/psling_2010_5_33.pdf.
- Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. (ред.) 1999 – *Толковый словарь русского языка*. Москва.

- Ушаков Д. Н. (ред.) 1940 – *Толковый словарь русского языка*. Москва.
Словарь сексуальных терминов. Режим доступа:
http://www.medlinks.ru/dictionaries.php?dic=dicsex&dic_tid__=&dic_tid=1486&dic_ltr=%CA
- Bańko M. (ред.) 2006 – *Polszczyzna na co dzień*. Warszawa.
- Drabik B. 2004 – *Komplement i komplementowanie jako akt mowy i komunikacyjna strategia*. Kraków.
- Książek E. 2006 – Комплимент как средство эмоционального воздействия на адресата (на материале эпистолярных текстов). *Русистика и современность. Языкознание 4, Z.* Czapiга (ред.). Жешув.
- Ściagała-Stiller B. 2012 – *Akty etykiety językowej na forach internetowych*. Katowice. Режим доступа: www.sbc.org.pl/Content/93102/doktorat3264.pdf
- Wierzbicka A. 1983 – Genry mowy. *Tekst i zdanie*, T. Dobrzyńska, T. Janus (red.), Wrocław.
<http://www.morepc.ru/dict/>
<http://lurkmore.to/Мем>
http://lurkmore.to/Язык_падонков
<http://club.passion.ru/svadebnye-strasti/komplimenty-povodu-fotok-t109032-555.html>
<http://www.vampodarok.com/compliment/neveste/>
<http://www.baby.ru/blogs/post/182044459-78911503/>
<http://forum.svadba.net.ru/viewtopic.php?f=1&t=22855&start=2385>
<http://forum.forumok.ru/lofiversion/index.php?t4844-450.html>
www.google.pl/imgres?imgurl=http://s49.radikal.ru/i124/0809/a4/4d1466ab74b8.jpg&imgrefurl=http://forum.forumok.ru/lofiversion/index.php?t4844-450.html&h=640&w=425&tbnid=Hu3uChGddTGVSM:&zoom=1&docid=34dqjMoFivb0-M&ei=ZOOcVbDKDMTnygOnuZPACg&tbnid=isch&ved=0CC8QMygQMBA
<http://www.baby.ru/blogs/post/309909953-195754055/>
<http://www.tili-testo.ru/forum/viewtopic.php?f=6&t=5494&start=15>
http://forum.gazeta.pl/forum/w,619,49860897,,Nasze_zdjecia_slubne_.html?v=2
http://www.babyblog.ru/user/rtifvfjnzrepz/1668336/1#comm_start
http://forum.gazeta.pl/forum/w,619,49860897,,Nasze_zdjecia_slubne_.html?v=2
<http://wizaz.pl/forum/showthread.php?t=47944>
<https://twitter.com/yushonokd/status/301710135888326657>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГЛАГОЛОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Г. Вильк

Силезский университет, Польша

gabriela.wilk@us.edu.pl

Статья представляет собой попытку выявить дифференциальные признаки, позволяющие различать значения русских и польских глаголов, обозначающих и характеризующих трудовую деятельность, а также показать, что данные языковые единицы являются ценным источником лингвокультурной информации. В ходе исследования все глаголы, отбирившиеся из толковых словарей, словарей синонимов и разговорной речи, были подразделены на группы в зависимости от того, какой признак трудовой деятельности актуализируется в их значении. Среди рассмотренных глаголов встречаются как единицы, имеющие универсальный характер, так и, прежде всего, те, которые обладают национально-культурной спецификой.

Ключевые слова: лингвокультурология, семантическое поле, глагол, труд

В последнее время все более интенсивно развивается такое направление лингвистики, как лингвокультурология, которая, согласно В.В. Воробьеву, «характеризуется прежде всего целостным, паритетным и системным рассмотрением культуры и языка как совокупности единиц, образующих полевые структуры» [Воробьев 2008:4]. Предлагаемая статья посвящена описанию лингвокультурной специфики глаголов одной из полевых структур – семантического поля «трудовая деятельность» в русском и польском языках. Мы постараемся показать, как разными способами язык в своих единицах воплощает культуру. Для анализа был выбран фрагмент языковой картины мира, значимый для говорящих на любом языке (труд, как известно, является общечеловеческой ценностью), однако в каждом языке он отличается национально-культурной спецификой.

Материалом для исследования послужили данные толковых словарей, словарей синонимов и разговорной речи. Необходимо подчеркнуть, что в данной статье будут рассматриваться лишь некоторые единицы, имеющиеся в системе русского и польского языков и представляющие собой довольно обильные средства глагольной номинации трудовой деятельности. Выбирались, прежде всего, глаголы, которые, в отличие от базовых семантического поля «трудовая деятельность» *работать* и *pracować*, имеют дополнительное значение, т.е. в их семантике актуализируются разные признаки. Признаки эти определялись на основе бинарных оппозиций количества вложенных усилий («много» – «ничего»), объема приложенных сил («тяжело» – «без труда»), качества выполняемой работы («хорошо» /

«старательно» – «плохо» / «небрежно»), ее быстроты («быстро» – «медленно»), длительности («долго» – «коротко») и т.п. Учитывалось также и то, что в значении ряда глаголов нередко закрепляется не один, а сразу несколько признаков. Предпочтение отдавалось глаголам, в семантике которых связь с трудом строится на разных основаниях, что предполагает разную лингвокультурную информацию, передаваемую ими.

Первую такую группу составляют глаголы, которые обозначают действия, требующие больших физических затрат. В значении ‘много и тяжело работать’ используются русский глагол *пахать* и польский *orać*, возникшие в результате метафорического переноса с одновременным семантическим расширением по модели «конкретное производительное действие, требующие немалых усилий (в данном случае взрыхление земли сохой или плугом) – любое другое, но также производительное, действие, предполагающее приложение немалых усилий». В этих глаголах нашли свое отражение земледельческие традиции обоих народов: тяжелый труд ассоциируется с работой в поле. Стоит также отметить, что действие, названное глаголами *пахать* и *orać*, «относится к честным способам получения средств к существованию, «хлеба насущного»» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014:10].

Еще один глагол, в значении которого актуализируются признаки «много» и «тяжело», характерен только для русского языка. Глагол *ишачить*, образованный от существительного *ишак* ‘домашний осел’, обозначает ‘много и тяжело работать, выполняя трудную, неблагодарную работу (обычно без пользы или выгоды для себя)’ [БРС 2004:243-244]. Здесь, так же как и в предыдущем примере, воплощен человеческий опыт: ишак помогал своему хозяину носить тяжести. Трудящийся человек сравнивается с тягловым животным. В польской лингвокультуре, не имеющей соответствия ишаку, *osioł* становится воплощением глупости и упрямства, а не тяжелого труда (похожее представление вызывает рус. *осел*), нет также глагола, мотивированного этим существительным.

Приложение значительных усилий может сказываться на физическом здоровье человека, что нашло свое отражение в русских глаголах *горбатить на кого-то* и *горбатиться* ‘работать много, без отдыха; выполнять тяжелую работу’ [БТС 2008:218]. Образованы эти слова от существительного *горб*, ассоциирующегося в сознании носителей русского языка с тяжелым трудом. Горб появляется вследствие длительного пребывания в согнутой позе, которая связывается с нелегким и утомительно долгим трудом. В польском языке имеется аналогичный возвратный глагол *garbić się*, однако он никаких ассоциаций с трудовой деятельностью не вызывает (ср. рус. *горбиться*).

Связь с анатомией человека можно заметить в семантике ряда других глаголов. В собранном польском материале находим глаголы *żyłować kogoś* и *żyłować się* (от существительного *żyła*), синонимичные фразеологизмам *wypruwać z kogoś żyły* и *wypruwać z*

siebie żyły, в значении которых подчеркиваются невероятные усилия до полного истощения сил. В русском языке также имеются невозвратный глагол *жилить* и возвратный *жилиться*, отличающиеся от польских не только оттенком значения. *Жилиться* толкуется как 1. ‘напрягаться изо всех сил, стараясь сделать что-либо’; 2. ‘жадничать, утаивать что-либо, не отдавать, присваивать себе’ [БРС 2004:181]. *Жилить*, в свою очередь, называет действие, связанное с обманом или проявлением жадности.

К группе со значением ‘много и тяжело работать’ следует отнести русский глагол *бурлачить*, образованный от существительного *бурлак*. Он интересен тем, что представляет собой слово-реалию, характерную для русской культуры XVI – конца XIX веков. Его основное значение – ‘работать на реке в артели, передвигающей суда (преимущественно без своего хода), при помощи бечевы, которую тянут все рабочие, а также при помощи гребли’ [БТСРГ 2008:302]. С течением времени объем значения глагола расширился и он стал означать ‘выполнять тяжелую работу (обычно на кого-либо)’.

Реалии русской жизни отражает и глагол *батрачить* ‘работать по найму, как правило, за небольшую плату в единоличном сельском хозяйстве, а также выполнять временные сезонные или постоянные обязанности дворни: дворника, истопника, сиделки, кухарки, няньки и т.п.’ [БТСРГ 2008:302]. В данном случае также произошло расширение значения слова, поскольку в разговорной речи оно обозначает ‘работать на кого-либо много, не щадя сил’ [БТС 2008:62].

В польском языке не встретился ни один подобного рода глагол, который называл бы действие, требующее больших физических затрат, и который, как рассмотренные русские примеры *бурлачить* и *батрачить*, отсылал бы напрямую к реалиям польской культуры.

Вместе с признаком «много» в семантике глаголов актуализируется не только признак «тяжело», но и «долго». Покажем это на ряде примеров. Одним из таких является русский глагол *мозолить* ‘натирать мозоли долгой работой или ходьбой’ [БТС 2008:551] и его польское соответствие *mozolić się*. Мозоли, как известно, образуются от постоянного физического труда, требующего приложения немалых усилий.

Естественной реакцией организма на физическую нагрузку является, помимо мозолей, выделение пота. Слово *потъ* в XII веке имело значение ‘труд, плоды тяжелого труда’ [Шапошников 2010:186] и до сих пор *пот* выступает символом «телесно ощутимых тягот и сложностей трудовой жизни» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014:71]. Отсюда и появился в русском языке глагол *потеть* ‘трудиться над чем-либо долго и упорно’ [БТС 2008:942]. В польском языке в подобном значении используется глагол *posić się*.

В синонимические отношения с глаголом *потеть* вступают глаголы *париться* и *пыхтеть*. В сознании носителей русского языка пар выходит из организма много и долго

работающего человека, у него появляется также затрудненное дыхание. У носителей польского языка подобное представление в языке отражения не находит.

Еще одну, довольно объемную, группу образуют глаголы, в значении которых актуализируется признак «ничего».

Среди русских глаголов встречается немало единиц, раскрыть семантику которых помогает знание истории и культуры народа. Рассмотрим некоторые из них. Примером такого глагола будет *баклушничать*. Как замечает В.М. Мокиенко, характеризуя и другие глагольные единицы, «фразеологический прототип глагола *баклушничать* или *канителиться* можно восстановить лишь потому, что современный язык сохранил в активном употреблении сочетание *бить баклуши* и *тянуть канитель*, значение которых и стержневой компонент соответствуют приведенным глаголам. Сложнее найти глагольный компонент разг. *сачковать*, ибо слово теперь гораздо шире по употреблению исходного сочетания *бить сака (сачка)* – ‘бездельничать’ в псковских говорах» [Мокиенко 1980:88]. В составе фразеологизма *бить баклуши* именной компонент, который послужил основой для образования глагола *баклушничать*, обозначает чурки, болваны, приготовленные для токарной выделки щепеной посуды, чашек, ложек и пр. Их били менее опытные, чем мастера, подмастерья и лесники. Первоначально фразеологизм *бить баклуши* относился к легкому занятию, которое не требовало особых умений, и лишь со временем к праздному времяпрепровождению. Баклуши – это также чурки для игры в городки, которые сбивали длинной деревянной палкой. В приведенной цитате В.М. Мокиенко упоминает также глагол *сачковать*, образованный от словосочетания *бить сака (сачка)* ‘играть в бабки, сбивать бабки’. Слово *сачок* в русских говорах имело значение ‘бабка’, ‘положение бабки спинкой кверху’, ‘чурбанчик, которым играют в рюхи’ [Грачев, Мокиенко 2009:227]. Глаголы *баклушничать* и *сачковать*, тем самым, обозначают безделье или видимость действия, скрывающего то обстоятельство, что ничего полезного при этом не делается.

Помимо *баклушничать* и *сачковать*, фразеологический прототип имеет также глагол *лодырничать* – *лодыря гонять*. Некоторые ученые связывают появление данного фразеологизма с именем московского врача Х.И. Лодера, который в XIX веке прописывал пациентам, страдающим от ожирения, длительные прогулки быстрым шагом. Такие лечебные процедуры считались лишними смысла.

Ценную лингвокультурную информацию, касающуюся русского народа, содержит в себе также глагол *барствовать* ‘жить в роскоши, праздности’ [БТС 2008:60], образованный от существительного *барство*. Словом этим в России в прежнее время обозначался слой общества, живущий за счет труда крепостных. Подобное положение давало им право вести

праздную жизнь, пользуясь плодами работы других (ср. пословицы *Барин берет горлом, мужик горбом* или *Барин говорит горлом, а мужик горбом*).

Еще одним русским глаголом той же группы, на который мы хотим обратить внимание, является *сибаритствовать* (*сибаритничать*) ‘вести жизнь сибарита, предаваться сибаритству’ [БТС 2008:1183]. Основой для образования глагола послужило наименование состояния *сибаритство*, от *сибарит*, произведенного от названия греческой колонии *Сибарис* (др.-греч. *Σίβῆρις*) в Южной Италии, жители которой, по преданию, славились своим богатством и роскошью. В польском языке имеется существительное *sybaryta* в подобном с русским *сибаритом* значении, однако глагол от него не образуется, хотя есть прилагательное *sybarycki* и отвлеченное существительное *sybarytywizm*.

В польском языке в значении ‘бездельничать’ используются, прежде всего, глаголы, раскрытие семантики которых не требует знания истории и культуры Польши. Для поляков важны другие ассоциативные связи. К примеру, в их сознании закрепилось наивное убеждение, что не трудящийся человек пребывает в пустом пространстве. Отсюда появился глагол *próżniaczyć*, от существительного *próżnia*. Символом нежелания трудиться является *byk*. Названием этого животного мотивирован глагол *byczyć się* ‘ничего не делать или отдыхать после работы’ [ISJP 2000:142] (Перевод мой – Г.В.). Отметим, что для русских *бык* – это крупный, здоровый, сильный, обычно упрямый мужчина, никаких ассоциаций с ленью не вызывающий.

Отдельную группу в составе семантического поля «трудовая деятельность» образуют глаголы, объединенные признаком «быстро». Примером может послужить польский глагол *sprężyć się / sprężyć się*. Человек, сосредоточившийся на работе и поэтому выполняющий ее быстро, сравнивается со сжатой пружиной, которая возвращается в исходное (недеформированное) состояние. В русском языке в похожем значении используется глагол *напрягаться / напрячься* ‘собрать все свои силы (делая, производя что-либо) || собрать все свои душевные силы, волю, внимание и т.п. для выполнения чего-либо’ [БТС 2008:595], однако в нем, в отличие от *sprężyć się / sprężyć się*, признак «быстро» на первый план не выдвигается.

Интересным примером, относящимся к этой же группе, можно считать глагол несовершенного вида *zaiwaniac*, обозначающий ‘быстро работать’ либо ‘быстро идти или бежать’ [PSWP 2004:102] (Перевод мой – Г.В.). При том, что тот же глагол совершенного вида *zaiwanić* имеет совсем другое значение: ‘украсть’. Слова эти имеют не вполне ясное происхождение, поскольку трудно сказать, почему русское имя *Иван* легло в их основу. Возможно, что *Иван* употреблялось в значении ‘черт’ или ‘дурак’ и, следовательно, глагол

zaiwanić можно было бы толковать в значении ‘обмануть дурака’ либо ‘делать что-либо как черт’. В слове *zaiwaniać* связь с именем *Iwan* не понятна [Markowski 2011].

В собранном русском материале с семантикой ‘быстро’ находим глагол *авралить*, от *аврал* (англ. *over all!* ‘все наверх!’) ‘спешно выполнять какую-либо работу (для ликвидации отставания, наверстывания упущенного и т.п.)’ [БТС 2008:25]. Первоначально слово *аврал* было исключительно морским термином и обозначало срочную работу на судне, в которой принимает участие весь экипаж. В современном русском языке оно расширило свое значение.

Противоположную группу составляют глаголы, в семантике которых заложено указание на медленный ход дела. Сюда можно отнести отфраземные, упомянутые В.М. Мокиенко, глаголы *канителить*, *канителиться* (от *тянуть канитель*) и *волынить*, *волыниться* (от *тянуть волынку*). Канитель – очень тонкая металлическая нить для вышивания, волынка – народный духовой музыкальный инструмент. Медленная работа сравнивается соответственно с вытягиванием нити из раскаленной металлической проволоки, т.е. с однообразным занятием, требующим много времени, и с монотонными и тягучими звуками, издаваемыми волынкой. Помимо признака «медленно», в семантике этих глаголов закреплён также признак «намеренно» (намеренно затягивать выполнение дела).

Медлительность передает польский глагол *dlubać*, производное значение которого ‘последовательно, медленно выполнять какую-то работу’ образовалось в результате метафорического переноса от основного значения ‘делать углубление в чем-то путем последовательных, частых ударов каким-либо инструментом’. В данном случае в основу мотивирующего образа легло представление о действии как повторяющемся движении. В русском языке в похожем значении используется глагол *копаться*.

Работа может выполняться не только медленно, но также и долго. В основу семантики некоторых глаголов легли звуки, издаваемые музыкальными инструментами, напр., *барабанить* ‘выполнять длительное время какую-либо неинтересную работу, отбывать повинность’ [БРС 2004:37] и *трубить* ‘в течение длительного времени вынужденно, обычно в чьих-либо интересах, заниматься однообразной, утомительной работой, скучным делом, много и тяжело работать’ [БРС 2004:620]. В русском языке встречается также глагол *отбарабанить*, в польском *odbębnić*. В значении польского глагола, в отличие от русских, на первый план выдвигается то, что кто-то выполнил работу небрежно, в кратчайшие сроки, лишь бы отделаться, а не совершал действие долго.

Помимо польского глагола *odbębnić*, признак «небрежно» актуализируется в других глаголах, образующих отдельную группу. Так, глагол *халтурить* 1. ‘плохо, недобросовестно, некачественно работать (часто лишь изображая, имитируя деятельность)’; 2. ‘подрабатывать,

работать дополнительно на стороне с целью получения дополнительного источника дохода' [БРС 2004:662] был образован от существительного *халтура*, являющегося «искаженным в произношении лат. *chartulatum* 'список умерших, который читался священником (часто с пропусками для скорости) в день поминовения всех усопших'» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014:446]. Как можно узнать из «Словаря русской ментальности», «изначально халтура выполнялась на стороне ради побочного заработка, затем оказалось возможным по лени и недобросовестности *халтурить* и в процессе деятельности на своем основном рабочем месте» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014б:446]. Глагол *халтурить* во втором своем значении ('способ зарабатывания денег') синонимичен глаголу *калымить* от существительного *калым*, называющего восточный обычай платить выкуп за невесту ее родителям. В польском языке также встречается глагол *chaturzyć*, являющийся заимствованием из русского языка, однако он используется, прежде всего, для того, чтобы подчеркнуть, что кто-то выполняет дополнительную, мало значимую, хотя и хорошо оплачиваемую работу и необязательно делает это небрежно (ср. рус. *подрабатывать на стороне*).

На небрежность в работе указывают польские глаголы *fuszerować* (от нем. *pfuschen* 'плохо, недобросовестно работать'), *partaczyć / spartaczyć, partolić / spartolić*. В прежние времена слова эти относились к ремесленнику, не бывшему членом цеховой организации, а потому работавшему за воротами города (*a parte*). Отсюда можно сделать вывод, что за плохое качество работы отвечает работник не свой, посторонний. В русском языке в аналогичном значении активно используется *портачить* 'делать что-либо плохо по неумению или небрежности; портить' [БТС 2008:928].

Интересным, на наш взгляд, польским глаголом, в котором актуализируется признак «небрежно», является *schrzanić*, мотивированный существительным *chrzan*. Несмотря на свои вкусовые качества и лечебные свойства, хрен воспринимался как растение бесполезное, вредное, трудноистребимый сорняк [об этом Шадура 2010:341]. Возможно, отсюда и появился глагол *schrzanić* для обозначения действия, результат которого не имеет никакой ценности. В русском языке глагол, образованный от существительного *хрен*, не встречается. Однако растение в сознании русских вызывает похожие ассоциации, ср. грубое обозначение человека *хренодел* 'тот, кто делает что-либо плохо, некачественно' [БРС 2004:687], сюда же прилагательное *хреновый* в значении 'плохой' и наречие *хреново*.

Сопоставительное исследование дало возможность выявить важнейшие дифференциальные признаки, позволяющие различать значения русских и польских глаголов семантического поля «трудовая деятельность». В обоих языках в глагольной семантике нашли отражение разные признаки трудовой деятельности с явным перевесом тех, которые

служат негативной характеристике человеческой деятельности. Имеется немало глагольных единиц, в значении которых актуализируется не один признак, нередко два или больше. Поскольку исследование предполагало попутно также выявление особенностей универсального и национального восприятия трудовой активности носителями русского и польского языков, стоит обратить внимание на то, что в глагольных единицах запечатлен не только общечеловеческий опыт (значение некоторых глаголов мотивировано наблюдением за изменениями, происходящими в организме человека во время работы), но и традиции национальной истории и культуры (барство, батрачество, бурлачество, существование цеховых организаций и пр.).

Литература

- Воробьев 2008 – *Лингвокультурология*. Москва.
 Грачев М.А., Мокиенко В.М. 2009 – *Русский жаргон. Историко-этимологический словарь*. Москва.
 Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. 2014 – *Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П–Я*. Санкт-Петербург.
 Мокиенко В.М. 1980 – *Славянская фразеология*. Москва.
 Шадуря И.Р. 2010 – Хрен в польском языке и народной культуре. *Этноботаника: растения в языке и культуре* / Под ред. В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова. Санкт-Петербург.
 Шапошников А.К. 2010 – *Этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2*. Москва.
 Markowski A. 2011 – *Zabawy z językiem. Zaiwaniać*. Режим доступа: <https://www.polskieradio.pl/23/1727,Zabawy-z-jezykiem> (30.10.2015).

Источники материала

- БРС – Химик В.В. 2004 – *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург.
 БТСРГ – Бабенко Л. 2008 – *Большой толковый словарь русских глаголов*. Москва.
 БТС 2008 – *Большой толковый словарь русского языка* / Под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург.
 РСС 1998 – *Русский семантический словарь. Т. 4. Глагол* / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва.
 ISJP 2000 – *Inny słownik języka polskiego PWN. Т. 1–2* / Pod red. M. Bańko. Warszawa.
 PSWP 2004 – *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny. Т. 48. Zad-zetrzeć się* / Pod red. H. Zgólkowej. Poznań.
 SPP – Czeszewski M. 2006 – *Słownik polszczyzny potocznej*. Warszawa.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 72-77. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

ЛИТЕРАТУРА ФАКТА ВЕНИАМИНА КАВЕРИНА

К. Высочаньска-Пайонк

Опольский университет, Польша

wysokatarzyna@interia.pl

Статья посвящается описанию и анализу нефикциональной прозы Вениамина Каверина с точки зрения её жанровой специфики. Особое внимание обращается на понимание писателем задач и функций литературы (искусства) и места писателя в обществе. Собранный материал позволил указать жанровую эволюцию каверинской прозы как в плане содержания, так и формы.

Ключевые слова: русская литература, автобиографическая проза, литература факта, Каверин

В творчестве Вениамина Каверина (1902-1989) мемуарная проза занимает очень важное место. В автобиографическом направлении русской прозы второй половины XX века произведениям Каверина, так же как и К. Паустовского, В. Катаева, М. Шагинян, М. Исаковского, С. Крутилина, В. Астафьева, отводится значительная роль. Это эволюционирующая и разнообразная как в плане содержания так и формы проза. Поэтому удивляет факт, что данная часть творчества Каверина в литературоведческих работах почти полностью игнорируется исследователями [Алейникова 1930:71-79; Колядич 1982:149-159].

Впервые нефикциональной прозой Каверин занялся в 1939 году в эскизе о Кирове *Таким его помнит народ*. Год спустя он написал эссе о Маяковском и воспоминание об исследователе Севера и писателе Н.В. Пинегине. В сороковые годы Каверин мемуаров не писал, работал в это время военным корреспондентом.

В середине пятидесятых годов писатель вернулся к жанру литературного портрета. Он написал воспоминания о Тынянове, Горьком, Маяковском, Фадееве, Вс. Иванове, Заболоцком и Гайдаре. Изображая известных ему литераторов, Каверин подчеркивал, прежде всего, их профессионализм, предполагая, что личность писателя наиболее полно и выразительно выражается в его творчестве. В литературном портрете Каверин старался определить доминирующую особенность характера представляемого человека. Например, в Тынянове это был абсолютный исторический слух: «Он умел слышать тот шум времени, который доступен лишь деятелю, ясно представляющему себе движение истории, ход и столкновение исторических величин» [Каверин 1966:518]. Николая Заболоцкого характеризовала идентичность личных и поэтических взглядов. «Прекрасно понимая, что ложь и поэзия – две вещи несовместные, он не мог писать того, чего не думал» [Каверин 1966:498].

Литературные портреты Каверина пятидесятых годов имеют много общего. Они почти полностью лишены внешней характеристики представленных личностей (за исключением мелких деталей в текстах о Фадееве, Маяковском и Заболоцком). Во всех воспоминаниях писатель стремится определить основные психологические черты и доминирующие особенности творчества представленных героев. Очерки хорошо документированы, а попытка изобразить современников становится для Каверина возможностью поразмышлять о проблемах более общего характера, о роли и значении литературы, о творчестве писателя.

В конце пятидесятых годов Каверин тяжело заболел. Врачи запретили ему читать, писать и даже говорить. Писатель отдался воспоминаниям. Результатом «путешествия в страну воспоминаний» была книга *Неизвестный друг* (1959). Это собрание историй из детства. Представленные здесь отдельные эпизоды объединяет главный герой

В шестидесятые годы Каверин неоднократно публиковал свои мемуары. Чаще всего это были небольшие и средние литературные формы. Вышли в свет: *За рабочим столом* (1965), *Здравствуй брат! Писать очень трудно...* (1965), *Несколько лет* (1966). В то время писатель часто издавал свои воспоминания, иногда меняя названия отдельных томов. Однако следует заметить, что это не были простые перепечатки ранних публикаций. В последующих изданиях богаче информационный слой, в них больше деталей, фактографического материала, они полнее документированы.

В семидесятые-восьмидесятые годы Каверин издал свои воспоминания в четырех книгах: *Собеседник* (1973), *Освещённые окна*, *Вечерний день* (1982), *Эпилог* (1989). В них писатель включил большую часть ранее опубликованных работ, но подавляющее большинство составляли новые произведения. *Собеседник* состоит из трех частей: *В старом доме*, *Чувство и время* и *Малиновый звон. Путевые записки*. Во введении к книге *В старом доме* автор определяет свои воспоминания, как «обработанный архив». Материал представлен между введением и заключением, в которых писатель определяет своё отношение к представленной информации. Во введении Каверин уточняет поставленную перед собой цель: найти «ключ» к прошлому. «Ключ», который позволил бы понять это прошлое. В заключении ключ называется. Это историзм и традиции позволили писателю показать литературную жизнь двадцатых и тридцатых годов не только как начало новой постреволюционной литературы, но и как продолжение русской литературы предыдущих эпох, они позволили оценить поиски послеоктябрьских творцов в свете литературных традиций. «В стремлении понять и оценить современную литературу – подчёркивал Каверин – скрывалась ещё бессознательная попытка найти путь к пониманию прошлого. (...) Оно-то (искусство – К.В.-Р.), обращённое в прошлое, и помогало нам по-новому прочитать Пушкина, Достоевского, Гоголя» [Каверин 1973:170]. Обрамляющую композицию подчёр-

кивает связь первой главы со второй частью заключения. От этих фрагментов взялось название воспоминаний. Первая глава *Дома № 5* - это история дома на Исаакиевской площади в Петрограде и рассказ о встрече повествователя с этим домом в 1969. Во второй части заключения описывается картина прощания автора с домом, которая представлена как прощание с литературной молодостью: «Теперь я уходил, оставляя за собой двадцатые годы, казавшиеся обыкновенными и оказавшиеся удивительными по всей наполненности, оригинальности и предсказывающей силе» [Каверин 1973:169-170].

Для представления содержащегося в произведении материала Каверин выбрал интересную форму литературоведческого семинара о прозе двадцатых годов. Такой семинар проводил автор в доме № 5 в 1924 году. В своих мемуарах он представляет не только признанных и великих, таких как Горький, Тынянов, Чуковский, Эренбург или Грин. Каверин показывает также мало или вообще неизвестных Леонида Добычина, Виктора Дмитриева, Овадия Савича. Большое внимание уделяет ОБЭРИУ и его членам, особенно Даниилу Хармсу и Николаю Олейникову. Вторая часть сборника *Чувство и время* - это рассуждения Каверина о литературе и искусстве. На материале русской литературы девятнадцатого века и послереволюционной литературы двадцатых и тридцатых годов в небольших очерках писатель рассматривает вопрос о роли и месте в обществе писателя, взаимодействии между писателями и читателями. Подчеркивая значение влияния восприятия литературного пороизведения на судьбу писателя, автор утверждает, что настоящий художник слова не может поддаваться конъюнктурному воздействию и должен всегда оставаться собой. «Речь, конечно же, идёт о невозможности для истинного художника стать кем-то другим, о той невозможности, в результате которой Ван Гог сумел продать только одну свою картину» [Каверин 1973:170]. *Собеседник* заканчивается путевыми заметками по странам Бенилюкса. В них очень богатый информационный слой, иногда очень близкий к журналистике, и намного беднее, чем в предыдущих воспоминаниях спекулятивный слой.

После окончания работы над воспоминаниями *В старом доме* Каверин написал трилогию *Освещённые окна*. Это самая полная и самая лучшая по художественной ценности автобиографическая позиция Каверина. Это уже не серия очерков или литературных портретов, но настоящий автобиографический роман. В историко-литературном контексте трилогия Каверина продолжает жанровый тип литературных автобиографий Толстого, Короленко, Горького, Бунина и др. В современной литературе она близко вписывается в направление автобиографических произведений Константина Паустовского *Повесть о жизни*, Ильи Эренбурга *Люди, годы, жизнь*, Мариэтты Шагинян *Человек и время* и др.

Как и в предыдущих воспоминаниях, так и здесь хронологически расположенный материал поддается ретроспективной оценке повествователя, что создает временную

двуплановость произведения. Первый план – это представление событий с позиции «я» героя, он связан с детством и юностью героя. Второй план – авторский – позволяет повествователю анализировать и оценивать представленные события с позиции человека на много лет старшего. Роман начинается во втором временном плане. В первой главе повествователь рассказывает о событиях из жизни автора в конце пятидесятих годов и объясняет причины возвращения в «город детства». И затем следует рассказ уже в первом временном плане. Но второй план не исчезает, он всегда присутствует в описании событий. Представляемые картины часто комментируются словосочетаниями: «Сейчас мне кажется», «Сегодня мне кажется», «Если бы я тогда знал», «Я всё ещё помню» ... и т.д.

В трилогии мы определённо имеем дело с романским вымыслом и автобиографическими описаниями [Новикова, Новиков 1986:285]. Романский вымысел усилен с помощью эпического использования типичных топосов романа становления: родительский дом, мать, отец, старший брат, первая любовь. Студенческие годы и первые литературные опыты – это травестия топоса лабиринта и поиска собственного жизненного пути. Материал романа делится на три части в связи с изменением места жительства главного героя: *Детство* – Псков, *Опасный переход* – Москва и *Петроградский студент* – Петроград. События в романе расположены в хронологическом порядке, что подчёркивают названия глав: *Июль 1914 г.*, *Лето 1917*, *Осень 1917*, *Весна 1919 года* и т.д. Воспоминания охватывают период шестнадцати лет – с 1905 по 1921 год. В первой части трилогии особенно чётко просматривается сюжет и на передний план выдвигается литературный элемент (*Dichtung*). В отличие от первой части, вторую и третью определённо характеризует преимущество референциальности. В то время как в первой части подавляющее большинство текста – это вымысел автора, во второй и третьей он заботится о соответствии подробностям реальных ситуаций, дополняя воспоминания своими письмами и заметками двадцатых годов. Вторая часть – это образ литературной и театральной Москвы конца десятих годов, а третья, в свою очередь, – это описание научной и литературной среды Петрограда начала двадцатых годов. Каверин изображает многих учёных и писателей, с которыми он встречался в своей жизни. В галерее описываемых личностей на передний план выдвигается Юрий Тынянов, которого автор трилогии считал мастером слова. Большое внимание он уделил также Горькому, который значительно повлиял на формирование писательского мастерства Каверина. Важное место в романе отводится Серапионовым братьям и описаниям их еженедельных встреч. Среди Серапионовых братьев писатель особенно выделяет Всеволода Иванова, Льва Лунца, Константина Федина и Михаила Слонимского. Описывая какого-нибудь писателя, Каверин проводит глубокий анализ каждого литературного факта. Как он сам говорит: «Тогда я уже был и остался на всю жизнь историком русской литературы». И именно сквозь призму

литературы даётся обзор действительности во второй и третьей частях трилогии, а также в более поздних текстах воспоминаний.

В историко-литературных исследованиях и в работах по теории литературы часто подчёркивается психологический характер автобиографических произведений [Lubas-Bartoszyńska 1993]. Со всей уверенностью можно утверждать, что трилогия Каверина является психологическим романом, который рассматривает формирование личности позднего писателя. Вспоминая годы детства и юности, Каверин, что он сам подчёркивает, помнит не столько внешний реальный мир, сколько «состояние души», в котором он находился в то время. И, возможно, поэтому писатель, что отмечает Мариэтта Чудакова: «... сосредотачивает своё внимание на образах, а не на анализе исторических событий» [Чудакова 1978:269]. В трилогии автор показывает очередные этапы развития психики, личности и эстетических взглядов героя, которого постоянно мучает вопрос - кто Я? Невозможно перечислить все элементы, сформировавшие писателя в детстве и юности. Он же самым важным считал родительский дом, и особенно влияние его старшего брата, пребывание в Москве, а также научную среду Петрограда.

Две последние книги *Вечерний день* и *Эпилог* можно рассматривать вместе. Обе охватывают подобный период - с двадцатых до середины семидесятых годов в *Эпилоге*, по восьмидесятым в *Вечернем дне*. В обеих материал расположен в хронологическом порядке и в обеих именно хронология является основой композиции. Эти работы представляют собой своего рода постскрипtum к ранее опубликованным воспоминаниям. *Вечерний день* – это не только напоминание о прошлых событиях, но и критические портреты современников Каверина - представителей мира культуры, сочетание анализа творчества с личными замечаниями писателя. Среди изображённых были вышеназванные: Тынянов, Эренбург, Зощенко, Иванов и др., а также впервые упомянутые Олеша, Светлов, Антокольский, Тарковский, Яшин и др. Обе книги дополнены рядом приложений (письмами, записями литературных дискуссий, протоколами заседаний, рецензиями, отчётами, выступлениями на съезде писателей, и речами, с которыми никогда не выступил). Однако если *Вечерний день* еще относится к строго литературным явлениям, то в *Эпилоге* включены нелитературные факторы, влияющие на судьбу русской литературы. Впервые в мемуарной прозе Каверина появляется информация о политических преследованиях и травле в прессе Шкловского, Зощенко, Добычина, Пастернака. В своих высказываниях Каверин неоднократно подчёркивал, что основой для оценки художественного произведения могут быть только литературные соображения. Поэтому он требовал объективного отношения к Серапионовым братьям и признания их вклада в русскую литературу, поддержал обращение в защиту осуждённых Юлия Даниэля и Андрея Синявского. В приложенном к *Эпилогу* выступлении

на IV съезде писателей *Актуальные проблемы литературы* (1967) наравне с Паустовским и Булгаковым Каверин поставил Солженицына.

В *Этилоге* Каверин много места посвятил размышлениям о положении современного человека в России. Он пытался выявить факторы, влиявшие на жизнь в тоталитарном государстве. По мнению писателя, поведение многих его современников определялось, прежде всего, страхом, конформизмом и слабостью человеческого характера.

В невымышленной прозе Каверина есть три основных героя: первый – это сам автор, второй – это время, что неоднократно подчёркивал сам Каверин, и третий, – несомненно, русская литература – смысл и сущность жизни писателя. В своих воспоминаниях Каверин использовал информацию, известную лишь узкому кругу людей, тем самым увеличивая и так уже высокое познавательное значение произведений. Но это только одна сторона его мемуаров. Не менее важными являются размышления о состоянии современной литературы и писателя, а также о месте и значении искусства в мире. Мнения по этому вопросу, сформулированные автором, глубоки и серьёзны. В них нет никакого лицемерия и конъюнктурщины, они, скорее, результат опыта и придерживания в стороне от определенных напряжённых ситуаций в окружении, которых в России, естественно, было предостаточно.

Литература

- Алейникова З.Я. 1980 – *Характеры и обстоятельства в мемуарной прозе В.А. Каверина. Конфликты и характеры в современной советской литературе*. Москва.
- Каверин В. 1966 – *Собр. Сочинений в 6-ти томах*. Москва.
- Каверин В. 1973 – *Собеседник*. Москва.
- Колядич Т.М. 1982 – *Жанрово-стилевые искания в художественной мемуаристике 70-х годов. На примере трилогии В. Каверина Освещённые окна. Идеино-стилевое многообразие советской литературы*. Москва.
- Новикова О., Новиков Вл. 1986 – *В. Каверин. Критический очерк*. Москва.
- Lubas-Bartoszyńska R. 1993 – *Między autobiografią i literaturą*. Warszawa.
- Чудакова М. 1978 – В свете памяти. *Новый мир*, № 3.

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ ЛАТВИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В СИТУАЦИИ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

М.А. Гаврилина

Латвийский Университет, Латвия

margarita.gavrilina@lu.lv

В центре внимания данной статьи анализ проблем, которые констатированы в письменной речи латвийских школьников. Данные проблемы вызваны целым рядом факторов, один из которых – влияние второго (латышского) языка на качество русской письменной речи учащихся. Автор статьи, анализируя проблемы и их причины, опирается на ряд исследований, проведённых среди шестилетних детей, учащихся четвёртых и шестых классов, а также – на анализ письменных работ русскоязычных студентов Латвийского Университета.

Ключевые слова: письменная речь школьников, билингвальное обучение, межъязыковая интерференция, речевые ошибки

Развитие письменной речи учащихся диаспоры, как и в целом – изучение родного (первого) языка в диаспоре – имеет особенности, которые обусловлены целым рядом факторов. Данные факторы, а также – проблемы, с которыми сталкиваются учащиеся школ национальных меньшинств Латвии в процессе изучения русского языка, пути их решения проанализированы и описаны автором в целом ряде научных статей [об этом: Гаврилина 2009, Gavriļina 2010, Гаврилина 2011, Гаврилина, Филина 2013 и др.].

Наиболее существенным отличием (от ситуации в метрополии) в процессе развития письменной речи учащихся диаспоры является то, что русскоязычный школьник осваивает родной язык и литературу в билингвальной учебной среде, когда часть учебных предметов он изучает билингвально или на втором (в нашем случае – латышском) языке. При этом доля участия второго языка в учебном процессе зависит от той образовательной билингвальной модели, которая выбрана каждой конкретной школой. Это значит, что русскоязычный ученик одновременно развивается как носитель русского (родного, первого) и латышского (второго) языков. Такая среда требует от ученика понимания того, что билингвизм – это не двойное выражение одной реальности, не перевод на два языка внутренней идеальной речи, помещённой между опытом и выражением, это «способность передвигаться осмысленно и результативно в двух параллельных мирах с помощью двух языков» [Overbeke Van 1972:46]. Однако наш опыт свидетельствует о том, что в ситуации приобретённого билингвизма, которую мы в основном наблюдаем в Латвии, русскоязычные школьники (а позже – и студенты) в процессе устного и письменного общения всё же сознательно или подсознательно переводят с русского языка на латышский и наоборот (а не автоматически

переключают язык). Это особенно ярко проявляется в письменных текстах школьников и студентов, которые они создают на обоих языках. Безусловно, такой перевод приводит к речевым ошибкам и в первом, и во втором языках.

Кроме того, в содержании школьного образования Латвии урокам русского языка и литературы уделено недостаточно учебного времени, которое требуется для полноценного развития русской речевой личности ученика в диаспоре. А окружающая школьников русская речевая среда, к сожалению, часто имеет низкий развивающий потенциал, пестрит многочисленными ошибками, синтаксически элементарна.

Анализ письменной речи учащихся, о котором пойдёт речь в данной статье, опирается на ряд исследований, проведённых автором или в которых автор участвовала в качестве эксперта. Это исследования письменной речи шестилетних детей (результаты обучения азбуке) [Gavriļina 2010-2012], четвероклассников (завершение этапа начальной школы) [Gavriļina M., Līcīte L., Frolova I. 2008], шестиклассников (результаты анализа диагностической работы по русскому языку) [Andžāne R., Gavriļina M. 2014.], студентов Латвийского Университета.

Анализ письменной речи шестилетних детей, осваивающих русскую азбуку, показывает, что на письме дети допускают достаточно много графических ошибок, причина которых – межъязыковая интерференция. Дети одновременно изучают латышских и русский алфавиты, в результате чего смешивают графемы двух языков, поскольку в латинице и кириллице достаточно много «зон риска» для подобного смешения. Следует учесть и то, что многие дети в силу разных причин до поступления в школу прошли подготовку к ней в латышских детских садах. Заметим, что смешение графем двух языков наблюдается и позже в письменной речи школьников, обучающихся по тем билингвальным моделям, где второй (латышский) язык преобладает над первым (русским) как язык обучения. Приведём в качестве примера текст ученика 2-го класса (2-я билингвальная модель обучения):

Лесные жители жбут прихоба весны.

Ского вылезит из верлоги пеиклжисе мебвиду.

Кроме того, шестилетним детям и первоклассникам, изучающим русскую азбуку, трудно даются йотированные гласные, мягкий и твёрдый знаки. Так, только 4% шестилетних детей к концу года (этап изучения азбуки) умели правильно записывать слова, содержащие данные буквы. У большинства детей мы констатировали следующие написания: *йолка, деревйа, пойёт, сйел, яблоня, нчою и под.*

Анализ письменной речи четвероклассников и шестиклассников выявил очень разные проблемы. Поскольку рамки статьи не позволяют подробно описать каждую из них, остановимся на следующих:

- орфографические и пунктуационные проблемы;
- проблемы в речевой аргументации;
- проблемы в создании собственных письменных текстов.

Исследуя письменные тексты учащихся 4-х и 6-х классов, мы определили «рейтинг» трудных для наших учеников орфограмм. К ним относятся: 1) проверяемые безударные гласные в корнях слов; 2) раздельное написание *не* с глаголами; 3) удвоенные согласные в корнях слов; 4) прописная и строчная буквы в названиях праздников и их атрибутов; 5) буквы *з* и *с* на конце приставок; 6) написание мягкого знака (ь) в словах (разные орфограммы). Заметим, что ошибки на данные орфограммы устойчиво сохраняются в текстах учеников на протяжении нескольких лет обучения (нередко встречаются и в текстах студентов). Совершенно очевидно, что практически все эти русские орфографические написания полностью или частично противоречат нормам орфографии латышского языка. Так, в латышском языке *не* с глаголами следует писать слитно (ср.: *negribu, nevaru – не хочу, не могу*). Удвоенные согласные в корнях слов (в большинстве случаев – заимствованных) оформляются в латышском и русском языках часто по-разному (ср.: *profesors, klase, terase – профессор, класс, терраса* и др.). На конце приставок, которые в русском языке могут оканчиваться на *з* и *с*, в латышском языке пишется буква *z* (ср.: *bezmaksas – бесплатный, bezperspektīvs – бесперспективный, bezsārji – безболезненный* и под). Проблемы «безударная гласная в корне слова», «мягкий знак в словах» в латышском языке вообще отсутствуют. Таким образом, школьник, записывая текст на уроках русского или латышского языков, постоянно должен помнить о том, что решение орфографической задачи в том или ином слове напрямую зависит от того, на каком языке ведётся запись. Частотность и устойчивость ошибок в текстах учащихся свидетельствует об обратном: ребята часто не учитывают этого, переносят орфографические нормы из одного языка в другой.

Интересная ситуация констатирована и с пунктуационными умениями школьников и студентов. Нормы пунктуации в русском и латышском языках во многом схожи (различия в основном касаются постановки знаков препинания в предложениях с прямой речью, с вводными словами и словосочетаниями). Это значит, что то или иное пунктуационное правило учащиеся изучают дважды – на уроках обоих языков. Несмотря на это русские и латышские тексты школьников и студентов «пестрят» многочисленными пунктуационными ошибками. «Рейтинг» данных ошибок выглядит так: 1) отсутствие тире между подлежащим и сказуемым; 2) отсутствие запятой(ых) в предложениях с обособленными членами предложения и вводными словами; 3) отсутствие или неправильная постановка запятой(ых) в сложном предложении. Если первую ошибку можно считать результатом межъязыковой интерференции, то причины второй и третьей ошибок совершенно иные.

В процессе анализа письменной речи четвероклассников и шестиклассников констатированы проблемы в умении школьников аргументировать свой выбор при решении орфографической задачи в слове или в том случае, когда необходимо высказать мнение относительно предложенного суждения и аргументировать его. Например, учащиеся 4-го класса при правильном орфографическом написании так аргументировали своё мнение: *не_могу* пишется отдельно, так как: а) существительное пишется с предлогом отдельно; б) это глагол 2-го спряжения; в) слово отвечает на вопрос «что не делаю?»; г) это не глагол. Шестиклассники, решая орфографическую задачу «Существительное *Греция* пишется с заглавной буквы. Как следует писать прилагательное, образованное от него? Аргументируй свою точку зрения», предложили следующие аргументы: Прилагательное *греческий* пишется с маленькой буквы, так как а) корень остался тот же самый; б) прилагательное не исключение; в) оно означает народ или какой-то предмет; г) прилагательное зависит от существительного; д) это национальность человека; е) это не первое слово в предложении. Очевидно, что предложенные школьниками аргументы свидетельствуют о том, что орфографические умения в данном случае носят неосознанный характер. Анализ результатов диагностической работы по русскому языку, которую в 2014 году выполнили 4518 шестиклассников, позволил сделать вывод, что самый слабый результат ребята показали именно при выполнении грамматических заданий. Так, грамматические задания были выполнены учениками только на 52,42% (ср.: чтение – 61,35%; слушание – 75,06%; говорение – 82,10%; письмо – 61,98%).

Анализ сочинений школьников позволяет выявить проблемы как композиционного характера, так и в содержании текстов, использовании лексики, в синтаксисе речи.

Тексты сочинений как четвероклассников, так и шестиклассников в большинстве случаев не структурированы, представляют собой один развернутый абзац. Чаще всего они невелики по объёму. Так, только у 9% четвероклассников в сочинении на тему «Эти замечательные летние каникулы» насчитывается 100–120 слов (включая служебные). В сочинениях 23% ребят – 30–50 слов. В результате этого тема сочинения часто не раскрыта.

У большинства школьников наблюдается стремление к стенограмме изложения события (независимо от того, на какую тему они пишут). Часто это выражается в его почасовом описании. Например (сочинение на тему «Мой любимый праздник, 6 класс»): *Мы сначала играли в хоккей где-то 2 часа, кушали 1 час, отдыхали где-то 1 час ...* и под. Достаточно много внимания современные школьники уделяют гастрономической теме (напр.: что из еды было куплено к празднику, какие блюда были приготовлены и под).

Сочинения большинства ребят обычно насыщены положительными эмоциями, но при выражении эмоций школьники очень редко используют средства языковой выразительности,

более того – в сочинениях ребят мало прилагательных (чаще всего используются общеупотребительные прилагательные: *красивый, большой, маленький, счастливый, весёлый, любимый* и под.). Заметим, что у 87% четвероклассников, которые учатся в классах, где реализуется 1-я билингвальная модель, и у 70% ребят, обучающихся по 2-й билингвальной модели (латышский язык существенно доминирует в учебном процессе), в текстах сочинений вообще нет прилагательных и средств языковой выразительности. На наш взгляд, это тревожный симптом, который свидетельствует о проблемах в развитии эмоционально-речевой стороны личности школьников. Объяснение такой ситуации видится в том, что на уроках, которые ведутся на латышском языке, а ученики ещё недостаточно им владеют, ребята стараются понять главное – факты, общее содержание (что обычно выражено существительными, глаголами, наречиями). «Прекрасные подробности», выраженные прилагательными, тропами, фигурами, часто остаются за пределами понимания, кажутся ненужными, а затем – не появляются и в собственной речи школьников (в том числе – в первом языке).

В письменных текстах четвероклассников и шестиклассников наряду с литературными часто встречаются разговорные слова, письменный текст школьники пытаются строить по принципам организации внешней речи. Очень часто в сочинениях имеют место лексический повтор (в одном предложении или рядом стоящих предложениях), нарушение лексической сочетаемости. В морфологии речи у 77% школьников констатируется тенденция к использованию глаголов в сложной форме будущего времени (напр.: *Летом я буду ездить на футбол. Буду ехать в аквапарк. Я буду ездить к бабушке. Буду играть в компьютер. Гулять я буду. Маме я буду помогать. Буду лететь в Италию.*), а также – неуместное использование глагола-связки «есть» (напр.: *Этот день есть самый дорогой день моей жизни. Друзья есть близкие для меня люди. Осень есть самое печальное время года* и под.). У этих двух явлений разные причины: появление в речи глагола-связки «есть» обусловлено влиянием латышского языка, использование же сложной формы будущего времени глагола к межъязыковой интерференции отношения не имеет, поскольку такой формы в латышском языке нет.

В текстах учеников достаточно часто встречаются ошибки в формах управления слов, обычно являющиеся результатом межъязыковой интерференции (напр.: *Мы увлеклись с игрой в настольный хоккей; Самый мне любимый праздник – Новый год!* и под.).

Излагать мысли на письме школьники предпочитают с помощью простых распространённых и сложноподчинённых предложений. Однако нередко присутствует неоправданное деление сложного предложения на 2-3 части (напр.: *Пасху приятнее всего проводить с близкими людьми. С ними приятно побиться яйцами. А потом съесть его с горой соли. Чтобы больше не врать.*).

Каковы же причины охарактеризованных проблем в письменной речи латвийских школьников? На самом деле – их много. Остановимся только на тех, которые кажутся нам наиболее значимыми в латвийской ситуации.

Одной из них, на наш взгляд, является то, что у многих младших школьников отсутствует мотивация к тому, чтобы научиться писать (нередко принимающая форму школьной фобии), а для старшеклассников – качественная письменная речь часто не является ценностью. В начале учебного года (перед изучением азбуки) мы спросили шестилетних детей, хотят ли они научиться писать. 46% ребят ответили на вопрос отрицательно (большинство из них объяснили свою позицию так: «это трудно», «у меня не получится», «а вдруг я сделаю неправильно, и меня будут ругать»). Старшеклассники на вопрос «Как Вы относитесь к ошибкам в письменной речи?» ответили так: 65% ребят – «речевые ошибки – норма (главное – содержание, а не форма!)», 21% – «я их не замечаю», 14% – «ошибки меня раздражают».

Другая причина – «скрещивание» в сознании школьников норм латышской и русской письменной речи, приводящее к разного рода ошибкам и в первом, и во втором языках. Наиболее очевидно это в тех случаях, когда школьники учатся в классах и школах, где реализуются 1-я и 2-я билингвальные модели. Однако к такого рода ошибкам следует относиться внимательно. Наш опыт свидетельствует о том, что в основе той или иной речевой ошибки, допущенной учеником, чаще лежит комплекс причин. Например, если ученик записывает слово «*безплатный*» (вм. *бесплатный*), то причинами данного ошибочного написания одновременно могут быть:

- влияние окружающей русской речевой среды (подобного рода ошибка часто встречается в рекламных проспектах, объявлениях и под.);

- влияние орфографической нормы латышского языка: написание приставок *bez-*, *uz-* и под. в латышском языке подчиняется морфологическому принципу орфографии, в русском же – фонетическому (русским алломорфам *без-/ бес-* соответствует латышская приставка *bez-*); характер межъязыкового соотношения в данном случае подталкивает школьников к выбору в пользу буквы *z*;

- недостаточный читательский опыт ученика;

- нехватка учебного времени на закрепление освоенных языковых умений на уроках обоих языков (на последнее обстоятельство в ходе проведённых исследований указало 85% учителей русского языка).

Не менее важная причина – то, как учителя русского языка и литературы видят и оценивают ситуацию с письменной речью школьников. Наши исследования показывают, что учителя часто находятся в плену собственных педагогических заблуждений, оценивают

проблему с позиции многолетней давности. Так, реальная ситуация с орфографической грамотностью школьников («рейтинг» трудных орфограмм) и тем, как её видят учителя, в большинстве случаев не совпадают (напр.: ошибки в написании *не* с глаголами частотны и устойчивы в письменной речи ребят, однако лишь 38% учителей считают это проблемой). Кроме того, серьёзной проблемой в развитии письменной речи школьников, как уже говорилось выше, является межъязыковая интерференция. Однако в ходе анкетирования педагогов и бесед с ними лишь малая часть учителей русского языка высказала мнение о необходимости включения элементов сравнительного языкового анализа в содержание уроков русского и латышского языков, а также – желание и готовность дидактически сотрудничать с учителями латышского языка. На наш взгляд, такая интеграция дидактических усилий учителей необходима прежде всего потому, что освоение языков – процесс уникальный для каждого ученика настолько, насколько уникальны биографии школьников. Учителя латышского языка знают: если у ученика не ладятся дела в родном языке, то и со вторым языком у него, скорее всего, будут проблемы. Значит, помочь ребёнку (развить его языковую способность) должны оба педагога.

Литература

- Гаврилина М.А. 2009 – Орфографическая грамотность младших школьников в родном языке в условиях билингвального образования. *Русский язык за рубежом*. № 6. Москва. С. 51-56.
- Гаврилина М. 2011 – Межкультурный диалог на уроках русского языка в общеобразовательных школах Латвии. *Problems of education in the 21 Century: Panorama of International and Comparative Education Research*. Vol. 30. Lithuania: SMC Scientia Educologica. P.123-132.
- Гаврилина М., Филина О. 2013 – Диалог с текстом на занятиях по русскому языку и литературе в условиях диаспоры. *Problems of education in the 21 Century*, ISSN 1822-7864. Volume 52. Education: General Issues. Scietic Methodical Center “Scientia Educologica”, Lithuania. P. 137-150.
- Andžāne R., Gavriļina M. 2014. – *Diagnosticējošais darbs krievu valodā 2013./2014. mācību gadā: rezultātu analīze un ieteikumi*. Latvija, Rīga.
- Gavriļina M., Līcīte L., Frolova I. 2008 – *Mazākumtautību (krievu) sākumskolas skolēnu valodā sastopamo ortogrāfijas un interpunkcijas problēmu raksturojums un to risinājuma iespējas*. Latvija, Rīga.
- Gavrilina M. 2010 – Analysis of the Quality of the Written Russian Language by Latvian Students. *Ad verba liberorum: Linguistics & Pedagogy & Psychology*. Vol.2. N 1. P. 49-61.
- Gavrilina M. 2010 – 2012 – *Pilotprojekts „Sešgadīgo izglītojamo mācību programmas un tās ieviešanas aprobācija”*. Latvija, Rīga (eksperte)
- Van Overbeke, M. 1972 – *Introduction au problème du bilinguisme*. Bruxelles.

ПОЛИХРОННЫЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М. Ван Гауберген

Лёвенский католический университет, Бельгия

martine.vangoubergen@kuleuven.be

В этой статье мы постараемся выяснить, выражается ли полихронный характер культуры в творчестве русских писателей. Для этого мы обратимся к разработанным антропологами и литературоведами концептам. Мы свяжем концепты Эдварда Холла «*полихрония / монохрония*» с биполярными понятиями «*хронос / кайрос*». Безусловная взаимосвязь между *кайросом* и бахтинским *хронотопом встречи* поможет нам разобраться, как за литературным концептуальным инструментарием просматривается культурный и философский дискурс. Это нам, в свою очередь, поможет понять, почему русский литературный голос всегда занимал и всё ещё занимает привилегированное место на мировой литературной арене.

Ключевые слова: литературный подход, полихрония, хронос / кайрос, хронотоп

Платон говорил, что «изумление – начало философии» [Платон 1970:243]. Это изумление стало источником и кросс-культурных исследований американского антрополога Эдварда Холла. В своих книгах он советует всем, кто берется за изучение чужих культур, не осуждать сразу же странное для него поведение в других культурах, не делать сразу же каких-то выводов или возмущаться, а задуматься и постараться поместить это непонятное поведение в более широкие рамки восприятия мира. В течение всей своей жизни он себя именно так и вёл, и, основываясь на такой принципиальный подход, он провёл фундаментальное исследование о самых глубинных причинах непонимания в процессе межкультурного общения. Он разработал параметрические модели для сопоставительного анализа психологической идентичности разных народов.

Одним из самых весомых параметров, разработанных Холлом, является пространственно-временная парадигма. Холл пустил в обиход понятия монохронного и полихронного времени. Эти две системы существенно различаются друг от друга в способе восприятия времени. Как на это указывают греческие термины, первая система основана на восприятии времени как единого и линейного, а вторая система на восприятии времени как разностороннего и циклического. Характеристики и показатели этих разных восприятий времени обширны. В этой статье мы затронем лишь несколько таких характеристик. Чтобы лаконично охватить содержание этих понятий, предлагается смотреть на монохронное восприятие времени как на более абстрактный способ представления времени – такой,

который представляет себе время как прочную и общепринятую референцию, как объективную внешнюю норму, как дополнительное измерение, отличное от трёх других пространственных измерений. А на полихронное восприятие можно смотреть как на способ представления, который воспринимает время как окружающее пространство или как четвёртое измерение пространства. Классификация разных культур по этим категориям является отдельной темой для рассуждения. Мы же будем исходить из рабочей гипотезы, ясно сформулированной Ольгой Аркадьевной Леонтович. Она говорит: «В российской культуре, занимающей промежуточное положение между Западом и Востоком, ... элементы полихронного поведения присутствуют в большей степени, чем в американской» [Леонтович 2007:128]. Здесь можно добавить – чем в северо-европейской культуре.

Теперь возникает вопрос: как эти разные восприятия времени отражаются в литературе? Эдвард Холл сам коротко затрагивает этот вопрос и приходит к следующему заключению: в северо-западной и американской литературе все авторы – и он упоминает Джеймса Джойса, Вирджинию Вульф, Олдоса Хаксли, Томаса Манна, Уильяма Фолкнера – эксплицитно или имплицитно считают двойственность, связанную с разделением времени и пространства, присущим принципом природы [об этом: Hall 1989:134]. Эта двойственность и этот глубоко заложенный дуалистический подход к жизни характеризуют и пронизывают весь нарратив монохронной литературы: хорошие и плохие персонажи; прошлое и будущее; духовность и материализм; внутренность и внешность, причину и следствие... Спросите западного читателя, что его поражает в русских классиках: многие ответят вам, что вызывает интерес именно множество нарративных линий, множество персонажей, множество аспектов описываемых персонажей, множество перспектив на случившееся... Другими словами: плюралистический подход к жизни.

Не случайно, что именно русский литературовед Бахтин, вместо того чтобы разъединять время и пространство, наоборот, соединяет их и вводит в обиход понятие *хронотоп*: «Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены. Абстрактное мышление может, конечно, мыслить время и пространство в их раздельности и отвлекаться от их эмоционально-ценностного момента. Но живое художественное созерцание ничего не разделяет и ни от чего не отвлекается» [Бахтин 1975:391]. Вслед за Бахтиным литературоведы анализировали типологию больших устойчивых хронотопов и изучали, как они определяют жанровые разновидности литературы. И все, опять вслед за Бахтиным, согласны, что при всей несовместимости изображенного и изображающего мира, окружающая действительность и мировоззрение автора всё равно составляют необходимый контекст литературного произведения, вне которого нельзя понять произведения [об этом:

Бахтин 1975:402]. Но до сих пор литературоведы этот контекст понимали в основном в его историческом, идеологическом или жанровом значении. Подсознательные межкультурные различия не получили должного внимания. И здесь ничего удивительного нет, потому что эти различия очень тонкие и, как сказано, они касаются подсознательных, значит скрытых восприятий. Они не систематические, к тому же они сливаются с жанровыми характеристиками. Из-за всех этих причин очень сложно и рискованно выделять их из общей картины нарратива.

Тем не менее, некоторые элементы, собранные у антропологов, с одной стороны, и у литературоведов, с другой стороны, нас стимулируют попытать своего счастья.

В своём анализе монохронного и полихронного восприятия времени Эдвард Холл описывает первую культуру – значит монохронную – как систему, в которой люди ориентируются на расписания и на внешнюю организацию времени. В таком обществе человек занимает то место, которое ему предназначают линейный временной график. Какая-то задача должна быть сделана в определённый момент и на определённом месте. Но в полихронном обществе, где человек ощущает время не как отдельное измерение, а как изменяющееся окружение – значит как пространственное измерение – человеку приходится договариваться о своём месте. И то место, полученное по договорённости, добывается на основе коммуникации между сторонами. Оттуда вывод Эдварда Холла, что полихронные культуры по своей природе ориентированы на общение и на передачу информации. Этот тезис Эдварда Холла нам, конечно, напоминает не только известную русскую общительность, но и самый важный бахтинский хронотоп, *хронотоп встречи* и связанный с ним *хронотоп дороги*. Достаточно обратиться к объяснению Бахтина, чтобы сразу распознать сплетение времени и пространства и плюралистический подход к жизни: «Встречи в романе обычно происходят на «дороге». «Дорога» – преимущественное место случайных встреч. На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразнейших людей – представителей всех сословий, состояний, вероисповеданий, национальностей, возрастов» [Бахтин 1975:392]. Во-первых, важно то, что такие мысли выражены именно русским литературоведом. Конечно, описываемые *хронотопы встречи* и *дороги* действуют и в западной литературе, как например, в известном американском кинематографическом жанре “road movie”. Но там это сразу классифицируется как отдельный жанр. И интересно то, что общий подход к литературе путём пересечения пространственного и временного рядов предлагается именно русским литературоведением в лице Бахтина. И если подходить к русской литературе на макроуровне, мы видим, что эти *хронотопы встречи* и *дороги* носят особенно весомый и метафорический характер. Достаточно вспомнить об Онегине, который в начале поэмы летит

навстречу своей судьбе «в пыли на почтовых». Достаточно думать о похождениях Чичикова и о легендарной птице-тройке, которой «дают дорогу другие народы и государства», достаточно упомянуть встречи в поезде в начале романа «Идиот» и в начале романа «Анна Каренина», достаточно сослаться на встречу Воланда и Берлиоза на аллее на Патриарших прудах и т.д., чтобы понять, что эти встречи на дороге не просто происходят в этих нарративах, но несут и символический характер, да ещё и до такой степени, что они входят в коллективное бессознательное целого народа.

Другим интересным инструментом для выявления полихронных элементов в русской литературе является философское понятие *кайрос*. Уже Аристотель разделял два понятия времени: *хронос* и *кайрос*. *Хронос* представляет собой текущее время, а *кайрос* подходящий момент. Этот двуликий характер времени в русском языке легко можно выразить словами *время* и *пора* – лексическое отличие, которое, кстати, не существует ни во французском, ни в английском, ни в немецком языках. То, что *кайрос* (или *пора*) играет важную роль в полихронном восприятии времени, само собой разумеется. *Кайрос* – в отличие от текущего, календарного времени – непредвидим и не может организовать жизнь человека. Зато он тесно связан со встречами между людьми. Он яснее, чем *хронос* проявляет свою неразделимость с пространством. Он неожиданно вторгается в ход событий. Он указывает на момент, перед которым ещё рано, но после которого уже поздно. Он является подходящим или созревшим моментом. Он пронизан высокой эмоциональной интенсивностью и нередко сочетается с мотивом кризиса. В литературном тексте он часто проявляется через такие слова как *вдруг* или *внезапно*. Если, например, проанализировать на микроуровне повесть Достоевского *Вечный муж*, мы видим, что первая фраза звучит: «Пришло лето и Вельчанинов, **сверх ожидания**, остался в Петербурге». А последняя фраза по-своему тоже указывает на то, что ход событий был разрушен: «Вправо, к уездной знакомке, он не поехал, – слишком уж был не в духе. И как жалел потом!». В тексте повести мы находим не меньше, чем 191 раз слово *вдруг*, 17 раз слова *неожиданно* или *неожиданный* и 13 раз слова *внезапно* или *внезапный*. Вместе получается больше, чем 220 выражений случайности на протяжении 150 страниц. Значит, *кайрос* чуть не в каждом параграфе мешает ходу вещей. Это придаёт тексту вихревое движение, которое держит читателя в напряжении. Время здесь не организует жизнь, но под видом *кайроса* прямо вторгается в пространство человека.

Хронотоп встречи и с ним связанный *хронотоп дороги*, также как понятие *кайрос* и его вторжение в человеческое пространство, подчёркивают неразделимость времени и пространства, что, как было сказано Эдуардом Холлом, способствует плюралистическому подходу к жизни. Это, наверное, и объясняет особое место, которое занимает русская литература в мировом контексте. «В чём тайна искусства русского художника?» –

воскликнул когда-то французский критик Жюль Леметр [об этом Шестов 1964:343]. Лев Шестов ищет ответ на этот вопрос в том же направлении, как и Э. Холл. Анализируя дуалистический способ мышления монохронного мировосприятия, Э. Холл говорит о том, что это мышление иногда мешает человеку учитывать множество возможных причин и множество возможных ответов. Дуализм со своим *entweder/oder* заставляет литературу делать выбор. «Двум богам служить нельзя. Нужно или описать действительность, или уйти в область несбыточных фантазий. В новой западно-европейской литературе этот вопрос так и не был разрешен. Великие писатели западных стран не могли разгадать этой страшной и мучительной загадки. Там вы видите перед собой либо великих идеалистов, какими были, например, Виктор Гюго или Жорж Занд, либо, преклонившихся перед действительностью, реалистов, как Флобер, Гонкуры, Золя и многие другие. Там, в Европе, лучшие, самые великие люди не умели отыскать в жизни тех элементов, которые бы примирили видимую неправду действительной жизни с невидимыми, но всем бесконечно дорогими, идеалами, которые каждый, даже самый ничтожный человек вечно и неизменно хранит в своей душе. Мы с гордостью можем сказать, что этот вопрос поставила и разрешила русская литература и с удивлением, с благоговением можем теперь указать на Пушкина: он первый не ушел с дороги, увидев перед собой грозного сфинкса, пожравшего уже не одного великого борца за человечество. Сфинкс спросил его: как можно быть идеалистом, оставаясь вместе с тем и реалистом, как можно, глядя на жизнь — верить в правду и добро? Пушкин ответил ему: да можно, и насмешливое и страшное чудовище ушло с дороги. Вся жизнь, все творчество великого поэта были тому примером и доказательством. Он расчистил путь для всех дальнейших писателей, и вслед за Пушкиным русские люди увидели Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Островского, Писемского, Достоевского, Толстого, и к нам, еще так недавно робко учившимся у европейцев, пришли, как мы говорили, эти самые европейцы за словом утешения и надежды» [Шестов 1964:334].

Литература

- Бахтин М.М. 1975 – *Вопросы литературы и эстетики*. Москва
Леонтович О. А. 2007 – *Введение в межкультурную коммуникацию*. Москва
Платон 1970 – *Тезет, 155 Д, Соч. В 3-х томах. Т.2*. Москва
Шестов Л.И. 1964 – *Умозрение и откровение*. Paris
Hall E.T. 1989 – *The Dance of Life*. New York

ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ТОПОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ²

Е.В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

elena-generalova@yandex.ru

В статье рассматриваются исторические процессы в области словообразования и семантической эволюции образований от топонимов в истории русского языка (последовательно на материале древнерусского и старорусского языка вплоть до современного состояния). Анализ языкового материала позволяет сделать выводы о различной культурной роли таких лексем в разные исторические эпохи, а также о постепенном формировании в русском языке тенденции к выражению этностереотипов с помощью образований от топонимов.

Ключевые слова: топонимы, этнонимы, дериваты, семантика, адъектонимы (оттопонимические прилагательные), этностереотипы

В центре внимания настоящей работы семантика и тенденции развития в русском языке образований от топонимов (и иногда этнонимов, поскольку ряд топонимов образуется на этнонимической основе). При том, что топонимы – важнейший лексический пласт любого языка, сохраняющий рефлекс древнейшего состояния, дающий ценную информацию о территории расселения народа и его языковых контактах, отражающий менталитет носителей языка, дериваты от топонимов не так часто оказываются в поле зрения исследователей (обычно изучается происхождение и словообразование таких лексем), представляя собой «переходный случай» от собственных к нарицательным» [Реформатский, 1964:21]. Предметом лексикографического описания дериваты от топонимов становятся также достаточно редко: в настоящее время существует ряд словарей, описывающих современное состояние («Словарь названий жителей РСФСР» под ред. А.М. Бабкина, М., 1964, «Словарь названий жителей СССР» под ред. А.М. Бабкина, Е.А. Левашова. Москва, 1975, «Словарь прилагательных от географических названий» Е.А. Левашова, Москва, 1986, словарь-справочник Е.А. Левашова «Географические названия: Прилагательные, образованные от них. Названия жителей:», Санкт-Петербург, 2000, Словарь-справочник Р.А. Агеевой «Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы», Москва, 2000, словарь-справочник Е.А. Левашова «Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий», Санкт-Петербург, 2003, словарь-справочник И.Л. Городецкой, Е.А. Левашова

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а)

«Русские названия жителей», Москва, 2003), однако отсутствуют исторические словари такого рода.

Древнейшие образования от топонимов в русском языке – это существительные-названия жителей и соответствующие относительные прилагательные. Они хорошо известны уже в древнерусском языке. В памятниках языка Московской Руси фиксируется значительное количество названий жителей стран (*французене, свеяне* и др.) и городов (*ельчане, арзамасцы*), а также оттопонимических прилагательных (*датский, киевский, гессенский*). Возникают и некоторые производные от таких прилагательных наречия (*по-немецки, по-польски, по-русски*. Примечательно, что в диахронии для образований от топонимов характерна значительно большая вариативность, чем в современном языке: (*голландцы – галанцы – голанцы, агличене – агличане – аглинцы – аглинские люди – аглинские немцы, аглинский – аглицкий – агленский – англинский – англицкий, ельчанин – ельченин, москвитин – москвич – московлянин* [КСОРЯ]). Корневая база этих образований – наглядное подтверждение антропоцентризма в языковом мышлении.

Оттопонимические прилагательные (адъектонимы) в большинстве своем образуются раньше соответствующих существительных-названий жителей; В.А. Горпинич, подчеркивает, что их употребительность в языке превышает использование существительных-названий жителей в десятки раз [Горпинич 1966].

Существенно, что именно в старорусском языке на основании частотного употребления относительных прилагательных в характерных контекстах формируется типовая семантика оттопонимических прилагательных [см. подробнее Генералова 2005]:

- собственно относительная семантика, с которой оттопонимические прилагательные образуют ряд наименований географических объектов: стран и местностей (*Шпанская земля, Датский край, Казанское царство*), уездов и волостей (*Варзужская волость, Торопецкий уез*), городов (*Архангельский город, город Гданьский*);

- семантика ‘проживающий в соответствующем населенном пункте’ и близкая к ней семантика ‘проживающий и служащий в соответствующем населенном пункте’ (*московские стрельцы, рузский приказчик*) как самое распространенное значение;

- типичная для прилагательных, образованных от названий стран и крупных населенных пунктов семантика ‘правлящий, являющийся главой соответствующего населенного пункта’ (*свеиская королева, государь московский великий*), в связи с чем важнейшая функция оттопонимических прилагательных - использование их в составе титулов (*арцугиня эстландская и корельская*),

- лежащая в основе номенклатурных сочетаний семантика ‘производимый в соответствующем населенном пункте, привезенный из соответствующего населенного пункта’ (*двинская бечева, астраханская икра*),

- семантика 'имеющий хождение, принятый в определенной местности' (*оскольская мера, новгородская деньга, елецкий пуд*); в обозначениях в основном денежных единиц и мер зерна,

- энантиосемичное значение 'приехавший (привезённый) из такой местности/населенного пункта (направляющийся (доставляемый в такую местность/населенный пункт)' (*новгородский посланный, московская посылка*);

- локативная семантика 'находящийся на территории соответствующего населенного пункта' (*псковские кабаки, московский двор*);

- значение 'происходящий в таком населенном пункте/местности' (*казанское разоренье, московский пожар*),

- семантика 'о дороге: ведущий в такой населенный пункт' (*витебская дорога*).

На фоне таких типовых значений всегда существенно рассмотрение нехарактерной семантики. Нетипичное значение может представлять собой уникальную ветвь семантической эволюции, т.е. окказиональное значение: так, в контексте из Вестей-Курантов, 1660 г. «*Что там в Неметцкои земль ис сеи датцкои воины вышло*» прилагательное *датский* означает 'о военных действиях: ведущийся Данией'.

Нетиповая семантика может сигнализировать о начале какого-либо семантического процесса, активизирующегося впоследствии: см. не характерная, возникающая в единичных случаях семантика 'свойственный такому региону' (*казанская быкность*) становится типовой для оттопонимических прилагательных со второй половины XVIII в. и очень активна в современном языке (*петербургская сырость, английские традиции*).

Наконец, нетиповое значение может быть отражением особого этнокультурного компонента значения. Например, в истории прилагательного *московский* в старорусском языке наряду с типичным семантическим блоком 'относящийся к городу Москва' выделяется и второй семантический блок 'относящийся к Московскому государству (Русскому государству XVI-XVII вв.)', в связи с чем *московские люди* 'жители России того времени', *московский посол* 'представитель интересов Московской Руси' *московский золотой* 'название именно русской (а не только столичной) монеты', которое встает в один ряд с обозначениями аналогичных реалий других государств (ср. *золотой угорский, золотой португальский, золотой турецкий* и др.). В данном случае появление такой семантики у прилагательного *московский* обусловлено особой исторической ролью Москвы и, соответственно, формированием вокруг Москвы централизованного государства.

Оттопонимические прилагательные занимают важное место в языковой системе и культуре преднациональной эпохи. В языке XVI-XVII вв. это едва ли не основной способ обозначения связи человека с определенной местностью (ср. в современном русском языке

эта роль принадлежит существительным-названиям жителей). Конструкции с прилагательными, образованными от топонимов, воспринимались как принадлежность официального стиля, кроме того, были более информативными, т.к. позволяли указать и на род занятий человека за счет семантики определяемого существительного (*болхавский торговый человек, московский пушкар* и т.д.). Такие прилагательные входили в названия стран и местностей, в титулы и устойчивые сочетания. Сочетания с оттопонимическими прилагательными интересны заложенной в них историко-культурной информацией, т. к. содержат сведения об экономике, быте того времени: например, прилагательное *амбургский* (с вариантами *амборский, анбуржский, анбурский*) от названия города Гамбург сочетается исключительно с лексемой *сукно*; образование обозначений денежных единиц с прилагательными *московский* и *новгородский* отражают важный исторический процесс – перестройку русской денежной системы в XVI в., когда на смену московскому и новгородскому счету приходит единая система, в основе которой московский рубль, равный ста новгородским копейкам. Оттопонимические прилагательные в свою очередь являются базой образования онимов, в частности, прозвищ, фамилий, псевдонимов (*Белозерский, Ржевский, Роттердамский*), названий улиц (*Брянская, Большая Московская*) и т.п.

В последующий период в языке XVIII в. возрастает количество производных от топонимов и этнонимов, причем фиксируются не только существительные и оттопонимические прилагательные, но и редкие окказиональные образования (*брезиллит* ‘древесина бразильского дерева’). Появляются новые словообразовательные модели, например, сложения с элементами *-ман, -фил* (*англоман, французоман, грекофил*). Происходит дальнейшая стратификация фонетических, графических, словообразовательных вариантов: одни варианты устаревают, другие напротив появляются в языке (так, наряду с известными к этому времени в языке образованиями *аглийский* и *аглицкий* в языке XVIII в. фиксируются и начинающий входить в язык вариант *английский*, и употреблявшийся только в языке XVIII в. вариант *энглишский*, и т.п.). Происходят изменения в сочетаемости и в семантике дериватов от топонимов: в частности, все более характерной для оттопонимических прилагательных становится семантика ‘свойственный’, в результате чего уже возможно возникновение таких контекстов, как *гишпанская твердость*. Растет число устойчивых сочетаний, включающих образования от топонимов, и эти сочетания фиксируют новые значимые культурные реалии и ярко представляют эпоху: см. *английский клуб* ‘аристократический закрытый клуб (по образцу клубов в Англии), *китайская трава* ‘чай’, *китайское чернило* ‘тушь’, *китайские тени* ‘кукольный театр с теневым изображением’, *шпанская мушка* ‘пластырь из высушенной и измельченной шпанской мушки’ и др.).

Время наиболее бурного развития сегмента производных от топонимов и этнонимов – это XIX в., что объяснимо геополитической и исторической ситуацией.

В публицистике и художественной литературе XIX в. резко возрастает частотность, удельный вес таких образований. Продолжает развиваться семантика образований от этнонимов и топонимов, например, семантика ‘свойственный...’ у оттопонимических прилагательных: см. в истории прилагательного *московский* при устаревании в XVIII в. семантического блока ‘относящийся к Московскому государству’ (в таких значениях слово *московский* используется уже только для описания соответствующей исторической эпохи и стилизации), начиная с периода XIX в., выделяются новые значения ‘относящийся к москвичам’ (*с московской точки зрения, московская закалка*), ‘свойственный москвичам’ (*московская неопрятность*)

XIX в. – это период количественного роста группы образований от топонимов. В это время активизируется и возникает целый ряд словообразовательных типов:

- уменьшительные образования от этнонимов (*немчик, французишко, болгарочка*);

- глаголы на *-ировать* (*германизировать, итальянизировать*) (в языке XIX в. такие глаголы активно использовались в личной форме (см. *Начал он и ее итальянизировать и заставлял петь арии и дуэты из разных итальянских опер-буфф* (П.А. Вяземский «Старая записная книжка», 1830-1870) [НКРЯ]), в современном же русском языке эти глаголы используются исключительно в форме причастий: *арабизированное население, американизированный политик, итальянизирующая манера*);

- глаголы с начальным элементом *о-* и их возвратные производные (*онемечить(ся), офранцузить(ся)*) (при этом «языку XIX века было известно значительно большее число подобных образований: *оболгарить(ся), огерманить(ся), огречить(ся), олатышить(ся), обьэстонить(ся), оякутить(ся)*» [Старовойтова 2013:283-284]);

- дериваты от оттопонимических прилагательных с приставкой *архи-* (образовывались в языке вплоть до 1910-х гг.): *архинемецкий* (1835 г.), *архималороссийский* (В.Г. Белинский, 1841 г.), *архианглийский* (А.И. Герцен, 1864 г.), *архипетербургский, архимосковский* (П.Д. Боборыкин, 1895 г.).

Еще одна интересная ветвь образований от топонимов и этнонимов – слова типа канадка ‘куртка’. В современном русском языке обнаруживается около 40 таких существительных (преимущественно женского рода), схожих с наименованиями национальностей, но обозначающих не лиц, а различные конкретные объекты.

Первые такие образования известны уже в языке Московской Руси XVII в. (*французка* ‘сифилис’, *голландка* ‘огнестрельное орудие малого калибра, сделанное в Голландии или по голландскому образцу’, *китайка* ‘недорогая хлопчатобумажная ткань’, *новгородка*

‘новгородская деньга’ и др.). Их число в языке постепенно растет, но в XIX и XX вв. их образование идет особенно активно. Семантика таких существительных:

- одежда или обувь (*амазонка* ‘женское длинное платье для верховой езды’, *афганка* ‘летняя камуфляжная форма’, *канадка* ‘куртка на меху с капюшоном’, *венгерка* ‘гусарская куртка с нашитыми шнурами’, *испанка* ‘детская шапочка четырехугольной формы’, *кубанка* ‘плоская меховая барашковая шапка казаков’, *финка* ‘круглая плоская шапка с меховым околышем’, *чешки* ‘гимнастические тапочки’, *вьетнамки* ‘легкая обувь в виде подошвы с ремешком между первым и вторым пальцами’, *канадки* ‘хоккейные коньки’, *румынки* ‘женские зимние ботинки, отороченные мехом’);

- различные инструменты и приспособления (*болгарка* ‘ручная круглая машинка для распиливания’, *финка* ‘нож с широким коротким лезвием’, *литовка* ‘коса с длинной ручкой’, *нагайка* ‘короткая ременная плеть’, *турка* ‘приспособление с длинной ручкой для заваривания кофе’, *тальянка* ‘однорядная гармошка’, сюда же *голландка* ‘комнатная, обычно кафельная печь’);

- танцы и мелодии к ним (*полька*, *лезгинка*, *венгерка*, *мазурка*, *кабардинка*, *цыганочка*, *русская*);

- растения (*кубанка* ‘сорт пшеницы’, *венгерка* ‘сорт небольших слив’, *китайка* ‘морозоустойчивый сорт яблони с небольшими плодами’, *афганка* ‘конопля’);

- животные (*индейка*, *финка* ‘небольшая лошадь северной породы’, *голландка* ‘самка животного голландской породы (корова, курица)’); и т.д.;

- ткани (*китайка* и *нанка* ‘хлопчатобумажная ткань’, *шотландка* ‘пестрая клетчатая ткань’);

- болезни (*испанка*, *французка*);

- продукты питания (*гречка* и *корейка*).

Слова этой группы ведут очень активную жизнь в языке, быстро появляются и устаревают, причем в группе широко развита омонимия (см. *венгерка* ‘гусарская куртка с нашитыми шнурами’, ‘женский пиджак со стоячим воротником, украшенный двумя рядами металлических пуговиц’, ‘сорт небольших слив’, ‘танец’, ‘пирожок с творогом и изюмом’. Большинство исследователей расценивают такие образования как пример параллельной деривации от основы топонима, т.е. омонимы к существующим названиям национальностей.

Активные процессы в функционировании образований от топонимов в современном русском языке — это тесно связанные друг с другом новации в области семантики, сочетаемости и словообразования.

Что касается словообразования, в настоящий период используются в основном традиционные модели, уходящие корнями в историю языка, однако одни модели становятся

непродуктивными (сложения с *-ман*, *-фил* и *-фоб*, образование глаголов с начальным элементом *о-* и их возвратных производных), другие, напротив, активизируются. Активизируется производство сложных прилагательных, в том числе включающих более двух основ: *русско-англо-латинский*, *русско-англо-франко-итальянский*. Основы этнонимов широко используются в качестве аффиксоидов (*испаноговорящий*, *англоязычный*, *американоведение*), также и в окказиональных (*англонет*, *англошкола*, *англокурс*) производных; в частности, стремительно возрастает в русском языке употребление аффиксоида *евро*.

Активно образуются от адъектонимов существительные с суффиксом *-ость* с семантикой 'качества, представляющиеся типичными для какого-л. народа, жителей какой-л. местности': *американскость*, *белорусскость*, *британскость*, *московскость*, *парижскость*, *польскость*, *русскость украинскость*, *чеченскость* и др. Еще одна активизирующаяся модель – образование от этнонимов прилагательных с суффиксом *-ист-* с семантикой 'похожий на...', 'обладающий представляющимися типичными чертами какого-л. этноса (чаще о внешности)': *англичанистый*, *американистый*, *африканистый*, *итальянистый*, *татаристый*, *французистый*.

В области семантической эволюции образований от топонимов одна из важнейших тенденций – усиление качественной семантики прилагательных и производных от них наречий. В связи с развитием такой семантики качества в современном языке растет число сочетаний прилагательных и наречий от этнонимов с показателями, формально указывающими на ее появление:

- употребление с наречиями степени *очень*, *совершенно*, *вполне*, *совсем* и т.п.: *Аперитив — это очень по-британски* (Е. Козырева. *Дамская охота*, 2001 г.), *Кстати, какое хорошее и очень московское название для улицы — Южинский переулок* (С. Юрский. *Вспышки. Заключительная глава книги // «Октябрь», 2001 г.*) [НКРЯ];

- сочетание прилагательных от этнонимов с показателями сравнительной и превосходной степени «самый»: *И наконец, прибытие в самый европейский город Латинской Америки, горделивый Буэнос-Айрес* (В. Аксенов. *Таинственная страсть*, 2007 г.) [НКРЯ];

- сочетания наречий от этнонимов с наречиями образа действия (*по-японски благостно*, *по-московски радушно*, *по-петербургски интеллигентно*): *Исполнитель роли незабываемого Ивана Драго из четвертого «Рокки» по-скандинавски скромно улыбался* (М. Кувшинова. *Гобоист-любитель открыл международный «Кинотавр»* (2002) // «Известия», 2002.06.06) [НКРЯ]. Изучение лексической наполняемости таких сочетаний, а также круга

производящих основ, от которых фиксируются подобные образования, позволяет изучать этностереотипы, составляющие русскую языковую картину мира.

Таким образом, составляя неотъемлемую и значительную часть словарного состава языка на всех этапах его существования, образования от топонимов обладают как группа собственными словообразовательными, семантическими, грамматическими, функциональными закономерностями жизни в языке, обнаруживают диахроническую динамику развития, несут существенную культурную информацию, вплоть до того, что являются лингвистическим способом выражения этностереотипов в современном языке.

Литература

- Генералова Е.В. 2005 – Прилагательные, образованные от топонимов: проблема семантической и лексикографической информативности. *Русская историческая лексикология и лексикография*. / Отв. ред. О.А. Черепанова. Санкт-Петербург, издательство СПбГУ, Вып.6. С. 41-52.
- Горпинич В.А. 1966 – *Словообразование имен прилагательных и названий жителей от топонимов в восточнославянских языках*. Автореф... канд. филол. наук. Киев. 22 с.
- КСОРЯ – *Картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII вв.»* (Санкт-Петербургский государственный университет, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина).
- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru> (Режим доступа: 17.09.2015).
- Реформатский А.А. 1964 – Топономастика как лингвистический факт. *Топономастика и транскрипция*. Москва: Наука. С. 9-34.
- Старовойтова О.А. – О словообразовательной модели типа *оевропеить – оевропеиться* в русском языке XIX века. *От буквы к словарю: Сб. науч. статей к 200-летию со дня рожд. академика Я.К. Грота*. Санкт-Петербург: Наука, 2013. С. 283-292.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 98-104. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ ГОВОРЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

И.А. Гладких

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Петра Великого, Россия

gladkikh_irina@mail.ru

Овладение фонетическими средствами общения на русском языке представляет значительные трудности для иностранных учащихся. В статье рассматриваются основные фонетические трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты при изучении русского языка, и предлагаются способы преодоления данных трудностей.

Ключевые слова: иностранные студенты, фонетические средства русского языка, формирование фонетических навыков

Развитие общества в современных условиях, а также интеграция российской системы высшего профессионального образования в мировую систему в рамках Болонской декларации требуют дальнейшего совершенствования учебного процесса по русскому языку как иностранному. В соответствии с Болонской декларацией важной задачей международной деятельности вузов Европы является обучение иностранных студентов. При этом большое значение придается изучению языка страны пребывания иностранного студента как источника и средства не только получения специальности, но и приобщения к культуре и науке данной страны. В последние годы расширяется сотрудничество Санкт-Петербургского государственного политехнического университета с зарубежными вузами и увеличивается количество студентов из европейских стран, приезжающих по программам академической мобильности, а также на программы включенного обучения.

В СПбПУ все иностранные студенты, которые приезжают на программы академической мобильности, проходят входное тестирование по русскому языку в виде письменного теста по грамматике и устного собеседования. Группы формируются по результатам тестирования, и дальнейшее обучение студенты проходят в группе, соответствующей их уровню владения русским языком. Результаты входного тестирования позволяют преподавателям корректировать рабочие программы с учетом уровня владения студентами русским языком, интересов и коммуникативных потребностей студентов.

Студенты, приезжающие учиться по программам академической мобильности в течение учебного года, как правило, проводят в России от 3 до 9 месяцев и изучают русский язык в рамках программы в объеме 4 часа в неделю. В связи с этим перед преподавателем

стоит задачи интенсификации процесса обучения, активного использования потенциала языковой среды, а также организации самостоятельной работы студентов.

Иностранные студенты хотят как можно скорее начать говорить по-русски или улучшить свои разговорные навыки, вследствие чего перед преподавателем стоит задача сделать занятия максимально коммуникативно направленными.

Как известно, цель обучения говорению – овладение учащимися умением выражать мысли в устной форме. «Цели говорения реализуются в процессе достижения учащимися следующих задач:

- быстро и правильно ориентироваться в условиях общения;
- последовательно и логично строить высказывание в соответствии с замыслом;
- находить адекватные языковые средства для передачи содержания высказывания;
- использовать в высказывании аргументы, соответствующие коммуникативному намерению говорящего;
- излагать свои мысли с достаточной степенью полноты;
- выражать свое отношение к предмету речи». [Щукин 2012:395]

В основе умений говорения лежат произносительные, лексические и грамматические навыки. Произносительные навыки обеспечивают оформление высказывания в соответствии с фонетическими нормами языка. Лексические навыки обеспечивают возможность говорящего извлекать из памяти лексические единицы и соединять их между собой в соответствии с замыслом высказывания. Грамматические навыки обеспечивают правильное употребление частей высказывания в соответствии с существующей грамматической нормой.

Овладение фонетическими средствами общения на русском языке представляет значительные трудности для иностранных учащихся, так как существуют расхождения между фонетическими нормами их родного и русского языка. Эти расхождения вызывают фонетические ошибки в речи иностранных учащихся. Если фонетические навыки недостаточно сформированы, то нарушается процесс коммуникации. Фонетические ошибки при говорении затрудняют понимание речи собеседником. Процесс слушания сопровождается проговариванием воспринимаемой информации во внутренней речи, таким образом, несформированность фонетических навыков приводит к рассогласованию между тем, что человек слушает и тем, что он слышит, что нарушает процесс коммуникации. При формировании фонетических навыков учащиеся сталкиваются с артикуляционными трудностями, которые связаны с восприятием и воспроизведением звуков и чаще всего объясняются различиями, существующими в фонетических системах изучаемого и родного языка учащихся.

Фонетическая система русского языка имеет ряд особенностей, представляющих трудности для иностранных учащихся. Так, например, затруднения вызывают расхождения между буквами и их звуковым выражением. Русский алфавит состоит из 33 букв. Звуков же в русском языке больше, и уяснение, как разные звуки передаются с помощью разных букв, – одна из трудностей, которая преодолевается в ходе первых занятий по русскому языку.

Русский язык является языком консонантного типа. Количество согласных звуков в русском языке в 7 раз превышает количество гласных звуков, т.е. согласные звуки играют решающую роль в русском языке. В потоке речи именно согласные звуки влияют на гласные звуки. В результате этого образуются разные варианты гласных фонем, произношение которых вызывает затруднения и является причиной фонетических ошибок.

Последовательность введения звуков определяется либо их трудностью для произношения, либо речевым образцом, в котором впервые встречается новый звук.

С точки зрения трудности для иностранных учащихся звуки русского языка принято делить на три группы:

1) Звуки, близкие по звучанию к звукам родного языка учащихся. Например, английский [p] и русский [п]; [s] и [с]. Это наиболее легкая для овладения произношением группа звуков. При овладении такими звуками действует перенос из родного языка и никакой специальной работы по овладению артикуляционной базой не требуется.

2) Звуки, частично совпадающие по звучанию. Например, английский [t] и русский [т]; английский [d] и русский [д]. При постановке таких звуков требуется частичная перестройка сложившейся артикуляционной базы, а для усвоения звуков недостаточно полагаться только на имитацию, но необходим анализ артикуляционной базы и, желательнее, с использованием зрительных опор (таблицы, схемы артикуляции звуков).

3) Звуки, отсутствующие в родном языке учащихся. Например, звуки [ы], [щ]. При усвоении артикуляции таких звуков возникает необходимость в создании новой артикуляционной базы, отсутствующей в родном языке. Для этого используется показ и объяснение, сопровождаемые осознанной имитацией.

Оппозиция согласных по твердости / мягкости характерна не для всех языков. Эта особенность фонетической системы русского языка представляет значительные трудности для учащихся, в родном языке которых такое явление отсутствует. По мнению А.А. Реформатского, оппозиция твердых / мягких согласных – это «основа русской фонологической системы» [Реформатский 1970:506]. Система противопоставления твердых и мягких согласных помогает усвоению орфографии. После твердых согласных пишутся и, о, у, ы, э; после мягких согласных — я, е, ё, ю, и. А мягкость согласных в конце слова (уголь, словарь) и перед согласными (больше, меньше) является характерной особенностью русской

фонетической системы. Категория мягкости в этих позициях отсутствует даже в родственных славянских языках.

При работе над мягкостью / твердостью согласных рекомендуется использовать звуко сочетания типа: *ба - бя, бо - бё, бу - бю, бы - би, бэ – бе* и др., а также слова с контрастным звучанием типа: *угол – уголь, удар – ударь, волна – вольна* и др. Эффективными формами работы при работе над мягкостью / твердостью согласных является использование диктантов с контрастно звучащими слогами и словами (*сы - си; ты - ти; мы - ми; сыр - сир; синь - сын; мила - мыло*), а также слуховых диктантов, в которых учащимся предлагается слушая пары слов (слов), обозначать знаком (+) одинаковые по звучанию слова (слоги) и знаком (-) разные (*ма – ма, ма – мя; сэр – сер*).

Значительные затруднения для многих иностранных учащихся представляет [j], который относится к согласным звукам, но не образует слога. Перед гласным звук [j] в очень редких случаях изображается буквой *й* (*район*). Обычно же употребляются буквы (*я, е, ё, ю*), передающие сочетание звука [j] с гласными, например: *яма, если*.

Отклонения в речи иностранных учащихся часто связаны с неправильным произношением твердых и мягких согласных при говорении и неразличением их при аудировании. Смягчение заключается в подъеме спинки языка, как при произнесении [j] (например, слово *мясо* произносят [м'яса] вместо [м'аса]). Такие ошибки в произношении часто становятся причиной ошибок и в письменных работах иностранных студентов, так как написанию слова предшествует его проговаривание. Поэтому требуется специальная работа по постановке произношения палатализованных согласных в разных позициях.

Звонкие согласные в русском языке произносятся с участием голоса, а глухие — без участия голоса. Часть согласных образуют пары (глухие и звонкие). Такое противопоставление согласных по глухости / звонкости наблюдается во многих языках. Однако русские звонкие согласные являются полнозвучными согласными, т.е. при их произнесении голосовые связки участвуют на всем протяжении звучания. Носители же таких языков, как английский, немецкий, хинди произносят придыхательные согласные с различной силой. Особую трудность для иностранных учащихся при реализации глухости / звонкости представляют: а) оглушение на конце слова ([*сат*] – *сад*), б) оглушение перед глухими согласными ([*лотка*] – *лодка*); озвончение перед звонкими согласными ([*проз'ба*] – *просьба*).

Особую трудность для немецких учащихся составляет произнесение начального [с] в слове. Руководствуясь особенностями родного языка, они произносят данный звук в начальной позиции как [з], что приводит к ошибкам типа: [*забака*] – *собака*, [*зубота*] – *суббота*. Иногда такие ошибки в произношении приводят к невозможности правильного

решения коммуникативной задачи, так как слушающий воспринимает ошибочное озвончение как другое слово. Например: [забор] – собор, [зуп] – суп.

Все случаи стечения согласных представляют как фонетическую, так и орфографическую трудность для изучающих язык, особенно в тех случаях, когда произношение таких букв в слове не совпадает с их написанием (стн - сн: *известный*; здн - зн: *праздник*; жч - щ: *мужчина*).

Некоторые фонемы русского языка вызывают особые трудности по причине их отсутствия в родном языке учащихся либо в силу несовпадения артикуляционной базы в двух языках при произношении таких фонем.

Большие трудности вызывает постановка согласного [л], который отличается не только от близкого ему «среднеевропейского», но и от более близких к русскому звуков английского и итальянского языков. При постановке звука рекомендуется с силой упирать кончик языка в верхние зубы, что препятствует ошибочной артикуляции с упором на альвеолы, и говорить: *ла - ла - ла*.

У некоторых иностранных учащихся трудность вызывает также произношение согласного [р]. Это вызвано, как правило, несовпадением артикуляционной базы в родном языке учащихся и в русском языке. Так, например, сильно различается артикуляция данного звука в русском, французском и английском языках. В связи с этим рекомендуется при постановке звука немного приоткрыть рот (губы и зубы не должны быть сомкнуты) и направить кончик языка к основанию верхних зубов. При произнесении звука [р] кончик языка должен быть напряжён и вибрировать. Средняя часть языка должна принять форму ложечки (ковшика). Своими боками язык соприкасается с верхними коренными зубами. Тёплая и сильная струя воздуха проходит через центр языка.

Шипящие [ж, ш, щ], а также [ч] и, в меньшей степени, [ц] либо отсутствуют в ряде языков, либо произносятся не так, как в польском, немецком, английском, китайском языках. Правильная артикуляция [ч] требует подъема спинки и опускания языка вниз, звук [ш] произносится с загнутым назад кончиком языка. Важный признак - дополнительная огубленность губ (рекомендуется растянуть губы в улыбку). Без этого звук [ш] теряет некоторые свои особенности.

Одним из наиболее трудных явлений для изучающих русский язык считается редукция гласных. Выделяются две степени редукции гласного: меньшая и большая. Например: безударный *ов* в первом предударном слоге произносится как звук более задний и закрытый, чем *а* (*окно* [акно]). В заударном положении безударный [о] редуцируется еще больше и превращается в звук, неопределенный по качеству, и обозначается как [ъ] (*это* [этъ]). Безударный *е* в первом предударном слоге произносится как [и] (*метро* [митро]), а если еще

дальше от ударения или в заударном положении, то редукция возрастает, звук становится очень кратким, в транскрипции обозначаемый как [ь] (*море* [мор'ь]).

Из гласных самым сложным считается звук [ы]. Он ниже по подъему, чем европейский [i], и не такой передний. При постановке звука рекомендуется произнести [y], чтобы почувствовать место произнесения звука, а потом растянуть губы, как при произнесении [и].

К фонетическим средствам общения относятся все звуковые средства языка: звуки, звуко сочетания, ударение, ритмика, мелодика, интонация. В русском языке ударение является свободным, т.е. может быть на любом слоге слова, и подвижным, т.е. не привязанным к определенной морфеме слова. Подвижность ударения может быть связана с различными значениями слов (*стоИт* - *стОит*) или грамматических форм (*рукИ* - Р. п. ед. ч. и *рУки* - И. п. мн. ч.), что вызывает затруднения при определении значения слова.

Важно с первых занятий обратить внимание студентов на ритмику русского слова и постоянно над ней работать. Для этого предлагаются специальные упражнения:

- использование схемы ритма, например: *таТА – татаТА – таТАта*,

- в случае затруднения с редукцией гласных можно рекомендовать сильнее и дольше произносить ударный слог, постепенно удлиняя гласную по сравнению с безударными гласными.

Фонетическим упражнениям желательно придавать игровой характер. Хорошо помогают звукоподражательные игры. Например, показывая звук [х] - дуем на замерзшую ладошку и произносим звук; можно проговаривать звуки в сопровождении движений, хлопков в ладоши и др.

Игровой момент в занятие вносит использование скороговорок. Скороговорки позволяют не только сделать игровую паузу, но и отработать трудные явления русской фонетики. Например, при работе над мягкостью/твердостью согласных можно использовать такие скороговорки, как:

Король – орёл, король – орёл, король – орёл.

Перепёлка перепелёнка перепелёнывала, перепелёнывала, еле перепеленала.

При работе над звуком *ы* хорошо помогают такие скороговорки, как:

Если руки мыли вы,

Если руки мыли мы,

Если руки мыла ты,

Значит руки вымыты.

Мила мыло не любила,

Мама Милу мылом мыла.

Формированию фонетических навыков помогает выполнение следующих упражнений.

Например:

- Слушайте пары слов (слов). Обозначьте знаком (+) одинаковые по значению слова (слоги) и знаком (-) разные.
- Слушайте предложения. Поставьте в конце предложения точку, вопросительный или восклицательный знак в зависимости от типа ИК.
- Расставьте в предложениях словесные ударения и прочитайте их вслух.
- Прослушайте повествовательное предложение и преобразуйте в вопросительное.

Таким образом, работа над фонетической стороной речи играет большую роль в развитии коммуникативных навыков иностранных студентов. Работа над фонетической стороной речи должна проводиться на всех этапах обучения. При постановке звуков большую помощь могут оказать наглядные пособия с изображением положения органов речи при произнесении звука, а также использование скороговорок, стихов и песен на занятии.

Литература

- Акишина А.А., Каган О.Е. 2002 – *Учимся учить. Для преподавателей РКИ*. Москва.
- Любимова Н.А. 1990 – *Таблицы по русской фонетике. Комплект учебных наглядных материалов*. Москва.
- Реформатский А.А. 1970 – *Из истории отечественной фонологии*. Москва.
- Щукин А.Н. 2012 – *Обучение речевому общению на русском языке как иностранном*. Москва: Русский язык курсы.

О СПЕЦИФИКЕ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Р.Я. Гладкова

Херсонский государственный университет, Украина

ritagladkova@mail.ru

Работа посвящена изучению специфики английских заимствований в русской лексической системе конца XX – начала XXI ст. Особое внимание уделено причинам заимствования англицизмов, а также анализу влияния англицизмов на речевую культуру носителей русского языка. Следует отметить, что как среди лингвистов, так и в обществе растет негативное отношение к засилию иноязычных слов. Наплыв англоязычной лексики в русский язык является одной из наиболее актуальных лингвокультурных проблем в настоящее время, объектом внимания лингвоэкологии. Как показывает анализ научной литературы, большинство языковедов приходят к выводу, что нет оснований беспокоиться о судьбе русского языка как системы. Следует просто поднимать языковую культуру. Многие лингвисты видят проблему не в самом языке, а в неумелом владении им. В целом, использование англицизмов свидетельствует о жизнеспособности и открытости лексики русского языка, о ее эволюции, что является положительным фактом и способствует развитию лексической системы русского языка.

Ключевые слова: заимствования, англицизм, причины заимствований, «американизация» русского языка

Одной из важных и актуальных проблем современной лингвистики является взаимовлияние разносистемных языков, приводящее к появлению и функционированию в одном языке слов другого языка. Указанная проблема заслуживает дальнейшей разработки, так как ежедневно в язык входят новые слова, меняются языковые нормы. В эпоху постоянных языковых контактов в современном мире никакой другой язык не оказывает такого мощного влияния на иные языки, как английский. Цель нашей работы и состоит в выделении причин заимствования англицизмов, описании семантико-тематических групп заимствованной лексики и выявлении позитивных и негативных тенденций английского языкового заимствования.

Полемика вокруг данной проблемы заимствования приобрела особенно острый характер в последнее время, что нашло отражение в публикациях многих известных лингвистов (В.Г. Гак, Е.А. Земская, А.В. Лебедева, Ю.Н. Караулов, Л.П. Крысин, Л.В. Рацибурская, С.В. Подчасова, О.Б. Сиротинина, И.С. Улуханов и др.).

Заимствование англицизмов обусловлено целым рядом как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов. К внутриязыковым причинам обычно относят следующие: потребность в номинации новых предметов, явлений, понятий, ставших реалиями русской

жизни конца начала XXI века; проигрыш русского наименования в конкуренции с заимствованием; обеспечение стилистического эффекта; выражение позитивных и негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в русском языке; необходимость в дифференциации близких по значению слов; тенденция к экономии языковых средств; эвфемистическое использование англицизмов; субъязыковая идентификация и др. Среди экстралингвистических причин заимствования англицизмов следует выделить следующие: активизацию международных контактов; престижность английского наименования в сравнении с русским; дань моде и т.п.

Ведущие лингвисты (Е.А. Земская, Л.П. Крысин, М.В. Китайгородская) отмечают, что к приоритетным сферам распространения английских заимствований относятся социально-экономическая, общественно-политическая, научно-техническая и сфера культуры.

Англицизмы проникают практически во все области общественной жизни, что позволяет выделить следующие тематико-семантические поля их функционирования: политика, экономика, наука и техника, культура, спорт, быт, молодежный сленг, средства массовой информации.

Практически в каждом тематико-семантическом поле большую часть заимствованных англицизмов составляют лексемы, появившиеся в русском языке как результат удовлетворения потребности в наименовании новой реалии. А так как коренные изменения, происходящие в современном мире, коснулись практически всех сфер общественной жизни, то круг использования и активного заимствования англицизмов довольно широк. Рассмотрим эти поля.

Тематико-семантическое поле «политика»

Активное заимствование английской лексики происходит в период смены названий в структурах власти. Так, *Верховный совет* стал именоваться *парламентом*, *совет министров* – *кабинетом министров*, его председатель – *премьер-министром*, а его заместитель – *вице-премьером*; появились *администрации*, *мэры*, *вице-мэры*, *префекты*, *пресс-секретари*; возникли *сопутствующие наименования*, а именно: *пресс-конференция*, *пресс-релиз*, *брифинг*, *имиджмейкер*, *спичрайтер*, *пиар*, *инаугурация*, *шерп* и т.п..

Тематико-семантическое поле «экономика»

Наряду с политической не менее важной является и социально-экономическая сфера, в которой широкое распространение получили многочисленные экономические и финансовые термины типа *брокер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *инвестиция*, *маркетинг*, *менеджмент*, *монетаризм*. Многие из них заимствованы давно, но использовались преимущественно специалистами. Однако по мере того как явления, обозначаемые этими терминами, стали актуальными для всего общества, узкоспециализированная терминология выходит за пределы профессиональной среды и начинает употребляться в средствах массовой

информации, в публичной речи политиков и бизнесменов. Англицизмы при этом могут вытеснять слова, ранее заимствованные русским языком, а также исконно русские синонимы, например: *мерчендайзер*, *промоутер* вместо *коммивояжера*, *джоббер* вместо *мелкооптового торговца*, *дилер* вместо *крупье*, *брокер* вместо *маклера*, *дистрибьютор* вместо *торгового агента*, *офис* вместо *конторы* и т.п.

Тематико-семантическое поле «наука и техника»

Сложившаяся на базе английского языка терминология вычислительной техники легко пополняется новыми терминами английского происхождения, а именно: *сайт*, *баннер*, *браузер*, *интерфейс*, *файл*, *чат*, *принтер*, *сканер*, *портал*, *процессор* и др., которые используются в речи людей, имеющих дело с компьютерами. Следовательно, эти англицизмы из сугубо профессиональной сферы переходят в общеупотребительную лексику. С распространением мобильной связи, в русскую лексику вошли такие англицизмы, как *sms*, *месидж*, *роуминг*. С появлением новых технических средств русский язык пополняется словами из английского языка типа *иммобилайзер*, *термопот*, *миксер*, *блендер*. Функциональное разнообразие этих средств явилось причиной пополнения словарного состава русского языка англицизмами, номинирующими эти функции, например: *сплит-системы*, *мемори стик*.

Тематико-семантическое поле «культура»

В этой тематической группе можно выделить две подгруппы, именуемых различные культурные сферы, а именно: киноиндустрия и музыка. В связи с распространением продукции американской киноиндустрии в русском языке появились следующие заимствования: *киборг*, *би-мувиз*, *сиквел*, *хоррор*, *триллер*, *ситком*, *фэнтези*. Многочисленные англицизмы характерны и для музыкальной индустрии, где широко используются такие слова, как *хит*, *имидж*, *шоу*, *бэнд*, *клип* и *клипмейкер*, *бэк-вокал*, *джангл*, *брейк-данс*, *рэп*, *хип-хоп*, *глэм*, *трэш* и т. п.

Тематико-семантическое поле «спорт»

Спортивная терминология также содержит достаточное количество англицизмов: *виндсерфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *скайдайвинг*, *фристайл*, *кикбоксинг*, *фитнес*, *рафтинг*, *керлинг*, *овертайм*, *плей-офф*, *файтер*, *плеймейкер*, *допинг*.

Тематико-семантическое поле «быт»

В нашей повседневной жизни появилось много западных товаров и видов услуг, соответственно, возникли такие слова, как *маркет*, *супермаркет*, *гипермаркет*, *мегамолл*, *консалтинговые услуги*, *секонд-хэнд*. Значительное количество англицизмов наблюдаем в сфере косметологии, например: *мейк-ап*, *консилер*, *пилинг*, *лифтинг-крем*, *вейниш-крем* и др.; в сфере питания, например: *гамбургер*, *фишбургер*, *чизбургер*, *чикенбургер* и пр.

Тематико-семантическое поле «средства массовой информации»

Средства массовой информации являются той областью, где также активно используются англицизмы, например: *ток-шоу*, *квиз*, *прайм-тайм*, *реалити-шоу*, *заппер*, *заппинг* и др. За последнее время доля англицизмов в СМИ возросла многократно. Следует заметить, что существенную роль в распространении англицизмов и вхождению их в общепотребительную лексику играет реклама.

Молодежный сленг

Молодежный сленг также изобилует словами английского происхождения, например: *дансить* – *танцевать* (английское *to dance*), *чатиться* – *общаться по Интернету* (английское *to chat*), *эсмэситься* – *обмениваться SMS-сообщениями по мобильному телефону* (английское SMS), *лав-стори* – *любовная история* (англ. *love-story*), *драйв* – *большая энергия* (англ. *drive*).

Активное заимствование английской лексики происходит и в менее специализированных областях человеческой деятельности. Широкому распространению иноязычных слов во многом способствует их частое употребление в СМИ, например: *медиа-магнат*, *фейс-контроль*, *экспансия*, *экстрим*.

Наплыв англоязычной лексики в русский язык является одной из наиболее актуальных лингвокультурных проблем в настоящее время, объектом внимания лингвоэкологии. Чрезмерное использование англицизмов (например, междометий *вау*, *уис*, слов типа *кондишен*, *туморру*, *мьюзик проджект* негативно сказывается на культуре русской речи. Поэтому возникает вопрос: «Представляют ли многочисленные англицизмы серьезную угрозу для нормированности и правильности русской речи?». На этот вопрос нет однозначного ответа, хотя следует отметить, что как среди лингвистов, так и в обществе растет негативное отношение к засилью иноязычных слов. Л.П. Крысин по этому поводу замечает, что «внешнее влияние на язык почти никогда не оставляет общество равнодушным и нередко воспринимается носителями языка-реципиента (во всяком случае, частью из них) болезненно и нервно» [Крысин 1996:128]. В нашу жизнь в последние годы входят новые явления, а с ними новые слова. Со временем выясняется, какие из них остаются, вливаясь в систему литературного языка, а какие бесследно исчезают.

Вслед за Л.П. Крысиным некоторые лингвисты (Л.В. Рацибурская, О.Б. Сиротина, И.С. Улуханов и др.) выступают против категоричных суждений о недопустимости заимствований в русском языке. Так, Л.П. Крысин полагает, что «язык от «фьючерсов» не очень страдает: грамматика – его костяк, его плоть – остается» и «иностранные слова иногда очень точно выражают суть предмета» [Крысин 1996:74]. По мнению целого ряда ученых, регулировать использование англицизмов следует не административными мерами, а пропагандой культуры языка.

Иноязычное слово может ассоциироваться с чем-то идеологически, духовно или культурно чуждым, даже враждебным и, несомненно, засоряющим язык. Но мы знаем в истории общества и другие времена, когда преобладает терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Так, в последние годы усиливается тенденция к заимствованию англо-американизмов, которые имеют эквиваленты, довольно точные в русском языке. Например, использование английских слов *брекфаст* вместо *завтрак*, *гранма* вместо *бабушка*, *драйвер-лиценс* вместо *водительские права*, *дринк* вместо *алкогольный напиток* и т. п. выглядит неуместным и явно засоряет русский язык.

Увеличение количества знающих английский язык, а также большой поток эмигрантов порождают еще одно явление, которое нельзя назвать положительно влияющим на культуру речи. Это явление в лингвистике получило название «переключение кода», когда говорящий часто переключается на английский язык, наполняет свою речь англицизмами.

Как показывает анализ лингвистической литературы, большинство филологов приходят к выводу, что нет оснований беспокоиться о судьбе русского языка как системы. Следует просто поднимать языковую культуру. Многие лингвисты видят проблему не в самом языке, а в неумелом владении им. Вот что говорит Ю.Н. Караулов о состоянии современного русского языка: «Приток заимствований в русском языке, принявший в последнее время, кажется, тотальный характер, не должен расцениваться как негативное явление: ведь на дальнейших этапах развития язык неизбежно отторгнет избыточные элементы и те, которые не адаптировались, при этом оставшиеся не засорят, а обогатят наш язык, как уже неоднократно случалось в прошлом... Тревогу должно вызывать ... не состояние системы языка, а уровень языковых способностей нашего общества – наше массовое косноязычие, производящее впечатление национальной катастрофы» [Караулов 1991:63].

В целом же, использование англицизмов свидетельствует о жизнеспособности и открытости лексики русского языка, о ее эволюции, что является положительным фактом и способствует развитию лексической системы русского языка в целом.

Литература

- Боженко Л.Н. – *Заимствованная лексика в современном русском языке*. Режим доступа: <http://filologdirect.narod.ru>.
- Караулов Ю.Н. 1991 – *О состоянии русского языка современности*. Москва.
- Крысин Л.П. 1996 – *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни*. Москва.
- Окунцова Е.А. 2007 – *Новейший словарь иностранных слов*. Москва.

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА И ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О.И. Глазунова

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

o.i.glazunova@mail.ru

Задача художника заключается в том, чтобы в процессе создания произведения искусства, налаживая связь между частями и целым, подчинить все детали первоначальному замыслу. Соотнесённость с общей идеей позволяет говорить о сложной фрактальной структуре художественного произведения, в которой большую роль играют гегелевские принципы построения информационного сообщения: Тезис – Антитезис – Синтез. Нелинейный характер повествования заключается в том, что каждый раз после прохождения цикла система не возвращается к исходному положению, а переходит на качественно новый информационный уровень.

Ключевые слова: художественный текст, сюжет, структурные составляющие сюжетной линии, триада Гегеля в структуре художественного текста

Система представлений, интуитивно доступная сфере сознания, в реальном мире раскрывается прежде всего через язык художественной литературы. Человек учится преодолевать ограничения, используя не только имеющиеся у него средства языка, но постоянно изобретая новые возможности, как художник смешивает краски, добиваясь нужного ему оттенка. Как заметил Шкловский, «Искусство неточно потому, что оно ищет истинную точность. Тут нет зелёной, жёлтой, синей краски, а есть краска для данной структуры, как бы заново найденной» [Шкловский 1983:263].

Задача художника заключается в том, чтобы в процессе создания произведения искусства, налаживая связь между частями и целым, подчинить все детали первоначальному замыслу. «Идея не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, а выражается во всей художественной структуре. <...> План не замурован в стену, а реализован в пропорциях здания. План – идея архитектора, структура здания – её реализация. Идейное содержание произведения – структура. Идея в искусстве – всегда модель, ибо она воссоздаёт образ действительности. Следовательно, вне структуры художественная идея немыслима. Дуализм формы и содержания должен быть заменен понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры», – писал Ю. Лотман [Лотман 1998:24].

Идея «Анны Карениной» возникла у Л.Н. Толстого в начале семидесятых годов XIX века. В дневнике Софьи Андреевны от 24 февраля 1870 года есть запись: «Вчера вечером он

(Лев Николаевич) мне сказал, что ему представился тип женщины, замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и не виноватой... «Теперь мне всё уяснилось», – говорил он» [Толстая 1978:497].

Запись Софьи Андреевны свидетельствует о том, что возникновение замысла произведения (когда всё «уясняется») объединяет две составляющие: представление о положении дел (у Толстого это был женский образ – «замужняя женщина из высшего общества, но потерявшая себя») и стоящую перед писателем «задачу» – «сделать эту женщину только жалкой и не виноватой». Как говорил сам Толстой, «цельность художественного произведения заключается не в единстве замысла, не в обработке действующих лиц и т.п., а в ясности и определённости того отношения самого автора к жизни, которое пропитывает всё произведение» [Толстой о литературе и искусстве 1939:525].

Соотнесённость с общей идеей позволяет говорить о сложной фрактальной структуре художественного произведения. Как танец в балете состоит из набора движений, выстроенных в соответствии с замыслом постановщика, так и текст художественного произведения включает повторяющиеся элементы на уровне структуры и смысловых значений. Последовательность композиционных частей (введение, основная часть, заключение) пронизывают структуру прозаического текста от отдельного предложения до произведения в целом. Фонетический повтор, определяемый рифмой стиха, сходное строение предложений и однотипные субъективно-авторские синтаксические конструкции создают оригинальный «почерк» поэта.

Первоначальный замысел является, по сути, основным принципом построения художественного произведения, выступая в структуре текста в качестве своеобразного «глобального аттрактора, к которому стремятся множество локальных аттракторов» [Бранский, Пожарский] на разных уровнях создания произведения. Понятие глобального аттрактора разрабатывается, например, в социальной синергетике; в качестве его аналога в астрофизике выступает «великий аттрактор» – гравитационная аномалия, имеющая массу десятков тысяч галактик и оказывающая влияние на движение галактик.

Автор художественного произведения выступает в качестве силы, которая «поднимает маятник», лишая его устойчивости. На уровне смысла в художественном тексте в качестве аттрактора-цикла можно рассматривать триединый принцип развития сюжета по принципу «тезис-антитезис-синтез». Нелинейный характер повествования заключается в том, что каждый раз после прохождения цикла система не возвращается к исходному положению, а переходит на качественно новый информационный уровень.

С логической точки зрения, мысль, возникнув как результат внешнего воздействия на организм, развивается в рамках сопоставления друг с другом объектов внешнего мира или

событий и в соизмерении их сходств, различий, времени протекания, причинности и т.д. Чтобы сознание заработало, необходимо, если не противоречие, то, по крайней мере, разница в том, что человек видит, чувствует или осознаёт: «Противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно» [Гегель 1971:65].

Интерпретацию окружающего мира и построение высказываний по принципу *тезис – антитезис – синтез* можно рассматривать как основу любой интеллектуальной деятельности, которая, наряду с эстетикой, является неотъемлемой частью и литературного творчества. Данные категории находят отражение в гегелевской характеристике литературных жанров с точки зрения их формы.

Создание художественного произведения – процесс творческий и во многом мистический. Теоретически все носители языка имеют для этого равные возможности: в их распоряжении находится один и тот же словарный состав языка и сходная система традиционных синтаксических представлений. Однако талантливых писателей не так уж много. Воображение – это свойство человеческого сознания, которое позволяет при наличии общего замысла создавать совершенно разные произведения и с точки зрения композиции, и с точки зрения мировоззрения, и с точки зрения художественной значимости, ведь «действительное содержание есть действительное его содержание — то, что определяет специфический характер эстетического переживания, им вызываемого» [Леонтьев 1986:9].

Из хаотического нагромождения слов писатель выбирает те, которые ему необходимы в данном случае и комбинирует их в зависимости от цели и описываемой ситуации. Если в системе языка не существует аналогов необходимых значений, писатель создаёт их с помощью сравнений, метафор и аналитических структур (словосочетаний, описательных конструкций), которые обогащают словарный запас читателя и расширяют его представления о действительности.

Проблема выбора имеет чрезвычайно важное значение для людей творческих. Анри Пуанкаре, размышляя о сути изобретения, принципиальное значение уделяет способности учёного совершать правильный выбор: «математическая работа не есть простая механическая работа; её нельзя доверить никакой машине, как бы совершенна она ни была. Дело не только в том, чтобы применять известные правила и сфабриковать как можно больше комбинаций по некоторым установленным законам. Полученные таким путём комбинации были бы невероятно многочисленны, но бесполезны и служили бы лишь помехой. **Истинная творческая работа состоит в том, чтобы делать выбор среди этих комбинаций, исключая из рассмотрения те, которые являются бесполезными, или даже в том, чтобы освободить себя от труда создавать эти бесполезные комбинации**» (выделено мною – О.Г.) [Пуанкаре 1990:408].

Как правило, автор пропускает информацию, которая может быть извлечена из контекста, данный принцип представляет собой весьма действенный и функционально оправданный способ изложения. Если в тексте сохранять все детали повествования, он лишается мобильности, а значит утрачивает силу воздействия на читателя. Отсутствие одной их составляющих метафорического переноса тоже не влияет на актуализацию значения метафорической конструкции в целом, так как значение её может быть восстановлено из контекста на основе присутствующей в сознании носителей языка системы ассоциативных связей. В предложении «Я царь – я раб – я червь – я Бог» (Г. Державин) предикативный признак имеет скрытые формы выражения, но может быть выявлен на основе сопоставления метафорических образов: Я всемогущ, как царь; я зависим, как раб; я ничтожен, как червь; я велик, как Бог.

Краткость изложения, о которой писал Чехов, возможна благодаря способности воспроизводить хранимые в памяти образы и представления, часто это происходит на уровне интуиции, без сознательного участия человека. Воображать – значит восстанавливать связь между заданными характеристиками предмета или явления и сопровождающими их вероятностными элементами.

Пропуски в художественном произведении встречаются как в тексте, так и при описании развития сюжетных линий. Следовательно, не только текст, но и содержание художественного произведения, имеет структуру, т.е. обладает формой. Правда, эта форма особого порядка – ментальная. Она может быть воспроизведена с помощью пересказа и соотнесена с соответствующим ему текстом.

Как графические знаки – слова выстраиваются в предложение, чтобы выразить мысль автора, так и типовые сюжетные линии переплетаются в произведении, образуя художественное пространство, в котором привычные схемы развития событий получают новую интерпретацию: «Вечная история о любви вечна потому, что она всё время другая» [Шкловский 1983:258].

Сюжет как инвариант некоего обобщённого смысла можно назвать знаком лишь условно, так как он относится к сфере представлений: «знаки в искусстве имеют не условный, как в языке, а иконический, изобразительный характер» [Лотман 1998:33]. Соответственно, при создании сюжета литературного произведения принцип соотношения связывает следующие структуры: 1. текст художественного произведения – 2. комбинация типовых литературных сюжетов («иконических изобразительных знаков») – 3. субъективно-авторский вариант их использования в развитии сюжетных линий произведения. Связь между формой – текстом и представлением о её содержании можно сравнить с принципом соотношения языковых единиц с объектами реального мира: языковой знак (слово) – обобщенно-образное понятийное содержание – объект реальной действительности.

Русская классическая литература со всеми социальными и личностными проблемами и противоречиями началась с Пушкина, как фруктовое дерево вырастает из косточки, а человеческий организм из клетки. Что же дал нам Пушкин? Ведь сюжет, который поэт использовал в «Евгении Онегине», не нов – обычная любовная история, к тому же несчастливая. Но пытаясь разобраться в причинах этого несчастья, читатель способен узнать и почувствовать гораздо больше, чем при знакомстве с произведениями, имеющими более благополучное окончание. (Сказка всегда заканчивается свадьбой, но жизнь не сказка, и самые значительные события обычно начинаются после того, как герои начинают жить вместе).

Даже сложный, на первый взгляд, сюжет литературного произведения, можно свети к последовательности трёх базовых структурных составляющих. «Евгений Онегин»: 1. Онегин отвергает любовь Татьяны-девушки (тезис); 2. Онегин безумно влюбляется в Татьяну – замужнюю даму (антитезис); 3. Татьяна отвергает любовь Онегина (синтез) – нравственные убеждения превыше любви (вывод).

По логике развития ситуации (Татьяна и Онегин молоды, свободны, богаты и не стеснены никакими обязательствами) не существует никаких препятствий для того, чтобы они стали счастливыми. Именно такое представление складывается у читателя после прочтения первых глав «Евгения Онегина». Но автор не оставляет ему на это никаких надежд, потому что не счастливый конец, а несчастье способно вырвать обывателя из обычного безмятежного существования, заставить задуматься над сложностью жизни и неоднозначностью человеческих взаимоотношений. Осознание трагизма ситуации даёт возможность увидеть всё происходящее в истинном свете.

Вывод, к которому приходит читатель после прочтения романа (нравственные убеждения превыше любви), даёт ему стимул для познания добра и зла, для размышлений над сущностью бытия, глубиной и сложностью внутреннего мира человека. Но путь к этому выводу непрост, он лежит через осознание всего того, что происходит с героями романа от начала до конца повествования.

Запутанность человеческих отношений и решение проблем в рамках ограниченного множества соответствующих им возможностей наводит на мысль об изначальном существовании определённых вариантов развития событий по сценариям, которые воспроизводятся в пространстве и времени с завидной регулярностью. Каждый следующий виток добавляет в мировую «копилку» всё новые штрихи и точки пересечения, умножая количество сцеплений человеческих судеб и взаимоотношений. Всё строится по единой схеме и всё различно. Принцип построения художественного произведения соответствует структурной организации фрактального типа: сюжет произведения воспроизводит один из

мировых сюжетов, в результате чего разделённые пространством и временем герои попадают в одну и ту же ситуацию.

Виктор Шкловский писал о том, что «описание счастливой взаимной любви не создаёт новеллу или, если и создаёт, то только будучи воспринято на традиционном фоне описаний любви с препятствиями. Для новеллы нужна любовь с препятствиями. Например, А любит Б, Б не любит А; когда же Б полюбила А, то А уже не любит Б. На этой схеме построены отношения Евгения Онегина и Татьяны, при чём причины неодновременности увлечения их друг другом даны в сложной психологической мотивировке» [Шкловский 1925:56–57].

Представленная В. Шкловским схема лишь частично отражает развитие отношений между героями Пушкина, так как, на самом деле, смысл романа заключается в том, что А (Татьяна), хотя и отвергает любовь Б (Онегина), однако не перестаёт его любить. Описанная Пушкиным ситуация создаёт почву для нетривиального конфликта интересов, провоцируя размышления читателя. В то же самое время мысль В. Шкловского о том, что «для образования новеллы необходимо не только действие, но и противодействие, какое-то несовпадение», весьма плодотворна.

Тезис и антитезис, по Гегелю, дают синтез – «становление», которое, в свою очередь, может стать новым тезисом в развитии произведения. Так, историю взаимоотношений Евгения Онегина и Татьяны можно рассмотреть как поэтапное претворение трёхчастных развивающихся структур:

I. 1. Онегин устал от скуки и лицемерия светской жизни (тезис); 2. он приезжает в деревню в надежде обрести смысл жизни (антитезис); 3. но и в деревенской тиши он испытывает ту же скуку (синтез) – хорошо там, где нас нет (вывод);

II. 1. В деревне Онегин встречает Татьяну, которая тоже томится в деревенской глуши (тезис); 2. Татьяна видит выход в счастливом семейном союзе и признаётся в любви Онегину (антитезис); 3. Онегин отвергает любовь Татьяны, так как он не любит её и не в состоянии будет сделать её счастливой (синтез);

III. 1. После объяснения Татьяна ещё больше начинает страдать от неразделённой любви; 2. Онегин в деревне живёт отшельником и занимается исключительно хозяйственными делами; 3. Поддавшись на уговоры друга, он всё же принимает приглашение семьи Лариных приехать на именины к Татьяне;

IV. 1. На именинах при виде Онегина Татьяна готова упасть в обморок; 2. Это вызывает скуку и раздражение Онегина; 3. Чтобы позлить Ленского, который настоял на его приезде, Онегин начинает ухаживать за его невестой Ольгой – отмщенье. И так далее до конца романа.

Форма не может быть первичной, она создаётся в зависимости от содержания с учётом его смыслового и эмоционального наполнения. Внутренний мир литературных героев определяет их поступки, а не наоборот. Но для читателя этот внутренний мир (содержание) персонажей раскрывается через формальные стороны их поведения. Вместо утомительного перечисления достоинств и недостатков своих героев, автор обращается к фактам, вовлекая читателя в процесс творчества, позволяя ему на основании прочитанного самому делать выводы.

Название выполняет в художественном произведении чрезвычайно важную функцию. Оно раскрывает главную тему, поддерживает вывод, выражая точку зрения автора на описываемые события. Роман Пушкина был назван по имени главного героя, несмотря на то что нравственная позиция Татьяны имеет в нём основополагающее значение. Выбор автора в этом случае можно объяснить тем фактом, что он описывает состояние современного ему общества, в котором Онегин не просто герой-одиночка, а «портрет целого поколения», в то время как Татьяна – образ в большей степени идеальный, т.е. единичный.

Ломя привычные представления о формальных признаках типичных литературных героев, писатель создаёт принципиально новое содержание. Согласно традиционным взглядам, Онегин как романтический герой должен ответить взаимностью на признание Татьяны, а он отчитывает её; Татьяне же после разговора с Онегиным следовало бы покончить жизнь самоубийством или уйти в монастырь, а она удачно выходит замуж. И наконец, когда Онегин признаётся Татьяне в любви, ей надо было бы со слезами умиления броситься ему на шею, а она отвергает его, и даже несмотря на то, что по-прежнему любит.

Желание читателя увидеть Татьяну счастливой в браке с Онегиным – было обмануто автором самым жестоким образом. Но результатом этого обмана стало обретение новых знаний и нового опыта. Обманутые ожидания послужили приёмом, который позволил читателю разобраться во внутреннем мире героев, осознать истинные мотивы их поведения и поступков. Парадоксальность формы помогла автору выполнить основную задачу – показать суть характера русской женщины, её веру, силу, самобытность и красоту.

Надо отметить, что образы второстепенных персонажей в романе менее подвержены творческой трансформации. Например, Ленский описывается Пушкиным как типичный романтический герой: он пишет стихи, влюбляется, и если бы не преждевременная смерть, то, скорее всего, ему было бы суждено повторить ничем не примечательную судьбу Дмитрия Ларина – отца Татьяны. То же самое можно сказать и об Ольге.

На уровне содержания повторяющиеся мотивы, ситуации и сюжетные линии, которые составляют основу художественного произведения, в свою очередь, берут начало в типовых сюжетах мировой культуры. От первого и до последнего предложения художественное

произведение строится в соответствии с первоначальным замыслом автора. Каждое слово, словосочетание, предложение соответствует целому. Но это не механическое соединение, а сложное преобразование смысловых значений, которое возможно только через творческую интерпретацию и поиск соответствий между формой и содержанием. «“Уникальный” знак оказывается «собранным» из типовых элементов и на определённом уровне «читается» по традиционным правилам. Всякое новаторское произведение строится из традиционного материала. Если текст не поддерживает памяти о традиционном построении, его новаторство перестаёт восприниматься».³

Общая триединая структура соотношения между сюжетом и текстом, с одной стороны, и между языковым знаком и его содержанием, с другой, даёт возможность сравнить между собой два последних компонента: объекты реальной действительности, которые обозначаются лексическими знаками, и объекты художественной действительности, возникающие в сознании автора и обозначаемые с помощью текста литературного произведения.

Каждый раз, сталкиваясь с художественным произведением, читатель заново проходит все стадии преобразования текстового материала в метафизические чувственные категории. Технически механизм восприятия художественного текста связан с огромной внутренней работой сознания, направленной на преодоление противоречий исходного материала и получение новых знаний.

Литература

- Бранский В.П., Пожарский С.Д. *Парадокс Пригожина и суператтрактор*. (Интернет-ресурс) Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/D8BranskiyPogarskiy.htm>
- Гегель. 1971 – *Наука логики. В 3-х томах*. Т. 2. Отв. ред. М.М.Розенталь. Москва: Мысль.
- Леонтьев А.Н. 1986 – К методологии вопроса. Предисловие. *Выготский Л.С. Психология искусства*. Изд. 3-е. Пред. А.Н.Леонтьева; комм. Л.С.Выготского, В.В.Иванова; общ. ред. В.В.Иванова. Москва: Искусство.
- Лотман Ю.М. 1998 – Структура художественного текста. *Лотман Ю.М. Об искусстве*. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб».
- Пуанкаре А. 1990 – *О науке*. Пер. с фр. / Под ред. Л. С. Понтрягина. 2-е изд., стер. Москва: Наука.
- Толстая С.А. 1978 – *Дневники. В 2-х томах*. Т. 1. Москва.
- Толстой о литературе и искусстве 1939 – Записи В.Г.Черткова Публ. А.Сергиенко. *Литературное наследство*. Т. 37 – 38. Москва: АН СССР.
- Шкловский В.Б. 1925 – Строение рассказа и романа. *Шкловский В.Б. О теории прозы*. Москва: Круг.
- Шкловский В.Б. 1983 – *О теории прозы*. Москва: Сов. писатель.

³ Там же. с. 34.

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЯ МЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»)

И.Ю. Гранева

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия,
Irina.graneva@mail.ru*

Работа посвящена проблеме использования русского личного местоимения МЫ как средства художественной выразительности. На материале художественного текста романа-антиутопии Е. Замятина «МЫ» рассматривается креативный потенциал первичных референтных, вторичных референтных и нереперентных типов употребления местоимения МЫ.

Ключевые слова: Местоимение МЫ, первичные референтные, вторичные референтные и нереперентные типы употребления, русский язык, роман Е. Замятина «МЫ»

Эстетический и экспрессивный потенциал разного рода семантических преобразований единиц общеязыковой системы в художественной речи традиционно рассматривается в качестве основного объекта лингвистического анализа художественного текста. Однако все же чаще всего в сфере исследовательского интереса оказываются выразительные возможности лексических и словообразовательных средств системы языка. И только в последние десятилетия все серьезнее заявляют о себе исследования в области «грамматики поэзии», направленные на выявление специфики актуализации именно грамматических значений, категорий и средств в языке художественного произведения.

Возможности эстетически значимых инноваций в области исходных категориальных грамматических значений языковых единиц, конечно же, в большей степени сдерживаются нормой и узусом, чем конкретные лексические значения слов, но, тем не менее, они все же достаточно велики. Как пишет Е.Н. Ремчукова: «Именно в связи с этим представляется своевременной задача выявления различных способов актуализации грамматических значений в таких типах речи, для которых характерна определенная творческая свобода» [Ремчукова 2005: 9]. К таким типам речи, безусловно, относится и язык художественной прозы.

Личные местоимения относятся к той разновидности грамматических классов слов, для которых исходная категориальная семантика является наиболее стабильной и устойчивой, и в силу этого обстоятельства она минимально подвержена контекстуальным изменениям. Однако реальное функционирование этих единиц в художественных текстах обнаруживает определенные возможности их эстетически значимого смыслового преобра-

зования. Настоящее исследование посвящено специфике актуализации категориальной семантики личного местоимения *мы* в художественной речи одноименного романа Е. Замятина.

Исходное категориальное грамматическое значение местоимения *мы* в системе языка связано с его ролью в коммуникативном акте в качестве носителя дейктической функции - указания на участников речевого общения. Именно через отсылку к этой функции оно формулируется, например, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «Служит говорящему для обозначения нескольких или многих лиц, включая и себя».

Креативный потенциал преобразования этого общеязыкового значения местоимения *мы* связан как раз с тем, что местоимение *мы* в определенных контекстах может утрачивать дейктическую функцию, приближаясь по своим лексическим и грамматическим характеристикам к единице номинативного типа. Теоретически возможность перехода личного местоимения *мы* от «чистого указания» к «называнию» обоснована еще в работах К. Бюлера, который утверждает, что *мы* «требует формирования класса людей», что уже «относится не к чистому указанию, а составляет первый шаг называния» [Бюлер 1993:123]. Это, в свою очередь, приводит к возможному (частичному или полному) переосмыслению местоимения как существительного, что коренится в его, отмеченном еще В.В. Виноградовым противоречивом положении в системе языка: будучи, с одной стороны, «указательными словами», с другой стороны, они являются словами «субъективно-объективными» [Виноградов 1986:206]. Именно «субъективно-объективность» местоимений позволяет им приобретать номинативный характер семантики и предметный тип сочетаемости.

Номинативный тип употребления местоимения *мы* характерен для художественного текста романа-антиутопии Е. Замятина «Мы», который не случайно носит такое название. Находясь в сильной текстовой позиции заглавия, слово *мы* уже тем самым неизбежно приобретает номинативный характер семантики, поскольку предполагает приписывание слову целого комплекса денотативных и коннотативных смыслов и полную утрату дейктической функции.

Речь идет о том, что говорящий субъект (в нашем случае – автор художественного текста) может использовать *мы* не в привычной для этого местоимения функции указания на непосредственного участника коммуникации, а в своеобразной «номинативной» функции для обозначения некой группы лиц в качестве их нерасчлененной совокупности (своего рода «собирательное» употребление *мы*).

Мы в романе Е. Замятина, действительно, вовсе не обозначает непосредственного участника коммуникации. *Мы* употребляется как окказиональная номинативная единица, обозначающая нечто вроде «все жители Единого Государства, разделяющие господствующий

в нем образ мышления и поведения, его нормы и принципы', а также на коннотативном уровне предполагающая семантику утраты индивидуальности, *Я*, или, по крайней мере, ее негативную ценностную окрашенность – например: *И, сливаясь в единое, миллионорукое тело, в одну и ту же, назначенную Скрижалью, секунду, мы подносим ложки ко рту и в одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум, в зал Тэйлоровских экзерсисов, отходим ко сну...*

Причем если в своем первичном референтном употреблении местоимение *мы* включает *я* в качестве элемента своей семантики (*мы* = 'я+ кто-то еще'), то в случае с произведением Е. Замятина *мы*, напротив, наблюдаем культурно маркированное противопоставление *мы* и *я*, при котором наблюдается полярная оценочность: для *мы* – позитивная, а для *я* – негативная – ср., например: *Мы идем – одно миллионголовое тело, и в каждом из нас – та смиренная радость, какою, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты. В древнем мире – это понимали христиане, единственные наши (хотя и очень несовершенные) предшественники: смирение – добродетель, а гордыня – порок, и что «МЫ» – от Бога, а «Я» – от дьявола.*

Иными словами, лексемы *мы* и *я* ведут себя в художественном тексте этого романа как обычные контекстуальные лексические антонимы, а не как противопоставленные члены грамматической числовой оппозиции.

В этом случае можно говорить о лексикализации грамматической семантики *мы*, о крайне специфичной разновидности его вторичного, нереперентного употребления. Такое «*мы*» в тексте иногда приобретает черты несвойственного местоимению поведения, например, синтаксическую предикацию субстантивированным прилагательным среднего рода: *Мы – счастливейшее среднее арифметическое...*, – или неодушевленным существительным единственного числа: *И самые выборы имеют значение скорее символическое: напомнить, что мы единый, могучий миллионклеточный организм, что мы – говоря словами «Евангелия» древних – единая Церковь.*

Сама концептуальная схема подобного употребления *мы*, как бы очерчивающего границы «своего» мира, очевидно, восходит к древнейшим моделям семантического представления значимого для человека, освоенного и присвоенного им фрагмента действительности. Как свидетельствует Ю.С. Степанов, идея 'мира' через идею 'порядка, устроенности, лада' связана с идеей 'мы', воплощающего 'свое', в противовес враждебному, 'чужому': «'Мир' в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди «моего племени», «моего рода», «**МЫ**» [выделено нами – И.Г.], место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует «порядок», «согласие между людьми», «закон»; оно

отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства...» [Степанов 1997: 95]. Условно назовем это «мифологическим» *мы*.

Именно подобное *мы* (но уже – *мы* «идеологическое») можно встретить во многих основополагающих общественных, политических, государственных, религиозных текстах на большинстве языков мира. *Мы* в этих текстах – это ‘весь народ’, осмысленный как коллективный субъект и одновременно – коллективный адресат подобных высказываний.

Возможность *мы* выражать культурно значимую идею «своего мира» активно эксплуатируется и в поэтической речи, особенно в современной Е. Замятину русской революционной поэзии 20-х гг. XX в. (Маяковский, Асеев, Безыменский и др.). Она находит свое выражение в так называемом «поэтическом» *мы*, в коммуникативную установку которого входит стремление очертить некий круг «наших» по аксиологически или психологически значимому признаку (принадлежность к партии, социальной или культурной группе, художественному течению и пр.). Нетрудно заметить, что в этой ситуации *мы* также приобретает ярко выраженную положительную ценностную коннотацию, отсутствующую в общезыковой семантике этого местоимения.

Однако в художественном тексте романа Е. Замятина «Мы» указанная общекультурная модель, на наш взгляд, подвергается значительной трансформации по линии «усиления номинативности», так сказать, «увеличения степени лексикализации».

Своеобразие контекстуального преобразования категориальной грамматической семантики *мы* в романе Е. Замятина прежде всего заключается в том, что рассмотренные выше «мифологическое», «идеологическое» и «поэтическое» *мы*, пусть в разной степени, но все же сохраняют семантический компонент ‘я’ в своем речевом употреблении, а «замятинское» *мы*, напротив, его полностью исключает – см., например: *Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю – точнее, что **мы** думаем (именно так: **мы**, и пусть это «**МЫ**» будет заглавием моих записей); Это потому, что никто не «один», но «один из». **Мы** так одинаковы...*

Но при этом местоимение *мы* употребляется и в качестве обычного *мы* перволичного местоимения, которое содержит референцию к сфере Рассказчика (рассказчик и его возлюбленная, рассказчик и его коллеги и пр.). На этом фоне «восстанавливается» и нормальная оппозиция *мы* и *я*: *Об руку с ней **мы** прошли четыре линии проспектов. На углу ей было направо, **мне** - налево.*

«Обычное» *мы*, в отличие от «номинативного», «лексикализованного» *мы*, и лексически, и грамматически «ведет себя» в тексте Е. Замятина именно как местоимение, т.е. не приобретает парадигматических и синтагматических свойств существительного (родовой и числовой характеристики, сочетаемости с атрибутивными словами и пр.).

Контекстное взаимодействие «номинативного» и обычного, дейктического *мы*, на наш взгляд, является одной из самых ярких примет в плане специфики актуализации грамматических значений в художественной речи романа Е. Замятина.

Литература

- Бюлер К. 1993 – *Теория языка. Репрезентативная функция языка*: Пер. с нем. Москва.
Виноградов В.В. 1986 – *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. Москва.
Гин Я.И. 1996 – *Проблемы поэтики грамматических категорий*. Санкт-Петербург.
Ремчукова Е.Н. 2005 – *Креативный потенциал русской грамматики*: Монография. Москва.
Степанов Ю.С. 1997 – *Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования*. Москва.
Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 томах. 1996. Т. II. Москва.

УЧЕБНИК И ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

И. Данецка

*Опольский университет, Ополе, Польша
daneczka@op.home.pl*

Статья представляет взгляд на историю и место учебника в процессе преподавания РКИ в польской школе автора учебников и пособий для школьников и студентов. После 1989 г. был создан ряд учебных комплексов, в разной степени соответствующих лингводидактическим принципам современного учебника иностранного языка. Характерной чертой польских учебных комплексов было постоянное увеличение числа составляющих их элементов. Принятый в 2014 г. Сеймом так называемый «Закон об учебниках» коренным образом меняет эту ситуацию и ставит перед авторами учебников новые задачи.

Ключевые слова: учебник, РКИ, учебный комплекс, история учебника

Учебник в школьной практике функционирует в совокупности со многими другими дидактическими средствами, занимая в образовательной системе ведущее место. В истории педагогики были и есть альтернативные системы, не допускающие использования готовых учебников в учебном процессе, однако они имеют маргинальный характер. Учебник был и в наше время остаётся важнейшим элементом оптимизации процесса преподавания.

До настоящего времени не удалось полностью заменить классический учебник другими дидактическими средствами, несмотря на то, что с 2015 г. в России можно издавать только те учебники, для которых есть электронная версия, а выбор зависит от учеников и учителей. В Польше после некоторого увлечения электронными учебниками издатели отмечают возврат к бумажным учебникам, а согласно закону об образовании от 2014 г. учебник может иметь одну из версий: бумажную или электронную, а не две как в России.

Сторонники электронного учебника приводят ряд аргументов в его пользу (переход от линейной презентации учебного материала к многоуровневой), однако по сегодняшний день он не стал повседневностью в польской школе. Польские издательства отходят от издания электронных версий учебников ввиду небольшого интереса к ним со стороны учителей. Как правило, он выступает в качестве дополнительного источника информации, его используют в паре с традиционным бумажным учебником.

Как справедливо утверждает Юзеф Скжипчак, конструкционная простота бумажных учебников является таким их достоинством, что им нет конкуренции. Для их изучения не

нужна дорогая и сложная аппаратура, их можно взять и где угодно читать, листать, просматривать, делать на полях свои замечания, подчёркивать нужные фразы, а затем просто отложить в карман или в портфель. «Все другие дидактические средства могут, и даже должны входить в своеобразное взаимодействие с учебником, образуя его оболочку или преобразуя данный учебник в определённого рода мультимедийный пакет. Однако даже тогда, как показывает опыт, основным ядром набора, его костяком являются материалы в виде учебника» [Skrzypczak 2003:5].

В.П. Беспалько «бессмертность» бумажного учебника объясняет такой особенностью человеческого восприятия, как целостность восприятия информации. То, что учащийся может держать в руках и обзреть в целом всю книгу и каждую страницу в отдельности, даёт возможность удовлетворить потребность оценить подлежащий изучению предмет в целом. «По-видимому, это формирует у человека установку на деятельность и позволяет ему отслеживать своё продвижение в материале. Ни один другой носитель учебной информации не даёт ученику такой возможности, поэтому, прогнозируя будущее бумажного учебника, можно предположить, что он постоянно будет входить одним из компонентов в любые комбинированные системы будущего, как это происходит в настоящее время» [Беспалько 2006:169].

О важности учебника и требованиям к нему специалисты ведут научные дискуссии уже давно. Условное начало этих дискуссий – II Конгресс МАПРЯЛ (Варна 1973) *Теория и практика создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному*. В разные годы разработкой теории учебника занимались такие специалисты, как А.Р. Арутюнов, И.Л. Бим, М.Н. Вятютнев, Д.Д. Зуев, А.А. Леонтьев, Г.И. Рожкова, Н.В. Черемисина, Н.А. Лобанова, Е.М. Степанова, С.А. Хавронина, В.Н. Вагнер, В.Н. Ванеева, Т.Н. Протасова, Л.С. Журавлева, Г.А. Битехтина В.П. Беспалько, А.А. Вербицкий и др. Среди польских специалистов по теории учебника следует упомянуть имена В. Оконя, Ч. Куписевича, Т. Парновского, Ч. Мазяжа, Л. Леи, Ю. Скжипчака, В. Койса.

Важную роль в обсуждении, каким быть школьному учебнику, сыграло двадцать выпусков сборника «Проблемы школьного учебника» (1971–1991), в которой приняли участие как теоретики, так и ведущие специалисты учебного книгоиздания, авторы учебников, методисты, художники-полиграфисты. В серии был сформулирован целый ряд постулатов, касающихся содержания, структуры, функций и стиля школьного учебника. Поскольку эти проблемы продолжали быть актуальными, в 2004 году вышла книга *Проблемы школьного учебника. XX век. Итоги*. В это издание вошли избранные материалы, опубликованные в ежегодниках и не потерявшие своей актуальности, в них освещались вопросы, касающиеся теоретических основ издания учебников, функциональной нагрузки

учебника, конструирования и структуры учебника, текстов учебника, их языка и стиля, художественного оформления, места учебника в системе средств образования, особенностей учебно-методического комплекта.

Как автор трёх серий учебников по РКИ для польских учеников можем с полной ответственностью заявить, что создание хорошего учебника, по которому легко работать и учителю, и ученикам, – это главное и, пожалуй, самое трудное задание, которые стоит перед методикой преподавания иностранных языков. Ценные замечания и указания учёных-теоретиков могут быть внедрены в школьную жизнь только с помощью учебника. Восполнить пробелы и погрешности учебника – это задание под силу лишь немногочисленным, творческим учителям. Можно также отказаться от учебника или же заменить его авторскими материалами учителя, однако эта тенденция не имеет массового характера.

Русский язык преподаётся в польской школе уже много лет. В результате геополитических изменений после II мировой войны русский язык долгие годы (с 1948 по 1990 г.) был обязательным предметом на всех этапах обучения. Ни у одного школьного предмета не было такой сложной судьбы, о месте этого предмета долгие годы велись споры и дискуссии, в которых принимали участие учителя, ученики, родители и представители образовательных ведомств. Как пишет В. Фигарски: «Обучению каждому иностранному языку сопутствуют не только своеобразные психологические и социологические, но и исторические коннотации. Редко так случается, чтобы характер этих коннотаций отличался таким количеством оттенков, как это имеет место в случае языка А. Пушкина» [Figarski 2004:29].

К сожалению преподавателей русского языка, среди этих оттенков по сегодняшний день преобладают тёмные тона. Несмотря на течение времени ими нельзя пренебрегать, когда речь идёт об обучении русскому языку в Польше.

Неудивительно, что после 123 лет разделов, которым сопутствовал процесс русификации, после обретения свободы в 1918 г. русский язык не стал иностранным языком, изучаемым в польских школах. В период между I и II мировыми войнами обучение русскому языку велось в форме факультативных занятий, причём лишь в нескольких торговых профессиональных училищах и на Государственных курсах славянских языков для школьной молодёжи в Варшаве. Таким образом, Польша в послевоенное время не унаследовала каких-либо положительных традиций, касающихся обучения русскому языку. Не было ни программ для учителей, ни школьных учебников, ни учителей-русистов.

С таким опытом начался эксперимент с обучением русскому языку во всех типах школ на всех уровнях образования. В результате проведённого нами анализа польских учебников РКИ, изданных после 1945 г., мы разделили их на четыре этапа или четыре группы.

Первый этап – это конец 40-х и 50-ые гг. Учебники этого периода характеризовались идеологической направленностью, а программам обучения была свойственна филологическая направленность и максимализм как в отношении объёма материала, так и предполагаемых результатов. Из анализа доступных нам учебников можно сделать вывод, что некоторые были адаптацией учебников русского языка как родного (отсутствие ударений, отсутствие буквы ё). Основой обучения языку была грамматика русского языка на материале либо текстов, составленных авторами, либо сложных аутентичных текстов. Приведём пример одного из текстов из учебника начала 50-х гг.: *Хлеб – пища. Мясо тоже пища. Молоко – напиток. Сыр – не напиток, а пища. Молоко не пища, а напиток. Чашка не пища и не напиток, а что? Чашка – посуда. Хлеб не напиток и не посуда, а что? Хлеб – пища. Пища стоит здесь, а напиток стоит там.*

Начало второго этапа – это 60-ые годы. С 1963 г. благодаря проводимой министерством политике совершенствования школьных программ стали появляться более современные учебники и пособия, отражающие достижения методики и других наук, однако не менялась их идеологическая направленность.

Несмотря на то, что с конца 60-х гг. до конца 80-х гг. в средних школах преподавание велось по учебникам, написанным разными авторскими коллективами, эти учебники характеризовались идентичной структурой. Каждый раздел каждого учебника состоял из четырёх частей: вводных упражнений, текста (по-польски *czytanka*), послетекстовых упражнений, объяснения грамматического материала с упражнениями. Суть урока – это работа над текстом, т.е. чтение, перевод, ответы на вопросы, пересказ, часто от имени героев. Данные учебники можно классифицировать как докоммуникативные, речевые.

К таким можно отнести также учебники третьего этапа, которые были изданы во второй половине 80-х гг., когда стало понятно, что из-за меняющейся геополитической ситуации по старым учебникам работать уже невозможно. Идеологические тексты уступили место страноведческому материалу о красоте и достижениях разных республик Советского Союза, появились ростки коммуникативной направленности учебника. Однако в задания, в которых ученик мог рассказать о своей жизни, своих планах, вводились подсказки, в результате которых вместо подлинного текста о себе получался одинаковый монолог, например: *Расскажите, как вы проведёте будущее воскресенье. Используйте данные ниже слова и выражения: поехать за город, посидеть в лесу, отдохнуть на поляне, позавтракать, подняться на вершину, сделать несколько снимков, собрать корзину грибов, вернуться домой поздно.* Бывают задания, выполняя которые, получался текст, неестественный в устах 16-летнего ученика: *Если вы живёте в деревне, расскажите о вашем сельском хозяйстве. Используйте слова и выражения: пахать землю, сеять пшеницу, выращивать хлеба, свёклу,*

картофель, пользоваться с/х машинами, увеличить продукцию, знакомиться с новыми достижениями агротехнических наук, механизировать полевые работы.

Четвёртый этап начался с появления в 1995 г. учебно-методического комплекса (УМК) «Как дела?» (соавтором которого являюсь) [Granatowska, Danecka 1995], которое стало переломным моментом в истории учебников русского языка в Польше. Во-первых, это был первый УМК нового поколения по русскому языку в Польше. Он состоял из учебника, рабочей тетради, аудиоприложения и методического пособия для учителей. Во-вторых, впервые появились учебники, которые можно назвать коммуникативными. Благодаря им ученики имели возможность овладеть основными видами речевой деятельности на определённом уровне, позволяющем эффективно общаться на русском языке.

Учебники «Как дела?» почти 15 лет успешно просуществовали на польском издательском рынке. Они пережили очередную школьную реформу 1999 г., из-за которой надо было в предельно короткие сроки подготовить новый выпуск учебников, отвечающий требованиям реформы и изменившейся структуре системы образования. Затем у УМК «Как дела?» появились «конкуренты» (в хорошем понимании этого слова), согласно принципу *Разные УМК для разных учителей и разных учеников*. Итак, в последние 20 лет учителя основных школ, гимназий и лицеев имели на выбор несколько УМК различных издательств. А те, стараясь привлечь учителей, издавали учебники на высоком полиграфическом уровне, а кроме того постепенно расширяли границы УМК за счёт новых элементов, которые, по замыслу авторов, должны были взаимодействовать как части хорошо слаженной машины и гарантировать индивидуализацию учебного процесса, т.е. учитывать интересы, эмоции, склонности, индивидуальный стиль работы каждого ученика.

Многие специалисты считают, что центр УМК – учебник – должен быть невеликим по объёму, что не следует его перегружать лишней информацией, однако, как подчёркивает Ю.К. Бабанский, уменьшение его объёма не является самоцелью [Бабанский 2004:75]. Другие же предлагают «строить учебник из двух неравных по объёму, значению и техническому выполнению частей: основной, стабильной, призванной служить школе достаточно долго, и другой, меньшей, подвижной, которая по мере необходимости может извлекаться из книги и заменяться новой» [Маркушевич 2004:19]. В Польше до недавнего времени небольшой по объёму учебник объединял вокруг себя всё разрастающуюся периферию в виде составляющих УМК. Кроме учебника, рабочей тетради, методического пособия для учителя с подробными сценариями всех уроков и аудиоприложения в состав УМК стали входить пособия по грамматике, по лексике, Европейский языковой портфель, словарь, мультибуки (разные типы электронных вариантов учебника), фильмы, пособия, готовящие к экзамену, программное обеспечение для интерактивной доски, дополнительные

иллюстративные материалы и др. Издатели путём максимального облегчения труда учителя стремились «привязать» его к данному УМК, тем более, что «в пакете» учитель получал также всю необходимую документацию: результативный план (plan wynikowy), систему оценки достижения планируемых результатов (przedmiotowy system oceniania), распределение учебного материала (rozkład materiału). Учебник постепенно становился одноразовым продуктом, поскольку издатели, заинтересованные в прибыли, во-первых, издавали новые усовершенствованные варианты учебников через каждые несколько лет, во-вторых, учебник и рабочая тетрадь часто издавались под одной обложкой. Родители учеников жаловались не только на цены учебников, но и на факт, что не все элементы купленного УМК применялись в процессе обучения. Наблюдая студентов-первокурсников, можно было заметить, что они привыкли делать записи только в учебнике, часто хаотичные и на полях, у них не было навыка пользоваться предметными тетрадями. Интересны наблюдения учителей, говорящие о том, что многие ученики, составляя текст, не ставят точек и запятых, не пишут прописных букв, поскольку в рабочих тетрадях чаще всего надо было вставить букву или несколько букв (как правило – строчных), слово или выражение, подчеркнуть правильную форму, соединить части предложения, а не оформить всё предложение с прописными буквами, запятыми и точками. А ведь бесспорным является факт, что письмо от руки – это отличная тренировка для мозга, оно помогает учиться писать и запоминать буквы, формулировать идеи и совершенствовать коммуникативные навыки. Это эффективный инструмент в процессе обучения.

Приведём ещё один интересный факт. Несмотря на обилие современных, инновационных, усовершенствованных учебников уровень овладения иностранными языками польскими школьниками не является удовлетворительным. Авторы отчёта о результатах обучения английскому языку, изданного в 2015 г., обращают внимание, что 68% учеников не понимает простых коротких высказываний, 58% имеет проблемы с чтением с пониманием основного содержания, 54% не справляется с написанием короткого несложного текста, 37% не умеет сформулировать простые короткие высказывания [Gajewska-Dyszkiewicz 2015:3]. Стоит задать себе традиционный вопрос: кто виноват? Может быть, причина заключается в том, что далеко не все учителя применяли на уроках все части УМК. Данные издательств подтверждают, что количество проданных рабочих тетрадей всегда ниже количества проданных учебников.

Может быть, поэтому в Польше в истории учебников начался новый этап – уже пятый. Решением Сейма, начиная с учебного года 2015/2016 школы обязаны пользоваться многолетними учебниками, в которых нельзя писать или как-либо обозначать ответ. Такая запись есть на каждом учебнике. Это ещё не всё: учебник должен быть самодостаточным,

т.е. обеспечивающим все условия для реализации материала без привлечения какого-либо дополнительного материала в виде, например, рабочей тетради.

Примером, как эта новая идея реализуется в учебниках русского языка, может послужить наш учебник «Всё просто!» (соавтор Барбара Хлебда), первая часть которого была издана дважды: в форме однолетнего учебника с рабочей тетрадью в одной обложке [Chlebda, Danecka 2014] и в форме многолетнего самостоятельного учебника [Chlebda, Danecka 2015]. Нам, авторам пришлось в предельно сжатые сроки продумать и переделать всю систему упражнений, отказаться от некоторых типов, одобренных как учителями, так учениками, предложив взамен другие, а учителям придётся научиться работать по-новому. Время покажет, правильный ли путь выбрала польская система образования.

Литература

- Бабанский Ю.К. 2004 – Дидактические проблемы совершенствования учебных комплексов. *Проблемы школьного учебника. XX век. Итоги.* Москва.
- Беспалько В.П. 2006 – *Учебник. Теория создания и применения.* Москва.
- Маркушевич А.И. 2004 – Размышления о судьбах учебника. *Проблемы школьного учебника. XX век. Итоги.* Москва.
- Figarski W. 2004 – О historycznych konotacjach nauki języka rosyjskiego w Polsce. *Glottodydaktyczne i kulturowe aspekty komunikacji językowej.* Szczecin.
- Gajewska-Dyszkiewicz A. i in. 2015 – *Efekty nauczania języka angielskiego na III etapie edukacyjnym.* Warszawa.
- Skrzypczak J. 2003. – *Podręcznik szkolny. Wymagania, ocena, rozbudowa, metodyka stosowania.* Poznań.

Учебники

- Granatowska H., Danecka I. 1995 – *Как дела? 1.* Warszawa
- Granatowska H., Danecka I. 1996 – *Как дела? 2.* Warszawa
- Chlebda B., Danecka I. 2014 – *Всё просто! 1. Język rosyjski dla gimnazjum. Podręcznik z ćwiczeniami.* Warszawa.
- Chlebda B., Danecka I. 2014 – *Всё просто! 1. Podręcznik do nauki języka rosyjskiego.* Warszawa.

ЛИТОВСКИЙ ИДЕНТИТЕТ В КОНТЕКСТЕ ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУР: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРЕМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Й. Даукшите

Университет Vytautas Magnus, Литва

j.dauksyte@hmf.vdu.lt

В условиях постоянно меняющейся геоэкономической и геокультурной ситуации человек должен уметь строить взаимовыгодный диалог со всеми субъектами общего жизненного пространства, уметь наводить гуманитарные межкультурные мосты между представителями различных культур и стран. Важную роль в этом играет язык, выступающий единственно возможным инструментом, с помощью которого становится возможным взаимопонимание между представителями различных лингвоэтносообществ. Рост численности идентитетов в ЕС за последнее десятилетие привел к необходимости их приспособления друг к другу, что несет с собой динамику в политику идентитета и политику идентифицирования. Идентичность – это результат осознания глубокой рефлексии представлений о себе. Вот почему идентитет и связанная с ним идентификация – это отображение духа и души общества, которым она занимает свое место в мировой истории и культуре.

Ключевые слова: идентитет, социокультурный фон, лингвоэтнокультурная информация

Идентитет цивилизации трудно переложить на политику, еще труднее – на государство. Так, европейские исторические, географические и культурные границы со временем изменились. Если Европа изначально означала средиземноморье и Римскую империю, то современная Европа обширнее западноевропейских земель, объединяя христианское культурное пространство. Исторически, культура Европы не привела к геополитическим единицам так, как национальные культуры повлияли на становление национальных государств. На сегодняшний день происходит слияние Европы с лояльностью национальных государств. Это указывает на то, что Европейский идентитет – другого уровня, и для его осознания следует увидеть синергичное сотрудничество с идентитетами национальных государств. Противоречия между идентитетами Европейского Союза (ЕС) и национального государства ошибочны, они могут работать вместе, главное – совместимость. Это ведет к вопросу, можно ли понять единый идентитет ЕС только с помощью политических ценностей. Очевидно, что не только политические, экономические и идеологические ценности объединяют государства ЕС. Немаловажное место занимают и культурологические ценности, которые являются основополагающими при формировании идентитета государства и личности.

Идентитет в простом понятии – автопортрет, самосознание, самоопределение или характеристика. В социальных исследованиях идентитет рассматривается как объективная или субъективная принадлежность к определенному знаменателю, который участвует в становлении «я». Это охватывает как самоопределяющие признаки, так и проводит границу между «собой» и «чужим». У понятия идентитета есть две школы: конструктивисты и эссенциалисты. Для конструктивистов идентитет социально сконструирован, постоянно меняющийся и доступный всем, как то мировоззрение или субкультурные идентитеты. Для эссенциалистов идентитеты постоянны и изначально заложены, например, расовые, половые, а также этнические идентитеты. Мы можем говорить о Европейском идентитете лишь в конструктивистском понятии, которое распространено и в социальных, и в политически науках, а также культурологии [Jeffrey, 2009:25].

Коллективный идентитет позволяет анализировать формы сосуществования, которые больше не основываются на прямом социальном общении, а на культурной технике, которая создает социальность вдалеке от социального общения. Такие социальные общества нуждаются в рационализации социальности, что создает социальность. Они должны утверждать, что у них есть что-то более общее, нежели просто что-то исходящее от сожителства. Коллективные идентитеты порождают чувство единства и отличия, зависят от того, как люди конструируют и реконструируют социальную реальность. Чем больше общество функционально отличается, тем больше оно нуждается в коллективном идентитете. Чем меньше оно различается – тем меньше нуждается в коллективном идентитете. Дополнительной ценностью коллективного идентитета является то, что он предлагает аналитические средства для понимания иллюзии охватывания единого социального коммуникационного пространства, где не происходит прямого социального общения. Частью коллективного идентитета являются общие политические идентитеты. И хотя их может быть несколько, есть одно влияние: соединить людей так, что они увидят других частью общего пространства, товарищами, ради которых, в случае необходимости, готовы делать пожертвования.

Рост численности идентитетов в ЕС за последнее десятилетие привел к необходимости их приспособления друг к другу, что несет с собой динамику в политику идентитета и политику идентификации. Идентичность – это результат осозания глубокой рефлексии предсавлений о себе. Вот почему идентитет и связанная с ним идентификация – это отображение духа и души общества, которым она занимает свое место в мировой истории и культуре.

Коллективистский подход говорит о том, что на сегодняшний день в ЕС есть множество как идентитетов, так и коллективных идентитетов. Это значит, что они – с разной силой, но должны друг с другом сочетаться [об этом: Risse 2010:5].

Литва интегрируется в Европейский Союз, в политические, экономические и социальные сообщества. Уникальность языка, культуры, истории создают тот этнокультурный фон нашего государства, который должен интегрироваться в общую картину ЕС, но вместе с тем, должен сохранить свою уникальность и идентичность. В статье пытаемся найти те точки соприкосновения с культурами и идентитетами других стран ЕС, которые могут помочь Литве интегрироваться в общую картину Европейского идентитета, что в свою очередь послужит развитию навыков межкультурной коммуникации.

В различных культурах есть общее из того, что создано в каждую историческую эпоху человеческим обществом в науке и искусстве, общественной жизни и нравах, обычаях и традициях, но есть и специфическое, своеобразное. В семантике каждого естественного языка, в его системной организации и речевых реализациях воплощены духовные богатства мира, и язык народа отражает мир через призму человеческих поступков, отношений, мотивов и интересов.

Цель статьи – осветить проблему литовскоязычного социокультурного фона, влияющего на идентитет литовца в контексте других европейских культур и развитие коммуникативной компетенции, на примере литовских пословиц и поговорок. Пытаясь освоить нормы и правила культурной и языковой сущности, мы все равно проявляем свое национальное, культуроспецифическое свойство. Национальный акцент в иноязычной речи может не только восприниматься физическим слухом, но проявляться как внутренняя, почти бессознательная составляющая личности. Следует заметить, что кодирование лингвоэтнокультурной информации может происходить не только с помощью лексических единиц языка – все лингвистические средства, а также многие экстралингвистические средства (жесты, мимика, выражение глаз, поза при коммуницировании и др.) участвуют в «оформлении» мысли коммуниканта и придают особую модальность высказыванию. Язык отражает окружающий мир и культуру, созданную человеком. Язык – это орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер. Через язык человек получает представление о мире и обществе, членом которого он стал, о его культуре, о системе ценностей, морали, поведении и т.д. Язык отражает мир и культуру и формирует личность носителя языка. Как утверждает В. Гумбольдт, язык стоит между человеком и миром. «Это мир, лежащий между миром внешних явления и внутренним миром человека» [Гумбольдт 2000:304]. Если же говорить о национальной языковой картине мира, то специалисты, занимающиеся данной проблематикой, отмечают неизбежную фрагментарность проводимых исследований, связанную с огромным объемом материала. Тем не менее, весьма тонкий анализ существующих в национальных языках явлений позволяет делать определенные выводы.

Национальную картину мира, наряду с другими компонентами, такими, как традиции, бытовая культура, повседневное поведение, художественная культура, профессор С.Г. Тер-Минасова относит к компонентам культуры, которые несут национально-специфическую окраску [Тер-Минасова 2000:28-29]. Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи развития навыков коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Одна из важных проблем культуроведческой методики развития навыков межкультурной коммуникации в диалоге культур, в контексте культуры и т.п. заставляет ответить на вопрос, что первично и что вторично в диаде язык и культура, т.е. методически раскрыть и обосновать формулу «язык – цель, культура – средство» или «культура – цель, язык – средство». Среди методистов и преподавателей – практиков есть сторонники как одной, так и другой точки зрения на это «распределение» сопряженных феноменов. Так одни ученые считают, что цель иноязычного образования – культура, а язык – средство. Другие ученые полагают, что в процессе овладения иностранным (русским языком) наличествует триада «язык – культура – речевое сообщение (текст, дискурс)». Отдельный человек опирается лишь на знания основ этой культуры, какой-то его части, что обостряет проблему отбора фактов и явлений культуры в целях преподавания и заставляет следовать в методике принципу частичности знаний культуры каждым отдельным человеком. Дидактически не менее важен тезис о специализированности знаний культуры в зависимости от конкретных интересов учащихся их коммуникативной цели, уровня требуемой для их достижения социокультурной компетенций, ибо социокультурная компетенция формируется с учетом фактов и сведений общечеловеческого национального, регионального и местного значений [об этом: Митрофанова 2004:26-27].

В качестве отрасли науки о языке, непосредственно связанной с изучением культуры, в последнее время все большее распространение получает лингвокультурология [об этом: Маслова 2000:7]. По словам профессора В.В. Воробьева, «сегодня уже можно утверждать, что лингвокультурология – это новая филологическая дисциплина, которая изучает определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой «картины мира» и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» [об этом: Воробьев 1999:125]. Определение сторонников лингвосоциокультурного метода не преувеличивает силы и значения языка в современном мире. По их мнению, язык – это мощное общественное орудие, формирующее людской

поток в этнос, образующее нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого комплекса. При этом подходе к языку межкультурная коммуникация – это, прежде всего, адекватное взаимопонимание двух собеседников или людей, обменивающихся информацией, принадлежащих к разным национальным культурам. Тогда их язык становится знаком принадлежности его носителей к определенному социуму. В каждом иностранном слове отражается иностранный мир и иностранная культура: за каждым иностранным словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире [об этом: Будагов 1995:7]. Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого нужно преодолеть барьер культурный. Специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. В межкультурном общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления [об этом: Антипов 1988:8]. Изучение мира носителя языка направлено на то, чтобы помочь понять особенности речупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические коннотации единиц языка и речи.

Лингвоэтнокультурная информация, которая заложена в пословицах и поговорках разных языковых групп и культур, может послужить точной соприкосновения в процессе поиска общности европейского идентитета. Сопоставительный анализ английских и русских пословиц и поговорок с общим значением «Межличностное восприятие» провела А.Р. Залялеева. Языковым материалом для данного исследования послужили 95 английских пословиц и поговорок, отображающих ситуации восприятия человека человеком, которые закреплены во фразеологическом значении или / и внутренней форме паремий. Автор А.Р. Залялеева выделяет 14 основных тематических групп, в которые можно объединить английские пословицы и поговорки с общим значением «Межличностное восприятие». Основное внимание при сопоставительном анализе уделялось значению английских пословиц. Автор А.Р. Залялеева отмечает, что для носителей английского языка межличностное восприятие определяется делами и поступками людей, их речью, стилем поведения в обществе, привычками. Люди оценивают окружающих по таким критериям, как их друзья и родственники. Свойства людей наиболее ярко проявляются в чрезвычайных ситуациях. Внешняя привлекательность не играет первостепенной роли для англичан [Залялеева 2002:155]. Вышеприведенный сопоставительный анализ английских и русских пословиц и поговорок показал возможность развития навыков межкультурного общения и межкультурной коммуникации на примере познания межличностного восприятия носителей определенных языковых групп. Анализируя некоторые литовские пословицы и сопоставляя

их тематическое значение с приведенным выше анализом английских и русских пословиц, можно утверждать, что и литовские пословицы несут тот же смысловой характер межличностных отношений, что и в англоязычных и русскоязычных пословицах. Несмотря на то, что эти три языка принадлежат разным языковым группам, а носители этих языков разным религиозным конфессиям, разным культурам, разному уровню экономического и социального развития, с точки зрения исторических эпох, есть та общая точка соприкосновения межличностных отношений, которую можно узреть, анализируя пословицы и поговорки. Сравнивая русские и литовские пословицы и поговорки можно отметить такое языковое явление, как полное совпадение грамматических и лексических форм, а также совпадение назидательного и поучительного смыслового значения. Целью сопоставительного анализа литовских пословиц и поговорок с русскими пословицами и поговорками, в данной статье, является не количественное совпадение, а смысловое совпадение, в котором можно усмотреть общий аспект межличностных отношений двух языковых групп и культур. Анализ идентитета литовца в контексте других европейских культур, на примере пословиц и поговорок, показал схожесть мировоззрения, этнокультуры, духовного мира народов, живущих в Европе, не смотря на принадлежность разным языковым группам и разным культурам. Это может послужить одним из аспектов при формировании Европейского идентитета.

Литература

- Антипов Г.А., Донских О.А. и др. 1989 – *Текст как явление культуры*. Новосибирск.
- Будагов Р.А. 1995 – *Человек и его язык*. Москва.
- Воробьев В.В. 1999 – О статуте лингвокультурологии. *IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков*. Т.2. Братислава.
- Гертнер И.В., Нифанова Т.С. 2006 – Тематическая классификация английских пословиц и поговорок с общим значением «межличностное восприятие». *Русистика и современность*. Санкт-Петербург.
- Гумбольдт В. 2000 – *Избранные труды по языкознанию*. Москва.
- Залялеева А.З. 2002 – Опыт сопоставительного анализа английских и русских пословиц и поговорок. *Материалы международной научно-практической конференции*. Т. IX. Санкт-Петербург.
- Маслова В.А. 2001 – *Лингвокультурология*. Москва.
- Митрофанова О.Д. 2004 – О методическом сопряжении родной и изучаемой культуры в практическом курсе русского языка как иностранного. *Человек, сознание, коммуникация, Интернет*. Варшава.
- Тер-Минасова С.Г. 2000 – *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва.
- Ушакова Н.Л. 2006 – К вопросу об определении понятий общение, коммуникация, межкультурная коммуникация, межкультурное общение. *Диалог языков и культур. Теоретический и прикладной аспект*. Выпуск 1. Архангельск.
- Jeffrey T., Checkel P. 2009 – *European Identity. Cambridge jt.* Cambridge University Press.
- Risse T. 2010 – *Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres*. Ithaca, London. Cornell University Press.

МУЛЬТИЛИНГВИЗМ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЛАТВИИ

И.В. Диманте

Балтийская международная академия, Латвия

dimanteirina@inbox.lv

В Латвийской Республике проживает около двух миллионов человек. Однако столь небольшое по количеству жителей государство является полиэтническим и, как следствие, многоязычным. Чтобы иметь объективное представление о сложившейся здесь особой языковой ситуации, следует представлять себе причины её возникновения, которые обнаруживаются в историческом прошлом этого государства. Помимо исторических фактов, оказавших влияние на формирование языковой картины современной Латвии, в данной статье будет затронут также и социологический аспект, касающийся вопросов мультикультурного содержания. С одной стороны, это проблемы сугубо местного характера, с другой – выходящие за рамки государственных границ, поскольку страна находится в составе Евросоюза.

Ключевые слова: межнациональный, мультилингвизм, плюрилингвизм, двуязычие, трёхязычие, миграция

К вопросу о европейском мультилингвизме

На территории современной объединённой Европы сосуществуют и развиваются различные национальные культуры и культуры этнических нацменьшинств. Поэтому, несмотря на общую для стран Евросоюза установку на политическое, экономическое и культурное единение, на сегодняшний день Европа не является территорией тотальной унификации жизни европейского общества. Одним из подтверждений сказанному служит наличие европейского *мультилингвизма*, т.е. сосуществование многих языков в очерченном общей границей пространстве. Наряду с этим термином нередко в качестве синонима используется термин *плюрилингвизм*. Однако, по мнению лингвиста О.А. Смирновой с опорой на лингвистические источники, значения этих терминов определённым образом расходятся. Термин *мультилингвизм* употребляется, когда речь идёт о социальной группе в целом, т.е. применим в отношении населения, проживающего на определённой территории. А термин *плюрилингвизм* следует соотносить с языковой характеристикой отдельной личности, владеющей несколькими языками [Смирнова 2007:94]. В эпоху глобализации и переустройства мира вопросы *мультилингвизма* и *плюрилингвизма* являются одними из самых актуальных также и для Латвийского государства.

Латвия является страной, входящей в состав Евросоюза, поэтому на её примере можно проследить некоторые характерные для стран ЕС черты и тенденции, касающиеся общей языковой ситуации. В то же время следует помнить, что в плане языковой политики не следует ставить знак равенства между всеми членами ЕС. Ведь в каждой из этих стран на сегодняшний день складывается по-своему уникальная языковая ситуация, обусловленная историческим прошлым, экономическим настоящим, государственной политикой, сформировавшимся на данный момент этническим составом населения и его возможным изменением в самом ближайшем будущем.

Языковая ситуация в Латвии: история, современность и перспективы

Географическое местоположение территории нынешней Латвии во многом предопределило историческую судьбу этой страны. Её земли, расположенные на восточном побережье Балтийского моря, на протяжении многих столетий были объектом захватнических интересов. А населявшие их жители постоянно подвергались нападению со стороны пришельцев, часть из которых вливалась в состав местного населения. Кроме того, по ряду причин экономического и политического характера, Латвия привлекала к себе эмигрантов – деловых людей, рассчитывающих на более выгодную или стабильную экономическую ситуацию, а также лиц, спасающихся от преследования властей у себя на родине. На протяжении ряда веков здесь наблюдалась картина сосуществования «исконных» языков с языками «иноземцев», поэтому ситуация явного дву- или трёхязычия стала для Латвии характерной. Основными языками, которые здесь употреблялись наряду с латышским и его диалектными разновидностями (балтийская ветвь), сменяя друг друга в различные эпохи, были ливский (угро-финский), немецкий (германский) и русский (славянский). Например, для языковой картины первой половины 20 века характерно латышско-русско-немецкое трёхязычие, а для второй – латышско-русское двуязычие. Ливский язык является языком исконного населения Латвии. Однако, ввиду сокращения числа его носителей, он стал языком бытового общения, несмотря на предпринятую в 1920 – 1940 гг. попытку его восстановления и развития. На сегодняшний день этот редкий язык представляет несомненный интерес для лингвистической науки.

Особое значение в истории Латвии отводится немецкому и русскому языкам, поскольку они длительный период и в значительной мере предопределяли языковую ситуацию в стране. Вторжение на территорию Прибалтики крестоносцев и её дальнейшее активное заселение представителями немецкой нации сыграли исключительную в языковом отношении роль: знание немецкого стало необходимым практически во всех жизненных сферах. Русский язык также издавна звучал на территории Латвии: вначале благодаря обосновавшимся здесь предприимчивым русским торговцам, затем на нём заговорили в

селениях, основанных старообрядцами. Позднее, когда часть территории страны вошла в состав Российской империи, русский язык стал языком не только бытового, но и официального общения. В период пребывания Латвии в составе СССР русский язык, получив статус языка межнационального общения, применялся во всех сферах жизнедеятельности.

Обретение Латвийским государством независимости (1991 год) и вступление в Евросоюз (2004 год) повлияли на языковую ситуацию. В наши дни, в соответствии с законодательством Латвийской Республики, государственным языком является латышский, а любой другой язык, кроме ливского (язык коренной нации), имеет статус иностранного. Сегодня Латвию населяют представители различных национальностей, однако изучение и анализ языковой ситуации показывают, что после латышского вторым наиболее распространённым языком является русский. Поэтому значительную часть населения, которая на бытовом уровне или в неофициальной ситуации активно пользуется русским языком, принято называть *русскоязычными*. Хотя это вовсе не является указанием на принадлежность к русской национальности. На русском, как правило, общаются имеющие принадлежность к славянским или к смешанным семьям. Языками бытового общения в Латвии являются также украинский, белорусский, польский, литовский, цыганский, немецкий, эстонский, еврейский (идиш) и некоторые другие.

Если вернуться в историческое прошлое Латвии столетней давности, то в начале прошлого века для того, чтобы получить хорошее (по представлениям тех времён) рабочее место, надо было знать три языка – латышский, немецкий и русский. Требование к знанию языков было продиктовано реально сложившейся ситуацией: основную часть населения Латвии – наряду с другими национальностями – составляли латыши, балтийские немцы и русские. Спустя столетие положение с трудоустройством остаётся почти прежним: заполняя анкету-CV, надо указывать степень владения, как правило, не менее чем тремя языками. Только вместо немецкого приоритетное значение занимает английский – один из самых распространённых языков мира. На сегодняшний день английский – это язык межнационального общения в области экономики, науки и культуры. В Латвии наиболее активно на английском общаются политики и бизнес-партнёры. Здесь появилось много иностранных предприятий, в которых языком делового общения выступает английский. В этой связи некоторые латвийские лингвисты уже длительное время обеспокоены тем, что в ряде случаев – например, на предприятиях и в научных учреждениях – наблюдается тревожная тенденция к намеренному неупотреблению латышского языка. Так, по мнению одного из ведущих специалистов в области научной терминологии Латвии В. Скуини, в сферах генетики, психологии, социальных и других наук заметна «чрезмерная ориентация на

английский язык» [Skujņa 2001:12]. Кроме того, повсеместному закреплению этого языка способствует ещё одна тенденция – активная миграция латвийских жителей в Западную Европу или Америку у студентов появилось стремление ездить учиться за рубеж, а у родителей – отсылать детей школьного возраста на учёбу за границу или направлять в местные учебные заведения с английским языком обучения. В крупных латвийских городах в большинстве случаев знание английского языка является необходимым условием при приёме на работу. Поэтому стоит отметить, что здесь уже можно говорить о вновь сформировавшейся ситуации явного трёхязычия – латышско-русско-английского. Только, в отличие от предыдущих языковых ситуаций, разница состоит в том, что английский язык – это язык межнациональный. Он не является родным языком какой-то очень значительной части населения Латвии, как это было с ливским, немецким и русским.

Однако сохранение сегодняшнего устойчивого трёхязычия в Латвии в перспективе, по мнению некоторых учёных, вряд ли возможно. В связи с этим следует привести точку зрения учёного того, кто разбирается в этом вопросе, например, известного в нашей стране востоковеда Леона Тайванса. Этим летом в интервью portalу Delfi учёный рассказал, что же, на его взгляд, следует ждать жителям Латвии от прибытия восточных беженцев. Многие из ответов, данных корреспонденту, представляются достаточно интересными, поэтому некоторые фрагменты приводятся практически полностью. К примеру, на вопросы, что думает Леон Тайванс относительно изучения беженцами латышского языка, их интеграции в латвийское общество и что следует делать Латвии, прозвучал следующий ответ: *«Латышский язык они учить уж точно не будут, даже при самом интенсивном обучении. Беженцы и эмигранты учат русский, который дает им большую возможность для маневра. ... Латыши чаще заняты в сфере сельского хозяйства, образования и госуправления, где беженцам явно места не найдется. Так что никакой латышской интеграции тут не выйдет — пустые мечты. ... Так что будем со всем этим жить. Лично я надеюсь заставить своих младших детей учить восточные языки. Если они хотят здесь жить, то арабский. Если по миру вертеться, то китайский...»* [Интернет-ресурс: <http://rus.delfi.lv...> 03.07. 2015]. Из сказанного можно заключить, что профессор отделения востоковедения Латвийского Университета Леон Тайванс предполагает, что латвийцам следует изучать восточные языки, потому что процесс прихода в Балтию арабского мира – со всеми своими особенностями и неожиданностями, по мнению специалиста, необратим.

Прогноз профессора нельзя назвать оптимистичным, однако существуют и другие мнения относительно сложившейся ситуации. Так какие же шаги делаются в Латвии в этом направлении? На правительственном уровне уже принимаются решения, связанные с проблемой беженцев, причём в сторону их интеграции в латвийское общество. К примеру, 21

сентября этого года правительственная коалиция одобрила поправки к законодательству, согласно которым размещенным в Латвии беженцам нужно будет посещать учебные заведения только с латышским языком обучения. Это требование будет распространяться также на курсы и детские сады. Здесь стоит отметить, что в латвийских СМИ обнаружилась информация, что учебные учреждения не совсем готовы к приёму детей из стран Африки и Ближнего Востока. Например, очевидна явная нехватка специалистов, владеющих соответствующими языками.

По вопросу интеграции беженцев авторитетно высказывается Лиесма Осе, эксперт по билингвальному образованию, руководитель Латвийского Фонда общинных инициатив. Кажется небезынтересным привести некоторые из её суждений [Интернет-ресурс: <http://rus.delfi.lv...29.09.2015>]. Например, задаваясь вопросом, как можно оценить решение правительства обучать детей беженцев в латышских школах и в детских садах, Лиесма Осе находит, что в таком регулировании нет необходимости, и приводит свою аргументацию. Во-первых, она считает, что, если самым важным фактором считать соблюдение интересов ребенка, то язык, на котором в школе проходит обучение, не имеет решающего значения. Ведь во всех школах образовательный процесс организован на латышском языке (при билингвальном подходе – в комбинации с 40% от общего содержания на языке нацменьшинств). Главное, по мнению Осе, это школьная среда, куда попадает ребенок. Поскольку дети-беженцы, прибывшие из регионов военных конфликтов, пережили страдания и ещё долгое время могут испытывать последствия стресса, то самым важным является оказание психосоциальной поддержки, которую дети смогут получить в школе от социального педагога, психолога или социального работника. Исходя из этого Осе предполагает, что в большей степени подходящей средой для приезжих детей являются школы, которые осуществляют программы образования национальных меньшинств, поскольку в таких учебных заведениях разнообразие культур является ежедневной составляющей и нормой. Далее эксперт по билингвальному образованию подчеркнула, что в латвийских школах соблюдаются единые государственные стандарты образования, независимо от языка обучения. С 2000 года Латвийское государство произвело существенные вложения в развитие билингвальных школ, и сейчас, считает Осе, настало время использовать эти достижения. Она также отметила, что формально правительственное решение обучать детей беженцев в латышских школах отвечает международной практике, но при соблюдении двух обязательных условий. Во-первых, перед началом учебного процесса прибывшие дети должны освоить основы латышского языка. Во-вторых, учеба на госязыке *«должна сопровождаться поддержкой на родном*

языке приехавшего школьника»; здесь речь может идти об использовании посреднических языков — английского и французского [Интернет-ресурс: <http://rus.delfi.lv....29.09.2015>].

Для сравнения хочется привести примеры того, что же делают наши соседи в Литве и Эстонии, поскольку проблема нехватки специалистов и методик актуальна для всех стран Балтии. В отличие от Латвии, власти других прибалтийских государств все-таки не ставят во главу угла госязык. Наоборот, в мэрии Вильнюса, говорят о возможности создания в детских садах группы на арабском языке. В целом, как можно понять из интервью ответственных эстонских и литовских чиновников, в процессе интеграции детей основной упор будет делаться на билингвальный подход и на возможности активного использования иностранных языков. Кроме того, в Литве ректоры вузов приняли решение, что, при наличии среднего образования и владения английским языком, дети беженцев смогут получать высшее образование бесплатно [Интернет-ресурс 29.09.2015].

Если ожидать, что в перспективе Латвия станет ярко выраженным мультилингвальным государством, то, вероятно, в дальнейшем в сфере образования латвийцам надлежит ознакомиться с опытом преподавания у специалистов из государств с многообразным этническим составом. Одной из таких стран, безусловно, являются Соединённые Штаты Америки. Некоторое время назад в США были введены стандарты образования, основанные на принципах культурного многообразия (многокультурности) и мультикультурализма. Сторонники мультикультурализма призывали учитывать при обучении такие факторы, как расовая и этническая принадлежность, пол, общественное положение, язык, религия, возраст и др. В свою очередь, последователи теории многокультурности указывали, что она противостоит эгоцентризму, который представляет собой свойство индивидуального или массового сознания, определяющего оценку жизненных реалий только сквозь призму традиций и ценностей своей этнической группы. На базе культурного многообразия были предприняты попытки создать особый *инклюзивный план*, охватывающий и учитывающий интересы всех групп населения, включая меньшинства. Предполагалось изучение достижений разных культур, но одновременно звучал призыв *«отказаться от признания канонов западноевропейской культуры в качестве образцов для подражания»* [Шапочкин 2012:165-166]. В частности, выдвигались предложения о необходимости изучения в вузах, в первую очередь, достижений культуры именно той нации или расы, к которой принадлежат студенты. Однако такой *инклюзивный учебный план* и отказ от традиционных принципов обучения в состоянии привести к падению качества знаний. По мнению Р. Брустайна, высказанного ещё в конце прошлого века, увеличение в вузах количества спецкурсов и специализированных факультетов сделало возможным для студентов из меньшинств многое узнать о своей национальной культуре, но, с другой стороны, по окончании вуза так и не усвоить чего-либо другого [Шапочкин 2012:166]. Ещё

пример: в школах некоторых штатов, в частности, Нью-Йорка, был внедрён учебный план «Радуга». Пропорционально приобретение навыков по основным предметам были подвергнуто изменениям: согласно плану, на занятиях детям в большей мере внушали чувство собственного достоинства, нежели обучали чтению и письму [Шапочкин 2012:166]. Напрашивается вывод: не всегда и не во всём стоит полагаться на опыт других стран, поскольку обретение необходимых знаний никогда не должно отходить на второй план. Очевидно, что следует продолжать искать и совершенствовать свои пути решения коммуникационных вопросов для переселенцев-мигрантов или беженцев (в основном, представителей из третьих стран).

В качестве одного из примеров такого пути может послужить портал „Saziņas tilts”. Этот Интернет-ресурс, рассчитанный на тех, кто хочет освоить латышский язык, постоянно пополняется новыми материалами. Например, здесь имеется информация об основных требованиях для присвоения изучающим госязык уровня С. Кроме того, недавно появился новый материал: тексты, предназначенные для совершенствования навыков чтения, и интерактивные задания для уровней С1 и С2. На портале можно найти комплект текстов для освоения и развития навыков чтения для всех уровней. Тексты распределены тематически и способствуют не только обучению языку, но и позволяют познакомиться с историей, географией и культурой Латвии, а также жизнью латвийского общества и достижениями выдающихся латвийцев. Помимо этого, не так давно новыми материалами пополнились такие разделы, как «Экскурсии» и «Традиции». Теперь каждый видеоматериал дополняют интерактивные задания как для самостоятельного освоения латышского языка, так и упражнения для самопроверки. Здесь же можно найти методические указания для преподавателей, которые работают с представителями третьих стран. А совсем недавно на портале вновь появился интересный материал – терминологические словари с коротким поясняющим комментарием для различных учебных дисциплин (истории, географии, биологии, химии, физике и математике). Это даёт возможность постичь значение термина и грамотно им пользоваться. Перевод терминов осуществлён на английском, немецком, французском и русском языках [31.07. 2015.<http://www.sazinastilts.lv>].

Заключение

В результате расширения Евросоюза и миграции в ЕС жителей из других стран, мультилингвальная проблема достигла своего нового измерения: современная ситуация требует разработки новых языковых стратегий на всех уровнях – местном, региональном, государственном, европейском и глобальном. Поскольку мультилингвизм является частью образовательной политики Евросоюза, то это предполагает поддержку в плане обучения языкам, а также сохранение лингвистического разнообразия в обществе.

На сегодняшний день языковую ситуацию в Латвии с известной долей условности можно обозначить как мультилингвальную, поскольку на её территории проживают люди разных национальностей, которые в быту разговаривают на своём родном языке. Однако деловое общение на данный момент происходит, в основном, на трёх языках – латышском, русском и английском – т.о. обнаруживается факт наглядно сложившегося трёхязычия. В пользу этого феномена следует заметить, что человек, владеющий несколькими языками, в состоянии интерпретировать окружающую действительность сквозь призму нескольких культур. Это, несомненно, обогащает и расширяет его мировоззрение, способствуя большей объективности восприятия происходящего вокруг и развитию толерантности, лояльности и терпимости – качеств, столь необходимых в полиэтнической среде.

Литература

- Диманте И. В. 2005 – *Языковая ситуация и языковое законодательство в Латвийской Республике*. – Москва. 102 с.
- Диманте И. В. 2006 – Языковая ситуация в Латвии. *VALODA 2006. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XVI*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes akadēmiskais apgāds „Saule”. С. 243 - 249.
- Кузнецов А. М. 1999 – Перспективы русского языка в Латвии. *Valoda 1998. Humanitārās faultātes VIII zinātniskie lasījumi. Valoda, teksts un kultūra. Metodika*. Daugavpils. С. 94 – 100.
- Смирнова О. А. 2007 – Европейский мультилингвизм. *Иностранные языки в школе*, 2007, №3. С. 94- 100.
- Шапочкин Д. В. 2012 – Политкорректность как составной компонент плюрилингвизма. *Плюрилингвизм и мультилингвизм: проблемы и стратегии развития. Материалы международного научного семинара*. Изд. Тюменский госуниверситет. Тюмень 17 -18 мая 2012 г. С. 164 – 171.
- Skuiņa V. 2001 – Nacionālās valodads notutīguma pamati gadsimtu gaitai. *Linguistica Lettica* (8). Latviešu valodas institūts. – Rīga. – 5. 4.lpp.

Интернет-ресурсы

- <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/vostokoved-leon-tajvans-bezhency-ne-vyuchat-latyshskij-dazhesli-ego-budut-skarmlivat-cherez-trubochku.d?id=46169243&page=5#ixzz3ij7WEpHA> (03.07. 2015)
- <http://www.sazinastilts.lv> (31. 07. 2015).
- <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/4-prichiny-pochemu-integraciya-bezhencev-mozhet-pojti-netak-kak-nado.d?id=46520541&page=3> (29.09. 2015)

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 144-149. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПОЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА („PRZYJACIEL LUDU, CZYLI TYGODNIK
POTRZEBNYCH I POŻYTECZNYCH WIADOMOŚCI”)

М. Домбровска

Варшавский университет, Польша

m.dabrowska@uw.edu.pl

Статья содержит характеристику журнала „Przyjaciel ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości” – первого велькопольского иллюстрированного еженедельника, издаваемого в г. Лешно с 1834 по 1849 г. Эрнестом Гинтером – с точки зрения восприятия русской литературы в Польше. Важное место занимает в нем *Краткий очерк истории русской литературы* (1847, т. 2; 1848, т. 1), содержащий характеристику творчества писателей XVIII – первой половины XIX века (М. Ломоносова, А. Сумарокова, В. Тредиаковского, Г. Державина, Н. Карамзина, В. Жуковского, А. Пушкина и др.). Автором приводятся итоги исследований Р. Лужны, Д. Пивоварской, а также Б. Косман и К. Яздон.

Ключевые слова: журналистика, Польша, Лешно, русская литература, восприятие, „Przyjaciel Ludu, czyli Tygodnik Potrzebnych i Pożytecznych Wiadomości”

Рассматривая русскую классическую литературу и культуру в контексте европейского и мирового гуманитарного процесса, стоит обратить особое внимание на периодические издания, являющиеся, по мнению В.И. Кулешова, «непрерывной, жизненной артерией между литературами» и местом «сокровенного обмена ценностями» [Кулешов 1965:19]. Периодические издания предоставляли возможность познакомиться с общими закономерностями развития иностранной литературы и творчеством ее представителей, а также с восприятием этого творчества в данной стране.

Пиковым этапом в развитии научных исследований в этой области следует считать в Польше 70-е годы XX века. В 1975 году Институтом литературных исследований Польской академии наук (IBL PAN) издается книга *Pisarze i krytycy. Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce* [Pisarze... 1975], в 1978 году – ее продолжение, книга *Zwierciadło prasy. Czasopisma polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej* [Zwierciadło... 1978]. Их редакторы – Бохдан Гальстер, Янина Камионка-Страшак и Кристина Сероцкая, а также Анеля Перун – ведущие польские специалисты по истории русской литературы и вопросам ее восприятия в Польше. В 1973 году под редакцией Гальстера и Камионки-Страшак вышел сборник *Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu*, содержащий статью Анджея Дворского о журнале В.Г. Анастасевича «Улей» (1811-1812), считавшемся одним из важнейших событий в истории русско-польских литературно-

журналистских связей XIX века [Dworski 1973:151-183]. Примеров такого рода исследований, начинающихся библиографической работой по регистрации, классификации и описанию с разной точки зрения газет и журналов, конечно, больше. Содержание книги *Pisarze i krytycy...*, в редакторском вступлении к которой упоминается сборник 1973 года, составляют журнальные материалы о 16 выдающихся русских писателях с Н.М. Карамзина до Максима Горького. В состав книги *Zwierciadło prasy...* входят фрагменты статей, опубликованных в 19 польских журналах (первым являются „Rozmaitości” 1817-1848 и 1854-1859 гг., последним „Krytyka” 1896-1897 и 1899-1914 гг.). Все материалы сопровождаются в них комментарием, касающимся особенностей восприятия творчества русских писателей в Польше (в первой) и места «русского вопроса» в польских журналах (во второй). В настоящее время выпускаются польскими учеными характеристики отдельных газет и журналов, помещающих статьи о русской литературе [см. напр. Домбровска 2013:328-333], в создании которых все чаще помогают интернет-ресурсы периодических изданий (электронные архивы газет и журналов).

„Przyjaciół Ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i użytecznych wiadomości” («Друг народа, или Еженедельник нужных и полезных знаний») – первый велькопольский иллюстрированный еженедельник, издававшийся в г. Лешно с 1834 по 1849 г. Эрнестом Гинтером (Ernest Gunther) под редакцией Яна Поплинского, Юзефа Лукашевича, Яна Тыца (Jan Popliński, Józef Łukaszewicz, książka Jan Tyca) и др. Время его существования – начальный период развития провинциальной (региональной) журналистики в Велькопольске, относящийся, по мнению Рышарда Ковальчика, к 1815-1914 гг. и названный им периодом «под прусским сапогом» [Kowalczyk 2006:10-38]. Признавая первые десятилетия XIX в. периодом рождения лещинской прессы, стоит помнить и о том, что именно в этом городе в 1750-1753 гг. издавался первый польский медицинский журнал „Primitiae physicomediae faciunt collectae” [см. Jurga 2003:115]. История журнала „Przyjaciół Ludu...” неразрывно связана с историей Велькопольски (Великопольска, Великая Польша) – исторической области в бассейне реки Варты, по второму разделу Польши 1793 г. вошедшей в состав Пруссии, а после Венского конгресса принадлежащей Пруссии (западная часть с г. Познань) и России (восточная часть с г. Калиш) [см. Maciejewski 1973:226-274; ср. Брокгауз, Ефрон 1892:751]. Тираж журнала, продававшегося не только в Лешно и Познани, но и в Кракове и в Литве, достигал 3000 экз. [см. Jurga 2003:118, Kosmanowa 2000:12]. Его содержание, отличающееся разнообразием, составляли, по мнению Кристины Яздон, «исторические статьи, научно-популярные статьи, статьи о природе, описания городов и земель, биографии, романы и рассказы, стихи, народное творчество, литературная хроника и смесь» [Jazdon 2003:passim]. Эва Юрга называет его «культурно-литературным журналом» [Jurga 2003:118].

„Przyjaciel Ludu...” – компонент электронных ресурсов [<http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/12719?tab=1>].

«Русская тема» развивалась в журнале „Przyjaciel Ludu...” в «исторических статьях», «литературной хронике» и «научно-популярных статьях». В первой группе – воспоминания свидетелей московских событий 1610, 1611 и 1618 гг. [см. List pisany spod Smoleńska... 1843:249-250; List pisany spod Smoleńska... 1843:250; Opis powstania... 1843:258-260, Ułamek z diariusza... 1843:362-363] и Тадеуша Костюшко [Manuskrypt Tadeusza Kościuszki... 1843:273-276, 287-288]. К второй группе принадлежит *Краткое обозрение славянской литературы* [Krótki przegląd... 1849:128, 134-135, 150-151], к третьей же – *Краткий очерк истории русской литературы* [Krótki zarys... 1847, 1848:passim]. С литературоведческой точки зрения главную роль играют вторая и третья группы, содержащие обзорные литературные материалы.

Краткое обозрение славянской литературы – перевод статьи *Della letteratura slava. Letto alla Societa d'Incoraggiamento di Science*, напечатанной в итальянском (миланском) журнале „Rivista Europea” 1847 г., в которой русской литературы касается только последний фрагмент (в остальных речь идет о чешской и южнославянских литературах). Предметом рассмотрения является в нем древнерусская литература и *Слово о полку Игореве*. По мнению автора, славянская литература – самая «таинственная» (т.е. неизвестная) для западноевропейского читателя, несмотря на издававшиеся в разных европейских странах сборники сочинений русских писателей (например, парижский сборник басен И.А. Крылова).

Краткий очерк истории русской литературы знакомит польского читателя с творчеством русских писателей и поэтов XVIII – начала XIX вв.: М. Ломоносова, А. Сумарокова, В. Тредиаковского, М. Хераскова, И. Богдановича, В. Карниста, Н. Карамзина, И. Дмитриева, И. Крылова, В. Жуковского, А. Пушкина и др. В нем обнаруживается прямая связь с литературной критикой В.Г. Белинского [ср. Cybienko 1964:131-158], так как ее начало – перевод (без указания источника) отрывков *Сочинений Александра Пушкина* (1843-1846), самой крупной работы Белинского периода «Отечественных записок». По мнению современных исследователей, «ставший откликом на выход в свет первого посмертного собрания сочинений поэта, этот труд значительно перерос рамки обычной рецензии и даже творческого портрета писателя: размышления критика оформились в фундаментальную работу о движении русской литературы от Ломоносова до Пушкина, решавшую одновременно важнейшие теоретико-литературные проблемы; [...] творчество Пушкина рассматривалось Белинским как итог векового развития русской литературы» [Прозоров 2002:113]. К этим «важнейшим теоретико-литературным проблемам» принадлежат не только

«пафос художественного творчества» и «народность литературы» [Прозоров 2002:113], но и периодизация русской литературы, основанная на выделении «лomonосовского» и «карамзинского» периодов. Об этом и идет речь в *Кратком очерке истории русской литературы*, а также о том, что «русская литература есть не туземное, а пересаженное растение» [ср. Белинский 1961:33]. В *Кратком очерке истории русской литературы* обнаруживается также связь с лекциями о славянской литературе Адама Мицкевича, в частности с их фрагментами о Н.М. Карамзине и *Истории российского государства* [см. Mickiewicz 1955:338]. К словам о том, что «*История российского государства* – история не России, но Московского государства» [Krótki zarys... 1847:415] прибавляется сноска с фрагментом лекции XXVII Мицкевича о том, что – с одной стороны – Карамзин не понял правильно начального периода истории славянских народов и – с другой – популярностью пользуются карамзинские описания царствования Ивана Грозного [Krótki zarys... 1847:415].

В заключение стоит подчеркнуть, что, во-первых, русская литература появилась в польских журналах не в XIX, но уже во второй половине XVIII века: в 1772 г. в журнале Я.Х. Альбертранди и А. Нарушевича „Zabawy Przyjemne i Pożyteczne” был опубликован перевод шестой сатиры А.Д. Кантемира *О истинном блаженстве*, восходящий к французскому изданию 1750 г.; по мнению С.И. Николаева, «польский переводчик вообще не держал в руках самой книги Кантемира [...]: шестая сатира [...] была перепечатана по изданию 1750 года в майском номере за тот же год издававшегося в Берлине на французском языке журнала «Парнасская пчела», а на следующий год в лейпцигском журнале И.-К. Готшеда появился немецкий перевод этой сатиры» [Николаев 1993:65]. Во-вторых, журнальные материалы касающиеся русской литературы отличаются большим жанрово-тематическим разнообразием: среди них переводы литературных произведений, переводы с комментарием переводчика, биографические и библиографические сообщения, рецензии, обзоры истории русской литературы и др. *Краткий очерк истории русской литературы* принадлежит к последней группе, подобно статье *Русская литература*, опубликованной в 1804 г. в журнале Ц. Годаевского и К. Косецкого „Zabawy Przyjemne i Pożyteczne” и представляющей собой первую такого рода попытку в польской периодической печати [см. Dąbrowska 2011:38-41]. В-третьих, «русская тема» развивалась не только в журнале „Przyjaciel Ludu...”, но и в других велькопольских периодических изданиях XIX в. Примером может служить „Dziennik Poznański” (1859-1939): по мнению Артура Кияса, рассматривающего в этом контексте его содержание 1859-1867 гг., издатели газеты интересовались прежде всего «отношением русской периодической печати к «польскому вопросу» и полякам» [Kijas 1994-1995:53].

Литература

- Белинский В.Г. 1961 – *Сочинения Александра Пушкина*. Москва.
- Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. (изд.) 1892 – *Великая Польша*, т. 5. Санкт-Петербург. С. 751.
- Домбровска М. 2013 – «Денник Виленски» (1805-1806) о общественной и литературной жизни России. *Материалы V Международной научно-практической конференции „Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее”*. Иркутск, 21-22 мая 2013 г., ред. А.Х. Никитина и Т.А. Заиндинова. Иркутск. С. 328-333.
- Кулешов В.И. 1965 – *Литературные связи России с Западной Европой в XIX веке (первая половина)*. Москва.
- Николаев С.И. 1993 – А. Кантемир в польском журнале XVIII века. *Русская литература*, № 3. С. 64-65.
- Прозоров В.В. (ред.) 2002 – Прозоров В.В., Милованова О.О., Елин Е.Г., Захаров Е.Е., Книгин И.А., *История русской литературной критики*. Москва.
- Cybieńko H. 1964 – Bieliński w Polsce, tłum. H. Suszko. *Przegląd Humanistyczny*, nr 3. S. 131-158.
- Dąbrowska M. 2011 – Czasopisma jako źródło do dziejów polsko-rosyjskich związków literackich i kulturalnych (wybrane przykłady z początku XIX wieku). *Acta Polono-Ruthenica*, t. 16. S. 33-46.
- Dworski A. 1973 – Z dziejów zbliżenia kulturalnego rosyjsko-polskiego na początku XIX wieku – polonica w czasopiśmie «Улей». *Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu*, red. B. Galster i J. Kamionkova. Wrocław – Warszawa – Kraków. S. 151-183.
- Jazdon K. (red.) 2003 – „Przyjacieli Ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości” 1834-1849 („Prace Biblioteki Uniwersyteckiej w Poznaniu. Spis zawartości prasy wielkopolskiej”, z. 19). Poznań.
- Jurga E. 2003 – Prasa lokalna w Lesznie. *Z dziejów prasy wielkopolskiej XIX-XX wieku*, t. 5, red. J. Załubski. Poznań, S. 111-131.
- Kijas A. 1994-1995 – Rosja i sprawy polsko-rosyjskie na łamach „Dziennika Poznańskiego” w latach 1859-1867. *Z dziejów prasy wielkopolskiej XIX-XX wieku*, t. 1, red. M. Kosman, Poznań, S. 51-58.
- Kosmanowa B. 2000 – Prasa polska w Wielkim Księstwie Poznańskim. *Prasa regionalna w Wielkopolsce*, red. M. Kosman. Poznań. S. 9-28.
- Kowalczyk R. 2006 – *Zarys dziejów prasy lokalnej w Wielkopolsce (analiza prasoznawczo-politologiczna)*. Poznań.
- Krótki przegląd... 1849: *Krótki przegląd literatury słowiańskiej. (Z czasopismu „Rivista Europea” na r. 1847 (I)*, „Przyjacieli Ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości” 1849, nr 16, s. 128; nr 17, s. 134-135; nr 19. S. 150-151.
- Krótki zarys... 1847, 1848: [B.a.], *Krótki zarys historii literatury rosyjskiej*, „Przyjacieli Ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości” 1847, t. 2, nr 48, s. 379-384, nr 49, s. 386-387, nr 50, s. 395-399, nr 51, s. 405-408, nr 52, s. 413-416, 1848, t. 1, s. 4-6, nr 3, s. 23-24, nr 12, s. 93-96, nr 13, 103-104, nr 15, s. 114-118, nr 16, 122-123, nr 17, s. 130-131.
- List pisany spod Smoleńska... 1843: [B.a.], *List pisany spod Smoleńska 1610 r. dnia 31 lipca. (Materiał z współczesnego rękopismu do historii panowania Zygmunta III)*, „Przyjacieli Ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości” 1843, nr 32, s. 249-250.
- List pisany spod Smoleńska... 1843: [B.a.], *List pisany spod Smoleńska z dnia 25 maja 1611 r. (Materiał ze współczesnego rękopismu do historii panowania Zygmunta III)*, „Przyjacieli Ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości” 1843, nr 32, s. 250.
- Maciejewski J. 1973 – Piśmiennictwo. Nauka. Teatr. *Dzieje Wielkopolski*, t. 2 (*Lata 1793-1918*), red. W. Jakóbczyk. Poznań. S. 226-274.

- Manuskrypt Tadeusza Kościuszki... 1843: [B.a.], *Manuskrypt Tadeusza Kościuszki, opisujący kampanię odprawioną przeciw Rosjanom w roku 1792*, „Przyjaciel Ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości” 1843, nr 35, s. 273-276; nr 36, s. 287-288.
- Mickiewicz A. 1955 – *Literatura słowiańska. Kurs drugi (Dziela, t. 10)*, tłum. L. Płoszewski. Warszawa.
- Opis powstania... 1843 – *Opis powstania w Moskwie 1611 roku, przeciw wojskom polskim przez naocznego świadka, niejakiego Głoskowskiego. (Ze współczesnego rękopismu)*. „Przyjaciel Ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości”, t. 2, nr 32, s. 258-260.
- Pisarze... 1975: *Pisarze i krytycy. Z recepcji nowożytnej literatury rosyjskiej w Polsce*, red. B. Galster, J. Kamionka-Straszakowa, K. Sierocka przy współudziale A. Piorunowej. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk.
- Ułamek z diariusza... 1843 – *Ułamek z diariusza wojny moskiewskiej 1618 r. (Ze współczesnego rękopismu)*. „Przyjaciel Ludu, czyli Tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości” 1843, t. 2, nr 46, s. 362-363.
- Zwierciadło... 1978: *Zwierciadło prasy. Czasopisma polskie XIX wieku o literaturze rosyjskiej*, red. B. Galster, J. Kamionka-Straszakowa, K. Sierocka przy współudziale A. Piorunowej. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk.
- <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/12719?tab=1>

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СУФФИКСОМ *-ьн-* В ЯЗЫКЕ ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТОВ

И.В. Ерофеева

Казанский федеральный университет, Россия

erofeeva89@mail.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования производных имен прилагательных с суффиксом *-ьн-* в языке летописных сводов. Анализируются семантические особенности отсубстантивных адъективов, выявляются их основные группы, обусловленные характером производящих основ. Исследуются устойчивые, терминологизированные сочетания, в составе которых употребляются прилагательные с суффиксом *-ьн-*. Анализ производных адъективов осуществляется с учетом специфики средневекового мировоззрения.

Ключевые слова: адъективное словообразование, семантика, летописи, средневековье

Наиболее продуктивным способом образования производных прилагательных в начале письменного периода была суффиксация. В текстах летописных сводов отразились основные словообразовательные типы производных адъективов, сформировавшиеся к XI веку в истории русского языка. Слова данной части речи представлены в летописных текстах значительным массивом форм, использование которых было связано с необходимостью качественной характеристики предметов и явлений окружающей действительности. «В своем генезисе все прилагательные являются относительными, семантически производными от какого-то названия предмета, через отношение к которому характеризуются другой или другие предметы» [Пельтина 2010:114]. При их образовании от субстантивных основ происходит транспозиция предмета в признак и образуются синтаксические дериваты. «Прилагательные образовывались от имен существительных на основе категориальной двузначности имен в атрибутивной позиции» [Колесов 2008:107].

В то же время в составе синтагмы прилагательные отличаются тесной связью на синтаксическом и семантическом уровне с определяемым существительным, образуя вместе с ним формульные сочетания. Анализ материала летописных памятников позволяет выявить важные для средневекового сознания качества и свойства предметов и явлений действительности, сделать вывод о степени их ценности для языкового сознания того времени.

Универсальным и продуктивным средством адъективного словообразования в древнерусском и других славянских языках являлся суффикс *-ьн-*. Он присоединялся к

именным и глагольным основам, что определяло его высокую продуктивность и семантическую многоплановость. Осложняя основы существительных различной семантики, суффикс *-ьн-* указывал на разные виды отношения к предмету. Ограничение его активности было связано с основами одушевленных существительных, в сфере которых использовался производный от него суффикс *-ьн'*.

Прилагательные с суффиксом *-ьн-* разделяются на несколько групп в зависимости от характера их производящих основ. К **первой группе** относятся адъективы, связанные с существительными конкретно-предметной семантики, которые характеризовались указательно-отсылочным значением и способностью определять широкий круг лексем. В качестве производящих основ для них выступали существительные различных лексико-тематических групп, например названия населенных пунктов, помещений: *городьными (градными), дворьными, стольными* и под. Данные образования используются для характеристики разных сторон жизни древнего социума: хозяйственной, бытовой, военной, социальной. Слова общего происхождения *городьными* и *градьными* имеют сходное значение, но различную сочетаемость. Полногласная форма определяет только имена существительные конкретного значения: *на воротѣхъ городныхъ* (ПВЛ, 70); *стѣнь городных* (МЛС, 163); *пристроа городного* (МЛС, 416 об.); *приправа городнаа* (МЛС, 420 об.); неполногласная – существительные конкретной и отвлеченной семантики, а также наименования групп лиц: *къ вратом градным* (ПВЛ, 23 об.); *градънаа кровля* (МЛС, 420 об.); *мятежь градными* (МЛС, 287); *градными народ* (МЛС, 381); *людми градными* (МЛС, 15 об.). Образования от основ существительных конкретной семантики могли выражать пространственные отношения, указывать на локализацию предмета: *дворъ теремными* (ПВЛ, 24 об., 25; СЛ, 36); *на горнюю сторону* (МЛС, 243 об.); *до кладязя площадного* (МЛС, 408 об.); *уличнии мосты* (МЛС, 342).

Актуализация ценностных мотивировочных признаков осуществляется в прилагательных, образованных от слов, относящихся к религиозной лексике. Среди них наиболее распространен в летописях адъектив *крестьными*. Как и другие имена сакральной семантики, оно отмечается в устойчивых конструкциях, одинаковых в летописных сводах, различных по времени и месту написания. Например, оно употребляется в синтагмах с отглагольным существительным *цѣлование*, в которых выражает специализированное значение «клятва, присяга, подтвержденная целованием креста». Данное событие концептуально значимо для жизни древнего социума, поэтому его обозначение встречается очень часто.

К словам религиозной семантики относится прилагательное *церковьными*, которое отличалось широкой сочетаемостью. Производящее для него существительное *церковь*,

обладало целым спектром значений, что определяло семантическую многоплановость производного адъектива. Слово *церковьныи* могло выражать конкретное значение «относящийся к церкви, как к храму»: *церковьнаго зьдания* (НІЛ, 42 об.); *съсуды церковныя* (ПВЛ, 40; СІЛ, 410 об.); *пред враты церковными* (МЛС, 218); отвлеченное значение «относящийся к церкви как к совокупности верующих»: *о церковньмь уставѣ* (ПВЛ, 17 об.); *рядъ церковныи* (ПВЛ, 54); *пѣнье церковное* (ПВЛ, 62); *церковную службу* (ПВЛ, 36 об.); личное значение «служащий в церкви» или «находящийся в ведении церкви»: *церковныи чинъ* (СІЛ, 258); *мятежникъ церковныи* (МЛС, 340); *дѣлателем церковным* (МЛС, 412 об.); *от церковных людей* (МЛС, 116).

Ко **второй группе** относятся прилагательные с суффиксом *-ьн-*, производные от существительных вещественного значения. Частотны в летописях адъективы, образованные от основ *желѣзо*, *камень* и *серебро*. Они употребляются как в свободных, так и в устойчивых словосочетаниях, при этом уже в древнерусском языке у них развивается качественное значение: *желѣзьныи* – это и «сделанный из железа», и в переносном значении – «сильный, крепкий, суровый»: *гвозди желѣзьныи* (ПВЛ, 10); *замкы желѣзьныя* (НІЛ, 66); *ужа железныя* (СІЛ, 331 об.); *чѣти желѣзьны* (МЛС, 421 об.); *но шия желѣзная* (ПВЛ, 56 об.).

В Московском летописном своде 1479 года высокой частотностью употребления характеризуется адъектив *каменьныи* прежде всего в сочетании со словом *церковь*, что связано с описанием строительства храмов, которое активно осуществлялось в период формирования Московского государства. Реже прилагательное *каменьныи* выступает в сочетаниях с другими существительными, и прежде всего в нечленной форме: *городъ камень* (НІЛ, 167 об.); *теремъ камень* (ПВЛ, 15); *в раку камену* (ПВЛ, 61; МЛС, 458); *на трапезници каменѣи* (ПВЛ, 95 об.); *стѣны камены* (МЛС, 287 об.); *въ гробѣ каменѣ* (МЛС, 459); *стѣны каменные* (МЛС, 182); *полаты каменные* (МЛС, 222); *градные каменные зубци* (МЛС, 346). Переносное, метонимическое значение «относящийся к занятиям, связанным с камнем» реализуется в летописном контексте в единичных случаях: *каменое дѣло* (МЛС, 456 об.).

Третью группу образуют адъективные формы от имен существительных, называющих предметы и явления природы. Они используются в языке летописей для характеристики явлений действительности с точки зрения ее восприятия средневековым человеком. В соответствии с религиозно-идеологическими представлениями о мире события, происходившие в природе, получали символическое объяснение. Христианское мировоззрение определяло отношение человека тех веков к внешнему миру. «Наряду с земными существами, предметами и явлениями он включал в себя еще и иной мир, порождаемый религиозным сознанием и суевериями» [Гуревич 1984:81].

К данной группе адъективов относятся прежде всего антонимы *земьными* и *небесьными*, употребление которых связано с репрезентацией философского плана содержания летописей. Небесная сфера была сакрализована, ее первостепенная значимость не вызывала сомнений. Поэтому синтагмы, включающие адъектив *небесьными*, представлены в летописях в значительном количестве. Подобные словосочетания имеют метафорическое значение, составляя выражения перифрастического характера, которые отмечаются прежде всего в составе религиозных произведений, вошедших в летописи: *небесных силъ* (СЛ, 395); *царство небесное* (ПВЛ, 20 об.); *цесарю небесными* (НЛ, 117); *вѣнецъ небесными* (ПВЛ, 27); *хляби небесныя* (ПВЛ, 57); *въ небеснѣмъ жилищѣ* (ПВЛ, 60 об.). Особенно часто прилагательное *небесьными* употребляется в произведениях агиографического стиля, являясь определением к существительным разнообразной семантики: одушевленным и неодушевленным, конкретным и отвлеченным. Так, в «Житии Бориса и Глеба»: *небесная жителя* (ПВЛ, 47); *въ небесныя обители* (ПВЛ, 47); *в селѣхъ небесныхъ* (ПВЛ, 47 об.); *свѣтоносная любви небесная* (ПВЛ, 47 об.); *въ небеснѣмъ жити* (ПВЛ, 47 об.) и др. Антонимичное прилагательное *земьными* используется преимущественно в конструкциях традиционного религиозного характера: *звѣри и скоты и гады земныя* (ПВЛ, 28 об.). Значимая для средневековья оппозиция *земьными* – *небесьными* находит отражение в языке летописей в составе устойчивых конструкций библейского происхождения: *птицам небесным...и звѣрем земным* (СЛ, 411; МЛС, 175); *предрѣжа земное царство и къ небесному присягая* (СЛ, 422 об.).

К данной группе относится прилагательное *огньными*, употребляющееся в летописях преимущественно в переносном значении «имеющий вид огня, подобный огню» как определение к существительным отвлеченной семантики: *силу огньную* (ПВЛ, 62 об., МЛС, 4); *огненное видѣние* (МЛС, 342); *истомы огненныя* (МЛС, 380); *огненных слезъ* (СЛ, 396 об.). Другие прилагательные данной группы типа *пожарьными*, *зарьными*, *солнечьными* и др. выступают в прямом значении и используются при описании различных явлений природы, знамений.

К **четвертой** группе адъективов с суффиксом *-ьн-* относятся формы, мотивированные существительными с пространственным и временным значением. Восприятие категорий пространства и времени нередко предполагало оппозиции, в которые включались как производящие субстантивы, так и производные адъективы. Образования от существительных со значением частей света представлены четырьмя взаимосвязанными формами: *восточьными*, *западьными*, *сѣверьными*, *южьными*. Чаще всего они выступают в прямом локальном значении в сочетании с существительным *страна*. Прилагательное *восточьными* имеет также переносное специализированное значение «православный»: *въсточнии царие*

(МЛС, 354); *церковь въсточнаа* (МЛС, 360); *въсточных митрополит* (МЛС, 355 об.). Реже религиозную семантику эксплицирует его антоним *западными: въсточныя церкви съ западными* (МЛС, 364). Другие слова данной группы не противопоставлены по значению, например *вѣчьныи* или *мѣстьныи*.

К **пятой группе** относятся прилагательные с суффиксом *-ьн-*, образованные от субстантивных основ отвлеченного значения. Именно такие адъективы наиболее часто подвергаются семантическим изменениям, связанным с развитием у них качественных значений. Об этом могут свидетельствовать такие формальные признаки, как возможность их употребления с отрицательной приставкой *не-* или приставкой *пре-*, выражающей усиление признака: *праведьныи – неправедьныи*.

Значительное количество подобных образований выступают в соотношении с производящими основами религиозного значения, становясь стилистически маркированными формами: *грѣшьныи, ересьныи, молебьныи, служебьныи, обѣтьныи*. Многочисленную группу составляют также адъективы на *-ьн-*, которые соотносятся с отвлеченными существительными, обозначающими разнообразные психические состояния человека: *печаль, обида, жалость, любовь, радость, скорбь, страсть, страхъ, ужасъ* и др. Часть из них образуют синонимические пары: *печальныи – скорбьныи, страшьныи – ужасьныи, любовьныи – страстьныи*. При развитии у прилагательных, образованных от существительных со значением состояния, качественного значения происходит разрыв семантических связей с производящими словами. Поскольку в летописях не описываются душевные переживания человека, данные прилагательные используются для определения понятий, относящихся к различным областям жизни. Они употребляются в сочетании с существительными, обозначающими природные явления, отвлеченные понятия, реже личные имена. Например, образование *страшьныи* имеет как первичное значение «внушающий страх, ужасный», «наполняющий страхом», так и с переносное «сильный», «великий»: *туча страшныа* (МЛС, 345 об.); *шумъ страшенъ* (МЛС, 165); *громъ страшенъ* (НЛ, 47 об.); *страшны муки* (ПВЛ, 74 об.); *въ печалѣ крѣпцѣ и страшиѣ* (СЛ, 99); *мужь свои. бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ* (ПВЛ, 42 об.).

Таким образом, производные прилагательные с наиболее продуктивным в сфере адъективного словообразования суффиксом *-ьн-* широко представлены в летописных сводах древне- и старорусского периода. В качестве производящих основ для них выступали существительные различных лексико-семантических групп. Прилагательные на *-ьн-* выступали прежде всего в составе устойчивых, терминологизированных словосочетаний, часто выражавших религиозное значение. Многие из них подвергались окачеству семантики.

Литература

- Гуревич А.Я. 1984 – *Категории средневековой культуры*. Москва.
- Колесов В.В. 2008 – Средневековые теории искусства слова, или Метонимичность и метафоричность в средневековом тексте. «*Русский язык: история и современность*». Казань.
- Пельтина М.Н. 2010 – Определения, выраженные прилагательными, в истории русского языка в сопоставлении с английским языком. *Вестник МГОУ. Лингвистика*. №3.

Источники

- ПВЛ – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи. *Полное собрание русских летописей*. Москва: Языки славянской культуры, 2001. Т.1. С. 1-286.
- МЛС – Московский летописный свод 1479 года. Уваровский список летописи. *Полное собрание русских летописей*. Москва - Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. Т.25. 464 с.
- НЛ – *Новгородская первая летопись старшего извода* / Под ред. А.Н.Насонова. Москва - Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. С.13-100.
- СЛ – Софийская первая летопись старшего извода. *Полное собрание русских летописей*. Москва: Языки русской культуры, 2000. Т.6. Вып. 1. 312 с.

СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ
(на материале польского и русского языков)

А. Жарска

Жешувский университет, Польша

anna_z@autograf.pl

Разнообразные эмоции и переживания знакомы каждому человеку. Они пропитывают наше существование. Они также отображаются в языке. Проблематика выражения эмоционального состояния с помощью средств языка является объектом многочисленных научных исследований, рассматривающих разные аспекты этого процесса. Язык является также средством коммуникации в Интернете. Можно предполагать, что Интернет-общение в силу своей популярности оказывает существенное влияние на функционирование языков в традиционном общении.

Статья содержит отбор и анализ языковых средств, выражающих эмоциональное состояние в интернет-пространстве. Анализу подвергаются высказывания россиян и поляков – пользователей Интернета. Автор пытается показать способы и стратегии, применяемые в коммуникации в ситуациях, вызывающих эмоции, в сравнительно новом социокультурном пространстве, каким является Интернет. Здесь анализируются русские и польские сайты и форумы. Проведенный анализ позволяет показать особенности интернет-общения, различия и сходства в области языка эмоций между польским и русским интернет-языками, а также механизмы и направления развития этих языков.

Ключевые слова: эмоции, стратегия, интернет-пространство, польский язык, русский язык

Эмоции являются неотлучным спутником нашей жизни. Они сопровождают нас на каждом шагу, в любой ситуации. Без них трудно представить себе полноценного человека. Эмоциональное состояние нас самих или других людей также оказывает огромное влияние на всё наше существование – поведение, поступки, деятельность, планы, запросы.

С другой стороны, эмоции являются самым тонким и сложным аспектом человеческого общения. Их выражение считается необыкновенно трудным, а нередко даже невозможным.

Если эмоции воздействуют на разные аспекты нашей деятельности, под их влиянием может также изменяться течение познавательных процессов. Нетрудно заметить, что иногда даже подсознательно легче запоминаются слова и конструкции, эмоционально окрашенные или появляющиеся в ситуациях, связанных с сильными переживаниями (хорошим примером будут здесь вульгаризмы, ругательства, арготизмы, шутки и т.п.).

Это замечание подтверждают психологические исследования, согласно которым Эмоции умеренной и высокой степени интенсивности вызывают уже отчетливые изменения в познавательных процессах, в частности, у человека появляется сильная тенденция к

восприятию, припоминанию и т.д. (...) Эмоции и мышление имеют одни и те же истоки и тесно переплетаются в своем функционировании [<http://azps.ru/handbook/v/vlija219.html>].

Эмоции определяются психологами как особые переживания, отражающие отношение человека к определенному событию, явлению, факту, другим людям [Ермакова 2006:8]. Эмоции тесно связаны с потребностями, поскольку при удовлетворении потребностей человек испытывает приятные ощущения и наоборот – неприятные, когда потребность не удовлетворяется.

Выделяются три основных способа языкового проявления эмоций:

- неосознанное проявление эмоции в высказывании – напряжение и тембр голоса, интонация, темп высказывания и др.;
- сознательное употребление определенных языковых средств – (*Вот дурак!*);
- эксплицитное выражение эмоций – с помощью подходящих лексических средств: *Как я рада тебя видеть!* [Корес 2000:23].

Разнообразные эмоции сопровождают человека в разные моменты его жизни, а любой язык предоставляет пользователям бесконечный запас средств, способствующих выражению эмоционального состояния. Среди них выделяются языковые единицы, непосредственно связанные с эмоциями и служащие их эксплицитному выражению, а также другие средства: фразеологические выражения, метафоры, повторения, восклицания, гипербола, вульгаризмы и другие.

Поколение XXI века большую часть времени проводит в социальных сетях Интернета. Главная функция языка социальных сетей – быстро и эффективно передать информацию и свое к ней отношение, и, таким образом, этот язык просто перенасыщен эмоциями.

Вопрос появления и развития своеобразного языка Интернета подвергается научному анализу, проводимому социологами, психолингвистами и лингвистами. Как замечают исследователи, в том, что происходит с языком под влиянием глобальной сети (далее – ГС), прослеживаются по крайней мере две характерные тенденции. Во-первых, одновременно протекающее усложнение одних и упрощение других средств по сравнению с аналогичными средствами в литературном языке, не подвергавшемся воздействию ГС [Иванов 2000]. В одной работе по данному вопросу отмечается, что в интернете имеет место тенденция к упрощению средств выражения и повышения прагматической сложности. Другие исследователи безоговорочный вывод относительно упрощения всех средств выражения считают односторонним. Более адекватным представляется вывод, что в плане выражения имеют место как упрощение, так и усложнение [Иванов 2000].

В то же время все исследователи выражают мнение, что тенденция к упрощению все-таки преобладает. Она выражается в возникновении чатов (легкие беседы на определенную тему, в которых принимают участие многочисленные коммуниканты). Сложные

традиционные языковые описания эмоций и чувств заменяются неязыковыми средствами – смайликами (пиктограммами, изображающими улыбающиеся или нахмурившиеся рожицы).

Во-вторых, как замечают лингвисты, в языке Интернета наблюдается конкурирующее воздействие норм письменной и устной речи.

С помощью ряда этих средств создается «эффект присутствия», «коммуникативной близости», имитируется постоянная готовность к коммуникации. Это не всегда соответствует действительным намерениям коммуникантов. Возникает противоречие между претензией на разговорность и реальным отсутствием конститутивных признаков языковой ситуации, влекущих использование разговорной речи: неподготовленности и непринужденности речевого акта, а также непосредственного присутствия участников коммуникации. Интернетовские сайты, как правило, тщательно подготовлены и выполнены профессиональными дизайнерами, так что о спонтанности можно говорить лишь с большой натяжкой. Посетители какого-нибудь сайта могут активно призываться к вступлению в контакт. При этом сайт не обновляется месяцами, и решившимся на контакт никто подолгу не отвечает. Далее, подавляющее большинство текстов присутствует в ГС в письменной форме. Доля устных, звучащих текстов пока невелика [Иванов 2000].

В статье рассматриваются различные средства выражения эмоций пользователями сети интернет (россиянами и поляками), анализируется сходства и различия в передаче эмоционального состояния в связи с актуальными политическими событиями.

Язык социальных сетей перенасыщен языковыми ошибками, его главная функция – быстрая и эффективная передача мысли, поэтому на культуру речи здесь никто не обращает внимание.

Проанализированный языковой материал в аспекте стратегий выражения эмоционального состояния коммуникантов можно разделить на следующие группы:

Эксплицитное выражение эмоций

Высказываний такого типа, прямо называющих эмоции коммуниканта, на интернет-форумах довольно немного. Преобладают здесь другие стратегии проявления эмоционального состояния.

Приведем польские и русские примеры.

Cieszę się, że znówi Rosjanie mają rację

Я горжусь тем, что Путин президент России. И мне жаль американцев.

Риторические восклицания

Восклицания являются самым многосленным стилистическим приемом, обнаруженным на форумах, касающихся политических вопросов. Здесь восклицательный

знак или наличие его большого количества является главным средством, усиливающим воздействие передаваемого коммуниката.

Kuriozalne wydatki Komorowskiego: 65 tys. zł na filiżanki, 28,5 tys. zł na projekt graficzny z wiewiórką. A wszystko to za nasze pieniądze!

Coraz wyższe koszty obsługi polskiego długu. Między 2008 a 2014 rokiem nastąpił ponad 40-procentowy skok!

Kiedy ta farsa się skończy?!

Codziennie przybywa nam ćwierć miliarda zł nowego długu!

Zobacz jak pięknie nas doją! W 2014 r. 10 największych sieci handlowych miało 110 mld zł przychodu, a zapłaciło jedynie 0,5 mld zł podatku!

Fenomen rządu PO-PSL! Zatrudniają aż 89 wiceministrów. To ewenement na skalę światową! To jest robienie ludzi w bambuko i to przez Prezydenta!!!!

Niewiarygodna buta rządowych telewizji! Całkowicie milczą na temat nowe afery uderzającej w Platformę! Propaganda i zakłamanie rzeczywistości jak w PRL!

Rząd Kopacz znowu partaczy! Rezygnuje ze stworzenia listy strategicznych spółek Skarbu Państwa chronionych przed wrogim przejęciem!

мне всегда странно, что в России чуть что разговор, мол нельзя искоренить воровство, алкоголизм, что всегда русский на авось надеется!

вот так вас и глупят! а вам нравится, поговорочки шутки! не только можно, но и нужно! но нужен сильный руководитель, типа Петр I, который шёл напролом!

что и приведет к третьей мировой, как и планируют штаты !!!

Риторические воззвания, призывы

Риторические воззвания и призывы, как и все остальные стилистические приемы, употребляются с целью усилить воздействие высказывания и подчеркнуть его эмоциональный характер. Можно сказать, что здесь совместно реализуются призывная и оценочно-характеризующая функции, причем вторая явно преобладает, так как высказывания, выражая призыв к адресату, на самом деле выражают отношение к нему самого говорящего. Интересно, что на русских сайтах, которые послужили материалом для анализа высказывания такого типа отсутствуют.

URZĄDŹMY TERAZ PANU DUDZIE WIEC Z HASŁAMI POGARDY!!! PISZMY GDZIE SIĘ DA O JEGO ZACHŁANNOŚCI! FACEBOOK, NASZA KLASA ITD. DO DZIEŁA!!!!

Do cholery, przestańcie marudzić!!! Przecież to nie ja, a właśnie wy, wybraliście PO papranych i PiSnietych cwaniaków!!! Przecież to 60 procent matolów popiera te solidaruchowe pasożyty!!!

С призывами, которые выполняют функцию, сходную с воззваниями, нередко связан следующий тип высказывания, то есть угроза.

Риторические обращения и угрозы

Риторические обращения являются самыми непосредственными формами высказываний, рассчитанных на контакт с конкретным адресатом, в большинстве случаев – с

политиком. Они, как и призывы, восклицания, риторические вопросы, употребляются не только с целью проявления эмоций, но также выполняют оценочную роль.

towarzyszu Duda.....psy czekaja....

Twoje dni policzone są !!!

żeby dokopać PiSowi

Хватит уже с этими гурзошниками цацкаться!

Хватаем автоматы и убиваем всех!

Помни, НЕ ЗАБЫВАЙ Мы рядом с тобой, Мы за тобой следим, наблюдаем, будь ОСТОРОЖЕН!!!

Ирония, сарказм

Можно сказать, что ирония и сарказм как стилистические приемы являются излюбленными качествами общения в Интернете. Большинство реплик на форумах не лишено иронической или саркастической окраски. В высказываниях этого типа самым главным является не их смысл, не передаваемая информация, а отношение автора к данному вопросу. Оно не передается прямо и, как правило, связывается с контекстом высказывания.

Kapitalna frekwencja! Gratulacje dla Prezydenta Komorowskiego !

Prezydencie Komorowski wielkie dzięki.

Pozdrawiam Kopacz, która nie ma pojęcia co robi w rządzie!!!

Bardzo honorowa postawa!

Najważniejsze, że mają twoje poparcie, i twojego szwagra.

ты иди лучше попрыгай, у вашей рады скакалки раздают хороша СОЗДАНАЯ система, а что. виновных то нет... За развал и уничтожение армии- звезду героя РФ (пусть и тайным указом), за воровство — домашний «арест», за диверсии- пальчиком погрозим, за шпионаж- на вид поставим и так по всем пунктам... Систему менять надо тов. Иванов, неужто не догадываетесь?

Риторические вопросы

Риторический вопрос – это вопрос, на который на самом деле не требуется ответ, так как его предметом являются крайне очевидные факты: ответ либо известен, либо он невозможен. Риторический вопрос применяется для усиления выразительности коммуниката.

Lisie - chytrusie !!! moze w koncu nas poinformujesz w tej twojej gazecie partyjnej liberalow - aferalow ile dostajesz pieniedzy za ten twój nedzny, tendencyjny, nie obiektywny program w telewizji publicznej ??

Wtedy nic was nie było w stanie przekonać, upieraliście się jak osły.. I co teraz?

Czy platformiana ekipa poniesie za to odpowiedzialność?

А что они хотели?

или гнусные душонки дня прожить не могут не вмешавшись в чужую внутреннюю жизнь?

а что им еще делать и что еще они могут???

Чтобы еще такого России отобрать чтобы этих словоблудов не оставлять без работы в будущем?

«Где посадки» и оперативные принятия кардинальных решений? Кругом одно воровство!

Сплошные плюсы от того, чтобы не лезть в это и не хлебать полной ложкой то что в пищу уже не годно.

Ругательства

Ругательства неразрывно связаны с эмоциями и как таковые занимают особое место в высказываниях пользователей Интернета. Нередко они заменяются более приличными заменителями с целью смягчить негативное воздействие на адресата, избежать грубых, вульгарных слов, резких выражений, одновременно делая намек на желание их употребления.

Polak ma to W DUPIE!

Во, блин!

Блин, я вот подумал.

показали своему правительству, что им, собственно, нас..ть на этот вопрос напоминаете собаку которая пернув восне подымает лай на посторонний звук...

Так и получается, одни пенки снимают с бардака, а другие убирают срач

Коммуникемы

Коммуникемы, то есть нечленимые предложения с непонятной семантикой, являются средством, преимущественно служащим выражению эмоций. Приведенные ниже примеры высказываний – это краткие, лаконичные, но нередко наиболее эмоциональные формы выражения отношения к окружающему миру. Их назначением является выражение большего содержания меньшими средствами [Меликян: 2001: 9]. Они выступают в диалоге, употребляясь в ответных репликах диалогической речи.

VUHАНАНАНАНАНАНАНАНАНАНАНА!

Robić ludzi w bambuko

ruskim mięknie rura

Тааа..

Классно!

Ахаха!

ааа...

Ну, вы-то уже радуется...,

Оценка

Эмоции по отношению к любому вопросу неразрывно связаны с его оценкой. Потребность дать свою оценку происходящего является главным мотивом пользователей

Интернета высказаться в сети. И так, на самом деле все высказывания на политические темы можно воспринимать как их субъективную оценку. Однако на форумах можно обнаружить особенно яркие примеры.

Obaj po jednych pieniądzach.

jako karierowicz.

widać że to cham i burak !!!!!!!!!!!!!!!

Ścierewozjady nie odpuszczają.

Olewali społeczeństwo. Oszukiwali w dzień i w nocy.

Брехун

конечно сукин сын, но он НАШ сукин сын...

все на что они способны - подтягивать госдепу, а те в свою очередь - только мелко гадить из за угла...

обсудят политику России как склочные сплетницы-бабки на завалинке у подъезда хрущевской пятиэтажки.

опасный провокатор и русофоб!

Пиндоские базы (пиндос – типичный обитатель США)

Перечисление как стилистический прием

Используя перечисление как стилистический прием коммуникант достигает двух целей: передает конкретную информацию, называя, по своему мнению, объективные факты и одновременно, благодаря их нагромождению и определенному подбору лексики, выражает свое отношение к обсуждаемому.

Przekręty, afery, nepotyzm, kumoterstwo, olewanie obywateli ciepłym, żółtym moczem i wmawianie im - za pośrednictwem prorządowych mediów - że to tylko deszcz pada. Platformiana sitwa zrobiła sobie z polskiego państwa prywatny folwark. Czas najwyższy, aby poniosła z tego tytułu najpoważniejsze konsekwencje.

- Президент - Петр Порошенко (Вальцман) – еврей.

- И. о. президента Турчинов (Коган) – еврей.

- Премьер Министр – Арсений Яценюк (Бакай) - еврей.

- Министр финансов – Александр Шлапак – еврей.

- Секретарь Совета нац. безопасности и обороны Украины – Андрей Парубий – еврей, гомосек.

- Вице премьер – Владимир Гройсман – еврей.

- Министр МВД Арсен Аваков – Армянский Еврей, гомосексуалист.

- Министр Культуры – Сергей Нищук - Еврей, масон, гомосексуалист.

Прописные буквы

Употребляются для усиления значения коммуниката, нередко также с целью выражения иронии или сарказма.

Pojechał z PANEM Dudą

*НЕ ЗАБЫВАЙ
будь ОСТОРОЖЕН!!!*

Слова из других языков

Заслуживает внимания явление многочисленных цитат из русского языка в высказываниях поляков, относящихся к политике России (*paszół sobaka!, towarzysć, A onet tłumaczy to "priwislanskiemu kraju"*). Такого явления, что вполне понятно, не замечаем на русских сайтах.

Русскоязычные пользователи, как и польские, чрезвычайно часто употребляют на форумах английские слова, но также лексические единицы украинского или французского происхождения.

Свидомый (ироничкский подтекст, либо негативный, носит оттенок пренебрежения) – украинский националист (национально сознательный), не комильфо

Устаревшие лексические единицы

В отличие от устного общения в высказываниях пользователей Интернета на политические темы сравнительно часто обнаруживаются устаревшие слова. Можно предполагать, что они употребляются с целью подчеркнуть связь автора-коммуниката с историей и традицией своей родины, показать свой ум и образование.

*голубушка, вам ли быть в печали, за Украину....
глас народа (устар., поэт.)*

Wińczuczny (надменный), butny (задорный), watażka (военачальник), folwark, no przeca....

Разговорная речь

Наблюдая за языковым материалом, можно сказать, что высказываясь в Интернете, пользователи создают довольно новую форму реального общения. Как замечают лингвисты, в Интернете имеем дело со спонтанными, неподготовленными письменными высказываниями. Возникла, по сути, новая форма языкового взаимодействия, а именно – письменная разговорная речь [Виноградова]. Итак, в высказываниях в Интернете лексические единицы, принадлежащие разговорному стилю, не считаются неприличными.

*Wchodzić – włazić
Jeść – żreć
Sitwa (клика)
Amerykańcy, Ruscy*

Ходить – лезть

Есть – хлебать

Бухал (пил спиртное) и пропил все деньги, а теперь мается (мучится).

Европа за них отдувается (расплачивается).

Нам досталась роль мирового санитаря психушки.

Кремлевские бонз

Неологизмы

В ситуациях большого эмоционального напряжения с целью более резкого, выразительного проявления своего отношения к обсуждаемому вопросу, но, возможно, и для того, чтобы показать свое остроумие, участники коммуникации создают неологизмы.

Zydo-ruSSkie-cery znow klamia

niech zyje przyjazn PiSorosyjska

Неокон (неоконсерватист)

Наблюдая за речью пользователей Интернета, можно в ней обнаружить некоторые противоречащие друг другу тенденции. С одной стороны, коммуниканты в большинстве случаев с пренебрежением относятся к языковой норме, допуская многочисленные и разнообразные ошибки (например, названия государств с маленькой буквы – во многих случаях это сознательное решение, грамматические ошибки, отсутствие пунктуации), с другой, – пользователи Интернета сознательно и довольно старательно подбирают языковые средства там, где в ситуациях, когда коммуникант хочет усилить какое-то значение, добиться большей выразительности, он употребляет прописные буквы, восклицательные или вопросительные знаки, подбирает особую, необыкновенную лексику, заботится о графической форме высказывания и т.п. Можно сказать, что прием выразительности речи является в языке Интернета самым главным приемом.

Подытоживая, следует отметить, что стратегии выражения эмоционального состояния польских и российских пользователей Интенета существенно не отличаются друг от друга. Можно предполагать, что если сеть Интернета является глобальным явлением, соединяющим представителей всех наций, то она создает также свои языковые принципы глобального, общего характера.

Литература

Ермакова С. 2003 – *Язык эмоций. Как научиться контролировать себя и других.* Москва.

Меликян В.Ю. 2001 – *Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи.* Москва.

Виноградова Т. Ю. – *Специфика общения в интернете.* Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/vinogradova_t-04.htm

Иванов Л. Ю. 2000 – *Общие тенденции в языке ГС, Язык Интернета: заметки лингвиста.* Режим доступа: http://www.faq-www.ru/s_tendention.htm

Корець У. 2000 – *Rozwój słownictwa nazywającego uczucia w języku dzieci i młodzieży.* Rzeszów

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОВ – РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА
«МЕНТАЛИТЕТ / МЕНТАЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ
ПРАКТИКЕ

Л.И. Жуковская

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

lara_nn@mail.ru

В работе рассматриваются семантические расширения и коннотативно-оценочные приращения лексем «менталитет / ментальность» в современной речевой практике носителей русского языка. Указанные лексемы, будучи иноязычными по происхождению и терминологическими по характеру, в обыденной русской речи приобретают возможность одушевления (персонификации) или овеществления (реификации). Преобразования слов — репрезентантов концепта *менталитет / ментальность* в коннотативно-оценочной сфере приводят к тому, что изначально внеоценочные терминологические лексемы *менталитет* или *ментальность* начинают выражать оценочную реакцию говорящего в поле противопоставления «свой» — «чужой», а также получают положительную или отрицательную оценочную окраску.

Ключевые слова: языковые преобразования, менталитет / ментальность, современная русская речь

В наши дни слова *менталитет (ментальность)* являются значимыми обозначениями важных духовных, культурных, этических ценностей в плане национального самоопределения, на что указывает значительная активизация этих терминов в современной русской речи, причем не только в научной гуманитарной речи, но и в языке СМИ или в политическом дискурсе.

В наших предыдущих исследованиях мы выявили сложное терминологическое содержание данного научного понятия [Жуковская 2015]. В настоящей работе мы покажем, что научный термин *менталитет / ментальность* сегодня внедряется в массовый языковой обиход, проходит своего рода стадию «популяризации» [Радбиль 2013], что приводит к частичному размыванию его семантики и расширенному употреблению его в несвойственных ему изначально значениях. Новые явления в языковой экспликации концепта *менталитет / ментальность* в разных типах дискурса мы продемонстрируем на языковом материале Национального корпуса русского языка за период с 1990-х по 2010-е гг.

Так, в речевой практике носителей языка последних двух десятилетий обнаруживается три типа языковых преобразований:

(1) расширение смыслового объема концепта за счет распространения этого концепта на новые области общественной и культурной жизни;

(2) семантическое обогащение слов — репрезентантов концепта *менталитет / ментальность* по моделям концептуальной метафоризации и метонимизации посредством языковых механизмов, изложенных в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2004];

(3) возникновение эмоционально-оценочных коннотаций, которые в норме не должны быть присущи слову с абстрактным терминологическим характером семантики.

I. Расширение сочетаемости слов — репрезентантов концепта *менталитет / ментальность*. Слова *менталитет* и *ментальность* в современной речи значительно расширяют сочетаемость с относительным прилагательным, которое обозначает классификационную разновидность *менталитета / ментальности*, его тематическую (предметную) область бытования. В этом плане на фоне уже устоявшихся терминосочетаний *национальный менталитет*, *языковой менталитет*, *политический менталитет* и др. мы обнаружили значительное увеличение возможных типов *менталитета / ментальности*, которые могут быть *научными, магическими, экологическими, экономическими, правовыми, физическими, культурологическими, техническими, спортивными* и др.:

«Российская и западноевропейская научная ментальность в зеркале языка (1945-2011 гг.): когнитивистическое и лексикографическое моделирование языковой картины мира научно-инновационной и научно-производственной сфер (эволюционная динамика, внутриязыковые и межъязыковые корреляции)» (Научный проект выполняемый в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ ФГБОУ ВПО «ПГЛУ» на 2012-2014 гг.);

Магическая ментальность в XIII веке начала сменяться иной. (С.А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999));

Проблема формирования экологического менталитета (Заголовок статьи: Б.М. Миркин, доктор биологических наук, Л.Г. Наумова, кандидат биологических наук // Экология и жизнь. — 2011. — № 7. — С. 44-49);

Географическая близость, естественная граница потенциальных сфер влияния, определенная дополняемость экономических систем двух стран, отчасти сходная экономическая ментальность и множество других факторов ... указывают на желательность укрепления экономических отношений именно с Германией, а через нее -и с остальной Европой. (Капитал устал ждать (1995) // «Эксперт», 1995.07.25);

Правовой менталитет российского предпринимателя, как фактор экономического развития (Заголовок статьи: Анна Вячеславовна, доцент кафедры международного права ННГАСУ. // Правовой Центр — «Правый Берег», 2009);

Такие представления «вписывались» в физический менталитет классической физики — постоянство физических сущностей. (Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003));

Европа, а в фильме более узко — французская школа, «задыхающаяся» в потоке нелегальных переселенцев, пытается привить хоть какую-то местную культурологическую ментальность бывшим жителям африканского континента (Класс — Франция (2008-2011));

— *У них даже техническая ментальность другая, — пожаловался он* (Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993));

— *Мою маму — несложно. У нее спортивная ментальность. Он отходит к снарядам, чтобы навесить пару блинов на штангу для родительницы* (Анастасия Чеховская. Самая сильная бабушка // «Русский репортер», № 25 (104), 02-09 июля 2009, (2009)).

Наконец, очень показательным примером изменения концептуального содержания менталитет / ментальность за счет расширения сочетаемости является, на наш взгляд, приписать такой атрибут, как менталитет, даже **животным**: *В Европе, например, даже у собак менталитет другой. Почему? Или это только кажется?* [Форум: Вопрос-Ответ — URL: <https://touch.otvet.mail.ru/question/4816609>].

II. Семантическое обогащение слов — репрезентантов концепта менталитет / ментальность. В обследованном материале встретился ряд примеров, которые демонстрируют разного рода языковые преобразования слов менталитет / ментальность, которые участвуют в семантических процессах концептуальной метафоризации. Основные случаи метафоризации осуществляются по модели *концептуальной метафоры*, которая, согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, лежит в основе организации нашего опыта и знания о мире и заключается в «объяснении одного опыта в терминах другого опыта»: концептуальная метафора есть явление не столько языка, сколько мыслительной сферы, концептосферы [Лакофф, Джонсон 2004]. Любое абстрактное явление «в голове человека» подлежит обязательному **олицетворению** (персонификации) или **овеществлению**, «реификации» (термин Р. Лангакера и Л. Талми), т.е. представляется в качестве существа, конкретного объекта, вещества, субстанции и т.д.

Так, в **контекстах персонификации менталитет** или *ментальность* представлены в качестве целесообразно действующего, созидającego, обладающего волей, избирательной активностью субъекта:

Русский языковой менталитет не приемлет положительный образ того, кого на Западе как минимум нейтрально, а чаще — с положительной коннотацией — называют «бизнесмен» (Т.Б. Радбиль. Основы изучения языкового менталитета. М., 2012);

В этом плане русский языковой менталитет, конечно, предпочитает волю как ничем не сдерживаемую силу, порыв души (Т.Б. Радбиль. Основы изучения языкового менталитета. М., 2012).

В другом примере менталитет приобретает предикативные признаки, присущие живому существу: *Ее менталитет исключительно гибок, изворотлив, приспособителен* (Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988-1998)).

Ср. аналогично — *менталитет* в роли объекта действия, в норме осуществляемого только с людьми: *Так что не будем хоронить русский языковой менталитет* (Т.Б. Радбиль. Основы изучения языкового менталитета. М., 2012).

И, напротив, имеются случаи, когда *менталитет* используется в модели зоологической метафоры: *У Рейчухи менталитет крокодила, она действует бесшумно и мгновенно, а зубам собачки позавидует акула* (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)).

В контекстах реификации *менталитет* предстает, например, в виде членимого, делимого физического объекта: *И этой позицией между Азией и Европой, которая растаскивает менталитет на два куска.* (Андрей Битов. Русский устный и русский письменный // «Звезда», 2003);

Менталитет выступает в роли конкретно-считаемых объектов: *В фокусе внимания нашего исследования два менталитета: русский и французский* (М.К. Голованивская. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концерты французов и русских. М., 2009).

Менталитет ведет себя как особое техническое устройство, которое можно, например, настроить, отрегулировать: *Вся жизнь насмарку? Весь с таким трудом отрегулированный менталитет? Вся пришедшая с годами адаптация к придорожным сосискам псу под хвост?* (Игорь Мартынов. Назад дороги нет (1997) // «Столица», 1997.04.01).

Менталитет может быть представлен как вещество, субстанция, которая имеет свойство, например, растворяться: *Но, если вовремя не дать народу новую идею, новую мораль — менталитет угасает и растворяется в культуре и традициях других народов, а его носитель — гибнет...* (Иван Чембулатов. Менталитет — как основа величия и гибели народов // Проза.ру. 2007).

Менталитет участвует в модели метафоры «контейнера» [Лакофф, Джонсон 2004], т.е. вместилища, в котором нечто может содержаться, помещаться: *В культуре нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности* (А.В. Бастриков, Е.М. Бастрикова. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета // Филология и культура. Philology and culture. 2012. №3 (29)).

Возможна также метафора *менталитета* как среды, т.е. трехмерного пространства, в которое можно погружаться: *Западноевропейский зритель хотел купировать страх перед действиями безумного Политбюро КПСС и покорного ему огромного народа через*

погружение в ментальность этих людей (Андрей Ерофеев. Русские вступают в игру и проигрывают // ART-хроника. 29.02.2012).

III. Преобразования слов — репрезентантов концепта *менталитет* / *ментальность* в коннотативно-оценочной сфере. Эти преобразования связаны с возможностью приобретения отвлеченным и безоценочным понятием *менталитет* / *ментальность* потенциальной положительной или отрицательной оценочности за счет сочетаемости с оценочными или эмоционально-экспрессивными прилагательными. Отметим, что в работах Т.Б. Радбиля такие явления справедливо рассматриваются как «аксиологические аномалии» (как вариант «аномалий языковой концептуализации мира») [Радбиль 2007; Радбиль 2012]. Однако, с другой стороны, приобретение внеоценочными лексемами разнообразных ценностных коннотаций, видимо, является обычным способом естественно-языковой концептуализации абстрактных понятий.

Наиболее частотны контексты, где слова *менталитет* или *ментальность* приобретают возможность выражать оценочную реакцию говорящего в поле ценностного противопоставления СВОЙ — ЧУЖОЙ, что в норме не должно быть присуще словам терминологического характера, выражающим абстрактное научное понятие:

Не станем упорствовать в спорах и назовем свой менталитет русским словом ментальность (В.В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006);

Это всегда суждение о чужой ментальности (В.В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006);

По мнению автора, только представитель народа может со всей полнотой и глубиной раскрыть и проанализировать все тонкости собственного менталитета (А.А. Григорьева. Русский менталитет: сущность и структура (социально-философский анализ). Томск, 2008).

Менталитет может приобретать «оценочное измерение» как нечто принадлежащее сфере высших ценностей, ориентированных на некий идеал:

Высший менталитет в его проявлении — осознание без выбора, на уровне инстинкта-интуиции (В.В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006);

Идеал ментальности не есть идея сиюминутного социального наполнения, но важнее другое: часто не учитывается отношение ментальности к языку — ее хранителю (В.В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006).

В контекстах атрибутивной сочетаемости слова *менталитет* и *ментальность* могут приобретать самые разнообразные оценочные и эмоционально-экспрессивные коннотации: *Это — совершенно новый и несообразно дикий образ жизни, совершенно новый невиданный менталитет*. (Борис Стругацкий. Мы сейчас на очень опасном вираже истории (2001))

Менталитет / ментальность получают **положительную** оценочную окрашенность, например: **Ментальность** в нашем смысле — нечто душевно-мягкое, понятие скорее этическое, чем логическое, и даже не понятие, а представление, которому определение дать столь трудно, что никто его и не дает (В.В. Колесов. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006).

Но чаще всего эти слова приобретают в контексте разнообразную **негативную** оценочность. *Менталитет / ментальность* в обыденном языковом сознании носителей языка могут выступать чем-то трусливым, дурным, испорченным, идиотским и пр.:

Близорукая стратегия Японии — трусливый менталитет самообмана (Заголовок статьи // Жэньминь жибао. 13.07.2012);

*У тебя **дурной менталитет**, мне «все равно» на твои традиции, я тунисец, ты обязана все делать так, как скажу я* (Статья «Проблема национальных браков» // Сайт «Инфо-Ислам». 04.06.2010);

Испорченная ментальность: миазм извращает, деформирует, портит рассудок, хочет все скрывать, даже собственные болезни (Классическая гомеопатия и шарлатанство (2008-2010));

*Просто когда размениваешься — потом такая пустота, словно не жила на свете. Может, у нас **менталитет** такой идиотский. Ну, не можем мы быть счастливы, когда много* (Елена Исаева. Убей меня, любимая! (2002)).

Очень часто оценка и эмоционально-экспрессивный фон соединяются с социальной или политической характеристикой — в таком случае возникает оценочность сложной природы, идеологического типа:

Казарменный менталитет крепких парней (Переводная статья из польской газеты "Rzeczpospolita". Польша, 10.01.2014);

Уже не 7, а 27 лет я вдалбливаю в родной рабский менталитет то, чего никак он не вместит (Владимир Леонович. Продолжение диалога (1999) // «Дружба народов», 1999.04.15);

Наш-де совковый менталитет не позволяет этого сделать (Денис Пирогов. Голодное брюхо к свободам глухо // «Независимая газета», 2003);

Путин лично приложил немало сил к продавливанию реформы через косный красноватый менталитет бывшего партхозактива, а ныне буржуазной элиты (Светлана Бабаева, Георгий Бовт. Теорема Путина-Лобачевского. Признаки скорого дефолта (2002) // «Известия», 2002.07.14).

В результате получается, что в обыденном сознании носителя русского языка *менталитет / ментальность* могут быть «плохими» и «хорошими», что можно рассматривать как

признак успешного освоения сложного и абстрактного научного понятия в современной отечественной речевой практике, его постепенного упрочения в национальной концептосфере в качестве выразителя значимых для российского общества идей и ценностей.

Итак, по итогам анализа материала Национального корпуса русского языка и других собранных нами языковых данных мы можем определить некоторые инновационные тенденции в обогащении концептуального содержания и смыслового объема концепта *менталитет / ментальность*.

Концепт *менталитет / ментальность* демонстрирует существенное расширение смыслового объема, связанное с вовлечением в сферу приложимости данного концепта новых разнообразных тематических областей духовной, социальной, политической, экономической и культурной жизни, для обозначения которых ранее слова *менталитет* и *ментальность* не использовались.

Семантические преобразования слов *менталитет* и *ментальность* в области одушевления и овеществления сформировали представление об этой отвлеченной сущности как о живом существе, конкретном физическом объекте или устройстве, веществе (субстанции),местилище, среде, что является стандартным способом концептуализации для всех абстрактных понятий в «наивной» языковой картине мира.

Также слова — репрезентанты концепта *менталитет / ментальность* приобретают в современной речевой практике разнообразные оценочные и эмоционально-экспрессивные коннотации, что в принципе несвойственно абстрактным понятиям научно-терминологического типа. В результате этого мы можем фиксировать формирование представления об этом явлении как о значимом феномене в поле ценностной активности этноса на современном этапе.

В целом проанализированный материал обнаружил внутренне противоречивый характер бытования концепта *менталитет / ментальность* в современном русском языковом сознании: с одной стороны, этот концепт обладает очевидной значимостью и активно употребляется не только в научной и публицистической, но и в обыденной речи, а с другой — его концептуальное содержание характеризуется значительной степенью неосвоенности.

Литература

- Жуковская Л.И. 2015 — Когнитивные признаки и смысловой объем концепта «менталитет / ментальность» в современном русском языке (по данным научных, энциклопедических и лексикографических источников). *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского*. 5: 283-287.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 2004 — *Метафоры, которыми мы живем*: Пер. с англ. Москва.

- Радбиль Т.Б. 2007 — Аномалии в сфере языковой концептуализации мира. *Русский язык в научном освещении*. 1 (13): 239–265.
- Радбиль Т.Б. 2012 *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие*. Москва.
- Радбиль Т.Б. 2013 — *Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие*. Москва.
- Langacker R.W. 1987 — *The Foundations of Cognitive Grammar: V. I: Theoretical Prerequisites*. Stanford, California.

СТАНОВЛЕНИЕ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ОЦЕНКЕ Н.М.КАРАМЗИНА, А.С.ПУШКИНА, Н.В.ГОГОЛЯ

Л.П. Иванова

*Институт иностранной филологии НПУ им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина
lupiv@mail.ru*

В статье анализируются мысли великих русских художников слова Н.М.Карамзина, А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя о процессе становления норм русского литературного языка. Указанные авторы творили приблизительно в один период, высоко ценили друг друга, что делает их размышления актуальными и интересными. Обращаясь к давней истории, А.С.Пушкин пишет о том, что греческий язык «усыновил» русский, а татарский – «ржавчина», литовские войны следов не оставили. Нижней границей русской письменной речи Н.М.Карамзин и А.С.Пушкин считают «Слово о полку Игореве» и летописи. Следующие этапы: эпохи Петра I (новая волна заимствований), Екатерины II (создание Словаря Академии Российской, стремление ввести правило общения на русском языке).

Ключевые слова: русский литературный язык, процесс становления норм, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь

Процесс формирования норм русского литературного языка был предметом изучения выдающихся лингвистов В.В. Виноградова, А.И. Горшкова, С.П. Обнорского и др. Особый интерес представляет видение и оценка участников указанного процесса, авторов знаковых художественных произведений. Их творчество протекало приблизительно в один и тот же период, они высоко ценили друг друга.

Так, А.С. Пушкин писал о Н.М. Карамзине: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами Хронике» [Пушкин 1962:36]. «Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе. Ответ – Карамзина [Пушкин 1962:256]. «...Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова» [Пушкин 1962: 385]. Итог: «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности» [Пушкин 1962:139].

Пушкин успел оценить лишь раннее творчество Н.В. Гоголя, но, как всегда, великий русский поэт максимально доброжелателен: «Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился» [Пушкин 1962:88-89];

Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов» [Пушкин 1962:89].

Гоголь пишет о своем старшем современнике: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространства. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через 200 лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» [Гоголь 1950:33].

Обратимся к поставленной в названии статьи проблеме. Об истории русского языка и о влиянии на него других языков писал А.С. Пушкин: «Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» [Пушкин 1962:11-12].

Следовательно, «усыновление» греческим языком русского было благотворно, иначе оценивается влияние татарского языка – «ржавчина»: «Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством». (Насколько актуально и современно звучит последняя мысль! – Л.И.). Продолжим цитирование: «Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства?» (Обратим внимание на критерии авторитетности народа и его языка – Л.И.). «Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования... Какое действие имеет на поработанный народ сохранение его языка?... Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества» [Пушкин 1962:12].

Нижней границей русского письменного языка и Н.М. Карамзин, и А.С. Пушкин видят летописи. А.С. Пушкин отмечает: «Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное к власти царя, данной им богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия – дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших» [Пушкин 1962:283].

Тем не менее Пушкин подчеркивает: «... старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь, и на ней возвышается единственный памятник: «Песнь о полке Игореве» [Пушкин 1962: 367]. «Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной» [Пушкин 1962:367].

Карамзин обозначает главные, с его точки зрения, этапы первоначального развития русского языка: «Мы любим портреты...чужестранных писателей: свои должны быть для нас еще интереснее. В начале изображены Боян и Нестор: не нужно сказывать, что одно воображение может представить черты их... у нас и в древности были сочинители. Но истинный век авторский (выд. Н.М. Карамзиным) начался в России со времен Петра Великого: ибо искусство писать есть действие просвещения. (Какая важная мысль! – Л.И.) Феофан и Кантемир составляют сию первую эпоху; за нею следует эпоха Ломоносова и Сумарокова; третью должно назвать время Екатерины Великой, уже богатое числом авторов; а четвертой ... мы еще ожидаем...» [Карамзин 1984:126-127].

А.С. Пушкин связывает эпоху Петра с «необходимым» введением иноязычий: «В царствование Петра I начал он [язык – Л.И.] приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов» [Пушкин 1962:12]. М.В. Ломоносов составил эпоху в развитии языка, поэтому заслуживает отдельной статьи.

Следующий важный этап в развитии русского языка, выделенный Н.М. Карамзиным, – эпоха Екатерины II. Деятельность императрицы получила разработку и в художественных произведениях, и в публицистике А.С. Пушкина. Главную ее заслугу в рассматриваемом аспекте великий русский поэт видит в создании Словаря Академии Российской, которому он посвятил отдельную статью: «Екатерина II основала Российскую Академию в 1783 году и повелела кн. Дашковой быть председателем оной». От себя отметим, что данный факт по сей день остается практически уникальным: женщины академиями наук не руководили и не руководят по сей день, несмотря на равноправие и эмансипацию.

Продолжим цитирование: «Екатерина, стремившаяся во всем установить закон и незыблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку. Академия, повинувшись ее

наказу, тотчас приступила к составлению словаря. Императрица приняла в нем участие не только словом, но и делом. Часто осведомлялась она об успехе начатого труда и несколько раз слыша, что словарь доведен до буквы Н, сказала однажды с видом некоторого нетерпения: все Наш, да Наш! Когда же вы мне скажете: Ваши? (выделено А.С. Пушкиным). Академия удвоила старание. Через несколько времени на вопрос императрицы: что словарь? Отвечали ей, что академия дошла до буквы П. Императрица улыбнулась и заметила, что Академии пора бы Покой (выделено А.С. Пушкиным) оставить... словарь был закончен в течение 6 лет» [Пушкин 1962:109].

А.С. Пушкин приводит высказывание Н.М. Карамзина по этому поводу: «Полный Словарь, изданный Академиею, ... принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея Словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая могла равняться с знаменитыми творениями Академий Флорентийской и Парижской» [Пушкин 1962:110]. В качестве параллели А.С. Пушкин с юмором описывает работу над аналогичным словарем Парижской Академии.

Н.М. Карамзин подчеркивает стремление императрицы перейти самой и перевести «избранное общество» на русский язык: «Екатерина II, любя успехи российского языка, желала, чтобы в избранном обществе «Эрмитажа» все говорили по-русски. Ее воля была законом. Но законодатель должен предвидеть и неисполнение: какое же наказание определила монархиня для преступников? За всякое иностранное слово, вмешенное в разговор, виновный осуждался прочесть 100 стихов из «Телемахида» Тредиаковского» [Карамзин 1984:108].

«Наказание» – анекдот тех времен или отражение борьбы литературных течений? Во всяком случае, наибольшую опасность для русского языка, по мнению того же Н.М. Карамзина, представлял французский язык, поскольку русский язык был еще недостаточно обработан (подчеркнем, что даже Екатерина II, следуя обычаям своего времени, многие письма писала по-французски): «Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего? Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что всю жизнь надобно учиться своему природному. Нам, русским, еще более труда, нежели другим. Француз, прочитав Монтаня, Паскаля, пять или шесть авторов века Лудовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, может совершенно узнать язык свой во всех формах; но мы, прочитав множество церковных

и светских книг, соберем только материал или словесное богатство языка, которое ожидает души и красот от художника. Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные мысли... Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски!.. Одним словом, французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как в живописных картинах), а русский только отчасти; французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как пишет человек с талантом» [Карамзин 1984:124].

Указанному мнению вторит А.С. Пушкин: «У нас ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснились – метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать (выд. А.С. Пушкиным) обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны» [Пушкин 1962: 257-259].

Реализовать потенциал русского языка, как справедливо указывал А.С. Пушкин, можно только с опорой на народную разговорную речь: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований; Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» [Пушкин 1962:348].

Таким образом, сложился русский язык, обладающий разнообразными качествами. Н.М. Карамзин подчеркивает его полифункциональность: «Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармонией, нежели французский; способнее для излияния души в тонах; представляет более аналогических (выд. Н.М. Карамзиным) слов, то есть сообразных с выражаемым действием: выгода, которые имеют одни коренные языки! Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка: мудрено ли, что не умеем изъяснять им некоторых тонкостей в разговоре?» [Карамзин 1984:229].

Отметим в данном микротексте еще один момент – ориентацию на разговорную речь, но не народную.

А.С. Пушкин подчеркивает способность русского языка обогащаться и за счет заимствований: «...русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам...» [Пушкин 1962:232].

В итоге сформировался русский литературный язык, гимн ему находим у Н.В. Гоголя: «...сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая с одной стороны высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность, таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ошутительной осязанию непонятливейшего человека, – язык, который сам по себе уже поэт и который недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземных наречиях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованием, чтобы все те неясные звуки, не точные названия вещей, – дети мыслей невыяснившихся и сбивчивых, которые потемняют языки, – не посмели помрачить младенческой ясности нашего языка и возвратились бы к нему, уже готовые мыслить и жить своим умом, а не чужеземным. Все это еще орудия, еще материалы, еще глыбы, еще в руде дорогие металлы, из которых выкуется иная, сильнейшая речь. Пройдет эта речь уже насквозь всю душу и не упадет на бесплодную землю» [Гоголь 1950:182]. Приносим извинения в данном случае и во всех других за большие цитаты, однако пересказывать их «смирной прозой» – дело неблагодарное. Чего стоят в приведенном микротексте характеристики русского языка «живого как жизнь» и «поэта».

Таким образом, наш анализ свидетельствует о том, что выдающиеся русские художники слова не только создавали блестящие произведения, но и глубоко, аргументированно охарактеризовали процесс становления русского литературного языка и факторы, влияющие на данный процесс.

Литература

- Гоголь Н. В. 1950 – *Собрание сочинений в 6-ти томах*. Т.6. Избранные статьи и письма / Н. В. Гоголь. Москва: «Государственное издательство художественной литературы». 359 с.
- Карамзин Н. М. 1984 – *Сочинения в двух томах*. Т.2. Критика и публицистика. Главы из «Истории государства Российского» / Н. М. Карамзин. Ленинград: «Художественная литература». 456 с.
- Пушкин А.С. 1962 – *Собрание сочинений в 10-ти томах*. Т. VI. Критика и публицистика. Москва: Гос. изд-во художественной литературы. 586 с.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 179-185. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОСТИ
(К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ПРИНЦИПОВ
А. С ПУШКИНА И Я. К. ГРОТА)

И.А. Иванчук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Россия.

ivanchukia@rambler.ru

В статье анализируется речевой узус А.С. Пушкина и Я.К. Грота, проводится сопоставление речевого окружения двух выдающихся выпускников Царскосельского лицея – творцов слова; определяется их воздействие на речевую практику современников. Рассматривается значимость языковой реформы А.С. Пушкина в отношении к народной речи в последующие десятилетия. Устанавливается преемственность традиций речевой практики А.С. Пушкина и Я.К. Грота в процессах формирования русской разговорной речи как разновидности литературного языка.

Ключевые слова: Пушкин, Грот, языковая практика, разговорная речь, письма, традиции, русская культура, влияние реформ, лицей, литературный язык

Творчество А.С. Пушкина и его речевая практика воплотили в совершенной форме наиболее целесообразное решение проблемы разговорной речи и оказали огромное влияние на формирование новой природы разговорной речи как разновидности литературного языка.

Что же представлял собою речевой узус Пушкина и его окружения? Какие процессы в русской лексике стояли у истоков российской разговорности? Как осуществлялся процесс воздействия поэта на речевую практику современников? Каково влияние языковой реформы поэта на отношение к народной речи в последующие десятилетия?

В качестве источников материала нами используются письма А.С. Пушкина и его лицейских друзей: П.А. Вяземского, А.И. Дельвига, И.И. Пущина, А.А. Плетнева, В.К. Кюхельбекера и др., – сборники материалов, содержащие свидетельства и об определяющих чертах речи А.С. Пушкина, и о его взглядах, оценках речевой практики общества.

Для сравнения проводится анализ «лицейского эпистолярья» другого выдающегося выпускника Царскосельского лицея – Я.К. Грота.

В речевом поведении А.С. Пушкина, в его речевом обиходе и светской речи, объединяются традиции лицейского братства, непринужденного, раскованного речевого общения, основанного на активном творческом процессе создания поэтических текстов, интеллектуальных игр, обучения риторике (смысловая осложненность слова, имплицитные смыслы и языковая игра).

Как и в художественном творчестве А.С. Пушкина, синтез книжности и разговорности господствует и в формировании разговорной речи Я.К. Грота. (Известно, что воспоминания о Царском Селе, о Лицее заняли значимое место в литературно-художественном наследии Я.К. Грота) и его публицистике. Обобщенные и изданные сыном – К.Я. Гротом – воспоминания эти представлены прежде всего в издании «Пушкинский Лицей» (1811 – 1817 г.). Бумаги I курса, собранные акад. Я.К. Гротом, СПб, Академический Проект, 1898». Воспоминания о Лицее также звучат в «Автобиографических заметках» (Я. К. Грот. Несколько данных к его биографии и характеристике). СПб, 1895. [Грот 1895:102]. Я.К. Грот никогда не забывал встречу с А.С. Пушкиным, который однажды посетил лицейскую обитель.

В лицейский период Я.К. Грот ведет упорные литературные занятия. Сохранилась тетрадь его сочинений и рассуждений о прозе под заглавием «Упражнения» («Письмо другу» – о просвещении и драматическом искусстве греков, «Об истинных достоинствах писания», «О влиянии богатства народного на успехи образования»).

*«Я перед ангелом благим
Добру и Правде обещаю
Всегда служить пером своим»* [Грот 1895:102] .

В годы лицейского обучения Я.К. Грот – участник литературных журналов «Лицейский вестник», «Муравейник», постановщик и исполнитель трагедий Расина в студенческом театре. И баснописец. («Верблюд и Горбатый», февр. 1830 г.).

Один из первых литературных опытов Я.К. Грота стихотворение «По поводу юбилея Лицея»:

*«... И рвется ныне вздох из груди
Невольню по тебе, поэт!
Как скромный пир наш был бы громок,
Когда б тебя в своем дому
Сегодня встретил твой потомок
И руку б ты пожал ему!...»* [Грот 1895:130].

Не представляется необходимым проводить прямые смысловые и стилистические параллели с гениальными строками А.С. Пушкина. Лексический состав текста стихотворения Я.К. Грота также нельзя признать совершенным. Не всегда оправдано соотношение разговорной и возвышенной лексики (ср.: «потомок», «вздох», «пожать руку» и др.). Но поэтическое произведение юного Я.К. Грота, посвященное дню Лицея, искренно, эмоционально, переполнено чувствами и воспоминаниями, стилистикой «народного языка».

К анализу материала, посвященного реконструкции разговорной речи Я.К. Грота (в сравнении с речевым узусом пушкинского окружения), мы привлекали эпистолярные тексты тех авторов, которые были связаны с Царскосельским лицеем, с его историей. Это – П.А. Вяземский, В.Ф. Малиновский, Е.А. Энгельгардт, Н.Ф. Кошанский, – лицеисты – современники Я.К. Грота – в письмах которых звучит тема Лицея. Ставится задача – сравнить речевой узус пушкинского круга (30-ые г.г.) и речевой узус друзей Я.К. Грота (40-ые г.г.); учитывается динамика речевого поведения одного адресата с разными адресантами (П.А. Плетнева с А.С. Пушкиным и П.А. Плетнева с Я.К. Гротом), В.П. Мещерский, Д.Ю. Замятин. И особо – переписка П.А. Плетнева с Я.К. Гротом.

Известно, что А.С. Пушкина и П.А. Плетнева связывала нежная дружба.

А.С. Пушкин – П.А. Плетневу (август 1830 г.):

«Я должен хлопотать о приданном да о свадьбе. Все это не очень утешно...» (ср.: народно-разговорное – «хлопотать», «утешно»). Отношения А.С. Пушкина и П.А. Плетнева отмечены глубокой посреднической литературной работой (Москва, Болдино. П.А. Плетнев постоянно ведет переписку с опальным А.С. Пушкиным и принимает на себя постоянные хлопоты по издательским делам).

Именно П.А. Плетнев видел, как раненого Пушкина выносят из кареты. Десять лет спустя, П.А. Плетнев пишет Я.К. Гроту:

П.А. Плетнев – Я.К. Гроту (1847 г.):

«Я был свидетелем последних минут поэта. Несколько дней они были в порядке и ясности у меня на сердце. Когда я прочитал Жуковского, я поражен был сбивчивостью и неточностью его рассказа. Тогда-то я подумал в первый раз: так вот что значит наша история. Но время ушло. У меня у самого потемнело и сбилось в голове все, казавшееся окрепшим навсегда» (В письме Я.К. Грота – П.А. Плетневу – эмоциональная раскрепощенность, свобода, словесное творчество, раскованность как следствие долгой творческой и личной дружбы. Трагизм утраты обретает мирской образ, и слова разговорной лексики будто бы смягчают невосполнимость утраты (ср. «время ушло», «потемнело и сбилось в голове» и др.).

А.С. Пушкин и Я.К. Грот в отношении к народной речи.

В зрелые годы Пушкина отличает филологическая пытливость, влюбленность в живое русское слово. Он призывает учиться богатству языка по сказкам, советует писателям «вслушиваться в простонародное наречие».

Глубокую характеристику вклада Я.К. Грота в кодификацию русского литературного языка и развитие новой русской разговорной речи дал В.В. Колесов, связывая успехи деятельности ученого с ее истоками – достижениями Лицейского образования, отмечает:

«Традиции Царскосельского Лицея, сыгравшего в культурной, общественной и политической жизни России важную роль, направили творческую энергию Грота на разработку проблем, связанных с нормализацией русского литературного языка. Новой русской нации потребовался язык, годный для всех слоев общества, основанный «на русском разговоре» [Колесов 2003:256] .

В бумагах Я.К. Грота находятся (кроме воспоминаний) свидетельства литературных занятий лицеистов. В часы досуга, общаясь со служивым народом, лицеисты делали записи народных песен. Несомненно, эти записи производились с образовательными целями – собрать и изучить русский фольклор («Ах ты, Русская земля, много славы у тебя...». Или: «Вспоемте, братцы, Канту прелюбезну. Вспоемте скуку, сердцу бесполезну»).

В подтверждение этой мысли о народном начале речи Я.К. Грота приведем цитату литературного произведения из В. Пикуля «Памяти Я.К. Грота» (нет выходных данных). Мастер исторической импровизации, Пикуль так представляет себе разговорную речь Я. Грота:

«Каково же мне, с моими любимыми Державиным и Сумароковым противостоять этим твердолобым немцам. Почему в простом народе, в неграмотных бабах и мужиках я встречаю цельное понимание и осмысление русского патриотизма, а «эти» (немцы) видят в русском народе только рабов, видят в деревнях только квас да лапти? (Известно, что Я. Грот вел в АН затяжную борьбу с немецким засильем) [Пикуль 2007:17]. В. Пикуль реконструирует разговорный диалог Я.К. Грота с разными адресатами. В литературной интерпретации В. Пикуля речь Я.К. Грота маловыразительна и неэкспрессивна (единичны народные слова, поговорки, эмоциональные синтаксические конструкции). В проанализированных нами контекстах писем П.А. Плетнева и Я.К. Грота проявляется оправданная тенденция использования разговорной лексики с целью создания народного колорита описания, либо иронии контекста. Часто разговорная лексика соседствует с разговорными синтаксическими конструкциям , создавая стилистику разговорного размышления :

П.А Плетнев – К.Я. Гроту (18 августа 1848 г.).

«Кто виноват» Искандера читается с интересом, но этот интерес лихорадочный, а не натуральный. Впрочем, я могу заблуждаться. Ныне только и требуется от автора, чтобы он читался.» [Пикуль 2007:344] .

Я. К. Грот – П. А. Плетневу (июнь 1842 г.).

«Вчера, после обеда, Растопчина ... должна была ехать к графине Пушкиной на дачу. Чтобы услышать решительный ее ответ, я был у нее поутру. Она намолочила много всякой чепухи. Нет, уж видно графское достоинство и богатство таковы, что кому достанутся, тот никак не избегнет их растительного действия» [Пикуль 2007:36]. (Созданию разговорной экспрессии и характеристичности способствует контоминационный оборот «наломать много всякой чепухи» («наломать дров и «нагородить чепухи»).

Я.К. Грот – П.А. Плетневу (сентябрь 1841 г., Гельсенфорс):

«Утром ходил в типографию и к Рейну, который расспрашивал о всякой всячине»
[Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым 1896:387].

Синтаксическая эмитация разговорности – в письме Я.К. Грота П.А. Плетневу (сентябрь 1841 г.):

«... Он не согласен с Лундалем, потому что шведы-де, правда, декламируют нараспев, но это никуда не годится» [Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым 1896:109].

Показательно отношение двух выдающихся мастеров слова к неэкспрессивному (нейтральному в эмоционально-оценочном плане) просторечию. Случаи подобного употребления в контекстах писем Пушкина единичны, в письмах Я. Грота – более часты.

А.С. Пушкин – П.А. Вяземскому: «Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке?» [Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым 1896:145]. Неэкспрессивное просторечие употребляется и в письмах пушкинского окружения (А.И. Тургеневым, П.А. Вяземским, П.В. Нащокиным). Ср. также «отписать» (в контексте письма Я.К. Грота – П.А. Плетневу): «Какое действие произвела вообще и в частности статья о Видоке? Пожалуйста, отпиши» [Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым 1896:147]. Для характеристики и описания Я.К. Грот также часто использует формы полудиалектного неэкспрессивного просторечия («особливо», «ни мало», «поболее», «умягчиться», «поутру», «избегнуть»), оно используется без стилистической характеристичности (ср.: в речевой манере А.С. Пушкина, подобные слова употребляются в основном со стилистической заданностью).

В стилистике личных и деловых писем Я. К. Грота еще отмечается употребление казенных оборотов: «по его смерти» (Я.Г. Грот – К.К. Гроту, брату); «при сем возвращаю» (Я.К. Грот – Д.Н. Замятину, окт. 1880 г.). Однако эти элементы не доминируют в контексте; они для Я.К. Грота скорее – дань эпистолярной традиции официально письма и профессиональной позиции чиновника.

Синтез соотношения разговорных пластов литературной речи – продолжение пушкинской традиции – находим и в переписке Я.К. Грота с друзьями и литераторами (в письмах гармонично сочетаются элементы разговорной лексики, проявления языковой игры, использование заимствований из французского языка):

П.А. Вяземский – Я.К. Гроту (Гамбург, 1847 г.):

«О предполагаемой поездке Пушкина incognito в Петербург в декабре 25-го года верно рассказано Погодиным в книге его «Простая речь». Так я и слышал от Пушкина. Но сколько помнится – двух зайцев не было, а только один. А главное, что он бухнулся бы в самый кипяток мятежа у Рылеева в ночь 13-го на 14 декабря совершенно верно. ... Видно, когда говорят они о так называемом высшем обществе, – впрочем и в самом деле высшем

(написано курсивом) ... что общество это для них – *terra incognita* (лат.) «неведомая земля»). Вот и все, что могу отвечать Вам на ваши вопросы, да и места нет для большего разглагольствования.

Неизменно Вам преданный Вяземский».

(Письмо опубликовано в сб. «Складчина», 1874 г., где рассказывается о свидании Н.М. Карамзина с А.С. Пушкиным в 1846 г.)

II. Языковая экспрессия

Генезис этой черты может рассматриваться как восходящий к узусу пушкинской языковой среды и особенно ярко проявившийся в речи самого А.С. Пушкина.

Показательны многообразные способы обыгрывания фразеологизмов.

Яркий пример игровой трансформации фразеологизма – в диалоге А.С. Пушкина с молодым выпускником Лицея: «Пушкин, увидев на мне *лицейский мундир*, подошел и спросил: «Вы, верно, только что выпущены из Лицея?» — «Только что выпущен с прикомандированием к гвардейскому полку», — ответил я. — «А позвольте спросить вас, где вы теперь служите?» — «Я числюсь по России, был ответ Пушкина» (Языковая игра в данном контексте – преобразование канцелярской стандартной формулы «числиться по какому-нибудь ведомству») [Пушкинский Лицей (1811-1817 г.) Бумаги I курса, собранные акад. Я.К. Гротом. (к 100-летию Лицея) 1998:296].

Отношение к разговорности Я. К. Грота подтверждают материалы переписки с князем В. П. Мещерским (лицеистом, обучавшимся на курс старше Я. К. Грота).

В.П. Мещерский – Я.К. Гроту (24 мая 1830 г.):

«Я в эдаких связях более infantable, нежели в любви»; «Зачем ты говоришь Oquand notre Lycee'e reverra? (когда наш Лицей тебя увидит?). Что я за редкая птица для Лицея? Это я им живу». Текст письма также свидетельствует о сохранении дружеской атмосферы лицейского товарищества в среде Я.К. Грота, способствует созданию тональных дружеских бесед (употребление разговорной лексики, ирония, метафоричность, французские выражения – дань нормам речевого этикета времени).

Атмосферу свободы общения в среде лицейского братства поддерживают и шутливо – дружеские концовки (заключительные фразы писем), предваряющие подпись (Ср.: «Твой друг и товарищ»; «Прощай, мой милый, целую мысленно тебя»; «Прощай, душа моя!»; «Сто раз благодарю тебя, мой добрый!»)(из переписки Я.К. Грота с П.А. Плетневым). Заключительных фразы – концовки писем П.А. Плетнева разным адресатам свидетельствуют о том, что они еще более тяготеют к официальному этикету, менее раскрепощены в плане использования разговорно-просторечной лексики, чем шутливо-ироничные подписи писем Пушкина и лицеистов, однако уже далеки и от речевого стандарта: «...нетерпеливо жду письма вашего

и обнимаю вас от всего сердца» (П.А. Плетнев – С.П. Шевыреву); «Обнимаю тебя и ты обойми Жуковского» (П.А. Плетнев – Н.В. Гоголю); «Искренне почитающий Вас и совершенно преданный Вам» (П.А. Плетнев – В.А. Жуковскому).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. И в письмах, и в литературной публицистике Я.К. Грота отмечается глубокое освоение и своеобразие использования разговорного лексического пласта, что создает картину живой народной речи и повествовательной разговорности как литературного приема.

2. Анализ лингвистического эпистолярия Я.К. Грота (переписка с лицейскими друзьями и наставниками) свидетельствует о живости пушкинских традиций отношения к народной струе русской разговорной речи. Однако есть и своеобразие: речь круга друзей Я.К. Грота не столь экспрессивна и раскована, она более традиционна и консервативна (влияние лет государственной службы и принадлежности текстов к официально-деловой сфере речевого общения). Аналогичные процессы отмечены нами и в анализе эпистолярия А.С. Грибоедова.

3. Среди блестящей когорты выпускников Царскосельского Лицея – выделяются две фигуры выдающихся преобразователей русской литературной речи – А.С. Пушкина и Я.К. Грота (академика, филолога-просветителя) – и отмечается преемственность традиций в их лингвистической практике. Отношения к народной речи (при всей несхожести натур) еще раз подчеркивают значимость великого лицейского начала в отношении к речевой практике современников.

Литература

- Аннушкин В.И. 2003 – *Русская риторика: исторический аспект*. Москва.
- Грот Я. К. 1895 – *Несколько данных к его биографии и характеристике. С приложением некоторых документов, относящихся к юбилеям Якова Карловича в 1882 и 1892 гг. и библиографического списка его сочинений, переводов и изданий*. Санкт-Петербург.
- Колесов В.В. 2003 – *История русского языкознания: Очерки и этюды*. – Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым в 3-х тт. (т 1.)* 1896. Санкт-Петербург.
- Плетнев П.А. 1885 – *Сочинения и переписка П.А. Плетнева / По поруч. 2-го Отд. Акад. наук, изд. Я. Грот /*. Санкт-Петербург.
- Пикуль В. 2007 – Памяти Я. К. Грота. *Тайный советник. Исторические миниатюры. Серия Великие судьбы России*. ВЕЧЕ, АСТ.
- Пушкинский Лицей (1811-1817 г.) Бумаги I курса, собранные акад. Я. К. Гротом. (к 100-летию Лицея)* 1898. Санкт-Петербург.

«СОСЕД» КАК СУБЪЕКТ СОБЫТИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА
В НОВОСТНОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ ЛАТВИИ
РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

Л. Игнатьева, Р. Курпнице

Балтийская международная академия, Латвийский университет, Латвия

larisa.ignatjeva@gmail.com; rozanna.kurpniece@gmail.com

В статье рассматривается реализация концепта «сосед» в материалах рижской газеты «Сегодня» (1923 – 1925гг.), самой крупной демократической газеты Прибалтики начала XX века., и популярного интернет-портала Delfi.lv. Цель исследования заключалась в выявлении тех признаков концепта, которые актуализируются в новостном русскоязычном дискурсе Латвии разных исторических эпох при обращении к «соседу» как к субъекту событийного пространства. Главными репрезентантами дискурса выступили высказывания, содержащие слово/ концепт *сосед*. В результате анализа было установлено наличие функциональных различий прагматического и содержательного характера, обусловленных (в том числе) представлениями говорящего о способах привлечения внимания адресата к социально значимым явлениям повседневной жизни.

Ключевые слова: новостной дискурс, концепт «сосед», Латвия, событийное пространство

Материалом для представленных в статье наблюдений послужили публикации рижской городской газеты «Сегодня» начала XX века (1923 – 1925 гг., период, когда Латвия не входила в состав СССР и являлась независимым государством) и современного Интернет-портала «Delfi». «Сегодня» издавалась в Риге с 1919 по 1940 год, не относилась к эмигрантской прессе и была признана самой крупной русскоязычной демократической газетой Прибалтики [Абызов 2006].

Интерес к слову *sosед* обусловлен продолжающимся поиском не заметных на первый взгляд слов «с историей», «с судьбой», которая не является завершённой. Подобные единицы (напр., *лицо, улыбка, интеллигентный /интеллигенция*) не входят в первый ряд ключевых слов национальной картины мира, их скорее можно отнести к разряду «повседневных», однако хорошо известно, что именно в повседневности творится жизнь, определяются установки, кристаллизуются ценности. *Sosед* видится одним из важных концептов повседневности и в перспективе может быть осмыслен в русле установок антропологии повседневности (см. напр. [Смирнов 2013; Касавин, Щавелев, 2004; Марковцева 2006, Тесля 1995] и др.), он устойчиво широко востребован в публицистике, где в более широком диапазоне репрезентирует дискурс соседства.

В материалах газеты «Сегодня» и портала «Делфи» дискурс соседства демонстрирует устойчивую актуализацию в пределах двух достаточно объемных предметных сфер: сферы быта и сферы политики, что в целом соответствует языковой традиции словоупотребления лексемы *sosед*. Содержание настоящей статьи будет ограничено предметной сферой быта.

В семантической системе современного русского языка лексема *sosед* устойчиво многозначна. Но так сложилось, что именно ее основное значение – «Тот, кто живет поблизости, рядом» [ССРЛЯ 1984] – оказалось в наибольшей степени отягощено целым спектром разнообразных культурно обусловленных смыслов, эмоций, ассоциаций, исторических коннотаций, что лишний раз свидетельствует о концептуальной значимости слова. В ассоциативном мерцании смыслов на уровне внутренней формы концепта может быть выделен один из исходных импульсов: тот, что восходит к глаголу «сидеть» в значении «жить» [Срезневский 1893]. Это означает, что русское культурно-языковое сознание в качестве базового концептуального признака *sosеда* и (шире – *sosедства*) выделило признак ‘жизнь’.

Sosед давно уже включен в список русских культурных концептов (см. об этом в: [Прохоров, Стернин 2007]), а целый блок важнейшей концептуальной информации о соседе и соседстве экспонирует корпус русских паремий: *Близкий сосед лучше дальней родни. Жить в соседах — быть в беседах. Без брата проживу, а без соседа не проживу. Спишь до обеда, так пеняй на соседа, что рано встает да в гости не зовет! Запили соседи — запьем и мы. Худое дело обидеть соседа. Не купи двора – купи соседа* и многие другие. Семантика паремий фиксирует основные линии взаимоотношений между соседями (задает их в виде сценария), в ней отражены прототипические смыслы ключевой единицы (они служат семантическим каркасом образа), а прагматика народных афоризмов этой группы объективирует оценочное отношение, которое в целом является позитивным. Позитивная оценочность свойственна и многим производным словам: *sosедушка, sosедство, sosедствовать, присоседиться, добрососедский*. Положительные смыслы доминируют и в Национальном корпусе русского языка. Семантика паремий позволяет утверждать, что согласно традиционным установкам, хорошим соседством надо дорожить, с соседями дружить, – именно такое положение дел представляется нормальным. *От соседа не уйдешь*, – гласит русская пословица. Этот прагматический констатив [Bach, Kent 2003] фиксирует общую житейскую правду любого времени, но в публицистике, в ситуациях, когда *sosед* выступает в роли субъекта событийного пространства, смысл выражения обретает новые грани, а признаки концепта *sosед* складываются в образ.

Событийную основу новостных публикаций двух периодов составляют сюжеты криминального характера и различные частные происшествия. Содержание высказываний

со словом *sosjed* позволяет адресату составить впечатление о конкретных событиях, о соседе как субъекте событийного пространства и о соседстве в целом как о социальном явлении конкретного периода.

В газете «Сегодня» сосед в основном представлен читателю как важный свидетель. Он выступает субъектом аргументативного дискурса, или дискурса свидетельства. Авторы публикаций часто начинают сообщение о криминальном происшествии с указания на соседа и характер его свидетельства:

- *соседи рассказывают, что он часто ходил к раковине сточной воды с каким-то ведром;*
- *соседи видели, что к Гаарману часто ходили юноши;*
- *соседи показали, что мать вообще ненавидела ребенка и мало о нем заботилась...;*
- *соседи говорят, что наш студент был человеком тихим....;*
- *соседи поведали, как все происходило в тот злополучный вечер...;*
- *соседи услышали страшные крики о помощи... .*

Апелляция к *sosеду* представлена и в ситуациях «негативного» свидетельства:

- *соседи выстрелов не слышали или не обратили внимания;*
- *соседей дома не было, они ничего не смогли подтвердить...;*
- *соседи о случившемся ничего рассказать не смогли... .*

То есть даже в тех случаях, когда соседу нечего сказать о происшествии, автор вводит его в контекст ситуации как ее естественный атрибут, и сосед предстает как пусть и не состоявшийся, но потенциальный свидетель. Тем не менее, коммуникативная роль свидетеля может быть обозначена как функциональная доминанта образа в материалах «Сегодня».

Лингвистическое представление ситуации подчинено прагматической фокусировке: авторам высказываний важно указать на значимость соседа как реального или потенциального свидетеля, а отметить конкретный характер свидетельства или роль соседа в общей картине произошедшего.

Сосед может быть представлен читателю как субъект, интересующийся жизнью другого человека, но проявляющий свою заинтересованность или осведомленность по-разному:

- *соседи внимательно следили за ней;*
- *приходили соседи, расспрашивали... ;*
- *соседи давно знали, что в семье очень плохо с деньгами.*

Включение *soseda* в представление ситуации о криминальных происшествиях сопровождается целым рядом следствий: прежде всего, такой прием раздвигает рамки

собственно криминального события, поскольку в него водится значимое третье лицо. Подобная дискурсивная практика способствует тому, что сосед оказывается в фокусе внимания, он открывает сообщение, и читатель «обречен» видеть событие глазами соседа или оценивать информацию с учетом его мнения.

При этом оценочная составляющая образа соседа-свидетеля воспринимается скорее как нейтральная. Автору важно указать функцию соседа, его коммуникативную роль, что прежде всего подчеркивается посредством разнообразных глаголов: речи, ментальных и физических действий.

Содержательно же образ соседа вбирает в себя многие черты. В коммуникативном пространстве «Сегодня» представлен образ соседа-рядового обывателя, наблюдателя, который невольно или руководствуясь обоснованным личным интересом, наблюдает за происходящим, видит, слышит, знает и действует. Характер действий в дискурсе специфицирован. Описание физических действий, реакций, мнений, оценок способствует формированию перцептивной образности, что «работает» на узнаваемость образа.

Еще одним важным компонентом образа соседа, развивающим его качественную структуру, служат реакции на ситуацию. Читателю сосед представлен в ореоле самых разных реакций – физических, ментальных, эмоциональных, речевых:

- *соседи услышали страшные крики о помощи...;*
- *услышав шум, смех и громкое пение, соседи по привычке вздохнули;*
- *смерть троих ее мужей вызывала сплетни и пересуды соседей...;*
- *соседи и знакомые шушукались о непонятных причинах смерти очередного мужа...;*
- *шушукались соседи о завещании на этот раз громче обычного.*

Авторы публикаций часто подчеркивают скорость реакций, используя глагольные лексемы с семантикой мгновенного действия, например:

- *сбежались на крики хозяина соседи...;*
- *соседи, услышав топот бегущих ног, бросились к окнам...;*
- *услышав запах гари, соседка сразу же вбежала в квартиру, но опоздала.*

Глаголы движения, которые формируют динамический образ ситуации, обладают яркой изобразительной семантикой. Их использование также позволяет говорящему «погрузить» читателя в событие, услышать, увидеть, ощутить его, в том числе и оказаться мысленно рядом с соседом. Можно прогнозировать возникновение кинематографического эффекта, когда изображение оживает, наполняется звуками, движением, эмоциями.

Еще одним важным смысловым акцентом реализации образа соседа как субъекта событийного пространства выступает идея, формирующая у читателя представление о

вовлеченности соседа в жизнь ближнего, о его информированности и неизбежном присутствии, участии в ней:

- *соседи тоже были не согласны с завещанием покойного...;*
- *соседи не раз предупреждали мать о нехороших привычках мальчика...;*
- *сосед обо всем знал, но молчал...*

Важен и способ представления информации в дискурсе, по-своему влияющий общий образ ситуации. Авторская стратегия в «Сегодня» предполагает присутствие голоса говорящего. При этом автор располагается между событием и сообщением о нем. Это способствует формированию в сознании читателя особой ассоциативной цепочки: «криминальное происшествие – найденный и опрошенный автором материала сосед / свидетель – сообщающий о событии автор – читатель». Подобная дискурсивная практика позволяет предположить наличие особых авторских установок, связанных с пониманием значимости поддержания в общественном сознании идеи постоянного присутствия рядом соседа, заинтересованного наблюдателя, который способен дать рациональную или эмоциональную оценку случаям, людям и событиям, а при необходимости выступить свидетелем. Рефлексирующий, оценивающий, все подмечающий и многое знающий сосед как константа обыденной жизни, сложившейся практики соседского общения, – таким видится основной вектор развития образа соседа в материалах «Сегодня». Подобный *сосед* является не просто значимой фигурой дискурса, а компонентом картины мира.

Дискурсивная практика портала «Delfi» демонстрирует иную реальность. Главным отличием выступает то, что из свидетеля сосед превращается в участника представляемого события, он – его главное действующее лицо, вокруг него формируется само событие.

Специфика виртуальных СМИ с отмечаемой лингвистами установкой на устранение субъекта (т.е. автора публикаций) способствует иному ракурсу представления информации, которая жанрово-стилистически часто напоминает официальные отчеты:

- *Около 10 часов утра **тонущую собаку заметил гулявший по берегу сосед**...;*
- ***Сосед услышал крики о помощи и спас девочку**...;*
- ***Из ямы глубиной в несколько метров женщине помог выбраться сосед**;*
- ***Сосед помог задержать велосипедного вора**;*
- ***Буйный сосед был задержан, он был пьян, в крови обнаружено свыше 2 промилле алкоголя. Задержанный свою вину признает и сожалеет о содеянном.***

Кинематографический «срежиссированный» эффект сменился трендовым эффектом «за стеклом». Исчезновение элемента художественного / авторского описания ситуации изменило и прагматику сообщений: многие высказывания воспринимаются как жалобы (психологическую подкладку которых составляет надежда на помощь):

- *Сосед нагло поставил свою машину под окнами дома...*;
- *Соседи производят шум. Соседка напротив рано утром закрывает за собой дверь с такой силой, будто бомба в подъезде взорвалась;*
- *Сосед что есть дури колотит по полу в 2 часа ночи* – решил паркет поправить...
- *Дитя соседа то ли головой постоянно падает на пол, то ли стучит головой об пол.*

В приведенных высказываниях авторство «как бы» передано пострадавшей стороне. Соседа лишили его коммуникативной роли свидетеля, но при этом свою социальную роль он реализует достаточно ярко. Сосед сегодня не наблюдает, он действует. Его действия не носят созерцательно-эмоционального характера, они вполне реальны и конкретны. Изменилась аксиология образа: доминирующая нейтральная оценочность «Сегодня» сменилась биполярными характеристиками. Есть сообщения, в которых сосед представлен как положительный герой, который помогает, вызывает полицию и спасает:

- *Сосед помог задержать велосипедного вора;*
- *Сосед услышал грохот стекла и вызвал полицию;*
- *Сосед помог из-под развалин вытащить девочку;*
- *Сосед заметил тонущую собаку, и попытался ее спасти...*

Но позитивно окрашенных сообщений примерно 30%, доминируют в дискурсе (увы!) негативные характеристики. Более того, образ соседа в ряде случаев приобретает пугающе-шокирующие черты:

- *Сосед приставал к искалеченной собакой девочке;*
- *Сосед совратил внучку;*
- *К 11-летней внучке приставал 67-летний сосед;*
- *Сосед убил, расчленил и сжег тело 25-летнего мужчины.*
- *Сосед избил и ограбил 78-летнюю женщину.*

Все действия соседа могут быть отнесены к числу социально опасных, конфликтогенных, вредоносных:

- *Сосед заложил в почтовом ящике соседки мину;*
- *Сосед не подчинялся полиции;*
- *Сосед курил в помещении.*

Несомненно, в затекстовой реальности есть и другие соседи, но объективированная в дискурсе информация преимущественно концептуализирует соседа как субъекта, приносящего вред. Жить таким с таким соседом страшно и небезопасно. Образ соседа-вредителя, хулигана

и даже врага, безусловно, не способствует стабилизации коммуникативного пространства. Но такова реальность представления образа-концепта «сосед» как субъекта событийного пространства дискурса.

Хочется верить, что такая реальность не станет константой, а всего лишь окажется переменной.

Литература

- Абызов Ю. 2006 – *А издавалось это в Риге. 1918–1944: Историко-библиографический очерк.* Москва.
- Касавин И.Т., Щавелев С.П. 2004 – *Анализ повседневности.* Москва: Канон.
- Марковцева О.А. 2006 – *Повседневность как бытие человека в мире. Вестник ОГУ № 4. Т. 1.* – С. 111 - 117.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. 2007 – *Русские: коммуникативное поведение.* Москва: Флинта-Наука.
- ССРЛЯ. 1984 – *Словарь русского языка: в 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. Т.4. с.205.*
- Смирнов А.В. 2013 – *Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты.* АДД, Санкт-Петербург.
- Срезневский 1893 – *Материалы для словаря древнерусского языка.* Труд И. И. Срезневского. Санкт-Петербург, 1893, Т.3. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskijR-S.pdf>
- Тесля С.Н. 1995 – *Опыт аналитики повседневного.* Москва, МГУ.
- Bach, Ken 2003. *Speech Acts and Pragmatics.* Blackwell Guide to the Philosophy of Language.

СПАСИБО ЗА ВОСПОМИНАНИЯ:
ВЕРБАЛЬНЫЕ ШТРИХИ К УШЕДШЕМУ ГОДУ⁴

О.С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия
isserso@mail.ru

В статье рассматриваются наиболее актуальные слова 2014 года в интерпретации проектов «Слово года». На этом материале выявлено несколько тенденций в сфере современной русской неологии: активизация идеологически оценочной лексики (в том числе символов Добра и Зла, пейоративов), трансформация идеологически значимых прецедентных номинаций, ритуализация официального медиадискурса. Автор отмечает, что общественное внимание было приковано и к использованию языка, в том числе и к тому, что в критических дискурсивных исследованиях называется «злоупотреблением языком».

Ключевые слова: слово года, неологизмы, окказионализмы, речевое воздействие

В 1975 году заметным фактом в когнитивных исследованиях стала публикация статьи психолога Вашингтонского университета Элизабет Лофтус, одного из ведущих исследователей в области памяти⁵. Э. Лофтус установила, что событие, воскрешаемое в памяти, как правило, восстанавливается неточно: обычно для восполнения пробелов в воспоминаниях память использует не только уже существовавшую информацию, но и новую. При этом было выявлено влияние словесной формы, в которую облечены задаваемые о прошлом вопросы (большинство исследований Э. Лофт с связаны с показаниями свидетелей). На наш взгляд, для реконструкции «ушедшего момента» не менее информативны ключевые вербальные знаки, поскольку они помогают восстановить не только события недавнего прошлого, но и языковое сознание носителей языка.

Это определяет актуальную для лингвистического анализа задачу оперативной фиксации новаций на всех уровнях языка [Крысин 2014:358]. Для понимания современных процессов функционирования языковой системы особый интерес представляет неологическая и окказиональная лексика: своеобразную моду на лингвистический креатив исследователи называют «неогенным бумом» [Болдакова 2012, Заботкина 1990, Попова, Рацибурская, Гугунава 2011]. Данная тенденция наблюдается не только в СМИ и блогосфере, традиционно открытых для разного рода языковых новаций, но и в официальной публичной коммуникации – в речи политиков, государственных деятелей, высших лиц государства.

⁴ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00487.

⁵ Loftus E.F. Leading questions and the eyewitness report. *Cognitive psychology*, 7, 560-572.

Описание лексических новообразований, документированное по дате их включения в активный словарь, является одной из важных задач лексикографии. Однако далеко не всегда лексикограф может достоверно утверждать, когда именно слово вошло в лексическую систему языка. В этом смысле научную ценность представляют ставшие популярными в разных странах общественные проекты, нацеленные на выявление наиболее актуальных, «ключевых слов текущего момента» (термин Т.В. Шмелевой [10]). Несмотря на разную степень методологической обоснованности (а в некоторых случаях и идеологической тенденциозности) подобных массовых опросов, их результаты позволяют говорить о приоритетах внимания общества в определенный период. Это взгляд на языковую жизнь социума, ограниченную четкими календарными рамками одного года: по словам-победителям можно судить о том, какова была атмосфера того времени.

Начиная с 2007 года в России появилось несколько социально-лингвистических Интернет-проектов, которые предоставляют широкое поле для наблюдений и выводов. Во-первых, это «Слово года» Михаила Эпштейна [Слово года 2013, Слово года 2014] и проводимое компанией Public.ru исследование «Пресс-слово года» [Новояз 2014. Пресс-слово года].

Проект М. Эпштейна стартовал в России в 2007 году как продолжение международной традиции: в США подобные «выборы» проходят с 1990 года; в европейских странах они также весьма популярны (см., например [Word of the Year 2013]). Отбор проводится через социальную сеть FaceBook, где выбирают неологизм года и слово года. После того как около 300 человек из этих групп предложат свои слова года и неологизмы, экспертный совет (филологи, лингвисты, писатели, журналисты, культурологи) выбирает «лидеров» по пятибалльной системе.

Проект «Пресс-слово года» реализует компания Public.ru. Замеры частоты упоминания слов и словосочетаний проводятся по материалам федеральных и региональных общественно-политических и деловых печатных изданий, Интернет-СМИ, лент информационных агентств, передач центральных теле- и радиоканалов (в 2014 году – более 12 000 изданий). С помощью собственной системы медиапоиска аналитики фиксируют неологизмы, авторскую лексику и вернувшиеся в активное употребление редко используемые слова и термины. В результате были составлены рейтинги «Новояз 2013» и «Пресс-портрет 2013», «Пресс-слово 2014».

Методика опроса «по М. Эпштейну» была реализована в 2013 году в спецпроекте «Словарь года» на сайте «Большой город», который также был нацелен на выявление новых слов и выражений силами читателей [Словарь года 2013].

Конкурс с таким же названием, в котором победителей определяет не экспертное сообщество, а обладатели аккаунтов в соцсетях, реализован в 2014 году лингвистом Алексеем Михеевым [Словарь года 2014]. Словарь этот пополняется каждый день, и ежемесячно подводятся итоги голосования. Пользователи выкладывают слова и выражения в специальной группе в Фейсбуке. Принцип очень простой: побеждает та лексическая единица, которая набирает больше всего лайков.

Свои итоги лексического года подводит и телеканал «Дождь» [Итоги 2014. Главные слова года – Дождь]. Модераторы опроса считают, что подглядеть или подслушать характерное для текущего момента слово, достойное участия в этом состязании, можно везде, где звучит русская речь, будь то Рунет или СМИ, разговор на кухне или диалог в автобусе. Ориентироваться при этом рекомендуется исключительно на языковую интуицию, которая, в большей или меньшей степени, развита практически у каждого носителя языка.

Для целей нашего исследования все эти проекты, несомненно, представляются актуальными источниками.

Цель подобных конкурсов – нарисовать языковую картину мира, которая возникает в массовом сознании за год, – считает главный идеолог и организатор первого российского конкурса «Слово года» филолог Михаил Эпштейн. – То, как мы говорим, определяет то, как мы живем. А подобные конкурсы помогают обществу осознать, где оно находится в данный момент, откуда идет и, главное, куда» [Крымнаш стал главным словом...2014]. Михаил Эпштейн подчеркивает, что **интересна не частота употребления, а семантический вес слова.**

Для анализа российского «Слова года» существенным является тот факт, что ушедший год был отмечен значительными изменениями и в сфере внешней, и в сфере внутренней политики: воссоединение Крыма с Россией, война на Украине, санкции и антисанкции, кризис... Даже Олимпиада в Сочи отошла на второй план на фоне всех перечисленных событий (лишь в одном из рейтингов это слово вошло в тройку лидеров).

На материале указанных выше проектов попытаемся определить наиболее активные процессы взаимодействия социальных и лингвистических факторов⁶.

Рассматриваемый период был отмечен **усилением воздействующей функции языка в сфере пропаганды** – это обычно для периодов политической напряженности как внутри страны, так и вне ее (срав. [Какорина 1996, Кудрявцева 2010]). Присоединение Крыма к России и последующая эскалация украино-российского конфликта в сфере международных отношений явилась базой для создания слогана «Крым наш!», который в виде хэштега # *крымнаш* вошел в актуальный словарь 2014 и стал лидером большинства рейтингов.

⁶ Эта проблема не однажды была в центре внимания лингвистов: из последних работ отметим исследования Т. Ван Дейка [Дейк 2013].

Уникальность этого «лексического объекта» заключается в том, что впервые единица особой подсистемы письменного языка – хэштэг (в данном случае принятая в целях семантической компрессии в Твиттер-коммуникации) внедрилась в живую речь, в том числе и устную. Основная функция хэштега – обозначение модели ситуации [Атягина, Иссерс 2014]. **Это не номинативная, а когнитивная единица.** Именно эта особенность обусловила, на наш взгляд, лидерство неологизма. *Крымнаш* – это знак изменения геополитической ситуации. В коммуникативно-прагматическом плане *Крымнаш* – реплика в полемике, универсальный ответ на все сомнения и претензии после мартовского референдума. Однако язык не только отражает удары, но и «нападает, передразнивает, бросает вызов» [Эпштейн 2014]. **Диалогичность** нового слова *Крымнаш* проявилась в том, что оно востребовано как сторонниками присоединения Крыма, так и его противниками.

(1) *В прошлом году и все предыдущие годы все было по-другому, а теперь – КРЫМНАШ, так что не обессудьте!* (из блогов)

Наконец, как всякое «ключевое слово текущего момента», оно обнаружило высокую словообразовательную и морфологическую активность: от иронического *Парижнаш*, *космоснаш* до идеологически заостренного *крымнашисты*, *крымнашизм*, *новости крымнаша* (на ресурсе www.uainfo.org).

По мнению Михаила Эпштейна, *Крымнаш* – слово с подковыркой, слово-жест, воспроизведение некоего клише, сложившегося в языке. «Присоединение Крыма, как бы его ни оценивали, позитивно или негативно, действительно стало самым ярким событием для России», – отмечает ученый [Эпштейн 2014].

Кроме слова-лидера, во всех рейтингах 2014 года в первой тройке закрепились вытекающие во многом из «*Крымнаша*» санкции, а также *бандеровцы* (*бендеровцы*) – прецедентная номинация украинских националистов по аналогии с движением ОУН Степана Бандеры времен второй мировой войны.

Контроль за языком в плане выражения в нем идеологии власти выразился в «продвижении» нескольких пропагандистских штампов, построенных на **исторических прецедентах**. Наряду с *бандеровцами* в политическом и «околополитическом» дискурсе стало активно использоваться слово *фашист*, причем в явно расширительном значении. Если в советские времена оно употреблялось по отношению к немецкому или итальянскому фашизму, то в последний год вполне пригодилось «для внутреннего употребления»: так называют людей не по идеологической принадлежности, а по принципу «чуждости», что было нехарактерно в советскую эпоху [Баранов 2015].

К числу востребованных временем оценочных номинаций можно отнести *национал-предатель*. Термин из мартовской речи Владимира Путина относится к категории граждан,

действующих, по мнению власти, не в национальных интересах страны (по своему контекстному употреблению синонимичен *внесистемной оппозиции*). С потребностью актуализации семы предательства в интерпретации действий оппонентов власти связано возвращение из «исторического» словаря времен гражданской войны в Испании выражения *пятая колонна* (употреблено в новом значении в речи В.В. Путина).

Попытка реанимировать исторические реалии также была предпринята в предложенном назывании пророссийски настроенных регионов Украины *Новороссией* (изначально номинация использовалась максимально широко – от Одессы до Харькова, потом была сужена до Донецкой и Луганской областей), а также в обозначении их защитников словом из лексикона времен Великой Отечественной войны – *ополченцы*.

Идеологически выдержаны в духе военного противостояния номинации субъектов конфликта, однозначно разделяющие его участников на «своих» и «чужих»: продуктивные для разжигания ненависти пейоративы активно вбрасываются как с той, так и с другой стороны: *ватники (вата), колорады, террористы, бандиты, боевики vs. укropy (укры), хунта, каратели* и т.п. [Баранов 2015].

Но, как верно заметил М. Эпштейн, язык способен передразнивать, даже огрызаться, «высовывать язык» [Язык высовывает язык 2014]. Пропагандистский сюжет о *распятом мальчике* (неподтвержденный случай изуверской казни трехлетнего ребенка, о котором было рассказано в эфире Первого канала со слов беженки из Славянска) в соцсетях стал синонимом журналистского фейка⁷. А изначально оскорбительное прозвище сторонников идеологии киевского майдана *укropy* стало иронично переосмысляться как самоназвание. Так, украинский журналист на декабрьской пресс-конференции В. Путина задавал вопрос в футболке с этой надписью.

В номинации «Выражение года» тройку лидеров, по версии проекта М. Эпштейна, возглавляют *вежливые люди*. Вторая позиция досталась *русскому миру*. На третьей – выражение-оксюморон *гуманитарный конвой*. Все три номинации имеют идеологически оценочный характер, поскольку призваны внедрить в сознание адресата положительные оценки соответствующих явлений и событий.

Контроль за употреблением языка находит проявление и в выборе вариантов номинации. В частности, принятый на Украине термин *АТО* («антитеррористическая операция») для обозначения зоны военных действий на территории Донецкой и Луганской областей, в российских СМИ обычно используется в виде аббревиатуры – как можно предположить, чтобы не акцентировать внимание на номинации «террорист» (обычно

⁷ После вопроса Ксении Собчак на пресс-конференции Путина об этом материале ведущая Первого канала Ирада Зейналова признала, что других подтверждений, кроме слов местной жительницы, у тележурналистов не было.

употребляется в словосочетании *в зоне АТО*). Заметим, что стратегия табуирования и затемнения смысла словосочетаний путем аббревиации нашла отражение и в актуальном для 2014 года слове *ИГИЛ* (исламское государство Ирака и Ливана – группировка радикальных террористов).

С украинно-российским конфликтом прямо или косвенно связаны многие актуальные события жизни страны и мира в 2014 году. Их номинации также отражены в рейтингах слов года.

После присоединения Крыма в языке активизировались лексические единицы, принадлежащие терминологической сфере политики и экономики, – *санкции, антисанкции, импортозамещение*. Массовое общественное сознание отразило сложившиеся продовольственные трудности в разговорной номинации *запрещенка* (запрещенные к ввозу продукты питания из Европы и США) и закрепило в словах-символах «западной еды» *пармезан* и *хамон*.

(2) *Марш за хамон и пармезан*

В числе заявивших о своем участии в «марше» – «Яблоко», РПР-ПАРНАС, Партия прогресса, «Альянс зеленых», «Партия 5 декабря» и даже подзабытая «Солидарность». Организаторы выступают против «фашистских тенденций» в России и действий властей, запретивших импорт хамона и парме..., то есть, простите, ухудшающих ситуацию в экономике (<http://www.politonline.ru/comments/17253.html>)

Для понимания процессов «неологизации 2014» важно то, что **наряду с политической и экономической сферой в фокус общественного внимания попала сфера журналистики.**

Тема кризиса и стремительной девальвации рубля нашла отражение в журналистских штампах *исторический максимум* (его периодически обновляли доллар и евро) и *психологически важные отметки*, которые достигались каждый день. Как и в предыдущем случае, эти лексемы стали употребляться в ироническом контексте (в частности в заголовочных комплексах и анекдотах) как сигнал несовпадения оценок официальной журналистики и общества.

(3) *Продолжительность жизни россиян превысила исторический максимум* (<http://www.rg.ru/2015/05/01/maximum-site-anons.html>)

(4) *Электоральный рейтинг Путина вышел на новый исторический максимум* (<https://versia.ru/yelektoralnyj-rejting-putina-vyshel-na-novyj-istoricheskij-maksimum>).

(5) *Курс рубля преодолел психологически важную отметку – «всем уже наплевать»* (<http://anekdotov.net/anekdot/all/ntmtkvsmzhnplvt.htm>)

(6) *А в любви какая психологически важная отметка?* (<http://otvet.mail.ru/question/175506884>)

По версии «Словаря года», безусловным победителем в 2014 году стало слово, актуальное для медийных практик, – *фейк*. Это аналог английского слова *fake*, которое в современном словоупотреблении чаще всего фигурирует в значениях *trick* – ‘хитрость, обман’, ‘подделка, фальсификация, подлог’, но также и *swindle* – ‘шутка, шалость’ [Mariam-Webster on line: Dictionary and Thesaurus]. Глагол *fake* означает ‘мошеннически манипулировать, чтобы предмет воспринимался в лучшем виде или не таким, каким он на самом деле является’ [там же].

По мнению Алексея Михеева, количество фейков в этом году, особенно в украинно-российском медийном пространстве, просто зашкаливало. Одни истории получили опровержение, за другие журналисты так и не принесли извинений, а еще были те, которые создавались специально, в пропагандистских целях. Следствием этого, кстати, стало то, что в лонг-лист слов, которые претендовали на победу, попало и выражение «*распятый мальчик*» как обозначение именно фейка, заведомо недостоверной, абсурдной информации [Словарь года 2014].

Кроме того, есть и еще одно объяснение, почему *фейк* набрал так много очков. Дело в том, что медиафейк в последнее время стал неотличим от реальности [Иссерс 2014]. Российское политическое пространство порождает такие новости, в которые невозможно поверить — они кажутся обманкой (например, предложение одного из сенаторов женщинам красить губы свеклой). В свою очередь, шутки, распространяемые в СМИ, нередко воспринимаются как реальность. Так, в конце 2014 года телеканал РБК снял шуточный выпуск новостей о происходящем в России. Первая новость заключалась в том, что журналистов обязали публиковать графики курсовых колебаний вниз головой, чтобы казалось, что рубль идет вверх. Многие в первые минуты этому поверили.

Таким образом, прошедший год в интерпретации рейтингов «Слово года» отмечен несколькими яркими тенденциями в сфере неологии. С одной стороны, усиление персуазивной функции в дискурсивных практиках власти и провластных СМИ выразилось в активизации идеологически оценочной лексики (в том числе символов Добра и Зла, пейоративов), в реанимации и трансформации идеологически значимых прецедентных номинаций, в ритуализации официального медиадискурса. С другой стороны, общественное внимание было приковано и к использованию языка, в том числе и к тому, что в критических дискурсивных исследованиях называется «злоупотреблением языком». «Это результат творческой деятельности массового сознания, который, быть может, еще более рельефно отражает текущие процессы» [Крымнаш стал главным словом ... 2014]. Обе эти

лингвистические тенденции ярко характеризуют основные направления общественной и политической жизни прошедшего года.

Литература

- Атягина А.П., Иссерс О.С. 2014 – Дискурсивные практики нового века: «компрессионный синдром» (на примере Твиттер-коммуникации). *Стилистика сегодня и завтра: Материалы конференции*. Ч.1. – Москва. С. 78-85.
- Баранов А.Н. 2015 – Самые популярные слова 2014 года – «укроп», «ватник», «фашист». *Комсомольская правда* (25.03.2015).
- Болдакова В.П. 2012 – «Неологический бум» – современное состояние английского языка. *Инновации в науке*. №6. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/neologicheskiiy-bum-sovremennoe-sostoyanie-angliyskogo-yazyka> (12.04.2015).
- Дейк ван Т.А. 2013 – *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Москва.
- Заботкина В.И. 1990 – *Новая лексика современного английского языка*. Москва.
- Иссерс О.С. 2014 – Между правдой и мистификацией. *Коммуникативные исследования*. №2. Омск. С.114-125.
- Какорина Е.В. 1996 – Стилистический облик оппозиционной прессы. *Русский язык конца XX столетия (1998-1995)*. Москва. С. 409-426.
- Крымнаш стал главным словом... 2014 – Крымнаш стал главным словом уходящего года. *Московский комсомолец*. Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2014/12/10/krymnash-stal-glavnym-slovom-ukhodyashhego-goda.html> (10.12.2014)
- Крысин Л.П. 2014 – Повседневная русская речь в ее отношении к литературной норме (лексикографический аспект). *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. Вып.1. Москва. С.358-387.
- Кудрявцева Л.А. 2010 – Медиадискурс «посторанжевой» Украины. *Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы*. Москва. С. 126-127.
- Попова Т.В., Рацбургская Л.В., Гугунава Д.В. 2011 – *Неология и неография современного русского языка*. Москва.
- Шмелева Т.В. 1993 – Ключевые слова текущего момента. *Collegium*. № 1. Киев. С. 33–41.
- Эпштейн М. 2014 – *Язык – не зеркало общества* Режим доступа: http://snob.ru/profile/27356/blog/70175#comment_681703 (03.01.2014)
- Mariam-Webster on line – *Mariam-Webster on line: Dictionary and Thesaurus*. Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/> (10.10.2014).

Источники материала

- Ватник, санкции, ой все. Выберите слово года. <http://w-o-s.ru/article/12067>(23.01.2015)
- Итоги 2014. Главные слова года - Дождь <http://tvrain.ru/words2014/> (10.01.2015)
- Новояз 2014. Пресс-портрет 2014. www.public.ru/press_slovo_2014/(21.02.2015)
- Словарь года 2013 http://bg.ru/tags/slovar_goda/ (08.01.2014)
- Словарь года 2014 <http://www.pravmir.ru/feyk-natsional-predateli-daryi-volhvov-slova-goda-po-versii-sotssetey/#ixzz3QD8jzCe2> (10.04.2015)
- Слово года-2013. Главные итоги. <http://snob.ru/profile/27356/blog/69362> (06.01.2014)
- Язык высовывает язык. Слова и антислова 2014 http://snob.ru/profile/27356/blog/85679#comment_764287
- Word of the Year 2013 www.merriam-webster.com/.../2013-word-of-th (20.10.2014)

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Э. Капела

Силезский университет, Польша

ewa.kapela@us.edu.pl

Будучи инструментом борьбы за власть, язык в политике выполняет персуазивную функцию. Этот факт определяет основные функции политического дискурса, которые усиливаются в переломные моменты в общественно-политической жизни данной страны. Воздействующая функция становится заметнее в силу опосредованности политического дискурса средствами массовой информации. В исследовании предпринимается попытка показать, что, несмотря на генетическое отличие языка политического дискурса в современной России от новояза тоталитарного общества, между ними наблюдаются сходства в плане языковых механизмов и выполняемых ими функций.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурс масс-медиа, новояз, персуазивность

Термин политический дискурс толкуется исследователями по-разному. В нашем исследовании придерживаемся широкой трактовки, причисляя к данному типу дискурса как институциональные, так и неинституциональные формы общения, при условии, что к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, содержание сообщения или адресат [Колесникова 2011:68]. «Особенностью политического дискурса на современном этапе является его опосредованность средствами массовой информации» [Шейгал 2000:79]. В связи с этим трудно представить себе его анализ без привлечения материалов СМИ. Политический дискурс в масс-медиа (называемый иногда политическим медиадискурсом) – это сложное многомерное явление. В нем пересекаются собственно политический дискурс и медийный дискурс. Этот последний «охватывает не только вербальное сообщение плюс медиаканал, но и все экстралингвистические факторы, связанные с особенностями создания медиасообщения, его получателя, обратной связи, [...], социально-исторического и политико-идеологического контекста [Добросклонская 2014:50]. В сосредоточенных на общественно резонансных фактах, открытых и доступных СМИ (особенно в Интернете) все большую роль играет массовая аудитория, которая становится активным непрофессиональным участником как медийного, так и политического дискурса.

Несомненно, стоит присмотреться к языку политического медиадискурса, потому что «привычка говорить определенным образом затемняет видение мира [...] даже говорящему» [Bralczyk 2007:52]. Е. Бральчик справедливо отмечает, что политика влияет на язык, так как он является ее инструментом. Анализ языка, в свою очередь, позволяет обнаружить

некоторые, не всегда вербализованные, политические установки [Бральчик 2007:20]. Кроме того, как отмечает М. Кронгауз, сам «политический язык – не просто способ общения политиков друг с другом и с народом, это, в первую очередь, способ передачи смыслов, азбука Морзе, с помощью которой обществу подаются нужные сигналы. Как тут не вспомнить Оруэлла с его «новоязом» из «1984» – это, конечно, случай радикальный, но с помощью политического языка вполне можно не только сеять в людских головах нужные смыслы, но и делать невозможным выражение смыслов идеологически вредных» [Кронгауз 2011].

Будучи инструментом борьбы за власть, язык в политике выполняет, в частности, персуазивную функцию. Этот факт определяет основные функции политического дискурса, т.е. интеграцию и дифференциацию агентов политики, агональность и гармонизацию, акциональность и информирование, интерпретацию и ориентацию, а также манипуляцию сознанием и стимулирование действий электората [Шейгал 2000:57–58]. В переломные моменты в политической жизни перечисленные выше функции усиливаются за счет применения определенных стратегий и реализующих их языковых средств, о которых пойдет речь в дальнейшей части статьи.

В силу опосредованности политического дискурса средствами массовой информации можно говорить о его удвоенной персуазивности. Ведь массмедийный дискурс все больше направлен на то, чтобы оказывать влияние на адресата. В нем наблюдается преобладание ценности над фактами, воздействия и оценки над информированием, эмоциональности над рациональностью [Желтухина 2003:323–324], ср. *Знаете, у меня такое впечатление, что даже президент Обама за последние недели поседел. Наверное не я один это заметил. Думаю и выбранный американцами новый премьер Украины Арсений Яценюк тоже при личной встрече с Обамой в четверг заметил это. Мне кажется седина Обаме идет. По крайней мере, делает его внешность более благородной. Другой вопрос, почему вдруг так быстро поседел Обама?* [«Вести недели» 16.03.2014, Россия1]. Процесс воздействия осуществляется через отбор тем и их иерархию, определенное их освещение (в вербальном и невербальном планах), через подбор экспертов и гостей в студии, которым предоставляется слово. Это можно наблюдать в выпусках новостей, общественно-политических ток-шоу (напр. «Список Норкина», НТВ) и других передачах, в которых обсуждаются политические вопросы (напр. «Время покажет», Россия1).

При обсуждении политического дискурса в нынешней России указывается на его пропагандистский характер. Некоторые ученые употребляют по отношению к языку современной политики термин «новояз» [Кронгауз 2014], а также «постновояз» [Васильев 2003:46–91], «новый новояз» и «новояз путинской эпохи» [Горбаневский 2009а, 2009б].

Новояз определяется лингвистам как «язык монополизированной государством партийной пропаганды в закрытых общественных системах» [Pisarek 2007:356]. Среди важнейших его черт называются: «высокая степень клишированности, эвфемистичность, нарушение основных постулатов общения, ритуализованное использование языка, десемантизация» [Земская 1996:23]. В. Клемперер, описывая язык Третьего рейха, обращает внимание, что данный язык стремится «оглушить [человека] как личность, превратить его в безмозглую и безвольную единицу стада, которое подхлестывают и гонят в определенном направлении [...]» [Клемперер 1998:38]. Дж. Оруэлл в специальном приложении к своему роману *1984* сформулировал основные принципы новояза. Автор писал: «Новояз должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев англофашизма, но и сделать невозможными любые иные течения мысли» [Оруэлл 1989].

М. Кронгауз справедливо отмечает, что поскольку на современном этапе невозможен контроль власти над языком, она может контролировать лишь коммуникацию [Кронгауз 2014]. Понятно также и то, что нельзя отождествлять язык современного политического дискурса с советским новоязом. В эпоху глобализации, плюрализма СМИ и свободы слова нет одного институционального адресанта и единого шаблонного языка. «Современный политический новояз» нельзя назвать скудным, так как его словарный запас все время расширяется. Кроме того, возможно проявление индивидуализма говорящего. Путем применения в речи разговорных или даже жаргонных элементов политики стремятся понравиться адресату, напр. *Желание попасть на волну и понравиться, и кого-то уконтропануть, схватить и посадить во что бы то ни стало, показать свою крутизну – это самое простое, что мог бы сделать человек в моем положении* [В. Путин, «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» 15.12.2011, Россия1]. Все равно высказывания отдельных лиц не существуют в вакууме. Язык, которым пользуется говорящий, служит одновременно партийной и/или идеологической идентификации. Несмотря на растущую диалогичность различных жанров массмедийной коммуникации, которая сглаживает дистанцию между отправителем и получателем, а также на возможность непосредственного общения политика с электоратом, в большинстве случаев адресант все-таки доминирует над адресатом. Через определенный способ построения сообщения и подбор соответствующих языковых средств задается видение мира.

Невзирая на генетическое отличие новояза в тоталитарном государстве и в настоящее время, несомненно можно найти между ними сходства, показать примеры идеологизированности массмедийного политического дискурса в современной России. Одной из отличительных черт новояза, с которой непосредственно связаны и другие, является однозначная оценочная направленность лексических единиц (Głowiński 2009).

Подчиненность значения оценке ведет к четкой поляризации мира. Примером проявления разграничения сфер «своего» и «чужого» являются противоположные оценки одних и тех же фактов. Это своего рода слова-маркеры, позволяющие судить о политических взглядах. Как констатировала М. Чудакова, «язык маркирует лояльных, и граждане однозначно распознают «чужаков» по их языку» [Губайловский 2008]. В качестве примера можно привести группы слов, являющихся идеологическими синонимами: *оппозиция vs пятая колонна, национал-предатели, бандерлоги; законное правительство Украины vs киевская хунта, фашистская власть; активисты Майдана vs бандеровцы, нацисты; сторонники выхода региона из состава Украины vs федералисты, федерасты; национальная гвардия Украины vs каратели; аннексия Крыма, отторжение Крыма от Украины vs присоединение Крыма к России, воссоединение Крыма с Россией; имитация референдума vs волеизъявление народа, помощь людям выразить свое мнение.*

Поляризация рассматриваемого фрагмента политического дискурса и навязывание словами оценки проявляется также в существовании антонимичных пар, которые являются прагматическими антонимами. Структура и семантика такой пары может меняться вместе с меняющейся политической обстановкой. Ярким примером вышеназванного в современном медиадискурсе является способ именованя сторон конфликта на Украине. С одной стороны фронта: *ополченцы, повстанцы, вооруженные силы Донецкой и Луганской народных республик / сепаратисты, бандиты, боевики, террористы, вооруженные бандформирования, наемники, оккупанты.* С другой – *вооруженные силы Украины, украинские силовики / иностранный натовский легион, фашисты, каратели, бандеровцы.*

То, что отличает язык политики в демократической стране от новояза тоталитарного общества – это, к примеру, возможность метатекстовой рефлексии над словом. При тоталитарном режиме невозможным было проявление идеологической многозначности слов [см. Puzynina 1997:240–241]. Ср. Вернется ли Крым домой? Запад говорит аннексия, для нас – воссоединение [«Вести недели» 16.03.2014, Россия1]. Идеологически связанная лексика может вводиться в высказывание в кавычках (ироническое цитирование) или с предшествующим словосочетанием так называемый, что указывает на ее арбитражный характер, а также позволяет говорящему отмежеваться и дистанцироваться от нее, напр.: Я все-таки думаю, что ложь и замалчивание правды – это главная причина, почему русские люди поддерживают Путина и поддерживают так называемых ополченцев в борьбе с так называемыми «бандеровцами», «хунтой» и «фашистами» [Б. Немцов, Радио Свобода 03.09.2014].

Многие номинации, употребляющиеся в политическом дискурсе, имеют эвфемистичный характер. Их цель – не столько смягчить отрицательное / нежелательное

значение, сколько скрыть суть вещей, навязывая определенную их интерпретацию. Например, для названия российских войск, присутствующих в Крыму во время референдума о статусе полуострова, стали употребляться словосочетания *вежливые люди* и *зеленые человечки*: *Это вежливые люди. Сегодня ночью на несколько часов они захватили аэропорты Симферополя и Севастополя. Без стрельбы, без ругани [...]. А вчера, как мы все знаем, вежливые люди также вежливо оккупировали здание Верховного Совета Крыма* [www.ruposters.ru]. В контексте украинских событий эвфемизмами можно признать также аббревиатуру *АТО* (антитеррористическая операция) и существительное *конфликт*, которые заменяли слово *война*, а также сложносокращенное слово *гумконвой* (гуманитарная помощь, содержащая, между прочим, оружие). Есть, конечно, и другие примеры: *Ничего драматического мы не наблюдаем. У нас с вами экономика не сворачивается. Она просто не растет, как нам хочется* [И. Шувалов, www.ng.ru/economics/2014-09-11] или *Соответственно, меры по ограничению импорта продовольственных товаров из ЕС не являются санкциями. Это наше право на защиту национальных экономических интересов и борьба с недобросовестной конкуренцией* [С. Лавров, www.kommersant.ru, 14.12.014].

На фоне политических событий появляются многие неологизмы (напр. *крымнаш* и производные от него *крымнашизм*, *крымнашисты*; *онижедети*; *диванные войска*; *майданутый*, *майданократия* и многие другие с компонентом *майдан-*; *правосек*; *свидомит*; *колорад*, *титушки*, *проститушки*; *путинист*, *путиноид*, *путриот*; *навальнизм*, *навальщина*), в том числе также неосемантизмы (напр. *ватник*, *вата*, *укроп*, *пятая колонна*, *хунта*, *каратели*). Номинативные единицы такого типа можно признать словесными ярлыками. Они «освобождают» адресанта и адресата от необходимости задуматься, передавая в сжатой форме стереотипный образ и отношение к называемому объекту. Ярлыком стало и существительное *фашист*, которое расширило свое значение и используется для наименования людей с противоположными взглядами. Помимо этого расширилась сочетаемость данного слова вплоть до противоречивых определений, таких как *либерал-фашист* или *еврей-фашист*, напр.: *Обращает внимание другое – удивительная схожесть действий ельцинских либерал-фашистов в 1993-м в Москве и в 1994-м в Чечне, саакашвилиевских либерал-фашистов в Южной Осетии в 2008-м и киевских либерал-фашистов в 2014 в Славянске* [М. Шевченко, www.echo.msk.ru/blog, 3.05.2014].

В наименованиях приведенного типа коннотация преобладает над денотацией. Это обеспечивает эмоциональное восприятие аудиторией того, о чем идет речь. Описание мира (лиц, событий) при помощи устойчивых номинаций, обычно пресуппонирующих оценку [Bralczyk 2007: 57], это проявление ритуальности данного типа дискурса. Целью таким образом сформированного дискурса является «каузация определенного ментального

результата» [Китайгородская, Розанова 2003: 224] у адресата, которая может вызвать также нементальные последствия.

В способе употребления похожей лексики проявляется арбитражность политического дискурса. Словам присваиваются значения по усмотрению. К тому же говорящий не обосновывает оценок, они принимаются адресатом «по умолчанию». «Новый новояз» служит средством взаимопонимания единомышленников (не только власти и общества). Арбитральным образом выстраивается также иерархия ценностей. То, что российская власть является высшей ценностью, делает легитимными все ее решения и действия: *Мы не хотим раздела Украины, нам этого не нужно. Что касается Крыма, то он был и останется русским и украинским и крымско-татарским. Повторю: он будет как и был веками родным домом для всех живущих там народов, но он никогда не будет бендеровским. Крым – это наше общее достояние и важнейший фактор стабильности в регионе и эта стратегическая территория должна находиться под сильным, устойчивым суверенитетом, который, по факту, может быть только российским сегодня* [Обращение Президента РФ, 18.03.2014].

Риторичность новояза сильно напоминают апофеозные высказывания сторонников власти, а точнее приверженцев самого президента, напр: *Я вообще считаю, что наш президент всегда прав, потому что это наш президент* [К. Затулин; директор института стран СНГ; «Воскресный вечер»; телеканал Россия]; *Нашего президента я могу считать отцом нашего семейства. Или просто папой. [...] Любое государство — это семья. Семью нужно беречь; я считаю, что он хороший хозяин* [Р. Сябитова, ведущая телепередачу «Давай поженимся» на ТВ; «Собеседник»]; *Путин подарил чеченскому народу жизнь вторую! Аллах его назначил на это место... Путин – дар божий, он подарил нам свободу... Такой человек – находка для России. Пока у него есть здоровье, мы должны его просить, встать на колени, чтобы он правил государством* [Р. Кадыров; «Коммерсантъ-Власть»]. Некоторые из них звучат как лозунги: *Путин — это наше все* [Л. Слипка, член Госдумы]; *Путин – везде, Путин – все, Путин абсолютен, Путин незаменим* [А. Дугин, лидер Евразийского движения].

Как и все другие виды дискурса, политический дискурс тесно связан с экстралингвистическими факторами. В силу того, что не только внеязыковые обстоятельства формируют дискурс, но также дискурсивная практика оказывает влияние на форму речевых и неречевых политических и общественных действий [см. Wodak 2008: 189], столь важным представляются исследования политической коммуникации. Особенно коммуникации через средства массовой информации, которые делают возможными производство и «тиражирование» информации, и которые являются для масштабной аудитории источником достоверных сведений.

«Современный новояз» это не единственный язык, на котором можно говорить о политике [Głowiński 2009:152]. Однако теперь, еще сильнее чем в прошлом, новояз стал

символом политической принадлежности, исповедуемой идеологии, опознавательным знаком «своих» и «чужих». Новояз чаще применяется в период борьбы за власть или угрозы потери власти, во время важных мероприятий и событий, а также во время нарастающих конфликтов [Głowiński 2009:153, Mazur 2003:238]. Этим и можно объяснить высокую насыщенность современного политического медиадискурса элементами новояза. Не без значения остается и тот факт, что политика стала сегодня уделом всего общества и что она в значительной степени осуществляется посредством СМИ, язык которых также характеризуется стереотипностью, клишированностью и высокой аксиологизацией. Другой вопрос – это пропагандистская риторика в государственных российских масс-медиа. Ей дали название *киселевщина* – от фамилии телеведущего Д. Киселева, который в эфире программы «Вести недели» на телеканале Россия высказывается таким образом: *Да и Россия – единственная страна в мире, которая реально способна превратить США в радиоактивный пепел.*

Помимо всего, стоит отдавать себе отчет в том, что язык современного политического дискурса, в том числе политического медиадискурса, не монолитен и не поддается обобщениям, и настоящие положения выведены лишь из исследуемого фрагмента данного дискурса.

Литература

- Васильев А.Д. 2003 – От «новояза» – к «постновоязу». *А.Д. Васильев: Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления.* Москва.
- Горбаневский М. 2009а – О феномене нового новояза в России начала XXI века: к постановке проблемы. *Социальные варианты языка.* Ред. М.А. Грачев. Нижний Новгород.
- Горбаневский М. 2009б – Михаил Горбаневский: «Риторика – форма существования слабой власти». «Новая газета» № 62, 15.06.2009. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/arts/44726.html>
- Губайловский В.А. 2008 – Книжная полка Владимира Губайловского. *Новый мир*, №1. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/20Q8/1/gul8.html/
- Добросклонская Т.Г. 2014 – Массмедийный дискурс: теория и методы изучения. *Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования.* Ред. Е.А. Кожемякин, А.В. Полонский, А.Г. Ходеев. Белгород.
- Желтухина М.Р. 2003 – *Информативность и суггестивность масс-медиа дискурса.* В: *Русистика и современность. Языкознание 3.* Ред. М. Bobran. Rzeszów.
- Земская Е.А. 1996 – *Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества.* «Вопросы языкознания» № 3.
- Китайгородская М.В, Розанова Н.Н. 2003 – *Современная политическая коммуникация.* В: *Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация.* Ред. Л.П. Крысин. Москва.
- Клемперер В. 1998 – *ЛТИ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога.* Москва.
- Колесникова С.Н. 2011 – *Особенности политического дискурса и его интерпретация.* «Вестник Челябинского государственного университета» № 33.

- Кронгауз М. 2011 – *Слова теряют смысл*. Интервью с М. Кронгаузом. «Взгляд. Деловая газета» от 8.11.2011 <http://www.vz.ru/politics/2011/11/8/536630.html>
- Кронгауз М. 2014 – *Краткий курс новояза: 7 цитат из лекции Максима Кронгауза* <http://snob.ru/selected/entry/81241>
- Оруэлл Дж. 1989 – 1984. *Приложение. О новоязе*. Пер. В.П. Гольшев. Москва. http://orwell.ru/library/novels/1984/russian/ru_app
- Шейгал Е.И. 2000 – *Семиотика политического дискурса*. Волгоград.
- Bralczyk J. 2007 – *O języku propagandy i polityki*. Warszawa.
- Głowiński M. 2009 – *Nowomowa i ciągi dalsze. Szkice dawne i nowe*. Kraków.
- Mazur M. 2003 – *Propagandowy obraz świata. Polityczne kampanie prasowe w PRL 1956–1980*. Warszawa.
- Pisarek W. 2007 – *O mediach i języku*. Kraków.
- Puzynina J. 1997 – *Z niemieckich prac o języku polityki w warunkach demokracji*. В: J. Puzynina: *Słowo – wartość – kultura*. Lublin.
- Wodak R. 2008 – *Dyskurs populistyczny: retoryka wykluczenia a gatunki języka pisanego*. В: *Krytyczna analiza dyskursu. Interdyscyplinarne podejście do komunikacji społecznej*. Ред. А. Duszak, N. Fairclough. Kraków.

НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В ОБЛАСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

М. Карольчук

Университет в Белостоке, Польша

karolczuk.m@poczta.onet.pl

Усилившиеся в последние годы миграционные процессы, а также общение с помощью информационных технологий способствуют тому, что современное общество становится поликультурным, требующим от его субъектов терпимости и понимания в общении с представителями других национально-культурных социумов. Таким образом, выдвигаются новые приоритеты в области языкового образования в польской общеобразовательной школе – подготовка учеников к межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: русский язык, межкультурная коммуникация / межкультурное общение, компоненты межкультурного общения, функции общения

Следствием политических, экономических, технологических, а именно культурных мировых изменений является значительное усиление взаимосвязи и взаимозависимости людей, которое должно отражаться в поиске и развитии наиболее эффективных форм сотрудничества и расширении межкультурных контактов. В основе совместной деятельности лежит общение (коммуникация) на иностранном языке с представителями разных культур. Как подчеркивается, «в этом контексте наиболее значимым становится осознание человеком своего места и своей культуры в диалоге культур и цивилизаций общепланетарного сообщества в процессе сотрудничества и кооперации с другими людьми» [Сафонова, Марченко 2010:2]. В.В. Сафонова и Н.И. Марченко обращают внимание на то, что возможность и успешность соизучения языков, культур и цивилизаций зависит от внепедагогических и педагогических факторов. К внепедагогическим факторам относятся: политико-экономическая ситуация в геополитическом регионе, национальная политико-экономическая ситуация в геополитическом регионе, языковая политика, социальная среда (межкультурная, региональная, локальная), социокультурный аспект жизнедеятельности человека, географические факторы, лингвополитические факторы, экономические, технологические факторы, информационно-коммуникативные факторы. Педагогические факторы – это педагогическая среда (семейная, школьная, вузовская), образовательная вузовская политика, диапазон межкультурного взаимодействия в образовании, модель языкового образования в школе, вузе, после вуза, обучение вторым языкам в обществе (в том числе иностранным языкам) [Сафонова, Марченко 2010:2].

Цель данной статьи – обратить внимание на польский образовательный контекст обучения русскому языку и на этой основе попытаться доказать, что центральное место в процессе обучения иностранному языку должно занимать формирование способности ученика к участию в межкультурной коммуникации.

Обучение второму иностранному языку широко распространилось в школах Польши. Изучение русского языка как второго иностранного в Польше в обязательном порядке начинается с гимназии и может продолжаться в средней школе. Однако обучение второму иностранному языку, в том числе и русскому, в польской школе является сложным процессом, обусловленным наличием нескольких факторов [Карольчук 2014]. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что особенностью польского общества является ее монокультурность и одноязычность. Отсутствие ежедневного контакта с представителями других народов и культур усиливает естественную склонность воспринимать их поведение с позиции своей культуры. Непонимание менталитета другого человека, «непонимание чужого языка, символики жестов, мимики и других элементов поведения ведет к искаженному истолкованию смысла их действий, что порождает такие негативные чувства, как настороженность, презрение, враждебность» [Садохин 2010:133]. Во-вторых, глобальная значимость английского языка влияет на заинтересованность в изучении других иностранных языков. Популярность английского языка как средства международного общения способствует привлечению внимания учеников к его носителям, а также к лицам, говорящим на этом языке, и к производимому ими культурному содержанию. В литературе подчеркивается, что позиция учителей английского языка усиливается и, таким образом, изолируется позиция учителей других иностранных языков [Niemiec-Knaś 2010:426].

Перечисленные факторы не способствуют мотивации к обучению второму иностранному языку. Они могут быть даже причиной отрицательного отношения учеников к иностранному языку и представителям иной культуры. Как известно, роль иностранного языка, также в образовательном языковом контексте, определяется его статусом в обществе, государстве. Сегодня ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что наряду с английским языком должны изучаться другие иностранные языки, а государство и общество должны создавать для этого благоприятные условия. Мы согласны с Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез, что «богатством общества в условиях современной рыночной экономики развития информационных технологий становятся человеческие ресурсы, которые выступают в качестве основного стратегического фактора экономического и социального прогресса. В решении этой задачи важная роль отводится и языковому образованию как фактору, превращающему человека развитую личность и расширяющему его социальную и экономическую свободу» [Гальскова, Гез 2009:7]. Языковое образование развивает

интеллектуальные и познавательные способности ученика, развивает способность к самостоятельному изучению языков и рефлексивной оценке, обогащает личность в целом, обеспечивает социализацию, активизирует к участию в жизни государства, помогает найти хорошую работу [Никитенко 2010:7].

В соответствии с польской учебной программой основная цель обучения иностранному языку – эффективно общаться на этом языке. Такое определение цели тесно связано, по нашему мнению, с коммуникативной компетенцией, которая обозначает «сложный комплекс знаний, умений и навыков, который позволяет субъекту общения получать и добывать информацию, учиться, действовать и взаимодействовать с другими субъектами в определенной культурной среде» [Щепилова 2005:90].

В настоящее время целью обучения русскому языку как второму иностранному должна быть подготовка учеников к межкультурной коммуникации. В школьных условиях необходимо развивать способность и готовность к общению с представителем иной культуры. В литературе чаще всего термины «общение» и «коммуникация» рассматриваются как синонимы, например: «коммуникация – это акт общения между двумя и более индивидами, основанная на взаимопонимании; сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц» [Тер-Минасова 2000:12]. Существует и другой подход, в рамках которого разграничиваются понятия «общение» и «коммуникация» [Елизарова 2005]. Обращается внимание на то, что межкультурное общение отличается от коммуникации тем, что в ходе первого происходит не передача значения, а его создание. Однако следует сказать, что как в межкультурной коммуникации, так и в межкультурном общении их участники принадлежат к разным культурам, воплощающим различные системы ценностей и приписывающим разные значения одним и тем же словам [Г.В. Елизарова 2005:118-119].

Межкультурный аспект подготовки учеников к общению предполагает развитие способностей к пониманию и признанию другой культуры, к пониманию культурных и социальных особенностей поведения носителя языка.

Процесс подготовки к межкультурной коммуникации происходит путем освоения учеником иноязычного кода и развития его культурного опыта (отношение к себе, к миру, опыт его творческой деятельности). Необходимо подчеркнуть и то, что то, как он видит мир, всегда отражается в понятиях, сформированных на родном языке. Участник межкультурной коммуникации использует свой лингвокультурный опыт и пытается учесть иной языковой код, иные культурные нормы и осознает факт их чужеродности. Именно это обстоятельство «дает основание считать, что межкультурная компетенция охватывает в основном онтологический аспект становления личности, в то время как коммуникативная – ее языковые и речевые способности» [Гальскова 2004:4]. По мнению Н.Д. Гальсковой, цель

обучения иностранным языкам понимается как способность и готовность к адекватному взаимодействию в ситуациях межкультурного общения и состоит из трех взаимообусловленных аспектов: прагматического (формирование коммуникативной компетенции), когнитивного (использование иностранного языка как средства познания другой культуры и развития межкультурной компетенции и личности индивида) и педагогического (развитие самостоятельности, активности и эмпатии). Таким образом, содержание обучения иностранным языкам должно включать в себя фактологический, лингвострановедческий и ценностный аспекты, а также проблемы актуальные для современного мира (дискриминация, этноцентризм, национальные и военные конфликты, экология и т.п.). Подготовка ученика к межкультурному общению осуществляется на основе собственного мировидения учащегося и предполагает рефлексию его собственных ценностей [Гальскова 2004]. В межкультурной коммуникации каждый может или, по нашему мнению, должен выступать в роли посредника между родной и иностранной культурами. Такой посредник умеет оценить свою культуру, проанализировать ее «со стороны» [Андреева-Сюссен 2007:21].

Подготовка учеников к межкультурной коммуникации на уроках русского языка в польской школе должна учитывать три компонента: аффективный, когнитивный и умения [см. Гальскова 2008]. Аффективный компонент, важнейший компонент в процессе обучения русскому языку как второму иностранному, предполагает готовность и желание ученика видеть и понимать различие и общность в чужой и своей культурах. Аффективный компонент – это также способность открыто воспринимать другой образ жизни, понимать другую картину мира. В основе этого компонента лежат такие категории как эмпатия, толерантность, отношения к языку и представителям данной культуры. Отношения – это реакция индивида на определенное явление. Отношения к представителям иной культуры могут быть положительными или отрицательными. В качестве разновидностей понятия «отношение» выступают стереотипы и предрассудки. Слово «стереотип» было введено У. Липпманом в 1922 году и определено как «мыслительный образ» [Miñka 2012:59]. Стереотипы понимаются как убеждения о явлениях или личности и могут быть использованы для быстрой ориентировки в ситуации и характеристики людей – представителей разных групп [Куницына и др. 2001:311-312]. Г. В. Елизарова приводит следующие примеры: «Самым распространенным российским стереотипом, касающимся американцев, является представление об их ‘помешанности на деньгах’. Самым распространенным американским стереотипом, касающимся русских, является представление об их ‘беспорядочном пьянстве’» [Елизарова 2005:151].

Предвзгляд – это необоснованное негативное представление о другом человеке, базирующееся на опосредованном опыте индивида. Предвзгляд не меняется даже при наличии убедительных свидетельств, что данное представление является ошибочным [Куницына и др. 2001:338]. Г.В. Елизарова замечает, что «типичным предвзглядом американцев в отношении российских граждан является представление о последних как о пьяницах и снобах, гордящихся владением бесполезной информацией» [Елизарова 2005: 159]. Исследования Михулки показывают, что молодежь, в том числе и польская, не свободна от стереотипов и предвзглядов в своем поведении [Miłuńska 2012]. Таким образом, учитель должен умело и постоянно учитывать аффективный компонент в процессе обучения языку. Основными составляющими когнитивного компонента являются знания о родной культуре и культуре страны изучаемого языка. Этот компонент положительно влияет на аффективный. Необходимо подчеркнуть, что само знание об изучаемой культуре не готовит учащегося к межкультурной коммуникации. Третий компонент, относится к умениям и готовности открывать собственную и чужую культуры. В этот компонент входит также «рефлексия, обеспечивающая человеку сознательное освоение знаний о культуре инофона, оценку собственных эмоциональных реакций и состояний» [Гальскова 2008:6].

Нельзя не согласиться с И.Л. Андреевой-Сюссен [2007:21] в том, что общение предполагает взаимоотношения не культур, а людей, принадлежащих к этим культурам. Кроме того, собеседника надо воспринимать не как представителя данной культуры, но как партнера в деятельности, «национально-культурная принадлежность которого является важной, но не единственной его характеристикой». Другие подчеркивают, что необходимо формировать культурную компетенцию учащихся, потому что, ученик, изучающий русский язык «должен овладеть не только языком, но и научиться, если не думать по-русски, то понимать русских, понимать взгляд на мир своего собеседника из России» [Пенчева 2007:23]. Межкультурное общение, как отмечает Е.А. Рекичинская [2010:26], – это всегда межперсональное общение, в процессе которого один участник обнаруживает культурное отличие другого. Можно выделить несколько функций речевого общения. К ним относятся:

- функция воздействия,
- обеспечение предметно-практической деятельности человека,
- функция социализации [Громова 2010:36-39].

Функция воздействия означает совместную деятельность людей, т.е. деятельность одного индивида сильно связана с деятельностью другого. Осознание этого факта имеет особое значение в процессе подготовки учеников к межкультурной коммуникации, потому что, как отмечает Г.М. Андреева, «пересечение деятельностей и создает определенные отношения деятельного человека не только к предмету своей деятельности, но и к другим

людям» [Андреева 2000:79]. Другими словами, коммуникация формирует общность человека. Воздействующая функция общения людей обладает трехсторонней структурой: перцептивной, коммуникативной и интерактивной. Перцептивная сторона общения отражает процессы восприятия и познания друг друга, а затем происходит установление межличностных отношений и взаимопонимания. Коммуникативная сторона общения – это обмен информацией, передача и прием знаний, мнений, чувств. Интерактивная сторона общения отражает процессы обмена знаниями, мнениями, чувствами и действиями [Громова 2010:39].

Вторая функция (обеспечение предметно-практической деятельности человека) понимается как овладение деятельностью или как планирование ее [Каменская 1990:10]. Она «направлена на обеспечение единства целей и средств любой иной продуктивной деятельности, носящей общественный характер» [Громова 2010:37].

Третья функция общения – функция социализации, а именно вторичная социализация, по-нашему мнению, имеет важное значение в обучении второму иностранному языку. Как отмечает А.А. Леонтьев, в процессе общения происходит «межличностное и социальное воздействие на уже сложившуюся личность, направленное на изменение уровня знаний и умений, системы ценностей и т.п.» [Леонтьев 1999:175-176].

Подготовка учеников к межкультурному общению/ межкультурной коммуникации в школьных условиях является процессом сложным и уникальным. Г.В. Елизарова подчеркивает: «в отличие от родной культурной среды, даже позитивное отношение к чужим далеко не всегда ведет к положительным поведенческим проявлениям в силу отсутствия как знаний (когнитивный аспект) о способах выражения положительного отношения к иной культуре, так и навыков (конативный аспект) выражения такого отношения» [Елизарова 2005:149].

Подводя итог, можно заключить, что обучение русскому языку как второму иностранному в польской школе должно быть нацелено не только на формирование коммуникативной компетенции как способности эффективно употреблять иностранный язык, но также на подготовку к межкультурной коммуникации в процессе которой особое место занимает аффективный компонент. Реализация этой цели возможна при условии интенсивной познавательной активности ученика, поддерживаемого учителем.

Литература

- Андреева Г. М. 2000 – *Социальная психология*. Москва.
Андреева-Сюссен И. Л. 2007 – Другому как понять тебя? Обучение русскому языку в перспективе взаимоотношений родной и изучаемой культур. *Русский язык за рубежом*, № 2. С. 20-25.
Гальскова Н. Д. 2004 – Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам. *Иностранные языки в школе*, № 1. С. 3-8.

- Гальскова Н. Д. 2008 – Образование в области иностранных языков: новые вызовы и приоритеты. *Иностранные языки в школе*, № 5. С. 2-7.
- Гальскова Н. Д., Гез Н. И. 2009 – *Теория обучения иностранным языкам*. Москва.
- Громова Н. М. 2010 – *Деловое общение на иностранном языке: методика обучения*. Москва.
- Елизарова Г. В. 2005 – *Культура и обучение иностранным языкам*. Санкт-Петербург.
- Каменская О. Л. 1990 – *Текст и коммуникация*. Москва.
- Карольчук М. 2014 – Русский язык как второй иностранный в польской школе – трудности и вызовы. *Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet*, T. Soldatjenkova, L. Szypielewicz (red.). Leuven / Warszawa. S. 861-873.
- Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. 2001 – *Межкультурное общение*. Санкт-Петербург, Москва, Харьков.
- Леонтьев А. А. 1999 – *Психология общения*. Москва.
- Никитенко З. Н. 2010 – Школьное образование в Европе: современные тенденции языковой политики. *Иностранные языки в школе*, № 2. С. 2-10.
- Пенчева А. 2007 – Коммуникация на русском языке в межкультурной среде и проблемы обучения РКИ. *Русский язык за рубежом*, № 6. С. 21-23.
- Рекичинская Е. А. 2010 – Педагогическая модель и результаты опытно-экспериментальной работы по формированию готовности школьников к межкультурной коммуникации. *Иностранные языки в школе*, № 5. С. 26-32.
- Садохин А. П. 2010 – *Введение в межкультурную коммуникацию*. Москва.
- Сафонова В. В., Марченко Н.И. 2010 – Билингвальные образовательные программы как инструмент обновления содержания языкового школьного образования. *Иностранные языки в школе*, № 3. С. 2-14.
- Тер-Минасова С. Г. 2000 – *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва.
- Щепилова А. В. 2005 – *Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному*. Москва.
- Miłuła K. 2012 – *Rozwój kompetencji interkulturowej w warunkach szkolnych – mity a polska rzeczywistość (na przykładzie języka niemieckiego jako L3)*. Rzeszów.
- Niemiec-Knaś M. 2010 – *Nauczanie języka niemieckiego jako drugiego języka obcego. Zrozumieć innego. Współczesne problemy komunikacji międzykulturowej*, O. Glebova, M. Niemiec-Knaś (red.). Częstochowa.

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ МЭРА ГОРОДА РИГИ НИЛА УШАКОВА

Л.Г. Каширина

Балтийская международная академия, Латвия

sea_bird@inbox.ru

Данное исследование актуально в аспекте рассмотрения одного из основных положений анализа дискурса об осуществлении и конституировании политических реалий в дискурсе и через дискурс. Автор обращается к анализу публичных выступлений мэра столицы Латвии с целью выявления позиции лидера в его непосредственном политическом окружении в процессе решения текущих проблем и событий, вызвавших особый резонанс в обществе. В основе анализа лежит определение стратегий и тактик, формирующих интенции текстов выступлений, как структур, наиболее показательно отражающих специфику того или иного дискурса, существующего в системе массовой коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс, стратегии и тактики дискурса, публичные выступления, интенция

Анализ политического дискурса представляет собой достаточно наработанную практику исследований и опыт теоретических обобщений. Одним из основных положений анализа дискурса, по мнению большинства исследователей, является положение «об осуществлении и конституировании политических реалий в дискурсе и через дискурс» [Михалева, 2008, 21], поскольку дискурс осознается как «... речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990:136], а также как «форма социального поведения, которая служит для репрезентации социального мира (в том числе, знаний, людей и их социальных отношений)» [Филлипс, Йоргенсен, 2008:57].

Дискурсивный анализ «изучает структуры, выражающие «подстрочные» значения, мнения и идеологию, информацию, эксплицитно не представляемую через текст» [Шевченко, 2012:3]. Часть этой информации возникает из так называемых «культурно-очерченных сценариев, конвенциональных знаний, представлений о хорошо известных эпизодах социальной жизни и предполагает опору на соответствующие знания коммуникантов» [Шевченко, 2012:3]. Как отмечает большинство исследователей, в дискурсе отражены не только языковые формы высказываний, но содержится и оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их «фоновые» знания, имплицитно коммуникативные намерения и определяется социокультурная ситуация [Чернявская, 2006:78]. Главной целью анализа политического дискурса является выявление коммуникативных намерений того или иного политика, а также взаимодействия

политических субъектов и позиций политических оппонентов, соотношение политических сил в конкретной ситуации.

Мы обратились к анализу публичных выступлений мэра Риги, поскольку Нил Ушаков последние 10 лет (с 2005 года он возглавил политическое объединение «Центр Согласия» – далее «ЦС»), несомненно, является одним из наиболее влиятельных и популярных политиков Латвии.

Нил Ушаков ведет исключительно активную коммуникацию в масс-медиа, на его личном сайте «Нил» ежедневно публикуются его высказывания по разным вопросам. В первую очередь, это работа Рижской думы и его лично, а также обсуждение политических вопросов с позиций политобъединения «Центр Согласия». Мониторинг латвийских медиа и личного сайта Нила Ушакова убедительно показывает, что в информационном пространстве Латвии сформировано мощное информационное поле Нила Ушакова, которое представляет реальный интересный объект дискурс-анализа.

Нами был проведен дискурс-анализ достаточно большого массива текстов Нила Ушакова различной тематики, но наиболее интересными представляются публичные выступления в связи со значимыми в жизни Латвии событиями, вызвавшими особый резонанс в обществе. Это референдум о статусе русского языка (2012), обрушение торгового центра «МАХИМА» (2013), выборы в Европарламент (2014) и митинг по случаю празднования Дня победы 9-го мая (2015).

В политических кругах Латвии сформировано мнение о том, что «ЦС» – партия, отстаивающая интересы русскоязычного меньшинства. Однако официальной доктриной партии «Центр согласия» является «создание политической силы, в которой бы на равных правах выступали русскоязычные жители Латвии и латыши» [Интернет1]. Эта доктрина активно озвучивается в медиа членами политического объединения ЦС в связи с различными поводами, прежде всего, в период предвыборных кампаний.

Анализ публичных выступлений Нила Ушакова показал, что именно эта доктрина (необходимость единства русских и латышей в политике и жизни общества) является основой построения дискурсивных стратегий и тактик. Известно, что политический дискурс реализует следующие цели: кратологические – утверждение властных позиций, что, в свою очередь, связано с формированием политического электората; социетальные – объединение значительной части общества на основе политических и социальных программ; создание картины мира с точки зрения определенных политических позиций. Целью дискурс-анализа стало выявление реальной позиции лидера в его непосредственном политическом окружении в процессе решения текущих проблем и событий. Из различных методик дискурсивного анализа, разработанных во 2-й половине XX века [Т. Ван Дейк, М. Фуко, Ж. Лакан,

Л. Йоргенсен и М. Филлипс и др.], нами использована методика определения стратегий и тактик, формирующих интенции текстов выступлений, которая, на наш взгляд, наиболее точно позволяет определить специфику конкретного высказывания и его принадлежность к существующим видам дискурса: политического, рекламного, дискурса в сфере связей с общественностью и т.д. Кроме того, данная методика опробована на занятиях в ВУЗе в учебном курсе «Анализ дискурса» и позволяет говорить о ее эффективности в процессе освоения студентами понятия дискурс.

Наиболее показательной с точки зрения реализации традиционных для политического дискурса стратегий и тактик, стала речь Нила Ушакова в связи с трагедией обрушения торгового центра «МАХИМА» в Риге в ноябре 2013 года.

Заголовок «Гордость и стыд», под которым речь вышла в медиа, обозначил программный политический характер выступления, в котором Ушаков ярко, эмоционально и исключительно продуманно определил свое положение на политической арене Латвии. Основной вектор речи составляет риторическое противопоставление «народ-политики».

Большинство исследователей политического дискурса считают, что важнейшую роль в формировании интенции (как возможности выражения намерения говорящего) в политической коммуникации играют стратегии «на повышение», «на понижение» и «театральности» [Михалева, 2008:42-57].

Стратегии «на повышение» и «на понижение» реализуют противопоставление «свои – чужие», отражающие состояние политической борьбы. Стратегия театральности подразумевает построение речи с участием субъекта (оратор)-объекта (политический противник) и зрителей (как правило, единомышленники автора выступления).

В речи «Гордость и стыд» стратегия «на повышение» реализуется в тактике «презентации» (представление в положительном ключе) народа и президента: *Я горжусь, что живу в стране, где все люди, вне зависимости от национальности, социального статуса, возраста, сплотились перед лицом самой страшной в новейшей истории Латвии трагедии. Я горжусь президентом, который все эти дни ведет себя не как политик, а как государственный деятель. Нашей стране этого давно не хватало* [Интернет 2].

Характерно, что в данном тексте стратегия «театральности» реализуется не только как акт политического выступления, но конкретизируется в тактиках размежевания и самооправдания, когда Нил Ушаков определяет принципиальное различие личной и, соответственно, политической оценки трагедии в ТЦ «МАХИМА»: *Одновременно мне до омерзения стыдно, что я принадлежу к той группе людей, которые называются политиками.*

Стратегия «на понижение» используется для создания образа ведущих политиков Латвии как «чужих». Данная стратегия реализуется в тактиках «обвинения» и «обличения». Действия известных политиков представлены тактикой прямого обвинения:

Спикер Солвита Аболтиня приходит на похороны спасателей. А всего несколько месяцев назад правое большинство депутатов Сейма, который она возглавляет, проголосовало против социальных гарантий спасателям.

Бывший президент страны и создатель Партии реформ Валдис Затлерс во время траура со словами, что в эти дни нужно быть солидарными, уезжает на показ мод в Вильнюс.

Пикет с требованиями отставки руководства Рижской думы организывает ее бывший депутат Янис Мартиньш Скуя, который не был переизбран на последних выборах. И который еще несколько лет назад был осужден за дачу взятки работнику Рижской думы. Адвокат Алдис Гобземс, который является активистом одной из новых партий и, судя по всему, собирается баллотироваться на выборах в Сейм, в одночасье становится защитником погибших. Министр экономики Даниэль Павлютс, который недавно был главным сторонником еще большей либерализации закона о строительстве, теперь вдруг обещает резко закрутить гайки. В данных фрагментах текста тактика «обвинения» построена на перечислении фактических действий названных политиков, предъявлении объективной информации.

Тактика «обличения», где выражена резко отрицательная оценка моральной стороны действий политиков, усиливает развертывание стратегии «на понижение»: *Такой разгул лицемерия, двуличия, подлости и лжи, как сейчас, я вижу в первый раз.*

«Единству», националистам, реформистам и еще некоторым отдельным активистам удалось поставить новый рекорд в своей вакханалии.

В тот день, когда проходят похороны спасателей, первые лица правых партий уже сидят в эфире и обсуждают, по сути, распределение кресел в новом правительстве. Какому нормальному человеку вообще может прийти в голову идея говорить об этом в день похорон?

В данных фрагментах тактика «обличения» строится на использовании лексики с резко отрицательной семантикой: *разгул лицемерия, двуличия, подлости и лжи, рекорд в своей вакханалии*. Построение фигуры речи с риторическим вопросом усиливает негативную оценку действий политиков в реализации тактики «обличения».

Собственная позиция автора выражена в тактике «самооправдания», как составляющей стратегии «театральности»: *Я действительно сейчас выражаюсь эмоционально. Но за последние дни наболело. И если говорим о «наболело», то я должен воспользоваться*

возможностью и извиниться перед журналистами. За то, что после брифинга во вторник не стал отвечать на их вопросы. Никогда не поворачивался к журналистам спиной. Но в это раз не было сил о чем-либо говорить после очередных похорон.

С точки зрения методики анализа дискурса, в тексте важны формы выражения собственной личностной позиции говорящего, что существенно в реализации стратегии театральности. В речи «Гордость и стыд» это частотность перформативов: *я горжусь, мне до омерзения стыдно, я...выражаюсь эмоционально, я должен...извиниться*. Перформативы поддерживают искренность и открытость позиции Ушакова, как мэра и лидера партии, перед своими избирателями и горожанами. Выступление Ушакова «Гордость и стыд» построено по всем канонам риторики, где приемы выразительности становятся текстовой тканью для формирования дискурсивных тактик и стратегий, отражающих политические позиции автора.

Также данные приемы Ушаков активно использует в программных речах, выстраивая интенцию «свои – чужие» на риторическом противопоставлении «народ – политики». В аспекте дискурс-анализа это противопоставление представлено тактиками «размежевания», «обвинения» и «обличения» с использованием лексики с ярко негативной семантикой. Так, в речи по поводу референдума о статусе русского языка в Латвии (февраль 2012): *прикрываясь национализмом, они довели страну до уровня самой бедной провинции Европы, ...а значительная часть их тех, кто остался в стране, живет в беспросветной нищете, кстати, касается это и латышей и русскоязычных. Но зато правящие политики могут позволить себе и сейчас в 2012 году говорить о незаконных колонистах, о том, что русские бывают хорошие и плохие, о том, как классно было бы части русских уехать в Россию и о том, что наших детей нужно ассимилировать* [Интернет 3].

В свою очередь, дискурсивный анализ значимых публичных выступлений Ушакова показывает, что в них активно продвигается главная политическая доктрина партии «ЦС», в основе которой идея единства народов Латвии, взаимодействия и поддержки политиков. В реализации этой идеи в текстах выступлений наиболее активно используется тактика «кооперации», которая, в свою очередь, является значимой в формировании стратегии «театральности», как ключевой в политическом дискурсе. На лексико-грамматическом уровне данная тактика создается, по преимуществу, местоимением «мы» и его косвенными формами, а также глаголами 1-го лица множ. числа. Приведем наиболее яркие примеры речевой реализации тактики «кооперации» в выступлениях Нила Ушакова. В заключение речи 9-го мая 2015 года Ушаков обратился к участникам праздничного митинга как на русском, так и на латышском языке, что, безусловно, проявило тактику «кооперации» не только на лексико-грамматическом, но и на концептуальном уровне высказывания:

Un tādu, kā mēs, ir daudz - gan Rīgā, gan Latvijā. Simtiem tukstošu. Mēs mīlam Rīgu, mēs mīlam Latviju. Mēs esam savas valsts patrioti.

Bet Uzvaras dienu mēs atzīmēsim arī 9.maijā. Jo tas ir mūsu pienākums mūsu vēctēvu priekšā. Jo cilvēki, kas neciena savus karavīrus, paši nav pelnījuši lai viņus kāds cienītu.

День победы мы отмечаем 9 мая, потому что мы гордимся своими дедками, прадедками, которые победили самое страшное зло, которое было на свете – нацизм.

И всегда будем гордиться. Потому что для нас именно ветераны являются единственным примером — как прожить жизнь правильно. Скажем им спасибо — за то, что спасли тогда. И за то, что учите нас сейчас. С днем победы, Рига!

[Интернет 4]

Также тактика «кооперации» является одной из ключевых, организующих дискурс речи Ушакова по поводу референдума о статусе русского языка в Латвии (февраль 2012):

Чем больше людей проголосует «за», тем яснее мы покажем, что нарыв действительно вскрыт, но рану-то теперь надо лечить. Нам не нужна конфронтация после референдума. Нам нужен диалог, благодаря которому мы сможем сплотить общество и сделать нашу страну сильной и благополучной. И люди Латвии вне зависимости от родного языка, к этому диалогу уже готовы.

Подводя итоги дискурс-анализа программных политических публичных выступлений Нила Ушакова, можно утверждать, что в них полностью реализуется политическая позиция лидера, основанная на открытости, ясности политической позиции, уверенности в поддержке населения и электората.

Также выявлены результаты, коррелирующие с основными задачами дискурс-анализа политических текстов, связанные с определением экстралингвистических социо-культурных и политических условий, известных коммуникантам.

В данном случае проведенный дискурс-анализ позволяет утверждать, что социально-политические факторы, формирующие основные интенции публичных выступлений мэра Риги Нила Ушакова, можно определить следующим образом:

- политический фон – противостояние и борьба политических партий;
- соотношение политических сил – прочность завоеванных позиций, уверенность в своих силах Нила Ушакова как лидера политобъединения «Центр Согласия»;
- ожидания автора – поддержка общества и избирателей;
- ожидания аудитории – честность и открытость политика;
- скрытые мотивы и намерения – укрепление политических позиций; критика сторонников разделения общества (политической оппозиции); установление

согласия и единства между латышами и русскоязычными во имя общей цели – благополучия народа и процветания Латвии.

Таким образом, дискурсивный анализ стратегий и тактик политических выступлений позволяет выявить ключевые интенции автора, позиции коммуникантов и основные условия осуществления политической коммуникации.

Литература

- Арутюнова Н. Д. 1990 – *Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.
- Йоргенсен, Марианне В., Филлипс, Луиза Дж. 2008 – *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Москва.
- Михалева О. Л. 2008 – *Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия*. Москва.
- Чернявская В. Я. 2006 – *Дискурс власти и власть дискурса*. Москва.
- Чудинов А. П. 2008 – *Политическая лингвистика*. Москва.
- Шевченко А. Ю. 2012 – *Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации*. Самара.

Интернет-ресурсы

- www.lpplc.lv/partii-latvii/centr-soglasiya
- <http://rus.delfi.lv/news/daily/versions/nil-ushakov-gordost-i-styd.d?id=43862292>
- <http://www.mixnews.lv/arhiv>
- <https://www.youtube.com/watch?v=zRyeZPENQeA/lenta.ru/lib/14199586/>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПО БУХУЧЕТУ

Л.М. Кныш-Крюков

Тартуский университет, Эстония

lkrjukov@tmk.edu.ee

Статья посвящена вопросам использования современных электронных средств и технологий, позволяющих максимально индивидуализировать и оптимизировать учебный процесс. Помимо текстовой и графической информации, разработанный автором публикации материал может содержать аудио- и видеофайлы, которые способствуют вовлечению студентов в иноязычную речевую деятельность. Предложенные задания в виде соединения пар, интерактивного перевода, решения кроссвордов, тестовых упражнений и др. форм обучения делают процесс усвоения РКИ интересным, эффективным, разнообразным, повышают мотивацию учащихся. Применяемые методы и приемы способствуют индивидуализации темпа обучения, не привязывая учащегося к месту и времени проведения занятий. Предлагаемая автором статьи система заданий позволяет учащемуся получить мгновенную обратную связь и при необходимости предоставляет возможность повторно выполнить упражнение.

Ключевые слова: электронное обучение, eXeLearning, HotPotatoes, аудиоматериал, видеоматериал, автоматическая обратная связь

Для создания аттрактивной учебной среды и организации качественного учебного процесса учитель старается использовать различные методы и средства. Учащиеся все чаще пользуются мобильными и компьютерными устройствами для получения и обработки интересующей их информации. Внедрение электронного обучения позволяет заинтересовать учащихся в учебной деятельности и разнообразить педагогические приемы. Данная форма обучения предполагает использование различных форматов методических ресурсов и выступает в качестве поддержки учебного процесса. Если говорить об интенсификации учебного процесса, то именно современное программное обеспечение позволяет при небольшом количестве аудиторных часов и большом объеме учебного материала сформировать профессионально ориентированные навыки и умения, позволяет учесть индивидуальные потребности, интересы учащихся и их когнитивные способности, регулирует способы подачи учебного материала и стимулирует вовлечение студентов в иноязычную речевую деятельность. Предложенный подход помогает не только разнообразить учебный процесс, но и создает индивидуальную тренировочную базу для отработки полученных языковых навыков.

Для изучения и отработки русскоязычной терминологии по «Бухгалтерскому учету» (*Majandusarvestuse terminoloogia*) на базе программ *eXeLearning* и *HotPotatoes* был создан электронный объект, рассчитанный на 6 уроков по 45 минут⁸. В учебных материалах используется родной язык учащихся – эстонский, выступающий в роли языка-посредника. Учебный объект находится в открытом доступе по адресу http://materjalid.tmk.edu.ee/lilia_knos-krjukov/Majandusarvestus/index.html.

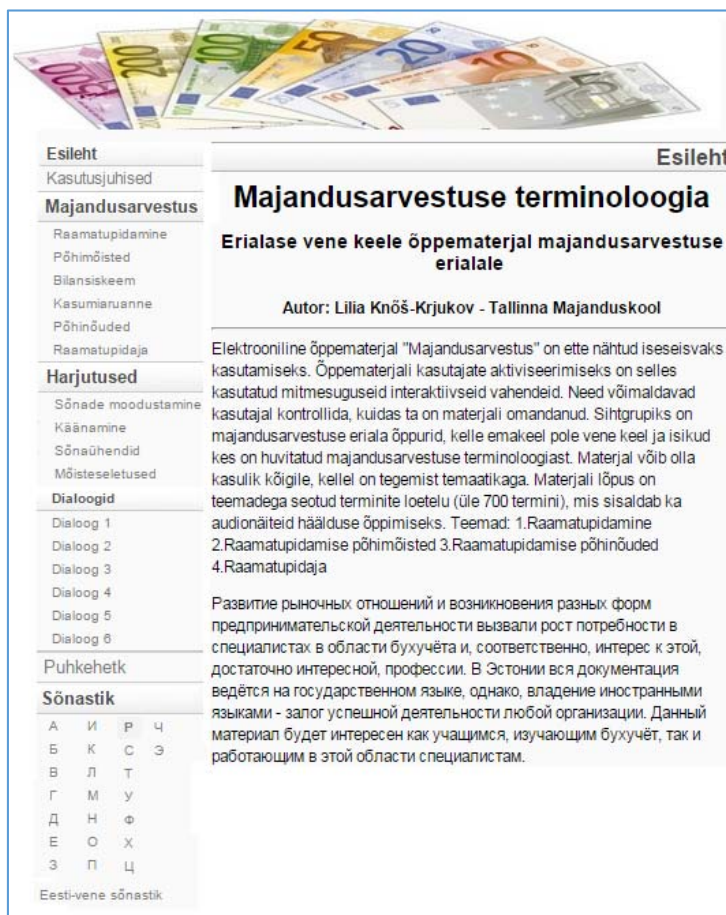

Иллюстрация 1. Главная страница электронного учебного объекта

Навигация по учебному объекту реализована посредством расположенного с левой стороны многоуровневого содержания. Оно доступно для учащихся в любой момент вне зависимости от того, какая часть учебного материала прорабатывается. Во избежание возможных технических проблем в начале объекта представлено видео-руководство по использованию мультимедийных средств (*Kasutusjuhised*).

Учебный материал можно условно поделить на несколько частей. Раздел *Majandusarvestus* (*Бухгалтерский учет*) предназначен для увеличения активного словарного запаса по изучаемой теме. В данном учебном объекте использован текстоцентрический подход, поскольку язык существует прежде всего в тексте. Для этого вниманию учащихся

⁸ При изучении профессионального языка по бухгалтерскому учету рекомендуется пройти общий курс изучения русского языка и достичь уровня A2 / B1

предлагаются тематические документы, которые даются целиком, чтобы развивать у студентов навыки прогнозирования и догадки, столь необходимые им при чтении любых текстов. Использование различных визуальных эффектов (выделение ключевых фраз другим цветом, расположение информации в таблице и т.д.) способствует лучшей проработке и систематизации изучаемого материала.

Электронное обучение также позволяет решить проблему обратной связи. В конце каждого упражнения имеется кнопка (*Saada*), при нажатии на которую реализуется мгновенная проверка правильности выполнения предложенного задания. Зеленый фон ячейки означает верный ответ, красный же указывает на наличие ошибки. Учащиеся сразу видят свои результаты, обращают внимание на моменты, требующие дополнительного изучения.

При необходимости упражнения можно выполнить снова (*Alusta uuesti*) и/или посмотреть правильные ответы (*Näita vastused*). При желании все задания могут быть распечатаны и использованы как тренировочный бумажный вариант в случае отсутствия доступа к электронному объекту.

Для определения качества самостоятельного усвоения терминологии и активизации полученного словарного запаса предлагаются небольшие задания.

Блок *Harjutused (Упражнения)* содержит целый ряд различного рода и формы заданий на закрепление изученного материала:

- словообразование с последующим переводом полученного слова на эстонский язык;

Sõnade moodustamine ja nende vasted
Kasutades toodud sõnalõppe moodusta venekeelsed sõnad ja seejärel leia nende eestikeelsed vasted.

ка | ход | биль | женность | ска | ды | обложение | ность | лог | ризация | тер | щество | ка

Отчёт	ность	Aruandlus
Ставка	ка	Määr
Налогообложение	обложение	maksud
Бухгалтер	тр	
Неустой	_____	_____
Задол	_____	_____
До	_____	_____
Иму	_____	_____
Инвента	_____	_____
Расхо	_____	_____
Выпи	_____	_____
На	_____	_____
При	_____	_____

Alusta uuesti Näita vastused

Your score is 5/26.

Tegusõnast nimisõna
Moodustage tegusõnast nimisõna ja pange sõnad õigesse vormi!

Вести бухгалтерский учёт	Ведение	бухгалтерск	ого	учёт	а
Составить годовой отчёт	Составление	годов	ой	отчёт	
Перечислить указанную сумму на счёт	перечисление	указанн	ой	сумм	ы
Проводить ежегодную ревизию	_____	ежегодн	_____	ревиз	_____
Документировать экономические сделки	_____	экономическ	_____	сдел	_____
Контролировать доходы и расходы фирмы	_____	доход	_____	и расход	_____

Alusta uuesti Näita vastused

Your score is 6/18.

Иллюстрация 2. Словообразование и их эстоноязычные соответствия.
Образование отглагольных существительных

- перевод слов, словосочетаний или предложений – например, *hinnakiri* – **прейскурант**, *raamatupidamisega tegelema* – **заниматься бухгалтерским учетом** или *Teatage mulle oma isikukood!* – **Сообщите мне ваш личный код!**
- образование отглагольных существительных – например, *vesti бухгалтерский учет* – **ведение бухгалтерского учета** или *составить годовой отчет* – **составление годового отчета**;
- склонение предложенных слов, учитывая контекст – например, *заниматься (бухгалтерский учет)* – **заниматься бухгалтерским учетом** или *система учета и контроля* (с.м. нижеприведенную иллюстрацию);
- спряжение глаголов – например, *составлять* или *вести*;
- составление предложений из предложенных слов – например, *сумму, департамент, подоходного, возвращает, налога, переплаченную, налоговый*.
- задание на проверку уровня усвоенности материала;

Sõnalõpud lauses
Lisa sõnalõpud vastavalt lause sisule!

Вы хотите получить долгосрочн **ую** ссуд **?** Заполните бланк платёжн **ые** поручен **ие**. Вам нужно принести выписку из банка. Вы уже определили общую величин **у** расходов? Подготовьте отчёт о доход **ах** и расходах фирмы (мн.ч.) В ходе ревизии была обнаружена недостач **а** товара. Нужно внести арендную плат **у** за данное помещение. Назовите величину прибыли полученной от реализации товар **а**. Косвенные затраты включают расходы на аудиторск **ие**, консультационн **ые** и юридическ **ие** услуги. Истекает срок уплаты налог **а**. Сумма невозмещённ **ого** ущерба составила 2134 евро. Укажите общ **ую** себестоимость произведённ **ого** продукц **ии**. Организация инвестировала средства на приобретение долгосрочн **ого** актив **а** (мн.ч.). Сообщите величину дебиторск **ую** задолженност **ь**.

Your score is 4/21.

Sõnalõpud
Täienda järgnevat teksti sulgudes olevate sõnaühendite õigete vormidega. Arvud kirjuta välja sõnadega.

Я хотел бы ознакомиться с (годовой отчёт) **годовым** **отчётом**. Скоро инвентаризация, вы привели в порядок (бухгалтерские документы) **бухгалтерские** **документы**.
? Проверьте, ликвидировала ли фирма (дебиторская задолженность) **дебиторскую** **задолженность**. В данной организации хорошо организовано ведение (бухгалтерский учёт) **бухгалтерский** **учёт**. Учёт (основные средства) **учёт** ведётся не совсем корректно. Какой документ составляется после проведения (ежегодная инвентаризация) **инвентаризация**. Все документы надо представить к (25, октябрь) **25 октября**. Где мне можно получить (справка о зарплате) **справка** **о зарплате**? Предъявите, пожалуйста, (заверенная копия документа) **заверенная копия документа**. Какой сейчас размер (минимальная заработная плата) **минимальная заработная плата**.
? Покажите мне (товарно-транспортная накладная) **товарно-транспортная накладная**.

Your score is 7/26.

Иллюстрация 3. Окончания слов (в предложениях)

- цель следующего упражнения – проверить владение базовыми терминами по теме. Задание также составлено с обратной интерактивной связью.

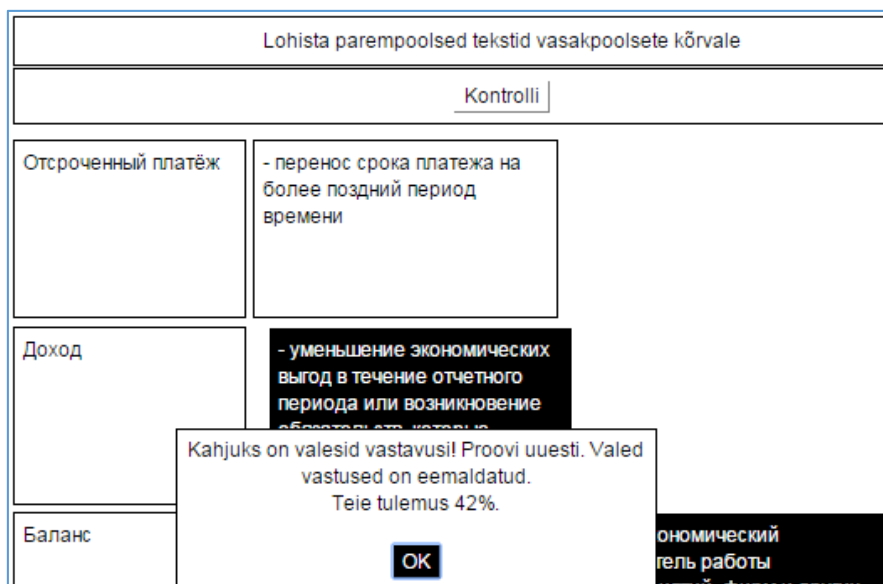

Иллюстрация 4. Соедини термины с определениями

Для решения коммуникативных задач обучения РКИ придерживаются практической направленности, поэтому студентов вовлекают в учебные речевые ситуации, которые смоделированы на основе реальных потребностей речевого общения. Как известно, аудирование способствует активизации памяти и овладению звуковой, грамматической и лексической сторонами изучаемого языка. Имеющиеся в учебном объекте записанные аудиодialogи способствуют развитию навыков понимания на слух иноязычной речи по данной тематике. Работа с диалогами организована таким образом, что вначале дается блок ключевых слов с переводом на родной язык учащегося. Далее звучит аудиозапись, где обсуждается типовой случай из бухгалтерской практики. При желании учащиеся могут остановить запись в любой момент, продолжить прослушивание с нужной части диалога или начать все с первой секунды. На основании услышанной в диалоге информации студенты могут заполнить пропуски как в самом диалоге, так и в представленных упражнениях на понимание заданной ситуации. Таким образом, комбинированный метод, используемый в данном объекте, позволяет закрепить навыки слушания, чтения, письма и говорения.

Dialog 4
 Kuula dialoogi ja täida järgnevas tekstis lüngad.

1. DIAL4.MP3

- Здравствуйте! Меня зовут Мария Кузнецова.
 - Здравствуйте! Заходите и **присаживайтесь** .
 - Я - _____ - физическое лицо. Я не знаю как **составить** счёт _____ .
 - Да, пожалуйста. Что именно Вас интересует?
 - Вы не могли бы объяснить, как **выщитывать** налог с оборота?
 - Конечно. Вы являетесь **плательщик** налога с оборота?
 - Да, только поздно _____ как плательщик налога с оборота.
 - Если Вы составляете счёт по продаже эстонским клиентам, Вы должны будете _____ налог с оборота в 20% -ов, но если составляете счёт клиентам, страна которых является _____ Европейского Союза, то налог с оборота составит 0%-ов.
 - Вы не могли бы мне дать несколько **образец** счетов?
 - Конечно. Вы можете взять один _____ .
 - Спасибо за информацию. До свидания.
 - Не за что. До свидания.

Alusta uuesti Näita vastused

Your score is 2/13.

Vali õige väide lähtudes dialoogi tekstist
 1. väide

Мария Кузнецова – бухгалтер фирмы
 Мария Кузнецова – предприниматель

Иллюстрация 5. Прослушай диалог и заполни пробелы в тексте.
 Выбери подходящий ответ, опираясь на текст диалога

В учебном объекте имеется словарь (*Sõnastik*), который содержит более 760 слов. Каждое слово в русско-эстонском варианте оснащено аудиозаписью, что позволяют студентам овладеть техникой произношения иноязычных слов-терминов с элементами глагольного и именного управлений.

Terminid B

Баланс – bilanss
 годовой баланс – aastabilanss
 заключительный баланс – lõppbilanss
 квартальный баланс - kvartalibilanss
 (чего?) – предприятия – ettevõtte bilanss
 балансовый – bilansiline, bilansi-
 балансовая прибыль – bilansiline kasum
 балансовая стоимость – bilansiline maksumus
 балансовые показатели – bilansinäitajad
 балансовый убыток – bilansiline kahjum
Банкротство – pankrotistumine, pankrot
 (чего?) – фирмы – firma pankrotistumine
 на грани банкротства – pankroti äärel

Иллюстрация 6. Термины

Предложенный электронный материал позволяет каждому учащемуся выбрать свой темп, время и место для самостоятельного прохождения темы. Нижеприведённая иллюстрация, созданная средствами сервиса посещений *Google Analytics*, показывает мобильность учащихся при изучении учебного материала за 2011-2015 года.

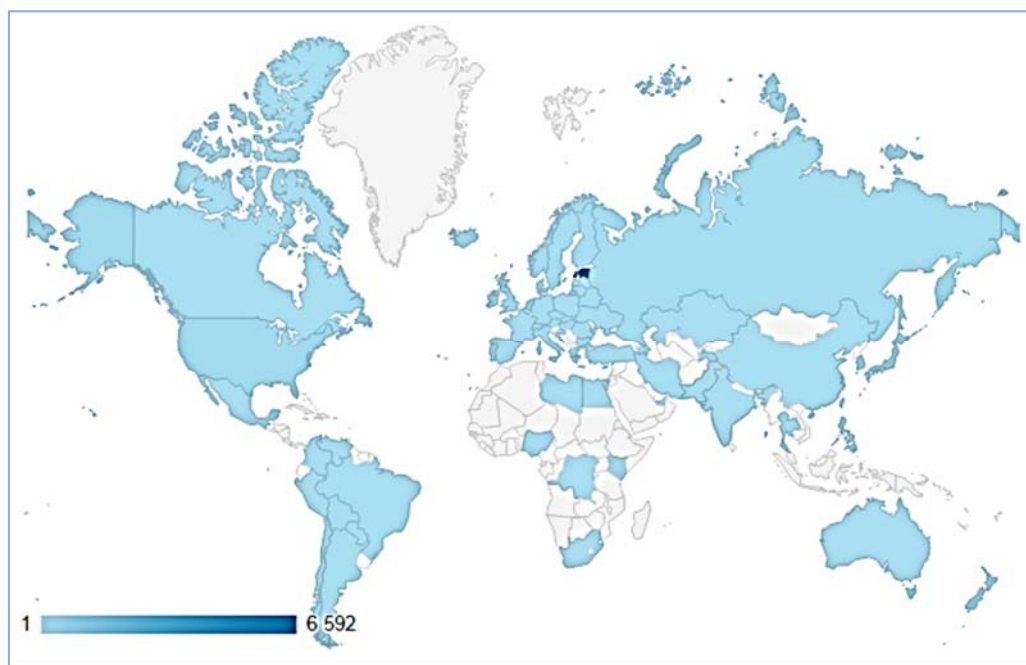

Иллюстрация 7. Просмотр учебного материала из различных уголков мира

Возможности различных компьютерных программ способствуют созданию учебных объектов, в которых учитываются когнитивные особенности учащихся при изучении иностранного языка, отрабатываются разные аспекты речи (аудирование, чтение, письмо, говорение), используются различные обучающие формы деятельности для увеличения активного словарного запаса и обыгрывания типовых профессиональных ситуаций. При этом современные технологии позволяют обеспечить доступ к учебным материалам не только с персональных компьютеров, но и со смартфонов.

Персональный компьютер			Смартфоны		
Операционная система	Сеансы	Сеансы, %	Операционная система	Сеансы	Сеансы, %
1. Windows	6 056	79,84 %	1. Android	401	57,20 %
2. Macintosh	591	7,79 %	2. iOS	271	38,66 %
3. Android	401	5,29 %	3. Windows Phone	13	1,85 %
4. iOS	271	3,57 %	4. Windows	10	1,43 %
5. (not set)	136	1,79 %	5. SymbianOS	4	0,57 %
6. Linux	111	1,46 %	6. Bada	1	0,14 %
7. Windows Phone	13	0,17 %	7. Playstation Vita	1	0,14 %

Иллюстрация 8. Просмотр учебных материалов с различных устройств

Предложенная разработка электронного материала помогает приблизить учебную деятельность по овладению иностранным языком к естественным условиям общения, способствует формированию необходимой профессионально ориентированной лексики, коммуникативных навыков и умений.

Литература

Sky Laser Advertising Group, CD-сборник 2010. *Raamatupidamise sise-eeskiri – Внутренние правила бухгалтерского учёта*. Tallinn.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

Е.Ф. Коледова, О.Г. Розова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия
koledovakatyua@mail.ru*

Данная работа посвящена анализу фонетической интерференции русских переднеязычных щелевых и заднеязычных взрывных согласных в русской речи носителей нидерландского языка, а также способам преодоления ее негативного влияния. Для наиболее эффективного устранения нарушений в иностранной речи студентов, необходим сравнительный анализ фонетических систем родного и изучаемого языка. В данном исследовании сравниваются фонетические системы русского и нидерландского языка. Понятие *фонетической интерференции* рассматривается с точки зрения современных исследователей. Для объективности исследования производится фонетический эксперимент, в результате которого были получены фонетические реализации изучаемой группы согласных. Полученные результаты сгруппированы в соответствии с классификацией У. Вайнрайха. На основании данных, полученных в результате эксперимента, разработаны рекомендации по постановке звуков в аудитории носителей нидерландского языка и составлена система упражнений на отработку дифференциации проблемных звуков.

Ключевые слова: консонантная система, корректировка, нидерландский язык, пути преодоления интерференции, русский язык, согласные, фонетическая интерференция

Термин «интерференция» впервые был применен в лингвистике учеными Пражского лингвистического кружка. Несмотря на то, что как в России, так и за рубежом, имеется большая лингвистическая и методическая литература по проблеме интерференции, среди исследователей пока еще нет единого общепринятого понимания сущности этого явления. Понятие интерференции в различных лингвистических и методических работах трактуется неоднозначно. В.А. Виноградов определяет интерференцию как «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка» [Виноградов 1990:197]. Н.А. Любимова пишет об интерференции следующее: «Думается, что в действительности феномен интерференции сочетает в себе и механизмы, и процесс, и результат. Другими словами: языковая интерференция - это механизм, под которым подразумевается совокупность психофизиологических закономерностей объясняющих причины по отношению к процессу взаимодействия и его результату» [Любимова 2006:11].

Таким образом, интерференция является по сути своей влиянием первичной языковой системы на вторичную или наоборот, поэтому в научной литературе принято различать

отрицательную интерференцию и положительную. «В основе как положительного, так и отрицательного переноса лежит разная степень сходства явлений действующих языковых систем. И в том, и в другом случае элементы одной языковой системы вносятся в речь на другом языке. Необходимо отметить, что перенос всегда обусловлен взаимодействием универсального и специфического, присущих данным языковым системам» [Любимова 2006:15]. Там же Н.А. Любимова пишет о том, что положительная интерференция является довольно редким явлением в силу специфичности конкретного языка. Содержание понятия «интерференция» зависит от того, какая сторона изучаемого языка подвергается ее действию. Для каждого конкретного случая это понятие должно отражать специфику определенного компонента языка и его уровня: фонетики, грамматики или лексики. В данной статье рассматривается фонетическая интерференция русских переднеязычных щелевых и заднеязычных взрывных согласных в русской речи носителей нидерландского языка, а также способам преодоления ее негативного влияния.

Нам представляется целесообразным принять за опорное определение фонетической интерференции, предложенное Н.А. Любимовой: «фонетическая интерференция есть, прежде всего, нарушение вторичной языковой системы и её нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонологических систем и произносительных норм двух (а иногда и более) языков, проявляющегося через интерференцию слуховых и произносительных навыков, сформированных на базе данных взаимодействующих систем» [Любимова 1985:20]. Ключевым в данном определении является упоминание произносительных систем двух и более языков, так как в современном мире, как правило, в языковом сознании индивида сосуществует несколько языков: родной язык, английский язык, еще один неродной язык. В этом случае невозможно говорить только о влиянии родного языка на изучаемый, так как вторичная языковая система также будет влиять на усвоение нового языка.

Отклонения в произношении, обусловленные интерференцией, сопровождают изучение любого иностранного языка и являются прогнозируемыми. По мнению У. Вайнрайха, наилучшей исходной ступенью описания поведения билингва является сопоставительный анализ двух, находящихся в контакте, звуковых систем. Данный анализ должен базироваться на сравнении систем родного и русского языков при сознательном «отталкивании», по образному выражению Л.В. Щербы, от родного языка. Системность и предсказуемость фонетических нарушений речи на неродном языке делают возможным устранение ошибок при использовании сознательной опоры на родной язык (прогнозирование акцента).

Описание отклонений в произношении, возникающих в процессе фонетической интерференции, необходимо производить систематически. Исследователи выделяют два типа возникающих отклонений в произношении: фонетические и фонологические, или фонематические ошибки. Фонетические ошибки искажают качество звучания, но не нарушают смысл высказывания, а фонологические ошибки искажают содержание высказывания. Несмотря на большое количество исследований, посвященных данному вопросу, в методике преподавания русского языка как иностранного нет четкого определения фонетической ошибки на неродном языке. В данной работе используется дефиниция, данная Н.Л. Федотовой: «фонетическая ошибка в речи на неродном языке – это отрицательный результат фонетической интерференции, свидетельствующий о нарушении системы и / или произносительной нормы изучаемого языка при реализации и восприятии вследствие изменения характеристик единиц сегментного и супraseгментного уровней, что является показателем недостаточной сформированности фонетических навыков на неродном языке» [Федотова 2004:45].

С целью выявления интерферирующих согласных звуков русского языка в речи носителей нидерландского языка в январе 2015 года был проведен эксперимент. Испытуемыми являлись нидерландские учащиеся, изучающие русский язык как иностранный от года до двух лет у себя на родине. Четверо из участников эксперимента владели английским языком, трое также владели французским языком, один человек владел немецким. Возраст всех испытуемых составил от 19 до 27 лет. В данном исследовании испытуемым было предложено прочитать вслух изолированные одно- и трехсложные русские слова, содержащие в своем составе шумные щелевые переднеязычные и заднеязычные взрывные согласные. Изучаемые фонемы были поставлены в сильной позиции абсолютного начала слова перед гласным и перед согласным, слабой позиции абсолютного конца слова после гласного и после согласного и в середине слова в позиции между гласными, после согласного перед гласным и между согласными. Подобранный материал охватывает сочетания исследуемых фонем со всеми гласными. Материал составил 133 слова.

В зависимости от индивидуальных способностей у дикторов, имеющих приблизительно один и тот же уровень знания языка, возникали различные трудности в произношении предложенных слов. Часть затруднений, возможно, вызвана экстралингвистическими факторами (усталость, волнение, невнимательность и т.д.). Тем не менее, большинство допущенных ошибок были одинаковыми или схожими. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о систематических нарушениях в реализации русских шумных среднеязычных щелевых и заднеязычных взрывных согласных в речи испытуемых. Часть нарушений была спрогнозирована на этапе сравнительного

анализа систем согласных фонем двух языков, однако в ходе эксперимента были выявлены и не спрогнозированные ошибки.

В соответствии с классификацией У. Вайнрайха выявленные систематические нарушения в реализации русских шумных среднеязычных щелевых и заднеязычных взрывных согласных были распределены по следующим группам:

- Нарушение дифференциального признака «твердость — мягкость» при реализации /s', z', g'/;
- нарушение дифференциальных признаков «глухость – звонкость» при произнесении более слабого аллофона фонемы [g] вместо [k] в позиции абсолютного конца слова и фонемы [k] вместо [g] в позиции абсолютного начала слова;
- нарушение дифференциального признака «шипящий – свистящий» при реализации мягкого переднеязычного /s'/ данная фонема заменяется фонемой [ʃ], фонема [z'] заменяется фонемой [ʒ] в позиции абсолютного начала и середины слова;
- нарушение дифференциального признака «щелевость – аффрикатность». Выражается при произношении /sč/ вместо /s':/;
- нарушение дифференциального признака «щелевой – взрывной». Выражается при произнесении /v/ вместо /g/;
- произнесение звука /g/ в позиции середины слова.

Результаты проведенного эксперимента, с одной стороны, подтвердили сведения, полученные при изучении литературы, посвященной нарушениям в русской речи носителей нидерландского языка, а также данные, полученные в ходе сравнительного анализа согласных фонем обоих языков. Такими ошибками являются нарушение дифференциальных признаков «глухость – звонкость» и «твердость – мягкость».

С другой стороны, в ходе исследования нами было выявлено достаточное число ошибок в реализации русских согласных, предсказать которые не удалось. К таким ошибкам относятся нарушение дифференциальных признаков «шипящий - свистящий», «щелевость – аффрикатность», произнесение звука /g/ в позиции середины слова, а также прочтение графемы "г" как латинского "g". Кроме того, необходимо заметить, что владеющие также и английским языком участники эксперимента без ошибок воспроизвели фонему /g/ в русских словах, несмотря на ее отсутствие в нидерландском языке. Это можно назвать положительным результатом межъязыковой интерференции, так как знание другого языка на высоком уровне и наличие фонемы /g/, в данном языке, приспособили речевой аппарат студента к произнесению данной фонемы.

Выявленные нарушения обусловлены как межъязыковой, так и внутриязыковой интерференцией. Вследствие ее влияния учащиеся сталкиваются с трудностями в произношении звуков русского языка, сходных на слух со звуками нидерландского, а также звуков, не имеющих даже аналогов в родном языке. Кроме того, очевидной причиной ошибок при воспроизведении печатного текста является сложность произношения звуков при отсутствии их слухового образа, а также неизбежное влияние графики на процесс восприятия текста.

Тем не менее, исходя из анализов результатов эксперимента, в речи испытуемых присутствуют как ошибочные, так и нормативные варианты, что свидетельствует о потенциальной возможности устранения влияния интерференции. Думается, что при проведении корректировочной работы ошибки в произношении этих групп согласных могут быть устранены.

Очевидно, что для успешной коммуникации преподаватель и студенты должны иметь язык-посредник, на котором будет проходить процесс объяснения артикуляционных особенностей корректируемых звуков. Также необходимым представляется знакомство студентов со схемой речевого аппарата, ибо при обучении каждому из звуков необходимо сравнивать положение речевых органов в процессе его воспроизведения на русском языке и подобного звука в нидерландском языке, делая особый упор на запоминание положения произносительных органов при произнесении русского звука. Для того, чтобы студенты научились соотносить русские звуки и буквы в используемых при корректировочной работе заданиях, необходимо использовать международную фонетическую транскрипцию.

Достижение необходимых слухопроизносительных навыков именно в нидерландской аудитории возможно в результате использования специального комплекса упражнений, направленного на их формирование. Он включает в себя упражнения разных типов с фонетической направленностью, а также упражнения на развитие техники чтения и письма. Необходимо, чтобы каждое упражнение являлось стимулом к совершению определенной операции.

Проведенное исследование уточняет и расширяет представление о действии русско-нидерландской интерференции. Выявление реальной картины нарушений в реализации русских переднеязычных щелевых и заднеязычных взрывных согласных, характерных для носителей нидерландского языка, их анализ и интерпретация представляются важными как с лингвистической, так и с практической точки зрения, так как сведения об ошибках и разработанные упражнения могут быть использованы при постановке и коррекции звуков при обучении носителей нидерландского языка русскому языку как иностранному.

Литература

- Вайнрайх У 1979 – *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования.* – Киев: «Вища школа». С. 25-60.
- Виноградов В.А. 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. Энциклопедия. 685с.
- Любимова Н.А. 1985 – *Фонетическая интерференция.* Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Любимова Н.А. 2011 – *Лингвистические основы обучения артикуляции русских звуков. Постановка и коррекция.* Москва: Русский язык. Курсы. 240 с.
- Федотова Н.Л. 2004 – *Взаимосвязь диагностики, коррекции и контроля при обучении фонетическому оформлению речи на неродном языке.* Дисс. ... док. пед.наук. Санкт-Петербург. 375с.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
ЛИТОВСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Е.М. Коницкая

Вильнюсский университет, Литва

jelkon@gmail.com

Библейские фразеологизмы (БФ) – притягательный объект сопоставительного исследования: несмотря на общность источника, в каждой этнокультурной общности они приобретают специфические оттенки значения, различаются частотностью, стилистической окраской и др. В статье анализируются сходства и различия русских и литовских БФ, содержащих имена библейских персонажей. Рассматриваются эквивалентные БФ (напр.: рус. *Иудин поцелуй; петь Лазаря* – лит. *Judo rabučiavimas; lozoriu giedoti*) и особенности их функционирования; БФ с библеонимами, представляющими в каждом из языков различные ценности; национально-специфические фразеологизмы (рус. *Аредовы веки*; лит. *apsileidęs plaikais kaip Samsonas*).

Ключевые слова: русские библейские фразеологизмы, литовские библейские фразеологизмы, библейские имена собственные, сопоставительное исследование библеизмов

Библейские фразеологизмы (далее БФ), составляющие большую часть интернациональной фразеологии, широко представлены в европейских языках, что объясняется авторитетностью в европейской христианской культуре текстов Священного писания, составивших ее фундамент и регулярно воспроизводимых на протяжении многих веков во время службы и в ежедневной практике христиан. Образность, экспрессивность и богатство культурно-коннотативного фона обеспечивает относительную частотность БФ как в письменной, так и в устной речи.

Сопоставительные исследования БФ показывают, что в данной группе фразеологизмов разных языков обнаруживаются как сходства, так и различия: набор, состав и значения БФ в них обычно не полностью совпадают. Причины различий связываются с различиями в истории языков, в культурно-исторической ориентации этносов и переводческой традиции [Балакова, Ковачова, Мокиенко 2012:17-21]. В силу названных причин БФ, в которых общехристианские ценности могут иметь национально-специфическое преломление, являются притягательными для исследователя: их изучение позволяет проникнуть в специфику идиоматичной языковой области конкретного этнокультурного сообщества.

Несмотря на обилие исследовательских работ, проблемы, связанные с функционированием БФ в отдельных языках (частотность, спектр значений, стилистическая

окраска и т.д.), в том числе с вопросом об уникальности или интернациональности БФ, остаются не до конца решенными. Решать их помогают сопоставительные исследования, опирающиеся, прежде всего, на данные словарей, а также на национальные языковые корпуса и другие источники. Корпусные данные позволяют дополнить словари отсутствующими единицами, уточнить круг значений БФ, а также определить, относятся ли они к активному или пассивному фонду языка, поскольку «БФ, фиксируемые в дву- и полиязычных словарях, не всегда дают сведения о мере их тождества и характере расхождений между ними» [Кузнецова 2013:116].

Цель статьи – проанализировать некоторые БФ, содержащие имена собственные, в русском и литовском языках, выявить особенности их функционирования в языках и культурах двух соседствующих народов с разной конфессиональной ориентацией: православной (русская культура) и католической (литовская).

Выбор данной группы БФ обусловлен тем, что имена персонажей Библии являются знаками (маркерами) описанных в ней прототипических ситуаций. Библейское имя (библеоним), осложненное культурными коннотациями, вобравшее в себя глубокие культурно ценные смыслы, обладает яркой оценочностью [Решетняк 2014], некоторые из них стали апеллятивами, напр., в русском языке: *хам, ууда, каин*; в литовском: *chamas, judas, kainas*. Несмотря на общность источника, «каждым народом Библия осваивалась самостоятельно, в результате чего у одного и того же библейского имени в одном из языков диапазон коннотаций может быть шире, чем в другом, или вообще отсутствовать» [Яковлева 1998]. Замечено, что наличие библейского имени во фразеологизме еще не свидетельствует о непосредственной связи выражения с Библией [Chlebda 2002:86-87]. Тем не менее, само наличие имени библейского персонажа во фразеологизме – цитатном, ситуативном, первичном или вторичном (по: [Гак 1994]) или же эксплицитном, имплицитном, народно-этимологическом [Ивченко 1999] – делает возможной интерпретацию внутренней формы БФ и свидетельствует о значимости для национально-языкового сознания данного библейского персонажа как кумуляторе определенных аксиологических ценностей / антиценностей.

В русском языкознании интерес к библеизмам активизировался с конца XX в.: обсуждалось понятие библеизмов и БФ [Верещагин 1993; Лилич, Мокиенко, Степанова 1993; Климович 2006 и др.], предлагались различные классификации БФ [Гак 1997; Бирих, Матешич 1999 и мн.др.], проводились сопоставительные исследования русских и французских, английских, немецких и др. БФ [Гак 1994; Яковлева 1998; Назарова 2001; Жолобова 2005 и др.], БФ рассматривались в историко-культурном ключе [Григорьев 2006, Дубровина 2012]. Активно развивалась библейская лексикография [КСБФ; Иоффе 2000; Грановская 2003; ЭБФ и др.].

Между тем в литовской лексикографии до сих пор отсутствует специализированный словарь БФ, хотя они представлены во фразеологическом словаре литовского языка Й. Паулаускаса [Paulauskas 2003] и в литовском фразеологическом словаре под его редакцией [FŽ 2001], в словаре сравнений литовского языка К. Восилите [PŽ 2014], в сборниках пословиц и поговорок [Vaitkevičiūtė 2001] и в электронном своде литовских пословиц и поговорок, подготовленном в Институте литовской литературы и фольклора [LPP], а также в словаре литовского языка [LKŽ]. Отсутствуют также описания данной группы литовской фразеологии.

История распространения библейских текстов на русском и литовском языках весьма различается; достаточно указать на факт, что история их переводов в России продолжает длительную традицию, восходящую к деятельности Кирилла, Мефодия и их учеников, а первые литовские переводы с немецкого и латыни отдельных частей Библии появились в XVI в. благодаря Й. Бреткунасу [Lebedys 1977:107], а полный перевод Библии, подготовленный литовскими протестантами в Кенигсберге (совр. Калининград), был опубликован лишь в XVIII в. Это, конечно, не означает, что до этого литовцы не знали Адама и Еву – ведь проповедь и молитвы по-литовски читались и до появления полного перевода Библии. В силу довольно позднего перевода и специфики формирования литовского литературного языка в нем нет характерного для русской библейской фразеологии параллелизма архаических (церковнославянских) и современных вариантов некоторых БФ.

Библеонимы в русских и литовских фразеологизмах во многом совпадают: это ветхозаветные рус. *Адам, Ева, Каин, Авель, Авраам, Валтазар, Иов, Ной, Соломон, Мафусаил*, новозаветные *Петр, Иуда, Фома, Лазарь, Понтий Пилат*; лит. *Adomas, Ieva, Kainas, Abelis, Abraomas, Baltazaras, Jobas, Nojus, Saliamonas, Matūzalis; Petras, Judas (Judošius), Tomas, Lozorius, Pontijos Pilotas* и некоторые другие. Они часто выступают в эквивалентных или частично эквивалентных БФ, напр.: рус. *ребро Адама* ‘ирон. женщина’ – лит. *Adomo šonkaulis* (FŽ) ‘то же’; рус. *Мафусаилов век* книжн. ‘очень долго (жить)’ – лит. *Matūzalis metus (gyventi)* (FŽ) ‘то же’; *Иудин поцелуй (лобзание); поцелуй Иуды* ‘предательский поступок, лицемерно прикрытый проявлением любви, дружбы’ – лит. *Judo rabiščiavimas* (FŽ) ‘то же’, *Соломоново решение* ‘мудрое и справедливое, часто неожиданное и оригинальное решение сложного и запутанного дела’ – лит. *Saliamono sprendimas* (FŽ) ‘то же’, *Валтазаров пир* ‘беспечное, легкомысленное времяпрепровождение накануне или во время какого-либо бедствия, неминуемой гибели’ – лит. *Baltazaro puota* (FŽ) ‘то же’, *от Адама и Евы* ‘с давних пор’ – лит. *nuo Adomo ir Ievos* (FŽ) ‘с самого начала, издавна’.

Некоторые литовские БФ с библеонимами, эквивалентные русским, не зафиксированы в

словарях, хотя отмечаются в текстах, напр.: *Фома неверный* ‘о крайне недоверчивом человеке’ – лит. *Netikintysis Tomas*, ср.: *Neturiu Tomo Netikinčiojo geno, kuriam būtinai reikėjo sukišti pirštą į Kristaus žaizdas* (Respublika, 2010.04.11). Другие БФ отмечены в литовских словарях с многочисленными лексическими вариантами, напр., рус. *в костюме Адама (Евы)* ‘без одежды, нагишом’ соответствует *Adomo (Ievos) kostiumu/marškiniais/rūbais/drabūžiais* (FŽ) (досл. «в костюме/рубашке/одежде Адама и Евы»).

Перечисленные выше имена выступают также в других БФ двух языков, эквивалентных по форме и значению, но различающихся по стилистической окраске и частотности. Так, имя *Адам* выступает в русском БФ *адамово яблоко* ‘твердое возвышение на горле людей, особенно выдающееся у мужчин, верхняя часть кадыка’, которое в словарях приводится с пометами: *устар.* [КСБФ] или *книжн.* [ЭБФ]. Корпусные данные [НКРЯ] убеждают в том, что БФ используется в современной прозе, напр.: *пуля попала прямо в горло, в адамово яблоко; у него перекатывалось адамово яблоко* (К. Симонов); *Он сглотнул ком: я увидел, как перекатылось адамово яблоко* (В. Маканин). Литовский БФ *Adomo obuolys*, эквивалентный по значению и частично эквивалентный по форме, стилистически нейтрален и частотен: в языковом корпусе ЛКТ отмечен 31 случай его употребления. Частотность этого выражения в литовском языке обусловлена, по всей видимости, отсутствием лексемы со значением ‘кадык’.

К эквивалентным русским и литовским БФ относится и рус. *петь Лазаря* ирон., неодобр. ‘прикидываться несчастным, стараясь разжалобить, плакаться, жаловаться на свою участь’ – лит. *Lozoriu giedoti* (FŽ), *aimanuoti* ‘стонать, сетовать’. В русской фразеологии отмечается уникальность этого фразеологизма, его отсутствие в других языках, однако данные литовского языка это опровергают. Можно предполагать, что БФ появился в литовском языке благодаря русской классической литературе: В. Баярунене, анализируя литовские переводы произведений А. Чехова, отметила этот фразеологизм как пример дословного перевода, выглядящий неестественно и вызывающий улыбку [Bajarūnienė 2008:20]. Он встречается в литовском языке довольно редко, как правило, в текстах первой половины XX в.

Замечено, что в имени одного библейского персонажа, входящего в состав БФ в разных языках, могут актуализироваться различные аспекты, темы одного и того же библейского сюжета. Так, имя нищего из евангельской притчи появляется в русском БФ *беден как Лазарь* ‘о бедном, несчастном человеке’, реализующем тему «бедность», а в литовском компаративном обороте *kaip Lozorius (be koju)* (PŽ) ‘об инвалиде’ (досл. «как Лазарь (без ног)» – «болезнь»). Другой пример разной тематической привязки библеонима обнаруживается в БФ, включающих имя лишенного Богом всего имущества Иова: рус. *Иов*

многострадальный; беден, как Иов; как Иов на гнощце ‘о человеке, находящемся в крайнем затруднении’ актуализируют тему «крайняя степень оскудения», а лит. *Jobo žinia* (FŽ) ‘печальные новости’ («известия Иова»), компаративный БФ *kaip Jobas* (PŽ) ‘о терпеливом человеке’ («как Иов») – «покорное, терпеливое приятие ниспосланных свыше бедствий».

Некоторые широко распространенные в БФ имена манифестируют различающиеся в двух лингвокультурных сообществах целые комплексы представлений, связанных с определенным библейским персонажем; такие имена как правило входят в состав безэквивалентных выражений. Так, имя первого человека входит, помимо вышеназванных эквивалентных БФ, в первичные русские *ветхий (старый) Адам*, устар., книжн. ‘о человеке, который должен духовно обновиться, освободиться от старых привычек, взглядов’; *совлечь с себя ветхого Адама*, устар., книжн. ‘отказавшись от прежних, устаревших взглядов, убеждений, привычек, духовно обновиться’; а также во вторичный *Адамовы веки (лета)*, устар. ‘далекое прошлое’. Эквивалентных им фразеологизмов в литовском языке не отмечено, однако здесь есть вторичные БФ: *vaių kaip Adomui* (PŽ) ‘очень много (о потомстве)’ («детей как у Адама»); *Adomo laukai* (FŽ) ‘большой участок земли’ («поля Адама»). Особенностью литовской фразеологии является частое упоминание имени Евы рядом с именем первого человека в БФ: *Yra Adomas, bus ir Ieva* (LPP) ‘о неизбежности женитьбы’ («есть Адам, будет и Ева»), *kaip Adomas apie Ievą* (PŽ) ‘быть рядом все время, неотлучно’ («как Адам возле Евы»), *Kaip Adomas su Ieva rojau* (PŽ) ‘хорошо, беззаботно (жить)’ («как Адам с Евой в раю»). Таким образом, в приведенных русских БФ, включающих имя *Адам*, активизируются значения «перерождение для духовной жизни», «прошлое», а в литовских – значения «многочисленное потомство», «обширные владения», «связь с женщиной».

Некоторые библеонимы с разной частотностью представлены в БФ двух языков. Так, если в русском языке имя праотца Авраама известно главным образом по БФ *на лоне Авраамовом*, книжн. ‘умереть, быть в вечном блаженстве, в раю’, то в литовском, помимо эквивалентного БФ *Abraomo prieglobstis/ant prieglobsčio Abraomo* ‘умереть’ («лоно Авраама/на лоне Авраама»), существует целый ряд вторичных БФ, обычно со значением ‘умереть’: *pas Abraomą keliauti/ iškeliauti / nukeliauti/ važiuoti / išvažiuoti / nuvažiuoti / išvykti / nueiti* (FŽ) («путешествовать/ отправиться / ехать / уехать / уйти к Аврааму»), соотносимых с рус. БФ *отправиться к праотцам* ‘то же’. В литовских БФ Авраам, будучи одним из праотцов, представляет их сонм и метонимически – место их пребывания. С его именем связаны и такие литовские БФ, в которых заметны следы дохристианских обычаев, напр.: *Alų / midų gerti pas Abraomą* ‘умереть’ («пиво / мед пить у Авраама»), где упоминаются традиционные ритуальные напитки из погребальной обрядности. Имя ветхозаветного патриарха, на лоне

которого нашел утешение после смерти нищий Лазарь (Лк 16:22–25), может в литовских БФ заменять лексему *Dievas* ‘Бог’: *jaučiasi, kaip Abraomo ausyje* (PŽ) ‘комфортно себя чувствует’ («чувствует себя, как в ухе у Авраама»), ср. *jaučiasi, Kaip Dievo ausyje* (LPP) («чувствует себя, как в ухе у Бога»).

Особый интерес представляют собой случаи, когда в качестве маркеров библейского сюжета в двух культурах выбираются разные персонажи. Так, в русском БФ *Каин, где брат твой Авель?*, книжн. ‘косвенное указание, намек на вину, предательство’ упоминаются оба персонажа, причем имя Каина, манифестирующее тему предательства, братоубийства, оказывается в центре внимания; оно же фигурирует и в БФ *Каинова печать (клеймо)* книжн. ‘клеймо преступления; отпечаток, след, внешние признаки преступности’. В литовской фразеологии тот же сюжет отражают не только эквивалентный русскому БФ *Kaino antspaudas (žymė)* (FŽ) ‘то же’, носящий книжный характер, но и вторичные компаративные БФ, часто носящие ироничный характер: *kaip Abelį sutaisė* (PŽ) ‘жестоко, с легкостью’ («расправились, как с Авелем»), *durnas (kvailas) kaip Abelio šuo* (PŽ; LPP) ‘о глупом человеке’ («глупый, как теленок / собака Авеля»), *durnas (išvėpęs) kaip Abelio veršis* (LKŽ) ‘о покорном человеке’ («глупый (раззявившийся) как теленок Авеля»). *baltraudonis kaip Abelio vaikas* (LKŽ) ‘о цвете кожи’ («бело-красный, как дитя Авеля»). Выражения отражают различающиеся в двух культурах интерпретации библейского сюжета: если в русских БФ внимание обращено на преступление и преступника, то в литовских важнее оказывается не убийца, а его обгаренная кровью жертва – пастух-Авель, которого не уберегли от задумавшего преступление брата ни собака, ни теленок.

Некоторые библейские имена отсутствуют в БФ одного из двух языков. В качестве примеров, в русской фразеологии можно привести следующие: *Аред* (*Аредовы веки*), *Енох* (*счастлив как Енох*), *Иосиф* (*целомудренный/прекрасный Иосиф*), *Магдалина* (*кающаяся Магдалина*), *Савл* (*Савл, Савл, что ты гонишь меня?*), *Саул* (*еда и Саул во пророцех?*); в литовских БФ упоминаются ветхозаветный *Самсон* (*Apsileidęs plaukais kaip Samsonas* (PŽ) ‘о человеке с длинными волосами’ («обросший волосами, как Самсон»), отсылающие к преданиям о том, что волосы служили источником необычайного могущества Самсона; пророк *Самуил* (*Kaip Samuelis apžilęs kudlom* (PŽ) ‘то же; о старом человеке’ («обросший седыми лохматыми волосами, как Самуил») – его мать Анна, вымаливая ребенка, обещала, что «и бритва не коснется головы его» (1 Цар. 1, 11). БФ. Иногда разница в представленности имена во фразеологии может быть связана с конфессиональной ориентацией. Так, имя апостола Петра, которое находим во вторичных литовских БФ: *vaikšto su raktais kaip šventas Petras* (LPP) – ироничное сравнение («ходит с ключами, как святой Петр»), содержащее аллюзию на слова Христа, обращенные к Петру: «...и дам тебе ключи Царства Небесного»

(Мф 16 :18-19); *gina kaip šventas Petras dangaus vartus* (PŽ) ‘ревностно защищать что-л.’ («защищает, как св. Петр небесные ворота»), отражают, по-видимому, ту роль, которая отводится в католической церкви апостолу, основателю и хранителю традиции.

Представленные русские и литовские БФ демонстрируют яркую национальную специфику этой группы фразеологизмов в двух языках. Наряду с эквивалентностью некоторых БФ обнаруживаются различия в стилистическом плане или в частотности употребления. Показательны для выявления специфики БФ в двух языках имена библейских персонажей, в которых выделяются разные содержательные элементы (темы); не менее показательным является выбор персонажа библейского сюжета, включающем ряд участников, а также специфический для этой пары языков несовпадающий набор библеонимов, входящих в БФ.

Литература

- Балакова Д., Ковачова В., Мокиенко В.М. 2013 – *Наследие Библии во фразеологии*. Грайфсвальд.
- Бирих А., Матешич Й. 1999 – *Фразеология библейского происхождения*. Прага.
- Верещагин Е.М. 1993 – О древнейших переводах Библии, а также о переводе на современный язык. *Азия и Африка сегодня*, № 11. С. 45-50.
- Григорьев А.В. 2006 – *Русская библейская фразеология в контексте культуры*. Москва: Индрик.
- Гак В.Г. 1994 – Вопросы сопоставительной фразеологии (библейзмы в русском и французском языках). *Научные труды МПГУ*. Москва.
- Гак В.Г. 1997 – Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библейскими фразеологизмами). *Вопросы языкознания*, № 5. С. 55-65.
- Грановская Л.М. 2003 – *Словарь имен и крылатых выражений из Библии*. Москва.
- Дубровина К.Н. 2012 – *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*. Москва: Флинта.
- ЭСБФ = Дубровина К.Н. 2010 – *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов*. Москва: Флинта: Наука.
- Жолобова А.О. 2005 – *Фразеологические единицы библейского происхождения в английском, испанском и русском языках*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ.
- Иоффе Г.А. 2000 – *Словарь библейских крылатых слов и выражений*. Санкт-Петербург: Петербург - XXI век.
- Климович Н.В. 2006 – К вопросу об определении библеизма в лингвистике. *Вестник Красноярского гос. ун-та*. Сер. Гуманитарные науки. № 3 (2). С. 200-204.
- КСБФ = Кочедыков Л.Г., Жильцова Л.В. 1996 – *Краткий словарь библейских фразеологизмов*. Москва: Лингвистика. Режим доступа: <http://www.bible-center.ru/dict/phrases>
- Лилич Г., Мокиенко В., Степанова Л. 1993 – Библеизмы в русском, чешском и словацком языках, *Вестник С.-Петербурга*, сер. 2, вып. 3., 51–59.
- Назарова И.П. 2001 – *Функционирование библеизмов в русском и немецком языках и лингвопрагматические особенности вариантов перевода*. Дисс. ... канд. филол. наук. Кубанский гос ун-т. – Краснодар, 2001. Режим доступа в: <http://31f.ru/dissertation/page,23,457-dissertaciya-funkcionirovanie-bibleizmov-v-russkom-i-nemeckom-yazyках-i-lingvopragmaticheskie-osobennosti-variantov-perevoda.html>

- Решетняк Е.А. 2014 – Семантическая специфика библейских антропонимов, коннотированных семей «преступление», *Филология и лингвистика в современном обществе*: Материалы II междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). Москва: Буки-Веди. С. 102-107. Режим доступа: <http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/107/4774>
- Яковлева Э.Н. 1998 – *Эволюция библейских имен собственных в лексике и фразеологии русского и французского языков*: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-bibleyskih-imen-sobstvennyh-v-leksike-i-frazeologii-russkogo-i-frantsuzskogo-yazykov>)
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>
- Chlebda W. 1996 – Библия в языке – язык в Библии. *Frazeologia a religia*. Opole.
- Paulauskas J. 2003 – *Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas*. Kaunas: Šviesa.
- FŽ = *Frazeologijos žodynas*. Ats. red.: J. Paulauskas. V.: Lietuvių kalbos institutas, 2001.
- PŽ = *Vosylytė K. Lietuvių kalbos paliginimų žodynas*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2014.
- Lebedys J. 1977 – *Senoji lietuvių literatūra*. Vilnius: Vaga.
- Vaitkevičiūtė V. 2001 – *Posakių ir žodžių žodynas*. Vilnius: Žodynas.
- LPP = *Lietuvių patarlės ir priežodžiai: elektroninis sąvadas*. Режим доступа: <http://www.aruodai.lt/patarles/>
- LKT = *Lietuvių kalbos tekstynas*. Режим доступа: <http://tekstynas.vdu.lt/tekstynas/>
- LKŽ = *Lietuvių kalbos žodynas*. Режим доступа: <http://lkzd.lki.lt/>
- Bajarūnienė V. 2008 – Antono Čechovo kūrybinių vertimų ypatybės prieškarinio Lietuvoje, *Gimtasiz žodis*, Nr 1, 16-23. Режим доступа: http://www.llvs.lt/img/File/Bajaruniene_V_Cechovo_vertimai_Gimtasizodis_2008_1.pdf.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 245-255. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

ОНТОЛОГИЯ МОТИВОВ «СМЕРТИ» И «ЗЕРКАЛА» В РОМАНЕ «ПИСЬМОВНИК» МИХАИЛА ШИШКИНА

Л. Кореновская

*Краковский педагогический университет
им. Комиссии национального образования, Польша
malekor@op.pl*

Архитектоника романа «Письмовник» М.Шишкина наполнена яркими мотивами (смерть, зеркало, запах, др.), которые искусно вплетены в канву произведения. В статье фокусируется внимание на двух мотивах-доминантах – смерть и зеркало – с целью эксплицировать их онтологическую насыщенность. Данные мотивы характеризуются бинарностью, двойственным наполнением и маркированы определённым авторским знаком. Это своего рода слова-ключи к разгадке некоей тайны, скрытой в вербальном корпусе произведения.

Ключевые слова: онтология, архитектоника, архетип, бинарность, танатологический мотив

Без сомнения, имя Михаила Шишкина, писателя, проживающего более пятнадцати лет в Швейцарии, знаковой фигуры в современной российской словесности, вызывает живой интерес, увеличивает ряды читателей, порождает дискуссии, становится темой многих научных работ. Три главных романа («Взятие Измаила», «Венерин волос» и «Письмовник») получили престижные российские литературные премии: «Русского Букера», «Большую книгу» и «Нацбест». Чем же притягивает проза Шишкина? В первую очередь неподкупностью эксплицированной в ней правды; музыкальностью многоголосия, которая основывается на полифонии обнажения внутреннего мира героев романов; искренней страстью убеждения, свободной от назидательного тона. Главное в романах Шишкина – это вербальный корпус произведения, адекватный автору текст, в котором главенствующее место занимает язык, или словесная канва, создающая оригинальную архитектонику романов и позволяющая определить произведения Шишкина как интеллектуальная проза. Согласно автору «Венериного волоса», язык – это явление, которое подвергается процессу старения, и чтобы сохранить актуальность жизни, быть понятным современному читателю, писателю приходится постоянно совершенствовать свой язык, делая его живым и актуальным. «Старые слова ушли – нужны новые слова», – высказал своё мнение писатель в интервью в программе «Решето» [Решетников:1]. Важным аспектом, определяющим особенность прозы Шишкина, является временно-пространственный фон. Играя со временем и местом, автор придаёт своим произведениям вневременность и внепространственность. Писатель выходит за

пределы одной страны, плавно переселяется в другую, но при этом создаёт новое пространство, страну, вселенную, где помещает обычных людей, способных анализировать своё душевное состояние и пытающихся ответить на вечные дуалистические вопросы: жизнь-смерть, любовь-ненависть, семья-одиночество, внутренняя пустота и мнимое счастье.

Появившийся в печати в 2010 г. роман «Письмовник» сразу вызвал волну оппозиционных мнений со стороны как читателей, так и критиков. На первый взгляд, это эпистолярный, базирующийся на интимной переписке двух влюблённых. Но если вникнуть в смысл написанного, понимаем, что перед нами две корреспонденции, адресованные людям, пребывающим в разных временных отрезках. Шишкин выбирает конкретные исторические реалии – Боксёрское восстание в Китае 1900-х годов, – чтобы на этом фактическом материале построить «мужскую» линию корпуса романа. Вторая, «женская», связана с героиней, которую невозможно идентифицировать с конкретной местностью. Можно лишь предположить, что Саша живёт в городе, о чём свидетельствует упоминание о городском транспорте, квартире и т.д. в восьмидесятые или девяностые годы прошлого века. По словам Шишкина, он не хотел писать о конкретной стране и конкретном времени, ему интересно было «уйти в глубину, писать о человеке, о фундаментальных человеческих проблемах, об отношениях в семье, что будет интересовать всех и всегда» [Решетников:1]. Жанр этой книги можно определить как «метафизический роман в письмах», на глазах у читателя превращающийся из эпистолярного в сагу. Всё в романе вызывает некое сомнение, вернее создаёт иллюзию восприятия содержания: как только читатель находит реальную точку отсчёта (напр., дача, первая любовь, расставание героев и т.д.), сразу же её теряет, поскольку начинает «тонуть» в информации, которую автор преподносит то в виде профессии отца Саши (не то дирижёр, не то полярный лётчик), то вплетая в ткань романа имена известных личностей (Марк Поло, Шекспир, Марк Аврелий и др.) или же обманывая ожидания читателя мнимой диалогичностью писем. Единственное, что остаётся неизменным и требует особого осмысления, это сквозные мотивы-доминанты. Среди них стоит выделить мотивы «смерти» и «зеркала», которые характеризуются некой онтологической бинарностью, двойственным наполнением содержания, неоднозначной маркировкой, чётко передающей замысел автора.

Тема смерти в философском понимании возникла ещё в глубокой древности. Стремление людей заглянуть за кулисы феномена «смерти» с целью ответить на вопрос есть ли жизнь после того, как человек умрёт, сделало данное понятие более доступным и обычным в обращении. Об этом свидетельствуют мировые религии, мифы, предания, легенды, ритуалы. Несомненно, архетип «смерти» занимает значительное место в литературах многих эпох и разных стран. Смерть всегда ставит человека перед

дуалистическим вопросом: что есть бытие или небытие? А это, в свою очередь, позволяет отождествить данный архетип с некой игрой, действием, требующим исполнителя и зрителя, тем самым становясь включённым в порядок и цели жизненного мира людей. Согласно Шишкину, «смерть – это дар» [Решетников:1]. Автор «Письмовника» эксплицирует положительную сторону данного феномена: смерти не надо бояться, это подарок судьбы, который нам даётся, чтобы понять кто мы на самом деле, способны ли по-настоящему любить себя и других. Смерть становится как бы идентификатором наличия или отсутствия, количества и качества человечности в человеке.

Мотив «смерти» в рассматриваемом романе можно тематически разделить на несколько категорий, представляющих собой антитезы:

- смерть близких (в том числе собственная) и чужих;
- смерть от любви и нелюбви;
- реальная (в виде идеальной, зверской) и метафорическая смерть;
- смерть как продолжение жизни.

Главный герой романа, Володя, трижды упоминает о собственной смерти. Первый раз – после смерти бабушки. «От бабушкиной смерти у меня осталось ощущение детского ужаса. Но то, что тоже умру, в моём мозгу как-то не укладывалось» [Шишкин 2010:26]. Второй раз, когда умер учитель ботаники, в скоропостижной кончине которого Володя долгое время винил себя: не дал больному учителю вовремя таблетку. «После его смерти я серьёзно задумался о своей» [Шишкин 2010:32]. И, наконец, когда герой смотрит в зеркало во время войны в Китае. «Ты знаешь, смотрел в зеркало, когда брился, и вдруг увидел себя с открытым ртом. Понимаешь, я увидел себя мёртвым» [Шишкин 2010:43]. Все примеры свидетельствуют о том, что понятие смерти почти физически представилось главному герою в детском возрасте. Восприятие смерти бабушки становится настолько близким, что герой трансформирует уход из жизни родного человека в свой собственный, но не до конца приемлемый и осознаваемый из-за юного возраста. Когда неожиданно умер учитель Виктор Сергеевич, Володя понял, что со смертью не шутят. Каждый день на войне, смотря смерти в глаза, Володя начинает почти-что физически ощущать её ледянящее прикосновение: смерть становится настолько реальным и неотъемлемым фактором военного положения, что волей-неволей герой чувствует холодное дыхание из царства Аида, больше того – видит лицо смерти в собственном отображении в зеркале, и это его... не пугает. Главная героиня испытывает похожее ощущение после того, как родители её любимого получили похоронку на сына. Саша с горечью признаётся: «Я ем, передеваюсь, хожу за покупками. Но где бы я ни была – всё равно я мёртвая» [Шишкин 2010:17]. Живая как мёртвая – метафорическое сочетание противоположностей, немного напоминающее сказочный мотив о живой и

мёртвой воде, способной вернуть убитого к жизни. Потеря близкого человека для Саши становится настолько страшной и всеохватывающей, что собственная жизнь героини теряет всякий смысл: автоматически повторяются привычные действия, но без участия волевых факторов, без радости и осмысления. Муж Саши, размышляя о смерти, отчётливо и с некоторым смирением воспринимает собственный уход из жизни: «Вот я родился, и я умру – это понятно». Но в отцовском понимании никак не укладывается смерть единственной дочери: «Но как же с дочкой? Она уже есть и однажды умрёт – вот это уже по-настоящему страшно» [Шишкин 2010:30]. Для родителей смерть детей является самым большим ударом – страшнее катаклизмов, войны, эпидемии и т.д. Ведь ребёнок – это продолжение, отражение, возрождение, плоть и кровь родителей, т.е. самое дорогое существо на земле. А вот смерть родного брата воспринимается Сашей как спасение: «Хорошо, что умер – где была бы я?» [Шишкин 2010:4]. Конечно же, в признании героини просвечивается детский эгоизм, стремление завоевать всю любовь родителей.

Мотив «чужой» смерти прослеживается в нескольких аспектах: гибель мирных жителей (смерть бомжа, которого сбила машина; автобус, наехавший на остановку с людьми; резня восставших крестьян католической миссии в Китае; раздавленный вагонами сцепщик), смерть на войне (пьяный офицер, смерть раненых в лазарете и др.) и смерть вследствие тяжёлой болезни. Как-то без особого сочувствия передаются сообщения о гибели людей в романе Шишкина. Нанизывание трагических известий созвучно стихотворению «Пан Когито читает газету» польского поэта З. Херберта:

сообщение на первой странице

убиты 120 солдат

война продолжается долго

можно уже привыкнуть.

тут же рядом - сенсация

жуткое преступление

с портретом убийцы

глаза пана Когито

скользят равнодушно [Херберт: 6]

Смерть в мирное время, являясь сенсационным материалом для журналистов, к сожалению, становится чем-то привычным и обыденным. Оказывается, ко всему можно привыкнуть, особенно если об этом говорить слишком часто. К смерти тоже. Согласно Шишкину, уход из жизни земной совсем не страшен.

Следующий момент связан со смертью от любви и нелюбви. Саша, вспоминая детство, с грустью признаётся, что родители не питали нежных чувств друг к другу. Отец

пил, родители скандалили, по кусочкам убивая свою любовь, – всё это болезненно воспринимала девочка. «Я запиралась от них и умирала от нелюбви» [Шишкин 2010:10]. Хронический недостаток любви между отцом и матерью эхом отзывается в ребёнке, убивая в нём желание жить. Чувствуя потребность любить и быть любимой, Саша болезненно ищет объект душевной страсти – им оказывается друг семьи, режиссёр, старый холостяк, в которого Саша влюбляется без памяти. «Теперь я умирала от любви» [Шишкин 2010:11]. Девочка, взрослеющая девушка, находится под воздействием двух противоположных чувств: любви и нелюбви, которые можно рассматривать как оппозиционные чувства, равносильные по своему воздействию на героиню. Как и в первом, так и во втором случае юная душа получает раны, от рубцов которых так и не излечится. Любовь и нелюбовь становятся виновниками зарождения душевной пустоты, с которой Саша будет бороться всю жизнь.

Мотив реальной и метафорической смерти прослеживается в следующих примерах. Володя в письме к Саше описывает смерть одного красивого молодого человека. Снаряд попал мужчине в голову, мгновенно его убивая, без боли, страданий и страха. «Это мой идеал» [Шишкин 2010:31], – признаётся герой. Идеальная смерть на войне – быть убитым наповал, легко, быстро, не позволяя мучиться до конца жизни из-за увечий, освобождая близких от чувства сострадания и милосердия... Зверской можно назвать смерть, или вернее резню католической миссии восставшими крестьянами. «Толпа ворвалась на территорию миссии, и никто не успел убежать. [...] Католическому священнику вырвали вилкой глаза. Его экономке отрубили голову – она ещё держала за руку сына, его убили тотчас вслед за ней» [Шишкин 2010:29]. Реальные смерти описаны Шишкиным лапидарно, сухо, конкретно, как информация для отчета, хроники или репортажа. Лаконичная манера писателя в представлении танатологических мотивов не вызывает особого сочувствия у читателя. Чужая смерть, гибель невинных в другой стране, где-то очень далеко, всегда остаётся на расстоянии мысли, сожаления, слёз. Метафорическая смерть в виде «убийства музыки» воспринимается Сашей положительно. Вспоминая своего отца-дирижёра во время концерта, героиня признаётся: «Но больше всего мне нравилось в финале душить музыку в кулаке» [Шишкин 2010:8]. «Смерть» музыкального произведения, которое выслушала Саша, не отождествляется с действительным финалом – музыка продолжает звучать в ушах, голове, к ней всегда можно возвратиться, потому что звук не исчезает.

Несомненный интерес вызывает экспликация онтологии мотива «смерти» с точки зрения философии, религии и субъективных суждений в виде дневниковых записей и письменных рассуждений героев романа. В одном письме Володи читаем: «Мне раньше казалось, что жизнь – это подготовка к смерти. Ты знаешь, когда-то я почувствовал себя таким Ноем, которому открылось, что рано или поздно придёт потоп и жизнь всех на земле

прекратится. И поэтому он должен строить ковчег, чтобы спастись. Ной не живёт больше, как все, а только ходит и думает о потопе. И вот я тоже строил мой ковчег. Только мой ковчег был не из брёвен, а из слов» [Шишкин 2010:44]. Упоминание о старозаветном Ное и ковчеге становится своего рода примером осознанного и мудрого принятия смерти как спасения. Для Ноя спасением от неизбежной смерти в виде потопа стало строительство деревянного ковчега, для Володи же – вербальное «строение» в виде писем, которые смогут передать «события, людей, предметы, воспоминания, картинки, звуки» [Шишкин 2010:44], потому что «письмо не знает смерти, это единственное средство общения мёртвых, живых и ещё не родившихся» [Шишкин 2010:33]. Заканчивая свои размышления, герой приходит к выводу, что слова в конечном счёте улетят, а «ковчег уплывёт» – нужно готовиться не к смерти, а к жизни. Герои романа постоянно говорят о смерти, описывают её в разных ракурсах: Саша эксплицирует проблемы уродства старости и неизлечимых болезней, Володя же приближает ужасы войны с её увечьями, взрывами, страхом, смрадом. Рассуждения о смерти становятся неким вербальным «оружием», которым герои «Письмовника» пытаются преодолеть смерть. Но как победить собственное одиночество? Для Саши и Володи смерть – это скорее всего внутренняя пустота, которую ничем стоящим и настоящим не заполнить. Как сказал отец Саши, «одиночество – это когда у тебя всё вроде есть, чтобы не быть одиноким, но на самом деле ничего нет» [Шишкин 2010:60]. Отсюда эти длинные внутренние монологи Володи в конце романа, отсюда эта странная любовь Саши к «дочурке» из снега. Может быть, это расшифровка авторского суждения о том, что «все на свете религии и философии просто пытаются заговорить смерть, как бабы заговаривают зубную боль» [Шишкин 2010:47]?

Спрашивая отца как выглядит смерть, героиня получает описательно-созерцательный ответ: «Наверно, смерть выглядит очень просто – потолок и окно. Узор на обоях. Лицо, которое видишь последним» [Шишкин 2010:60]. Горькое серое одиночество, до боли в ушах беззвучная пустота квартиры, проевшаяся монотонность ежедневного существования, высохшая вера в будущие перемены – вот лицо смерти. Пребывая длительное время в одиночестве, отец Саши по-философски относится к собственному уходу из жизни: «К смерти нужно относиться легко» [Шишкин 2010:59], «обидно, что в день моей кончины ничего не изменится и не произойдёт» [Шишкин 2010:60], «после смерти, наверно, люди просто возвращаются, становятся тем, чем они были всегда, – ничем» [Шишкин 2010:60]. Человек из праха создан и прахом станет... Шишкин предлагает свою трактовку танатологического мотива, которое содержит положительную оценку: «Смерть – это борьба космоса со временем, с нами. Ведь что же такое космос? Это ведь по-гречески порядок, красота, гармония. Смерть – это защита всеобщей красоты и гармонии от нас, от нашего

хаоса. А мы противимся» [Шишкин 2010:47]. Вечный вопрос защиты окружающей среды и всей вселенной от разрушающего действия технического прогресса и самого человека находит своего защитника, и, как ни парадоксально, им оказывается смерть. Маркируя данный мотив знаком «плюс», Шишкин в некотором смысле стирает закреплённую за ним традиционную характеристику неприятности, ужаса, страха и т.п. Смерть может быть красива и нестрашна, если её принять как должное, как дар, как продолжение жизни.

Мотив «зеркала» представлен в следующих категориях:

- зеркало как идентификатор внешнего вида;
- зеркало – предвестник будущего;
- бинарная функция зеркала.

В фольклоре многих стран зеркало наделяли сверхъестественной силой, «энергетическими» функциями, с ним связывали разные обряды и приметы. Тайнственность зеркального отражения – стимулятор воображения. В сказках зеркало наделено чудным даром говорить (А. Пушкин *Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях*), в художественной литературе зеркало может выступать как уход в другой мир (Л. Кэрролл *Алиса в Зазеркалье*), потустороннее инобытие (М. Булгаков *Мастер и Маргарита*) и т.д. «Зеркало является и предметом туалета, и знаком чистоты, и атрибутом самосознания, мудрости, но также и атрибутом суестьи, предчувствия, прогноза будущего. Значения зеркал во всех их разновидностях бесконечно многообразны в зависимости от контекста культуры, истории, общественно-человеческих отношений» [Столович 1988:46]. В философском понимании зеркало является инструментом самопознания и воспринимается как нечто противоречивое, касающееся границы между мирами и магической связи отражения и отражаемого. «Обладая способностью отражать находящееся перед ним, зеркало рассматривается как универсальная модель отражательного процесса» [Столович 1988:47]. Отражение в зеркале – это не только действительный образ, но и нечто иное, запредельное по отношению к окружающему миру, в котором всё является отражением чего-то, следствием или причиной. Зеркало представляет собой символ «удвоения» действительности, границу между земным и потусторонним мирами.

В начале романа главная героиня задаётся вопросом о своём внешнем виде: «Девочкой я часами вглядывалась в зеркало. Глаза в глаза. Почему эти глаза? Почему это лицо? Почему это тело?» [Шишкин 2010:4]. Отражение в зеркале становится как бы двойником смотрящей в него девочки, заставляя её усомниться в своей аутентичности: «А вдруг это не я? И это не мои глаза, не моё лицо, не моё тело» [Шишкин 2010:4]. Вслед за сомнением появляется испуг, связанный с видением себя в другом возрасте. «А вдруг я – с этими глазами, лицом и промелькнувшим телом – это только воспоминание какой-то

старухи, которой я когда-нибудь стану?» [Шишкин 2010:4]. Зеркало как бы раздвигает границы реального и нереального, позволяя внутренним зрением увидеть себя в иной ипостаси именно в зазеркалье и в другом времени. Таким образом раздвигается архитектурное пространство произведения для создания иллюзорной бесконечности, происходит удвоение художественного произведения путём отображения лиц или предметов в зеркале.

Как справедливо отмечает Л.Н. Столович, «эстетическая ценность зеркала обусловлена его свойством отражать мир в его ценностных качествах и быть таким образом транслятором эстетических ценностей и антиценностей, красоты и безобразия» [Столович 1988:48]. Кроме того, со смотрением на себя со стороны могут быть связаны различные импликации: от нарциссизма до отвращения к собственному отражению. Последнее может объясняться тем, что «отвращение замкнуто в себе, непроцессуально, полностью предсказуемо, словом, это нечто тупиковое, т.е. противоположное тому, как человек в норме воспринимает своё Я» [Левин 1988:9]. Шишкинские героини, рассматривая себя в зеркале, зачастую остаются недовольны своим внешним видом. После потери ребёнка и прожитых не слишком радостных лет со своим мужем Саша констатирует: «Смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Серое лицо, чёрные круги под глазами» [Шишкин 2010:48]. Усталость, боль, горести наносят своё отпечаток на лице еще не старой женщины, добавляя ей визуально намного больше лет, чем в действительности она имеет. Ада, бывшая жена мужа Саши, смотря в зеркало, каждый раз убеждается в неотвратимости и жестокости процесса старения. «Перед зеркалом оттягивала себе пальцем кожу под глазом и не верила – сколько морщин!» [Шишкин 2010:36]. Не получается, как в сказке с волшебным зеркальцем («Свет мой, зеркальце, скажи...»), способным льстить смотрящей в него королеве. Зеркало становится «союзником» действительности, отображая временную метаморфозу внешности, запечатлевая темпоральный отпечаток второго «я» человека в зеркальном пространстве. Зеркало, удваиваясь, «уродует и тем обнажает изображение, которое кажется «естественным», – становится проекцией, несущей в себе определённое языковое моделирование» [Лотман 2000:69].

Зеркало становится средством первого познания себя как личности, акцептирования своего внешнего вида, примирения «я здесь» с «я там». «Семиотика «зеркала» берётся под знаком психологии личности. Зеркало в большинстве случаев выступает как граница семиотической организации и граница между «нашим» и «чужим» мирами (при любом заполнении, от «я-ты», «досмерти-послесмерти») [Барсуков, Гаспаров и др. 1988:3-4], юности-старости. Вспоминая свою соседку-старуху, герой мыслями переносится в её квартиру и видит в зеркале два отражения: своё и соседки. «Мы смотрим оба в зеркало – и я

вижу моё семилетнее лицо и её морщины, старую дряблую кожу, волосы над губами и на подбородке, кустистые брови, чувствую её неприятный старушечий запах и хочу поскорее вырваться, но она крепко держит мою голову» [Шишкин 2010:21]. Молодость и старость – две бинарности, две стадии трансформации внешности человека. Видя это воочию в юном возрасте, Володя наполняется чувством отвращения и ужаса. Зеркало становится прогнозом, способным представить герою «прелести» его будущей внешности, а старухе припомнить быстропроходящую красоту молодости...

Интересным кажется пример, когда беременная подруга Саши Янка рассматривает себя в зеркале. «Янка разглядывала свой живот перед зеркалом, задрав кофточку, и мы все, и дети, и Янкин муж смотрели на него» [Шишкин 2010:51]. Согласно народным представлениям, беременной нельзя было смотреть в зеркало, поскольку в таком состоянии женщина считалась «нечистой» и перед ней была «открыта могила». Может быть, это только суеверье, но, как подтверждение народной предосторожности, Янка потеряла ребёнка...

Мотив зеркала как предвестника будущего представлен в романе в нескольких аспектах, связанных с мужской линией в романе. Во-первых, это касается Володи во время его пребывания на войне в Китае. «Ты знаешь, смотрел в зеркало, когда брился, и вдруг увидел себя с открытым ртом. Понимаешь, я увидел себя мёртвым. Я стал видеть всех такими, какими они станут после смерти, включая себя самого» [Шишкин 2010:43]. Данный пример рассматривался при обсуждении мотива собственной смерти героя. Но здесь интересен сам факт локуса смерти, коим представляется зеркало. Не только свою кончину узрел Володя в зеркальном отражении, но и других, скорее всего тех, кто был с ним на войне. Слишком много смертей видел Володя, поэтому в его подсознании смерть набрала гигантских размеров; она способна прикоснуться ко всем живым, превращая их в трупы. Отец Саши в пожилом возрасте рассматривает своё стареющее тело, и к нему приходят в эту минуту мысли о скором уходе из жизни. «И вот среди бессонницы стоишь в ванной голый, стареющий – перед зеркалом. Смотришь на тело – предающее. Под бесцветными глазами набрякшие мешки, из ушей торчат космы. И чешешь себе между лопатками зубной щёткой. И думаешь – скоро умирать. Как так получилось?» [Шишкин 2010:59]. Акцептация своего возраста, смирение в принятии смерти – отличительная черта героев «Письмовника».

Характерная функция зеркала – удивительным образом удваивать все отражения – прослеживается в следующих примерах. После смерти учителя биологии Володя переживал угрызения совести. В один из таких моментов «самобичевания» он предаётся мыслям о текучести времени и обнаруживает «виновника», поглощающего время. «Зеркало на рассвете из безобидного предмета стало тем, чем оно было на самом деле – глоткой времени. Заглянешь в него всего через минуту – а оно уже эту минуту проглотило. И моей жизни на

эту минуту стало меньше» [Шишкин 2010:32]. Время проходит, изменяет, уничтожает вещи, и только зеркало может зафиксировать малейшие изменения, которые происходят с вещами под воздействием времени. Что касается времени, то оно, проходя стадию исчезновения, запечатлевает свою «смерть» в другом виде именно в зеркале. Время и зеркало выравниваются по принципу фиксации темпоральных отражений: время изменяет вещи и людей, а зеркало отображает эти метаморфозы.

Интересным представляется пример, когда в зеркало смотрит зрячий и слепец. Володя вспоминает эпизод, когда его мать сокрушалась, смотря на себя в зеркало: как все женщины, болезненно воспринимала процесс старения своего тела. В такие минуты её слепой муж «подходил, обнимал её сзади, целовал и улыбался своей корявой улыбкой, что вот преимущество слепого – быть таким, каким ты есть, а не таким, как хочется зеркалу» [Шишкин 2010:38]. Отчим главного героя из-за того, что он потерял зрение, может себе позволить на «роскошь» быть всегда довольным своим внешним видом, который «создал» внутренним зрением; чувствовать своё превосходство над зеркалом именно своим перманентным обликом, с которым слепец живёт изо дня в день. Отсюда улыбка на лице слепого, радость, выливающаяся на людей, с которыми он пребывает под одной крышей. Не видеть изъянов своей внешности – вот победа над зеркальной «болезнью», над умиранием минут, часов, недель...

В одном из разговоров-ссор, происходящих между Адой и её мужем, упоминаются зеркала Френеля (оптическое устройство для наблюдения явления интерференции света. Оно состоит из двух плоских зеркал, образующих друг с другом угол, немного меньший 180 градусов). «Ты знаешь, мы с тобой – как зеркала Френеля. Взяли два зеркала, которые отражают свет, соединили друг с другом. И под каким-то углом два световых луча породили тьму» [Шишкин 2010:40]. В зеркале может отражаться любой предмет, в том числе и другое зеркало со своим отражением. «Отсюда – два зеркала как простейший прибор, порождающий бесконечность (как её идею, так и её «визуальную модель») и моделирующий бесконечный регресс» [Левин 1988:10]. Возникшая тьма в зеркальном отражении является как бы антиотражением, коррелятом зеркального отражения, которое из-за поглощения света может ассоциироваться с неопределённостью будущего или прошлого, увяданием чувств и т.д. Поэтому любовь семейной пары, как тот свет в зеркалах, из-за «какого-то угла» распадается, порождая темноту, вражду, неприязнь. Зеркало как констант и фиксатор всего, что отображается на его поверхности, способно подвергать неким метаморфозам появившиеся в нём отображения, причем по своему собственному «усмотрению».

«Письмовник» – это роман-загадка, тайна, ребус, кроссворд, требующий от читателя максимальной сосредоточенности и напряжённой работы мысли. Не всё, что на поверхности,

является очевидным и реальным, даже если это отображение в зеркале. Тем более, что зеркало играет в романе роль «удвоения» всего происходящего, но в определенное время и место (письма Володи) или вне времени и вне пространства (письма Саши). Отсюда – Володя – реальная личность, а Саша – отображение в зеркале. Это роман о смерти, которая на протяжении всего произведения маркирована знаком «плюс»; является как бы импульсом, который заставляет главных героев писать письма, причём не задавая друг другу личных вопросов; писать, чтобы не молчать, чтобы преодолеть пустоту и одиночество; писать, чтобы словами победить смерть и оставить после себя след во вселенной. Слова, согласно Шишкину, сильнее смерти. Именно вербальные знаки в виде написанных слов являются отображением человеческих мыслей, чувств, переживаний, идей и т.д. Слова как зеркало – они бессмертны.

Литература

- Барсуков С.Г., Гаспаров М.Л., Егоров Б.Ф., Иванов Вяч.Вс. и др. 1988 – Вступительная статья «К семиотике зеркала и зеркальности». *«Зеркало. Семиотика зеркальности».* Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам XXII. Ред. З.Г. Минц. Тарту. С. 3-5.
- Интервью М. Шишкина в программе «Решето» К. Решетникова. Режим доступа: http://tv.russiaru.net/video/resheto_10082 (25.07.2015).
- Левин Ю.И. 1988 – Зеркало как потенциальный семиотический объект. *«Зеркало. Семиотика зеркальности».* Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам XXII. Ред. З.Г. Минц. Тарту. С. 6-24.
- Лотман Ю.М. 2000 – Семиотика. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. *Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992).* Санкт-Петербург.
- Столович Л.Н. 1988 – Зеркало как семиотическая, гносеологическая и аксиологическая модель. *«Зеркало. Семиотика зеркальности».* Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам XXII. Ред. З.Г. Минц. Тарту. С. 45-51.
- Херберт З. – *Пан Когито читает газету.* Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2009/10/22/843> (27.07.2015).
- Шишкин М. 2010 – *Письмовник.* Режим доступа: <http://www.litmir.co/br/?b=156730>, (05.09.2015).

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ И ЕГО ДИАЛОГ С ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРОЙ – АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ФИЛЬМА «АНДРЕЙ РУБЛЕВ»

И. Козел

*Люблинский католический университет Иоанна Павла II, Польша
j.koziel@o2.pl*

Кинематограф – одна из наиболее важных областей культуры в современном мире. С одной стороны, это самостоятельная область, в которой используется свой собственный язык. С другой стороны, кинематограф представляет собой синтез многообразия мировой культуры, так как он черпает своё вдохновение из наследия литературы, театра, живописи, архитектуры и фотографии. В кинокартинах нередко представлены и религиозные темы. Примером такой темы могут служить фильмы Андрея Тарковского. Картины одного из самых популярных режиссёров дают возможность почувствовать и узнать восточнославянскую православную культуру. Это относится к материальному аспекту, например, к элементам церковного облачения и украшения, а также к духовным аспектам (проявлению) веры.

Ключевые слова: Андрей Тарковский, православная культура, Андрей Рублев, русское кино, иконопись

«Даже констатация бездуховности времени, в котором живет художник, требует от него самого определенной духовной высоты», – сказал Андрей Тарковский – один из замечательнейших режиссеров мирового кино [Тарковский: онлайн]. Эта идея отражается в его фильмах, типичной чертой которых является трансцендентный характер, позволяющий воспринимать их в духовном контексте [Jarosińska-Buriak 2013:274]. В кинокартинах можно заметить духовные поиски самого режиссера, его сомнения и убеждения, а главными темами творчества Тарковского считаются вопросы веры и искусства [Zanussi 2013:44]. Поэтому художник неоднократно указывал на сложность человеческой души и поисков истины. Хотя на протяжении многих лет философия режиссера менялась, но вышеупомянутые вопросы всегда оставались существенными. Тарковский родился на территории современной Российской Федерации и воспитывался в духе православной традиции, что тоже оставило след на его творчестве. Цель настоящей работы – это показать диалог между кинокартинами режиссера и православной культурой на примере фильма «Андрей Рублев», а также сценария созданного Андреем Тарковским для этой кинокартины. Рассматривая эти произведения, мы покажем элементы, касающиеся веры в духовном и материальном планах.

Тарковский воспитывался в советской России, во время, когда коммунистическая власть стремилась к уничтожению всех признаков религии, пытаясь совсем искоренить

«опиум для народа». Продолжались антирелигиозные действия, так как, по мнению правителей, единой верой должна быть только идеология коммунизма. Несмотря на политику советских правителей, направленную против Церкви, православная культура постоянно присутствовала в жизни людей. Свидетельствует об этом пример Тарковского, который был очень связан с восточнославянскими традициями. Подтверждением являются слова, написанные художником в его книге «Запечатленное время»: «Для меня чрезвычайное значение имеют русские культурные традиции, идущие от Достоевского, по сути, не имеющие развития во всей своей полноте в современной России» [Тарковский: онлайн].

По мнению Тарковского, эти традиции влияли также на кинематограф. Поэтому режиссер считал, что русское кино появилось не на рубеже 19 и 20 вв, их надо искать значительно раньше, в древнерусском искусстве. Он утверждал, что его истоки таятся в глубинных пластах русской национальной культуры, которая «имеет глубокие корни, древние и мощные традиции» [Тарковский 1993:76]. Эти убеждения отражаются в фильмах Тарковского, а чтобы правильно понимать смысл его произведений необходимо знать восточнославянскую культуру. Симонетта Сальвестрони, исследователь истории кино, подчеркивает, что кинокартины режиссера глубоко связаны с русской духовностью. Можно в них найти, например, элементы традиции иконописи, а также русской литературы, прежде всего эстетику Достоевского [Сальвестрони 2011:8].

Связь с православной традицией повлияла на взгляды Тарковского, определяющие роль кино и режиссера. Он считал, что творчество должно вести к самосовершенствованию. Целью жизни человека не может являться счастье, так как «есть вещи гораздо более важные, чем личный успех и личное меркантильное преуспевание» [Тарковский: онлайн]. Стремление к этим ценностям приводит лишь к разочарованию, чувству пустоты в душе и именно поэтому смысл жизни должен заключаться в поисках истины. В этом тоже содержится роль кино, которое «уже завоевало возможность и право формировать и выражать духовный уровень человечества» [Тарковский 1993:4]. Это мнение отражается в фильмах Тарковского.

Подтверждением вышеуказанных мнений является один из самых известных фильмов Андрея Тарковского – «Андрей Рублев». Режиссер считал его своей любимой кинокартиной и одной из важнейших в своем творчестве [Juriniew 2013:34]. О важности свидетельствуют мнения критиков и зрителей – это самый признанный фильм Тарковского. Действие произведения развивается вокруг истории иконописца Андрея Рублева, но нельзя его воспринимать лишь как биографию художника. На самом деле осталось немного сведений о монахе, например, в «Житии Сергия Радонежского», учеником которого был Рублев [Grodź 2013:304]. Режиссер в своей книге «Запечатленное время» пишет, что его интересовала не столько история, сколько «исследование характера поэтического дара великого русского

живописца» [Тарковский: онлайн]. Он является главным героем, который связывает сюжет, состоящий из 8 новелл-эпизодов. Иконописец странствует и становится случайным свидетелем событий Руси XV века, важных для истории государства, а зрители наблюдают их через призму переживаний этого монаха. Однако исторические события и политика также не были в центре внимания автора. Подтверждает это историческая несостоятельность. На этот факт указывал, между прочим, Александр Солженицын, который обвинял Тарковского в неточности изображения русской истории, неправильном датировании некоторых фактов [Солженицын 1997:157]. Примером может послужить монголо-татарское нашествие, которое было не в 1408 году, как представлено в фильме, а на три года позже [Kuśmierczyk 2012:127]. Все вышеупомянутые элементы свидетельствуют о том, что Тарковский хочет показывать более глубокие истины. Целью Тарковского было раскрыть правила жизни, рассказывая о незаменимости человеческого опыта, а также показать отношения между художником и народом, художником и властью [Юрьенен: онлайн]. Благодаря этому зрители могут познакомиться с православной культурой в сфере духовности, традиции, а также ее материальных признаков.

Без сомнения, среди элементов типичных для православия самое важное место занимают в фильме иконы. Они являются неотъемлемой частью веры восточных христиан, а их культ и процесс создания точно определены в канонах Церкви. В отличие от Католической церкви, священные картины в православном вероучении имеют значение более существенное, чем декоративные элементы для украшения храма. Их не рассматривают лишь как проявление эстетической деятельности человека – иконы – это *окно в вечность* [Кено 2001:9], место присутствия Бога, единого в трех лицах. Поэтому процесс их создания требует выполнения особых условий. Иконописец должен быть человеком глубоко верующим, а перед работой он должен покаяться в грехах, ведь он сталкивается с Господом, который проявляет себя через икону. Это требование подчеркивают слова Рублева, в которых он упрекает монаха Феофана, осуждающего человеческие души:

И как ты с такими мыслями писать можешь? Не понимаю.

Кроме того, иконописец вынужден углублять свою веру: молиться, изучать Священное Писание. Это подтверждает сцена, в которой Рублев, начиная писать икону, просит брата, чтобы тот читал ему Библию, а затем слушает слова послания коринфянам.

В келье Рублева можно заметить красный угол. В православной культуре так называется специальное место, устроенное в домах верующих. В фильме, согласно традиции, оно находится в правом углу напротив двери, так чтобы человек, вошедший в избу сразу обращался в сторону священного изображения и молился [Терещенко 2007:94]. Как правило, иконы помещались в шкаф или на специальную полку – киот, а затем их украшали,

например, полотенцем с вышивкой, и перед иконой зажигали свечу или лампаду. [Smykowska 2008:24]

О том, что священные картины играют в фильме ключевую роль, свидетельствуют также последние кадры, которые указывают известнейшую икону Рублева – Троицу. По сценарию мотив Святой Троицы появляется раньше. В новелле «Грусть. Лето 1419» описана сцена в сарае, в котором во время дождя укрылись монахи [Kuśmierczyk 1998:199]. Рублев сидит у стены и наблюдает трех мужчин, которые сидят за столом и в тишине думают о своих проблемах. На их лица падает свет, освещая также шею и ключицу юного человека, разговаривающего со своими двумя товарищами. Внимание иконописца привлекают мимика и силуэты мужчин, складки на их одежде. Присматриваясь этой повседневной, обыденной ситуации, он внезапно осознает суть жизни и приходит в состояние творческого вдохновения. Это будто предсказание последних кадров фильма, указывающих иконы Тарковского.

Следующий элемент православной культуры в фильме Тарковского связан с монашеской жизнью – Андрей Рублев был монахом в Троицком монастыре, а затем в Спасо-Андрониковом. Люди, которым пришлось жить в XV веке, относились к духовенству с большим почтением, а монастыри называли домами ангелов [Смолич: онлайн]. Заглавный герой кажется таким ангелом – религиозный, скромный инок странствует по миру, а его поведение и убеждения противопоставлены ужасу окружающей его действительностью. О глубокой вере и покорности свидетельствует новелла «Праздник. Весна 1408», в которой Рублев просит крестьян, чтобы распять его головой вниз, считая себя недостойным принять такую же казнь, какой подвергся Христос. Вера и добро монаха являются воплощением черт настоящего христианина, а его внутренний мир сопоставлен с жестокой действительности.

Другие монахи тоже должны относиться ко всем с любовью, а своими поступками стремиться к святости. Однако они оказываются людьми слабыми и грешными, часто бунтуют. Примером может послужить Кирилл. Он разочарован в монашеской жизни – называет свой монастырь *вертепом разбойников*, который, по его мнению, напоминает базар, где главной ценностью являются деньги. Он не в состоянии согласиться с этим и сопротивляется своему игумену, а даже Богу, который не одарил его талантом. Кирилл утверждает, что если у него была бы способность писать красивые иконы, он остался бы в монастыре. Он настолько завидует таланту Рублева, что даже следит за иконописцем, чтобы обвинить его в грехе [Kuśmierczyk 1998:107]. Лишь спустя некоторое время, нищий Кирилл возвращается в монастырь и просит прощения.

Жизнь в иноческой общине регулируется уставом – сводом правил конкретного монастыря. Согласно уставу, братья представляют собой одну общину, в которой не только молятся, но также и работают, например, рубят дерево. В сценарии Тарковский описывает

также сцену, в которой монахи стирают свою одежду в реке. Тогда Кирилл стирает одеяние пожилого отца Никодима, соблюдая правило помощи другим.

В фильме упомянуты разные монашеские обеты. После того, как Рублев, защищая юродивую девушку, убил топором врага, он хочет покаяться в смертельном грехе и принимает обет молчания. Молчание – это один из немногих известных фактов об иконописце. Этот подвиг связан с традицией исихазма, помогает человеку углублять свою веру, сосредоточивая его внимание на внутренней молитве и очищая душу. Исихастская традиция оказала влияние на мировоззрение и искусство Тарковского, а наиболее ярко отразилась именно в «Андрее Рублеве» [Евлампиев: онлайн].

В кинокартине представлены также монашеские обеты. Главные герои уже дали обеты малой схимы и надели монашескую одежду. Кроме того, упомянут также обет великой схимы. Говорит о нем Рублев во время беседы с Феофаном Греком. Это последний обет, который не является обязательным. После этого монах выбирает отшельничество и живет в уединении.

Наблюдая монастырскую жизнь, зритель знакомится также с элементами одежды монахов. Андрей Рублев и главные герои, которые уже приняли малую схиму, надевают подрясник, а на него верхнюю одежду – рясу. На его голове куколь, который по форме похож на шлем, соединенный с длинными концами, два из которых нисходят спереди на грудь, а третий на спину. Такой головной убор получают монахи после пострига в малую схиму. Он символизирует борьбу с грехом и злыми силами. Поэтому его называют *шлемом надежды спасения* [Московская Патриархия: онлайн]. Некоторые монахи вместо куколя надевают скуфью – небольшую кругообразную шапочку чёрного цвета. В состав монашеской одежды, которую получают иноки, принявшие обет малой схимы, входит также подрясник. В фильме показан подрясник в виде однорядки – длинного до пят нижнего одеяния, которое имеет по центру ряд пуговиц. На Руси рясы не являлись обязательным элементом верхней одежды и поэтому иноки надевали на подрясник мантию – длинную накидку без рукавов. Без нее монахи не могли выходить из келий, потому что, согласно уставу, такой поступок строго наказывали [Московская Патриархия: онлайн]. У игумена Андроникового монастыря, в котором пребывали Рублев, Кирилл и Даниил Чёрный, особая одежда. У него белый подрясник, а в руке жезл – длинная деревянная палка с рукояткой в виде буквы **Т**.

Исследуя элементы, связанные с православной традицией, надо обратить внимание также на символические компоненты, например цифры. Они имеют богатую традицию в христианской культуре. Свидетельствует об этом число три, которое обозначает Святую Троицу – Отца, Сына и Святого Духа. Поэтому она отображает то, что божественное, святое

и совершенное. Фильм Тарковского тоже создан по принципу триады [Kuśmierczyk 2012:133]. В сюжете трижды показаны определенные герои. Примером может послужить Феофан Грек. Первый раз зрители знакомятся с этим персонажем в сцене разговора с иноком Кириллом. Второй раз – во время встречи с Андреем Рублевым. Тогда Феофан говорит о своих убеждениях и жалуется на грешный мир: «Страшный суд скоро, все как свечи гореть будут(...) Все глупости и подлости род человеческий уже совершил и теперь только повторяет их». Он сомневается в том, есть ли смысл делать добро. По его мнению, люди плохие, и они не в состоянии измениться и оценить добро. Ведь Христос пришел к людям, чтобы дарить им любовь и мир, а они его распяли. Грек говорит, что современный человек такой же, как жители древнего Иерусалима – если Иисус еще раз пришел бы на землю, человек снова бы его убил за 30 сребреников [Kuśmierczyk 2012:135]. Высказывание монаха сопровождает сцена русской Голгофы. На заснеженных просторах Христос несет березовый крест. По внешности он похож на русского человека, он одет в русскую одежду – полотняную рубашку, лапти. Рядом с ним идет Божия Мать, Мария Магдалина и апостол Иоанн. Вокруг течет повседневная жизнь – крестьяне работают в поле, женщина гонит корову.

Третий раз Феофан Грек появляется после своей смерти, и эту сцену можно объяснять как видение Рублева. Тогда умерший монах высказывает свое мнение, которое вполне отличается от того, что говорил раньше. Он смотрит на земную жизнь с высоты небес и благодаря этому понимает намного больше. Сейчас он не осуждает людей, потому что Бог прощает всем.

Как замечает Северин Кусмерчик, принцип триады появляется также в элементах сценографии [Kuśmierczyk 2012:135]. Подтверждает это пример церкви. Она является *домом Божиим*, а местом присутствия Бога считается алтарная часть [Kozakiewicz 2007:64]. От остального помещения отделяет его стена покрытая иконами, установленными в определенном порядке – так называемый иконостас. Именно главный герой является автором икон, находящихся в одном из храмов. В фильме показаны три этапа существования церкви. Сначала показано новопостроенное здание, а в нем группу монахов – иконописцев. Они обсуждают, какие иконы написать на белых стенах храма. Затем режиссер указывает дом Божий – церковь, в которой проходит служба. У иконостаса на подсвечнике стоят горящие свечи, рядом горят лампы. Священник благословляет князя, а хор поет торжественный напев.

Третья картина – это изображение храма, разрушенного после монголо-татарского нашествия. Рублев в отчаянии смотрит на свою работу – иконостас, который сожгли захватчики. Между ними летают маленькие снежинки. Заметив их, иконописец с обидой говорит: «Снег идет. Ничего нет страшней, когда снег в храме идет».

Глядя на разграбленную церковь и оскверненные иконы, монах теряет веру в человека и смысл художественной деятельности. Только после встречи с литейщиком Бориской он снова верит в силу искусства.

Тарковский неоднократно использует также цитаты из Библии. Среди них доминируют отрывки Псалтыря и Послания к коринфянам, которые появляются не только в сценах молитвы в храме, но прежде всего в репликах героев. Они используют их в качестве аргументов для своих убеждений или оправдания поступков. Неоднократно Священное Писание читают монахи во время работы, например, в Успенском храме.

Анализируя настоящую тему, необходимо определить роль элементов православной культуры в фильме Тарковского. Хотя в фильме замечается их очень много, это не религиозный фильм. Как было сказано выше, главная тема сосредоточена на внутренних поисках человека, значениях веры и искусства. Некоторые критики упрекают режиссера в поверхностности способа представления православной традиции, например, Солженицын обвиняет его в использовании религиозных элементов в гротескных сценах [Солженицын 1997:онлайн]. Юрий Назаров, один из актёров, снимавшихся в этом произведении, считает, что преобладающей чертой фильма является реализм [Назаров 2008:онлайн]. По его мнению, Тарковский стремился создать образ Руси XV в., неотъемлемой частью которого была православная вера. Безусловно, Тарковский стремился к отражению жизни Руси в период татаро-монгольского нашествия, однако нельзя не заметить духовной сферы фильма. Об этом свидетельствует пролог и эпилог фильма. В начале указана сцена полета мужчины на воздушном шаре – зрители его глазами смотрят сверху на землю: белокаменный храм, русские просторы и реку, по которой плавают лодки.

А потом летчик внезапно падает на землю. Эта метафора предвещает содержание фильма – жизнь Рублева, которая напоминает этот символический полет.

Эпилогом является сцена, представляющая иконы Рублева, в том числе знаменитую «Святую Троицу», на фрагменты которой медленно направляется камера. В отличие от остальной части фильма, финал не черно-белый, а снят на цветную пленку. Это символически подчеркивает победу добра, Бога и вечности над жестоким миром. Таким приемом Тарковский отвечает на вопрос о взаимоотношениях между человеком и Богом, приспособляя исихастскую традицию к мировоззрению человека XX века. В фильме «идеальное, совершенное бытие (...) достигается в самом земном бытии через человека, который (...) должен стать источником божественной энергии» [Евлампиев: онлайн].

Фильм Тарковского, как и икона, является отражением мира – в ней проявляется скорбь и боль, но также радость и сила веры. Он показывает путь верующего человека к истине. Этот путь представлен в виде действий и чувств, переживаемых монахом, благодаря

чему зритель знакомится со многими феноменами православной культуры. Они проявляются в сфере молитв, религиозных обрядов, показывают внутреннюю жизнь в монастырях, а также символы характерные для христианской веры. Одновременно фильм обладает также универсальным смыслом, затрагивая общечеловеческие вопросы, а режиссер пытается помочь зрителю найти ответ на них. Фильм проникнут духовностью и силой веры. Подводя итоги, можно процитировать мысль Алексея Солоницына: «Все творчество Андрея Арсеньевича Тарковского есть строительство храма души. И отчетливо это строительство началось с «Андрея Рублева» [Солоницын: онлайн].

Литература

- Евлампиев И.И. – *Традиция исихазма в русской культуре: От Андрея Рублева до Андрея Тарковского*. Режим доступа: <http://www.tarkovskiy.su/texty/analitika/Evlampiev.html>
- Кено М. 2001 – *Икона. Окно в вечность*. Минск – Белосток. Московская Патриархия, Настольная книга священнослужителя – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/bible/comment/nkss/nkss17.htm>
- Назаров Ю. 2008 – *Только не о кино*. Москва. Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/145485/yuriy-nazarov-tolko-ne-o-kino.php>
- Сальвестрони С. 2011 – *Фильмы Андрея Тарковского и русская духовная культура*. Москва
- Смолич И.К. – *Русское Монашество: Возникновение. Развитие. Сущность (988-1917)*. Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/103674/igor-smolich-russkoe-monashestvo-vozniknovenie-razvitie-suschnost-988-1917-lib.php>
- Солженицын А.И. 1997 – *Фильм о Рублеве*. Режим доступа: <http://tarkovskiy.su/texty/analitika/Solgenitsyn.html>
- Солоницын А. – *Сокровенный смысл «Андрея Рублева»*. Режим доступа: <http://www.tarkovskiy.su/texty/analitika/Solonitsyn.html>
- Терещенко А.В. 2007 – *История культуры русского народа*. Москва.
- Тарковский А.А. 1993 – *Уроки режиссуры*. Москва.
- Тарковский А.А. 1967 – *Запечатленное время*. Режим доступа: <http://predanie.ru/tarkovskiy-andrey-arsenevich/book/84922-zapechatlennoe-vremya/>
- Юрьенен С. – *Андрей Рублев. Передача «Радио Свобода»*. Режим доступа: <http://www.tarkovskiy.su/audio/Andrey-Rublev.html>
- Grodź I. 2013 – „Trzepot natchnienia... dotyk twarzy. Andriej Rublow Andrieja Tarkowskiego (1966)”. „*Strefa filmu : kino Andrieja Tarkowskiego*”, ред. NDiaye I. A., Sokołowski M. Toruń.
- Jarosińska-Buriak K. 2013 – *Twórczość i transcendencja. O kilku wątkach koncepcji estetycznej Tarkowskiego*. „*Strefa filmu : kino Andrieja Tarkowskiego*”, ред. NDiaye I. A., Sokołowski M. Toruń.
- Juriniew R. 2013 – *Chłopiec, którego zwa...* Andriej. „*Strefa filmu : kino Andrieja Tarkowskiego*”, ред. NDiaye I. A., Sokołowski M. Toruń.
- Kozakiewicz S. (ред.) 2001 – *Słownik terminologiczny sztuk pięknych*. Warszawa
- Kuśmierczyk S. 1998 – *Andriej Tarkowski. Scenariusze*. Т. 1. Warszawa
- Kuśmierczyk S. 2012 – *Księga filmów Andrieja Tarkowskiego*. Warszawa
- Smykowska E. 2008 – *Liturgia prawosławna. Mały słownik*. Warszawa.
- Zanussi K. 2013 – *О Andrieju Tarkowskim raz jeszcze*. «*Strefa filmu: kino Andrieja Tarkowskiego*», ред. NDiaye I. A., Sokołowski M. Toruń.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА СВАДЬБА В РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

М. Коссаковска-Марас
Жешувский университет, Польша
marineczka@mail.ru

Одним из важнейших в национальной, языковой и художественной картинах мира многих народов, в том числе и в русской языковой картине мира, является концепт *свадьба*. В современной культурологии принято делить все существующие свадебные ритуалы и обряды на три основные категории – предсвадебные, свадебные и послесвадебные. В статье описаны свадебные обряды и традиции, а также проблемы, связанные со свадьбой, на основании советского и современного российского кинематографа, что дает возможность проследить, как они соблюдались на Руси и какими являются в настоящее время.

Ключевые слова: концепт, концепт *свадьба*, свадебные обряды и традиции, российский кинематограф

Термин *концепт* является стержневым термином понятийного аппарата культурологической лингвистики. Природа концептов сложная и поэтому существуют различные подходы к осмыслению и определению концептов. На сложность структуры концепта обращает внимание Ю.С. Степанов: «С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия ..., с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов 2007:10].

В современной лингвистике выделяются три основных подхода к пониманию концепта: лингвистический, культурологический, когнитивный.

Представители лингвистического подхода – С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, В.Н. Телия – понимают концепт как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом. С.А. Аскольдов определяет концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997:267]. Д.С. Лихачев предлагает называть крупную структурную организацию концептов концептосферой [Лихачев 1993:3-9]. Для Д.С. Лихачева концепт – это заместитель «каждого основного (словарного) значения отдельно. Ученый предлагает считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения (алгебраическим выражением или «алгебраическим обозначением» которым мы оперируем в своей письменной и устной речи» [Лихачев 1993:3-9]. По мнению В.Н. Телия, концепт – это «всё то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» [Телия 1996:97].

Представители культурологического подхода – Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин и др., и – при рассмотрении концепта большое внимание уделяют именно культурологическому аспекту. По их мнению, вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними, сам концепт эти исследователи определяют как *микромодель культуры*. Концепт трактуется как основная ячейка культуры в ментальном мире человека. *Концепт, являясь основной ячейкой культуры в ментальном мире человека, не только мыслится, но и переживается* [Степанов 2001:43]. Являясь *сгустком культуры*, концепт обладает экстралингвистической, прагматической, т.е. внеязыковой информацией [Степанов 2001:43].

Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова и др. – представители когнитивного подхода к пониманию сущности концепта. Е.С. Кубрякова предлагает следующее определение концепта: *концепт - оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке* [Кубрякова 1997:90-92]. В.А. Маслова соотносит культурные концепты с именами абстрактных понятий, в которых культурная информация прикрепляется к понятийному ядру [Маслова 2001:48]. Представители Воронежской научной школы З.Д. Попова и И.А. Стернин представляют концепт *как глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека* [Попова, Стернин 1999:4-5]. Концепт, по их мнению, репрезентируется в языке лексемами, фразеосочетаниями, словосочетаниями, предложениями, текстами и совокупностями текстов.

Независимо от различных подходов к концепту, исследователи едины во мнении, что концепт – это условная ментальная структура, категория мыслительная, ненаблюдаемая, что дает большой простор для ее толкования [см. Попова, Стернин 2007:29-30].

Одним из важнейших в национальной, языковой и художественной картинах мира многих народов, в том числе и в русской языковой картине мира, является концепт *свадьба*.

Свадьба – очень важный момент в жизни человека. Это ритуал, важное событие и праздник. Она является началом новой семейной жизни двух людей. Конечно, обряды и обычаи, характерные для предсвадебного периода, а также самой свадьбы, не всегда были одинаковыми. Постепенно обряды и обычаи трансформировались, некоторые из них и вовсе исчезли. Русская культура имеет обширный пласт свадебных обычаев и обрядов, которые получили свое разнообразие благодаря широкой области расселения русских, следовательно, благодаря многочисленным региональным вариациям у славянских племен. Свадьба окружена множеством обычаев, символов, обрядовых действий.

Свадьба в современной России, как и практически во всех странах мира, это большое торжество, переполненное эмоциями. Современная свадьба отличается от свадьбы начала

XX века и от свадеб на Руси. Как считают Д.М. Балашов, Ю.И. Марченко и Н.И. Калмыкова, «русская народная свадьба чрезвычайно многолика и образует по местам свои локальные варианты, отражающие этническую историю расселения восточных славян не только в последние три-четыре столетия, но и в удельный период, а возможно, даже и в период дофеодальный (дохристианский). Вместе с тем народная свадьба при всех ее изменениях это не произвольный набор песен, причётов и обрядовых действий, а это всегда определенная, исторически сложившаяся целостность» [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985:5]. В настоящее время свадьба длится один или два дня, раньше свадьба могла продолжаться даже целую неделю. Изменились обряды, мода, появились новые обычаи, постоянно изменяются схемы проведения свадьбы.

В большинстве словарей *свадьба* означает обряды, сопровождающие заключение брака. К примеру, *свадьба* по *Большому толковому словарю по культурологии* – это «обряды, сопровождающие заключение брака; связаны с религиозными представлениями, имели магический смысл – защитить молодоженов от злых духов, порчи и т.д. У многих народов свадьба включала драматизированный переезд невесты в дом жениха, обмен подарками, пир и т.д. Ритуал свадьбы обычно сочетался с церковным венчанием» [Кононенко 2003].

Лексема *свадьба* является доминантой следующего синонимического ряда: *свадьба, бракосочетание, венчание, женитьба*. Общеславянская лексема *свадьба*, происходит от слова *сват*. Лексико-словообразовательный анализ показывает, что сема *человек* является ядерной частью этого слова. Лексема *брак* происходит от древнего славянского *брати* – *брат*. Лексема *венчание* является общеславянской (от *венец*) и обозначает совершение церковного обряда бракосочетания. Лексема *женитьба* означает действие по глаголу *жениться* и определяется как *вступление в брак*.

В современной культурологии принято делить все существующие свадебные ритуалы и обряды на три основные категории – *предсвадебные обряды, свадебные и послесвадебные*.

Предсвадебные обряды – это *сватовство, смотрины, помолвка* (заручение), *сговор* (пропой), *девичник или мальчишник*.

Некоторые из предсвадебных обрядов проводятся задолго до свадьбы, а некоторые – непосредственно в день перед этим торжественным событием. *Сватовством* и подбором невесты для сына, как правило, занимались его родители. В некоторых районах России обычаи были не столь строгими – жених мог сам выбрать в жены приглянувшуюся ему девушку. Если юноша принимал решение жениться, он говорил об этом своему отцу, который засылал в дом невесты сватов с щедрыми дарами. Сватовство происходило по строгому плану, и от него не принято было отступать. Родители жениха и невесты сначала «вели переговоры» через сватов или лично, и если им удавалось договориться, тогда

проводили *смотрины*. С богатыми подарками, вином и угощением семья жениха приходила посмотреть на девушку. Сам жених при этом даже мог не присутствовать. Во время смотрин сваты оценивали, насколько невеста хороша собой, покорна, хозяйственна. Родители девушки старались показать все лучшие качества девушки.

Обряды сватовства, отсутствие любви и различия в возрасте между молодоженами показаны в комедии *Женитьба Бальзамина* (реж. К. Воинов, 1964). Действие фильма происходит в XIX веке в Москве. Главный герой фильма, чиновник Миша Бальзамино (в этой роли Г. Вицин) мечтает жениться на богатой женщине. В конце концов он женится на властной женщине в годах, которая обладает большим приданым (в роли невесты Н. Мордюкова).

Иногда семья невесты хитрила, чтобы выдать дочь замуж. Если девушка на выданье не отличалась особой красотой, её родители могли во время смотрин подменить свою дочку на более красивую и обаятельную служанку. Обман раскрывался только во время свадьбы, и отказываться от невесты в таких случаях было нельзя. Сцена сватовства одной из героинь показана в замечательной сказке *Морозко* (реж. А. Роу, 1964). Марфушу (в этой роли И. Чурикова) красивой не назовешь, но сваха делает все для того, чтобы она понравилась доброму молодцу и его семье во время смотрин. Однако во время сватовства Марфуша прыгает в пруд за гусем и начинает тонуть, а Настенька – вторая, нелюбимая дочка в семье (в этой роли Н. Седых), спасая её, одновременно смывает с себя всю сажу и тут происходит разоблачение обмана.

В современном понимании *сватовство* чаще всего означает знакомство родителей жениха и невесты – встречу, на которой *противоположные* стороны присматриваются друг к другу и узнают больше о семье, с которой планируют породниться. Естественно, часто это происходит тогда, когда молодые люди решили пожениться.

Помолвка – молодой человек делает предложение и дарит любимой девушке обручальное кольцо, часто в романтической обстановке, после чего влюбленных называют жених и невеста. Как правило, вскоре следует подача заявления в загс. Некоторые считают днём помолвки день подачи заявления в загс. Однако большинство людей считают днем помолвки тот день, когда парень и девушка заявляют о своем желании вступить в брак своим родителям. Сама помолвка в настоящее время не является обязательным условием свадьбы.

Предложение девушке современные молодые мужчины делают в самых разных местах – напр. жених может спеть будущей невесте на глазах у всех и попросить свою возлюбленную стать его женой. Именно так происходит это в одной из серий комедии *Кухня* (реж. Д. Дьяченко, 2012-2014), когда один из героев Костя (бармен ресторана) на глазах у

изумленной публики ресторана поёт непосредственно для своей любимой Насти (официантки того же ресторана), дарит ей обручальное кольцо и делает предложение.

Непосредственно перед свадебной церемонией устраивались *мальчишник и девичник*. Жених проводил мальчишник очень шумно и весело. Он собирал всех своих друзей и вместе с ними ходил по всем домам, приглашая соседей присоединиться к мальчишнику. Невеста проводила последнюю предсвадебную ночь не так буйно и шумно. У девушки собирались ее подруги, которые готовили ее к свадьбе – они гадали на будущее, пели хоровые песни и успокаивали невесту. Сейчас обычно девушки и юноши собираются в клубе или дома с друзьями и родственниками.

Современные мальчишник и девичник, а также все другие свадебные этапы, т.е. выкуп невесты, расписка, прогулка, встреча у входа в ресторан хлебом и солью и традиционное *горько!* во время свадебного банкета, наличие алкоголя и драки героев, появляются в комедии *Горько!* (реж. Ж. Крыжовников, 2013).

В кавказских республиках бывшего СССР часто происходила практика *похищения невест* и насильственной женитьбы. Будущий жених и его родственники или друзья, похищали невесту (в старые времена на лошади, сейчас на машине) и увозили её в родной дом жениха, где пытались её уговорить согласиться на брак. Обряд похищения невесты Нины (в этой роли Н. Варлей) прекрасно показан в известной комедии *Кавказская пленница или Новые приключения Шурика* (реж. Л. Гайдай, 1966).

Собственно *свадебные обряды и традиции* в России – это *выкуп невесты, бракосочетание, венчание и праздничный пир / застолье/ банкет*.

Традиция *выкупа* появилась ещё в Древней Руси, когда жених платил родителям невесты большую сумму денег. Поэтому этот обряд называется выкупом. Теперь такой обряд – это шуточное действие, чтобы подбодрить жениха и невесту, а также чтобы повеселить гостей. Выкуп невесты организует свидетельница невесты. Она собирает необходимые реквизиты, готовит стол с закуской и выпивкой, а также разные конкурсы, загадки, ребусы для жениха. Обряд выкупа невесты в игровой форме показан в одном из фильмов сериала *Каменская* (реж. М. Ким, 2011), когда свадьба проходит в обычном многоэтажном доме.

Следующим элементом является *регистрация брака (бракосочетание)*.

В большинстве советских фильмов, отражающих современную для того времени действительность, бракосочетание происходит в загсе.

Гоша, герой драмы *Школьный вальс* (реж. Павел Любимов, 1977), оставив свою беременную девушку Зосю (в этой роли Е. Цыплакова), решает жениться на школьной подруге Дине (Е. Симонова), хотя не любит ее. В день торжества регистрации брака в загсе Дина осознает, что насильно женит на себе Гошу, но не меняет своего решения.

В брак вступают люди самого разного возраста. Героиня комедии *По семейным обстоятельствам* (реж. А. Коренев, 1977), Галина Аркадьевна (в этой роли Г. Польских), будучи матерью, тещей, бабушкой, вдруг сама становится невесткой.

Венчание в церкви становится всё популярнее – всё большее количество молодых пар склоняются к проведению этого древнего церковного обряда. Существуют определенные правила венчания, этот обряд не проводят в определенные праздники и посты, а также по понедельникам и средам. Часто перед венчанием в церкви молодые проходят обряд причащения и исповедь, и только затем проводится венчание.

Обряд тайного венчания показан в драме *Метель* (реж. В. Басов, 1964). Молодая барышня Марья Гавриловна (в этой роли В. Титова), как героиня французского романа, влюбляется в бедного армейского прапорщика. Родители девушки не соглашаются с её выбором. Влюбленные решают венчаться тайно в церкви, никому об этом не говоря. Невеста ожидает Владимира в церкви, но из-за метели он не приезжает на венчание. У алтаря Марья дает клятву, но совсем не тому человеку и падает в обморок.

Следующим элементом традиционной русской свадьбы является *свадебный пир / застолье / банкет*. Это большое торжество после бракосочетания. Обычно на нем присутствует тамада, который занимается установлением порядка речей и тостов, говорит анекдоты, организует конкурсы, игры и танцы.

Свадебный пир начинается со встречи жениха и невесты родителями у входа в ресторан. К этому надо приготовить хлеб, соль, бокалы с водкой, шампанским или минеральной водой, мёд и ложечку. Жених и невеста подходят к родителям, кланяются. Затем родители говорят приветственную речь, а молодые ломают хлеб, солят и кормят друг друга, потом выпивают мед, а бокалы бросают через левое плечо *на счастье*.

У русского свадебного застолья есть много разных традиций, которые молодожёны и все гости должны соблюдать. Очень важным является размещение гостей за свадебным столом. Жених и невеста должны сидеть на специально подготовленном месте в центре стола или на самом видном месте. Слева от жениха должны сидеть родители невесты, а справа от невесты родители жениха. Отец жениха должен приглашать гостей к столу, а также сначала произносить тост за жениха и невесту. Только после третьего тоста гостям можно кричать молодым *горько!* и попросить их поцеловаться. Важной деталью стола на свадьбе является свадебный торт, который обычно стоит перед молодоженами. Следующим элементом русской свадьбы является первый танец.

Место проведения свадебного пира / застолья / банкета зависит от того в какое историческое время происходит свадьба (напр. мирное или военное), от финансовых возможностей, от времени года, от того насколько дружными являются гости ит.д.

Свадебный довоенный обряд с песнями, танцами, частушками, определенным видом одежды, происходящий в большой деревенской избе и большим количеством гостей, показан в одной из серий (3 серия) фильма *Тени исчезают в полдень* (реж. В. Краснопольский, В. Усков, 1971-1973). Но именно на этой свадьбе происходит удивительный случай – отрицательные герои Устин и Пистемея уговаривают одного из героев, Фрола, увести невесту главного героя фильма Захара прямо со свадьбы.

Также в этом сериале (4 серия) другая свадьба – Клавдии и Фёдора, проходит она просто в саду, в летнее время, поются задушевные песни, нет плясок и частушек, гостей меньше – одни родственники. Однако радость длится недолго – прямо во время свадьбы Фёдор получает повестку на фронт.

В советское повоенное время свадебные застолья проходили там, где позволяли возможности – часто это были комнаты в общежитии, именно такое застолье показано в фильме *Москва слезам не верит* (реж. В. Меньшов, 1980). Гости ели, пели, разговаривали, никто не обращал внимания на неудобства и тесноту.

В настоящее время свадьбы тоже бывают разными. Довольно отрицательный образ провинциальной России показан в фильме *Свадьба* (реж. П. Лунгин, 2000). К сожалению, тут представлена уже даже не свадьба, а пьянка-гулянка со всеми её последствиями.

Пример удачного свадебного банкета показан в упомянутых уже фильмах *Горько!*, где молодожёны участвуют сразу в двух свадьбах, и всё проходит благополучно, и в комедии *Кухня*, когда Вика (одна из главных героинь) соглашается стать женой Максима (главного героя). Здесь великолепная еда, шикарные наряды, довольные и жизнерадостные гости.

Послесвадебные обряды происходят на второй и третий день после венчания. Все гости собираются в доме жениха или невесты (в зависимости от региона). К послесвадебным обрядам причисляются также медовый месяц и годовщины свадьбы.

Проблемы, трудности и препятствия, связанные со свадьбой

У будущих молодожёнов бывают самого разного рода проблемы, трудности и препятствия.

Отсутствие денег, а особенно приданого у будущей невесты – одно из важнейших препятствий при поиске жениха в XIX веке. Сватовство, которое проходит именно с учётом этого момента, показано в экранизации пьесы Александра Островского «Бесприданница», драме *Жестокий романс* (реж. Э. Рязанов, 1984). Дворянка Х.И. Огудалова (в этой роли А. Фрейндлих), обедневшая после смерти мужа, хочет выдать замуж младшую дочь Ларису (Л. Гузеева) и поэтому часто организует вечеринки для перспективных мужчин – потенциальных женихов. У Ларисы много поклонников, но никто не хочет жены, у которой нет приданого. В фильме критикуется социальный феномен *приданого*. Если бы не приданое, не было бы трагедии Ларисы Огудаловой.

В случае свадьбы с иностранцем необходимым условием является предъявление в соответствующие органы согласия родителей, даже если кто-то из родителей не воспитывал ребёнка. Именно такая проблема появляется у героини одного из самых известных фильмов перестройки *Интердевочка* (реж. П. Тодоровский, 1989) Тани (в этой роли Е. Яковлева), которая мечтает вырваться из обыкновенной и серой жизни, выйти замуж за иностранца и жить счастливо в другой стране.

Следующая трудность, которая появляется у молодых людей, это отсутствие полной уверенности в том, что они действительно хотят стать мужем, женой конкретного другого человека. Трудно принять решение особенно тогда, когда кто-то является старым холостяком. Именно поэтому Женя Лукашин (в этой роли А. Мягков) из культовой мелодраматической комедии *Ирония судьбы, или С лёгким паром* (реж. Э. Рязанов, 1975) не в состоянии сделать предложение Гале, которая этого ждёт. Но, когда он знакомится с Надей (Б. Брыльска), становится уверенным и в себе, и в своих чувствах.

Отсутствие мужчин в женском коллективе – это следующая проблема. Особенно это касалось девушек из рабочих общежитий, которые очень хотели выйти замуж. Главная героиня фильма *Одиноким предоставляется общежитие* (реж. С. Самсонов, 1983) Вера Голубева (в этой роли Н. Гундарева), работница текстильного комбината, в свободное время устраивает судьбу своих подруг. Вера подходит к этому занятию профессионально: рассылает брачные объявления по всему Советскому Союзу и тщательно подбирает женихов. Сама Вера одинока, она не мечтает о собственном семейном счастье.

Знакомство с семьей жениха / невесты происходит по-разному. Некоторых девушек / парней свёкры / тести принимают сразу, а другим предстоит побороться за то, чтобы войти в семью будущего мужа или жены.

В советской мелодраме *Москва слезам не верит* одна из трёх подруг, главных героинь фильма – Тоня (актриса Р. Рязанова) – знакомится с родителями будущего мужа в выходной день на даче. Тоня, будучи скромной и симпатичной девушкой, сразу понравилась будущим свёкрам. Действие этой сцены фильма происходит в 50-е годы.

В истории Лиды (в этой роли А. Уколова) и Глеба (актер А. Барабаш) из мелодрамы *Свадьба* (реж. А. Званцова, 2008) уже в самом начале появляются трудности. Лида всеми силами пытается сделать всё, чтобы будущая свекровь полюбила её. В конце концов мать вынуждена смириться с выбором сына и принять Лиду в семью.

Рациональная подготовка к свадьбе ещё не означает, что всё призоидет прекрасно. В мелодраме *Путер ФМ* (реж. О. Бычкова, 2006), действие которой происходит в современном Санкт-Петербурге, главные герои Маша (Е. Федулова) и Костя (А. Барабаш) тщательно готовятся к свадьбе. Особенно серьёзно ко всему подходит Костя – он выбирает

машину, кольца, свадебное меню и т.д. Его невеста Маша понимает, что Костю не любит, хотя он надежный человек. В итоге свадьба отменяется.

Современная молодежь часто относится в свадьбе как к очередному заданию, которое надо выполнить. Это наблюдается в первой из четырех новелл фильма *Рассказы* (реж. М. Сегал, 2012), где молодые люди подробно планируют вместе с тамадой собственное бракосочетание. Любви между ними совсем не видно – всё печально и серьезно.

Часто взгляды молодых и их родителей расходятся – в комедии *Горько!* (реж. Ж. Крыжовников, 2013) молодые мечтают о маленькой свадьбе на берегу моря, а отчим хочет, чтобы *не ударить в грязь лицом*. В результате, молодые решают устроить две свадьбы: одну для родных и для родителей, а вторую для друзей.

В заключение отметим, что свадьба в России – это всегда большой праздник, который характеризуется многими обрядами и традициями, которые начали существовать ещё на Руси. Современная русская свадьба совмещает элементы старорусской и современной культуры, а также обряды других стран, что прекрасно показано в советском и современном российском кинематографе.

Литература

- Аскольдов С.А. 1997 – Концепт и слово. *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология*, под ред. В.П. Нерознака, Москва.
- Кубрякова Е.С. 1996 – *Концепт. Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва.
- Лихачев Д.С. 1993 – *Концептосфера русского языка*. Т. 52, № 1, Москва.
- Маслова В.А. 2001 – *Лингвокультурология*, Москва.
- Попова З.Д., Стернин И.А. 1999 – *Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях*, Воронеж.
- Попова З.Д., Стернин И.А. 2007 – *Когнитивная лингвистика*, Москва.
- Степанов Ю.С. 2001 – *Константы: Словарь русской культуры*, Москва.
- Степанов Ю.С. 2007 – *Концепты. Тонкая пленка цивилизации*, Москва.
- Телия В.Н. 1996 – *Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты*. Москва.
- Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. 1985 – *Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области)*, Москва.
- Кононенко Б.И. 2003 – *Большой толковый словарь по культурологии*. Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/1170/symbol/209>

ТИПОВОЙ ТЕКСТ ДИАСПОРЫ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ⁹

Е.И. Костанди

Тартуский университет, Эстония

jelisaveta.kostandi@ut.ee

Статья обобщает предшествующие работы автора и ряда других исследователей, посвященные анализу речи русской диаспоры Эстонии. В центре внимания находятся характеристики, связанные с восприятием и отражением действительности, со спецификой языковой картины мира в ситуации диаспоры и языковых контактов. Рассматривается регулярность проявления таких признаков, ведущая к стандартизации речи и позволяющая использовать понятие типового текста (дискурса) диаспоры. Характеризуются основные составляющие типового текста: пространственно-временная локализация, языковая рефлексия, характер оценки, актуальные «темы диаспоры». Компоненты типового текста репрезентируют когнитивный аспект специфики речи диаспоры.

Ключевые слова: речь диаспоры – русский язык в Эстонии – ментальность – типовой текст

Одним из активно изучаемых проявлений вариативности русского языка является речь многочисленных русских диаспор в разных странах, в частности в Эстонии. К настоящему времени описаны и проанализированы многие формальные особенности русской речи в Эстонии, выявлен ряд коммуникативно-прагматических и иных причин появления этих особенностей¹⁰. Имеющиеся результаты позволяют перейти к некоторым теоретическим обобщениям, одному из которых и посвящена данная статья.

Анализ материала, проведенный ранее и представленный в ряде публикаций, показал, что помимо формальных признаков (иноязычные вкрапления, заимствования и др.) местная специфика обнаруживается в ряде параметров, характеризующих не только и не столько язык и речь, сколько языковую личность, ментальность носителя языка в условиях диаспоры, психолингвистические и когнитивные аспекты языка и речи. Факты, полученные в ходе рассмотрения разнородного материала (разговорная речь, говоры, СМИ, официально-деловые тексты, реклама, мемуарная, художественная, учебная литература, сетевое общение и т. д.), свидетельствуют о том, что такие параметры регулярны, повторяются в разных конкретных текстах, разных типах текстов, в разных функциональных стилях. Это дает возможность говорить о явлении стандартизации и о формировании своего рода «типового

⁹ Статья написана в рамках гранта Эстонского научного фонда ETF 9300.

¹⁰ Относительно полный список работ, посвященных речи русской диаспоры Эстонии и смежным вопросам, можно увидеть на веб-странице Отделения славистики Тартуского университета:
<http://www.maailmakeeled.ut.ee/et/osakonnad/baza-dannyh>

текста» или, скорее, типового дискурса диаспоры. Ранее в ряде работ нами рассматривались отдельные характеристики такого рода, главная цель на данном этапе – обобщение предыдущих наблюдений¹¹. Ограниченность объема статьи не позволяет рассмотреть детально все признаки предполагаемого инвариантного текста, поэтому далее они будут охарактеризованы в целом, подробнее остановимся лишь на отдельных аспектах. Формальные признаки типового текста – а они есть – в настоящей статье не рассматриваются, в центре внимания будут характеристики, эксплицирующие специфику языковой концептуализации действительности.

Результаты предшествующих исследований свидетельствуют о том, что «диаспорная» составляющая регулярно присутствует в **пространственно-временной локализации**, в **языковой рефлексии**, в **характере и степени оценок**, в **актуализации определенных тем**. Многочисленность речевых фактов говорит о значимости перечисленных параметров и, соответственно, позволяет определить их как ключевые для инвариантного дискурса диаспоры. К настоящему времени наиболее системно, хотя и далеко не полностью, рассмотрены пространственно-временная характеристика и языковая рефлексия, на которых прежде всего и остановимся.

Категории **времени и пространства** являются базовыми для человека практически во всех областях жизни, что проявляется и в языке. Изменения в этой сфере часто свидетельствуют об изменениях в восприятии действительности, в языковой картине мира. Некоторые особенности пространственно-временной организации, отличающие речь в условиях диаспоры, либо попутно затрагивались нами [Костанди 2013, 2015а], либо рассматривались специально [Костанди 2015б, 2015в]. В указанных работах отмечалось, что основные средства выражения времени и пространства в речи диаспоры, разумеется, не отличаются от существующих в русском языке в целом, однако в деталях есть очевидная специфика. Так, ряд тематических групп слов, словосочетаний, целых выражений, содержащих темпоральный компонент, получают «местное» наполнение. Основными сферами / темами для таких единиц являются:

1. Информационное пространство: представитель русской диаспоры Эстонии (как и многих других стран) регулярно ориентируется не только на местное время, но и на российское, средневропейское или иное (ср., например, типичные вопросы о времени телепередач: *Это по какому времени? Это по России? Время у них какое?*).

2. Знаменательные даты, праздники, связанные с ними обычаи, действия и т. д. (ср. из записей разговорной речи: *Русская Пасха когда у нас? Яанов и Иванов дни в одно время? Русский Новый год скоро.*).

¹¹ Анализ материала по отдельным вопросам представлен в наших предыдущих публикациях, на которых базируется и ссылки на которые содержит настоящая статья.

3. Исторические периоды, события, деятели (ср.: *немецкое / шведское / русское / эстонское время* (периоды), *пробуждение, поющая революция, Бронзовая ночь, первая республика*).

4. Деятельность, состояние, предполагающие темпоральный компонент (*рождественские каникулы, срочная служба, пенсионер, отпуск по уходу за ребенком, гимназия* и др.).

Кроме того, темпоральная специфика присутствует в каждодневных дискурсивных практиках диаспоры, когда, например, мы имеем дело с указанием времени работы магазинов, кафе, учреждений и пр., с календарями, ежедневниками, дневниками, поздравительными открытками, грамотами, документами, где время обозначено либо по-эстонски либо каким-то иным способом, характерным для нашей действительности. Многочисленность таких практик, в которые погружен человек, может привести к тому, что носитель русского языка частично теряет автоматизм навыка обозначения времени по-русски, для него привычнее в подобных ситуациях использование, например, другого языка. Разумеется, он может сделать это по-русски, но порой оно уже не происходит «само собой». Такие особенности были подробнее рассмотрены в указанных выше статьях, поэтому здесь они не анализируются. В различных типах текстов могут наблюдаться частные проявления местной темпоральной спецификации [например: Щаднева 2014].

Регулярны и особенности определения, восприятия, оценки пространственных параметров. Среди них значимы, например, следующие «топосы»: Эстония – Россия, Эстония – Запад / балтийский регион / Северная Европа / Евросоюз, регионы Эстонии, районы городов, пространство в прошлом и сейчас (империя, Эстонская республика, СССР и др.), знаковые места, информационное пространство. Материал разнообразен – от глобальных вопросов определения своего места в мире, самоидентификации в пространстве до повседневных практик: написанные по-эстонски, латиницей адрес на конверте, названия городов, улиц, районов, микротопонимы городского пространства, указатели на улице, в учреждении, на вокзале и т. п. Поскольку настоящая статья имеет обобщающий характер, ограничимся примерами двух видов. Во-первых, примерами общего характера, связанными с самоидентификацией в пространстве, то есть оценочными высказываниями о близком человеку пространстве: стране, городе, улице и т. п. Например, такие характеристики оказались значимыми и регулярными в мемуарной литературе, ср.: *Эстония – моя земная родина. Куда бы я ни попадала в жизненных зигзагах, я всегда возвращалась в Эстонию. <...> Духовная же моя родина – русская культура* (Т. Милютин. Люди моей жизни. Тарту, 1997. С.10); *Я рано лишился своей родной матери – Литвы. Эстония оказалась для меня доброй и ласковой приемной матерью. Она пригрела меня, а я прикипел к ней сердцем. Великая благодарность и низкий поклон моей второй родине за это!* (Ю. Вайкакас. Расскажи

о своей жизни. Жизнеописания эстоноземельцев. Таллинн, 2005. С. 61); *Я до сих пор больше всех городов люблю Петербург, но «привычка свыше нам дана, замена счастию она». Постепенно привыкла и полюбила наш Тарту* (Э. Гришакова. Там же. С. 167); *Уезжая из Петербурга, они стремились в край, где нет советской власти. Ее здесь действительно не было, но не было больше и российской губернии. Образовалась новая страна Эстония, Ревель стал Таллинном* (А. Эланго. Там же. С. 223); *Екатеринентальский парк всегда мне напоминал о России, о русском, потому что был связан с именем Петра, который у меня в сознании был русским началом в Европе* (Н.Е. Андреев. То, что вспоминается. Т. I. Таллинн, 1996. С. 176). Как видно из примеров, специфика пространственной самоидентификации диаспоры заключается, в частности, в том, что регулярно соотносятся разные страны, регионы, города (Эстония / Россия / Литва, Петербург / Тарту, российская губерния / новая страна), то есть актуально понятие пограничья, перехода из одного пространства в другое. Есть, разумеется, и иные отличительные черты, которые выше не затронуты.

Другая группа примеров представляет городское пространство, его ориентиры: названия улиц, магазинов, кафе, кинотеатров и т. д. Как отмечалось выше, чаще это названия на эстонском, реже на других языках, как вариант – частично русифицированные, ср. высказывания из записей разговорной речи – *Это на Раатузе* ('Ратушная'); *Раньше на Тийги* ('Прудовая') *занятия были*; *Я это в Каубамайя* ('Торговый дом') *купила*; *В Каубушку* (то же) *пойдем?*; *У Кивика встретимся* (магазин Кивилинн – дословно 'каменный город') – и фрагмент диалога героев романа современного эстонского русскоязычного писателя А. Иванова: *И я, если честно, приятно удивлен, глядя на то, как поднимается «Радиссон» и «Юхиспанк» над «Олимпией» и «Виру». Словно новое время торжествует над старым. Мне нравится Терминал и отель «Таллинк». Мне нравятся «Мерритон», «Скандики» и прочая дребедень* (А. Иванов. Горсть праха. В: Харбинские мотыльки. Москва, 2014. С. 366). Повседневная жизнь в окружении преимущественно не русских микротопонимов – важная составляющая картины мира, отражающаяся и в типовом тексте диаспоры. Пространственные характеристики, как и темпоральные, могут иметь разнообразные частные проявления, например, интересна организация пространства, отражающаяся в лексике русских говоров Эстонии [см.: Паликова 2012].

Язык, речевая деятельность являются еще одной важнейшей составляющей жизнедеятельности человека, и их восприятие обыденным сознанием свидетельствует не только о языковых характеристиках, но и о психологических, социальных и иных. **Языковая рефлексия** – обязательный компонент речевой деятельности, имплицитный или эксплицитный, выраженный в метаязыковых единицах – словах, выражениях, фрагментах текстов и в целых текстах, комментирующих, оценивающих, регулирующих речь и язык.

В условиях сосуществования языков, регулярной ориентации на двуязычного адресата, необходимости выбора языка языковая рефлексия активизируется, о чем свидетельствует материал. Ранее с этой точки зрения нами анализировались разговорная и диалектная речь, мемуарная и художественная литература, сетевое общение, в меньшей мере материал других сфер. Было выявлено большое число метаязыковых единиц разного характера, значительная часть которых репрезентирует специфику языковой рефлексии диаспоры. При анализе затрагивались разные аспекты [Костанди 2012, 2014], в контексте дискурсивных практик диаспоры рассматривались вопросы, связанные с понятием типового текста [Костанди 2015а], отдельно метаязыковой дискурс анализируется в статье, сданной в печать¹². Обобщим основные результаты указанных работ.

Представители диаспоры регулярно и разносторонне представляют, оценивают, комментируют язык, речь, коммуникацию, языковую самоидентификацию. В их метаязыковых высказываниях характеризуются автор речи, адресат, условия коммуникации, коммуникативное поведение, узус, нормы, языковые единицы, характер речевых действий и другие составляющие языка и речи. Наряду с этим, регулярно появляются метаязыковые единицы, обусловленные местной ситуацией, то есть ситуацией диаспоры и постоянных языковых контактов. С содержательной точки зрения они чаще всего нацелены на:

1. Описание, характеристику, оценку местной языковой ситуации в целом, например: *... моя родина – это край, где большинство названий употребляется на двух языках* (А. Эланго. Рассказы о своей жизни. Жизнеописания эстоноземельцев. Таллинн, 2005. С. 221); *На второй год гимназии наши преподаватели иностранных языков приспособили форму более или менее русской манеры образования к той, которая создавалась пребыванием в Эстонии с детства, когда в обиход входили два или даже три языка: эстонский, русский и немецкий* (Н.Е. Андреев. То, что вспоминается. Т. I. Таллинн, 1996. С. 187.).

2. Характеристику и оценку уровня, необходимости знания разных языков, возможностей и результатов их изучения: *А я-то по-эстонски не говорил. В нас же эстонцев тогда не было в деревне, только русские. Мы с эстонцами не общались* (Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Тарту, 2007. С. 292); *<...> говорили, что эстонцы не учат русский, но и хороших учителей английского у них нет. Чепуха! Они лопочут и по-русски, и по-английски* (А. Иванов. Горсть праха. В: Харбинские мотыльки. Москва, 2014. С. 366).

3. Описание, воспроизведение, оценку конкретных ситуаций, в которых используются разные языки: *Я продолжаю то, из чего я выросла: соединяю, переплетаю, сближаю два*

¹² Так как в настоящее время неизвестно, принята ли статья к публикации, в список литературы ниже она не включена. Предположительно статья «Метаязыковой дискурс диаспоры: инвариант и варианты» будет опубликована в издании Гданьского университета в 2016 году.

родных для меня языка. В нашем доме по-прежнему звучит разноязыкая речь – русский, эстонский, английский, немецкий... мы, не задумываясь, переходим с одного языка на другой, нам хорошо и уютно в этом вавилонском столпотворении (Н. Абашина-Мельц. Расскажи о своей жизни. Жизнеописания эстоноземельцев. Таллинн, 2005. С. 274.); *Мне в жизни везло. Это как эстонцы говорили: „Kurat, kui Mäe-Fedja läks, jälle toob рыбы. Kos ta läheb – alati siis kala käes!“* ('Черт, если Федя Горный отправится, так опять привезет рыбу. Если уж он отправится – рыба всегда будет') (Acta Slavica Estonica. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III. Тарту, 2012. С. 264).

4. Комментирование, перевод, сопоставление единиц (слов, выражений, грамматических форм), норм, узуса русского и эстонского (реже иных) языков: *Вот в новостях слышала / квартирный дом // ведь калька / не по-русски как-то; Да мы всегда говорим Хайгекасса / понятнее так* (разговорная речь).

Выше приведены примеры из разных текстов, функциональных стилей, сфер общения. Условия коммуникации, авторы и адресаты различны, однако во всех случаях оказывается значимым «диаспорный» компонент языковой темы. Регулярность появления перечисленных составляющих языковой рефлексии позволяет рассматривать их как ключевые для метаязыкового дискурса диаспоры. Последний, в свою очередь, может быть определен как часть типового текста / дискурса диаспоры.

Картина мира человека, как известно, во многом определяется «через призму» **оценки**, оценкой же и руководствуется человек в разных областях жизни. Оценочные значения, виды оценок, средства их выражения разнообразны, конкретная оценка формируется под воздействием множества факторов. В рамках статьи обобщающего характера невозможно рассмотреть в деталях специфику проявления оценки в речи диаспоры. Ранее аксиологический компонент затрагивался или специально рассматривался на разном местном материале: это, например, русская речь в эстонском телеэфире [Евстратова 2011], разговорная [Костанди 2008] и диалектная [Щаднева, Паликова 2011] речь и др. Обобщая наблюдения названных и других авторов, можно сказать, что в сопоставимых областях, например в СМИ, рекламе, урбанонимах, эстонский фон как правило более нейтрален, чем российский, то есть не в диаспоре. Так как объем статьи не позволяет рассмотреть разные примеры, ограничимся наиболее очевидными.

Последние 10-15 лет исследователями активно анализируется игровой компонент, включающий ярко выраженную оценку, в различных современных российских дискурсивных практиках. Так, О.С. Иссерс [Иссерс 2009], рассматривая с этой точки зрения тексты меню и надписи на автомобилях, Т.В. Шмелева, анализируя городской ономастикон [Шмелева 2009], и другие авторы приводят множество примеров повышенной оценочности,

экспрессивности, креативности в текстах повседневного окружения человека в российской действительности. В условиях диаспоры такие тексты часто не только менее оценочны, но обычно просто отсутствуют на русском языке, что существенно сокращает оценочную составляющую «обыденного» языка. Возможность использования языковых средств в качестве оценочных в условиях языковой метрополии и диаспоры также различны. Один из ярких примеров – латиница как средство языковой игры, что распространено в российской рекламе, в наименованиях магазинов, кафе и т. д. В стране, где государственным является язык с латинской графикой и латиница окружает нас повсюду, она не может восприниматься как что-то привлекающее внимание, креативное, что лишает это графическое средство игрового потенциала. Такого рода факты свидетельствуют о специфике выражения оценки в условиях диаспоры.

Важнейшая составляющая любого текста – его содержание. Инвариантный типовой текст диаспоры включает в себя **темы, актуальные** для диаспоры. Конкретная тематика, разумеется, меняется – это могут быть та же языковая тема, вопросы гражданства, образования, интеграции, СМИ на русском языке и другие – важен сам факт актуальности и соответствующие этому «ключевые слова».

Итак, в русской речи в Эстонии формируются речевые и коммуникативные особенности, в которых отражается специфика языковой картины мира, обусловленная функционированием языка в диаспоре. Такие особенности регулярны и присутствуют в разных конкретных текстах и коммуникативных условиях, что свидетельствует о явлении стандартизации. Последнее позволяет предположить существование некоторого абстрактного инварианта и, соответственно, смоделировать типовой «текст диаспоры». Его ключевыми компонентами будут актуальная для диаспоры тематика, локализация в «своих» пространстве и времени, особенности языковой рефлексии и характер оценочности. Анализ нового материала поможет полнее охарактеризовать названные компоненты и, возможно, добавить новые. На данном этапе исследования речь идет о наиболее очевидных параметрах инварианта типового текста. Можно предположить, что подобные процессы характеризуют не только речь русской диаспоры Эстонии, а носят более универсальный характер.

Литература

- Евстратова С. 2011 – Русская речь в телеэфире Эстонии. *Русистика и современность*. Рига. 157-161.
- Иссерс О.С. 2009 – Игровые стратегии как примета новых дискурсивных практик. *Современная речевая коммуникация. Стратегии и жанры. Вып. 1*. Омск. 30-42.
- Костанди Е.И. 2008 – Аксиологический компонент разговорной речи. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте*. Тарту. 108-124.

- Костанди Е.И. 2012 – Метаязыковые единицы в разговорной речи диаспоры. *Scientific Papers University of Latvia. Linguistics*. nr. 772. 16-23.
- Костанди Е.И. 2013 – К вопросу о «слабых участках» языковой системы: язык диаспоры. *Гуманитарные чтения РГГУ — 2012*. Москва. 34-45.
- Костанди Е.И. 2014 – Русская разговорная речь в условиях диаспоры: форма, содержание, прагматика (русская речь в Эстонии). “*Muwimu, jak tuwimu...*” / “*Говорим, как говорим...*”. Gdańsk. 118-125.
- Костанди Е.И. 2015а – Специфика дискурсивных практик в ситуации языковых контактов. *Ежегодник финно-угорских исследований*. Вып. 2. Ижевск. 29-40.
- Костанди Е.И. 2015б – Специфика пространственно-временной локализации в условиях диаспоры (русский язык в Эстонии). *Культурный ландшафт Пограничья: прошлое, настоящее, будущее*. Псков (в печати).
- Костанди Е. 2015в – Категория темпоральности в «обыденном» языке: сопоставительный аспект. *Rusistika Latviensis 5. Slavica – 2015*. Riga, 2015. 79-85.
- Паликова О.Н. 2012 – Отражение географических представлений жителей острова Пийриссаар в их лексике и фольклоре. *Acta Slavica Estonica. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III*. Тарту. 160-193.
- Шмелева Т.В. 2009 – Городской ономастикон в коммуникативном аспекте. *Современная речевая коммуникация. Стратегии и жанры. Вып. 1*. Омск. 56-65.
- Щаднева В.П., Паликова О.Н. 2011 – Труд в системе социально-религиозных представлений староверов западного Причудья (на материале говора). *Humaniora: Slavica Tartuensia IX. Лингвокультурное пространство современной Европы через призму больших и малых языков*. Тарту. 376-389.
- Щаднева В.П. 2014 – Функционально-семантические особенности темпоральных языковых средств в текстах разных жанров (на материале эстонско-русских переводов криминальных новостей и обвинительных актов). *Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. II*. Москва. 528-537.

ОТРАЖЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В СЛОВАРЯХ И ДИСКУРСЕ ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.П. Кравцова

Каунасский технологический университет, Литва

liusika@hotmail.com

Рассматривается изменение отношения лингвокультуры, зафиксированное словарями и дискурсами публичной коммуникации, к содержательному наполнению слов со значением *посредник* и к стоящему за ними денотативному классу лиц. На примере экономической сферы деятельности через понятие лексического параметра описываются существительные со значением лица, выражающие как идею чистого посредничества (*дилер, брокер, маклер*), так и совмещающие в себе значение *предприниматель* и *посредник* (*байер, дистрибьютор*). Возрастание роли посредничества отражается на языковом уровне – прослеживается доминирование слов со значением посредничества в экономической терминологии, что и фиксируют современные словари.

Ключевые слова: существительные со значением лица, посредничество, лексема, дискурс, денотативный класс

Интерес к теме посредничества обусловлен изменениями, которым подверглась экономическая жизнь России. Язык экономики стал средством, позволяющим человеку ориентироваться и коммуницировать в современных условиях. Введенные в повседневное общение термины формирует систему представлений об экономических взаимоотношениях, так как несут в себе полученную путем восприятия окружающей действительности информацию [Пушкарева, 2006]. Сегодня популярным становится термин «мир-система» – «обладающая системными характеристиками предельная совокупность человеческих обществ, заметным образом прямо или опосредованно связанных между собой» [Гринин, Коротаев, 2008:22]. При этом «смысловые ориентации в мир-системе определяются через обращение к экономической терминосистеме, выявление особенностей которой **позволяет произвести историческую реконструкцию ситуации ее использования, охарактеризовать субъективность эпохи (исторической ситуации), воспроизвести особенности творческой мысли**» (выделено нами) [Пушкарева, 2006]. Как правило, в качестве основной тенденции в области экономической лексики отмечают приток заимствований [Комлев, 1992; Костомаров, 1999; Труфанова, 2006 и др.], при этом речь идёт «об активизации употребления этих слов, а не только о новых заимствованиях, поскольку наряду с появлением заимствований-неологизмов наблюдается расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии» [Крысин, 1996:158].

Нас интересует, как происшедшие в коллективном сознании процессы, обусловленные экстралингвистическими факторами, сказались на лексическом репертуаре единиц, относимых к наиболее актуальным языковым средствам, поэтому мы опираемся прежде всего на данные Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика под ред. Г.Н. Складневской (далее – САЛ). Исходя из утверждения И.А. Стернина, что наибольшим изменениям подвергся коммерческий дискурс, мы вправе ожидать существенных изменений в этой подсистеме лексики по сравнению с репертуаром единиц, зафиксированных в словарях предшествующей эпохи [Стернин, 2000:4-16]. Конечно, неспециализированный словарь не может содержать большого количества слов, связанных с областью специальных знаний. Однако включение определенных слов этой группы позволяет говорить об актуальности тех или иных реалий и понятий российской действительности, ранее не знавшей многообразия экономических форм жизни. Мы используем ресурсы модели «Смысл-Текст», в частности, прибегнем к понятию лексической функции, чтобы установить тип смысловых отношений между ключевым и зависимым словом, реализующихся в лексико-семантической группе экономической лексики, и наглядно показать близость или различие значений составляющих ее слов.

Отметим всё возрастающую роль посредничества в современном обществе. «Слово «посредник» появилось в обороте рядовых граждан сравнительно недавно – ещё в относительно недалёкие советские времена люди с таким родом деятельности практически отсутствовали. Оно и понятно – экономика была плановой, и никто не заботился об эффективности продаж» [Dimitar Nessebar 2014]. Наиболее значимым «является разделение посредников по собственности на товар и по признаку «от чьего имени ведётся торговля». По этому признаку посредники делятся на четыре основные группы: дилеры; дистрибьюторы; комиссионеры; брокеры» [www.startlogistic.ru/sbytovaya-logistika/41].

Начнём со слова *брокер*, ассоциирующегося с работой на бирже: «Работа брокера в основном заключается в том, что в биржевых торгах он непосредственно представляет интересы клиентов, т.е. по их поручениям он выставляет заявки на покупку или продажу того или иного финансового инструмента (долговые обязательства, акции, фьючерсные контракты, валюту) по определенной цене и совершает сделки с другими брокерами или с биржей в зависимости от типа инструмента и от торговой системы. В основном сделки совершаются на счет клиента, и брокер может не иметь непосредственной финансовой заинтересованности в цене» [www.rabotka.ru]. САЛ расширяет поле его деятельности: «*брокер – посредник (лицо или фирма) при заключении сделок по купле-продаже ценных бумаг, товаров и услуг по поручению и за счет своих клиентов*». И действительно, в России существуют *авиаброкеры, страховые, квартирные брокеры* и т.д. Лексема, с определёнными

нюансами, присутствует во многих словарях. Так, в словаре Ожегова, например, отсутствует такой компонент толкования, как *действующий от имени и за счет клиентов*. Значит ли это, что он рискует своими денежными средствами, он предприниматель или наемный работник? «Citigroup нанимает брокеров» [<http://aton-line.ru>], – отсюда следует, что брокеры – наемные работники.

В ряде словарей в качестве пояснения к слову *брокер* приводят слово *маклер* (Энциклопедия юриста, Толковый словарь Кузнецова). Юридический словарь указывает, что *брокер* именуется *маклером* (словом немецкого происхождения) в романо-германской традиции. Оно есть уже в словаре Даля: «*Маклер - (схоже с маклак, сводник) немецк. на биржах и пристанях, посредник между продавцом и покупщиком, записывающий и укрепляющий сделки; вообще, избираемый купечеством присяжный, для записки в маклерскую книгу всех торговых сделок и договоров, какие будут явлены*». Согласно Этимологическому словарю, слово появилось в языке в Петровскую эпоху и до революции было довольно распространенным, своё «второе рождение» оно пережило совсем недавно. Есть ли различие в значении немецкого и английского слов? Сравнивая их толкования, в Этимологическом словаре мы видим отсутствующий выше компонент «вознаграждение от обеих сторон»: *маклер - «1. коммерц. Коммерсант, профессионально занимающийся посредничеством при купле-продаже, заключении различных сделок и т.п. 2. Фин. Работник биржи, занимающийся посредничеством при покупке-продаже ценных бумаг, способствующий заключению сделок купли-продажи путем сведения партнеров и получающий вознаграждение от каждой из сторон, участвующих в сделке»*.

Более очевидно различие двух видов коммерческой занятости в экономическом дискурсе: «Брокер — это агент и официальное доверенное лицо, несущее ответственность по закону и действующее в рамках законодательных ограничений. Брокеры могут представлять только одну сторону сделки ... Маклеры, в отличие от брокеров, не являются агентами ни одной из сторон. Не являются они и доверенными лицами. Они представляют саму сделку, а не какую-либо из сторон. Маклеры могут получать вознаграждение от обеих сторон или одной из них, не ставя в известность другую» [<http://ecouniver.com/4050>]. Значит, маклер – это чистый посредник, не вкладывающий свои средства, но и не нанимаемый кем-то.

Толкования лексемы *дилер* в САЛ и в словаре Ефремовой («*лицо или фирма, выступающие биржевыми или торговыми посредниками между продавцом или покупателем при купле или продаже ценных бумаг или товаров*») практически совпадают. При этом толковые словари не вскрывают различия между *брокером*, *маклером* и *дилером*, представляя их как синонимы (квазисинонимы). Разумеется, это – знания специализированного характера, однако адресат словаря вправе рассчитывать на получение ясности относительно

денотата описываемых в словарных статьях явлений. Бóльшую ясность вносит Современный экономический словарь: «1) участник бизнеса, физическое или юридическое лицо, закупающее продукцию оптом и торгующее ей в розницу или малыми партиями. Обычно это агенты фирм-производителей продукции, выступающие в роли участников ее дилерской сети; 2) частное лицо или фирма, члены фондовой биржи или товарной биржи, ведущие биржевые операции не в качестве простых агентов-посредников (брокеров), а действующие от своего имени и за собственный счет, то есть вкладывающие в дело собственные деньги, осуществляющие самостоятельно куплю-продажу ценных бумаг, валюты, драгоценных металлов». Таким образом, отличие дилеров от маклеров и брокеров в том, что они рискуют собственными капиталами, то есть являются и предпринимателями.

Сюда же примыкает и слово *трейдер*: «Сотрудник брокерской фирмы, непосредственно выполняющий операции купли-продажи на бирже по заказам клиентов» [САЛ] (словарь Ефремовой даёт такое же толкование, у Ожегова его нет). Уточнение различия между *трейдером* и *брокером* вносит Финансовый словарь: «**трейдер** — член биржи, участник биржевой торговли, осуществляющий биржевые сделки за собственный счет или по поручению клиентов». Думается, это самостоятельно действующее лицо, одновременно и предприниматель, и собственно посредник – наемный работник: «Трейдер Forex анализирует существующую на рынке ситуацию, принимает решение о целесообразности заключения сделок и при необходимости заключает их» [https://traders-union.ru/page/birzhevie_trejderi_i_brokeri/].

К этой же группе относится и *дистрибьютор*: «1. предприятие, занимающееся от лица фирмы изготовителя **сбытом** и гарантийным обслуживанием товара. 2. Лицо, занимающееся такой деятельностью» [САЛ]. Словари Ожегова и Ефремовой не содержат этой лексемы. Содержание понятия уточняет Бизнес-словарь: «Юридическое или физическое лицо, проводящие закупку и сбыт оптовых партий товаров определенного ассортимента, чаще всего импортного производства, на региональных рынках. Д. закупает товары у продавца или производителя за свой счет, а затем продает их покупателю. Д. может оказывать маркетинговые услуги, а также услуги по монтажу и наладке оборудования, обучению пользования им». Специализированные словари (Современный экономический, Юридический) отмечают только первое значение слова, указанное в САЛ: оптовое предприятие. Однако в широком употреблении *дистрибьютор* относится и к лицу-распространителю продукции: «Анита Цой дистрибьютор Agel» [<http://agel.ucoz.org/news/>]; «Я не женщина, я дистрибьютор!» [<http://www.m-gabov.ru/myblog/87>].

Определим разницу между дилером и дистрибьютором, ведь оба вначале покупают товар за свои деньги: «...В статье *дилер* обычно указывается его принадлежность к биржевым

операциям (что отсутствует в статье *дистрибьютер*), а также подчеркивается, что *дилер* не выступает от имени предприятия (это делает дистрибьютер), то есть не раскручивает его «бренд», представляя на рынке собственные интересы. Общее: и дилер, и дистрибьютер занимаются посреднической деятельностью – скупают у одного экономического субъекта, чтобы продать другому» [Лючински, 2009:126].

На основе дефиниций в САЛ возможно объединить слова *байер* и *оптовик*. *Байер* – «*Торговый агент, осуществляющий оптовые закупки, (обычно модной одежды) для торговых предприятий*». Есть оно и в Большом англо-русском словаре: «*buyer – заведующий отделом магазина ~ заведующий секцией магазина ~ закупщик товаров ~ покупатель; ~ покупатель ~ работник универмага ~ работник управления фирменных магазинов ~ скупщик*». Употребление уточняют иллюстрации: «*Раньше байеров не было вовсе. Были «менеджеры по закупкам». Позже ... появились наконец, профессиональные байеры, каждый из которых должен быть одновременно художником, психологом, провидцем и коммерсантом (Пульс, 2002.№4)*». Идее оптовых закупок как будто бы противоречит другой пример: «*Бутики, как правило, заказывают изделия не оптом, а по два экземпляра, требуя при этом оптовой цены. Байеров можно понять – слишком велик риск не продать творения наших соотечественников*» (ЕЖ, 2003, № 66)» [САЛ], – т.е. *байеры* – это владельцы бутиков? Некоторые пояснения вносит «Энциклопедия моды»: «*Байер* – закупщик, отвечающий за формирование ассортимента магазина. Занимается закупкой товаров, предназначенных для целевой аудитории и относящихся к определенной ценовой категории. Задачами байера являются посещение показов сезонных коллекций дизайнеров, отбор подходящих моделей, налаживание и поддержание контакта с поставщиками». Значит, *байер* – не предприниматель, а посредник между бутиком и покупателем, наемный работник. Отметим, что *байер* – абсолютно новое явление, у которого появилась целевая аудитория покупателей, настроенных на высокие ценовые показатели: «*Нередко байеры работают и на частных клиентов (известных людей, которые всегда должны выглядеть модно и стильно), у которых нет времени на самостоятельные походы по магазинам и покупку одежды*» [<http://fill-in.ru/professions/10553/>].

Сравнение толкований *оптовика* позволяет говорить о расширении денотативного класса значения слова от лица – к организации: «*физическое или юридическое лицо, ведущее оптовую торговлю*» [САЛ], «*крупный торговец, работник торговли, ведущий куплю-продажу оптом*» [Словарь Ожегова], «*тот, кто занимается оптовой торговлей*» [словарь Ефремовой]. Похоже, слово пережило реактуализацию, так как в более ранних словарях оно сопровождается пометой «уст.» (МАС) или «дореволюц.» (словарь Ушакова). Сравнивая,

казалось бы, одинаково сформулированные дефиниции слов *байер* и *оптовик* с их употреблением в дискурсах, можно сказать, что у *байера* более узкая специализация.

К названной группе примыкает и слово *ритейлер* – «эконом. Компания, продвигающая и реализующая товары различных производителей на потребительском рынке, предприятие розничной торговли, специалист по розничной торговле» [САЛ]; «retailer» – сущ. 1) розничный торговец, лавочник 2) сплетник; болтун Syn : gossip, taleteller – розничный торговец; лавочник сплетник, болтун (тж. а * of gossip) [Большой англо-русский словарь]. Другие толковые словари этого слова не содержат, как и большинство специализированных. Прежде всего отмечено, что данную функцию выполняют организации, и только потом – лицо, но именно с лицом связаны размышления пользователей Рунета: «Вообще-то, ритейлер, это кто? Ритейлер – это человек, который занимается ритейлом, тот менеджер, который непосредственно продает товар конечному покупателю, формируя спрос, по сути» [<http://qq.by/10040-chto-takoe-ritejler.html>]. Многие пользователи Рунета отмечают неуместное стремление заменить русское слово иноязычным. Тем не менее, сегодня у нас два слова со значением «продавец в розничной торговле». Следуя логике языка, как правило, освобождающегося от лексических дублетов, должно произойти расхождение их значений: «Чаще всего, английское слово употребляется в сочетании «онлайн ритейлер», обозначающем розничного продавца именно в сфере интернет-бизнеса (или мобильного)» [<http://emagnat.ru/tag/retailer>].

Полагаем, обозначив *ритейлера* как *предпринимателя* (вкладывает деньги в покупку товаров, идет на финансовые риски) и одновременно *посредника*, можно усмотреть отношения конверсии в паре *оптовик / ритейлер*: «Дорогой оптовик ритейлеру не нужен» [kommersant.ru/doc/315895/]; «Челябинские оптовики отказываются кредитовать розничные сети» [www.liveretail.ru]. В целом, это слово все-таки более применимо к организации. Гипонимами к слову *ритейлер* как частному лицу можно считать следующие: *ларечник* – «частный предприниматель, занимающийся мелкой торговлей через ларек» и пережившее реактуализацию *магазинщик* – разг. *Владелец магазина, директор магазина, управляющий*. В САЛ отмечен предпринимательский характер деятельности ларечника (ср.: словарь Ожегова: «*продавец в ларьке*», словарь Ефремовой: «*разг. продавец в ларьке*»). Эти толкования не разграничивают обозначаемых лиц по характеру деятельности, слово представлено как моносемичное. Между тем владелец магазина есть предприниматель, в то время как директор и управляющий – наемные работники. Очевидно, что и ларечника, и магазинщика можно характеризовать как предпринимателей-посредников. Выражением того же типового значения (лексического параметра) является и слово *риэлтер*, которое САЛ определяет как «*организацию или физическое лицо, профессионально занимающееся*

продажей и покупкой недвижимости». В других толковых словарях его нет, хотя оно довольно широко входит в жизнь, особенно после сериала «Риэлтор».

Коммерческое посредничество широко охватывает и сферу средств массовой информации, о чём свидетельствует наличие в САЛ, в словаре Ефремовой (но не в Словаре Ожегова) целого ряда слов с первой частью *медиа-*: *медиа-байер, медиа-брокер, медиа-селлер*. Они не требуют особых комментариев и отражает ведущую роль экономических отношений в различных областях деятельности и прежде всего – роль рекламы в СМИ.

Маркетингизация проникла и в сферу искусства. «Казалось бы, искусство и маркетинг – вещи несовместимые, но это не так, – ведь произведение искусства можно рассматривать и как товар» [Дэвид Огилви, 2005]. Это слова своего рода гения рекламного дела, как тут не вспомнить «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать»? Лексемы в данной области обычно совмещают значение *предприниматель* и *посредник* (*арт-дилер, арт-директор, арт-менеджер, галерист, продюсер, антрепренер, промоутер*) – но это уже тема другого исследования.

Подводя итоги, приведём ещё одну цитату: «В сущности, именно посредники становятся основой мировой социальной структуры. И, наконец, они начинают воспринимать свою миссию по оказанию услуг как, напротив, главенствующую над двумя соединяемыми сторонами, и, даже, как «дающую им надежду на выживание» [Штепа, 1998]. Доминирование посредников подтверждается и на языковом уровне, что отражается в САЛ, где наибольшую группу слов экономической лексики составляют номинации, связанные с посредничеством, увеличилась их доля и по сравнению с более ранними словарями. Механизм изменений картины мира связан с пополнением новых элементов, снятием идеологических коннотаций, изменением денотативной отнесенности слова. При этом не всегда можно четко осознать денотативный класс новых явлений, требуется привлечение фоновых знаний читателя и специализированных источников, что подтверждает характеристику экономической терминологии русского языка как сублогической, лишенной определенности.

Словари

Бизнес-словарь. – URL: <http://www.businessvoc.ru> (См.12.01.2015).

Большой англо-русский и русско-английский словарь. Режим доступа: <http://dic.academic.ru> (См.11.01.2015).

Малый академический словарь (МАС). Режим доступа: <http://mas-dict.narod.ru/> (См.11.01.2015).

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. – *Современный экономический словарь*. 2.е изд. Москва: Инфра-М, 1999.

- Семенов А.В. – *Этимологический словарь русского языка*. URL: <http://evartist.narod.ru/text15/016.htm> (См.11.04.2015).
- Словарь бизнес-терминов*. Режим доступа: <http://dic.academic.ru> (См.04.08.2015).
- Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля*. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru> (См.12.04.2015).
- Толковый словарь русского языка Кузнецова* 1998. Режим доступа: <http://slovarionline.ru> (См. 16.01.2015).
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*. 2008 – Под ред. Г.Н. Складчиковской. Москва: Эксмо.
- Ушаков Д.Н. – *Большой толковый словарь современного русского*. URL: <http://ushdict.narod.ru/> (См. 16.08.2015).
- Финансовый словарь*. Режим доступа: <http://finance.sci-lib.com/> (См.11.01.2015).
- Энциклопедия моды*. Режим доступа: <http://wildberries.ru/glossary> (См.11.01.2013).
- Энциклопедия юриста*. Режим доступа (См.11.01.2015).
- Юридический словарь*. Режим доступа: <http://mirslovarei.com> (См.11.04.2015).

Литература

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. – Пролегомены к краткой истории Мир-Системы. *Философия и общество*. Вып. №2 (50), 2008.
- Комлев Н. Г. 1992 – *Слово в речи: денотатив. Аспекты*. Москва: Издательство МГУ.
- Костомаров В.Г. 1999 – *Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Крысин Л.П. 1996 – *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. Русский язык конца XX столетия (1985-1995)* / Под ред. Е.А.Земской. Москва.
- Лючински К. 2009 – *Языковые заимствования и ментальность*. Кельце.
- Огилви Д. 2005 – *Искусство и маркетинг*. Режим доступа: <http://www.dvstyle.com.ru/articles> (См. 04.08.2015).
- Пушкарева И.А. 2006 – *Экономическая терминосистема как метаязык описания мир-системы (на материале английского и русского языков)*. Дис. ... канд. филол. наук, Алтайский государственный университет, Барнаул. Режим доступа: <http://www.dslib.net> (См.08.05.2015).
- Стернин И.А. 2000 – *Социальные факторы и развитие современного русского языка. Теоретическая и прикладная лингвистика*. Вып. 2, Воронеж.
- Труфанова Н.О. 2006 – *Проблема номинации лиц в финансово-экономической терминологии (на материале русского и английского языков)*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва. Режим доступа: <http://www.ruslang.ru/doc/autoref/trufanova.pdf>. (См. 07.03.2012).
- Штепа В.В. 1998 – *Инверсия*. Петрозаводск. Режим доступа: kitez.h.onego.ru/inversio/preod4.htm (См.11.04.2015).
- Dimitar Nessebar 2014 – *Посредники – кто это? Торговые посредники. Финансовые посредники*. Режим доступа: <http://fb.ru/article/142367> (См. 07.08.2015).

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 289-295. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

И. ГРЕКОВА И.И. БРОДСКИЙ «НА КАФЕДРЕ»: ОПЫТ РАБОТЫ В СОВЕТСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТАХ

Е.А. Кравченкова

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия
eakr@mail.ru*

Сущность и проблемы системы высшего образования в Америке и СССР были не понаслышке известны И. Грековой (профессор математики в Московском университете путей сообщения) и И. Бродскому (профессор литературы в американских и британских университетах). Повесть И. Грековой «Кафедра» (1977) и мемуаристика о преподавателе Бродском, а также его «Речь на стадионе» (1988) перед выпускниками Мичиганского университета, дают представление о взглядах авторов на противоположные системы высшего образования двух стран, об их опыте преподавания и работы со студентами, о взаимоотношениях с коллегами и, главное, о целях университетского образования.

Ключевые слова: И. Бродский, И. Грекова, университетский роман, мемуаристика, высшее образование

Сущность и проблемы системы высшего образования в англо-американском мире и в СССР были не понаслышке известны Иосифу Бродскому и И. Грековой. Заметим, что псевдоним И. Грекова (именно так – И с точкой после) принадлежал Елене Сергеевне Вентцель (1907 – 2002), советскому математику, профессору, которая в качестве псевдонима выбрала латинскую букву Y (игрек), часто используемую в математических формулах. Само слово «игрек» происходит от французского выражения *i grec* (т.е. «и греческое») [Школьный... 2004:2014], и соответственно И. Грекова использовала кальку французского оборота. Вентцель с 1969 по 1987 годы работала на кафедре прикладной математики в Московском институте инженеров транспорта и на основе жизненного опыта написала в 1977 году повесть «Кафедра».

Иосиф Бродский (1940 – 1996), в свою очередь, не имел законченного среднего образования – в 15 лет бросил школу. После эмиграции в 1972 году получил должность «poet-in-residence» в Мичиганском университете на кафедре славянских языков и культур, где и проработал с перерывами до середины 1980-х годов. Преподавал Бродский постоянно: после Мичигана – в Нью-Йоркском университете, затем в Колумбийском, а с 1980 года и до конца жизни в Консорциуме пяти колледжей в Массачусетсе. Поэт не владел на первых порах английским языком настолько хорошо, чтобы работать в студенческой аудитории, и, как пишет Лев Лосев, на первом занятии Карл Проффер буквально втолкнул Бродского в

класс, заставив сразу говорить на языке и овладевать профессиональной речью [Лосев 2008:241].

Американская система высшего образования основана на горизонтальных связях и отличается максимальной открытостью в организации как учебного процесса, так и взаимодействия преподаватель – студент. Бродский не был ограничен строгим учебным планом и программами подготовки специалистов, что позволило ему работать со студентами свободно и от души. Поэт читал со студентами и интерпретировал стихотворения любимых авторов, обогащая американскую публику знанием как мировой, так и русской поэзии, и одновременно Бродский обдумывал вслух свои будущие эссе о лирике М. Цветаевой («Об одном стихотворении» (1981)), У.Х. Одена («Об Одене» (1984)), Р.М. Рильке («Девяносто лет спустя» (1994)) и др.

Преподаватель Бродский составлял для студентов списки для чтения. Лев Лосев в биографии поэта приводит пример одного из них: «Он начинается с «Бхагавадгиты», «Махабхараты», «Гильгамеша» и Ветхого Завета, продолжается тремя десятками произведений древнегреческих и латинских классиков, за которыми следуют святые Августин, Франциск и Фома Аквинский, Мартин Лютер, Кальвин, Данте, Петрарка, Боккаччо, Рабле, Шекспир, Сервантес, Бенвенуто Челлини, Декарт, Спиноза, Гоббс, Паскаль, Локк, Юм, Лейбниц, Шопенгауэр, Кьеркегор (но не Кант и не Гегель!), де Токвиль, де Кюстин, Ортега-и-Гассет, Генри Адамс, Оруэлл, Ханна Арендт, Достоевский («Бесы»), «Человек без свойств», «Молодой Торлесс» и «Пять женщин» Музиля, «Невидимые города» Кальвино, «Марш Радецкого» Йозефа Рота и еще список из сорока четырех поэтов, который открывается именами Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Хлебникова, Заболоцкого» [Лосев 2008:203].

В повести И. Грековой «Кафедра» главная героиня – alter ego автора – Нина Игнатьевна Асташова справедлива по отношению к студентам, но требовательна. Строгий учебный план лекций и семинаров соблюдается неукоснительно. Экзаменационные сессии проходят тяжело и нервно как для профессорско-преподавательского состава, так и для учащихся. С приходом на заведование кафедрой нового человека – Виктора Андреевича Флягина – бюрократизм и жесткий порядок лишь усиливаются. Асташова замечает, что после смерти предыдущего заведующего мягкого и интеллигентного Н.Н. Завалишина «мы высохали, как труп насекомого, – очертания те же, а жизни нет» [Грекова 1983:111]. Флягин, человек с «иезуитской улыбкой», заявляет на первом же заседании: «Твердый план дисциплинирует, а дисциплины нам всем не хватает» [Грекова 1983:146]. Он заставляет сотрудников присутствовать на кафедре пять дней в неделю, вести дневники с указанием видов работ, что преподаватель выполнил за день, сам проверяет дневники. Флягин не

разрешает принимать на кафедре студентов и громко говорить. Мягкость Энэна, шутки и смех на кафедре раньше теперь сравниваются с «роботоспособностью» [от слова «робот»] Флягина, и кафедра воспринимает нововведения в штыки: «В зловещей жертвенной целеустремленности Флягина было что-то пугающее, словно отправление мрачного культа какой-то научной богини Кали. Форму, отчетность, порядок он возвел в ранг святыни. А живое человеческое общение, шутка, смех для него как бы не существовали. Да при нем и людям-то не хотелось смеяться...» [Грекова 1983:181].

Советская система высшего образования строится на жестких иерархических связях и предстает как закрытая, регламентированная, несвободная. Недаром на стене кафедры один из преподавателей повесил копию картины «Бурлаки на Волге» И. Репина.

Отношения со студентами у Бродского складывались непросто. На занятиях поэта интересовала сама интерпретация любимого им текста, а не процесс обучения, когда ученикам порой требовалась четкая, стандартная схема анализа стихотворного произведения. Студенты часто не понимали вопросов преподавателя, не могли уследить за ассоциативной логикой поэта и боялись отвечать, нередко молчали, чтобы не попасть впросак. Успешные студенты, искренне любящие литературу, позже состоявшиеся профессионально как филологи, описывают занятия с Бродским так: «Бродский был в одно и то же время худшим и самым живым и увлекательным из всех моих учителей. Худшим, потому что он не делал ничего, *совершенно ничего*, чтобы наша встреча с трудным поэтическим текстом стала приятной или, в обычном смысле, поучительной. Отчасти это происходило от его неопытности – прежде учить ему не приходилось, – отчасти потому, что его английский тогда еще оставлял желать лучшего. Но более всего это было выражением того, чем он был и что он понимал под поэзией. Поэзия не была чем-то, что можно «объяснить», усвоить и перемолоть в парафразе. По поводу чего можно сделать зарубку: постиг. Скорее, это была битва, в которую бросаешься полный страха и трепета, встреча лицом к лицу с самой материей языка. Такая встреча могла заколебать почву под нашими основными представлениями о бытии. Бродский выводил учеников, нас, на арену, но сражаться вместо нас он не собирался. В этом было что-то почти садистическое. По временам казалось, что нас окончательно разоблачили – не только наше невежество и банальность представлений о поэзии, но и то, как мы представляем себе мир вообще.

«Что вы об этом вот думаете?» – начинал он, указывая на стихотворение, которое было задано прочитать, Мандельштама или Ахматовой, или Монтале. В голосе Бродского в таких случаях слышалась (я не думаю, что мне это просто казалось) слегка скучающая, высокомерная интонация, но еще и, если процитировать его любимого Одена, который цитировал Сергея Дягилева, оттенок: «Удивите меня». Из-за этого каждому из нас хотелось

сказать что-нибудь блестящее, заслужить высшую из похвал: «Замечательно!» Но обычно страх пересиливал. Вопрос был задан, и в классе нарастала тишина, глубокий осадок тишины.

Как-то мы все-таки тащились вперед, даже сумели выработать какую-то форму товарищества, вроде как между однокамерниками, которая, странным образом, включала и самого Бродского. Это не значит, что он хоть на йоту ослаблял бдительность, требование адекватного отклика на то, что мы читаем. Но как-то он, несмотря на скучающие вздохи, включался в неадекватность наших коллективных стараний. Как это ему удавалось?

Изо дня в день Бродский приходил в класс с опозданием, когда все уж начинали нетерпеливо ерзать. Он мял в пальцах незажженную сигарету, давая тем самым понять, что предпочел бы нашей компании покурить где-нибудь в одиночестве. Затем, почти неизменно, слышался глубокий, громовой, с пристаныванием, вздох. Но все это было не без юмора. Минуту спустя крючконосая трагическая маска его лица начинала смягчаться. Он медленно оглядывал комнату, вбирая всех нас взглядом, улыбался, словно бы для того, чтобы дать нам понять, что на каком-то уровне он знает, каково нам приходится, как бы прощая нам нашу заурядность.

Но вслед за этим он начинал опять неустанно месить язык. Строка Мандельштама, вопрос, молчание. И только когда молчание становилось невыносимым, вел он нас сквозь заросли звука и ассоциаций, с отступлениями, посвященными логике поэтического образа, краткими лекциями по этике высказывания, метафизике имен существительных, рифмам...

...Я уходил с этих встреч за семинарским столом с ощущением, что существуют невидимые силы, клубящиеся вокруг меня, вокруг всех нас, и что жизнь, которую я веду, была отрицанием их власти над моей жизнью» [Лосев 2008:200-201].

Теперь приведем еще одно воспоминание, на этот раз – обычного студента, который хочет, чтобы его научили понимать поэзию: «Идет долгий и нудный разбор стихотворения Ахматовой «Подражание армянскому». В произведении 2 строфы, которые мы разбираем 90 минут построчно. Что она имела, что она хотела, почему не сказала. О поэзии XX века из уст самого Бродского (и его интерпретации ее, поэзии) никто ничего не узнал. Разочарование» [Лосев 2008:201]. Бродский описал неудачный поначалу опыт преподавания в своем первом американском стихотворении «В Озерном краю» (1972):

...в быту
профессор красноречия – я жил
в колледже возле Главного из Пресных
Озер, куда из недорослей местных
был призван для вытягиванья жил [Бродский 2001:25].

Отношения преподавателей и студентов в советском вузе, на первый взгляд, характеризуются фразой «классовая вражда угнетенного к угнетателю» [Грекова 1983:10]. Двойки и тройки сессии приводят к потере стипендии, на которую живут студенты. Повесть открывается эпизодом заседания кафедры, на котором обсуждаются итоги сессии, а именно, большое количество двоек, которые ставит знающий и принципиальный преподаватель Спивак. Докладывает Асташова: «Что нужно деканату? Казенное благополучие. Чтобы процент хороших и отличных оценок неуклонно возрастал от сессии к сессии, а процент двоек падал. И ведь возрастает, и ведь падает! Дважды в год мы участвуем в унижительной процедуре – слушаем доклад о ходе борьбы за успеваемость. <...> С одной стороны деканат, с другой – мы. Им нужно формальное благополучие, нам – неформальные знания» [Грекова 1983:6-7]. Принципиальность Спивака не находит поддержки ни в среде студентов, ни у администрации. Завкафедрой Завалишин, напротив, любит ставить оценку «отлично», ведя долгие беседы со студентами во время экзамена о смысле жизни, о красоте и мудрости природы и считая, что личностные качества молодых людей, их понимание жизни в целом – главное в процессе обучения в вузе.

Жесткость официальных отношений в университетской среде в СССР компенсируется всеобщим устным договором о невмешательстве в личную жизнь. Студентка Люда Величко на втором курсе родила, став матерью-одиночкой. Отец-студент в воспитании сына участия не принимает, и маленький Матвей становится радостью как для студенток общежития, так и для администрации – коменданта Клавды (именно так!) Петровны. Преподаватели, в частности Асташова, готовы умерить пыл во время экзамена и поставить Люде незаслуженную оценку «хорошо», чтобы не лишать молодую мать стипендии. В Величко позднее влюбляется преподаватель Лева Маркин, уже зрелых лет, ироничный и неприкаянный. Кафедра знает о романе, но молчит. Так же молчат о глупой и трогательной старческой влюбленности Завалишина в лаборантку Майку, которая провалилась на вступительных экзаменах, а теперь беспардонно пользуется увлечением забавного старичка: тянет у Энэна деньги, ворует из его квартиры раритетные книги.

В американском университете личные отношения преподавателей и студентов строятся по другим, более строгим принципам, они не должны выходить за рамки принятых условностей. Иначе можно попасть впросак, как это случилось однажды с Бродским. Отвечая на вопрос журналиста, как он себя чувствует в качестве преподавателя в женском колледже, воспитанный в других социальных отношениях Бродский неосторожно брякнул: «Как лиса в курятнике». Возмущенные письма пришли в редакцию от мужчин: «Любой преподаватель, который смотрит на своих студентов с подобным сексистским и хищническим умонастроением, должен быть лишен права на профессию» [Лосев 2008:232].

И Бродский, и Грекова защищали важнейшую функцию высшего образования – служить социальным лифтом для молодых людей из бедных, необразованных, «простых» семей. Бродский во время общественных дискуссий в США о квотах при поступлении в вузы для афроамериканцев утверждал однозначно: «Пусть лучше сидят, не всё понимая, на лекциях, чем болтаются на перекрестках» [Лосев 2008:230]. Люда Величко приехала в Москву из моногорода, ее мать работала почтальоном и воспитывала дочь одна. Мечты о встрече с принцем в Москве разбились о случайную беременность, но в финале повести Люда и Лева Маркин поженились, и такое завершение пути провинциалки в столицу в контексте произведения не вызывает осуждения автора или читателя.

В 1988 году уже опытный преподаватель Бродский читает «Речь на стадионе» перед выпускниками своего первого американского вуза – Мичиганского университета. Ставшая впоследствии знаменитой, она содержит некие постулаты и принципы, вынесенные поэтом из тягот как советского, так и американского периодов жизни. Бродский озвучивает заветы молодым, делаясь с ними своими мыслями просто и без прикрас, не подчеркивая собственную значимость как Нобелевского лауреата. Будьте точны в своей речи, говорит поэт, будьте добры к родителям, не верьте политикам, будьте скромными, не будьте жертвой и не обличайте и помните, что мир вокруг не идеален. Слова интеллектуала Бродского перекликаются с высказываниями интеллигента Завалишина. Бродский сомневается: «Я ... спрашиваю себя, чем бы я мог быть вам полезен. Знаю ли я нечто о жизни, что могло бы помочь вам или иметь для вас значение, и если я что-то знаю, то есть ли способ передать эту информацию вам?» [Бродский 2003:26]. Завалишин любит порассуждать на отвлеченные темы, которые молодым сотрудникам кажутся смешными и неуместными на заседаниях кафедры: «Поглядите на цветущую липу, – говорит Завалишин, рассуждая о двойках на сессии. – Вас никогда не поражало, что все эти цветы, в сущности, обречены? В лучшем случае одно семечко из тысячи даст росток, один росток из сотни разовьется в дерево...» [Грекова 1983:14]. Нина Асташова отмечает «позднюю любовь ко всему сущему» [Грекова 1983:52] в характере Завалишина, то же принятие жизни ощущается в «Речи» Бродского.

Опыт преподавания, полученный в течение длительного периода жизни И. Грековой и И. Бродским, позволил им сформулировать собственные ценности в отношении к работе. И. Грекова ставит преподавателя – его личностные качества, научный и преподавательский талант – в центр университетской жизни. Нравственные категории (совесть, милосердие, любовь) влияют на профессиональную деятельность героев писательницы. И. Бродский, медленно читая стихотворения любимых или интересных ему авторов вместе со студентами, прежде всего учился сам, таким образом ставя именно свое «я», свои интересы в центр университетского образования, следуя принципу Л. Сенеки «Уча других, мы учимся сами».

Для Грековой строгий, регламентированный учебный процесс ни в коем случае не ограничивает преподавателя, а наоборот, помогает студентам включиться в работу, дисциплинирует их. Однако излишняя бюрократизация обучения убивает живое общение преподавателя и студента, выхолащивает смысл обучения как формирования взрослой, ответственной и зрелой личности. Свободный стиль преподавания в американских университетах оказался близок и понятен нонконформисту Бродскому, позволил ему состояться как вузовскому преподавателю. Роль университетского образования в повышении социального статуса личности подчеркивали и Грекова и Бродский.

Устами Завалишина Грекова утверждает: «... более или менее все равно **чему** учить. Важно, **как** учить и **кто** учит. Увлеченность, любовь преподавателя к предмету воспитывают больше, чем <...> информация. Слушая энтузиаста, ученики приобретают больше, чем из общения с любым эрудитом: высокий пример бескорыстной любви. Корыстолюбие несовместимо с личностью настоящего педагога. Педагог должен быть щедр, без оглядки тратить себя, время, душу. Этот труд – всегда подвижничество» [Грекова 1983:135]. «Бескорыстную любовь» к поэзии проявлял и Бродский на своих занятиях, но только немногие из его учеников могли оценить это и проникнуться его отношением к слову.

Литература

- Бродский И. 2001 – *Сочинения Иосифа Бродского*. Т. 3. Санкт-Петербург.
Бродский И. 2003 – *Сочинения Иосифа Бродского*. Т. 6. Санкт-Петербург.
Грекова И. 1983 – *Кафедра: Повести*. Москва.
Лосев Л. 2008 – *Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии*. Москва.
Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / под ред. Н.М.Шанского, Т.А.Бобровой. 2004. Москва.

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКОМ И ФОНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ *ЕРОВ*
(«РЕДУЦИРОВАННЫХ»)

А.М. Кузнецов

Даугавпилсский университет, Латвия

anatolijs.kuznecovs@du.lv

История древнеславянских (в том числе и древнерусских) гласных, которые далее будут именоваться *ерами* по названию букв, является одной из самых обсуждаемых тем в исторической лингвистике и одновременно одной из самых спорных. Уже количество терминов для этих звуков говорит о неодинаковой трактовке их фонетических признаков: *иррациональные, глухие, неопределенные, полугласные, сверхкраткие*. И в современной учебной литературе сохраняется терминология, которая сложилась к XX веку до начала применения фонологии в истории языка. Примером может служить новейший учебник МГУ [Галинская 2014:49–54], где *еры* по-прежнему именуются *редуцированными*, определяются как гласные среднего подъема (к средне-верхнему подъему отнесен только *ять*) и отличаются от *е* и *о* сверхкраткостью.

Если оставаться на этой традиционной точке зрения, то возникает множество вопросов. Так, если *еры* возникли на месте индоевропейских **ĭ* и **ĭ̄* – кратких гласных, то почему они оказались редуцированными и что в таком случае понимается под редукцией, по отношению к каким гласным в системе языка они являются редуцированными? Что значит выражение *редуцированные в сильной позиции*, и почему они вдруг опять изменились в *гласные полного образования*? Ср. замечания Юрия Шевелёва: «...whether the reduction which marked the jers in weak positions may be attributed to the jers as such, i.e. in all positions. If, for example, **dĭnĭ* > (OCS) *дьнь* ‘day’ was later to lose its final *ь*, which implies that it was reduced, does this mean that the first jer also first underwent reduction and was later reinforced, upon or prior to the loss of the second?» [Shevelov 1964:436]. В.К. Журавлев в своих работах отказал редуцированным в признаке «короче кратких», правда он говорит о признаках в период падения, когда и признак долготы – краткости «не был релевантным» [Журавлев 1997:39]. В.Н. Чекмонас, говоря о происхождении *еров* и их положении в системе языка, рассматривает их просто как краткие гласные [Чекман 1979:175–213]. Просто краткими их называет и А.А. Зализняк [Зализняк 1985:112–118]. Сомнительным кажется с типологической и фонологической точек зрения существование в языке трех степеней длительности гласных фонем.

В.К. Журавлев считает, что *еры* противопоставлялись гласным <е> и <о> как более верхние, а гласным <и> и <ы> – как более нижние [Журавлев 1997:39], т.е. они принадлежали средне-верхнему подъему. И с этим можно согласиться, поскольку в позиции перед *j* эти гласные переходили в верхний подъем, а <е> и <о> такой передвижки не испытывали: *тъць* + *jb* > *тъции* [-ĭji] (<-ъjъ>), *добръ* + *jb* > *добрыи* [-ŭji] (<-ъjъ>); ср. *тъце* + *je* > *тъцее* [-eje], *добро* + *je* [-oje]. И хотя, как свидетельствуют памятники письменности, такая передвижка отмечается нерегулярно (ср. в Киевских листках: 3v **СВЯТЫ** [-ъji] *N. sing. m.*, 3r **СЫ** [sĭji] *Acc. sing. m.*, – транслитерация моя, у И.В. Ягича: **СВЯТЫ, СЫ**), этого достаточно, чтобы признать справедливым предположение о средне-верхнем подъеме *еров*. В связи со сказанным необходимо заметить, что в литературе обычно говорится об изменении *ĭ > ъ, *ĭ > ъ во всех позициях, а в результате потом приходится утверждать, что ъ > ĭ, ъ > ŭ перед *j* в примерах типа *житце*, *рыю* и т.п. Не логичнее ли представлять дело так, что *ĭ и *ĭ в позиции перед *j* в части славянских говоров сохраняется без изменений, а в других позициях переходит в ъ и ъ? Таким образом, ĭ и ъ, ŭ и ъ стали позиционными вариантами с эпохи изменения индоевропейских *ĭ и *ĭ в гласные ъ и ъ.

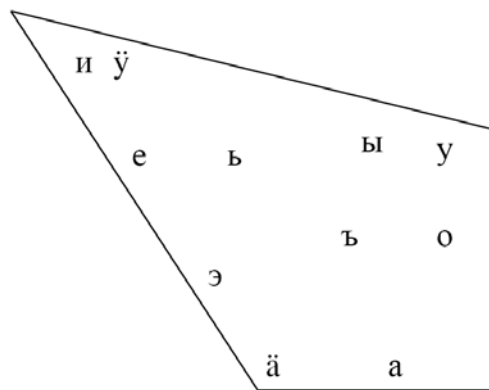
Итак, гласные древнерусского языка XI века образовывали следующую систему:

	<i>передние</i>	<i>непередние</i>	
<i>верхние</i>	ī	ū	ū
<i>средне-верхние</i>	ē, ъ	ъ	
<i>средне-нижние</i>	е		②
<i>нижние</i>		ā	

Гипноз, который производят славянские буквы *ер* и *ерь*, не позволяет лингвистам отождествить эти знаки с другими известными в языках звуками. Но избавиться от гипноза все-таки надо: буква *ерь* скорее всего обозначала звук, который мы называем *е закрытое* – [ê]. Этот гласный отличался от древнерусского *ятя* [ĕ] только своей краткостью (возможно, долгий *ять* имел еще и дифтонгический характер [iĕ]). Таким образом признак долготы еще оставался важным в системе, дифференциальным он был и для пар [ī] ÷ [ĭ], [ū] ÷ [ŭ]. Гласный же *ер*, вероятно, был близким к э *закрытому* [ê] (в системе IPA – [ɐ] [Князев, Пожарицкая 2011:426]); неслучайно королева Франции Анна Ярославовна в грамоте 1063 г. от имени малолетнего сына Филиппа I написала славянскими буквами латинское *Anna regina* – ана рѣина через *ер* [Реймське Евангеліе 2010:32]:

К сожалению, Р.И. Аванесов использовал знаки *ерь* и *ер* для передачи современных редуцированных гласных в фонетической транскрипции, из-за чего не только студенты, но иногда и специалисты отождествляют древние *еры* с нынешними гласными, в том числе и по долготе; ср. трапециоду современных гласных русского языка в [Князев, Пожарицкая 2011:51, рис. 9]:

Как видим, современные редуцированные здесь централизованы (см. [Чекман 1979:179–190]).

На близость древних *еров* к *э*-образным гласным указывает и рисунок глаголических букв: *ерь* и *ерь* повернуты в ту же сторону, что и буква *еть*, а получены они, кажется, из букв *икъ* (*ижсеи*) и *иже* [Кузнецов 2012:12], т.е. Константин-Кирилл хотел указать на близость этих звуков к [i] и [e].

В известной работе о растяжном письме в древнерусских кондакарях Б.А. Успенский прежде всего обращает внимание на то, что *еры* «могли тянуться сколь угодно долго» [Успенский 1973:318], и термин «редуцированные» автор использует только в силу традиции. Так, в Типографском уставе XI–XII вв. [Типографский устав 2006] находим: **сьь·бесѣь·дь·ььььниикъ (сьбесѣдьникъ)** 24 об. с растяжением **ьь** и **ьььььь**. При вставке попевок или мартириев может меняться качество *еров*: **кръхьхьььщаюуьуууьуушася** (**кръщаюшася**) 50–50 об. (нижним индексом переданы попевки и мартирии) с растяжением **ььь**. Правда, Б.А. Успенский предполагает, что за буквами *еров* может в данном случае скрываться книжное произношение совсем других звуков [Успенский 1973:318, примечание 11]. В других своих работах [Успенский 2002:139–149] он указывает на произношение вместо *еров* звуков [e] и [o] под влиянием южных славян, у которых уже прошло падение редуцированных. Однако согласиться с тем, что растяжение **ььь** реализовалось как [eoe], трудно. Другое дело, когда в более поздних кондакарных текстах встречаются последовательности **ьо** или **обь**. Поэтому я предпочитаю видеть в растяжении **ььь** произношение [êêê].

При растяжении гласных как в обыденной речи, так и в пении может меняться их качество: [y] переходит в [i], [ä] переходит в [a], ять [ê] переходит в [e] – **б~~ыш~~·ст~~ьбь~~** (**бысть**) 24 об., **мола~~ааа~~ не пр~~ѣ~~еста.аа.аа|и~~и~~и~~и~~и~~и~~и**, (**мола не прѣстаи**) 25, **нын~~ь~~,е (нынѣ)** 56 (правда, сам Б.А. Успенский отказывает гласному [y] в переходе к [i], считая это чисто графическим явлением [Успенский 1973:317], а на изменение [ä > a] не обращает внимание). Однако сегодня специалисты выделяют в артикуляции гласных *стационарный* и *переходный* участок [Князев, Пожарицкая 2011:105], что же касается произношения при пении, то этот вопрос вообще плохо изучен. Интересно, что растяжение *еря* не отражается в виде перехода в *ять*, с которым они совпадают по подъему. Объяснить это можно, с одной стороны, «нейтрализацией» признака долготы при пении и сохранением графики слова, а с другой – возможной дифтонгичностью *ятя* и наличием в качестве второго компонента звука [e]. *Ерь* же при растяжении мог, как и гласные [ä, ŷ], испытывать передвижку в передний ряд, но внутри средне-верхнего подъема.

Итак, гласные противопоставлялись по подъему и долготе, но ряд их был связан с противопоставлением твердых и палатализованных согласных: **тихъ ÷ костию ÷ тынъ ÷ простыи** [t'ĩ̯̆- ÷ t'ĩ- ÷ t'ŷ̆- ÷ t'ŷ-], **тѣло ÷ тьло ÷ тькати** [t'ê̆- ÷ t'ê- (= t'ь-) ÷ t'ê̆̆- (= ть)], **тела ÷ токь** [t'e- ÷ to-], **танеть ÷ тако** t'ä̆], только для гласного [ū] не находилось пары после палатализованного согласного. Если признать гипотезу о лабиовелярном характере согласных в древнерусском языке, то следовало бы транскрибировать твердые согласные с диакритикой: [t°]. Особо надо выделить *йота*: графически не различались [jī] и [jĩ] (фонологически < jь (jê) >) – **иль, идоу** (о сохранении *j* в начале слова перед гласным в современном русском языке см. [Русская фонетика в развитии 2013: 51–59]); в то же время *ять* после *йота* сохранялся без изменений [jê̆], – так же, как и [je]: **ѣсти, ѣль**.

В силлабеме (или группофонеме, по В.К. Журавлеву) *еры* становились вариантами, зависящими от твердости-палатализованности согласных (это особенно четко проявлялось в одной и той же морфологической позиции: И. ед. **тын-ь ÷ огн-ь**, т.е. [-пъ ÷ -п'ь], ср. подобное противопоставление в *Imperf.* **подобаше ÷ биаа||хж** [-ba- ÷ b'ä-] *Ев. Остр.* л. 5–5 об. Лк 24, 26–27). Это приводило к дефонемизации *еров*. Дефонемизация вела к редукции – к тому, что сегодня называют слабой позицией, и к утрате этих гласных в слабых позициях. Еще до полной утраты началась ассимиляция соседних слогов: **създаниа** [-zь-da-] вместо **създаниа** *Мин. Пут.* л. 4, **възаль** [v'ь-z'ä-] вместо **възаль** ГБ № 915 3 чет. XI в.

Сокращение и дальнейшая утрата *еров* в слове вела к компенсаторным удлинением сохранившихся гласных и утрате противопоставления долгих и кратких. Менялась ритмика (мелодика) слова и речи, происходил переход от тонического ударения к динамическому, поскольку признак долготы-краткости любого слога возможен только при тоническом ударении, а при динамическом долгие гласные представлены только под ударением.

Где-то в этот период (редукции, но не утраты слабых *еров*) происходит еще и перераспределение гласных средне-верхнего и среднего подъема под влиянием следующего согласного: перед мягким согласным гласный [e] повышает подъем и начинает совпадать с [ь]: **сельскыи** [s'el'ьskъjĭ] > [s'el'ьskъjĭ], а [ь] наоборот может понизить подъем перед твердым согласным и совпасть с [e]: **льнь** [l'ьпъ (= l'êp^{oâ})] > [l'ep^{oâ}]. Это отразится в графике в виде смещения букв **ь** и **е**: **мьдвьнаго** [m'ê-d'v'ê-] ГБ № 910 посл. четв. XI в. – нач. XII в. вместо **медвьнаго**, **шедь** вместо **шьдь**. Таким образом, никакого «прояснения» *еря* в гласный [e] не было, гласные [ь] и [e] совпали в [ê] перед мягкими согласными и в [e] перед твердыми. Более того, перед твердыми они уже могли получать лабиализацию: [l'ên^{oâ}], [ššd^{oâ}], [s'äl^{oâ}] т.е. начался «переход *e* в *o*», который, естественно, никак не мог отразиться в графической системе записи, не имеющей соответствующей буквы.

Параллельно происходит понижение подъема гласного [ь = эʎ]: **сьнь** [s^oэʎn^{oâ}эʎ] > [s^oэн^{oâ}эʎ], но его лабиализация типа [s^oэʎn^{oâ}эʎ] осуществлялась только в восточнославянских и македонских говорах, что отражалось в смещении букв **ь** и **о**. Диапазон варьирования **ь** в переднем ряду оказался более широким, поэтому результаты по славянским языкам разные: в польском имеем – *sen*, в сербском *san* и т.п. В то же время исконный [эʎ] мог по говорам измениться в закрытый гласный [ô] до изменения [ь > эʎ].

Взаимозамена букв **ь** и **е** и параллельно **ь** и **о** долгое время наблюдается в деловой и бытовой письменности. Возможно, так называемое литургическое или книжное произношение *еров* не было уж совсем искусственным, привнесённым извне. Его книжность проявлялась в сохранении произношения слабых редуцированных как сильных в эпоху падения слабых, поскольку церковнослужебные тексты сохраняли старую графико-орфографическую традицию, до тех пор пока не было отдано предпочтение буквам *e* и *o* для обозначения гласных, а буквы **ь** и **ъ** были оставлены в качестве знаков – мягкости, конца слова и т.п.

Литература

- Галинская Е.А. 2014 – *Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология*. Москва: ЛЕНАНД.
- Журавлев В.К. 1977 – Правило Гавлика и механизм падения славянских редуцированных. *Вопросы языкознания*. 1977, 6, с. 30–43.
- Зализняк А.А. 1985 – *От праславянской акцентуации к русской*. Москва: Наука.
- Князев С.В., Пожарицкая С.К. 2011 – *Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Академический проект, Гаудеамус.
- Кузнецов А.М. 2012 – «Бывают странные сближенья...»: греческий юпсилон и глаголица. *Kalbotyra 57 (2). Slavistika Vilnensis*. Vilnius: Vilniaus Universitetas, с. 7–14.
- Реймське Евангеліє Анни Ярославівни*. Александрович В. С. Львів: Видавництво «МС», 2010.

- Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века* / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. Москва: Языки славянской культуры, 2013.
- Типографский устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века* / Под ред. Б.А. Успенского. Том I: Фототипическое воспроизведение. Москва: Языки славянских культур, 2006.
- Успенский Б.А. 1973 – Древнерусские кондакари как фонетический источник. *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации*. Москва: Наука, с. 314–346.
- Успенский Б.А. 2002 – *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Москва: Аспент Пресс.
- Чекман В.Н. 1979 – *Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция*. Минск: Наука и техника.
- Shevelov G.Y. 1964 – *A Prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic*. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag.

ЧИТАЕМ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Кулибина

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина, Россия

nkulibina@yandex.ru

В статье рассматриваются психологические особенности чтения художественной литературы и их учёт при использовании художественных текстов на уроках русского языка как иностранного для достижения основной цели практического языкового курса – обучения речевому общению на русском языке.

Ключевые слова: русский как иностранный, художественный текст, обучение, чтение

Чтение художественной литературы – процесс одновременно непростой (как для носителя языка, так и изучающего его) и увлекательный (если книга выбрана правильно). Чтение художественных текстов на уроках РКИ связано со многими трудностями, которые нередко заставляют преподавателя отказаться от этого занятия, рискованного и требующего много времени, но не гарантирующего положительного результата.

Вместе с тем, понимание сложности и даже парадоксальности процесса чтения, а также учет его психологических закономерностей, позволяет усилить мотивацию изучения языка за счет привлечения художественных текстов, отвечающих запросам читателя, и в конечном итоге достичь основной цели практического курса русского языка – овладения учащимся навыками смыслового восприятия текстов.

Остановимся на описании парадоксальности процесса чтения, которое дал Майкл Бентон, английский литературовед, сформулировавший десять парадоксов чтения.

Осознание и принятие парадоксальности процесса чтения художественной литературы, который подлежит моделированию на уроке, по нашему мнению, должно помочь преподавателю справиться с поставленной задачей, поэтому считаем необходимым остановиться на каждом из десяти парадоксов.

1. Чтение – одновременно свободный и запрограммированный акт.

Тезис о полной свободе читателя, его полной независимости от автора, безусловно, весьма соблазнителен и может найти отклик у обучаемых. Однако он справедлив до известного предела. Если читатель полностью игнорирует (не замечает или не хочет замечать) то, что сказал автор, он просто ... перестаёт быть читателем, а чтение перестаёт быть чтением и становится импровизацией на тему...

Деятельность квалифицированного читателя художественной литературы отличает «мотивированная самостоятельность» (выражение Е.И. Пассова): его мысль движется свободно ... по ориентирам, имеющимся в тексте.

2. Чтение – вера в заведомую ложь. Читатель, не сомневаясь в иллюзорности художественного мира, принимает его за реальность.

Знакомство и примирение с этим парадоксом происходит, как правило, в процессе чтения художественной литературы на родном языке, и он, как показывает практика, не мешает читать иноязычную литературу.

3. Чтение – совместная деятельность автора и читателя. Прочтение – результат этой совместной работы.

Автора и читателя могут разделять века или сотни километров, но чтение книги, написанной в уже не существующем государстве тысячу лет назад, тем не менее акт общения, происходящий здесь и сейчас. И как в любом человеческом общении, в нём можно выделить как коммуникативный, так и когнитивный аспекты. Результатом совместных усилий является читательская «проекция текста» (термин Н. Рубакина).

4. Чтение – это монолог (автора; читателя) и диалог (автора с его героями; автора и читателя).

Рассматривая чтение художественной литературы как акт коммуникации, можно преувеличить роль каждого из участников и представить этот процесс как монолог либо автора, либо читателя, однако и то, и другое было бы искажением реальной ситуации (естественно, в том случае, если речь идёт о подлинном произведении искусства и квалифицированном восприятии).

Воспринимая текст художественного произведения, читатель – как и при любом другом виде общения – находится в постоянном взаимодействии с «собеседником»: по мнению Ю.М. Лотмана, текст (как бы стоящий за ним автор) выдаёт читателю ровно столько информации, сколько тот может усвоить.

5. Чтение – развлечение и творческий труд.

Художественную литературу мы читаем ради получения удовольствия: это может быть как удовлетворение «наивного» интереса «Чем кончится?», так и смакование стилистических изысков писателя. Однако в любом случае для достижения желаемого читателю необходимо изрядно потрудиться: потратить время и определённые интеллектуальные усилия. Вспомним название давней статьи В.Ф. Асмуса – «Чтение как труд и творчество» [Асмус 1961].

6. Чтение – неповторимый и способный многократно повторяться процесс.

Конечно, книги можно перечитывать по многу раз, и в этом смысле – это процесс многократный. Однако каждое прочтение (как процесс) в той или иной мере изменяет самого

читателя. Он узнаёт что-то новое о мире и о себе, под влиянием прочитанного может по-иному взглянуть на давно знакомое и т.п., поэтому к повторному чтению приступает немного «другой» человек, который уже прочитанную книгу (особенно, если это книга большого писателя) прочтёт несколько по-другому, увидит то, чего раньше не видел (не мог увидеть) и т.д., и так каждый раз до бесконечности, поэтому можно сказать, что чтение всегда неповторимо.

7. Чтение включает в себя две противоположные тенденции: обобщение и конкретизацию.

Прийти к пониманию общей идеи (или «пафоса», по В.Г. Белинскому) рассказа, стихотворения и др. читатель может только путём смыслового восприятия (осмысления) средств его языкового выражения, минимальных единиц текста, «словесных образов». Личностный (для читателя) смысл художественного текста является обобщением множества конкретных впечатлений – значений, смыслов и представлений, которые вызываются в сознании читателя единицами текста. И именно в этом смысле можно говорить о том, что для чтения характерны две тенденции: к обобщению и конкретизации.

8. Чтение одновременно организовано и хаотично.

Естественным было бы предположить, что письменный текст управляет процессом чтения, строго последовательно выдавая читателю порцию информации за порцией, но это утверждение справедливо лишь отчасти.

Экспериментальные психолингвистические исследования показывают, что мышление читателя в произвольном порядке «обрабатывает» поступающие сведения: задерживаясь на одних, пропуская другие, останавливаясь и нередко возвращаясь к уже прочитанному и т.п. Таким образом, чтение при поверхностном рассмотрении действительно хаотично, но при более глубоком анализе выявляются определённые закономерности (О.И. Никифорова).

9. Чтение управляется как антиципацией, так и ретроспекцией.

Закономерностью зрелого чтения является антиципация, т.е. построение читателем прогноза о дальнейшем развитии событий, поступках героев и т.п., который, конечно же, далеко не всегда сбывается. Опытный читатель с лёгкостью отбрасывает несостоятельный вариант и выстраивает новый прогноз, используя (обобщая) для этого всю ту информацию, которая уже получена им из текста, т.е. пользуясь ретроспекцией.

10. Чтение – активная и пассивная деятельность.

Представление о чтении как о пассивной деятельности (!) довольно распространено: действительно, на первый взгляд, читатель не производит никаких действий ни звукопроизводительных (как при говорении), ни моторных (как при письме). Однако одновременно в нём происходит колоссальная работа мысли, требующая большой активности и напряжения.

Чтение литературного произведения (стихотворения, рассказа, романа или др.) – это не просто усвоение готового продукта мысли автора, а сложная познавательная деятельность – «мыслеречедеятельность» (термин Щедровицкого), направленная на раскрытие и выявление чувств, мыслей, интенций и т.п., закодированных автором в словесных образах текста.

Итак, началом работы над художественным текстом при постановке любой задачи является его чтение, направленное на понимание, т.е. выявление смысла.

Нет необходимости доказывать, что читатель имеет дело с художественным текстом, а не художественным произведением. Этот факт определяет те процессы, которые происходят в сознании читателя при чтении, а также результат, на который можно рассчитывать.

А.Р. Лурия писал о том, что «художественное произведение допускает различные степени глубины прочтения; можно прочитать художественное произведение поверхностно, выделяя из него лишь слова, фразы и повествование об определённом внешнем событии; а можно выделить скрытый подтекст и понять, какой внутренний смысл таится за излагаемыми событиями; наконец, можно прочесть художественное произведение с ещё более глубоким анализом, выделяя за текстом не только его подтекст или общий смысл, но и анализируя те мотивы, которые стоят за действиями того или иного лица, фигурирующего в пьесе или художественном тексте, или даже мотивы, побудившие автора писать данное произведение» [Лурия 1998]

Различная глубина понимания обусловлена тем, что объектом понимания в каждом конкретном случае могут быть разные явления: смысл произведения литературы или смысл его текста. Выделенный нами фрагмент цитаты определяет, как представляется, именно понимание смысла художественного текста. Смысл художественного текста как бы вписывается в гораздо более широкий смысл литературного произведения.

Понимание смысла художественного текста – это необходимая (а нередко и достаточная) стадия постижения литературного произведения, а также вполне посильная (реальная) задача для читателя. Залогом этого является коммуникативная природа текста, его непосредственная предназначённость быть средством общения.

По мнению А.А. Леонтьева, аналогично тому, что секрет языка лежит на скрещении общения посредством языка и познания посредством языка¹³, и «секрет искусства лежит на скрещении познания искусством и общения искусством» [Леонтьев 2000:308].

Нам представляется, что важным в этом определении является не только то, что это художественное познание и художественное общение, но и то, что искусство (в нашем

¹³ Л.С. Выготский определял слово «как единство общения и обобщения».

случае, литература) – это средство (способ или канал) познания человеком других людей и самого себя и средство же общения человека с другими людьми и самим собой.

Следовательно, целью коммуникативных и познавательных действий человека, направленных на текст, является не он сам, а то, что стоит за ним. Как отмечал Н.И. Жинкин, «понимаем мы не речь (текст), а действительность».

Осознание этого обстоятельства способно существенным образом изменить наши взгляды на использование в языковом учебном процессе произведений искусства, в нашем случае – текстов литературных произведений, иными словами, художественных текстов. Именно на создание в условиях учебного занятия ситуации общения и познания искусством должны быть направлены усилия методистов и преподавателей.

Этот вывод может показаться банальностью, но если вспомнить, какого рода задания (по анализу и интерпретации художественного текста) предлагаются учащимся на уроках, то нельзя не признать, что это «банальное» суждение, а точнее требование здравого смысла, отнюдь не стало «общим местом».

Точно также, как за деревьями иногда легко не заметить леса, за средствами так называемого языка искусства, за детальным их анализом и иными манипуляциями с ними легко упустить из виду самое главное в искусстве – человеческое чувство и человеческую мысль. Чтобы этого не произошло, есть «только один путь: сохранить саму ситуацию общения искусством, заставить человека снова и снова создавать, творить переживание, а не воспроизводить его по готовому эталону. (...) **Общение искусством – это смысловое общение с опорой на язык искусства**» [Леонтьев 2000:309].

Коммуникативный аспект работы над художественным текстом состоит в том, чтобы сохранить на уроке естественную ситуацию общения читателя с книгой, создать условия для его непосредственного контакта (диалога) с автором (через текст). Главное для обучаемого – понимание текста, которое является результатом смыслового восприятия средств его языкового выражения, иными словами, условием успешности коммуникации является познавательная – когнитивная – деятельность читателя по освоению содержания текста.

На стадии непосредственного восприятия (или собственно чтения) художественного текста у читателя складывается собственная проекция текста, которая может быть представлена как определённым образом организованная совокупность частных смыслов единиц текста – словесных образов – и связей между ними, а также соответствующих им читательских представлений. В результате как осознанных, так и бессознательных действий читателя, она превращается в некоторую систему, ядро которой может быть осмыслено и выражено как смысл прочитанного художественного текста, **личный смысл – результат деятельности конкретного читателя.**

Учёт психологических особенностей деятельности читателя, парадоксальности самого процесса чтения и тех сложностей, которые возникают при чтении художественной литературы на иностранном (в нашем случае, русском) языке, позволяют создать методическую систему использования художественных текстов на уроках РКИ, направленную на обучение пониманию текстов и, как результат, на достижение основной цели, к которой стремится любой изучающий русский язык, – овладение навыками речевого общения на русском языке [об этом: Кулибина 2015, 2012, 2008а, 2008б].

Литература

- Асмус В.Ф. 1961 – Чтение как труд и творчество. *Вопросы литературы*. 1961, №2. С.36-46.
Леонтьев А.А. 2000 – *Основы психолингвистики*. Москва.
Лурия А.Р. 1998 – *Язык и сознание*. Ростов-на-Дону.
Кулибина Н.В. 2015 – *Зачем, что и как читать на уроке*. Санкт-Петербург.
Кулибина Н.В. 2012 – *Читаем стихи русских поэтов*. Санкт-Петербург.
Кулибина Н.В. 2008а – *Читаем по-русски на уроках. Книга для учителя*. Рига.
Кулибина Н.В. 2008б – *Читаем по-русски на уроках и дома. Книга для ученика*. Рига.

О СТРУКТУРЕ ЯДРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «НЕ-ЦЕЛЬНОСТЬ»
В РОМАНЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК

А.В. Логинова

Даугавпилсский университет, Латвия

al07042@yandex.ru

В статье рассмотрена структура ядра семантического поля «не-цельность» в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» и его переводе на латышский язык. Сопоставительный анализ искомой лексики дает возможность исследовать оттенки смыслов искомых единиц в оригинале и переводе, определить проблему перевода единиц семантического поля как специфических в художественном тексте.

Ключевые слова: язык художественного текста, семантическое поле, синоним, мотивирующий признак

Изучение лексического строя языка предполагает обращение к языку как к упорядоченному, системному единству, в котором наличие разного рода подсистем представляется его сущностной и неоспоримой особенностью. Язык, обозначенный В.Виноградовым «средоточием» «ряда форм, значений и употреблений», стремится, с одной стороны, описывать полученные знания об окружающей действительности, закрепляя их в своих значениях, с другой, – систематизировать уже полученные значения, создавая, таким образом, разные языковые подсистемы. Одной из таких языковых подсистем может являться семантическое поле.

При рассмотрении специфики семантического поля на материале работ, посвященных данному вопросу (работы А. Бондарко, В. Виноградова, П. Денисова, Ю. Караулова, Л. Новикова, А. Уфимцевой и др.), обращает на себя внимание общий во всех определениях предмет исследования семантического поля – это множество лексических элементов, связанных между собой наличием общих сем. Этими «лексическими элементами», по замечанию Л. Новикова, являются «лексико-семантические варианты многозначных слов и однозначные слова» [Новиков 1998:458]. Структура семантического поля, помимо «общего» предмета исследования, обнаруживает и «общую» структуру «ядро-периферия, для которой характерна максимальная концентрация полнообразующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности на периферии» [Боровикова 1989:4]. Наряду с этим, реализация предмета исследования в рамках семантического поля представляется весьма широкой ввиду того, что, по словам

Ю. Караулова, «здесь перекрещиваются главные проблемы лексикологии – проблемы синонимии, антонимии, полисемии, проблема соотношения слова и понятия» [Караулов 1972:67].

Учитывая сложную природу семантического поля как подсистемы языка, не меньший интерес представляет рассмотрение специфики семантического поля в рамках художественного языка, в частности, в конкретном художественном тексте. Это позволяет выявлять особенности индивидуально-авторского употребления языковых единиц, обозначать закономерности и особенности их организации и функционирования. По словам Л. Тарасовой, такой подход изучения лексики в рамках художественного текста приемлем для «исследования речи писателя» в целом [Тарасова 1994:34], поскольку он позволяет раскрывать как лексические, так и синтаксические предпочтения автора, с одной стороны, и дает возможность обнаружить закономерность (или ее отсутствие) использования отдельных единиц в контексте всего творчества того или иного автора.

В романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» интерес представляет структура семантического поля «не-цельность». Значимость «не-цельности» представляется актуальной ввиду рассмотрения данного концептуального свойства в структурно-композиционном контексте всего романа. Частотным оно становится в описании портрета и внутреннего состояния человека, а также мира, в котором он существует, свидетельством чего является целый ряд контекстов, обладающих заявленной семантикой. Данные контексты в совокупности дают представление о картине мира романа «Преступление и наказание» как «не-цельной», расколотов. Здесь же укажем и на то, что значимой особенностью контекстов с семантикой «не-цельность» является их антропоцентрическая природа. Это подчеркивает мысль о том, что человек в рамках данного романа, а также творчества Достоевского – неизменно преобразующийся, содержащий тайну всего мира, которую надо постичь, но и ищущий, при этом, себя самого в этом мире. Не меньший интерес представляет рассмотрение структуры семантического поля «не-цельность» в переводе романа на латышский язык. Это позволит сравнить сходства и различия художественных картин мира - оригинала и его перевода.

Рассматривая структуру семантического поля «не-цельность» в романе «Преступление и наказание», а также учитывая его антропоцентрическую природу, нельзя не заметить, что значимой лексической единицей становится оним главного персонажа романа – фамилия Раскольников. В работах по изучению специфики данной фамилии (М. Бахтин, С. Белов, В. Гассиева, Ю. Карякин, Т. Касаткина, Б. Тихонов и др.) выявлены доминантные смыслы, связывающие фамилию Раскольников с раскольниками, расколом нации, наконец, с расколом личности самого персонажа. Данный оним важен ввиду наличия в нем внутренней

формы, позволяющей выявить несколько мотивирующих признаков (префикса «рас-раз», лексемы «раскол»; «раскольник»). При этом учитываются и единицы, формально связанные с данными мотивирующими признаками (например, фразеологизмы). Руководствуясь этим, представляется возможным построение семантического поля «не-цельность», восходящего к ониму «Раскольников». Сразу отметим, что неоднородная интерпретация онима главного персонажа романа уже сама по себе свидетельствует о том, что в персонаже происходит некая борьба разных качеств, непримиримость.

Анализируя структуру семантического поля «не-цельность», обратимся к специфике его ядра. Контекстами, которые формируют ядро, становятся лексемы, устанавливающие связи с внутренней формой онима «Раскольников». При этом востребованными становятся и синонимические ряды, которые образуются в рамках каждого микрополя. Связь с внутренней формой онима «Раскольников» поддерживается:

- лексемами с префиксом «рас- / раз-», указывающим на:

1) *раздробление, разделение на части* (синонимический ряд составляют лексемы: раздробить – «*череп раздроблен*»; разбить – «*девочка разбила мамашину чашку*»; разрывать – «*он сдернул петлю и поскорей стал разрывать ее в куски*»; «*разбитое сердце*» и др.)

2) *разъединение* (синонимический ряд составляют лексемы: развязать – «*он стал развязывать узел*»; расстегнуть – «*он расстегнул пальто*»; разделять – «*дверь их разделяла*» и др.)

3) *распределение* (синонимический ряд формируют лексемы: разливать – «*краска уже разлилась по ее бледным щечкам*», деление – «*что же касается до моего деления людей на обыкновенных и необыкновенных, то я согласен*»; сортировка – «*тут, Авдотья Романовна, тысячи и миллионы комбинаций и сортировок*» и др.)

4) *распространение действия в разные стороны* (синонимический ряд формируют лексемы: распространяться – «*платье ее, точно воздушный шар, распространилось вокруг стула*»; раскидать – «*на-пле-вал бы всем в рожу, да погуце, да раскидал бы на все стороны десятка два плюх*»; раздаваться – «*грязная вода раздалась, поглотила на мгновение жертву*» и др.)

5) *движение (многих, нескольких) из какой-л. точки в разные стороны* (синонимический ряд составляют лексемы: расходиться – «*все торговцы на столах, на лотках, в лавках и в лавочках <...> и расходились по домам*»; расступиться – «*расступись*» и др.)

Как видно, интегральными семами в образовании данного микрополя ядра будут являться следующие: «*раздробление, разделение на части*», «*разъединение*», «*распределение*», «*распространение действия в разные стороны*», «*движение (многих, нескольких) из какой-л. точки в разные стороны*», «*уничтожение результата ранее произведенного действия*,

обратное действие». Не случайным здесь представляется и целый набор глаголов с данной семантикой как знак движения, деструкции.

- лексемой «раскол» (см. расширенную внутреннюю форму онима «Раскольников»).

Следует заметить, что сама лексема «раскол» в тексте не встречается ни разу, однако ее синонимы частотны (ср.: *распри* – «*а в ваших непрерывных распрах с Амалией Ивановной я участвовать не намерен-с*»; *раздор* – «*и хотя с хозяйкой у ней наибеспрерывнейшие раздоры, но хоть перед кем-нибудь погордиться захотелось*»; *ссора* – «*обе уже были предуведомлены о ссоре Настасьей*»; *несогласие* – «*какие-нибудь старые привычки и даже некоторое несогласие в мыслях*» и др.).

- лексемой «Раскольник».

Отметим, что синонимический ряд лексемы «раскольник» (ср.: «*а известно ли вам, что он из раскольников*») является менее востребован с точки зрения семантических связей между единицами, и включает в себя лишь лексему «вольнодумец» (ср.: «*и не поверят двум отъявленным безбожникам, возмутителям и вольнодумцам*» и др.).

Обращаясь к переводу рассмотренного нами ядра семантического поля «не-цельность» на латышский язык, обратим внимание на ряд особенностей. Так, следует отметить, что оним «Раскольников», который проецирует смыслы хаоса, дисгармонии, разрушения и является одной из частотных лексем в романа (встречается более 800 раз), устанавливая формально-семантические связи с большой группой лексики, в переводе оказывается востребован только на формальном уровне и передается транслитерированной лексемой «Raskoļņikovs». Однако семантически данная единица не выражает заданных оригиналом текста смыслов. Невозможным оказывается и обыгрывание разных мотивирующих признаков онима в переводе. При этом оказывается возможным построение значимого в контексте «не-цельности» семантического поля, обнаруживающего специфические особенности.

Так, востребованными в переводе оказываются несколько префиксов для передачи семантики префикса «раз- / рас-», при этом в рамках каждой из групп примеров актуализован свой префикс / набор префиксов. Например, для передачи семы «*раздробление, разделение на части*» востребован оказывается префикс „sa-“, (ср.: „*pauris sadragāts*”; „*meitene saplēsusī mātes tasīti*”; „*viņš norāva cilpu un steidzās ātrāk to saplēst skrandās*”; „*bet jau salauzta sirds*”). Семантику «*разъединения*» передает как префикс „at-“, (ср.: „*viņš atpogāja mētelī*”), так и префикс „ra-“, (ср.: „*viņš sāka raisīt vaļā sainī*”), а также беспрефиксальная лексема (ср.: „*durvis viņus šķīra*”). На «*распределение*» указывает префикс „ie-“, (ср.: „*sārtums jau iesities viņas bāļajos vaidziņos*”), как и беспрефиксальная лексема (ср.: „*kas attiecas uz cilvēku šķīrošanu ikdienišķajos un neikdienišķajos, tad piekrītu*”; „*tur, Avdotja Romanovna, varbūt tūkstošiem un miljoniem kombināciju un virzienu*”). Сема «*распространение действия в разные*

стороны» передается префиксом „iz-“, (ср.: „*viņas gaiši zilā, ar baltām mežģīnēm rotātā kleita kā gaisa balons izpletās ap krēslu*”), „pa-“, (ср.: „*duļķainais ūdens pašķīrās, ierija uz mirkli savu upuru*”), а также беспрефиксальной лексемой (ср.: „*iespļautu labi pamatīgi viņiem purnā un cirstu uz visām pusēm pārdesmit pļauku*”). При этом семантику «движения из какой-л. точки в разные стороны» передают описательные конструкции (ср.: „*visi tirgotāji pie galdiem, bodīlēm, skrāģiem un būdām slēdza ciet savus veikalus <...> un gāja prom uz mājām*”; „*paiet pie malas*”).

Учитывая значимость лексемы «раскол» в качестве мотивирующего признака онима «Раскольников», а также синонимов лексемы в тексте оригинала, можно заметить, что в переводе синонимы «сворачиваются» до одной лексемы „*ķilda*” (ср.: „*bet iejaukties jūsu pastāvīgajās ķildās ar Amāliju Ivanovnu man nav nekādas patikas*”; „*kaut gan viņai ar saimnieci ķilda ķilda galā, taču kaut tās priekšā bija uznākusi vēlēšanās palepoties*”, „*Nastasja viņām abām bija jau pavēstījusi par pirmītējo ķildu*”). Лишь лексема «несогласие» переводится идентично тексту оригинала – „*nesaskaņa*” (ср.: „*bet, kas attiecas uz šādām vai tādām nesaskaņām raksturos vai kaut kādiem veciem paradumiem un pat zināmām domu nesaskaņām*”). Можно предположить, что в картине мира текста оригинала область «спорного» (раскол, распри, раздор, ссора, несогласие) является значимой качественной характеристикой в установлении связей с миром и отдельным человеком.

Обратимся к переводу лексемы «раскольник», которая в переводе передана лексемой „*vecīcībnieks*” (ср.: „*ne nu gluži vecīcībnieks*”). Здесь используется лексема с другой внутренней формой (ср.: «Раскольников» – от «раскольник»; „*vecīcībnieks*” – от „*vecā tīcība*”). Известно, что «раскольниками» называли последователей старообрядчества. В переводе замена культурно-специфического наименования на более понятное облегчает прочтение данной лексемы. При этом лексема «вольнодумец» переводится идентично оригиналу (ср.: „*tiesneši <...> nenoticēs diviem mīdītiem bezdievjiem, kūdītājiem un brīvdomātājiem*”).

Таким образом, намечая рассмотрение структуры семантического поля «не-цельность» в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» как глобального вопроса, затрагивающего текст с композиционной точки зрения, можно сделать некоторые выводы об основных его особенностях.

Следует отметить особую значимость в формировании структуры ядра семантического поля «не-цельность» онима «Раскольников», задающего тексту определенную смысловую доминанту. Наряду с этим, необходимо учитывать разные мотивирующие признаки данной единицы, позволяющей строить многоплановое ядро семантического поля «не-цельность». Во-первых, префикс «рас-/раз», указывающий на: *раздробление, разделение на части; разъединение; распределение; распространение действия в разные стороны;*

движение (многих, нескольких) из какой-л. точки в разные стороны. Во-вторых, лексему «раскол», наконец, лексему «Раскольник». Префикс «рас- / раз-», из компонента лексической единицы (глагола) с семантикой «разрушения», «разделения» становится компонентом онима главного героя романа – Раскольников, в котором идеи «разделения» людей на классы, «разрушения» основ мироустройства воплощаются в материальное зло, насилие, убийство.

В переводе оним «Раскольников» передается лексемой „Raskoļņikovs”, при этом формально данная транслитерированная единица поддерживает связь с префиксом «рас- / раз-», однако семантически нет. Непродуктивной оказывается и возможность выявления разных мотивирующих признаков онима в переводе. Для передачи сем префикса «рас- / раз» востребованным становятся ряд префиксов (ср.: „sa-”, „at-”, „ie-”, „pa-”, „iz-”) с подобными значениями. В некоторых случаях контексты с префиксом «рас-/раз» в переводе заменяются лексемой, иногда – описательной конструкцией, при этом востребованным становится наличие синонимических рядов лексем в переводе. Перевод синонимов лексемы «раскол» «сворачивается» до лексемы „ķilda”. Наряду с этим, лексема «раскольник» в переводе заменяется на лексему с измененной внутренней формой „vesticībnieks”. При этом, если транслитерированная лексема „Raskoļņikovs” утрачивает значимые для всего романа семантические признаки, то разный перевод префикса «раз- / рас-» в тексте перевода удерживает семантику лексем оригинала, но неизбежно утрачивает связи с онимом, что в тексте оригинала концептуально значимо.

Учитывая все вышесказанное, отметим, что, если в рамках текста оригинала центром, эстетически и семантически нагруженной единицей становится оним «Раскольников», то в переводе данная единица выходит на периферию, а в семантическом плане – вовсе исключается из поля.

Литература

- Боровикова Н.А. 1989 – *Полевые структуры в системе языка*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.
- Достоевский Ф.М. 1973 – Преступление и наказание. *ПСС в 30т.* Ленинград, Т.6.
- Караулов Ю.Н. 1972 – Структура лексико-семантического поля. *Филологические науки*. №1. *Русский язык. Энциклопедия*. 1998 / Гл.ред. Ю.Н.Караулов. – Москва: Изд-во «Дрофа».
- Тарасова И.А. 1994 – *Структура семантического поля в поэтическом идиостиле (на материале поэзии И. Анненского)*. Саратов.
- Dostojevskis F. 1975 – *Noziegums un sods. Kopoti raksti desmit sējumos*. Rīga: Liesma, Vsējums.
- Latviešu literārās valodas vārdnīca : 8 sējumos*. 1972-1987 / LPSR ZA; Valodas un lit. inst.; atb. red. L.Ceplītis. Rīga: Zinātne.

ЭККЛЕЗИОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ БЕЛАРУСИ)

О.А. Лукина

*Полоцкий государственный университет, Республика Беларусь
ydacha-ola@mail.ru*

Ономастический материал обладает огромным культуроведческим потенциалом, который одновременно и накапливается, и изменяется, подчиняясь логике исторического развития и деятельности человека. Данная работа рассматривает экклезионимы Беларуси сквозь призму лингвострановедения, лингвокультурологии, этнолингвистики и лингвогеографии. Картографирование экклезионимов разных конфессий Республики Беларусь даёт возможность описать распространение экклезионимных моделей на территории шести областей Беларуси, выявить исторические, культурные, языковые связи между ними. Таким образом открывается своеобразная историко-лингвистическая картина, так как данные карт являются отражением экклезионимных процессов не только в синхроническом, но и диахроническом аспектах.

Ключевые слова: экклезионим, лингвострановедение, лингвогеография, этнолингвистика

Современный этап развития ономастической науки характеризуется устойчивым интересом к проблеме корреляции «язык и человек». На смену структурной парадигме в конце XX в. в языкознание пришла антропологическая со своим предметом, объектом, методами исследования. Антропоцентризм обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в научном исследовании, определяя его перспективы и конечные цели.

Ономастический материал обладает огромным культуроведческим потенциалом, который одновременно и накапливается, и изменяется, подчиняясь логике исторического развития и деятельности человека. В настоящее время появляются многочисленные работы, рассматривающие имена собственные с позиций лингвострановедения, этнолингвистики, лингвокультурологии, когнитивистики и т.п.

Цель данной работы – рассмотреть экклезионимы Беларуси сквозь призму лингвострановедения, лингвокультурологии, этнолингвистики и лингвогеографии.

Так, лингвострановедческий подход к анализу имён собственных предполагает выявление фоновых знаний, связанных с онимами, что приводит к изучению не всего ономастикона, а лишь тех имён, которые обладают особой значимостью для национальной культуры. Такие значимые для лингвострановедения онимы называются именами-реалиями и противопоставляются остальному ономастическому континууму. Так, лингвострановедчески ориентированным является экклезионим *костёл Святой Анны в д. Мосар Глубокского*

района Витебской области, который в сознании верующих ассоциируется не только с наименованием католического храма, но и деятельностью знаменитого ксендза.

Согласно мнению В.П. Нерознака, лингвострановедение следует заменить лингвокультурологией, где ономастика как её раздел занимается изучением этнокультурной специфики имени собственного [Нерознак 1995]. Имя – это социальный и этнический знак. Лингвокультурологически значимой является энциклопедическая (экстралингвистическая) информация, стоящая за именем.

При разграничении лингвокультурологии и этнолингвистики, имеющих схожие задачи, исследователи подчёркивают синхронический характер лингвокультурологии и определяют объект исследования в этнолингвистике «смещённым» в сторону изучения языка племён, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры.

Е.П. Аринина, анализируя русские православные экклезионимы с точки зрения этнолингвистики, заметила, что набор агнионимов, входящих в состав наименований культовых сооружений, не является неизменным на протяжении всего существования православия на Руси. Исследователь считает, что это связано с изменением «запросов» верующих. Так как святой является покровителем группы людей, занимающихся определённой профессией, а приоритетность профессий со временем меняется, появляются новые, а старые исчезают, то меняется отношение к святым, что находит отражение в выборе агнионимов, входящих в состав экклезионимов [Аринина 2008].

Погружение слова-знака в культурную среду приводит к постепенному формированию лингвокультуре́мы с различного рода ассоциациями, выходящими за пределы обычной языковой дефиниции. То есть лингвокультуре́ма состоит из формы – знака и содержания – языкового значения культурного смысла. В ней осуществляется взаимосвязь собственно языкового и экстралингвистического содержания и взаимный переход от одного к другому и обратно.

Экклезионим, являясь лингвокультуре́мой, содержит следующую религиозно-культурную информацию: 1) о конфессиональной принадлежности культового объекта (*костёл Святой Варвары* – католичество, *дом молитвы «Благодать»* – протестантизм и т.д.); 2) об особой функции места совершения обряда (*собор во имя Святого Николая Чудотворца* – главный храм в городе, *Свято-Успенский женский монастырь* – место обитания монахов и т.п.); 3) о «популярности» одних святых, праздников, икон по сравнению с другими, что позволяет представить пространственно-временную картину мира верующих белорусов; 4) о концепции вероучения разных религий (особое почитание апостола Петра и Пресвятой Троицы в католичестве, нашедшее отражение в количественном превалировании костёлов в их честь, и т.п.).

Как считает И.В. Бугаева, «люди, исповедующие одну и ту же религию, составляют одно языковое сообщество, объединённое общими и историко-культурными и религиозными связями, осуществляет коммуникацию посредством одного и того же языкового субкода» [Бугаева 2010:4].

Поэтому в современной лингвистике значительное внимание уделяется исследованию религиозной картины мира. Религиозная картина мира как один из элементов общей картины мира представляет собой когнитивную структуру, вобравшую в себя совокупность духовно-нравственных ценностей, основанных на религиозном учении, которое исторически формировало мировоззрение и культурно-национальное самосознание народа [Бугаева 2010:15].

Время и пространство в религиозной картине мира верующего человека имеет свои особенности. В религиозном мировосприятии основное противопоставление происходит по признаку «сакральное / мирское». Христианская традиция знает период «до времени», то есть до сотворения мира. Важными временными вехами являются Сотворение мира, Рождество Иисуса Христа, Второе пришествие Христа, Страшный Суд, за которым человека ждёт жизнь вечная. В сознании верующего человека сосуществуют две временные линии: обычное, историческое время и религиозное, которое чётко отражается в церковном календаре, суточном и годовом циклах богослужения и церковных праздников, самые важные из которых нашли реализацию в экклезионимии.

Особенности ментальности христианских верующих нашли отражение в экклезионимии Беларуси. Православие является древнейшей христианской конфессией на белорусских землях, которое пришло сюда в конце X в. со становлением Полоцкой епископской кафедры (992 г.). Как справедливо отметила И.В. Бугаева, ономастический формуляр наименования православных храмов и монастырей состоит из ядерной и дополнительной единиц [Бугаева 2010].

Основной компонент (ядерная единица) – престольный номинатор, то есть та лексема, которая обозначает, в честь какого праздника, святого или иконы освящен престол храма. Дополнительными компонентами являются разные дополняющие, уточняющие и дифференцирующие элементы.

Ядерный компонент обязателен в наименовании и в православной экклезионимии представлен номинациями святых, праздников и икон и выражает «сетку предпочтений» (по М.В. Горбаневскому) верующих. Дифференциатор является факультативным элементом и в названиях белорусских православных культовых объектов представлен единично.

Анализ ядерных единиц, входящих в наименование православного храма, показывает, что доминирующей единицей в экклезионимной системе Беларуси выступает имя святого

Николая Чудотворца. Строя в его честь культовые сооружения, человек тем самым создаёт пространство защиты и заступничества, приобретая небесного покровителя.

Дополнительными единицами (дифференциаторами) в составе экклезионима выступают антропонимные или топонимные единицы. Они являются отличительной чертой российских наименований культовых сооружений в связи с тем, что в одном населённом пункте может быть построено несколько церквей с одинаковым названием. Для Беларуси данное явление нетипично. Нами отмечены две экклезионимные модели, содержащие в своём составе дифференциаторы, – *Свято-Богоявленский Кутейнский мужской монастырь* в г. Орше и *Свято-Троицкий Марков монастырь* в г. Витебске.

Свято-Троицкий Марков мужской монастырь был основан в XIV в. на правом берегу Двины. По преданию, основателем его был некий человек по имени Марк, который построил на своём участке земли часовню и уединился для благочестивых подвигов. Потом к нему стали присоединяться единомышленники. К XV в. небольшой скит превратился в монастырь. Своего расцвета Марков монастырь достиг в XVII в. Свято-Богоявленский Кутейнский мужской монастырь основан в 1623 г., размещён в Кутейне – северо-западной окраине Орши, в месте слияния рек Днепра и Кутейнки.

Доминирующими единицами католической экклезионимии Беларуси являются наименования в честь Пресвятой Троицы, Девы Марии, архангела Михаила, апостолов Петра и Павла. Это объясняется как особенностями католического учения, так и «сеткой предпочтения» верующих Беларуси.

Сосредоточенность внимания на личности Иисуса Христа как единственном посреднике между Богом и людьми, отказ от почитания икон, креста, веры в святых, придавание особой значимости так называемым «духовным дарам» нашли отражение в названиях молитвенных домов представителей протестантских течений Беларуси. В экклезионимии баптистов и пятидесятников почти полностью отсутствует принцип номинации культовых сооружений по их связи с человеком, главенствующий для православных и католических наименований. Исключение составляют названия в честь Иисуса Христа. На первый план выходит принцип номинации молитвенных домов по связи с абстрактными понятиями, отражающими основы протестантского культа и вероучения.

Итак, понятия святости и сакральности всегда были важными для сознания верующего человека. Желание освятить всё окружающее объясняется попыткой защитить тем самым себя и своих близких от действия нечистой силы, злых духов и пр. Строительство храмов, часовен и монастырей сакрализует среду обитания человека, способствует созданию единого сакрального пространства, а празднование многочисленных праздников ведёт к сакрализации времени и календаря.

Картографирование экклезионимов разных конфессий Республики Беларусь даёт возможность описать распространение экклезионимных моделей на территории шести областей Беларуси, выявить исторические, культурные, языковые связи между ними. Таким образом открывается своеобразная историко-лингвистическая картина, т.к. данные карт являются отражением экклезионимных процессов не только в синхроническом, но и диахроническом аспектах, могут фиксировать факты, которые отсутствуют в современном языке.

Метод лингвистической географии широко применяется в диалектологии и является относительно новым этапом в белорусской ономастике. Лингвогеография изучает закономерности в территориальном распространении языковых явлений.

Лингвистическая география возникла в Европе в конце XIX в. Немецкий учёный Г. Венкер и французский лингвист Ж. Жильерон явились инициаторами специального лингвистического обследования территории с целью последующего представления собранного материала на географических картах. С именами этих учёных связаны первые достижения лингвогеографии, им принадлежат и формулировки её основных понятий. Объектом лингвогеографии является установление границ территориального распространения языковых явлений. Однако картографирование языковых фактов не является самоцелью. Их географическое распространение отражает закономерности развития языка, а также историю народа, культурные, политические и социально-экономические отношения населения в прошлом и настоящем.

Православные экклезионимы расположены на всей территории Беларуси: в Брестской области – 31%, в Минской – 19%, в Гродненской – 18%, в Витебской – 15%, в Гомельской – 11%, в Могилёвской – 6% наименований. Исторически православие было первой религией и распространялось в основном равномерно. В настоящее время данные наименования являются преобладающими на современной карте Республики Беларусь.

Старообрядческие экклезионимы на территории Беларуси размещены неравномерно. Ядро максимальной концентрации названий этого типа находится на территории Витебской области, где продуктивность экклезионимов составляет 58% (19 единиц). Данная область является своеобразным «стержнем» наименований старообрядческих культовых сооружений, от которого расходятся волны меньшей наполненности. Второй по продуктивности является Могилёвская область (21%), третьей и четвёртой – Минская (12%) и Гомельская (6%) соответственно. В Брестской области отсутствуют старообрядческие экклезионимы. Причину такого расположения старообрядческих экклезионимов нужно искать в исторических особенностях формирования старообрядческого экклезионимикона данной территории.

Первые известия о староверах на территории Беларуси, входившей тогда в состав Великого Княжества Литовского, относятся ко 2-й половине XVII в. К началу XVIII в. уже сложилось два основных центра распространения старообрядчества – Двинский и Ветковский. В 1734 г. часть поморцев стала продвигаться на запад от Ветки (до реки Березины) и далее в глубь белорусских земель. В 1750-х гг. подверглись разорению древлеправославные поселения в Прибалтике, в результате чего более активно стало заселяться среднее Подвинье. Продолжая движение, многие переселенцы двинулись по реке Березине и разошлись практически по всей современной восточной Беларуси и далее на Украину (район Житомира). В начале XIX в. началось новое движение из литовских пределов, на этот раз на запад, в том числе и на территорию современной Гродненской области. Очень хорошо волны переселений прослеживаются в Бобруйском районе, где произошло их смешивание.

Ядро максимальной концентрации католических экклезионимов находится на территории Гродненской области, где продуктивность названий мест совершения обряда составляет 38%. В Витебской области – 22% наименований, в Минской и Брестской – 21% и 15% экклезионимов соответственно. Немногочисленны названия католических культовых сооружений в Гомельской и Могилёвской областях (по 2%). Преимущественное размещение их в западных областях страны объясняется близостью католических Польши, Литвы и Латвии.

Греко-католические экклезионимы (всего 14 наименований) нашли распространение в крупных населённых пунктах – областных и районных центрах: Минская область – 4, Витебская и Брестская области – по 3, Гродненская область – 2, Гомельская и Могилёвская области – по 1 наименованию культовых сооружений.

Баптистские экклезионимы распространены на всей территории Беларуси. Наиболее многочисленны они в Брестской (28%) и Минской (26%) областях.

Ядро максимальной концентрации экклезионимов христиан веры евангельской находится в Брестской и Минской областях (по 31% онимных единиц).

Наименования культовых сооружений христиан полного Евангелия немногочисленны и сконцентрированы преимущественно в Минской области (40% онимных единиц). Второе и третье место занимают Гомельская и Брестская области: 21% и 15% экклезионимов соответственно. Данная религия пришла в Беларусь с запада и ещё не получила широкого распространения.

Иудаистские экклезионимы встречаются на территории Беларуси достаточно равномерно: Минская область – 10 наименований, Могилёвская – 9, Брестская, Витебская, Гомельская – по 8, Гродненская – 3. О приверженцах иудаизма в Беларуси известно ещё с IX

– XIII вв. Самый интенсивный наплыв еврейского населения в Беларусь приходится на 2-ю половину XVII – 1-ю половину XVIII в. Новоприбывшие евреи селились по принципу востребованности их профессии в крупных городах и местечках, где в XIX – начале XX в. численность их составляла 70 – 80%. В 1990-х гг. начался процесс возрождения белорусской иудейской конфессии. Сейчас самое большое количество евреев живёт в столице Беларуси, остальные общины находятся в областных центрах, Бобруйске, Полоцке, Мозыре, Барановичах и Пинске.

На современной карте Беларуси мусульманские экклезионимы представлены в трёх областях: Гродненская – 4 наименования, Минская – 3, Витебская – 1.

Таким образом, наибольшее количество экклезионимов находим на картах Брестской и Минской областей, наименьшее – Могилёвской и Гомельской.

Концентрация наименований культовых сооружений преимущественно в западной Беларуси (две трети названий) объясняется экстралингвистическими факторами: современное общество характеризуется открытостью границ, в том числе и религиозных, что способствует проникновению огромного количества различных течений из Европы и Америки.

Литература

- Арина Е.П. 2008 – *Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте*. Самара.
- Бугаева И.В. 2010 – *Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития*. Москва.
- Нерознак В.П. 1995 – *Ономастика как составная часть лингвокультурологии*. Волгоград.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА

А.Г. Маврова

Софийский университет им. Св.Климента Охридского, Болгария

amavrova@slav.uni-sofia.bg

В статье *концепт* рассматривается как лингводидактическая категория, способствующая созданию межкультурной модели обучения иностранному (русскому) языку и культуре. С этой точки зрения акцент ставится на *ментальные (когнитивные) процессы*, что является оправданным в условиях специфического социокультурного и образовательного контекста преподавания и изучения русского языка в болгарской средней школе. Семантизируются тесно связанные с лингводидактикой понятия *образование* и *обучение*. Выявляются основные характеристики (лингвокультурного) концепта, интерпретированные в лингводидактической перспективе. В заключение дается определение *лингводидактического концепта*.

Ключевые слова: межкультурное обучение, межкультурная компетентность, образование, обучение, межкультурная личность, лингводидактический концепт

Глобальные изменения, которые произошли в современном мире, сказались и в области иноязычного образования. В связи с этим обучение иностранными языками не сводится к понятию «овладение определенным уровнем языка» как умение понять мысли собеседника и выразить свои. Необходимо обеспечить условия для приобщения учащихся к иноязычной культуре с целью подготовить их к продуктивному межкультурному общению. Эта перспектива обозначена как «межкультурная парадигма – новая онтология современного иноязычного образования» [Гальскова, Гез 2007:52], и в методический обиход введены понятия межкультурное обучение, межкультурная личность, межкультурная компетентность.

В *межкультурном обучении*, под которым мы будем понимать *развитие через изучение иностранного языка определенных личностных качеств учащегося, обеспечивающих готовность к эффективному межкультурному диалогу*, одной из самых распространенных межкультурных моделей считается модель британского ученого М. Байрама. Согласно этой модели, межкультурная компетентность складывается из следующих структурных компонентов: 1) аффективный; 2) когнитивный; 3) стратегический. Аффективный компонент направлен на формирование у учащихся эмпатии и толерантности по отношению к другим культурам и собственной культуре. В основе когнитивного компонента лежит комплекс знаний о процессах общения, а также знания о родной и изучаемой культурах. Стратегический компонент включает в себя умения сопоставлять и

анализировать умения, добывать информацию и взаимодействовать [Byram 1997:50-90]. Однако, по справедливому замечанию самого М. Байрама, созданная им модель является предельно общей. Поэтому он рекомендует специалистам применять ее с учетом конкретных социокультурных и образовательных условий [Byram, Fleming 1998:81].

Анализ социокультурных и образовательных условий преподавания и изучения русского языка в болгарской средней школе [Маврова 2012:500-502] показал следующую обобщенную картину: 1) отсутствие «естественной» языковой среды; 2) русская культура изучается все еще как «довесок» в целях поддержки лингвистической продвинутой; 3) ограничение количества часов, отведенных на изучение русского языка; 4) преимущественное изучение русского языка как второго или третьего иностранного, т.е. владение им на базовом уровне (A2) с акцентом на рецептивные виды речевой деятельности.

Учитывая вышеуказанные специфики, мы вслед за М. Байрамом принимаем, что межкультурная компетентность состоит из трех компонентов – аффективного, когнитивного и стратегического, и определяем ее как *приобретенные в учебной среде знания и умения, на основе которых создаются условия, способствующие формированию таких отношений к родной и изучаемой культурам и их носителям, как понимание и уважение, которые необходимы для формирования качеств „межкультурной личности“ учащегося - потенциального участника межкультурного диалога*. Кроме того, мы пришли к выводу, что для осуществления взаимосвязанного обучения русскому языку и культуре болгарских старшеклассников одной из релевантных является межкультурная модель, построенная с лингвокультурологических и лингвокогнитивных позиций и, в частности, на основе базовой в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике категории – *концепта*.

Далее, включив принятые нами теоретические установки по анализу концепта в лингводидактическую перспективу, мы попытаемся очертить границы образовательного потенциала этой категории. Иными словами, мы постараемся ответить на вопрос: как вписывается лингвокультурный концепт в межкультурное обучение, и, в частности, в изучение русского языка и культуры в болгарской средней школе? Отправной точкой мы выбираем семантизацию понятий *образование* и *обучение*.

Опираясь на научные труды Е. Пассова, А. Дамяновой, Т. Ангеловой, Вл. Атанасова о дифференциации понятий *образование* и *обучение*, мы принимаем за постулат, что обучение есть технологическая сторона образования. Рассматривая языковое обучение в связи с процессом изучения и преподавания, Т. Ангелова обобщает: «...если отказаться от термина *языковое обучение*, то следует отказаться и от процесса преподавания и рассматривать процесс изучения только как хаотичный, неуправляемый процесс...» [Ангелова 2005:24]. Очевидно, благодаря своему организующему характеру обучение является необходимым

условием образовательного процесса: оно организует преподавание человеческих знаний и оберегает индивида от хаотического формирования. С другой стороны, однако, будучи направленным более всего на овладение «технологий», «изучение языка в условиях процесса обучения содержит элемент обязательности, «принуждения». Оно мотивировано извне. (...) В сущности, при языковом образовании достигается переход от внешней мотивации к внутренней (истинной) мотивации языкового развития (...)» [Ангелова 2005:25]. Следовательно, обучение – не достаточное, и, тем более, не единственное условие при решении вопроса о формировании личностных качеств у ученика как потенциального участника межкультурного общения, поскольку общение является актом взаимности, рассчитано на субъект-субъектные, симметричные отношения, обмен ценностями. Ценности являются присвоенными личностными значениями, а их воплощением становится *образ*, с которым человек существует в образовательном процессе (Е. Пассов; А. Дамянова). Образ – это «относящаяся к искусству эстетическая категория для усвоения и активного преобразования действительности». Образ «переосмысливает действительность, создавая новый, воображаемый мир» [ЛЭС 1990:252]. Творческая и познавательная «природа» образа соответствует беспредельным духовным исканиям человека. «Пре-образ-ить вещь, превратить ее в нечто иное (...), но при этом достичь наивысшего смыслового напряжения означает раскрыть взаимопроникновение различных пластов бытия» [ЛЭС 1990:252]. Поэтому «**образование** это создание образа – себя, мира, своих действий в мире [Пассов и др. 2007:22] – в концептуальных слоях сознания, где пересекаются предметное и смысловое, явное и подразумевающееся. «Образование – это становление человека путем вхождения в культуру. (...) Первоначальный образ-образец как идеал все время «обрабатывается» лично: его лично окрашенным знанием, приобретенным в процессе образования, его личностными образами освоенных действий, его лично окрашенными свойствами, приобретенными в общении и т.п.» [Пассов и др. 2007:22]. Семантически «заполненное» ценностной миссией (смыслом и мотивом), образование «представляет собой стремление человека постигнуть собственно человеческое, невещественное (метафизическое) в себе» [Дамянова 2002:43]. Это то самое пространство, в котором «человек «становится» чем-то большим, чем он «есть» [Дамянова 2002:25]. Вот почему «содержанием образования является культура как система ценностей» [Пассов и др. 2007:21]. А, как мы знаем из трудов Ю. Степанова, «культура – это совокупность концептов и отношений между ними» [Степанов 1997:43].

Подытоживая вышесказанное, мы полагаем, что лингвокультурный концепт мог бы рассматриваться как (само)образовательная и обучающая категория с учетом следующих положений.

- Все исследователи, работающие в области лингвокультурологии (Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, С.Х. Ляпин, В.В. Воробьев и др.), единодушны в том, что концепт – это *интегративная категория*, поскольку он – одновременно единица сознания, культуры и языка. В методическом плане это предполагает возможность *интегрирования* русской культуры в учебный предмет «Русский язык». Иными словами, интегрируя язык, сознание и культуру, концепт организует содержание учебного предмета «Русский язык» в систему, т.е. обеспечивает системное освоение русской и болгарской ценностных картин мира в их сопоставлении. Это приводит к реализации процесса культурного самоопределения ученика, и, в конечном счете, к осознанию самого себя в качестве *межкультурной личности*, понимаемой как *личность, которая на основе знаний о специфике межкультурной ситуации обладает готовностью и желанием вступить в межкультурный диалог, умеет достичь взаимопонимания с носителями других культур и имеет к ним и их культуре позитивное отношение.*

Опять же исходя из интегративной природы концепта, можно выявить его конкретные функции, проецированные в реляциях *язык-культура* и *язык-сознание*. Реляция *язык-культура* подтверждает тезис о том, что культура есть система ценностей, которые, собственно, и «делают концепт концептом» (В.И. Карасик) и сохраняются в языковом знаке. Взаимосвязь ценностей в культуре позволяет создавать «возможное представление о мире» (А. Дамянова), или (в другой стилистике) «ценностную картину мира» (В. Карасик). Поэтому здесь мы выделяем *аксиологическую* и *кумулятивную* функции концепта. Первая является опорой в формировании аффективной компоненты в предлагаемой нами межкультурной модели, соответственно, вторая способствует формированию когнитивной компоненты. В свою очередь, реляция *язык-сознание* восходит к тезису из теории обучения на опыте, что „из всех видов активности учащегося ведущая роль принадлежит мыслительной (...) В сущности, в этом пункте проявляется одна из наиболее существенных отличий конструктивизма – его привязанность к *фреймам* (организованному в концептуальных рамках знанию) и *когнитивным структурам*, больше в плане их дифференциации и мобильности, чем в плане накопления знания» [Дамянова 2005:50]. Таким образом, проявляются *саморефлексивная* и *эвристическая* функции концепта, которые дают возможность с помощью слова («имени» концепта) «изобрести» / «выработать» возможное представление о мире / индивидуальную ценностную картину. Эта возможность предполагает наличие условий для повышения познавательной мотивации, связанной с радостью от участия в различных видах познавательной деятельности, и интереса учащихся к «своему» и «чужому».

- Лингвокультурный концепт – эксплицитно или имплицитно – всегда предполагает сопоставление между языками и культурами [Воркачев 2003:11]. В качестве репрезентанта «культурной темы» (Ю. Степанов; В. Карасик) концепт в ходе лингвокультурной деятельности учащихся становится одним из способов организации диалога культур [Мишати́на 2010:45]. Вот почему контрастивный способ является основным способом межкультурного обучения. Его значимость заключается в том, что процесс сопоставления элементов, единиц и структур родной культуры с элементами, единицами и структурами культуры изучаемого языка [Нойнер, Хунфелд 1996:124] ведет к выявлению межкультурных специфик, преодолению этноцентризма, формированию толерантности и эмпатии.
- Лингвокультурный концепт появляется в рамках антропоцентрической парадигмы. В современной лингводидактике с точки зрения антропоцентризма *ключевой фигурой является ученик, как формирующаяся языковая личность, субъект ценностной картины мира*. Формирование ценностной картины мира посредством концепта, понимаемое как присвоение культурных ценностей, решается в перспективе личностно-ориентированного обучения, опираясь на положение о субъективном опыте ученика. Таким образом, культурологическая направленность языкового обучения обеспечивает у учащихся способность самостоятельной «выработки» ценностных картин мира посредством сопоставления концептов русской культуры и болгарской культуры, стимулирует их мыслительный процесс, креативность и объединяет в едином контексте образ внутреннего мира человека как основное средство развития личности учащегося, концепт как посредник в самообразовании обучающегося, совместная деятельность ученика и учителя, в ходе которой совершается обмен смыслами и их интерпретация.
- Поскольку концепты объединяют как рациональное, так и иррациональное, они предоставляют в учебном процессе условия для *интегрирования аналитического и образного способа восприятия и переработки информации* [Мишати́на 2010:45]. Эта позиция, как нам кажется, имеет отношение к принципу этнографичности, понимаемому в межкультурном обучении как «совокупность этнографических приемов, необходимых для установления значения событий или явлений в эмических терминах, т.е. изнутри, с точки зрения тех, кто в них участвует. (...) Такие техники включают: отстраненное наблюдение; вовлеченное наблюдение; интервьюирование; анкетирование; сбор фактов (документирование)» [Елизарова 2005:246].
- Положение о том, что концепт «не только описывает свой объект, но и создает его» [Воркачев 2003:8], мы проецируем на способность этой категории создать языковую модель культуры как систему ценностей. С лингводидактической точки зрения это могло

бы означать построение лингвокультурной модели, включающей одну общую рамку с двумя подуровнями. Первый – теоретический – подуровень, обозначенный понятием *лингвокультурная макрорамка*, дефинируем как технологию, обеспечивающую продуктивное изучение концептов русской и болгарской лингвокультур в сопоставительном плане. В макрорамке формулируются цели, принципы и методы межкультурного обучения, а также предлагаются ресурсы учебного содержания. Соответственно, второй – операциональный – подуровень, или *лингвокультурная микрорамка / лингвокультурный сценарий* определяется как комплекс дидактических процедур, способствующих выявлению «некоего лингвокультурного построения, модели фрагмента реальности, обладающей этнокультурной спецификой и культурной значимостью» [Халяпина 2006:71].

В контексте сказанного мы выводим следующее определение *лингводидактического концепта*. *Лингводидактический концепт является образовательной категорией, которая, интегрируя изучение чужой культуры в учебный предмет «Иностранный язык», характеризуется аксиологической, кумулятивной, саморефлексивной и эвристической функциями, и основываясь на них учебный процесс организуется способом, который развивает аспекты межкультурной компетентности.*

Литература

- Ангелова Т.Г. 2005 – *Методика на обучението по български език. Съвременни проблеми*. София.
- Воркачев С.Г. 2003 – *Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели)*. Волгоград.
- Гальскова Н.Д., Гез Н.И. 2007 – *Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика*. Москва.
- Дамянова А.Е. 2002 – *Диалогът в литературнообразователния дискурс в средното училище*. София.
- Дамянова А.Е. 2005 – *Конструктивизмът – новата образователна парадигма? Български език и литература, №5*. София.
- Елизарова Г.В. 2005 - *Культура и обучение иностранным языкам*. Санкт-Петербург.
- ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.
- Маврова А.Г. 2012 – «Идеальный носитель языка» в контексте межкультурной парадигмы. *Русистика: язык, культура, перевод. Юбилейная международная научная конференция*. София, 23-25 ноября 2011 г. Доклады. София.
- Мишати́на Н.Л. 2010 – *Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход*. Дисс. ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург.
- Нойнер Г., Хунфелд Х. 1996 – *Методи на обучението по немски език като чужд*. София.
- Пассов Е.И., Колларова Э., Кибирева Л.В. 2007 – *Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация). Методическое пособие для русистов*. Санкт-Петербург.
- Степанов Ю.С. 1997 – *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва.

- Халяпина Л. 2006 – Ключевые категории когнитивной лингвистики как основа формирования поликультурной языковой личности в процессе обучения иностранным языкам. *Вестник НГУ. Серия: Педагогика. Том. 7, выпуск 1.*
- Byram M., Fleming M. 1998 – *Language learning in intercultural perspective: approaches through drama and ethnography.* New York.
- Byram M. 1997 – *Teaching and assessing intercultural communicative competence.* Clevedon.

СОВЕТСКИЕ И ПОСТСОВЕТСКИЕ ОТЦЫ И ДЕТИ

В.В. Макарова

Вильнюсский университет, Литва

makarovavv@gmail.com

Целью исследования являлось установление воспитательных установок родителей 60-80-х г.г. XX в. и 10-х г.г. XXI в. Материалом для анализа послужили тексты из советских журналов, лейтмотивом текстов о детях в которых, как было установлено, являются темы труда, самостоятельности, целесообразности, подчинения, нравственного облика человека, воспитания как коллективного дела. Для исследования современной ситуации в качестве материала были использованы тексты интернет-ресурсов, повторяющимися смыслами публикаций которых являются планирование, самовоспитание, не-дисциплина, как-бы-эгоизм, раннее развитие, воспитание как внутрисемейное дело.

Ключевые слова: дискурс, ценностные установки, родители, дети, воспитание

«Кто называет вещи, тот овладевает ими», – это высказывание уже стало крылатым выражением, иллюстрирующим такую ситуацию, когда для выбора одного и того же денотата говорящий выбирает то или иное слово. Например, *санитарный служащий* или *мусорщик* [Блакар 1987:88-126], *реструктуризация* или *сокращение*, *партизан* или *бандит*, *на Украине* или *в Украине*, *ополченец* или *сепаратист*.

В сфере политики «составной частью борьбы за власть ... является борьба за власть номинаций» [Крысин 2008:503-504], но это же утверждение можно отнести к любой сфере жизнедеятельности человека, т.к. в любой своей деятельности человек (сознательно или бессознательно) следует той или иной идеологии и / или проповедует ее (словом или делом).

В предлагаемой читателю статье представлены результаты анализа дискурса воспитания детей. Автор исходил из мысли о том, что анализ выбора слов, которым говорящий описывает тот или иной аспект взаимодействия родителей и детей, позволяет обнажить ценностные ориентиры субъекта дискурса.

Для исследования ценностей в области воспитания детей мы исследовали тексты из советских журналов «Крестьянка», «Работница» и «Семья и школа». Лейтмотивом текстов о детях в них, как мы установили, являются темы труда, самостоятельности, целесообразности, подчинения, нравственного облика человека, воспитания как коллективного дела.

Для исследования современной ситуации в качестве материала были использованы тексты, опубликованные на интернет-ресурсе «Малыши» в 2014 г. Этот портал принадлежит виртуальному сообществу людей, объединенных интересом к проблемам воспитания

ребенка-дошкольника. Мы пришли к выводу, что повторяющимися смыслами публикаций на «Малышах» являются такие: планирование, самовоспитание, не-дисциплина, как-бы-эгоизм, раннее развитие, воспитание как внутрисемейное дело.

Большинство повторяющихся в современных и текстах прошлой эпохи лейтмотивов можно сопоставить в парах (см. ниже). Корреляций не обнаружено нами в двух случаях: в отношении темы труда и планирования. Как известно, одним из ключевых слов прошлой эпохи являлось слово «труд»: *Надо детям сызмала внушать мысль, что они должны вместе со взрослыми участвовать в труде ... Ребенок должен знать, что все люди имеют свои обязанности, что все вещи созданы трудом людей* [Крестьянка 1954, № 10]. В современных текстах мы не обнаружили ни воспевания ценности труда, ни ее низвержения. О труде (или, наоборот, праздном образе жизни, безделье) сейчас не говорят. Но много говорят, в отличие от прошлой эпохи, о планировании обретения материальных благ (финансовые планы на месяц, год и десятилетия) и деторождения (когда, где и как рожать детей и в каком количестве): *Мы готовились – считали даты, чтоб получился воздушный знак, пили витаминки за три месяца до, отказались от спиртного за полгода до* [Малыши 2014].

Целесообразность vs. как-бы-эгоизм

В середине XX в. в советских журналах писали, что *приучая детей к самообслуживанию, к самостоятельной игре, мы воспитываем у них способность действовать целесообразно. (...) Выполняя обязанности, ребенок привыкает быть полезным окружающим его людям. Если не приучать его к этому, он станет эгоистом, который заботится только о себе* [Крестьянка 1954, № 10].

В наше время, наоборот, родители сетуют на то, как невнимательны были к их детским потребностям окружающие: *Бабушка постаралась и вбила мне в голову, что надо быть послушной и нельзя быть эгоисткой. В результате я для себя на последнем месте, не понимаю себя, не чувствую своих желаний, не знаю чего хочу. В детстве была суперудобным ребенком ... Для дочки такого не хочу. Я не хочу сказать, что махровый эгоизм, это чудо как хорошо, во всем мера должна быть. Человек должен хотя бы заявлять о своих желаниях...* [Малыши 2014].

Но как определить, где заканчивается стремление к собственному комфорту и начинается эгоизм, современные родители, по-видимому, не знают. Более того, огромную «поддержку в пропаганде приоритета собственных потребностей на пути к личному счастью оказывают многочисленные популярно-психологические тренинги «ассертивности», «повышения самооценки», «искусства быть эгоистом», «личностного роста», умения «получить от жизни все», напрямую связывающие индивидуализм и эгоизм с ростом собственного благополучия» [Левит 2012:10-19].

Послушание vs. свобода

В советские время целью воспитания являлось, в частности, «приучать ребенка соблюдать правила общественного поведения, слушаться взрослых. С младшего возраста ребенок должен знать слово «нельзя» и подчиняться ему» [Крестьянка 1954, №10]. В исследованных нами журналах весьма высока частотность лексики послушания и подчинения: *требования, подчиняться, безоговорочно выполнять распоряжения взрослых, приказание взрослых, ломать укоренившиеся ...дурные привычки* [Крестьянка 1954, №10].

В наше время родители-авторы пишут: *Я категорически против железной дисциплины и не стремлюсь вырастить покорного, беспрекословно и во всем уважающего авторитет старших, ребенка. Ребенок может и должен шалить, подвергать сомнению все ... но вот как научить делать то, что реально нужно, тогда, когда реально нужно?* [Мальши 2014].

Таким образом, если советские родители приучали ребенка к подчинению распоряжениям и приказам, то современные родители – зачастую пребывают в прострации, ибо авторитарное воспитание ребенка противоречит их мировоззренческим установкам, но в результате многие семьи (о чем свидетельствует огромное количество соответствующих текстов) сталкиваются с проблемой абсолютно анархического поведения своего потомства. Например: *Мой сын начиная с 1,2 и по сей день (1,10) спокойно убегает от меня... Никакие уговоры и объяснения, никакие угрозы ... не действуют; На все запреты сын надо мной ржет; В автокресле плачет мгновенно, орать может продолжать час, он вообще плачет пока своего не добьется, побеждает меня* [Мальши 2014].

Такие ценностные ориентиры как соборность, примат коллективного над частным, фатализм считаются традиционными русскими ценностями, в отличие от ценностного ориентира свободы, характерного для т.н. либерально-ориентированных культур. Современные родители, во-видимому, представляют собой тот тип людей, который уже не приемлет ценности коллективизма и подчинения коллективу в такой его форме, которую «Соловьев и другие считали «фатализмом по-русски»: поощряющим униженное смирение, непротивление и пассивность» [Вежбицкая 1994]. Однако содержательное наполнение желанной ценности свободы остается нашими молодыми современниками, авторами постов о проблемах отцов и детей, пока что неосвоенным и неусвоенным.

Самостоятельность vs. самовоспитание

Для советского родительского дискурса весьма характерна тема приучения ребенка к самообслуживанию и самостоятельности. «На следующем сеансе ребята демонстрируют свое умение чистить и гладить брюки. Сколько мам освободится от забот об аккуратном виде своих сыновей!» [Семья и школа 1960, № 6].

Современные родители в большей степени озабочены тем, чтобы самим стать абсолютно самостоятельными в решении бытовых вопросов – получают водительские права, становятся репетиторами для своих детей, изучают основы педиатрии, массажа, кройки и шитья, кулинарии и проч. Многие также стремятся избавиться от некоторых своих недостатков, и чтобы служить примером для своих детей, и чтобы легче находить общий язык с ребенком и окружающим миром. *А вы менялись ради детей? В чем? И как это делали? Я понимаю, что идеальных людей и родителей не бывает. Но хочется максимально приблизиться к этому понятию* [Малыши 2014].

Таким образом, сегодня можно наблюдать «некую чрезмерную вовлеченность матери в материнство ... во многом, искусственно создаваемую и поддерживаемую» [Исупова 2014]. Таким образом, «и материнство, и работа претендуют на 100% их времени и сил, и выжить можно только за счет интенсификации труда на обоих рабочих местах, и все равно выполняя требования и там, и тут, только примерно наполовину» [Исупова 2014].

Общественное дело vs. личное дело

В советские годы воспитание детей представлялось делом общественным, тогда как сегодня родители стремятся от внедрения общества (в лице родственников с «неправильными» взглядами, прохожих, досужих соседей, школы, участкового педиатра и проч.) в дела семьи максимально оградиться.

В советских журналах писали: «Там, где у власти народ, эта любовь и забота о детях приобретают государственные масштабы» [Семья и школа 1960, №6]. В доказательство того, что государство с этой ролью справляется, приводили свидетельства родителей, которые выражали благодарность школе за то, что та взяла на себя ношу по воспитанию детей в течение всего дня: *Наш сын, – заявил рабочий М.И. Борташенко, – стал лучше учиться и вести себя. После уроков он выполняет домашнее задание под наблюдением учителей и членов родительского комитета. Я очень благодарен за это. ...Теперь мы спокойны за него* (Семья и школа № 6, 1960). В противовес текстам о положительной роли общества в воспитании детей приводились примеры пагубного домашнего воспитания: *Вот они, родственные чувства... Наташа и Таня растут плутишками, лгунами, мелкими взяточниками. И хорошая правдивая Оля не может противостоять* (Олина мать запретила ей выдавать чужим проделки сестер. – авт.) *извращенным «родственным чувствам». Она будет жить с затаенной обидой в сердце, и если ее воля не окрепнет под влиянием школы, то девочка может стать такой же, как ее родные* [Семья и школа 1960, №6].

Современные родители весьма ранимы к вмешательству третьего в процесс воспитания своих детей: *Меня такие «наносители добра» прям бесят. Вот они видят концовку чего-то и делают какие-то извращенные и далекоидущие выводы. Да, я часто*

«шпыняю» сына и подгоняю его, потому что я тоже устала, мне уже хочется доползти домой и умереть; Ох уж эти педиатры... Путь поносы лечат; Если чьи-то методы воспитания не совпадают с Вашими, это не значит, что они неправильные и срочно надо вмешиваться и нести знание в массы [Малыши 2014]. Судя по публикациям в «Малышах», окружающие все же постоянно пытаются пробить брешь в возведенной вокруг семьи стене: В общественном месте я всегда ожидаю всяких воинов света, которые будут жалеть моего ребенка; Я уже тоже начала волноваться, что на меня скоро вызовут опеку [Малыши 2014]. В советской культуре защитная позиция семьи по отношению к своему ребенку осуждалась: Зачем вы ее защищаете? Этим вы только портите свою дочь! – говорили члены комитета. – Я воспитываю своего ребенка так, как считаю нужным, – обидчиво ответила она. Терпеливо и настойчиво пришлось членам комитета разъяснять Валиной матери ошибочность такого мнения [Семья и школа 1960, №6].

Нравственный облик vs. раннее развитие

В советских текстах одной из частотных тем являлась тема воспитания высоконравственного человека, и авторы статей пытались раскрыть, какое содержание они вкладывали в это слово: *уважение к коллективу, чуткость, скромность, честность, расти человеком энергичным, настойчивым, деятельным, целеустремленным, бодрым, любящим человека, природу, творческий труд, искусство, науку; способным строить, творить, созидать, ставить интересы целого коллектива выше собственных удобств. И пусть это будет гражданственная судьба, а не жалкое мещанское существование* [Семья и школа 1970, №1].

Современные родители не склонны думать, что определенные черты характера можно привить человеку: *«Прививать», «дрессировать» – не мое. Считаю, что если ребенку «прививать» чуждые ему черты характера (делать серую мышь из лидера, заставлять быть первой скрипкой застенчивого и т.п.), можно сломать ребенка. Можно немного подкорректировать характер, чтобы человек мог жить в обществе, но не лепить из него то, что мечтается маме, папе, бабушке и прочей родне* [Малыши 2014].

С большим жаром обсуждают перспективы раннего развития своих детей, кружки, студии, различные методики и проч., однако не совсем понятно, что современный родитель вкладывает в понятие «быть хорошим человеком»: *Да, мы тоже хотим предложить сыну, когда подрастет, музыку-спорт-шахматы. Но я строго против бокса – мне жалко его мозги и кости. (Счастливый – это самое важное, да:) А порядочный – это как? Не врать-не воровать?* [Малыши 2014].

В заключение хотелось бы отметить следующее:

1. Современные родители воспитывают своих детей демократичнее, осознаннее, постоянно рефлексирова, поэтому, казалось бы, они должны были бы быть породить «более счастливые» высказывания о детях. Для проверки данной гипотезы мы обратились к данным «Национального корпуса русского языка». Поиск на стимул «дети – это» выдал нам следующие результаты по материалам 1960-1980 г.г.: Дети – это: *глина, единственное, высшее, суд, мука, риск*. Лишь два последних слова условно можно отнести к словам с негативной коннотацией. В текстах 2014 г. окончания фразы-стимула «дети – это» звучат следующим образом: *будущее, святое, счастье, всё, да, зеркало, мухоморы жизни, звери, ярмо, клеймо и тяжкий груз, эмоциональная и физическая и материальная нагрузка*. Преобладание слов с негативным смыслом в данном ряду очевидно. Отметим также, что слова *мука* и *риск* относятся к высокой лексике, в отличие от слов (употребляемых по отношению к людям) *звери, ярмо, клеймо, груз, эмоциональная и физическая и материальная нагрузка*.

2. Согласно концепциям известных исследователей феномена детства Филиппа Арьеса и Ллойда Демоза [Парамонова 2009:57–71] коммуникативное поведение советских родителей соответствует «социализирующему стилю», коммуникативное поведение постсоветских родителей – это «помогающий стиль». «Социализирующий стиль» предполагает тренировку ребенка, выковывание определенных черт характера, обучение приспособлению к обстоятельствам, нормам общества. «Помогающий стиль» отрицает эффективность наказаний и возможность формировать личностные черты человека, целью воспитания является создание благоприятнейших условий для удовлетворения витальных и духовных потребностей ребенка.

3. Представленные в данной статье особенности советского и постсоветского отношения к феномену детства являются мейнстримными (мейнстримными являются и анализированные нами источники), но не единственными. Так, например, дискурс популярного постсоветского движения естественного родительства несколько отличается от доминирующих в постсоветском обществе установок по отношению к задачам и методикам воспитания [Диомидова, Макарова 2014:271–283].

4. В перспективе данное исследование хотелось бы продолжить в следующем направлении: исследовать разноязычное коммуникативное поведение у билингов (полилингов), т.е. «какие модели речевого поведения используются родителями и как выстроены ситуации повседневной внутрисемейной коммуникации, в которой отражены культурные ориентиры старшего поколения» [Збенович 2010:58–71] на постсоветском пространстве. В частности, в современной Литве, где русскоязычное старшее поколение часто общается на двух (трех) языках с младшим поколением. Интересно понять, какие

ценностные нормы и в какой форме (на каком языке) передаются друг другу участниками повседневного семейного дискурса.

Литература

- Блакар Р. 1987 – Язык как инструмент социальной власти. *Язык и моделирование социального взаимодействия* / под ред. В. В. Петрова. Москва: Прогресс. С. 88–126.
- Вежбицкая А. 1994 – Судьба и предопределение. *Путь*. № 5. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/06/29/1213059486/Put_xb95_1994_x28Sudba_i_predopredeleniex2c_str.82-150x29.pdf С. 106.
- Диомидова А., Макарова В. 2014 – Движение «естественное родительство» – как (как бы) противостояние обществу потребления. *Respectus Philologicus*. № 26 (31). С. 271–283.
- Зденович К. 2010 – Два мира одного детства: дискурс-анализ опыта взросления в Израиле. *Laboratorium*. № 3. С. 58-71. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/dba-mira-odnogo-detstva-diskurs-analiz-opyta-vzrosleniya-v-izraile>
- Исупова О. 2014 – *Ты же Мать: неизбежный героизм и неизбывная вина материнства*. <http://polit.ru/article/2014/02/01/isouпова/>
- Крысин Л. П. (ред.). 2008 – *Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX-XXI веков*. Москва: Языки славянских культур, 2008. С. 503–504.
- Левит Л.З. 2012 – Счастье, эгоизм, альтруизм: парадоксы взаимодействия. *Психология. Социология. Педагогика*. № 7. С. 10–19.
- Парамонова А.А. 2009 – Формирование инфантологического дискурса (по психоисторическим работам Ф. Арьеса и Л. Демоза). *Вестник МГОУ*. № 2. С. 59–71. Режим доступа: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/6877>

Источники

- Крестьянка*, 1954, № 10; 1955, № 5; 1955, № 12.
- Малыши*. Интернет-ресурс (ЖЖ-сообщество). <http://malyshi.livejournal.com/>
- Работница*, 1964, № 7.
- Семья и школа*, 1960, № 6; 1970, № 1.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 335-343. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ МИХАИЛА ШОЛОХОВА: К ПРОБЛЕМЕ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

М. Маршалек, К. Завойски

Университет Казимира Великого в Быдгоще, Польша

marmarsz@ukw.edu.pl, sarna270@onet.eu

В статье рассматриваются некоторые аспекты перевода на польский язык шолоховских окказионализмов, которые являются важным компонентом словесно-художественной ткани «Тихого Дона». Под понятием окказионализмы подразумеваются индивидуально-авторские образования, охватывающие авторские по структуре и значению слова, а также авторские по значению единицы, в том числе: новые значения слов современного русского литературного языка и новые значения диалектных единиц. В силу своей индивидуально-авторской принадлежности они не имеют и не могут иметь «готовых» соответствий в польском языке, поэтому их передача сопряжена с немалыми когнитивными усилиями и требует обдуманых переводческих решений.

Ключевые слова: окказионализм, переводное соответствие, перевод, язык Шолохова, русский язык, польский язык

Вопрос перевода окказионализмов, т.е. индивидуально-авторских образований, возникающих под влиянием контекста и использующихся как средство художественной выразительности (о разногласиях по поводу термина см.: [Пулина 2008; Грузберг, Грузберг 2011]), хотя и находится в центре внимания современных специалистов, все еще остается, по сути дела, недостаточно изученным. В существующих работах, которые носят скорее прикладной характер, утверждается, что окказионализмы в переводческом плане относятся к трудным случаям, так как в силу своей индивидуально-авторской принадлежности они, с одной стороны, сложны для понимания, с другой же – не имеют и не могут иметь «готовых» соответствий в другом языке [Поздеева 2002]. Включив авторские инновации в область труднопереводимого, исследователи стремятся выявить переводческие стратегии, определить причины, влияющие на выбор того или иного способа перевода окказионального слова или же описать типы переводческих соответствий [Поздеева 2002; Беренкова 2007; Пулина 2008; Биаловонс 2011].

Цель данной статьи – выявить особенности передачи на польский язык индивидуально-авторских образований Михаила Шолохова, являющихся стилеобразующим средством в системе языка «Тихого Дона».

Поскольку небольшой объем статьи не позволяет проанализировать в аспекте перевода все разновидности «шолоховских» лексических инноваций, мы останавливаемся

только на тех единицах, которые являются авторскими с точки зрения их структуры и/или значения, не затрагивая группу окказиональных сложных слов, напр.: *исчерна-смуглый* ‘с очень темной кожей, словно покрытой сильным загаром’, а также суффиксальных, префиксальных и префиксально-суффиксальных образований типа *разнелюбая* ‘нелюбимая, нежеланная (о женщине)’. В итоге наши наблюдения основываются на передаче 62 окказионализмов, в том числе: 14 авторских по структуре и значению слов, напр.: *котельчатая* ‘большая, круглая, похожая на котел (о голове)’, 31 слова современного литературного языка с новым значением, напр.: *отроиться* ‘отделиться, уйти из родного дома’, а также 17 диалектизмов, чьи значения не свойственны русским говорам Дона, напр.: *чечекать* ‘говорить быстро, без умолку, стрекотать (о женщине)’. Лексические окказионализмы представляют собой комбинации узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой, семантические же являются результатом появления смысловых приращений (контекстуальных значений), связанных, как отмечается в *Словаре языка Михаила Шолохова*, «с перенесением характерных свойств предметов, процессов, явлений и др. живого и неживого мира друг на друга» [Диброва 2005:12]. Под пером писателя рассматриваемые окказионализмы появляются, как нам видится, не для обозначения каких-то новых вещей, а для более оригинальной характеристики общеизвестного.

Рассматриваемый материал в количественном отношении несколько уступает тому корпусу индивидуально-авторских образований, который зафиксирован в *Словаре языка Михаила Шолохова*, содержащем иллюстративный материал в основном из новейших просмотренных и исправленных автором изданий «Тихого Дона». Дело в том, что единственный – довоенный – польский перевод романа, выполненный в 1934 г. (подробнее см. об этом: [Marszałek 1999:15]), опирается на ту версию эпопеи, в которой группа авторской лексики представлена немного скуднее, о чем свидетельствует отсутствие в ней таких окказионализмов, как напр.: *васильковый* ‘тошнотворно-сладкий (о запахе)’, *переться* ‘подниматься, лезть из-за горизонта (о солнце)’ или же *развал* ‘Луна в первой четверти’, появившихся в языке более поздних изданий романа.

Собранный и проанализированный нами языковой материал позволяет утверждать следующее.

Переводчики в большинстве случаев успешно преодолели трудности семантической интерпретации шолоховских окказионализмов, т.е. или безошибочно определили значение, которое содержится в лексических индивидуально-авторских образованиях, или выявили новый, окказиональный смысл в структуре узуальных (канонических) слов. Это стало возможным благодаря двум объективным обстоятельствам:

1) ассоциативной связи окказионализмов с узуальными словами, обеспечивающей в известной степени «прозрачность» их семантической структуры, ср.:

изумрудиться ‘переливаться ярко-зеленым, изумрудным блеском (о траве)’ ↔ *изумруд* ‘драгоценный прозрачный камень ярко-зеленого цвета’ ∇ *Займище изумрудилось наращенной молодой отавой* (II, 115)¹⁴; *Włonie błyskało szmaragdem młodej trawy* (152);

нацелованная ‘любовно обласканная, омытая нежными прикосновениями волн (о гальке на берегу Дона)’ ↔ *нацеловать* ‘много раз поцеловать’ ∇ *Крутой восьмисажженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб, и вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки [...]* (I, 7); *Stromy, ośmiosażniowy spadek omszałych, zielonawych złomów kredy i oto brzeg; masa perłowa rozsypanych muszelek, zygzakowata obwódka krzemienia wyscałowanego przez fale [...]* (9);

2) контекстуальному окружению, содействующему логически правильной интерпретации окказионализмов с менее прозрачной семантикой и принятию решения в пользу того или иного значения в случае полисемантических образований, ср.:

окись ‘запах окисленного в желудке хлеба’ → *kwaśna woń* ∇ *Когда выходили из-за стола, кто-то, дыша взваром и сытой окисью пшеничного хлеба, нагнулся над ним, всыпал за голенище горсть пшени [...]* (I, 93); *Kiedy wychodzili spoza stołu, ktoś dyszący jadem, sytną, kwaśną wonią pszennego chleba, pochylił się nad nim, wsypując garść jagiel za cholewę buta [...]* (121);

перекипать 1. ‘нарушая порядок, перемешиваться с кем-л.’ → *kotłować się* ∇ *Возле небольшого клина суглинистой невеселой пахоты грудились, перекипали, колыхаясь в схватке, как под ветром* (III, 275); *Na niewielkim zaoranym kawalku gliniastej, ciężkiej roli zbili się w kupę, kotłowali, kołysząc się w starciu jak pod wiatrem* (361); 2. ‘кипеть, бурлить (о событиях)’ → *wrzec* ∇ [...] *полк [...]* в декабре снялся с позиций, походным порядком дошел до ближайшей станции и, погрузив все полковое имущество, пулеметы, запасы патронов, лошадей, тронулся внутрь перекипаншей в боях России... (IV, 541); [...] *pułk [...]* в грудню zeszedł z pozycji, w szyku marszowym doszedł do najbliższej stacji i załadowawszy mienie pułkowe, karabiny maszynowe, zapasy amunicji, konie, ruszył w głąb wrzącej walkami Rosji... (222).

Семный и контекстуальный методы анализа значений окказионализмов, расцениваемые в литературе как универсальные и наиболее эффективные способы дешифровки индивидуально-авторских образований, в некоторых случаях не смогли обеспечить польских переводчиков достоверной информацией об их семантической структуре, необходимой для адекватной интерпретации нового смысла. Результаты недостатка такой информации можно видеть, напр., в следующих примерах:

¹⁴ В скобках указывается часть и страница романа.

каруселировать ‘быстро перемещаться’ → *kręcić się* ‘вертеться, сновать, мотаться’

∇ *В мае полк [...] прорвал у Луцка фронт, каруселил в тылу, бил и сам принимал удары* (IV, 413); *W maju pułk [...] przerwał koło Łucka front, kręcił się na tyłach, bił i sam otrzymywał cięgi* (58);

летучий ‘состоящий из коротких реплик’ → *toczący się* ‘идуший, происходящий’ ∇ – *А где тут Борис Белов? – В какой сотне был? – В четвертой, никак. – А откель он сам? – С Затона Веиенской станицы. – На что он тебе сдался? – ввязывается в летучий разговор третий* (III, 280); – *A gdzie Boris Bielów? – W której sotni był? – W czwartej chyba. – A on sam skąd? – Z Zatonu. Ze stаницы Wieszeńskiej. – Na co on ci potrzebny? – wtrąca się do toczącej się rozmowy trzeci* (368);

малиновый ‘притворно ласковый, сладкий’ → *święteczny* ‘праздничный’ ∇ *Свашка – крестная мать Натальи [...] встретила Петра поклоном и тонкой малиновой усмешкой* (I, 91); *Swatka – przystojna wdowa [...] witała Petra ukłonem i lekkim, świętecznym uśmiechem* (I, 119);

подол ‘основание волны, откатывающейся от берега’ → *plótno* ‘полотно’ ∇ *У берега желтым, пышным кружевом на зеленом подоле волны змеилась пена* (I, 69); *Piana wiała się niby wspaniała żółta koronka na zielonym płótnie fal* (90);

чикиляй ‘хромой, увечный (о коне)’ → *nicroń* ‘негодай’ ∇ *Злобу, вызванную Аксиньей, вымещал на маиутке, [...] язвительно величая его «хлынцем» и «чикиляем»* (IV, 445); *Złość, którą wzbudziła w nim Aksinia, wyładowywał na mierzynie, jadowicie przezywając go „darmozjadem” i „nicroniem”* (100).

На проблемы с определением смыслового содержания окказионализмов косвенным образом указывают также те конкретные решения переводчиков, которые приняты ими под влиянием «обманчивой» межъязыковой лексической омонимии, ср.:

шквариться ‘шипеть, клокотать’ → *skwarzyć się* ‘жариться’ ∇ *Пил теплую противную воду, и через минуту ссыхалось во рту, [...] текло с лица, шкварился в ушах немолчный трельчатый звон [...]* (III, 235); *Pił ciepłą, obrzydliwą wodę i w minutę potem schło w ustach, [...] ciekło z twarzy, skwarzyło się w uszach trelowate dzwonicie [...]* (310).

В плане наблюдений над окказионализмами в практике переводческой работы материал показывает, что передача коммуникативно существенных элементов значения шолоховских инноваций стала возможной благодаря трем приемам: подстановочному переводу, использованию переводчиками собственных окказиональных образований и описательному методу.

При подстановочном переводе в качестве эквивалентов используются узуальные слова (или словосочетания), обладающие достаточной общностью значения с исходными окказионализмами. Как переводные соответствия применяются следующие типы единиц:

а) межстилевые слова в прямом значении:

пенно ‘с обильной пеной’ → *pieniście* ‘пенисто’ ∇ *Верблюды пенно перетирали бурьянную жвачку, отдыхая от постоянной работы на чигуре [...] (III, 219); Wielbłądy pieniście przecierały burzanową żujkę, wypoczywając po ustawicznej pracy przy czyhyrze [...] (289);*

тянкий ‘тянущийся, густой, липкий’ → *ciągnący się* ‘тянущийся’ ∇ *Григорий пил чай с густым, тянким, как клей, медом (VI, 21); Grigorij pił herbatę z gęstym, ciągnącym się jak klej miodem (32);*

чечекать ‘говорить быстро, без умолку, стрекотать’ → *jazgotać* ‘галдеть, кричать’ ∇ *Около ограды здоровенный черный атаманец [...] щерит рот в белозубой улыбке, возле него серенькой перепелкой чечекает низкорослая казачка – жена ли, любушка ли (III, 238); Koło płotu tęgi, czarny atamańczyk [...] szczerzy białe zęby w uśmiechu, obok niego jak szara przepióreczka jazgotcze niska Kozaczka – żona czy ukochana (313);*

чечекать ‘производить, издавать стрекот (о работе косилок)’ → *zgrzytać* ‘лязгать’ ∇ *Стрекотали, чечекали ножи косилок [...] (I, 75); Noże żniwiarek szczerkały, zgrzytały [...] (99).*

Межстилевые слова данного типа, в случае если значение окказионализмов представляет собой некий сплав содержательных ассоциаций, не способствуют передаче тех коннотаций, которые определяются как семантикой их корневых морфем, так и культурными компонентами, ср., напр., перевод окказионализма *отроиться* ‘отделиться, уйти из родного дома’, узуальный инвариант которого обладает значением ‘о пчелах: отплодиться, образовав новый, молодой рой, отделиться от старого’: *Я тебя ничем не оскорбила, и я ждала, что ты мне развяжешь руки и скажешь, что ты ушел навовсе, а ты отроился от хутора и молчишь, как мертвый (II, 190); Ja cię wcale nie obraziłam, czekałam, że ty mi rozwiążesz ręce i powiesz, żeś odszedł na zawsze. A tyś wymknął się z chutoru i milczysz jak nieboszczyk (249)*, где *wymknąć się* обозначает ‘уйти, убежать’;

б) межстилевые слова в переносном значении:

глазурь ‘сиянье, яркий свет (солнца)’ → *polewa* ‘свет небесных светил’ ∇ *Слепяще-яркий снеговой хребет бугра, облитый глазурью солнца и синью безоблачного дня, белел, сахарно искрился (V, 613); Oślepiająco jaskrawy, ośnieżony grzbiet wzgórza, zalany polewą słońca i lazurem bezchmurnego dnia, bielił się i skrzył jak cukier (319);*

истекать ‘излучать, изливать, источать свет (о звезде)’ → *sączyć* ∇ *Над лесом, уродливо остриженным снарядами, копится темнота, [...] лишь на севере ровным мерцающим светом истекает Полярная звезда (IV, 409); Nad lasem, szkaradnie ostrzyżonym pociskami, gromadzą się ciemności, [...] tylko na północy równo migoczące światło sączy Gwiazda Polarna (53);*

квѣльй ‘чахлый, скудный; малопитательный (о травах)’ → *nędźny* ‘скудный’ ∇ [...] *doцветало за Доном разнотравье, невровень степному, квелое и недуховитое* (III, 222); [...] *dokwitało za Donem trawsko, nierówne trawie stepowej, nędzne i bez zapachu* (293);

в) устаревшие слова:

гайдамачить ‘своевольничать, хозяйничать’ → *hajdamaczyć* ‘буянить, дебоширить’ ∇ [...] *налетая с Украины, с Луганска, гайдамачил над станицей час от часу крепчавший ветер* (V, 554); [...] *nadlatując z Ukrainy, od Ługańska, hajdamaczył nad stanicą z godziny na godzinę coraz mocniejszy wicher...* (242);

ости ‘острия лучей солнца’ → *ości* ‘шипы’ ∇ *Ости солнечных лучей стали ворсистой и уже покалывали теплом* (VI, 211); *Ości promieni słonecznych stały się bardziej szpeciniaste i już kłuły ciepłem* (273);

сумятиться ‘томиться в ожидании, тревожиться’ → *frasować się* ‘тревожиться, беспокоиться’ ∇ *Добрели от сытых кормов казачьи кони, лишь казаки сумятились, червоточили их догадки* [...] (III, 263); *Tęgo wyglądały dobrze karmione konie kozackie, a tylko Kozacy frasowali się, toczył ich czerw domysłów* [...] (345);

г) семантические словарные агнонимы, т.е. лексико-семантические варианты одного слова, не зафиксированные в словарях польского языка:

жнивье ‘короткие, жесткие волосы на лице мужчины, похожие на остатки стеблей на сжатом поле’ → *rżysko* (ср. пример из Интернета: *kłujące rżysko niedogolonej brody*) ∇ *Впавшие щеки его, усеянные черным жнивьем давно не бритой бороды, и вислый нос отливали желтой синевой* [...] (IV, 420); *Jego zapadłe policzki, pokryte czarnym rżyskiem dawno nie golonej brody, i długi nos miały ton żółtosiny* [...] (67);

кожа ‘почва, верхний слой земли, в котором развивается растительная жизнь’ → *skóra* (ср. пример из Интернета: *Gleba żywą – skórą ziemi*) ∇ *Григорий закрывает глаза, кладет ладони на шероховатую кожу земли и долго, не мигая, глядит* [...] (IV, 410); *Grigorij zamyka oczy, kładzie dłonie na szorstkiej skórze ziemi i długo, nie mrugając patrzy* [...] (54);

д) словосочетания, передающие равный объем знаменательной информации окказионализмов:

белень ‘тускло-белый цвет’ → *matowa biel* ∇ *Митька подошел к отцу, оглядываясь на кружившего по двору бугая. Красный, на талой белени снежища, колесил тот по двору, изрыгая прорвавшийся безостановочный рев* (II, 165); *Mitka podszedł do ojca oglądając się na krążącego po podwórzu buhaja. Czerwony na matowej bieli śniegu buhaj pędził w kółko, wydając nieustannie urywane ryki* (218);

лазуриться ‘быть светло-синего, лазурного цвета’ → *przybierać barwę lazurową* ∇ Небо даже через стекло емко и сине лазурилось (V, 676); *Niebo, nawet widziane przez okno, przybierało barwę lazurową* (401).

Два следующих приема передачи окказионализмов (использование окказиональных соответствий и описательный метод) применяются переводчиками реже.

В качестве окказиональных соответствий используются два типа инноваций:

а) семантические кальки, т.е. контекстуальные переносные лексико-семантические варианты узуальных слов (или фразеологизмов), появившиеся под влиянием окказионализмов подлинника и отражающие, по намерению переводчиков, их индивидуально-авторские значения. Ср.:

дыбиться ‘бурлить’ → *stawać dęba* (в узуальном употреблении ‘о человеке: оказывать сопротивление, противиться’) ∇ *Ему казалось, что [...] весь мир, безбрежный, неустойчивый, отгороженный от него какой-то невидимой занавесью, дыбится, рвется из-под ног* (V, 574); *Zdawało mu się, że [...] cały świat, bezbrzeżny, chwiejny, odgradzony odeń jakąś niewidzialną zasłoną, staje dęba i wyrzuwa się spod nóg* (268);

каракуль ‘что-л. завивающееся мелкими завитками’ → *karakuł* (в узуальном употреблении ‘каракульская овца; каракулевый мех’) ∇ *В вышней заоблачной синеве, прямо над сияющим куполом собора, недвижно висел седой курчавый каракуль перистой тучи [...]* (V, 556); *W górnej, zaobłocznej modrości, wprost ponad jaśniejącą kopułą soboru, zwiślały nieruchomo siwe, kędzierzawe karakuły pierzastej chmury [...]* (245);

наплав ‘сброд’ → *ścieki* (в узуальном употреблении ‘сточные воды; нечистоты’) ∇ *Это был отпетый народ, и Фомин, глядя на них, презрительно говорил Григорию: «Ну, Мелехов, наплав пошел к нам, а не люди... Висельники, как на подбор!»* (VIII, 827); – *No, Melechow, ścieki przyplłynęły do nas, a nie ludzie... Obwiesie, jeden w drugiego!* (558);

б) образования, отличающиеся от однокоренных узуальных соответствий наличием дополнительных аффиксов, ср.:

трельчатый ‘дрожащий, сменяющий друг друга (звон)’ → *trełowaty* (вместо узуального *trelowy*) ∇ *Пил теплую противную воду, и через минуту ссыхалось во рту, [...] шкварился в ушах немолчный трельчатый звон [...]* (III, 235); *Pił ciepłą, obrzydliwą wodę i w minutę potem schło w ustach, [...] skwarzyło się w uszach trełowate dzwonicie [...]* (310).

Описательный метод используется при переводе шолоховских окказионализмов только раз. Он применяется для передачи сугубо окказионального прилагательного котельчатая ‘большая, круглая, похожая на котел (о голове)’ → *podobna do kociołka*, ср.: *Он поднялся, опушиый, красный. Покрутил котельчатой короткошеей головой, надежно приделанной к широким плечам [...]* (III, 265); *Podniósł się, spruchnięty, czerwony. Pokręcił*

podobną do kociołka głową o krótkiej szyi, solidnie przyprawionej do szerokich barków [...] (351), хотя в польском языке имеется структурно эквивалентное узואальное соответствие *kociołkowaty*, вполне пригодное для использования в данном контексте.

Основываясь на анализе материала, отметим в заключение несколько общих моментов. Во-первых, процесс перевода окказионализмов сопрягается с существенными трудностями как на стадии их восприятия и понимания, так и на этапе поиска эквивалентов, что требует от переводчика немалых когнитивных усилий и обдуманых практических решений. Во-вторых, к числу таких решений относятся использование в качестве переводных эквивалентов таких единиц словарного состава, как межстилевые слова (в прямом и переносном значениях), устаревшая лексика, словарные агнонимы, словосочетания, а также применение в этой функции авторских структурных и лексико-семантических вариантов канонических слов (или фразеологизмов). И, в-третьих, такие способы перевода окказионализмов, как подстановочный и описательный нацелены в основном на передачу их семантики и не способствуют воспроизведению коннотативной структуры авторских образований. В связи с этим большинство соответствий, порожденных в рамках этих способов, можно отнести – в плане адекватности перевода – только к группе т.н. удовлетворительных субститутгов.

Литература

- Беренкова В.М. 2007 – *Авторские новообразования и их функции в трилогии Д.Т.Р.Т. Толкиена «Властелин колец» (в английском и русском текстах)*: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Майкоп. Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/avtorskie-novoobrazovaniya-i-ih-funkcii-v-trilogii-dzh-r-r-tolkiena-vlastelin-kolec.html>.
- Биаловонс (Каменная) Е.Ю. 2011 – *Перевод окказионализмов в произведениях современной фантастики. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». Выпуск №1. С. 73–76.*
- Грузберг Л., Грузберг А. 2011 – *Окказионализмы. Филолог. Научно-методический культурно-просветительский журнал ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»*. Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_17_357.
- Поздеева Е.В. 2002 – *Окказиональное слово: восприятие и перевод: На материале произведений русскоязычных и англоязычных писателей*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/okkazionalnoe-slovo-vo-vospriyatie-i-perevod-na-materiale-proizvedenii-russkoyazychnykh-i-anglo>.
- Пулина Е.А. 2008 – *Окказиональное слово в художественном тексте: способы образования и межязыковой трансляции (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его переводов на русский язык*: Автореф. дис. канд. филол. наук. Пермь. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/okkazionalnoe-slovo-v-khudozhestvennom-tekste-sposoby-obrazovaniya-i-mezhyazykovoi-translyat>.
- Marszałek М.1999 – *Проблемы перевода донских диалектизмов на польский язык*. Wydgoszcz.

Словари

- Даль В.И. 2002 – *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва.
Диброва Е.И. (гл. ред.). 2005 – *Словарь языка Михаила Шолохова*. Москва.
Ефремова Т.Ф. 2000 – *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Т. 1–2. Москва.
Кузнецов С.А. (гл. ред.). 2000 – *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург.
Doroszewski W. (red.). 1958–1968 – *Słownik języka polskiego*. Т. 1–10. Warszawa.
Podracki J. (red.). 2001 – *Wielki słownik ortograficzno-fleksyjny*. Warszawa.

Источники материала

- Шолохов М. 1964 – *Тихий Дон*. Т. 1–2. Москва.
Szołochow M. 1959 – *Cichy Don*. Т. 1–4. Tłumaczyli W. Rogowicz, A. Stawar. Warszawa.

КОНЦЕПТ «ВИНЫ» В ХОРВАТСКОЙ И РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХОРВАТСКОЙ И РУССКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

И. Микулац

Университет г. Пула, Хорватия

imikulaco@unipu.hr

В статье рассматриваются концепции понятия *вины* в хорватском и русском уголовном праве, сопоставляются термины в обоих языках, учитывая категории теории вины, семантику, структуру, характеристики и формы вины. Проблема заключается в том, что ни в хорватской, ни в русской правовой науке и терминоведении не уделено достаточно внимания концепции вины, а сопоставительных хорватско-русских исследований не существует. Концептуальная разница состоит в том, что хорватская юридическая наука исходит из психологическо-нормативной теории, а русская – из наиболее распространённой на сегодняшний день психологической теории вины.

Ключевые слова: вина, *krivnja*, концепция вины, теории вины

В сопоставлении хорватского термина *krivnja* и русского *вина* эти лексемы являются взаимными переводными эквивалентами. В русских словарях фиксируются два термина *вина* и *виновность*, а в хорватских *krivnja*. Аналогичная ситуация и в самих текстах законов. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) *вине* посвящена 5. Глава, а в Уголовном кодексе Республики Хорватии (*Kazneni zakon Republike Hrvatske*, далее – KZ RH) первая глава, статья 4, и главы со второй до десятую в связи с уголовным делом, т.е. с преступлением и наказанием.

Сопоставим дефиниции терминов *вина* и *krivnja*, чтобы могли сделать выводы о понятиях.

Большой юридический словарь определяет вину как «психическое отношение лица к своему противоправному деянию (действию или бездействию) и его последствиям. Означает осознание (понимание) лицом недопустимости (противоправности) своего поведения и связанных с ним результатов. Необходимое условие юридической ответственности. В уголовном праве вина – психическое отношение лица к совершенному им преступлению, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Предпосылкой вина является вменяемость лица и достижение им установленного законом возраста уголовной ответственности» [БЮС 2005].

Hrvatski leksikon термин *krivnja* определяет как “subjektivna osnova kaznene odnosno građanske odgovornosti; sastoji se u određenom psihičkom odnosu počinitelja prema njegovu

djelovanju i posljedici djelovanja. Krivnja se pojavljuje u težem obliku kao umišljaj (dolus), a u lakšem kao nemar (nehaj) (culpa)” [HL 2015].

Rječnik kaznenog prava [2002:211] određuje termin *krivnja* kao „subjektivni odnos počinitelja prema djelu zbog kojeg mu se može uputiti prijekor. Krivnja u kaznenom pravu ima svoje antropološko-filozofsko utemeljenje i obično se veže uz slobodu čovjeka kao logičku pretpostavku (indeterminizam) čime joj se daje i moralna dimenzija ... krivnja je nužni sastojak kaznenog djela“. KZ RH в ст. 4 određuje termin *krivnja* по принципу „nulla poena sine culpa“ или „Nitko ne može biti kažnjen ako nije kriv за počinjeno kazneno djelo“, т.е. никто не может быть наказан, если он не виноват в преступлении, учитывая такие компоненты вины, как: *вменяемость, умысел и неосторожность*. Иными словами, предполагается, что человек был вменяемым и должен был понять, что его (виновника) действие запрещено законом и не существует никакой причины для оправдания.

Для понимания концептов *вина* и *krivnja* очень важно учитывать теории вины в уголовном праве. Хорватское уголовное право стало новым Уголовным кодексом с 1997 г., оставило психологическую теорию вины и приняло одну из версий психологическо-нормативной теории [ст. 39. УК/97]. Концепция вины укреплена в положениях УК РХ на основе принципа вины, компонентах вины и некоторых причинах оправдания [УК РХ из 2011г.]. Для понимания психологической теории, которая представлена в русском уголовном праве и психологическо-нормативной теории хорватского уголовного права, надо определить эти теории.

Психологическая теория определяет вину как субъективное, психическое отношение виновного к действию, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Осознание незаконности или возможность такого осознания не считается элементом вины. Основная уязвимость психологической теории заключается в том, что она не может объяснить, почему определённое психическое отношение является виной, и не принимает во внимание то, что вина неотделима от оценочной или нормативной оценки. С позиции чистого психологизма не может, например, ответить на вопрос, что является сущностью вины в сознательной небрежности, потому что в этом виде вины нет виновного отношения к уголовному делу (преступлению) [Novoselec 2009:235-236].

Психологическо-нормативная теория вины понимает вину в связи с компонентами вины, которые включают в себя вменяемость, умысел или неосторожность и осознание противоправности [Horvatić 2002: 323], а в соответствии с новым хорватским УК еще и отсутствие причины оправдания [только в ст. 23 KZ RH, NN (Narodne novine / Официальная газета РХ), номер 125/11, 144/12, 56/15 i 61/15; Wojanić, Mrčela 2012: 395]. В соответствии с данными примерами, можно заключить, что принцип вины является основой для правового

регулирования наказания [ст. 4 и 47 KZ RH]. Вина – необходимое условие юридической ответственности, чётко выражает идею, что вина узаконивает наказание в двойном смысле: вина – предположение наказания, а степень вины (как оценочная категория) представляет фундамент для видов наказаний¹⁵ и размер наказания, который не может быть превышен. В настоящее время в научных статьях российской юридической науки [например, Юрчак 2015] все чаще учитывают, что в уголовном праве не нужно разделять теории как не зависимые одна от другой, как например оценочную, нормативную, теорию опасного состояния или психологическую, а изучать их как взаимодействующие, т.е. как относятся к *вине* в хорватском уголовном праве или в других странах западной Европы. Заметно, что тенденции развития как в хорватской, так и российской правовой науке влияют на концепции вины и меняют вид на понятие вины, вводят новые элементы для уточнения понятий терминологических единиц.

В УК РФ фиксируется еще один термин – *виновность*. В *виновности* акцентируется следующее: «общественно опасное деяние может быть признано уголовно противоправным лишь тогда, когда оно совершено виновно, т.е. при наличии определенного психического отношения лица к совершенному деянию и наступившим последствиям в форме умысла и неосторожности». Понятие *умысла* и *неосторожности* раскрывается в ст. 25, 26 УК РФ. При этом в ч. 2 ст. 24 УК подчеркивается, что *деяние*, совершенное по *неосторожности*, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК [<http://determiner.ru/dictionary/542/word/vinovnost>, 20.08.2015]. Из сопоставительного анализа определений *вины* и *виновности* видно различие в понимании этих двух терминов. *Виновность* от *вины* отличается, с одной стороны, тем, что *вина* – «психическое отношение лица к своему противоправному деянию» и негативным последствиям, которые являются причинно-следственной связью между *действием* или *бездействием* и психическим отношением человека к этому в виде *умысла* или *неосторожности*. С другой стороны, *виновность* – *деяние*, т.е. признак, характеристика противоправного деяния – «психического отношения лица к совершенному деянию в форме умысла и неосторожности», а *вина* увязана с человеком, который совершил преступление. Из определений терминов *вина*, *виновность* и *krivnja* можно заключить, что концепты происходят из различных теорий о концепте вины, которые создали определения, в частности, хорватская концепция в большей мере стремится к направлению нормативной, чем психологической. Теория *опасного состояния* отличается от самого концепта *вины*, и ее нет в хорватской правовой науке в рассмотрении концепта вины. В хорватском уголовном

¹⁵ Уголовный кодекс РФ насчитывает 13 видов наказания, которые подразделяется на две группы: основные (применяемые самостоятельно) и дополнительные (применяемые только в сочетании с основными), а также и меры, применяемые в качестве как основных, так и дополнительных. См. подробнее УК РФ, ст. 44-45.

праве различие между *виной* и *опасным состоянием* в том, что вина означает, что преступнику можно направить упрёк за совершение преступления, пока *опасное состояние* означает, что от преступника в будущем можно ожидать совершения преступлений [Horvatić 2002]. В отличие от хорватского уголовного права в российской правовой науке существует теория *опасного состояния*. Основное положение вины заключается в том, что совершённое лицом деяние воспринимается лишь как проявление опасного состояния личности, которое и признается основанием для применения к нему мер принудительного воздействия [Кудрявцева, Лунеева, Наумова 2006]. В хорватском уголовном праве *вина* представляется в качестве основы наказания и назначения (измерения) наказания, в её основе лежит вменяемость, умысел или неосторожность (как и в российской концепции), осознание незаконности, а новый KZ RH включает и отсутствие причины оправдания или извинения. *Вина* в качестве измерения наказания может иметь степени в соответствии с тяжестью, т.е. более серьёзное наказание предполагает увеличенную вину, более лёгкое наказание уменьшает вину.

Вина характеризуется интеллектуальным и волевым элементами. Интеллектуальные — это способность человека понимать фактические признаки ситуации, в которой он оказался, последствия своего поведения, и их социальный смысл, а волевые — это сознательное направление умственных и физических усилий на принятие решения, достижение поставленных целей, выбор и осуществление определенного варианта поведения [Назаренко 2005]. Кроме того, некоторыми авторами [Рарога 2004] подчеркивается качественный признак вины — содержание вины, которое включает в себя характер и разновидности объектов уголовно-правовой охраны. Количественный признак — это степень вины, т.е. тяжесть вины и её социальная сущность, которая является выражением антиобщественных установок субъекта, его отрицательного, пренебрежительного или недостаточно бережного отношения к защищаемым уголовным законом ценностям и благам.

Форма вины имеет большое значение в уголовном праве — это сочетание интеллектуальных и волевых признаков, которые представляют отношение виновного к совершаемому им деянию и его последствиям. От формы вины зависит и классификация преступления. Формами вины являются *умысел ili namjera*¹⁶ в качестве тяжёлой формы вины. В словарях фиксируется как «Умысел — в теории уголовного права форма вины, означает осознание лицом общественной опасности совершаемых им деяний» [БЮС 2005]. В статье 25. УК РФ в заглавии не упоминается *умысел* прямо, а через понятие умышленно

¹⁶ *Namjera* раньше в хорватском уголовном законодательстве называлась *umišljaj*, что дает одинаковые лексемы, эквивалентного значения терминов. Они имеют одинаковое происхождение и образованы по одной словообразовательной модели: от праслав. и стар.-слав. произошли *мыслити*, *мышлѣжъ*, русс. *мыслить*, хорв. *misлити*. Производное от *мысль*, далее от др.-русск. *мысль* ж., хорв. *misao*. Сходства корней: -мысл- / -мышл- / -мысел-.

«преступление, совершенное *умышленно*». В хорватском юридическом словаре уголовного права определяется “*Namjera* je oblik krivnje koji se sastoji u znanju i htijenju ostvarenja bića kaznenog djela. Znanje obuhvaća intelektualnu ili kognitivnu sastavnicu, a htijenje voljnu sastavnicu. *Namjera* je teži oblik krivnje od nehaja i zaslužuje viši stupanj prijekora. *Namjera* je temeljni oblik krivnje. Kazneni zakon ne ističe posebno *namjeru* u opisu pojedinih kaznenih djela, pa kada u opisu nije ništa rečeno o obliku krivnje podrazumijeva se *namjera*“ [Horvatić 2002:278]. В КЗ РН, в статье 28, четко определяется термин *namjera*. То, что новым в уголовном кодексе является определение и уточнение умысла. Разделяется на понятия умысла: *izravna namjera prvog stupnja / прямой умысел первой степени* и *izravna namjera drugog stupnja / прямой умысел второй степени*, понятийная разница в том, что первая делает акцент на интеллектуальные элементы, а вторая – на волевые элементы. В этом заключается разница между понятиями двух данных терминов хорватского и российского уголовного права, в этом четком разделении *прямого умысла* в зависимости от размера, т.е. тяжести, степени преступления. Понятия сближаются в аспекте интерпретации *косвенного умысла*, где в связи с волевыми элементами вины представляют более мягкую форму вины. *Неосторожность* как одна из форм вины определяется в УК в ст. 26 и словарях и монографиях уголовного права [БЮС; Назаренко 2005] как преступление, т.е. «деяние, совершенное по *легкомыслию* или *небрежности*». Понятие *неосторожность* раскрывается в двух терминах: *легкомыслие* и *небрежность*, что может привести к сомнению в значении, потому что легко можно перепутать *неосторожность* и *небрежность*. Разница в том, что существует иерархия в значении этих терминов. *Небрежность* – составной элемент *неосторожности*. Разделяется на преступное легкомыслие – «виновный *предвидит* возможность наступления общественно опасных последствий (интеллектуальный момент схож с косвенным умыслом), не желает их наступления и без достаточных оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение (волевой момент)» – и преступную *небрежность* – «виновный *не предвидит* возможности наступления общественно опасных последствий, хотя должен был и мог их предвидеть». В хорватском КЗ ст. 29 посвящена термину *nehaj*, который разделяется на *svjesni i nesvjesni*, являющиеся эквивалентами по их значению *легкомыслию* и *небрежности*. В хорватской уголовной терминологии термины являются атрибутивным терминологическим словосочетаниям в двухсловной форме: *svjesni nehaj i nesvjesni nehaj*, а в русском языке – в однословной форме: *легкомыслие* и *небрежность*.

В данной работе анализировались ключевые концепты уголовного права и термины, связанные с понятиями вины как необходимым условием юридической ответственности, функционирование терминов, их зафиксированных определений в тексте закона и в специализированных словарях. Понятия, отражаемые такими терминами, формировались

комплексом теоретических знаний в данной области, а также в связи с теориями и различными подходами к укреплению терминов в уголовном праве. Учитывая комплексность проблематики терминологии уголовного права, настоящую тему можно в будущем расширить на исследовании терминологии и в других областях правовой науки.

Литература

- Громов Н.А. 1998 – *Уголовный процесс России*. Москва: «Юристъ».
- Назаренко Г.В. 2005 — *Уголовное право. Общая часть*. Москва. 85 с.
- Скляр С.В. 2004 – *Вина и мотивы преступного поведения*. Санкт-Петербург. 22 с.
- Сухарев А.Я. 2005 – *Большой юридический словарь*. Москва: «ИНФРА-М». С. 857. Режим доступа: вина <http://determiner.ru/dictionary/201/word/vina> ; виновность <http://determiner.ru/dictionary/542/word/vinovnost>, 20.08.2015
- Уголовное право России. Общая часть* / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. 2006. Москва. 190 с.
- Уголовное право России. Практический курс* / Под общ. ред. А. И. Бастрыкина; под науч. ред. А. В. Наумова. 2007. Москва. 83 с.
- Уголовное право России. Части Общая и Особенная* / Под ред. А. И. Рарога. 2004. Москва. 89 с.
- Юрчак, Е.В. 2015 – Концепции вины в юридической науке. *Актуальные проблемы российского права*. № 7. Москва: «АППП».
- Bojanić, I., Mrčela, M. – Концепција krivnje u novom Kaznenom zakonu. *Hrvatski ljetopis za kazneno pravo i praksu*. Zagreb, vol. 19, broj 2/2012. S. 389-407
- Novoselec, P. 2009 – *Opći dio kaznenog prava*. 3. izm. izd. Zagreb: Pravni fakultet Sveučilišta u Zagrebu. S. 235-236.

Словари, справочники, энциклопедии

- Баранов А., Марфицин П. 2001 – *Словарь основных уголовно-правовых понятий и терминов*. Москва: «ИНФРА-М».
- Web: виновность <http://determiner.ru/dictionary/542/word/vinovnost>, (20.08.2015)
- БЮС 2005 – *Большой юридический словарь* / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. — Москва. Режим доступа: <http://determiner.ru/dictionary/201> (20.08.2015)
- вина <http://determiner.ru/dictionary/201/word/vina> (20.08.2015)
- умысел <http://determiner.ru/dictionary/201/word/umysel> 22.08.2015. Web: <http://bibliotekar.ru/ugolovnoe-pravo-6/index.htm> (20.08.2015)
- <http://bibliotekar.ru/ugolovnoe-pravo-6/67.htm> (20.08.2015)
- Hrvatski jezični portal*. Web: <http://hjp.novi-liber.hr/index.php?show=baza> (17.09.2015)
- HL 2015 – *Hrvatski leksikon*. Web: <http://www.hrleksikon.info/definicija/krivnja.html> (20.08.2015)
- Rječnik kaznenog prava* / Gl. urednik Ž. Horvatić. – Zagreb, 2002.

Тексты законов, нормативные акты

- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) (ред. от 30.12.2015)
- Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ (20.08.2015.)
- Kazneni zakon (pročišćeni tekst zakona) NN 125/11, 144/12, 56/15, 61/15 (в силе с 30.05.2015.)
- Режим доступа: <http://www.zakon.hr/z/98/Kazneni-zakon>

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 350-357. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ КУРС ПО ФОНЕТИКЕ И ИНТОНАЦИИ. БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ

И.С. Милованова

Российский университет дружбы народов, Россия

irinmilovanov@yandex.ru

В статье представлено учебное пособие «Сопроводительный курс по фонетике и интонации. Базовый уровень», предназначенное для работы в группах иностранных студентов после вводного фонетико-грамматического курса. Оно ставит своей задачей совершенствование произносительных, акцентологических и интонационных навыков учащихся на лексико-грамматическом материале базового уровня. С этой целью предлагаются различные виды упражнений и заданий, которые концентрируют внимание на каком-то фонетическом явлении.

Ключевые слова: закрепление навыков произношения, базовый уровень, структура урока, задания

Изучение любого языка, и РКИ в том числе, начинается с постановки правильного произношения. Первым фонетическим концентром начального этапа обучения является вводный фонетико-грамматический курс. Его цель – формирование достаточно полного представления о русской фонетической системе, знакомство с элементарной лексикой и грамматикой в минимальном объеме. Последующие фонетические концентры (корректировочные и сопроводительные курсы) ставят перед собой другие цели.

Корректировочные фонетические курсы призваны решать чисто аспектные фонетические задачи: преодоление акцента в произношении на уровне звукоупотребления, акцентирования и интонирования; закрепление произносительных навыков на более широком языковом материале (стихи и рассказы русских писателей и поэтов, произведения малых жанров народного фольклора).

В отличие от корректировочных курсов, сопроводительные курсы по фонетике определяются уже не аспектными задачами овладения произносительной стороной языка, а логикой подачи языкового материала основного курса.

В статье представлено учебно-методическое пособие «Сопроводительный курс по фонетике и интонации. Базовый уровень». Оно предназначено для работы в группах иностранных студентов после вводно-фонетического курса. Пособие ставит своей задачей закрепление и совершенствование навыков произношения, акцентологии и интонации на лексико-грамматическом материале базового уровня. С этой целью предлагаются различные

виды упражнений и заданий, которые концентрируют внимание на каком-то фонетическом явлении.

Курс состоит из 7 уроков. Цель пособия и языковой материал основного курса определили структуру урока. Каждый урок включает в себя 5 частей: ритмика слов, звуки, интонация, материал для самостоятельной работы и материал для преподавателя. В первой части даны упражнения на закрепление произношения безударных окончаний существительных, прилагательных, местоимений в форме косвенных падежей, отработку ритмики глагольных форм, а также упражнения, акцентирующие внимание учащихся на смысловозначительной роли ударения в формах глагола, существительных и прилагательных.

Во второй части представлены упражнения, в которых отрабатываются произношение сочетаний согласных в глаголах, существительных и прилагательных, произношение предлогов с последующими словами.

В упражнениях третьей части представлен материал для работы над синтагматическим членением предложений и различными вариантами его интонационного оформления, имеются упражнения на употребление интонационных конструкций в сложных предложениях.

В четвёртой части даны упражнения для самостоятельной работы, которые включают элемент контроля. По усмотрению преподавателя их можно давать в качестве домашних заданий.

Последняя часть – это дополнительный материал для работы в аудитории в зависимости от уровня группы. Задания этой части позволяют преподавателю закрепить умения студентов в аудировании.

Помимо лексико-грамматического материала базового уровня, в качестве фонетического материала в пособии использованы диалоги, загадки, пословицы, скороговорки, стихи и шутки.

Учитывая, что данный сопроводительный курс по фонетике и интонации построен на лексико-грамматическом материале базового уровня, он может быть использован при работе по разным учебникам.

В качестве иллюстрации приводим план и частично материалы урока №1.

ЗАНЯТИЕ 1

Ритмика слова. Произношение безударных окончаний предложного падежа единственного и множественного числа существительных, прилагательных и притяжательных местоимений. Произношение предлога **о**.

Звуки. Произношение сочетаний **тс, тьс, дс**.

Произношение предлога **в**.

Интонация. Смыслоразличительная роль передвижения центра ИК-1 в повествовательном предложении.

Смыслоразличительная роль передвижения центра ИК-3 в вопросах без вопросительного слова. Интонационное оформление сложного вопросительного предложения.

Интонационное оформление сложноподчинённых предложений с изъяснительной частью.

Интонационное оформление сложноподчинённых предложений с союзным словом **который**.

РИТМИКА СЛОВА

Упражнение 1. Слушайте и повторяйте. Следите за слитностью произношения и редукцией гласных в фонетических словах.

1) **о**→[а]...о_кни́ге...о_па́спорте...о_ко́мнате... о_Ро́ссии...

2) **об**→[аб] об_А́фрике...об_о́зере...об_э́том...об_у́жине...

3) **обо**→[аба] обо_мне...обо_всей...обо_всём...обо_всех.

Упражнение 3. Прочитайте словосочетания. Следите за произношением гласных на стыке предлога и последующего слова.

[ы]

[ы]

Об_исто́рии, об_И́ндии, об_эконо́мике, об_экза́мене,

Упражнение 4. Прочитайте словосочетания. Следите за ритмикой и произношением сочетания ЦЕ. Обратите внимание на беглое **е** и место ударения в форме предложного падежа существительных.

Певе́ц – о певце́...коне́ц – о конце́...оте́ц – об отце́...

Упражнение 7. Слушайте, повторяйте. Следите за слитностью произношения и редукцией гласных в безударных окончаниях притяжательных местоимений и прилагательных.

-**ом**→ [ом] в_како́м...в_большо́м...в_родно́м... в_плохо́м...

-**ой**→[ој] в_како́й...в_большо́й...в_родно́й... о_плохо́й...

ё**м**→[јом] в_чьё**м**...в_моё**м**...в_твоё**м**...о_своё**м**...о_чьё**м**

-**ей**→[јэј] о_чьё**й**...в_моё**й**...в_твоё**й**...о_своё**й**...о_чьё**й**

-**ом**→[ъм] в_молоде́жном...в_стари́нном...

-**ой**→[ыј] о_симпати́чной ...о_молоде́жной...

-ем→[ьм] о_бúдущем...о_срédнем...о_лétнем...

Упражнение 8. Слушайте и повторяйте. Обратите внимание на место ударения в формах предложного падежа единственного и множественного числа существительных.

Что? Где? Где? О чём?

а) сад – в саду в саду – о саде

снег – на снегу в снегу – о снеге

б) леса – в лесах...о лесах...дома – в домах...на домах...

сады – в садах...о садах...мосты – на мостах...

в) слова – в словах...о словах...места – на местах...

Упражнение 9. Слушайте, повторяйте, читайте. Следите за ритмикой и произношением конечного [х] в формах предложного падежа множественного числа существительных, прилагательных и притяжательных местоимений.

о роднóх...о молодóх...о голубóх...о большóх

в нóвых...в стáрых...в красóвых...о нáших...о вáших...

на какóх...на плохóх...о глухóх... на дорогóх...на моёх...

Упражнение 10. Слушайте, повторяйте, читайте. Следите за слитным произношением отрицательной частицы НЕ с глаголами. Обратите внимание на место ударения.

а) нé был...нé было...нé были; был...нé был...бýло...

Он нé был в этом музее...Кем я был и кем я нé был...

нé жил... нé жило...нé жили; жил...нé жил ...

б) былá...не былá...жилá...не жилá...далá...не далá...

Упражнение 11. Прочитайте диалог, обращая внимание на произношение частицы НЕ с глаголом БЫТЬ. Составьте аналогичные диалоги, используя глаголы **жить, дать**.

3

— Ты был раньше в Санкт-Петербурге?

1 1

— Нет,/ не был.

4

— А Нина?

1

— Нина тоже не была.

3

— А твои друзья были в Санкт-Петербурге?

1 1

— Нет,/ не были.

ЗВУКИ

Упражнение 1. Слушайте, повторяйте, читайте. Обратите внимание на разницу в произношении сочетаний ТС, ДС, ТЬС: в прилагательных и существительных на месте сочетаний ТС, ДС произносится [ц]; в глаголах на месте сочетаний ТС, ТЬС произносится [ц:].

тс, дс → [ц]: в университетском... в городском...

на факультетском... в детском..., в советском...

дétство... богáтство... о дётстве... о богáтстве...

тс, тьс → [ц:] занимáться... занимáется... учítся... учáтся...

тц, дц → [ц:]: отцá... отцú... отцóm... об отцé... блóдце....

Упражнение 2. Слушайте, читайте. Следите за ритмикой слов. Обратите внимание на место ударения в формах глаголов 2-го лица множественного числа и императива.

а) учítся... находítся... люблю учítся...

учусь... учишьсá... учítся... учímся... учítесь... учáтся...

1) Я хочу учítся в Москве. Он учítся в Москве.

2) Здесь нельзя находítся. Где находítся этот музей?

3) Я учусь, а она не учítся.

Упражнение 5. Прочитайте загадку и закончите её. (См. отгадку на стр. 79).

Загадка

Кто придумает конéц,
Тот и бúдет молодéц:
Подойди цыплёнок Цып,
Повторяй-ка: цып-цып-цып.
Ёсли вьбучишь уро́к,
Подарю тебе

Упражнение 6. Прочитайте слова, следите за произношением сочетания -ЦИЯ.

лéкция

коллéкция

ситуáция

фúнкция

реáкция

опера́ция

ИНТОНАЦИЯ

Упражнение 1. Прочитайте предложения, передвигая центр ИК-1. Обратите внимание на смысловоразличительную роль передвижения центра ИК-1. Произнесите слог, являющийся центром ИК. (В работе даны образцы).

1) В áвгусте мой родítели отдыхáли на мóре.

2) Мой стáрший брат мечтáет о нóвых путешéствиях.

Упражнение 2. Прочитайте предложения. Поставьте вопросы с вопросительным словом к словам, которые выделены центром ИК-1. Произнесите слог, являющийся центром ИК.

1

1) Нина рассказала о любимом киноартисте.

Упражнение 4. Задайте общий вопрос (без вопросительного слова) к словам, которые выделены центром ИК-1. Следите за движением тона в центре ИК-1 и ИК-3.

1

Образец: Он видел этот фильм. —

3

Он видел этот фильм?

1

1) Саша любит заниматься в университетской библиотеке.

Упражнение 5. Прочитайте предложения. Обратите внимание, что сложное вопросительное предложение произносится в одну синтагму. Употребление частицы **не** в таких случаях вносит оттенок вежливости.

2

1) — На какой улице находится музей А. С. Пушкина?

3

— Вы не скажете, на какой улице находится музей А. С. Пушкина?

Упражнение 6. Прочитайте предложения. Обратите внимание на то, что сложноподчинённые предложения с изъяснительной придаточной частью могут быть произнесены в одну синтагму.

2

1) — В каком городе он сейчас живёт?

1

— Я не знаю, в каком городе он сейчас живёт.

2

2) — О ком спрашивала Вера?

1

— Я не знаю, о ком спрашивала Вера.

Упражнение 7. Прочитайте предложения в соответствии с синтагматическим членением и типами ИК. Обратите внимание на синтагматическое членение и интонационное оформление сложноподчинённых предложений с союзным словом **КОТОРЫЙ**.

2) Родители подарили мне компьютер, / о котором я мечтал.

Упражнение 8. Прочитайте тексты в соответствии с синтагматическим членением и типами ИК. (В работе даны тексты-шутки).

Упражнения для самостоятельной работы

Упражнение 1. Образуйте от данных ниже существительных форму предложного падежа с предлогом **об**. Обозначьте произношение начальных **и, э**.

Испания - ... , Ирина - ... , иностранцы - ... , институт - ... , экзамен - ... , экономика - ... , экскурсия - ... , экономист -

Упражнение 2. В данных ниже словосочетаниях обозначьте произношение предлогов. Прочитайте словосочетания.

В саду, в шкафах, в доме, в центре, в чашке, о юристе.

Упражнение 3. В данных ниже предложениях обозначьте произношение выделенных сочетаний согласных. Прочитайте предложения.

1) В детстве я очень любила мороженое.

2) Я побывал в Иркутске, в Братске и в Якутске.

Упражнение 4. Поставьте знак ударения в подчёркнутых словосочетаниях. Прочитайте предложения. Следите за слитным произношением частицы НЕ с глаголом.

Борис там не был. Анна там не была.

Материал для преподавателя

1) Фонетический диктант.

Городской парк, детские книги, богатство, частная школа.

3) Прослушайте стихотворение и сосчитайте количество слов с [ц]. (Предъявляется 2 раза).

На цыпочках приходит цирк

Цыган и начинает танцы.

А на циночке молодцы

Надели на цыплёнка панцирь.

4) Фонетический конкурс. Преподаватель пишет на доске предложение из 4-5 слов и предлагает студентам прочитать его с ИК-1, передвигая центр от конца к началу предложения.

Выигрывает тот из учащихся, кто выполнит задание быстрее всех и при этом не сделает ни одной интонационной ошибки.

5) Слушайте вопросы и дайте краткие утвердительные ответы. (Студенты отвечают на вопросы преподавателя, предварительно закрыв учебники).

3

а) Наша аудитория находится на третьем этаже?

3

Наша аудитория находится на третьем этаже?

б) Проводится игра «10 вопросов». Ведущий пишет на листке бумаги имя известного всем человека (политика, писателя, художника и т.д.). Остальные должны определить, чьё имя написано на бумаге, задав 10 вопросов без вопросительного слова. Например

Это мужчина? (Это женщина?)

Это наш современник?

Он (она) работает? (учится?)

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОРАХ ИНТЕРНЕТА В ЯЗЫКЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИЗ РОССИИ И ФИНЛЯНДСКИХ БИЛИНГВОВ

Л. Мокрородова

Университет Або Академи (*Abo Akademi*), Финляндия

lmokrobo@abo.fi

В статье выявляется концептуальная метафора взаимодействия с Интернетом, которая доминирует в русском языке сегодня, – это метафора пространства, куда можно *зайти* или *войти*, где можно *бродить* и так далее. Этот вывод опирается на статистику Yandex и результаты лингвистического эксперимента, которые свидетельствуют о значительных различиях в концепте *Интернет* у русскоязычных-монолингвов из России и у финляндско-русских билингвов. Полученные результаты также показывают языковые контакты в поликультурной среде как «зону вызовов» для языковой личности и высвечивают речь билингвов как ценный для когнитивной лингвистики объект исследований.

Ключевые слова: концептуальная метафора Интернета, шведско-русский билингвизм

1. Введение

Интернет сегодня не только одна из главных площадок для общения и обмена информацией, это еще и обширная зона межкультурной коммуникации. Имея это в виду, можно говорить о двух главных составляющих подхода к интернет-коммуникации как учебному материалу для иностранцев и билингвов. Во-первых, отдельного внимания требует освещение в учебной аудитории специфики общения в русскоязычном Интернете (сложившиеся стандарты взаимодействия пользователей, принятые нормы вежливости, степень открытости, способы выражения экспрессивности и др.), то есть всего того, что имеет отношение к формированию новой виртуальной коммуникативной компетенции. Во-вторых, осваивая новую сферу общения, студенты также должны понять, как в языке представлен сам феномен Интернета, – и решение этой задачи требует прежде всего адекватного описания его концептуально-образного ядра. В рамках предложенной статьи речь пойдет именно о втором подходе, причем в центре внимания будет находиться та часть сложившегося в русском речевом обиходе концепта *Интернет*, в которой представлен его образ как медиатора общения и информационного ресурса.

За десятилетия существования Интернета в России описывающие его языковые модели уже в полной мере сложились и стали частью речевой обыденности. Как же русский язык представляет Интернет? Оставив в стороне коммуникацию специалистов по

информационным технологиям, обратимся сразу к образу Интернета в обиходе рядового пользователя (хотя он и почерпнул многое из словаря «профи»).

Двадцать лет назад, когда «мировая тусовка» полноправно распространилась на русскоязычные ресурсы Интернета, появились первые работы о том, как «язык рисует Интернет». Статью 1997 года именно с таким названием Романа Лейбова [Лейбов 1997: электронный ресурс], филолога из Тарту и известного блогера, можно вспомнить как одно из первых свидетельств того периода освоения Интернета, когда русский язык еще только пытался встроить новый феномен в существующие метафорические парадигмы. С тех пор появилось немало работ, где были представлены метафоры Интернета. Среди них следует назвать статью А. Войскунского [2001:64-79] и труды С. Агаюловой (особенно ее диссертацию [Агаюлова 2010], которая принимает во внимание как эмпирические наблюдения автора, так и солидное количество интервью и текстов разного назначения). Подводя итог всему разнообразию образов Интернета, вошедших в той или иной мере в обиход и ставших фактами языка, можно остановиться на таком перечне: Интернет – это некий *простор, самодостаточная виртуальная вселенная, информационный дворец, свалка, помойка, фронтир, электронная агора, сеть, паутина, океан, хранилище, организм, почтовый ящик*. Нетрудно видеть, что в этих метафорических конкретизациях преобладает восприятие Интернета его пользователями прежде всего как некоего пространства.

Однако несмотря на то, что уже описаны, кажется, все обладающие чертами повторяемости и стабильности образы Интернета, по-прежнему остается не вполне проясненным вопрос о том, как **сам язык** воспринимает Интернет, как мы оперируем словом *Интернет* помимо осознанных усилий описать его с помощью разных сравнений. Иначе говоря, речь идет о том, можно ли говорить о какой-либо сложившейся концептуальной метафоре Интернета – метафоре познания этого явления через связи с другими словами, то есть о «концептуализации одной ментальной области в терминах другой» [Lakoff 1994:43].

В рамках этой статьи предполагается рассмотреть одну ограниченную «зону» репрезентации концепта *Интернет*, в которой представляется взаимодействие человека с Интернетом как медиатором общения и инструментом обмена информацией. С этой целью, во-первых, будут показаны наиболее частотные коллокации со словом *Интернет* (слово *сеть* не учитывалось в статистике), которые характеризуют а) установление и завершение контакта с Интернетом, б) пребывание в Интернете.

Приступая к этой работе, я исходила из того, что анализ частотности коллокаций (словосочетаний, обладающих признаками повторяемости выше вероятностной) со словом *Интернет* лучше всего позволяет увидеть его важные стороны как языкового концепта. Во-вторых, я опишу результаты небольшого (пилотного для планируемого крупного проекта по

теории билингвизма) лингвистического эксперимента, показывающего использование коллокаций со словом Интернет монолингвами-носителями русского языка и финляндскими шведско-русскими билингвами. С помощью этого эксперимента предполагалось проверить основательность полученной статистически использования коллокаций со словом Интернет.

2. Частотные коллокации со словом *Интернет* (по данным поисковой системы Yandex)

Приступая к формированию данных о статистике коллокаций со словом Интернет, я исходила из гипотезы, которая может быть сформулирована так: в обыденном русском языковом сознании реализуется конкретная метафорическая парадигма коллокаций, рисующих Интернет в первую очередь как некое многомерное пространство, обладающее специфической протяженностью в разных направлениях.

Для определения частотности этих и других словосочетаний в данной работе использовалась статистика поисковой системы Yandex. Yandex (как и другие поисковые системы), не предназначен для определения частотности слов и их комбинаций. Однако применение комбинированных запросов, снятие всех фильтров, отключение персональной истории, а также мануальная обработка результатов могут в совокупности считаться надежным ориентиром для оценки частотности тех или иных явлений в языке.

Следует также оговорить, что я привожу полученные мною данные по форме инфинитива, поскольку в пропорциональном отношении это в целом соответствует частотности и других форм (как показывает простое сопоставление цифр).

2.1 Первая группа рассматриваемых коллокаций описывает то, как пользователи попадают в Интернет, для удовлетворения своих нужд в общении и информации. В русском языке используется несколько способов обозначения этого действия, из которых самые частотные: *войти в Интернет, выйти в Интернет, зайти в Интернет, подключиться к Интернету, соединится с Интернетом, открыть Интернет*.

Yandex дает достаточно достоверную статистику в пределах текущего года, поэтому коллокации со словом Интернет выбраны за период с 20.09.2014 по 19.09.2015 (365 дней) (последняя проверка производилась 16.10.2015). Подсчеты показывают, что совокупная цифра коллокаций, рисующих Интернет как пространство (точные запросы *войти, зайти или выйти в Интернет*) – 42 тысячи. Самую большую статистику показывает *зайти в Интернет* (18 тысяч), однако эта цифра должна быть по крайней мере вдвое уменьшена, так как сюда входят и сочетания, образованные по типу *зайти в Интернет-магазин* (мануальная обработка ста первых страниц дает примерно 50% именно таких комбинаций). Приведу тут в качестве иллюстрации коллокаций с *войти, зайти или выйти* типичный контекст, рисующий обыденный факт посещения страниц Интернета: «Как часто Вы чувствуете подавленность,

плохое настроение, нервничаете, когда Вы вне сети, что вскоре исчезает, стоит Вам выйти в Интернет снова?» (обсуждается общение в Сети на сайте psychomurka.narod.ru). Лишь незначительная доля запросов перечисленных коллокаций касается решения чисто технических задач связи с Интернетом.

Конкурируют с пространственными концептуализациями коллокации *подключиться к интернету* (53 тысячи), *открыть Интернет* (17 тысяч), *соединиться с интернетом* (3 тысячи) (все цифры за тот же период с 20.09.2014 по 19.09.2015). Однако выборочный просмотр сочетаний *подключиться к Интернету* и *соединиться с Интернетом* показывает, что они используются почти исключительно в тех ситуациях, когда речь идет об описании технических процедур, связанных, например, с подключением Интернета к компьютеру и другим устройствам, то есть в значении, синонимичном *подключить Интернет*. На первых ста страницах выдачи по запросу на указанные коллокации количество контекстов, ассоциированных с техническими аспектами функционирования Интернета, и вовсе приближается к 100%. Вот типичный пример подобного контекста: «Как подключиться к интернету через смартфон HTC One Max по USB кабелю?» (из инструкции на сайте <http://htcguide.ru>).

2.2 Вторая группа коллокаций описывает прекращение контакта с Интернетом после пребывания в нем. Симметричной идее *входа/захода/выхода в Интернет* оказывается коллокация *выйти из Интернета*. Статистика этого словосочетания только на первый взгляд «проигрывает» по сравнению с *отключиться от Интернета* (у первой коллокации – 612 страниц, у второй – 6 тысяч за период с 20.09.2014 по 19.09.2015). В действительности, если мы сравним результаты первых ста страниц для обоих запросов, то увидим, что *выйти из Интернета* в 86 случаях описывает именно прекращение времяпровождения в Интернете, тогда как коллокация *отключиться от Интернета* всегда так или иначе связана с техническим прерыванием связи и часто используется как синонимичная сочетанию *выключить компьютер*. То же самое касается и выражений *выключить Интернет* и *закрыть Интернет* (3 тысячи и 2 тысячи страниц соответственно за тот же период), причем последняя коллокация часто описывает закрытие доступа к сети Интернет для групп людей или территорий («В академических кругах США все более популярной становится идея закрыть навсегда сеть Интернет», – информирует посетителя <http://mail.fishing>). Разницу этих двух типов «прекращения контакта» очень хорошо чувствуют носители языка и даже используют в языковой игре: «Не могу выйти из Интернета. – А в чем проблема? – А не хочу!» – делится шуткой посетитель развлекательного сайта kotomatrix.ru. Почему же столь мало страниц с коллокацией *выйти из Интернета* за последний год? Надо полагать, что причина кроется в технической стороне дела: сегодня пользователь компьютера и многих

устройств с выходом в Интернет прерывает контакт с сетью тем, что выключает устройство (при этом нормой становится постоянное нахождение online).

2.3 Следующая группа коллокаций характеризует саму ситуацию пребывания, нахождения в Интернете, контакта с Интернетом без конкретизации задач этого контакта (в последнем случае используются сочетания с глаголом, указывающим на характер действия, – *искать (информацию) в Интернете, общаться в Интернете, знакомиться в Интернете* и так далее). Среди коллокаций, обозначающих нахождение в Интернете в течение какого-то времени, абсолютное лидерство держит словосочетание *сидеть в Интернете*. Частотность этой коллокации такова (15 тысяч страниц за время с 20.09.2014 по 19.09.2015), что при отсутствии нейтральной альтернативы та коннотация разговорности, которая присуща глаголу *сидеть* в схожих значениях (ср. *неделями сидеть на работе, сидеть за учебниками* и др.) все больше стирается. Роль экспрессивно окрашенного синонима для этой коллокации выполняет сочетание *торчать в Интернете* (3 тысячи страниц за тот же период).

Пребывание в Интернете может сопровождаться активным «перемещением» по нему, когда пользователь просматривает разные страницы, посещает разные ресурсы. Устоявшейся практикой стала коллокация *бродить по Интернету / в Интернете* (совокупно 50536 страниц за период с 20.09.2014 по 19.09.2015) (похожие, но более экспрессивно окрашенные сочетания с глаголами *лазать, гулять, ползать* показывают в десятки раз меньшие цифры). Из всех комбинаций, не формирующих метафору пространства, только сочетание *просматривать Интернет* представлено статистикой, которой нельзя пренебречь – 3 тысячи за тот же период. Однако из первых ста страниц выдачи 68 (то есть около 70%) содержат искомую комбинацию с расширением по типу *просматривать Интернет-телевидение*.

Таким образом, русскоязычный человек не *перелистывает* и не *перебирает* Интернет (англ. *to browse*), не скользит по его поверхности или бороздит его волны (англ. *to surf*). Самые частотные коллокации в русском языке со значением *находиться в Интернете* и *менять просматриваемые материалы* оперируют глаголами, означающими нахождение или перемещение в пространстве.

2.4 Подытоживающее суждение о коллокациях со словом *Интернет* может быть сформулировано следующим образом: в обыденном русском речевом обиходе вступление в контакт с Интернетом (с целью конкретного времяпровождения), пребывание в этом контакте и его завершение концептуализируется, то есть осмысляется языком, по преимуществу через комбинации с глаголами, описывающими передвижение из одного пространства в другое и нахождение в пространстве. Концепт *Интернет*, таким образом, формируется через метафору пространства – многомерного, смежного с пространством

физического мира и внешнего по отношению к нему. Можно утверждать, что пространство – это самая устойчивая концептуальная метафора Интернета. Не исключено, что первоначальным импульсом для номинации соответствующих действий с Интернетом могло послужило английское сочетание *go onto the Internet*, хотя ни английский глагол *to go*, ни приведенная выше конкретная коллокация не соответствуют образному потенциалу, заложенному в русском сочетании *выйти в Интернет* и поддержанному последовательной парадигмой коллокаций-метафор, реализующих образ Интернета-пространства.

3. Лингвистический эксперимент как этап исследования концептуальной метафоры

Завершающая часть настоящей статьи концентрируется на таких вопросах: подтверждается ли пространственная метафора Интернета лингвистическим экспериментом? представляют ли его результаты интерес для дидактики преподавания русского языка и для исследований в сфере когнитивной лингвистики?

Проведенный мной в мае 2015 года лингвистический эксперимент (часть проекта обследования ошибок билингов, которое ведется в университете Або Академи, Финляндия) был призван выяснить, насколько совпадают статистические данные о частотности пространственной метафоры Интернета с практикой русскоязычных-монолингвов из России. Для оценки достоверности результатов эксперимент был распространен и на группу шведско-русских билингов Финляндии. В эксперименте приняло участие 10 русскоязычных из России (возраст от 23 до 50 лет) и 10 шведско-русских билингов (19 – 26 лет) (последние являются хорошо «сбалансированными» билингвами, мотивированными в отношении русского языка, при этом 7 из них – студенты-русисты).

Мой эксперимент опирается на феномен языковых ассоциаций, но предполагает оживление в памяти целостных устойчивых для личности «коммуникативных фрагментов» (термин, означающий готовые «куски языкового материала» из прошлого опыта, предложен Б. Гаспаровым [1996: 119]). Алгоритм эксперимента нацелен на быстрое получение конкретных результатов, актуальных для лингводидактики.

Участникам была предложена анкета-тест. Требовалось в рамках определенного контекста использовать подходящую коллокацию со словом Интернет (приведена та часть анкеты, которая касается контекстов, уже оговоренных в разделе о частотности коллокаций):

Используйте сочетание «глагол + (предлог) + Интернет».

1. *С моего Iphone'a я всегда могу _____ Интернет__.*

2. *Сергей каждый день часами _____ Интернет__.*

3. *Если WiFi платный, то после получения нужной информации или электронного письма нужно как можно скорее _____ Интернет__.*

Результаты эксперимента оказались весьма красноречивыми. Участники-монолингвы из России последовательно метафорически концептуализируют контакт с Интернетом как взаимодействие с пространством. Количество коллокаций *войти, зайти, выйти в Интернет, сидеть в Интернете, бродить в Интернете* и *выйти из Интернета* приближается к 98 %, что соответствует ожиданиям на фоне статистики, полученной через Yandex.

В то же время в языке обследованных финляндских билингвов подобная концептуализация представлена очень слабо или отсутствует (только 2 человека использовали коллокацию *войти в Интернет*, остальные – *открыть, включить, вписаться* и др.; только 2 участника употребили сочетания *сидеть, торчать в Интернете*, остальные – *проводить время, коммуницировать, посещать*; ни один билингв не использовал *выйти из Интернета*, но только *выключить* и *закреть Интернет*).

4. Некоторые выводы

4.1 Прежде всего результаты этого небольшого эксперимента наглядно демонстрирует те вызовы, с которыми сталкиваются носители языков в процессе лингвокультурного взаимодействия в различных языковых средах. При этом результаты этого взаимодействия не так легко предсказуемы, как это может казаться. Неполноценность и неадекватность концептуально-языкового образа важных фрагментов реальности – серьезная угроза культурно-лингвистической компетенции для полилингвов, оказавшихся без русской языковой среды. Поэтому для дидактики формирования полноценного двуязычия оказываются полезными исследования, содержащие описание образного ядра важных концептов языка и устанавливающие метафорическую мотивацию выбора тех или иных коллокаций. При разработке соответствующих методических комплексов особенности каждого конкретного вида билингвизма и вероятные для него «зоны» дефектности лингвокультурной компетенции также должны учитываться.

4.2 Шведско-русские билингвы почти во всех случаях использовали коллокации, хоть и грамматически корректные, но не отражающие доминантной метафоры концепта *Интернет*, что свидетельствовало о неполной лингвокультурной компетенции в одном из родных языков (русском). Весьма любопытно было то, что билингвы почти не использовали кальки с «сильного» (шведского) языка (выявлена только одна калька – *вписаться в Интернет* (примерно соответствует шведскому *logga in*)).

Как правило, билингвы употребляли коллокации, мотивированные не собственно языковыми, но предметно-логическими связями, вытекающими из понимания Интернета как технологии, доступ к которой требует помощи специальных устройств: *включить, связаться, открыть, закрыть, выключить, соединиться, коммуницировать* и др. Этот

примечательный факт можно прокомментировать следующим образом: билингвы заполняют неясные для них лакуны русского концепта *Интернет* образно нейтральными (или универсально-образными) словами – своего рода «языковым коллагеном». Мои многочисленные эмпирические наблюдения над языком взрослых билингвов также убеждают меня в том, что для их речи характерны не только интерференциальные модели. Особой активностью обладает и некий замещающий «метаязык», рефлексивно отторгающий очевидные метафоры «другого родного» языка и основанный лишь на эксплицировании в речи понимания реальной природы описываемого объекта (что, разумеется, иногда не избавляет от речевой ошибки). Возможно, такая стратегия замещения свойственна именно языку взрослых билингвов и отражает освоенный опыт их коммуникативных неудач, связанных с интерференцией. Эти весьма интересные наблюдения требуют дальнейшего осмысления и связанной с этим разработки концепции лингвистических экспериментов. Как кажется, изучение речевой практики билингвов может много дать для исследований в области когнитивной лингвистики, особенно в одном из ее перспективных направлений – теории концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 2002], в которой предполагается, что индивидуальные ментальные пространства представляют собой многослойные бленды и формируются по сложнейшим алгоритмам. В этой перспективе речь билингвов представляется недооцененным ресурсом понимания механизмов формирования индивидуальных конфигураций когнитивных структур всех уровней.

Литература

- Агагюлова С. И. 2010 – *Концепт "Интернет" в обиходном и профессиональном языковом сознании (диссертация ... кандидата филологических наук)*. Астрахань.
- Войскунский А.Е. 2001 – Метафоры Интернета. В *Вопросы философии*, 11. С. 64-79.
- Гаспаров Б. М. 1996 – *Язык. Память. Образ*. Москва.
- Лейбов В. 1997 – Язык рисует Интернет. В *Интернет* 4. (Электронный журнал).
Электронный ресурс: <http://www.gagin.ru/internet/4/9.html>
- Fauconnier G., Turner M. 2002 – *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York.
- Lakoff G. 1994 – What is a conceptual system. In *The Nature and Ontogenesis of Meaning* (Ed. Overton W. F., Palermo D. S.). Hillsdale, New Jersey. P.41-90.

КИНОПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ КУЛЬТУР

М. Моцаж-Клейнденст

*Люблинский католический университет Иоанна Павла II, Польша
tomar@kul.pl*

В настоящей статье рассматриваются механизмы обогащения культурного пространства при помощи перевода фильмов. Благодаря кинопереводу зрители имеют способность познакомиться с феноменами исходной культуры двупланово: в вербальном и визуальном планах. Нередко обогащение достигается путем интерактивного поведения отдельных или массовых получателей культуры перевода, приобретающего форму вторичного использования языкового материала из кинопродукций в целях, например, номинации новых явлений или объектов окружающей действительности. Киноперевод выполняет также культуропорождающую функцию, что проявляется в выпуске продукций-ремейков.

Ключевые слова: киноперевод, фильм, межкультурная коммуникация

Визуальное представление информации, сопутствующее, как правило, вербальному – это отличительная черта приемов коммуникативного поведения XXI века. Одним из самых репрезентативных видов массовой коммуникации, где визуальное представление всегда присутствует, является фильм, совмещающий в себе визуальные и равноправные им вербальные коды и образующий комплексное полисемиотическое пространство. Число кинопродукций в последнее время сильно увеличилось, возросла также заинтересованность в восприятии фильмов одной культуры носителями другой культуры при помощи перевода. Кинематограф как культурный феномен становится самым массовым видом искусства и вместе с тем средством передачи культурно значимой информации, которая, в свою очередь, служит средством обогащения культур, как тех принимающих переводные культурные феномены, так и той, которая выпускает, порождает такую информацию. Как справедливо замечают Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова, «для кинотекста в большей степени, чем для обычного вербального текста, характерна вовлеченность в процесс межкультурной коммуникации. Кино легко перешагивает границы породившей его культуры как во времени (от поколения к поколению), так и в пространстве (от нации к нации)» [Слышкин / Ефремова 2004:9]. Перешагиванию границ способствует терпимость и открытость наций к иной культуре. Такие явления порождают нужду переводить фильмы на иностранные языки. Стремление познать культурное иное – отличительная черта эпохи глобализации. Возможность пересечь культурные границы в эпоху высоких технологий является вовсе не сложным процессом. Попадая в другое культурное пространство, фильмы становятся частью

культурной жизни народа, принимающего такие фильмы. Переводной фильм как текст, насыщенный культурной информацией, является отличным средством реализации межкультурной коммуникации, которая понимается как интеракциональное отношение между двумя культурными пространствами: культурой языка оригинала и культурой языка перевода [Mocaz 2011:243]. Иноязычному зрителю предоставляется возможность узнать культурные явления (традиции, обычаи, способ поведения, мир ценностей) при помощи визуальных и вербальных средств, используемых в любом фильме. Носителями культурного содержания в пространстве фильма считаются следующие компоненты:

- диалогическая речь героев, передающая, например, формулы речевого поведения, названия различных культурных явлений, в том числе антропонимы, топонимы, названия материальной и духовной культуры;
- визуальные представления – персонажи, образы, сцены, передающие поведенческие стратегии, принципы поведения, культурные реалии (обычаи, одежду, архитектура и другие символы материальной культуры);
- музыка как эстетическое средство выражения содержания фильма;
- заглавия как сжатые репрезентации смысла фильма в целом [Моцаж 2014:376].

Таким образом, обогащение культуры перевода посредством киноперевода реализуется в нескольких планах. Первым из них считается план получения информации об иной культуре, которая в переводном виде представляется другой принимающей культурой. Проникновение фильма в другое культурное пространство ведет к замене языкового кода вследствие совершенного процесса перевода и к непосредственному трансферу невербального содержания фильма, которое, как правило, не подлежит модификациям в процессе перевода. Неизменность образа в кинопереводе обеспечивает передачу явлений культурно значимых и свойственных культуре оригинала аналогичным образом, который применялся в фильме на исходном языке. Культурные элементы, передаваемые в визуальной форме, часто образуют параллельные отношения с вербальным кодом. Этот факт имеет существенное значение для сохранения культурного иноя в переводе, так как помогает использовать вербальные экзотизмы в переводе. С целью проиллюстрировать данное явление, приведем пример из фильма *«Сибирский цирюльник»* Никиты Михалкова. В одной из первых сцен фильма молодой юнкер императорского военного училища Андрей Толстой встречает в поезде молодую американку Джейн. Её внимание притягивает веревка с бубликами, завешенная на шею солдата. Она с удивлением спрашивает:

1) Американка:	<i>А что это такое?</i>	<i>Co to takiego?</i>
Юнкер:	<i>Это бублики.</i>	<i>A to bubliki.</i>
Американка:	<i>Как аппетитно выглядят!</i>	<i>Wyglądają smacznie.</i>
	<i>Можно попробовать?</i>	<i>Mogę?</i>

Форма вопроса, содержащая деиктические слова «*A to это такое?*», указывает на то, что объект, к которому проявила интерес американка, виден на экране. Таким образом обнаруживаются отношения комплементарности между визуальной и вербальной формами. Юнкер отвечает: *bubliki*. Благодаря параллельному визуальному и вербальному представлению типичного для русской кухни изделия польские зрители получают информацию о его названии и внешней форме.

Познавательная функция в кинопереводе реализуется также при участии многочисленных культурных элементов в визуальном плане, которые сопровождаются языковой экспликацией, лишенной прямого экзотизма. Ниже рассмотрим очередной пример из «*Сибирского цирюльника*»:

2) **На кулачный бой**

а) *Nad rzekę. Będą się bić wszyscy ze wszystkimi. To też nasza tradycja.* (телевизионная версия)

б) *Na walkę na pięści, bez powodu. To stara rosyjska tradycja.* (интернет-версия)

Один из героев фильма рассказывает молодой американке о древней традиции ударять друга кулаками зимой на замерзших реках или озерах во время праздника Масленицы. Для того чтобы познакомить польских зрителей со спецификой этого увеселения, в переводной версии появляется его короткое описание, затем следует визуальная презентация. Использованный описательный перевод представляет собой форму языковой адаптации, так как польский получатель не получает прямого польского эквивалента русского выражения *кулачный бой*. Однако благодаря приему семантизации понятия зритель получает представление о специфике этой русской традиции. Несколько минут позже видит на экране визуальное представление описываемого обычая.

Обогащение культуры перевода посредством киноперевода реализуется и в другом плане – в плане интерактивного поведения отдельных представителей или массовых получателей культуры перевода. Такое поведение очень часто приобретает форму вторичного использования языкового материала из кинопродукций в целях, например, номинации новых явлений или объектов окружающей действительности. В результате таких механизмов возникли вторичные номинаты типа *Między słowami*, как переносы заглавия фильма (оригинальное заглавие *Lost in translation*, рус. *Трудности перевода*) на название чайной в Люблине или книжного магазина в городе Лодзь. Похожий механизм переноса наблюдаем у вторичного номината *Pożegnanie z Afryką* – в данном случае наблюдаем транспозицию заглавия фильма Сидни Поллака (англ. *Out of Africa*, рус. *Из Африки*), вышедшего на экраны в 1985 году и основанного на автобиографической книге Карен

Бликсен, на сеть кафе, атмосфера которых очень близка сюжету фильма: напоминает обстановку кофейной плантации в Кении, где пришлось жить главным героям. Другим интересным примером, на этот раз на русском языке, может послужить название бара *Бар «Гадкий койот»* (например, в городе Ростов-на-Дону, в Киеве, Санкт-Петербурге). В данном случае наше внимание притягивает заимствование названия из романтической комедии Бар «Гадкий койот» (англ. *Coyote Ugly*, польск. *Wygrane marzenia*), поставленной Дэвидом Макнэлли, действие которой разыгрывается вокруг настоящего бара *Гадкий койот* в Нью-Йорке.

Популярность кинопродукций в настоящее время настолько значительна, что многие реплики, используемые в кинотексте, стали влиять на язык повседневного общения. Подтверждением такой точки зрения является факт присутствия многочисленных киноцитат вне фильмового контекста, которые в неизменном виде, или после некоторых модификаций попадают в новую обстановку, начинают жить своей жизнью, становясь крылатыми выражениями, усваиваются многими пользователями языка, а даже неоднократно подвергаются процессам кодификации в словарях [см. Елистратов 2010]. Такое положение вещей чаще всего относится к репликам из кинокомедий, жанра, который всилу своих жанровых предпосылок рассмешить зрителя, улучшить его настроение, является самым массовым явлением в мире кино. Конечно, лучшим материалом для такой выборки цитат считаются отечественные комедии, однако материал, подходящий для наших исследований, можно отметить и в переводах заграничных кинокартин. Ниже приводится несколько примеров на русском языке, первый из вышеупомянутого нами фильма *Трудности перевода*:

- 3) — *О, так у вас сейчас возрастной кризис... Уже купили Porsche?*
 — *Я как раз собираюсь купить Porsche.*

Эта фраза направлена к утомлённому жизнью герою – мужчине лет 60-ти, который, пытаясь справиться с возрастным кризисом, намеревается купить эксклюзивную машину. Приведенное высказывание часто используется вне фильмового контекста в похожих коммуникативных ситуациях.

Очередной пример взят из анимационного фильма *Шрек* (в переводе на русский язык, выполненном Алексеем Колганом):

- 4) *Домик неплохой, но райончик так себе.*

Автор дубляжа в описание замка одной из героинь фильма Драконихи решил ввести фразу «*Домик неплохой, но райончик так себе*», которая настолько понравилась русскоязычным зрителям, что на интернет-сайтах, посвященных теме путешествий и отдыха, дают оценку гостиниц, в которых им пришлось проживать во время отдыха, пользуясь

приведенной фразой (иногда в версии *квартильчик* вместо *райончик*: *Домик неплохой, а квартильчик так себе*). Цель такого высказывания – выразить положительную оценку гостиничного объекта, а вместе с тем отрицательную окрестности, где размещена гостиница. Языковые игры такого типа – частое явление, как так, во-первых, оно обнаруживает (обычно у отправителя) или проверяет (как правило, у получателя) знания в области сюжета и языка фильма. Как справедливо замечает польская исследовательница Марта Дынэль, использование киноцитат в других чем фильм контекстах это свидетельство успеха фильма [Dyneł 2012:262]. Во-вторых, использование киноцитат приводит к тому, что реплики, содержащие такие высказывания, насыщены юмором. Они становятся более привлекательными для интерлокуторов, обладающих похожими фоновыми знаниями и порождающих чувство коммуникативной общности.

Другой формой обогащения культурного пространства перевода становятся кинопродукции, возникшие в культуре перевода, которые по своей форме, заглавию, художественной конвенции и киноэстетике явно соотносятся с кинокартинами, возникшими раньше на другом языке, а затем вошедшими на экраны зарубежных кинотеатров. В качестве примера можно использовать фильм Никиты Михалкова *12*, сюжет и жанровая конвенция которого были заимствованы из классической судебной драмы американского режиссёра Сидни Люмета *Двенадцать разгневанных мужчин* (англ. *Twelve Angry Men*, 1956). Двенадцать присяжных заседателей в совещательной комнате решают, виновен ли пуэрториканский парень в убийстве своего отца. Только один присяжный сомневается в виновности подростка. Похожий сюжет появляется и ремейке Михалкова. В центре сюжета — обсуждение двенадцатью присяжными дела об убийстве чеченским юношей приёмного отца, офицера Российской армии, воевавшего в Чечне. Все собранные в школьном спортзале присяжные голосуют за виновность парня, кроме одного, который уверен, что не все так однозначно, как это могло бы казаться на первый взгляд. Своим поведением он вызывает изумление остальных присяжных.

Марцин Цыбульский, в свою очередь, изучая советские комедии Леонида Гайдая (например, *Бриллиантовая рука*, *Иван Васильевич меняет профессию*, *12 стульев*, *Кавказская пленница, или новые приключения Шурика*), замечает в них ссылки на классические эстетические образцы, выработанные Чарли Чаплиным и Бастер Китонем, которые были приспособлены к советским реалиям [Cybulski 2013:185].

Такие решения в сфере проникания киносюжетов, с одной стороны, служат укреплению процессов гомогенизации культуры вследствие проникания культурных образцов (главным образом, из более сильных, доминирующих культур в более слабые культурные пространства). С другой стороны, их размещение в разных культурных

пространствах помогает сохранить признаки гетерогенности, позволяющей воспринимать процесс киноперевода как средство обогащения культуры перевода. Киноперевод в некоторой степени влияет на коммуникативную функцию перевода элементов культуры, что реализуется посредством использования вне фильмового контекста киноцитат. Вместе с тем на основании вышеприведенных исследований можно констатировать, что киноперевод выполняет и культуропорождающую функцию, что проявляется в продукциях-ремейках. В данном случае обогащение культуры происходит двупланово: возникший новый фильм начинает существовать как феномен в кинопейзаже породившего его культурного пространства и одновременно приводит на мысль первоисточник, возникший раньше в другом культурном пространстве.

Литература

- Cybulski M. 2013 – *ZSRR się śmieje. Filmy Leonida Gajdaja i radziecka kinematografia komediowa*. Toruń.
- Dynel M. 2014 – *Polska komedia filmowa. Humor polski*, pod red. D. Brzozowskiej i W. Chłopickiego. Kraków.
- Елистратов В.С. 2010 – *Словарь крылатых фраз российского кино*. Москва.
- Моцаж М. 2014 – *Перевод заглавия фильма в межкультурной коммуникации. Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы международной научной конференции*. Москва.
- Moczar M. 2011 – *Interkulturowość w przewodniku turystycznym. Studium o odbiorze inności w przekładzie*. Lublin.
- Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. 2004 – *Кинотекст (опыт лингвокультурного анализа)*. Москва.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 372-379. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В МОЛОДЕЖНЫХ ПРОЕКТАХ
«МОСКУЛЬТПРОГ» И «ВЕЛОНОЧЬ»

С.А. Никитин, М.Ю. Авдонина

*Università degli Studi di Verona (Веронский университет), Италия
Московский государственный лингвистический университет, Россия
mavdonina@yandex.ru; ser.nikitin@gmail.com*

Исследование посвящено методическим аспектам отбора и представления литературного произведения в ходе проведения культурно-массовых мероприятий особого формата, в частности, велоночи в честь В.В. Маяковского 2013 г., Пушкинской велоночи 2014 г., прогулки на троллейбусе «Музыкальная Букашка», прогулок с поэтами по московским окраинам и др. Цель проекта – приобщить молодых и вновь приехавших горожан к пониманию культурного кода города. Критерием отбора стихотворных произведений служит такое психологическое свойство речи как воздейственность. На основе опроса составлен портрет участника. Обсуждаются пути повышения чувствительности к художественному слову.

Ключевые слова: русская поэзия, методика проведения массовых мероприятий, чувствительность реципиента, принципы отбора стихотворения

Предметом исследования является комплекс научно-культурных мероприятий, цель которых – сенсбилизация общественного мнения в отношении культурного и природного наследия. За период с 1997 по 2015 г.г. задуманы и реализованы более 200 событий в Москве и других городах – Венеции, Казани, Киеве, Лондоне, Нью-Йорке, Риме, Твери, Терни, Новгороде, Санкт-Петербурге, Стамбуле. Один из соавторов данной работы, С.А. Никитин, является автором этой историко-культурологической инициативы, основателем и руководителем проекта. Второй соавтор участвует в составлении маршрутов и выборе контента комментариев к прогулке.

В чем суть нашей деятельности? Позволим себе провести некоторую параллель.

Современное искусство, оперу, балет, театр в нынешних российских и западных мегаполисах воспринимают как высокое искусство, посещение таких мест – событие нерядовое, считается, что оно требует подготовки, образования. Французский фильм «Места в партере» («Fauteuils d'orchestre», режиссер Даниэль Томпсон, 2005 г., награжденный премией César du cinéma в 2007 г.) сфокусировал это в предельно сжатой форме: главная героиня, парижанка, ни разу не была на симфоническом концерте, поскольку считала, что театр создан для людей иных культурных и социальных групп [https://fr.wikipedia.org/wiki/Fauteuils_d%27orchestre].

В результате аудитория большой культуры стала маленькой, теперь лишь богема, высшие слои общества и профессионалы составляют аудиторию таких представлений.

По-другому воспринимались эти же виды искусства полтора века назад, до распространения кино и визуальных СМИ. Эти художественные формы составляли фундаментальную часть повседневной жизни широких слоев горожан – от аристократии до простолюдинов. В культурный код венского бюргера XIX века входило посещение пивных и театра. В семьях до сих пор передаются из поколения в поколение сумочки, вышитые в микроскопический крестик – *le petit point*. Опера являлась неременной частью городской жизни, как и обязательное наличие у дам таких сумочек для похода в оперу [см, например, <http://www.ebay.fr/itm/Purse-Austria-1920-Fine-Petit-Point-Sterling-Hardware-/221413126118>].

Опера в данном случае – не только высокое искусство, созданное гениальными композиторами, но и зрелище, место встречи, повод для общения до и после события с приятелем и коллегой по работе, в семье и др.

Иначе говоря, это часть культурного кода города, путь социализации горожан. Представляется, что у современного москвича место оперы и газеты функционально занимает просмотр шоу и сериалов по телевизору и в Интернете, именно телевизионные события обыкновенно обсуждаются. Потребителей искусства, напротив, мало. Это касается и интеллигентной аудитории. Именно эта функция культурных форм и произведений является главной для нашей теоретической и практической работы. В время подготовки велоночи 2013 г. произведения В.В. Маяковского в исполнении автора, актеров разных эпох и в современном исполнении актерами театра им. В.В. Маяковского, были записаны на диск, врученный каждому участнику велоночи.

Наш опрос студентов магистратуры и аспирантов экологического факультета Российского университета дружбы народов (2013-2015 г.г., 40 человек, как москвичей, так и учащихся из разных частей России и иностранцев) показывает, что никто из них за год ни разу не посетил ни одного московского музея. Правда, студенты считают, что это стыдно, что следовало бы ходить в музей, но им очень не хочется, им не интересно. И встает вопрос, имеет ли «культпоход» социализирующую функцию, может ли культурное мероприятие объединять молодых людей. И второй вопрос: как сделать его привлекательным для людей с разным культурным бэкграундом. Шутки, опирающиеся на исторический контекст, остаются непонятыми или воспринимаются не так, как задуманы. И третий вопрос: что есть в наше время, что делает француза – французом, а москвича – москвичом?

Соблюдение культурного кода – залог успеха коммуникации и достойной карьеры любого горожанина, и это основа адресации сообщения (фильма или рекламного ролика,

картины или телесериала). Представители творческих специальностей и бизнеса чувствуют необходимость этой опоры, чаще всего неявно выраженной.

Но интерпретация элементов культурного кода сложна для вновь постигающих его.

Наш опрос магистров и аспирантов показывает, что выражение *он выдержал / он делал качаловскую паузу* перестало связываться с именем и театральной деятельностью Василия Ивановича Качалова. Актер МХАТ не забыт, историками театра постоянно готовятся публикации о его жизни и творчестве [Три года недобровольного изгнания, 2014]. Но на прямой вопрос респонденты отвечают, что понимают это слово как производное от глагола *качать* в некоем переносном смысле. Так «московскость» столетней давности уходит в небытие. Да и современная «московскость» менее изучена, чем, например, «одесскость», являющаяся предметом тщательного изучения Е.Н. Степанова [Степанов 2004].

Элементы культурного кода глубоко интериоризированы в нашей жизни, и мы осознаем их, как правило, при столкновении с носителями других культурных кодов, входя в непримиримое противоречие. Ю.М. Лотман показал это на примере XVIII века, например, в главе «Две женщины» книги «Беседы о русской культуре» [Лотман 1994].

Понятия, словечки, орфоформы – от «букашки» (троллейбус маршрута «Б», идущий по Садовому кольцу) до «булошной и прачешной», – мало осознаются молодыми носителями русской культуры, находятся на периферии их сознания. Мы ставим себе задачу вербализовать некоторые такие скрытые смыслы.

Для иллюстрации положений исследования были выбраны мероприятия, организованные в Москве в последние годы. Процесс организации таких событий (от замысла до «послевкусия») описан в нашей работе 2014 г. [Никитин, Авдонина 2014].

Мы обращаемся к 20-40-летним и показываем, какими были их ровесники в другие эпохи. И с самого начала в анонсе события «Пушкинская велоночь» в СМИ и на сайте www.velonotte.com, показываем, как воспринимались двести лет назад районы Москвы. Вот что читают будущие участники на сайте Департамента национальной политики, межрегиональных связей и туризма города Москвы в сентябре 2014 г.:

В субботнюю ночь с 27 на 28 сентября Велоночь будет исследовать город Пушкина – архитектуру, стиль, поэзию и дружбу. Любимые места Москвы – волшебная Ивановская горка, благородные Басманные, древний Арбат, модная Пречистенка, интеллигентный Аэропорт и, конечно, Тверская, воспетая в «Евгении Онегине», станут нашими героями в эту ночь. Хоровод переулков и набережных, палат и храмов завершится на рассвете чаепитием в Петровском парке, в котором друзья обыкновенно провожали Пушкина, уезжавшего в Петербург. [welcome.mos.ru]

И в то же время в том же анонсе топонимически прогулка привязывается к ориентирам современной Москвы: *от Арбата до Динамо, через Бауманскую и Чистые пруды*. «Пушкинский маршрут» соединил места детства и юности Пушкина, места, связанные с осмыслением пушкинского наследия, с Чайковским и Достоевским, места, связанные с литературоведами, исследовавшими творчество поэта:

- Место, где родился Пушкин (точно установил С.К. Романюк [Романюк 2000])
- Елоховская церковь, где крестили Пушкина
- Дом Василия Львовича Пушкина на Разгуляе (музей, открытый в 2013 г., приветствовал в 2 часа ночи нашу шеститысячную группу велосипедистов, осветив залы изнутри)
- Дом Чаадаева на Новой Басманной улице
- Юсуповские палаты в Большом Харитоньевском переулке
- Архив старых дел Коллегии иностранных дел в Хохловском переулке, где работал Пушкин
- Храм Вознесения Господня в Сторожах, у Никитских ворот «Большой Вознесение» (есть мемориальная доска о венчании, которое состоялось в еще недостроенном храме, а на площади – фонтан-ротонда «Натали и Александр», установленный к 200-летнему юбилею поэта)
- Место дома Гончаровых на Большой Никитской
- Дом Благородного собрания, членом которого Пушкин стал в феврале 1827 г. (балы и пушкинские речи Достоевского)
- Малый театр, где прошла премьера оперы «Евгений Онегин»
- Место дома С.А. Соболевского на Собачьей площадке, где Пушкин впервые читал «Бориса Годунова» и весело провел весну 1827 г.
- Место трактира Тестова, где Чайковский задумал оперу «Евгений Онегин»
- Дом Волконской и Риччи на Тверской, где Пушкин познакомился с первым европейским переводчиком своих стихов
- Вознесенский пер. № 9, стр.4, дом П.А. Вяземского, где Пушкин в 1826 г. читает трагедию «Борис Годунов»
- ул. Кузнецкий мост, д.9, первый трактир у Яра, где все любили обедать
- Старое место памятника Пушкину
- Место гостиницы «Север», где останавливался Пушкин
- Место дома Фамусовых, где танцевали на балах

- Место аптеки, воспетой Пушкиным на Пушкинской площади: *Мелькают мимо будки, бабы, /Мальчишки, лавки, фонари, /Дворцы, сады, монастыри, /Бухарцы, сани, огороды, /Купцы, лачужки, мужики, /Бульвары, башни, казаки, /Аптеки, магазины моды, /Балконы, львы на воротах / И стаи галок на крестах.*
- Английский клуб (*львы на воротах*), где Пушкин играл в карты и узнавал последние известия
- Дом, где останавливался Ю.М. Лотман во время работы над легендарным «Комментарием к Евгению Онегину»
- Дом № 16 по Новой Басманной улице, где в 1858 г. Александр Дюма был в гостях у поэтессы Е.А. Ростопчиной. Alexandre Dumas (1802-1870) et Alexandre Pouchkine (1799-1837): африканские корни, светлые глаза при черных кучерявых волосах, литературный дар, легкий слог и трудоголизм, интерес к России и к Франции, к Наполеону, к декабристам и к Кавказу, любвеобильность и страстность!

И – на рассвете – было устроено чаепитие в Петровском парке, в котором друзья обыкновенно провожали Пушкина, уезжавшего в Петербург.

Для Пушкинской велоночи 2014 г. был создан особый логотип (кудри-колеса велосипеда):

Также был сочинен гимн для хорового пения на слова юного Антона Дельвига *Пушкину (1815)* [Дельвиг 1986]: «*Пушкин! Он и в лесах не укроется: Лира выдаст его громким пением*». А в социальных сетях был размещен специально созданный мультфильм [<http://www.aprilclubnews.com/content/lifestyle/events/3645-stepnoj-volk-start-novoj-gonki>]

Нашими героями в ту ночь стали Абрам Петрович Ганнибал, Василий Львович Пушкин и Алексей Иванович Мусин-Пушкин, Наталья Николаевна Пушкина, князь Вяземский, Григорий Римский-Корсаков, Толстой-Американец и конечно, бабушка Мария Алексеевна Ганнибал (1745-1818), урожденная Пушкина, из другой ветви рода.

Пушкину 15 лет, его стихотворение опубликовал ведущий российский журнал «Вестник Европы». Так 200 лет тому назад началась блистательная литературная карьера.

Важнейшим шагом является для нас встреча с научным сообществом перед проведением каждого события. Так, 16 сентября 2014 г., в музее А.С. Пушкина в Пречистенском переулке прошла пресс-конференция, в которой приняли участие главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов, директор Государственного музея Пушкина Евгений Богатырев и экспертный совет проектов «Москультпрог» и «Велоночь».

Во время ночной прогулки на велосипедах ведущие литературоведы анализировали историю создания первого стихотворения А.С. Пушкина, появившегося в печати, и речи И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского 1880 г. В сущности, это были научные сообщения, достойные того, чтобы прозвучать и на грядущем симпозиуме Международного Общества Достоевского в июне 2016 г. в Университете Гранады в Испании.

Прямая трансляция радиостанции *Маяк*, длившаяся, как обычно, всю ночь, с полуночи до пяти часов утра, дала возможность виртуального участия тем, кто не смог приехать в парк «Сокольники» в ту ночь. Все эти треки аудиозаписи, выложенные на сайте в свободном доступе, сообщество слушает и обсуждает в Интернете до сих пор.

Город с трудом справляется с проблемой забвения исторических и культурных фоновых знаний. В центре Москвы мы «прививаем» историческую топонимию – Ивановская горка, Огородная слобода (эти родные места показывал архитектор Михаил Хазанов) и стремимся передать эмоциональные переживания-звучания мест, какими они были: «До свидания, Ленинский», «Музыкальная Букашка».

Работа с неосмысленным в эмоциональном и содержательном плане городским пространством привела нас на окраины города, где мы пытаемся восстановить память места. Преображенка, Измайлово, Октябрьское Поле, Кузьминки, Шаболовка, Тульская, Фили – это районы, чья историческая значимость еще не осознается, они не включаются в обычные путеводители по городу. Марьино, Лианозово, Беляево, Лихоборы, Михалково, Красная Сосна, Чертаново в течение этих лет стали предметом изучения, осмысления, поэтизирования: «Песни и сказки Свиблова», «Хиты с Леснорядских» и др. Всеволод Некрасов показывал литературное Лианозово – тут собирались поэты Сапгир, Холин, Сатуновский. Псой Короленко участвовал в прогулке по Лианозову, Дмитрий Пригов показал свое «герцогство беляевское».

Важной задачей является совмещение разных эпох жизни города:

Здесь за фронтом Центрального рынка, Цирка и Метростроя – маленький островок старой Москвы, Малюшенка. Здесь полвека назад в непростой английской спец-школе №30 встретились Петр Мамонов и Александр Липницкий. Совершенно разные люди. Они слушали музыку, танцевали, дурачились... Тусовали у Липницкого – его отчим Суходрев был лично знаком с Френком Синатрой, и дом был завален дефицитными пластинками. Потом их обоих выгнали из школы почти одновременно: Мамонова – за диверсию со взрывом в кабинете химии, а Липницкого – за небезответную ненависть к педагогу по математике. Через 15 лет они сыграли здесь первый концерт группы, которая стала самым ярким событием московского рока – Звуки Му! На том концерте – 28 января 1984 года – играли также другие звезды нашего рок-н-ролла: Жанна Агузарова «Браво», Василий Шумов и

«Центр», Сергей Рыженко и Виктор Цой, а среди зрителей присутствовали многие знаменитости: Борис Гребенщиков, Сергей Курёхин, Андрей Макаревич.

Мы стремимся связывать разные эпохи и виды искусства. Например, в Московской велоночи 2015, посвященной 80-летию метрополитена, комментарий к Крымскому мосту, перед подробным анализом достоинств инженерной мысли, был начат так: *Мы у Крымского моста, рядом Парк Культуры – визитная карточка Москвы уже 70 лет. Крымский брод – так называется это место у Тургенева. Именно тут крепостной Герасим, глухонемой 12 вершков, сложенный богатырем, провожал Татьяну и нашел щенка. Помните: Он хотел проводить ее до заставы и пошел сперва рядом с ее телегой, но вдруг остановился на Крымском броду, махнул рукой и отправился вдоль реки. Дело было к вечеру. Он шел тихо и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с черными пятнами.*

А помните, как Ленин поехал в Сокольники на Рождество в 1919 и его вытряхнули из авто? Так вот бандиты, Яшка-Кошелек со товарищи, докатили ровно так, как ехали мы с вами сегодня, и у Крымского моста бензин кончился – здесь и нашел свое авто Гиль, шофер Владимира Ильича.

Следуя русской традиции мы соединяем историческую память места с литературной:

На месте гостиницы «Москва» была гламурная гостиница «Лоскутная» с прекрасными изразцами на фасаде, о ней писал И. Бунин. В книге Акунина «Азazel» студенты рядом мечут жребий, в «Пиковом валете» в ней живет Момус, в «Статском советнике» – князь Пожарский, и туда же относят главного героя Фандорина после операции в Петросовских банях. (Московская велоночь-2015)

Специализированное научное исследование в области социоурбанистики, истории, литературы и страноведения ставит задачей актуализировать значимые элементы московской культуры, обогатить культурный код молодого москвича и нового москвича, привязать человека к месту, где он теперь живет, выявить поэзию в обыденности удаленных районов.

Методически отбор и представление литературного произведения в ходе проведения культурно-массовых мероприятий особого формата опирается на такое свойство речи, как воздейственность. Мы сознательно побуждаем участников проводить в переписке совместный анализ и самоанализ, переживать успех, испытывать ощущение «послевкусия» и предвкушение участия в следующем событии.

Творческий совет проекта предлагает участникам эстетические переживания и интеллектуальные эмоции, которые рассматриваются нами как обязательные компоненты процесса культурно-социальной интеграции.

Литература

- Вяземский П.П. 2009 – *Александр Сергеевич Пушкин. 1826-1837. (По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям)*. Остафьево.
- Дельвиг А.А. 1986. – Пушкину (1815) . *Собрание сочинений. Стихи*. Москва.
- Лотман Ю.М. 1995 – Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. *Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990*. Санкт-Петербург.
- Лотман Ю.М. 1994 – *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века)*. Санкт-Петербург.
- Никитин С.А., Авдоница М.Ю. 2014 – Велоночь как метод формирования культурного кода Большого города. *XV Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества» 1-4 апреля 2014 г.* – М.: НИУ ВШЭ, 2014. С. 387-396. <http://conf.hse.ru/data/2015/03/31/1095842519/XV%20Apr. конф.-кн.3.pdf>
- Романюк С.К. 2000 – *В поисках Пушкинской Москвы*. Москва.
- «Три года недобровольного изгнания». «Качаловская группа» Художественного театра. Май 1919 – май 1922. Письма. Приложения: Н.А. Подгорный. Воспоминания (1919), Дневник поездки за «Качаловской группой» (1921) / Публ., вступ. статья и коммент. М.В. Львовой // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века / Ред.-сост. В.В. Иванов. М.: Индрик, 2014. Вып. 5. С. 363–494.
- Степанов С.М. 2004. – *Російське мовлення Одеси*. Одеса: Астропринт. <http://www.ebay.fr/itm/Purse-France-1900-Fine-Petit-Point-/221413117275?hash=item338d400d5b>
https://fr.wikipedia.org/wiki/Fauteuils_d%27orchestre
<https://www.velonotte.com>
<https://www.facebook.com/VeloNotte/photos/a.397171890335500.104975.187752081277483/815256251860393/>
<http://welcome.mos.ru/presscenter/news/detail/1307921.html>
<http://bolshoevozneshenie.ru/history/1081-venchaetsya-rab-bozhij-aleksandr/>
<http://www.aprilclubnews.com/content/lifestyle/events/3645-stepnoj-volk-start-novoj-gonki>

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ
СОДЕРЖАНИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ
ЭТНОКУЛЬТУРАХ

С.Л. Нистратова

Венецианский университет «Ка Фоскари», Италия

nistra@unive.it

Глобализация привела к взаимодействию между этническими культурами, обычно называемому диалогом культур. В этих условиях особенно актуальным становится изучение и сопоставление культур, участвующих в данном диалоге, поиск оптимального подхода к изучению национально-культурной специфики речевого поведения и языкового сознания носителей культуры. Одним из эффективных методов в достижении данной цели является исследование мировоззренческих универсалий, ценностных ориентиров членов общества, определяющих общение в социуме, которые в современной аксиологии называются общечеловеческими ценностями, которые в каждой культуре обладают как универсальными компонентами, так и своей этнокультурной спецификой.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, общечеловеческие ценности, сопоставительное изучение

Глобализация привела к интенсификации взаимодействия между этническими культурами, обычно называемого диалогом культур. В этих условиях особенно актуальным становится изучение и сопоставление культур, участвующих в данном диалоге, поиск оптимального подхода к изучению национально-культурной специфики речевого поведения и языкового сознания носителей культуры.

Если несколько десятилетий назад большинство исследований было нацелено на описание уникальных черт культуры изучаемого языка и выискивание лакун (явлений, отсутствующих в родной культуре), то в настоящее время наиболее актуальным признается сопоставительное направление, целью которого является изучение взаимодействия культур. Еще в 1994 году В.Г. Костомаров высказывал мнение, что изучение только уникальных характеристик контактирующих культур представляет тупиковый путь в лингвострановедении [Костомаров 1994:9-11].

Хотелось бы остановиться на одном направлении в обучении межкультурной коммуникации, которое только начинает развиваться и которое, на наш взгляд, может значительно повысить эффективность учебного процесса. Речь идет о внедрении в практику результатов теоретических исследований по описанию мировоззренческих универсалий, ценностных ориентиров членов общества, определяющих общение в социуме, которые в

современной аксиологии называются общечеловеческими ценностями (далее ОЦ) (таких, как, например, *безопасность, вера, власть, долг, труд, религия, достаток, дружба, здоровье, семья, покой, порядочность* и т.п.).

Как справедливо отметила Лидия Гинзбург, «категория ценности рождается вместе с первыми проблесками социальности. Она не существует без социальности, как социальность не существует без нее. [...] Она устанавливается за пределами индивида, и потому один из основных ее признаков – всеобщность; от абсолютной всеобщности до относительной всеобщности тех или иных социальных категорий» [Гинзбург 2002:172]. Культурные универсалии определяют форму этического и языкового сознания: «личная реализация общих ценностей – регулятор социального поведения» [Гинзбург 2002:287].

В каждой культуре они обладают как общими компонентами, так и своей этнокультурной спецификой. Показательно в этой связи замечание Льва Лосева, который обращает внимание на различие некоторых основополагающих понятий и ценностей в русской и американской культурах: «Фундаментальные понятия американской цивилизации головокружительно отличались от российских. «Успех» и «неудача», «богатство» и «бедность», «народ» и «правительство» и даже конкретные понятия – «дом», «город», «автомобиль», «обед», «пойти в гости» – значили в Америке не совсем то или совсем не то, что в России» [Лосев 2006:183].

Психолингвистика уже давно занимается такими исследованиями. Существуют многочисленные работы, посвященные описанию особенностей языкового сознания представителей различных культур, подтвержденному конкретными экспериментальными данными. Так, российской психолингвистической школой был разработан метод исследования культуры через выявление образа мира носителей той или иной культуры с помощью построения ассоциативно-вербальной сети и ее анализа [Уфимцева, Тарасов 2009: 25]. Учет этих данных, на наш взгляд, может оказаться весьма полезным для практики обучения. «Имплицитные для иностранных студентов ценностные основы языковой ментальности, создающие специфику языковой картины мира рубежа XX-XXI веков, требуют экспликации в учебных материалах лингвокультурологического характера, ориентированных на иностранную аудиторию» [Васильева 2002].

Необходимо выделить те компоненты культуры народа изучаемого языка, реализующихся в вербальной форме, которые отличаются от соответствующих компонентов родной культуры учащихся, что возможно при контрастивном описании обеих культур, т.е. при сравнении общечеловеческих ценностей (далее – ОЦ) в разных этносах. Этим определяется прагматическая актуальность изучения содержания ОЦ.

Если говорить о прикладном аспекте данных исследований, то следует заметить, что учебных материалов, созданных с учетом полученных результатов теоретических изысканий, немного. В качестве примера можно назвать монографию В.П. Синячкина *Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании* [Синячкин 2010]. Однако, в этой книге представлен материал только одной лингвокультуры – русской, между тем, без сомнения, актуальным является также проведение исследования по сопоставительному описанию контактирующих культур.

В этом плане представляет интерес экспериментально-сопоставительное исследование языкового сознания и образа ассоциации у китайцев и русских, проведенное в Харбинском университете [Чжао Цюе 2013].

Темой нашей работы является сопоставительное изучение языкового сознания представителей русской и итальянской культуры. Материал, касающийся первой из них, накоплен уже достаточно обширный, чего нельзя сказать о данных, относящихся к итальянской лингвокультуре. Что касается изучения ценностных ориентиров итальянцев (как общечеловеческих, так и специфических), то надо признать, что национально-культурные особенности языкового сознания носителей итальянской культуры практически не изучены, работа в этой области только начинается.

В настоящее время в Университете Венеции совместно с сектором психолингвистики Института языкознания АН России ведется работа над проектом по описанию содержания ОЦ и национальных стереотипов носителей итальянской культуры. Цель данного исследования – сопоставить содержание ОЦ, существующих в русской и итальянской культурах, для выявления их инвариантного и вариативного содержания.

Экспериментальная часть работы практически завершена, сейчас ведется обработка собранного материала. Предполагается также провести сопоставительный анализ русского и итальянского языкового сознания и выявить русско-итальянские параллели, которые могут быть учтены при создании учебных материалов по межкультурной коммуникации для итальянцев, изучающих русский язык, и русских, желающих познакомиться с итальянским языком и культурой, что является довольно актуальным, поскольку контакты между нашими двумя странами в настоящее время постоянно расширяются.

Рассмотрим задачи, которые были поставлены при исследовании содержания ОЦ в русской и итальянской культурах.

По мнению Н.В. Уфимцевой, язык, являющийся феноменом культуры, способен фиксировать и тем самым отражать опосредованным образом систему ценностей, существующую в социуме, а также и неизменные ценности данной культуры [Уфимцева 1998:158]. Материалом для раскрытия содержания ОЦ в конкретной этнической культуре

служит как собственно языковой материал (различные типы текстов), так называемые вербальные объективации, так и невербальные объективации: данные психолингвистических экспериментов (ассоциативные поля, семантические пространства, семантические категории-факторы, различные графики и профили, представляющие результаты психосемантического эксперимента и т.п.), живописные и скульптурные изображения и т.п.

В каждой культуре содержание ОЦ функционирует на трех уровнях:

- 1) на уровне общественного сознания, в виде философских и научных текстов, в которых от имени общества фиксируется содержание ценностей;
- 2) на уровне обыденного сознания, в форме устных высказываний рядовых носителей языка (ценностные ориентиры);
- 3) на промежуточном уровне, в форме статей в энциклопедических и толковых словарях, представляющих научно обработанные представления носителей языка.

При выполнении данного исследования были поставлены следующие цели:

- 1) провести сравнительный анализ всех трех уровней сознания русских и итальянцев;
- 2) провести компонентный анализ дефиниций ОЦ в итальянской и русской культурах, представленных в энциклопедических и лексикографических источниках;
- 3) на основе данных дефиниций выделить семантические компоненты содержания базовых ОЦ, а также некоторых антиценностей (таких, например, как *лень*).
- 4) исследовать русский и итальянский паремиологический фонд, отражающий промежуточный уровень сознания носителей обеих культур;
- 5) провести сопоставительный анализ результатов ассоциативного эксперимента.

В результате проведенного исследования была выявлена как вариативная, так и инвариантная часть содержания основных ценностей (и антиценностей), присущих русской и итальянской культуре. Очевидно, что наибольший интерес для практики преподавания русского языка итальянцам, а также итальянского языка русским представляет этническая часть содержания ценностей.

В качестве примера приведем данные, полученные при анализе такой основополагающей ценности, как *родина*.

В сознании носителей русской культуры данная ценность ассоциируется с отечеством, территорией с ее природой, населением и культурой, местом рождения, местом возникновения чего-либо. Тогда как для итальянцев данная ценность (*родина / patria*) воспринимается также как «приемное» отечество – место эмиграции, где человек поселяется по собственному выбору и к которому относится, как к своему отечеству, и как *рай* (небеса), поскольку согласно религиозной доктрине земная жизнь рассматривается как место изгнания человека из рая, изначально являвшегося его родиной.

При этом многие компоненты значения совпадают в энциклопедических и лексикографических источниках, что свидетельствует о наличии общих компонентов в наивной и научной картинах мира носителей итальянского и русского языков.

Россия

Семантические компоненты содержания ценности <i>родина</i> в энциклопедических источниках	Семантические компоненты содержания ценности <i>родина</i> в лексикографических источниках
Отечество	Отечество
Место рождения	Место рождения
Место возникновения чего-либо	Место возникновения чего-либо
Территория с ее природой, населением и культурой	–

Италия

Семантические компоненты содержания ценности <i>patria / родина</i> в энциклопедических источниках	Семантические компоненты содержания ценности <i>patria / родина</i> в лексикографических источниках
Отечество	Отечество
Место рождения	Место рождения
Место возникновения чего-либо	Место возникновения чего-либо
Территория с ее природой, населением и культурой	Территория с ее природой, населением и культурой
–	«Приемное» отечество
–	Рай

С чем связаны расхождения в содержании данной ценности в русской и итальянской культуре? Возможно, с тем, что в Италии религия занимала достаточно большое место в жизни и соответственно в сознании итальянцев. Что касается компонента *«Приемное» отечество*, то следует заметить, что в истории этой страны были периоды массовой иммиграции жителей в поисках лучшей жизни, новой родины, чего не наблюдалось в России.

Если обратиться к паремиологическому фонду, то и здесь можно отметить как сходства, так и расхождения. Приведем пример последних. У итальянцев наблюдается двойственный подход к пониманию родины. С одной стороны, это, прежде всего, место, где человек родился, «малая родина» (*La mia patria è dove io son nato.* / Моя родина там, где я родился.), а с другой – родина трактуется как понятие относительное, её можно найти повсюду: где человеку лучше живется, там и родина (*La patria è la dove si ha del bene.* / Родина там, где хорошо.). **А достойный и сильный человек вообще может обрести родину в любой стране. По-видимому, предполагается, что сильный человек сможет**

преодолеть трудности, который ждут его в чужой стране, а также оказаться там полезным и востребованным членом общества (*All'uomo forte, ogni paese è patria./* Сильному человеку каждая страна – родина; *Trova patria per tutto un uom dabbene./* Хороший человек везде родину найдет; *Ogni paese al valentuomo è patria./* Достоиному человеку каждая страна – родина.). Кроме того, в отличие от русской, в итальянской культуре практически отсутствуют пословицы, в состав которых входит название страны – Италия или выражения *родина-мать* и т.п., что во многом объясняется особенностями истории данной страны, поскольку до 1861 года на территории Италии единого государства не существовало.

Этим же объясняется и то, что для итальянцев понятие «малой родины» чрезвычайно важно. В Италии человек в первую очередь чувствует себя уроженцем определенного места, а уж только потом итальянцем. В итальянском языке есть специальное выражение – «кампанилизм» (от слова *campanile* / колокольня), что означает «любовь к своей колокольне», т.е. к своему родному городу. Очень точно об этом написал Аркадий Ипполитов: «... и так как сами стены города обеспечивали свободу, это ощущение своей свободы и гордости за стены своего города, эту свободу охраняющие, за колокольню – *campanile* – свободу олицетворяющую, за свой собор, свою историю и своих художников неистребимо укоренилось в ее жителях. Даже завоевателям приходилось с этим считаться, и, хотя и подчинившись кому-то более сильному, брешианцы, лодийцы, павийцы, комаски и бергамаски оставались верными своей брешианскости, лодийскости и т.д.; именно это и называлось «кампанилизмом», любовью к своей колокольне. У нас кампанилизм, для развития которого имелись все основания, был задушен рано: винят татар, но явно не в одних татарах дело. Российское желание централизации (до сих пор в школах на уроках истории учат, что централизация – это хорошо) – привело к тому, что мы и имеем: все время главенствовать должен Центр» [Ипполитов 2012:285].

Еще один пример. Итальянская писательница Симонетта Аньелло Хорнби, более 40 лет живущая в Лондоне, в передаче итальянского телевидения *Le invasioni barbariche* (запись от 24.01.2012) сказала, что никогда не чувствовала себя итальянкой, только сицилийкой.

Кроме анализа текстовых источников, в рассматриваемом исследовании проводился психосемантический эксперимент. С помощью психосемантического метода был получен материал для анализа обыденного сознания носителей итальянской лингвокультуры, поскольку он позволяет выявить те представления респондентов, не поддающиеся быстрому изменению, которые сформировались на основе устоявшихся стереотипов. Нами проводилось анкетирование студентов итальянских университетов в возрасте от 18 до 24 лет. Минимальное количество участников в каждом эксперименте составляло около 50 человек. Был применен метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, заключающийся в

комбинировании процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций [Osgood 1962:10-28]. Полученные в результате эксперимента данные были представлены в виде семантических пространств, представляющих собой модель сознания индивида, и в виде дендрограмм, на которых можно проследить связь между различными ценностями в сознании носителей языка. Далее полученные результаты сравнивались с картиной мира русскоязычных респондентов.

Так, например, были выявлены ОЦ, являющиеся наиболее значимыми и имеющие положительную оценку в сознании русских и итальянцев. Приведем несколько примеров.

Наиболее позитивно итальянцы относятся к таким ценностям, как: *свобода, удовольствие, здоровье, любовь, семья, равенство*.

Несколько меньшую, но достаточно положительную оценку имеют ценности: *образование, независимость, творчество, безопасность*.

В России респонденты наиболее позитивно относятся к таким ценностям, как: *семья, любовь, свобода, удовольствие*.

Далее следуют: *творчество, родина, справедливость, здоровье, образование, достаток, успех*.

Можно сказать, что итальянцы индифферентно относятся к таким ценностям, как *труд* и *успех*, а россияне – к *религиозности, независимости, равенству*. Это означает, что данные ценности находятся на периферии сознания, можно предположить также, что они дискредитированы в сознании итальянцев и россиян.

Четкую негативную оценку у итальянских респондентов получили такие ОЦ, как *власть, долг, религиозность*, в меньшей степени негативно воспринимается *родина*. Россияне также очень отрицательно оценивают *власть* и *долг*.

Также негативно, но в меньшей степени воспринимаются: *безопасность* и *труд*.

В заключение отметим, что результаты данного исследования помогут определить специфику употребления языковых средств в русской и итальянской этнокультуре и могут быть использованы в практике преподавания русского языка итальянцам.

Поскольку исследования в этом направлении только начинаются, на наш взгляд, перед русистами, работающими на стыке русской и итальянской культур, стоит интересная и актуальная задача.

Литература

Васильева Г.М. 2002 – ...Ты один мне поддержка и опора... (размышления об актуальных задачах лингвокультурологии). *Мир русского слова*, №2.
http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/mrs2002-02/28_332

- Гинзбург Л. 2002 – *Записные книжки. Воспоминания. Эссе*. Санкт-Петербург.
- Ипполитов А. 2012 – *Особенно Ломбардия. Образы Италии XXI века*. Москва, КоЛибри.
- Костомаров В.Г. 1994 – Роль русского языка в диалоге культур. *Русский язык за рубежом*, № 5-6.
- Лосев Л. 2006 – *Иосиф Бродский, ЖЗЛ*. Москва.
- Синячкин В.П. 2010 – *Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании*. Москва: РУДН.
- Уфимцева Н.В. 1998 – Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских. *Языковое сознание: формирование и функционирование*. Москва.
- Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. 2009 – Проблемы изучения языкового сознания. *Вопросы психолингвистики*, № 2 (10).
- Чжао Цюе 2013 – Экспериментально-сопоставительное исследование языкового сознания и образа ассоциации у китайских и русских студентов. *Русский язык за рубежом*, № 6.
- Osgood Ch. 1962 – Studies on Generality of affective meaning system. *American Psychologist*. Vol. 17 (1).

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКОВ)

О.В. Новицкая

*Лёвенский католический университет (кампус Антверпен), Бельгия
olga.novitskaja@arts.kuleuven.be*

С точки зрения речевой ситуации интересным материалом представляются риторические вопросы, которые выполняют ярко выраженную коммуникативную функцию. В разных языках существуют свои устойчивые словосочетания, которые используются в качестве риторических вопросов. Перенос сочетаний, типичных одному языку нарушает нормы другого языка, делают речь искусственной и необычной. Использование правильных, уже существующих в данном языке устойчивых словосочетаний, облегчает общение и ведет к успешной коммуникации.

Ключевые слова: риторический вопрос, устойчивые словосочетания, клишированность, нидерландский язык

Сопоставительный анализ родного и изучаемого языка дает возможность формировать и оптимизировать языковую и речевую компетенцию. Речевая компетенция создает основу для коммуникации. Речевое общение состоит из речевых актов, которые дают нам возможность достигать определенной коммуникативной цели. В каждом языке используются свои языковые средства. С точки зрения речевой ситуации интересным материалом представляются риторические вопросы, которые выполняют ярко выраженную коммуникативную функцию. До сих пор не существует единого подхода к выделению базисных признаков риторичности вопросов, нет систематического описания их особенностей, нет единства в определении риторического вопроса. Д.Э. Розенталь дает следующую дефиницию риторическому вопросу: «Риторический вопрос – стилистическая фигура, состоящая в том, что вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а чтобы привлечь внимание читателя или слушателя к предмету речи» [Розенталь 1979:275]. И.А. Гальперин определяет риторический вопрос следующим образом: «...это особый стилистический прием, сущность которого заключается в переосмыслении грамматического значения вопросительной формы; [...] предложение, которое по своему содержанию является утверждением, облечено в вопросительную форму [Гальперин 1958:215-216]. Подробное же определение риторического вопроса дается в *Энциклопедии русского языка* под редакцией Ю.Н. Караулова: «Риторический вопрос-предложение, вопросительное по структуре, передающее подобно повествовательному предложению, сообщение, о чем-либо.

Таким образом, в риторическом вопросе имеется противоречие между формой (вопросительная структура) и содержанием (значение сообщения)» [Караулов 1997:423].

Риторические вопросы содержат несколько коммуникативно-прагматических установок. Они выполняют своего рода интродуктивную функцию, посредством риторического вопроса обмен информацией направляется в нужное русло. Реципиенту, можно сказать, «вкладывается в уста» уже известный ответ и предполагается, что он должен согласиться с услышанным. Таким образом, риторические вопросы используются для эмоционального воздействия на реципиента. Риторический вопрос основывается на намерении говорящего, является инструментом его речевого воздействия, он передает его эмоциональное отношение к сказанному. Важное место в риторических вопросах занимают позиция обращения и сильно выраженная интонация, которая по-разному окрашивает сказанное. Вспомним пример эффективности риторического вопроса, который приводит И.А. Стернин в *Практической риторике*. Используя в своей аргументации риторический вопрос, Адвокат Плевако смог добиться оправдательного приговора для старушки, которая украла французскую булку. Его обращение смогло убедить присяжных заседателей: «Уважаемые господа! Не мне напоминать вам, сколько испытаний выпало на долю нашего государства и в скольких из них Россия вышла победительницей. Устоев Российской империи не смогли подорвать ни татаро-монгольское нашествие, ни нашествие шведов, турок, французов. Как вы думаете, вынесет ли Российская империя одну французскую булку?» [Стернин 1995:83-84].

В разных языках существуют свои устойчивые словосочетания, которые используются в качестве риторических вопросов. Перенос сочетаний, типичных одному языку нарушает нормы другого языка, делают речь искусственной и необычной. Использование правильных, уже существующих в данном языке устойчивых словосочетаний, облегчает общение и ведет к успешной коммуникации.

Нидерландский лингвист Паулин Слот [Slot 1995:127-157] выделяет четыре основные функции риторических вопросов:

1. *Увиливание от прямого высказывания.* Говорящий по определенным причинам не высказывает свою мысль прямо, но хочет, чтобы у реципиента создалось впечатление, что он сам пришел к предлагаемому ответу. Для наглядного примера обратимся к фрагменту речи В. Чуркина (постоянного представителя РФ в ООН) по поводу грузино-осетинского конфликта в августе 2008 года:

А я хотел бы спросить уважаемого представителя Соединенных Штатов: а оружие массового поражения нашли в Ираке или все еще ищете?

Трансформируя этот РВ, мы получаем следующий ответ: *Мы, американцы, не нашли в Ираке никакого оружия массового поражения.*

2. *Привлечение внимания.* В *Словаре лингвистических терминов* О.С. Ахмановой понятие риторический вопрос представлено следующим образом: «Вопрос риторический (эротема) – фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию вопросительной формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон и т.п.» [Ахманова 1966:85–86]. Из этого следует, что риторический вопрос не предполагает ответа, он ставится не для того, чтобы побудить слушателя сообщить что-либо говорящему. Функция риторического вопроса – привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость. Фактически это восклицание под видом вопроса. В этой функции РВ очень часто используются в рекламных конструкциях:

Spaart u al air miles bij ons? (А вы уже копите мили за совершённый с нами полет?)

Видели ли вы более красивую мебель, чем у нас?

Есть ли на свете что-нибудь вкуснее йогурта «Данон»?

3. *Завуалированное навязывание согласия.* В самом риторическом вопросе уже заложено утверждение или отрицание, что указывает на его оценочную функцию. Задавая РВ, говорящий использует риторический прием эмоционально-психологического воздействия на собеседника. В такой манипулятивной функции РВ часто употребляются в политическом аргументативном дискурсе, в рекламе. В РВ закладывается скрытая точка зрения, которая должна убедить реципиента и создать у него иллюзию сознательного выбора. В таком РВ всегда присутствует скрытое воздействие на реципиента в нужном для говорящего направлении. Реципиенту навязывается определенное представление о действительности, отношении к действительности, эмоциональная реакция или намерение, которые не были сформированы самостоятельно. Приведем пример из высказывания одного из представителей фламандской националистической и либерально-консервативной политической партии Nieuw-Vlaamse Alliantie (Новый фламандский альянс): *U wilt toch niet dat ons land naar verdommenis gaat? (Вы же не хотите, чтобы наша страна скатилась вниз?).* Задавая этот риторический вопрос, политик отстраняется от ответственности за свое высказывание: всю ответственность он перекладывает на реципиента, который соглашается с ним.

Риторические вопросы, которые подразумевают ответ «да», также активно используются в маркетинге и продажах:

Хотите быть здоровым?

Хотите новую машину?

Volkswagen. Wie anders? (Фольксваген. У кого другой (выбор)?).

4. *Создание определенного эффекта.* Для создания определенного эффекта РВ часто используются в структуре художественного текста. Риторический вопрос усиливает выразительность, оживляет и разнообразит монологическую речь, указывает на эмоциональность речи. Это экспрессивное средство, которое используется с целью повышения силы его воздействия. Посредством РВ автор реализует свой замысел, оказывает воздействие на читателей, пробуждает его рефлексии. Используя РВ, автор увеличивает силу воздействия своей речи.

- *А судьи кто?* (А.С. Грибоедов).

- *И какой же русский не любит быстрой езды?»* (Н.В. Гоголь).

- *А был ли мальчик?»* (Максим Горький).

- *О Волга!.. колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?* (Н.А. Некрасов).

- *Van waar zal ik u lof toezingen? / Откуда буду хвалою восславлять тебя?* (Й. ван ден Вондел).

Употребление риторических вопросов в речевой ситуации сопрягается с трудностями не только для иностранцев, но и для носителей языка. Они, в силу своего скрытого прагматического потенциала, вызывают затруднения для их правильного восприятия. Паулин Слот указывает на то, что для того, чтобы отличить простой вопрос от риторического, мы подсознательно пользуемся определенными языковыми правилами. Она приводит в пример два одинаковых по строению вопроса [Slot 1995:10]:

Ben jij ziek geworden? → Ты заболел?

Ben jij gek geworden? → Ты с ума сошел?

Оба вопроса построены по одинаковой схеме, но первый вопрос автоматически воспринимается как информативный, а второй как риторический. Таким образом, определенные языковые правила позволяют нам выделять разные типы предложений, отличать вопросительное предложение от повествовательного или побудительного. Эти правила отражают наши договоренности о строении предложений в языке, которые в свою очередь дают нам возможность фиксировать определенные синтаксические и стилистические модели. Нужно отметить, что противоречие между формой (вопросительная структура) и содержанием (значение сообщения) имеется не только в риторическом вопросе. Так, например, в нидерландском и в русском языке просьба может быть выражена при помощи декларативных, императивных, вопросительных и других высказываний. В обоих языках с просьбой разрешить совершить действие можно обратиться следующим образом:

Mag ik de menukaart? → Можно меню?

Mag ik de rekening? → Можно счет?

Mag ik nog iets bestellen? → Можно еще что-то заказать?

Слот замечает, что когда говорящий обращается к официанту с такими вопросами, он наверняка не просит у него разрешения. Когда вы просите счет, вы прекрасно знаете, что за обед в ресторане нужно платить. Услышав такие вопросы, официант тоже не удивляется, он знаком с коммуникативной стратегией говорящего, которая определяет выбор языковых средств для успешной вербальной и невербальной коммуникации. Во всех этих предложениях главное место занимает импульс к совершению действия. Говорящий побуждает реципиента совершить какое либо действие [Slot 1995:15-16].

Как в русском, так и в нидерландском языке РВ отличаются своей клишированностью разного уровня:

1. *Что я, рыжий что ли?* → *Waarom krijg ik die eer?* (За что такая честь?)
2. *Куда ты лезешь?* → *Wat heb je daar verloren?* (Что ты там потерял?)
3. *Тебе мало было того раза?* → *Heb je je les niet geleerd?* (Ты не выучил свой урок?)

В приведенных примерах говорящий передает реципиенту следующую информацию:

1. Почему я должен это делать? Чем я отличаюсь от вас?
2. Зачем ты туда идешь? Зачем ты вмешиваешься?
3. Почему ты это делаешь?

Для выражения различных оттенков значения в обоих языках часто используются различные модальные частицы. В нидерландском языке модальные частицы, выражающие отношение к действительности, принято делить на фокусные и оттеночные. Если фокусные частицы подчеркивают какую-то определенную часть предложения, то оттеночные частицы (обладающие эмоционально-модальным оттенком) имеют отношение ко всему высказыванию. Они подразумевают невысказанное.

Да чего же в нем хорошего?

Luister je nog weleens naar jezelf? (Ты сам себя иногда слышишь?)

Фразеологизованные структуры, используемые в РВ, во многих случаях не имеют соответствия в других языках. Вспомним роман *Мастер и Маргарита* Булгакова, где Никанор Иванович произносит фразы: *А за квартиру Пушкин платить будет?*, *Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?*, *Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?*

Было бы ошибкой переносить эти типичные русскому языку фразеологизованные структуры в иностранный, это нарушает языковые нормы. Необходимо пользоваться правильными, уже существующими в данном языке структурами. Так, в нидерландском языке для вышеприведенного примера есть своя фразеологизованная структура: *Wie gaat de afwas doen? De kaboutertjes zeker?* (А посуду кто мыть будет? Неужели гномы?).

Сравним еще несколько примеров: *Ты еще веришь в сказки?* → *Je gelooft nog in Sinterklaas zeker?* (Ты еще веришь в Санта Клауса?); *Рыбы плавают?* → *Vliegen de vogels?* (Птицы летают?).

Для образования РВ используется различный языковой материал: разнообразные синтаксические структуры, лексико-семантические и лексические наполнения.

Приведем несколько примеров:

Ты с ума сошел? У тебя не все дома? → Ben je gek geworden? Ben je een wijs kwijt?

(Ты потерял шуруп?)

Heb je ze niet allemaal op een rij? (У тебя они не все в одном ряду?)

Откуда мне знать? → Hoe kan ik het weten?

Куда он денется? → Welke kant kan hij nog op? (В какую сторону ему еще податься?)

Ну (и) кто так делает? → Wie doet nu zoiets?

А почему бы и нет? → En waarom niet?

На кого ты похож? → Hoe zie je er nu uit?

Как тебе не стыдно? → Ben je niet beschaamd? Schaam je je niet?

Что ты мелешь (несешь)? → Wat voor onzin verkoop je? (Какую чушь ты продаешь?)

Wat ben je nu aan het raaskallen? → Какой вздор ты несешь?

Wat voor onzin kraam je uit? → Какую чепуху ты порешь?

РВ часто предполагают и определенные социальные роли участников диалога. Используя РВ в другом языке, говорящий должен сознательно подходить к этим социальным параметрам, так как они могут стать причиной иллюкутивного сбоя. Некоторые РВ требуют равных социальных ролей, например:

Ты с ума сошел? У тебя не все дома? → Ben je gek geworden? Ben je een wijs kwijt?

Как тебе не стыдно? → Ben je niet beschaamd? Schaam je je niet?

Что ты мелешь (несешь)? → Wat voor onzin verkoop je?

Такие РВ как, например, *На кого ты похож?* предполагают неравенство социальных ролей. Здесь говорящий считает, что он имеет право делать замечания по поводу внешнего вида реципиента, к тому же в РВ содержится и побуждение сделать что-то, чтобы улучшить свой внешний вид.

Наше языковое поведение в значительной мере обусловлено национальной языковой конвенцией. Языковое восприятие зависит от индивидуальной и от национальной картины мира, которые включают в себя нашу речь, ее правильность и релевантность. В системе вопросительного предложения особое место занимают риторические вопросы. РВ дают говорящему возможность делать имплицитные и завуалированные высказывания более эффективным, они экспрессивным образом вызывают у реципиента определенную реакцию, побуждают его к определенным действиям.

Таким образом, РВ может выполнять различные функции: манипулятивную, эмотивную, экспрессивную, усилительную, побудительную. Риторические вопросы можно

отнести к техническим средствам убеждения. Эффективность риторического вопроса состоит в том, что он «ненавязчиво навязывает» нужную идею.

Практически все риторические вопросы эмоционально окрашены, поэтому для успешной коммуникации необходимо учитывать специфику языковых единиц каждого изучаемого языка, различные вербальные и невербальные средства общения, принятые у конкретного народа.

Литература

- Ахманова О.С. 1966 – *Словарь лингвистических терминов*. Москва.
Гальперин И.А. 1958 – *Очерки по стилистике английского языка*. Москва.
Караулов Ю.Н. 1997 – *Русский язык: энциклопедия*. Москва.
Розенталь Д. Э. 1979 – *А как лучше сказать?* Москва.
Стернин. И.А. 1955 – *Практическая риторика*. Воронеж.
Slot Paulin. 1995 – *Vroeg ik jou wat? Retorische vragen in alledaags taalgebruik*. Amsterdam/Antwerpen.

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Г. БЕЛЬГЕРА

К.Р. Нургали

*Евразийский Национальный университет, Казахстан
nurgalik1@mail.ru*

Данная статья посвящена обзору творчества известного казахстанского переводчика, прозаика, публициста, литературоведа – Герольда Карловича Бельгера. В поле зрения автора переводческий опыт Г. Бельгера, который лег в основу литературно-критических статей, исследований, эссе о проблемах художественного перевода – «Ода переводу». В статье производится попытка анализа данной книги, а также отдельных стихотворных переводов Г. Бельгера.

Ключевые слова: Г. Бельгер, перевод, казахская литература, «Ода переводу»

Известный переводчик-практик и теоретик проблем художественного перевода Г. Бельгер постоянно обращался в процессе своего творчества к проблемам художественного перевода. Этим сложнейшим проблемам и актуальным вопросам посвящены его книги «Ода переводу», «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова», «Лики слова», «Созвучие», многие статьи и этюды.

Интерес к художественному переводу появился в студенческие годы и окреп в годы учебы в аспирантуре в КазПИ им.Абая. Именно благодаря трехязычию Г. Бельгеру удалось «уловить удивительное созвучие лермонтовского перевода стихов Гете «Ночная песнь странника» и абаевских стихов «Темной ночью дремлют горы», – считает член-корреспондент НАН РК, директор Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова У. Калижанов. – И с той поры он стал горячим поклонником творчества Абая, и по его признанию, он знает наизусть половину произведений Абая, что помогло ему глубоко впитать дух и язык казахского народа и обогатить свой словарный запас. Соответственно перу Бельгера принадлежат прекрасные переводы произведений казахских писателей. Благодаря его литературному мастерству русские читатели прониклись интересом к переведенным им произведениям А. Нурпеисова, Г. Мусрепова, Г. Мустафина. А в своем личном творчестве он сохранил чувство братской семьи народов, их духовной близости и общности исторической судьбы» [Калижанов 2014:23-24].

Г. Бельгер пришел в литературу, когда она была очень востребована. Он любил вспоминать, что писателей тогда уважали, ценили, даже боготворили, их читали, ими восхищались, о них повсюду говорили. Главным образом с пиететом. Видеть живых

Ауэзова, Муканова, Мусрепова, Мустафина, Жарокова, Аманжолова, Ергалиева, Сарсенбаева было счастьем. Союз писателей был островком свободы, вольнодумства, нестандартного поведения, неординарного поступка, источником новостей и невероятных слухов. «Я застал эту ауру, впервые придя в Союз писателей Казахстана в октябре 1963 года».

Г. Бельгер оставил свои воспоминания о работе над переводами повестей Т. Нурмаганбетова, романов А. Нурпеисова, прозы Б. Майлина и многих мастеров казахской литературы на русский язык. Он был уверен, что переводить надо постоянно и много: «Переводческая муза скромна, тиха, даже стеснительна, но и она, как всякая муза, – своенравна, властна. Она отдает свою благосклонность лишь терпеливым и мужественным... Чуть перефразируя С. Моэма, я бы сказал: если не будешь переводить много – не будешь переводить хорошо. Моэм употребил другой глагол – писать. В данном случае они – синонимы» [Бельгер 2005:8].

Художественный перевод был для Г. Бельгера искусством и творчеством. Он был требователен не только к себе, не прощал небрежностей и неточностей. Считал, что без писательского дара переводчику не обойтись. Из его отдельных замет на полях перевода «Пути Абая» М.О. Ауэзова на русский язык родилась отдельная книга. Без его помощи и консультаций не было бы и Абая на немецком языке в переводе Л. Кошута.

«Ода переводу» открывает книгу Г. Бельгера с одноименным названием. По сути, это издание под одной обложкой наиболее значимых его трудов по проблемам художественного перевода. Он не был сторонником дословного и пословного перевода. Перевод художественный он считал мужеством. И приводил в книге убедительные примеры того, что большие переводчики, как правило, редкие труженики.

Г. Бельгер со знанием дела, глубоко и профессионально рассуждает об особенностях профессии переводчика, корни мужества которого видит «в бескорыстии, в душевной щедрости и совестливости, в сознании того, что хотя имя его, как правило, пишется петитом, мелким шрифтом под последней строкой, а случается, и вовсе не пишется, он все же занимается отнюдь не мелочным делом, ибо без него нет духовной связи, духовного контакта народов – главного двигателя всечеловеческого прогресса» [Бельгер 2005:5].

Умение подняться над проблемой, увидеть ее шире, вывести на новый уровень обобщения – характерная черта Г. Бельгера. Его любимое выражение: «Поэзия переводится поэзией». Переводить надо не слова, не фразы, «а поэзию – поэзией, боль – болью, любовь – любовью, бережно сохраняя едва уловимую искру иноязычной души». Найти нужное слово при переводе, адекватное, слово-образ – «мука, ибо слово часто имеет свойство быть многозначным, многокрасочным».

В «Оде переводу» Г. Бельгером настолько удачно подобраны примеры, что все подтверждает его мысль о переводе как искусстве. Б. Пастернак перевел «Фауста» Гете следующим образом:

*«Вначале было Слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?*

Но завершает перевод отрывок сомнением:

*Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«Вначале было Дело» – стих гласит.*

Г. Бельгер убежден, что сцена бережно передана на русском языке переводчиком, но считает необходимым обратить внимание читателя на то, что «немецкие Sinn, Kraft, Tat тоже несколько шире и многозначней, чем русские *мысль, сила и дело*. Так, например, означает и *поступок*, и *дело*, и *действие*, и *подвиг*, и *свершение*» [Бельгер 2005:6].

Это указано в Примечаниях.

Профессия переводчика не может быть хобби, потому что он постоянно в поиске слов, выражений. Переводчик переключается с языка на язык и даже сны видит на разных языках. Это муки слова, муки выбора, мера ответственности.

Подлинных мастеров художественного перевода приводит в пример Г. Бельгер, подтверждая свои рассуждения. Это профессор Н.А. Холодковский, сорок лет работавший над переводом «Фауста» Гете, и автор двухтомного комментария к трагедии. Семь вариантов перевода «Фауста» Гете создал А. Струговщиков. Жужа Раб перевела с русского языка на венгерский сто восемьдесят томов прозы и двенадцать томов поэзии. Супруги из ГДР Гюнтер и Трауте Штейн перевели на немецкий язык около пятидесяти романов и книг для детей и юношества советских писателей.

Жанр оды предполагает как ее обязательный элемент – воспевание подвигов, восхваление, восхищение. Г. Бельгер восхищается мужеством переводчиков разных стран мира. Лили Дени, по ее собственным словам, за двенадцать лет выпустила тридцать девять книг в переводе с русского языка, не оставляя своей критической деятельности, регулярно издавая статьи о театре и для театра. Пятьдесят лет жизни посвятила переводу прозы Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.М. Горького на шведский язык Аста Викман. Пять томов В.В. Маяковского, поэмы А. Твардовского, поэзию А. Суркова, А. Вознесенского, «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели перевел австрийский писатель Гуго Гупперт. Не оставляя своего оригинального творчества, издавая свои книги.

Но «Ода переводу» важна для казахской литературы, написана она трехязычным писателем и переводчиком, который хорошо знал казахских литераторов. Воспоминания Г. Бельгера о том, как бережно относились к слову корифеи казахской литературы,

бесценны. «Не потому ли так ликовал степенный, сдержанный Г. Мусрепов, найдя после многолетних тщетных поисков точный эквивалент заурядному слову «канитель»? Не потому ли уже столько лет мучается А. Нурпеисов, надеясь подобрать казахский аналог к слову «предрассудок»? Не потому ли на моей памяти ходил несколько дней потерянный С. Мауленов, подыскивая в родном языке адекватное понятие к слову «упоеание»? Не потому ли вдумчивый и опытный киргизский переводчик К. Саякбаев, с которым мы в разные годы оказывались вместе в Ялте и Ереване, жадно записывал от меня казахские слова, созвучные киргизским, но наделенные иными оттенками?» [Бельгер 2005:6].

Важно, по мнению Г. Бельгера, оценивать труд переводчика, проводить серьезный анализ. «Судить о переводе лишь потому, как он звучит (гладко – негладко, грамотно – неграмотно, привычно – непривычно) на данном языке – глубоко неверно. Что в таких случаях можно сказать? ... Когда меня спрашивают: «Как перевод?», я отвечаю: «Давай заглянем в оригинал» [Бельгер 2005:10]. И кто, как не сам переводчик, лучше скажет о своем труде?! В подтверждение своих слов Г. Бельгер приводит высказывание издателя и переводчика Карла Дедедиуса (ФРГ): «На самом деле, как и всякая другая, переводческая работа состоит на 90 процентов из систематического упорного труда. По сути дела, мы – чернорабочие печатного слова» [Бельгер 2005:8].

Книга «Ода переводу» начинается одноименным эссе и завершается очерком «На пути к немецкому Абаю». Структуру и композицию своих книг автор всегда продумывал сам. Чаще всего, сам их и составлял.

Значительный объем в книге «Ода переводу» отдан «Этюдам о переводах Ильяса Джансугурова». «Этюды...» выходили отдельным изданием в 2001 году, как и «Лики слова», изданные в 1996 году. Но в издание 2005 года автор включает их снова, потому что «Ода переводу» скомпонована из переводческих работ, статей, эссе и исследований по проблемам художественного перевода.

«Этюды о переводах Ильяса Джансугурова» включают несколько глав: «Евгений Онегин» в переводе Ильяса Джансугурова; Лирика Пушкина в переводе Ильяса Джансугурова; «Поговорим о странностях любви...» («Гавриилиада» в переводе Ильяса Джансугурова); Лермонтов в переводе Ильяса Джансугурова; «Железная дорога» Некрасова в переводе Ильяса Джансугурова; Генрих Гейне в переводе Ильяса Джансугурова; «Песня о Буревестнике» М. Горького в переводе Ильяса Джансугурова. В главах раскрыто мастерство И. Джансугурова – переводчика, широта его кругозора, эрудиция, умение работать с поэтическим классическим текстом.

Свое переводческое кредо И. Джансугуров изложил в послесловии «От переводчика»: «Совершенно непозволительно передать этот роман свободно и своевольно. Он требует от

переводчика быть максимально приближенным к оригиналу... Мы придерживались одной цели – следовать на сколько это возможно пушкинскому образцу, бережно сохранить, сберечь художественные манеры, образность, поэтические дух и узоры русского поэта...

Работая над переводом «Евгения Онегина», придерживаясь вышеназванного принципа, мы стремились сохранить не только образы, идею, дух Пушкина, реалии истории, быта, жизни, но и воссоздать стихотворный размер, строфу, ритм и рифмовку оригинала. Рисунок поэтической пушкинской речи, форму поэтических строк, художественное своеобразие мы старались, где это можно, приблизить к природе и достоинствам казахского языка. ... Если учитывать силлабическую форму казахского стихосложения и тоническую природу русского стиха, то размер, избранный нами для перевода «Евгения Онегина», наиболее близко стоит к четырехстопному ямбу, которым он написан» [Бельгер 2005:256].

И. Джансугуров пишет о том, что перевод романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» выполнен в некоторой спешке, что объяснимо приближением столетия со дня гибели А.С. Пушкина: «Нам нужно было непременно отметить юбилей поэта изданием его «Евгения Онегина» на казахском языке. Поэтому в спешном издании могут быть досадные огрехи и упущения. Перевод нуждается в частом пересмотре, исправлении, улучшении. Этим переводчик обязан заниматься постоянно».

Г. Бельгер, тщательно анализируя перевод «Евгения Онегина», выполненный И. Джансугуровым, выявляет следующую закономерность: «Переводчик, как правило, прибегает к методу «*idem per idem*», т.е. к «то через то». Иначе, не мудрствуя лукаво, пользуется русской лексикой в казахском тексте, зачастую в искаженном, переименованном на казахский фонетический лад виде. И нередко даже там, где в том нужды нет, где явно существует казахский адекват». Иностранные слова и фразы поэт тоже включил в казахский текст и «по возможности или по наитию приблизительно зарифмовал их с казахскими словами».

Перевод «Евгения Онегина» И. Джансугурова «являет собой новую форму перевода, достигнутого в результате целенаправленных поисков, огромного труда, стремления по возможности точно воспроизводить размер, ритм, рифмовку строф оригинала, желания посылно приблизиться к тоническому стихосложению в качестве творческого эксперимента» [Бельгер 2005:275].

Интересный вывод делает Г. Бельгер: «При переводе «Гавриилиады» он чувствовал себя свободней, раскованней и именно потому эта поэма Пушкина прозвучала по-казахски значительно поэтичней и убедительней». Стараясь же максимально точно воспроизвести рисунок и форму «онегинской» строфы, И. Джансугуров словно приглушал свою звучную

лиру (или домбру): «... Он вскормлен, вспоен казахским вековым фольклором, насыщен дастанным духом, поэтикой номадов, и находить рифму в сингармонической стихии казахского стихосложения ему не представляло никакого труда. Он мыслил стихами, рифмы водопадом исторгались из него...» [Бельгер 2005:381]. Нередко Г. Бельгер анализирует несколько вариантов художественного перевода. Так, в статье «Постижение Махамбета» он сравнивает перевод одного стихотворения Махамбета «Ау, қызғыш құс, қызғыш құс!» первой переводчицей поэзии Махамбета А. Никольской «Ау, пигалица-птица, пигалица-птица!», А. Устинова «Ах, пичуга, ты, пичуга...», К. Едиля «Чибис милый, чибис мой...», А. Кодара «Эх, птица-чибис, страж озер...» и Б. Карашина «Эх ты, чибис, одинокий...».

В переводе А. Никольской есть «намек на тональность, словесная фактура близка к оригиналу» [Бельгер 2005:378]. А. Устинов включает в перевод слова, которых нет в казахском оригинале, они «напрочь разрушают, размывают казахскую поэтику, казахский образный мир». Неверно передан ритм, он чужд импульсивному речестрою Махамбета. В переводе К. Едиля «ритмомелодика значительно приблизилась к оригиналу, ... много лексического соответствия» [Бельгер 2005:379]. Перевод вполне приемлем.

По поводу перевода, сделанного А. Кодаром, Г. Бельгер пишет следующее: «Вчитывайтесь в оригинал, сравнивайте, сопоставляйте, и вы обнаружите немало достоинств перевода, вполне оправданные трансформации образного строя, адекватные обороты, лексические соответствия. И этот перевод имеет право на существование» [Бельгер 2005:380]. Главный критерий качества перевода – сравнение его с оригиналом.

В переводе Б. Карашина «лексических отклонений, очевидно, немало, но «дыхание» оригинала явственно ощущается, да и весь образный строй, печаль и тоска одинокого поэта-мятежника, облаченные в свойственные ему динамизм и экспрессию, вполне вписываются в общий контекст махамбетовской поэзии» [Бельгер 2005:380]. Г. Бельгер находит удачный образ поэзии Махамбета: стихо – стрелы, рожденные в бою, стихи – призывы, стихи – воинский клич, стихи – гимны. В переводе Б. Карашина переданы «напор, экспрессия, динамизм, ярость, неукротимость, буйство мятежного поэта-бунтаря» [Бельгер 2005:381].

Проблемы художественного перевода оставались в центре разносторонних интересов Г. Бельгера. Теорию и практику художественного перевода писатель, переводчик, публицист осваивал всю свою жизнь.

Литература

Бельгер Г. 2005 – Ода переводу. *Бельгер Г. Ода переводу Литературно-критические статьи, исследования, эссе о проблемах художественного перевода.* Алматы: Дайк-Пресс. С.3-12.

- Бельгер Г. 2005 – Этюды о переводах Ильяса Джансугурова. *Бельгер Г. Ода переводу Литературно-критические статьи, исследования, эссе о проблемах художественного перевода.* Алматы: Дайк-Пресс. С. 236-368.
- Бельгер Г. 2005 – Постижение Махамбета. *Бельгер Г. Ода переводу Литературно-критические статьи, исследования, эссе о проблемах художественного перевода.* Алматы: Дайк-Пресс. С. 337-381.
- Калижанов У. 2014 – Немецкая рассудительность и степная страстность. *Великий немец Великой степи.* Алматы: ИД «Библиотека Олжаса». С.22-28.

БОРЬБА ЗА КОРОНУ ГЕРЦОГА КУРЛЯНДИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИЗОБРАЖЕНИИ Е.П. КАРНОВИЧА

В.И. Оцхели

*Государственный университет Акакия Церетели, Грузия
vera.ozheli@yandex.ru*

В предлагаемой работе освещаются события, связанные с борьбой Польши, России и Саксонии за корону герцога Курляндии, нашедшие отражение в романах Е.П. Карновича «Придворное кружево», «Любовь и корона», очерке «Мориц, граф Саксонский». Показан взлет и падение, претендовавших на корону сильных и влиятельных для того времени политических и военных деятелей – сподвижника императора Петра I светлейшего князя *Александра Меншикова*, регента Российской империи графа *Эрнста Иоганна Бирона*, главного маршала Франции побочного сына польского короля Августа II графа *Морица Саксонского*. В свете обозначенной темы делается попытка раскрыть одну из заветных мыслей Е.П. Карновича, которая красной нитью проходит через его художественное творчество – «женщина делает историю».

Ключевые слова: герцогство Курляндское, борьба, власть, взлет, падение

Одним из тех, кто вслед за Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым, Н.И. Костомаровым, К.Н. Бестужевым-Рюминым стоял у истоков исторического просвещения в России, был Евгений Петрович Карнович (1823-1885), русский писатель, историк, публицист, имя которого сегодня, к сожалению, незаслуженно забыто. Сын богатого помещика, происходившего из малороссийского дворянства, Карнович получил хорошее домашнее образование, окончил Петербургский педагогический институт по отделению классической филологии, и в течение нескольких лет преподавал греческий язык сначала в Тульской, а потом в Калужской гимназии. С 1849 по 1859 год он работал правителем в канцелярии попечителя Виленского учебного округа, после чего вышел в отставку, поселился в Санкт-Петербурге и посвятил себя литературной деятельности. С этого времени в разных газетах и журналах стали появляться его статьи и очерки, главным образом, исторического содержания. В своих исторических трудах Карнович показал обширную начитанность и способность здравого осмысления реальных фактов, которые черпал как из отечественных, так и зарубежных источников. В поисках редких изданий он много путешествовал по Европе, искал и находил доступ к семейным архивам, секретным материалам. Его влек XVIII век – один из самых загадочных в Российской истории, век сильных страстей, незаурядных личностей, дворцовых переворотов, интриг, внезапных возвышений и трагических падений. Галантный и пленительный XVIII век в центре многих

художественных произведений Карновича. Евгений Петрович, прежде всего, исторический романист. Беллетристика автора «Очерков и рассказов из старинного быта Польши» представляет собой смешение жанров исторического исследования и интересного художественного повествования, которая не только увлекает, но и обогащает исторические познания читателя.

Русская критика уделяла Карновичу мало внимания, в то время как его романы, сюжеты которых основаны на исторических фактах, секретных документах, дневниковых записях частных лиц, являются художественной иллюстрацией многих важных эпизодов мировой истории и отдельных моментов частной жизни членов царской семьи рода Романовых. В центре внимания автора всегда высокая политика: тайны политической борьбы за власть, столкновение придворных партий, взлеты и падения известных государственных деятелей. Так, влиянию иезуитского ордена на внешнюю и внутреннюю политику России в период царствования императора Павла Петровича посвящен роман «Мальтийские рыцари в России»(1878); история трагической судьбы царевны Софьи Алексеевны, одной из загадочных фигур истории Древней Руси в центре романа «На высоте и на доле: царевна Софья Алексеевна» (1879); печальная судьба молодой девушки, которую считали дочерью императрицы Елизаветы Петровны, изображена в романе «Самозванные дети» (1880); столкновение европейских интересов, «русской» и «немецкой» партий, кровавый исход которой омрачил царствование императрицы Елизаветы, в романе «Пагуба» (1887) и др.

Карнович был первым русским, скорее всего и первым европейским, писателем, кто обратился к художественному изображению событий, связанных с борьбой за герцогство Курляндское, которое на протяжении столетий притягивало интересы многих европейских государств.

История Курляндии (герцогство, существовавшее в западной части современной Латвии) до 1562 года тесно связана с историей Ливонского ордена, созданного в 1237 году на территории Лифляндии и Курляндии в результате слияния Тевтонского ордена и остатков ордена Меченосцев. В ходе Ливонской войны (1558-1583) Ливонская конфедерация была ликвидирована и орден в 1561 году распался. Однако магистр ордена Готхард Кеттлер, предвидя трагические события, в 1559 году признал протекторат польского короля Сигизмунда II Августа, благодаря чему после распада ордена ему удалось удержать за собой Курляндию. Он первым принял титул герцога Курляндии, основав, таким образом, династию рода Кеттлер. С началом Великой Северной войны (1700-1721) между Шведской империей и коалицией североевропейских государств (Дания, Норвегия, Саксония, Россия) за обладание прибалтийскими землями, Курляндия стала театром военных действий, переходя из рук

шведов в руки русских. Но после поражения в Полтавском сражении (1709) Швеция была вынуждена окончательно оставить Курляндию.

Желая усилить влияние России на Курляндию, император Петр I выдал в 1710 году свою племянницу Анну (дочь Ивана V Алексеевича) за герцога Курляндии Фридриха Вильгельма Кеттлера. Но в январе 1711 года, возвращаясь после свадебных торжеств из Петербурга в Митаву (столица Курляндии), герцог Фридрих Вильгельм неожиданно скончался. Герцогиня Анна по требованию Петра I поселилась в Митаве и формально, как регент, управляла Курляндией, хотя фактически делами герцогства правил русский посланник граф Петр Михайлович Бестужев (1664-1743). Последний представитель рода Кеттлер Фердинанд, дядя Фридриха, какое-то время, благодаря поддержке Польши, удерживал за собой корону герцога Курляндии, но так как он безвыездно жил в Данциге, ландтаг Курляндии в 1717 году отказался считать его герцогом. С этого времени начинается новый этап борьбы за владение короной герцога Курляндии.

Уже в 1717 году Петр I при посредничестве графа Бестужева усердно старался доставить герцогство Курляндское Саксен-Вейсенфельскому герцогу Иоанну, а в 1718 - бранденбургскому маркграфу Фридриху Вильгельму, сватая за них герцогиню Анну, правда, безрезультатно.

С российской стороны одним из активных претендентов на владение короной герцога Курляндии в первой четверти XVIII века был Александр Данилович Меншиков (1673-1729), личность широко известная в истории России конца XVII – начала XVIII века. Убежденный сторонник реформ, враг приверженцев старины, безгранично преданный царю, он был доверенным лицом Петра, который во многих вопросах полностью доверял интуиции и расчетливому уму своего сподвижника. Его быстрые и решительные действия соответствовали кипучей энергии Петра. Меншиков всегда и во всем проявлял себя талантливым, энергичным, инициативным, смелым, но алчным и честолюбивым человеком.

Петр не скупился на награды для своего любимца. После взятия Нарвы ему был пожалован чин генерал-поручика, затем чин генерала от кавалерии, а после Полтавского сражения – высший воинский чин – генерал-фельдмаршала. Награды, получаемые Меншиковым от Петра, были не только военными. После основания Петербурга он был назначен первым губернатором будущей столицы, в 1702 году ему был пожалован титул графа Римской империи, затем его возвели в княжеское достоинство Римской империи и княжеское Русского царства достоинство с именем герцога «Ижорской земли» и титулом «светлости». Можно с уверенностью говорить о том, что в первой четверти XVIII века Меншиков был самым влиятельным и состоятельным вельможей России. Именно о нем в

поэме «Полтава» А.С. Пушкин сказал: «[...]счастья баловень безродный, полудержавный властелин» [Пушкин 1936:77].

В последние годы царствования, Петр I размышлял над вопросом о назначении Меншикова герцогом Курляндии, но тяжелая, изнурительная болезнь, мучительные страдания из-за предательства жены, изменившей ему с камергером Виллимом Монсом и последовавшая вскоре смерть, помешали российскому императору осуществить этот план.

После смерти Петра I (1725), опираясь на гвардию, Меншиков способствовал восшествию на престол императрицы Екатерины Алексеевны (в девичестве Марта Скавронская), царствовавшей под именем Екатерины I. *Правление Екатерины I было недолгим, уже в мае 1727 года она скончалась. При активном участии Меншикова престол перешел 11-летнему внуку Петра I, сыну казненного царевича Алексея Петровича, Петру Алексеевичу (1715-1730), вошедшему в историю под именем Петра II. До совершеннолетия императора делами государства должен был управлять Верховный тайный совет, неофициальным правителем которого был Меншиков.*

Последний год царствования императрицы Екатерины I и первый год правления императора Петра II, стал для бывшего фаворита Петра I судьбоносным. С одной стороны, он поднялся к самым вершинам могущества и власти, с другой, неожиданно и стремительно пал. Этот короткий временной отрезок, насыщенный важными историческими событиями, лежит в основе романа Е.П. Карновича «Придворное кружево».

1726 год, с которого начинается действие романа, шел в России под знаком борьбы за престолонаследие. В 1722 году Петр I отменил старый закон, по которому власть переходила от отца к старшему сыну, и издал указ, согласно которому царствующая особа могла по собственному усмотрению назначать преемника престола. Естественно, что императорский двор был занят не только обсуждением, но и активным вмешательством в решение вопроса о наследнике. Название романа выбрано Карновичем не случайно, оно соответствует атмосфере, которая царилла при дворе императрицы Екатерины I, где каждый, касаясь этого вопроса и исходя из собственных интересов, плел политические интриги, названные писателем кружевами. Представленные в романе события, изображены с соблюдением свойственной писателю исторической точности. Комментируя исторические романы Карновича, Н.И. Цимбаев отмечает, - «[...]он стремился быть верным истории, не доверял интуиции и пренебрегал художественным вымыслом. В его произведениях нет обличения – его уникальность в достоверности сообщаемых фактов, умелой композиции, стилистическом мастерстве, что выделяло его (и продолжает выделять) среди исторических романистов. Разумеется, - продолжает Цимбаев, - подобная манера письма ставит перед автором дополнительные сложности[...] Писатель сознательно выбрал такой путь и ни в одном из

романов не сошел с него» [Цимбаев 1994:416]. Можно добавить, что Карнович не только строго придерживался документальных данных, но проверял ходячие исторические мнения с тем, чтобы не допустить при их опубликовании вымысла и прикрас.

Практически все сюжетные линии в романе «Придворное кружево» ведут к образу Меншикова. С одной стороны, он строит грандиозные планы, мечтая любым способом породниться с царствующей фамилией, с другой, форсирует действия за овладение короной герцога Курляндии.

Для получения короны герцога Меншикову была необходима поддержка польского сейма. Для этого он использует свои отношения с известным польским магнатом графом Яном Петром Сапегой, представителем знатной, богатой и влиятельной в Польше фамилии, которая в течение многих лет играла важную роль во взаимоотношениях между Московским государством и Великим княжеством Литовским. Еще при жизни Петра I, *желая сблизиться с царским любимцем, Сапега прислал в Петербург старосту Грудзинского с письменным предложением соединить своего сына графа Петра со старшей дочерью Меншикова Марией*. Меншиков, надеясь на помощь Сапеги в польском сейме, принял предложение благосклонно, хотя торжественный обряд сговора долгое время откладывал, так как строил далеко идущие планы относительно обручения своей дочери с великим князем Петром Алексеевичем.

Заветной мыслью Карновича, которую он проводит во всех своих романах, была мысль о том, что «женщина делает историю», что политика редко обходится без женщин. Уже его первый роман «Мальтийские рыцари в России», как бы передавая эстафету другим его произведениям, заканчивается словами: «Главным двигателем дел в России были несколько слов, случайно сказанных очаровательною женщиною влюбленному в нее до безумия мужчине» [Карнович 2006:496]. В романе «Придворное кружево», развивая эту мысль, писатель отмечает: «Всюду в летописях придворной жизни, в какой бы то ни было стране – в летописях этого мира страстей, исканий, наговоров и подкопов – замечается влияние женщин» [Карнович 1994: глава XXX]. Эта мысль является лейтмотивом в разговоре Сапеги и Меншикова при обсуждении ими политических дел. Желая угодить будущему свату, Ян Сапега, подключил свои связи в Польше для усиления позиции Меншикова: «За твое дело взялись не только паны, – говорит он ему, – но и панны, они ловко все сумеют обделать [...] у нас женщины работают куда как ловко. В любовницы к старикам бескорыстно идут для того только, чтобы влияние на политические дела иметь [...]. Вкрадутся они в душу, уговорят и сам не почувствуешь, как поддашься красоте». Меншиков вторит своему собеседнику: «Бабе царство и у нас началось, - так теперь каждая бабенка от важных дел отстать не хочет [...] кто теперь из баб не суется в вопрос о престолонаследии [...] и каждая хочет решить по-своему [...]» [Карнович 1994: глава IX].

Параллельно эпизодам, посвященным Меншикову, Карнович рисует сцены, в которых представляет другого претендента на корону герцога Курляндии - графа Морица Саксонского, и, сталкивая их, показывает действия каждого, направленные на достижение поставленной цели.

Граф Мориц Саксонский (1696-1750) был внебрачным сыном курфюрста Саксонии Фридриха Августа II Сильного от шведской графини Авроры фон Кёнигсмарк, которого, став польским королем, в 1711 году он признал сыном и присвоил ему титул графа Саксонского. Красавец, с парижскими манерами, воспитанный при дрезденском дворе, который в то время соперничал с Версалем в отношении лоска и блеска, остроумный собеседник, тонкий дипломат, любимец женщин и страстный их поклонник, Мориц был завсегдатаем парижских салонов и участником многочисленных скандальных историй. Вместе с тем, это был необычайно храбрый офицер. Он служил в трех армиях – саксонской, австрийской, польской, приобрел громкую воинскую славу, а позднее, уже на службе во французской армии, заслужил чин маршала Франции, а в 1747 – главного маршала Франции. Директор Дрезденского королевского архива в 1863 году опубликовал книгу, посвященную жизнеописанию Морица. В художественной литературе образ Морица представлен в диалогии «Кровь Кенигсмарков» французской писательницы Жюльетты Бенцони, известной драме Эжена Скриба «Адриенна Лекуврер», посвященной истории его любви с прекрасной трагической актрисой Адриенной Лекуврер примадонной Комеди Франсез и ее таинственной смерти, а также в одноименной опере Ф.Чилса.

В 1726 году Мориц решил получить корону герцога Курляндии, женившись на вдовствующей герцогине Анне Иоанновне, страстно в него влюбленной. В Морица заочно была влюблена и младшая дочь императрицы Екатерины, Елизавета Петровна, слышавшая в то время, в отличие от герцогини Анны, красавицей. Об этом со свойственной ему увлеченностью повествует Карнович в романе «Придворное кружево» и очерке «Мориц, граф Саксонский», вошедший в сборник писателя «Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий».

Борясь за корону герцога, Мориц, заручившись поддержкой курляндцев, приехал к отцу просить его о помощи. Король Август любил своего сына, который во многом походил на него, но его политические интересы не позволяли ему открыто вмешиваться в это щекотливое дело. Поэтому Август, хотя и хотел видеть Морица герцогом Курляндии, но предупредил, что в случае осложнения ситуации не сможет его защитить. «В то время двуличность, – пишет Карнович, – считалась одним из основных и притом несколько не бесстыдных способов действий по политическим вопросам» [Карнович 1994: глава X]. Узнав, что курляндские дворяне готовы избрать Морица герцогом, а герцогиня Анна – стать его

женой: «Король-курфюрст хотя внутренне и порадовался таким успехам своего возлюбленного сына, но политические соображения не только не позволяли ему высказывать этой радости, но даже напротив, он пытался выразить Морицу свое отечески-королевское неудовольствие» [Карнович 1994: глава X].

18 июня 1726 года на сейме в Митаве, Морица единогласно избрали герцогом. Но именно тогда, когда Мориц праздновал победу, а герцогиня Анна уже видела его своим супругом, начались осложнения, ставшие причиной краха, так удачно начавшегося предприятия.

Категорически против Морица выступила Польша, под верховной властью которой с середины XVI века находилась Курляндия. Польша стремилась прекратить полу-самостоятельное политическое существование Курляндии, присоединить ее земли к коренным польским областям, разделить их на воеводства, с тем, чтобы польские сановники заняли там высокие должности. Любое притязание на корону герцога Курляндии вызывало, таким образом, в Польше протест. Именно поэтому Польша не дала своего согласия на брак Морица с вдовствующей герцогиней.

Узнав об избрании Морица, Меншиков тут же отправился в Митаву. То, что произошло в Митаве при «наезде» Меншикова, описано не только в романе Карновича, но во многих исторических материалах. Меншиков требовал повторного созыва сейма, угрожал расправой палками, пугал Сибирью, позволил даже покушение на Морица. Только указ императрицы, узнавшей обо всем, остановил его.

Мориц отстаивал свои права. На рыцарском собрании в Митаве его поддержали не только воодушевленные его речами мужчины, но и очарованные им женщины. «[...] Немки были в восхищении от Морица, – пишет Карнович, – и со своей стороны, как умели, возбуждали в его пользу чувства преданности и отваги в своих мужьях, отцах, братьях и в тех молодых людях, которые были равнодушны – один к Луизе, другой к Марте, третий к Мине [...]» [Карнович 1994: глава XIII]. На стороне Морица были и такие влиятельные особы, как маршалкова Белинская, гетманша Потенина, жена герцога Голштинского, то есть все, кто был способен повлиять на развитие событий: «Политика редко обходится без любви, - уверенно говорит Карнович, - то есть без влияния женщин на мужчин и обратно. Такою совокупностью [...] отличалась в особенности наша история XVIII века, когда почти в течение двух его третей не только правили государством женщины, но когда женщины тайно имели гораздо более влияния на государственные дела, чем это обыкновенно выставляют в истории, довольствующейся только главными внешними явлениями» [Карнович 1994: глава XIV].

Кандидатура Меншикова категорически отвергалась курляндцами, они даже выдвинули условие – либо Мориц будет герцогом, либо они перейдут под юрисдикцию России. Императрица Екатерина, несмотря на свои доверительные отношения с Меншиковым, тоже была против его кандидатуры, так как не хотела осложнять и так непростые отношения с Польшей, которые в то время считались важным фактором внешней политики России. Следуя интересам политического курса своей страны, в которые не входило усиление Саксонского дома в Речи Посполитой, императрица, несмотря на слезные просьбы вдовствующей герцогини, не поддержала Морица. А когда Анна Иоанновна узнала о приключениях своего возлюбленного с ее фрейлинами, Мориц вынужден был уехать во Францию, хотя его намерения относительно короны герцога Курляндии не исчезли, а повторились уже в период царствования Елизаветы Петровны, но тоже безрезультатно.

В романе Карнович представляет еще одного претендента на корону герцога Курляндии. Это граф Яков Генрих фон Флемминг (1667-1728), генерал-фельдмаршал, саксонский кабинет-министр и любимец Августа II. Флемминг был в разводе со своей женой Изабеллой Чарторыжской и вполне мог рассчитывать на благосклонность герцогини Анны, брак с которой принес бы ему корону герцога. Однако активных действий в этом направлении, он, в отличие от Морица, предпринять не успел, хотя, как отмечает Карнович, был явно недоволен намерениями Морица и возможностью видеть его своим соперником.

В апреле 1727 года императрица Екатерина слегла. С этого момента события стали развиваться с необыкновенной быстротой. В ожидании трагического исхода, Меншиков подделывает завещание, в котором императрица, назначая своим преемником великого князя Петра Алексеевича, завещает женить его на дочери князя Меншикова, Марии. 6 мая императрица Екатерина скончалась, а в конце мая состоялось обручение Марии Меншиковой с императором Петром II.

Со свойственной ему горячностью и несдержанностью, Меншиков повел *борьбу со всеми, кого считал опасным в осуществлении своего честолюбивого плана – сделать Марию русской царицей. Анна Петровна, старшая дочь императрицы Екатерины, вынуждена была с мужем герцогом Голицинским покинуть пределы России, Анне Иоановне, вдовствующей герцогине Курляндской запрещено было выезжать из Митавы, Елизавету Петровну Меншиков думал либо выдать замуж за своего сына Петра, либо сослать. Но учесть всего Меншиков не сумел. Не оценил «светлейший» по достоинству и своих врагов, прежде всего князей Долгоруких и младшую дочь Петра – Елизавету Петровну. Но окончательно Меншикова обрушил заговор русской знати, начавшийся еще при жизни императрицы Екатерины, где важную роль играли княгиня Аграфена Волконская и княгиня Марфа Долгорукая. За несколько недель болезни он утратил свое влияние на императора и 8*

сентября 1727 года мальчик-император подписал указ о его аресте и ссылке с семейством в Сибирь, в город Березов Тобольского края. Чрезмерное честолюбие любимца Петра, стало, таким образом, одной из главных причин гибели рода Меншиковых, их бесславной смерти в изгнании.

Правление императора Петра II было недолгим, уже 30 января 1730 года в возрасте 14-ти лет он скончался. Решением Верховного тайного совета на российский престол была приглашена Анна Иоанновна. Курляндия, долгое время находившаяся без герцога, осталась теперь и без герцогини. Но в 1730 году, отстраненный ландтагом Фердинанд Кеттлер, женился на принцессе Саксен-Венсельфейской и польский король Август II передал ему Курляндию, хотя и с условием, что после его смерти Курляндия будет присоединена к Польше. До 1737 года (год смерти Фердинанда) герцогом Курляндия оставался Фердинанд.

После смерти короля Августа II Сильного, его преемник, король Август III, в знак благодарности России за поддержку его кандидатуры на престол короля Польши, предложил Курляндию Эрнсту Бирону (1690-1772), фавориту уже правившей тогда императрицы Анны Иоанновны. Так в списке герцогов Курляндии появляется новое имя, хотя биография Бирона и раньше была тесно связана с Курляндией. Бирон родился в Курляндии, окончил школу в Митаве, затем учился в Кенигсбергском университете, который, правда, не окончил, а с 1718 года начал служить в Курляндии при дворе Анны Иоанновны. После не состоявшегося брака с Морицем Саксонским, герцогиня Анна нашла утешение в объятьях Бирона, который был ей верным другом до конца жизни. В 1732 году она вызвала его из Митавы в Петербург и с этого момента история России стала развиваться под знаком, вошедшем в историю, как «бионовщина». Е.П. Карнович посвятил исследованию этого периода цикл статей под общим названием «Значение бионовщины в истории России», который может стать интересным предметом исследования для историков.

В 1737 году, после смерти Фердинанда, Бирон принял титул герцога Курляндии и до 1741 года оставался им. Императрица Анна Иоанновна не имела потомства, поэтому завещала престол малолетнему Иоанну VI Антоновичу (рожд. 1740), сыну своей племянницы Макленбургской принцессы Анны Леопольдовны, дочери ее сестры Екатерины. До совершеннолетия императора делами государства должен был управлять регент. Императорский двор надеялся, что им будет, скорее всего, мать младенца, либо его отец герцог Брауншвейг-Люненбургским- Антон Ульрих. Но за день до смерти, неожиданно для всех, императрица объявила регентом своего фаворита – Эрнста Бирона герцога Курляндского. Человек жестокого и надменного характера, Бирон использовал благосклонность и покровительство императрицы в своих личных интересах, чем вызывал неприязнь не только придворных, но и широких народных масс. Правда, А.С. Пушкин,

характеризуя Бирона и период его правления, пишет: «Он имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, который был в духе его времени и нравах народа. Впрочем, - дополняет поэт, - он имел великий ум и великий талант» (Модзольский 1928:532). Пушкину, однако, возражает исторический романист И.И. Лажечников: «[...] никакое перо, - пишет он о Бироне, - даже творца Онегина и Бориса Годунова, не в состоянии снять с него позорное клеймо, которое История и ненависть народная, передававшаяся от поколения поколению, на нем выжгли» (Модзольский 1928:533).

Назначение Бирона регентом давало ему неограниченную власть на многие годы. С первых же дней правления, он стал воплощать в жизнь свои честолюбивые планы: унижал принца Антона, лишив его всех воинских наград и званий, мстил принцессе Анне за ее категорический отказ выйти замуж за его сына Петра. Желание избавиться от Бирона было особенно сильным в среде высшего дворянства, естественным оно было и для принцессы Анны, которая стояла перед выбором: либо долгие годы находиться в полном подчинении у Бирона, либо решиться на отчаянный шаг. Через несколько недель после назначения регентом (9 ноября 1740 года), по инициативе и организации фельдмаршала Миниха, Бирон был свергнут, сослан в Сибирь, а правительницей назначена принцесса Макленбургская Анна Леопольдовна. Народ благословлял новую правительницу, избавившись от ненавистного герцога. После ссылки Бирона герцогом Курляндии, при поддержке венского кабинета, был назначен принц Людвиг Брауншвейгский, родной брат мужа Анны Леопольдовны. Но судьба не была благосклонна к Анне Леопольдовне и ее семейству. Уже в 1741 году ее сместила, при помощи гвардии, Елизавета Петровна и Людвиг Брауншвейгский оставался герцогом Курляндии только в течение одного года.

Последний год могущества Бирона, заговор против него, смещение и ссылка лежат в основе романа Карновича «Любовь и корона», посвященного трагической судьбе принцессы Макленбургской Анны Леопольдовны.

После 1741 года Курляндия вплоть до 1758 года осталась без герцога. В 1759 году герцогом был избран курпринц Карл Саксонский, сын польского короля Августа III, сохранивший этот титул до 1762 года. В 1763 году, после воцарения императрицы Екатерины II, Бирон вновь был назначен герцогом Курляндии и оставался им до 1769 года, вплоть до добровольной передачи им титула герцога своему сыну Петру, который вошел в историю, как последний герцог Курляндии. В 1795 году после третьего раздела Польши, Петр Бирон сложил с себя полномочия герцога, и Курляндия стала российской губернией. 18 ноября 1918 года, после образования независимой Латвийской Республики, Курляндия стала ее частью и остается ею, по сей день.

Историческое знание в нашем сложном XXI веке все больше привлекает к себе внимание мыслящей публики и обретает высокую цену. Уже великие энциклопедисты считали, что без прошлого нельзя понять настоящее и предвидеть будущее. Творчество Евгения Петровича Карновича, историка первооткрывателя и писателя просветителя, должно, как представляется, вызвать интерес и широкой читательской аудитории, и исследователей литературоведов, и представителей литературной критики.

Литература

- Арбузов Л.А. 2009 – *Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии*. Москва
Бенцони Жюльетта 2013 – *Кровь Кенигсмарков*. Москва
Беспярых Ю.Н. 2005 – *А.Д.Меншиков – мифы и реальность*. Санкт-Петербург
Гроховский И. 2012 – *Битва за Курляндию*. Вести сегодня. № 42. Москва
Карнович Е.П. 1994 – *Придворное кружево*. Москва
Карнович Е.П. 1993 – *Любовь и корона*. Москва
Карнович Е.П. 1994 – *Мориц, граф Саксонский: Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий*. Москва
Курукин И. 2006 – *Бирон*. Москва
Модзолеевский Б.Л. 1928 – *Пушкин и его современники*. Санкт-Петербург
Павленко Н.И. 1989 – *Александр Данилович Меншиков*. Москва
Павленко Н.И. 1996 – *Страсти у трона*. Москва
Пушкин А.С. 1936 – *Полтава: Сочинения*. Ленинград
Цимбаев Н.И. 1993 – *Среди вельмож, льстецов и интриганов. Евгений Карновичи его книги*. Москва
Цимбаев Н.И. 1994 – *Терем и трон (Евгений Карнович и его исторические романы)*. Москва

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 413-418. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В ДИАХРОНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ
РУСИ XIV-XVI ВВ.)

М.В. Пименова

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Россия
pimenova-vgpu@yandex.ru*

Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м)

Статья посвящена моделям выражения эстетической оценки в житийных текстах Владимирско-Суздальской Руси XIV-XVI вв., созданных суздальским иноком Григорием.

Ключевые слова: Аксиология, эстетическая оценка, диахрония, агиография

Как отмечают исследователи, оценка представляет собой сложное явление, охватывающее «...в языке широкий диапазон единиц, на первый взгляд слабо связанных между собой, которые нелегко объединить в одном описании» [Вольф 1985:5], чем объясняется многообразие подходов к интерпретации оценочной семантики.

В принятых классификациях системы аксиологических значений выделяется сублимированный (абсолютный) тип оценки, основанный на архетипе (норме, образце, примере), на потенциальных требованиях, предъявляемых к объекту оценки, в который включаются эстетические оценки (основанные на синтезе сенсорных и психологических) [Ивин 1970:29-31; Шрамм 1979; Арутюнова 1988:75-77; Вольф 1985:27]. Под эстетической оценкой мы понимаем отношение субъекта оценки (положительное / отрицательное / нулевое) к объективной ценности, воспринимаемое как признак оцениваемого объекта с точки зрения существующего в ту или иную эпоху национального представления о красоте-безобразии в рамках «картины мира» данного социума [Пименова 2007:3].

Специальные лингвистические исследования лексического выражения эстетических оценок предпринимали Г. Юзи, О. Духачек, Ю.А. Найда, Т.В. Писанова (на материале немецкого [Juzi 1939], французского [Duchaček 1960], английского [Найда 1975, пер. 1983:66-69] и испанского [Писанова 1997] языков). Диахронический подход к изучению языкового выражения эстетической оценки представлен в серии работ В.В. Колесова «Древняя Русь: наследие в слове», посвященных взаимодействию древнерусского языка и ментальности [Колесов 2001; 2004], а также в его фундаментальном труде «Древнерусская цивилизация» [Колесов 2014].

Рассмотрим случаи выражения эстетической оценки на материале малоизученных с лингвистической точки зрения агиографических текстов Владимиро-Суздальской Руси XIV-XVI вв., созданных «творцом канонов» и житий суздальских святых, «смирненным иноком» Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря Григорием, который был «...весьма начитанным в современной литературе и искусно подражал наиболее ораторски составленным произведениям в этом роде своих предшественников – иноков Епифания и Пахомия» [Георгиевский 1900:5]. Как отмечает В.А. Колобанов, «перу Григория принадлежат следующие «Жития» суздальских святых: Евфросинии, Евфимия, Иоанна (с канонами этим святым, а также канон епископу Федору). Кроме того, перу Григория приписывается «Житие» Козьмы Яхоремского, а также «Похвальное слово новым русским чудотворцам» и служба им» [Колобанов 1975:100] (см. также [Колобанов 1976; 1978]).

Наш материал показывает, что ядерными для выражения эстетической оценки ('красивый' – 'безобразный') в древнерусском тексте являются **атрибутивные словосочетания** различных видов, включающие в свой состав указывающие на знак оценки синкретсемичные имена прилагательные в предикативной или в атрибутивной функции, которые могут употребляться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к существительному, выражающему основание частной оценки через соответствующий денотат предметного имени.

При описании внешности человека относительно частотны специальные «оценочные» синкретемы, содержащие особый **показатель оценочности – творительный падеж отношения** [Рыкин 2015], в котором стоят существительные типа *лицо, тело, вид, видение, образ, зрак, взор, подобие, обличье*, указывающие на «эстетическое» основание оценки. Входящие в синкретему синкретсемичные имена прилагательные обозначают общее (мелиоративное / пейоративное) качество объекта оценки.

На мелиоративную оценку в большинстве случаев указывают прилагательные, обладающие корневыми элементами *крас-, добр-, лн-* (*красна лицем, добра очима, взором красенъ, красна тѣломъ, видѣниемъ красна, добра образомъ, образомъ лнть, прѣлѣна видениемъ* и под.). Например: «... наречено бысть имя еи Феодулии. Радовастся о неи родители ея, ибо бѣяше весела къ богу и **красна лицем и добра видомъ зѣло**» (Жит. Евфрос.: Зоб.; Жит. Евфрос. Сузд.: 20об.); «Дивляху же ся вси черноризицы, како отроковица к великои такыя смиренныя словеса имѣя разумно и отвѣтъ сладокъ, свершенъ смыслъ, бѣ же **благообразна отроковица и добра очима**» (Жит. Евфросинии: 86-86об.).

К ядерным средствам выражения эстетической оценки относятся также согласованные атрибутивные словосочетания **«имя существительное + качественное имя**

прилагательное», содержащие местоименное / именованное прилагательное (чаще всего – с корнем *крас-*), которое указывает на положительный знак эстетической оценки, а также обозначающее человека или животное одушевленное имя существительное (*жена, отроковица, девица, отрок, юноша*), эксплицирующее эстетическое основание сублимированной оценки в связи с нерелевантностью положительной этической оценки для данных объектов (*прѣкрасная дщерь, отроки красныя, уноши красна, прекрасная отроковица* и под.). Например: «*По сих же изволи господь, избравши себѣ на службу прекрасную отроковицу, показа ей явление*» (Жит. Евфросинии: 83); «*И глаголаша старица: «Аз видѣх голубицу благообразну по воздуху летящую и осѣняющую храмину Евфросинии»*» (Жит. Евфросинии: 96об.-97).

При описании материальных объектов (как созданных руками человека, так и природных – городов, полей, палат, садов, лесов) мелиоративную эстетическую оценку выражают синкретемы, состоящие из именных прилагательных в предикативной / атрибутивной функции и существительных, которые обозначают неодушевленные объекты оценки (*поле красно, град красен, град чуден, садове красны, полаты чудны* и др.). Например: «*И дарова ему господь бог велию силу: путное шествие немедленно и легко. Исшед, яко орел высокопары, и приде... и дошед преждеименитаго града Суждаля, узре чудный храм зело красен – преславныя владычица наша богородица и приснодевы Мария*» (Жит. Евфимия: 26об.); «*И поиде от восточныя страны на западныя страны. И дарова ему господь силу - путное шествие немедленно и легко. Исшед, яко орел высокопарыи, прииде и дошед преждеименитаго града Суждаля, узре чудный храм зело красен – божия матери и, вшед в него поклонися святым иконам: пречистому образу бога нашего Иисуса Христа, и пречистойя его матери, и всех святых*» (Жит. Иоанна: 106). Следует отметить, что поскольку данные памятники являются относительно поздними (XVI в.) в характеристике неодушевленного объекта встречается членное синкретсемичное прилагательное (*чудный*) (в более ранних текстах – преимущественно нечленные прилагательные [Пименова 2007:79]). По подобной же модели строится оценка воспринимаемого на слух качества: «*Мнози прихожаху со дщерми своими къ Евфросинии молитвы ради. И насладитися медоточных словес*» (Жит. Евфросинии: 93).

При характеристике качества одежды, убранства, украшений эстетическую оценку выражают синкретемы, включающие синкретсемичное прилагательное и неодушевленное существительное, указывающее на объект оценки (*белыя ризы, нарядное платье, свѣтлыя ризы, утвари добрыя* и др.). Например: «*Сия убо боголюбивая прежде пришествия*

отроковицы видѣ различна откровения о ней, овогда убо отроковицу **в белахъ ризахъ** отъ святолѣпны жены и багряновидны ризу носящу, въ монастырь приносящу...» (Жит. Евфросинии: 84).

В отдельных контекстах эстетическая оценка выражается при помощи синкретем, состоящих из синкретсемичного прилагательного в именной форме (чаще всего – с корнем *крас-*) и наречия меры и степени (*зѣло* / *вельми*), которое выражает основание оценки, указывая на внешнее проявление свойства (*лѣпѣ зѣло, красенъ зѣло, вельми красна* и под.). Например: «Времени же нѣкоему по семь чудеси прешедшу: въ едину от ноце паки предста имъ святая богородица вдаючи има яко голубицу на руку **зѣло красну**» (Жит. Евфросинии: 79об.); «Явижесе блаженнѣи Евфросиние отроча в видѣнии **зело красно** стоящи близъ ея. И разумѣ, яже господь есть и приа дерзость, рече: «Како ты вовлотиши безплотныи насъ ради, и како тя, господи, распяша иудѣи?» (Жит. Евфросинии: 88); «Нѣци же от них видѣши сон ея: полата **зѣло красна**, в ней же два престола и два вѣнца, лѣжаща на престолѣх украшены и восприсиша: «чѣя есть являющися слава им?» (Жит. Евфросинии: 99 об.).

В тех случаях, когда наречие добавляется к «целой» синкретеме (например, к синкретсемичному прилагательному и существительному в творительном падеже), оно выполняет не эксплицирующую, а интенсифицирующую (усилительную) функцию. Например: «[Феодулия] ... **добра видомъ зѣло**» (Жит. Евфрос.: 3об.; Жит. Евфрос. Сузд.: 20об.).

Синтагмы с синкретсемичным прилагательным в форме сравнительной степени, а также с прилагательным в именной форме и наречием *паче* / определительным местоимением (реже – порядковым числительным) выражают мелиоративную эстетическую оценку через интенсификацию и сопоставление объекта оценки с эталоном качества (*паче всѣх краснѣиша, красна паче иныхъ женѣ, краснѣишу первыя*). Например: «...юже [церковь Богородицы в Суздале] **бѣ рушилъ вели(к) князь Юрги. въ еп(с)пство Симо(н). и оя(т) созда краснѣишу первыя бѣ бо обветшала вельми о(т) многъ лѣ(т)**» (Жит. Иоанна: 99об.). Следует отметить, что сравнительная степень в древнерусском языке существовала безотносительно к положительной форме прилагательного и указывала на интенсивное проявление собственно качества, то есть была ближе к современной превосходной степени [Бромлей 1960:102, 147].

Синтагмы, содержащие наряду с синкретсемичным именем существительным образованные от глаголов речи причастия страдательного залога, выражают наивысшую мелиоративную эстетическую оценку через отрицание возможности объективной оценки («утверждение через отрицание» – *несказьны л/птою, неизреченны добротою, несказанна красотою*). Например: «Над монастырем же пресвятыя богородица **св/тѣ** сияше **неизреченныи** и вси в нем ту сущии со святою черноризицы и девы приб/гшая из града, славляху бога» (Жит. Евфросинии: 104).

Для выражения ценностного признака употребляются синкретемы с образованными от синкретсемичных глаголов формами причастий страдательного залога прошедшего времени, которые сочетаются со стоящими в творительном / родительном падеже именами существительными, выражающими значение ‘телесный’, ‘внешний’, ‘материальный’ (*украшена отъ камня драгаго, ухищрено же б/н жемчюгомъ и каменемъ драгим*), а также с определительными местоимениями и наречиями (*в/сячьскы украшенъ, украшенъ тако же*). Например: «Предсташа же во сн/и святии испов/дницы блажен/и Евфросинии од/янии в б/лах ризах, паче естества блистающаяся, и **в/нцы украшены каменем и бисером**» (Жит. Евфросинии: 110).

Таким образом, выражение положительного / отрицательного отношения субъекта оценки к ценности осуществляется в древнерусском тексте при помощи включающих синкретсемичные единицы минимальных единиц древнерусского текста – устойчивых синкретем, построенных по нескольким основным моделям, большинство из которых предназначены для выражения мелиоративной оценки (типа *красна лицем, добра видом, прекрасная отроковица, зело красен, (паче) вс/х красн/иша, св/т неизреченныи, украшена каменем* и др.).

В большинстве синкретем оценочность и мелиоративный знак оценки предопределены синкретсемичными единицами (прилагательными – *красны, л/птѣ, красныя, белыя*; глагольными формами – *украшена*; наречиями – *красно, л/то*), а основание оценки (‘с точки зрения эстетического идеала’) выражается словоформами, указывающими на внешнее проявление свойства (‘внешность, видимый облик’ – *вид, видение, взор, зрак, лицо, обличье, образ, подобие, тело*; ‘помещение’ – *палаты, трапеза*; ‘одежда’ – *ризы, одежды, одеяния, рубы, платье*; ‘в сильной степени’ – *з/ло, вельми, паче вс/х*; ‘такой, что невозможно выразить словами, чрезвычайный’ – *несказанна, неизреченна* и под.).

Литература

- Арутюнова Н.Д. 1988 – *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.* Москва.
- Бромлей С.В. 1960 – *Образование несогласуемой формы и история членных форм сравнительной степени в русском языке (по материалам письменности XI-XVII вв.)* [In:] *Материалы и исследования по истории русского языка / Под ред. Р.И. Аванесова.* Москва. С. 177-234.
- Вольф Е.М. 1985 – *Функциональная семантика оценки.* Москва.
- Георгиевский В. 1900 – *Ризоположенский женский монастырь: приложение.* Владимир.
- Ивин А.А. 1970 – *Основания логики оценок.* Москва.
- Колесов В.В. 2001 – *Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 2. Добро и зло.* Санкт-Петербург.
- Колесов В.В. 2004 – *Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 3. Бытие и быт.* Санкт-Петербург.
- Колесов В.В. 2014 – *Древнерусская цивилизация: наследие в слове.* Москва.
- Колобанов В.А. 1975 – *Владими́ро-Суздальская литература XIV-XVI вв.: спецкурс по древнерусской литературе.* Вып. 1. Владимир.
- Колобанов В.А. 1976 – *Владими́ро-Суздальская литература XIV-XVI вв.: спецкурс по древнерусской литературе.* Вып. 2. Владимир.
- Колобанов В.А. 1978 – *Владими́ро-Суздальская литература XIV-XVI вв.: учебное пособие.* Вып. 3. Москва.
- Найда Ю.А. 1983 – *Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения / Пер. с англ.* [In:] *НЗЛ.* Вып. 14. Москва. С. 61-74.
- Пименова 2007 – *Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте.* Санкт-Петербург-Владимир.
- Писанова Т.В. 1997 – *Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук.* Москва.
- Рыкин Е.Ю. 2014 – *Сочетания с творительным ограничением как средство выражения оценки в древнерусском тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Владимир.
- Шрамм А.Н. 1979 – *Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка).* Ленинград.
- Ducháček O. 1960 – *Le champ conceptuel de la beauté en français moderne* [In:] *Spisy university v Brně / Filosofická fakulta.* № 71. Praha.
- Juzi G. 1939 – *Die Ausdrücke des Schönen in der altenglischen Dichtung.* Zürich.

Сокращения

- Жит. Евфимия – *Житие Евфимия* [In:] *Сборник житий, слов и служб.* XVI в. РГБ. Ф. 242 (собрание Г.М. Прянишникова), л. 16-53.
- Жит. Евфросинии – *Житие Евфросинии Суздальской* [In:] *Сборник житий, слов и служб.* XVI в. РГБ. Ф. 242 (собрание Г.М. Прянишникова), л. 77-120.
- Жит. Евфрос. – *Житие преподобныя матери нашея благоверныя великия княжны Евфросинии Суздальския.* Владимиро-Суздальский музей заповедник. № 217. XVIII в. 32 л.
- Жит. Евфрос. Сузд. – *Житие преподобныя княжны Евфросинии Суздальския чудотворицы.* Владимиро-Суздальский музей заповедник. № 546. 1785 г. 80 л.
- Жит. Иоанна – *Житие Иоанна* [In:] *Сборник житий, слов и служб.* XVI в. РГБ. Ф. 242 (собрание Г.М. Прянишникова), л. 89-121.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ СИНЕГО ЦВЕТА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Ю.А. Подберезская

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь

podberzskaya11@mail.ru

В рамках данной статьи был проведен сопоставительно-контекстуальный анализ белорусских и русских колоративов со значением синего цвета в оригинальных и переводных текстах, проанализирована мотивированность их возникновения в пределах художественной системы исторических романов О. Ипатовой и В. Короткевича, выявлена степень эквивалентности данных цветовых номинаций в русском и белорусском языках, обозначено лингвокультурологическое содержание указанных лексем. Особое место в статье уделено анализу цветовых лексем *голубой – блакітны*, значение которых на коннотативном уровне характеризуется ярко выраженной специфичностью.

Ключевые слова: колоратив, концепт, цветовая картина мира, перевод, лингвокультура

Колоративная лексика занимает особое место в словарном составе любого языка. Она является важной частью языковой картины мира того или иного этноса, отражает особенности восприятия объектов действительности, обусловленные спецификой его национального характера. Колоративы могут рассматриваться в различных аспектах: словообразовательном, формальном, функциональном, семантическом, и т.д. Сопоставительный аспект является дополнительным источником получения определенных данных в любом из этих аспектов.

Настоящая статья посвящена сопоставительному исследованию колоративов в современных белорусском и русском языках с точки зрения их семантико-функциональных особенностей. Поскольку основные расхождения в близкородственных языках приходятся не на структуры грамматических категорий, а на сферы текста и функционирования, то очевидно, что объектом контрастивных исследований близкородственных языков должны выступать именно тексты [Иванова 2014:60]. Особая роль принадлежит здесь художественным текстам как непосредственным хранителям этнокультурной информации. В свою очередь, «сопоставление оригинального художественного текста с текстом его перевода способствует не только более пристальному вниманию к семантической сущности сопоставляемых языковых элементов, но и более глубокому постижению культурных моделей» [Усанкова 2001:173]. Таким образом, предлагаемый в статье анализ тесно связан с проблемами художественного перевода и художественного контекста, где наиболее полно реализуются семантические возможности слова. По мнению Р.В. Алимпиевой, «при

установлении лексических эквивалентов близкородственных языков должны сравниваться и сопоставляться не столько отдельные слова, сколько определенные микросистемы, компонентами которых данные слова являются» [Алимпиева1986:85].

В рамках данной статьи объектом нашего исследования выступают колоративы группы *синий* (*сіні*) в оригинальных и переводных на русский язык прозаических текстах О. Ипатовой и В. Короткевича. Цель – рассмотреть структуру значения, сочетаемость указанных лексем, выявить степень эквивалентности данных цветовых номинаций в русском и белорусском языках, обозначить их лингвокультурологическое содержание.

В результате обработки указанных выше текстов были зафиксированы следующие колоративы: *синий, голубой, лазурный, лазоревый, бирюзовый, васильковый, небесный* (русскоязычные тексты); *сіні, блакітны, лазурны, лазуровы, валошкавы, васільковы, нябесны* (белорусскоязычные тексты). Изучение данных единиц в структуре речевого текста позволяет установить их относительную закрепленность за определенными смысловыми зонами: «вода», «небо», «человек» (цвет глаз, кожи).

Сопоставляя системы цветообозначений в разных языках, исследователи отмечают особенность русского и белорусского языков, в которых для области синего цвета существует два основных названия – *синий* (*сіні*) и *голубой* (*блакітны*). Соответственно, если в других индоевропейских языках группа основных цветообозначений включает 11 слов, здесь она состоит из 12 [Василевич 2007:25].

Лексема *синий* (*сіні*) имеет более древнее происхождение по сравнению с *голубым* и *блакітным*. Значение корня **si-* праславянского **sinь* – 'сияющий, блестящий' сохранилось в древнерусских текстах. В славянских языках **sinь* могло иметь значение не только синего цвета, в древнерусском языке словом *синий* мог называться сероватый, пепельно-серый, темно-голубой, черный и даже бордовый оттенок [Булахаў 1971:195]. Лингвисты отмечают, что в XI–XIII вв. *синий* во многих случаях еще передает значение просто темного цвета и имеет довольно узкую сочетаемость (водные источники и некоторые природные явления).

Согласно толковым словарям, колоратив *синий* (*сіні*) используется в белорусском и русском языках для обозначения одного из основных цветов спектра – среднего между фиолетовым и голубым [СО, СУ, ТСБМ]. Именно данные лексемы выступают в качестве носителей главного значения (выражают само понятие синего цвета). Поэтому вполне естественно, что они наиболее частотные из зафиксированных прилагательных анализируемой группы.

Данные словарей позволяют установить, что *синий* (*сіні*) семантически противопоставлен всем остальным членам рассматриваемой лексико-семантической группы вследствие невыевленности в нем признака 'светлый'. Подтверждают этот факт и исследуе-

мые нами тексты: при передаче синего цвета неба как холодного, лишённого солнечной яркости, но характеризующегося густотой тона, используется только лексема *синий* (*сіні*): *...сіняе-сіняе глыбокае неба – ...синеє-синеє глибокое небо; ...у густой нябеснай сіняве вечара –...в густой небесной синеєвє вечера.*

Лексемы *синий* и *сіні*, а также их дериваты, зафиксированы и при цветовой характеристике водных пространств: *цёмнай сінечай напаўняліся рэкі – темной синеєвой напалнялісь реки; сінія, як асенняя вада, вочы – синіє, как осенняя вода; ярка-сіняя вада – ярко-синія; плыў сіняй-сіняй, дужа цёплай ракой – плыл синеєй-синеєй, очень теплої рекой.* Чем больше водоем, чем концентрированнее выражена плотность воды и густота тона, тем скорее в контексте реализуется лексема *синий* [Алимпиева 1980:94].

Показательны случаи реализации этой лексемы при цветовой характеристике моря в русской языковой картине мира. Образ *синего моря* оказывается глубоким и символичным. Так, А.М. Панченко указывает на стереотипность этой формулы в древнерусской литературе: «“синеє море” в “Слове о полку Игореве” и “Слове о погибели Русской земли”, возможно, в цвете не осознавалось» [Панченко 1968:12]. В духовных стихах символика синего моря перекликается с заговорной традицией: по данным Л. Раденковича, именно в синем море находятся хтонические персонажи. Синий цвет «символизирует место обитания злых духов» [Раденкович 1989:138]. Р.В. Алимпиева отмечает, что в художественных текстах первой половины XIX в. случаи употребления лексемы *синий* при обозначении цвета моря составляют 77%, лексемы *голубой* – только 7%. По мнению В.Г. Кульпиной, морская стихия вызывает у всех народов бурное эстетическое чувство. Поэтому когда эта стихия наделяется определенным цветом, это факт значимый и говорит о равнодушном отношении к этому цвету. «Самое красивое море в русском языке – это когда оно синеє. Красивее, чем когда оно синеє, море в русском языке просто не бывает. Таким образом, стереотип моря в русском языке наделяется синим цветом, даже если это море – Черное море» [Кульпина 2011:119].

Мелодика «сіняга мора», «сіняга возера» озвучивается и в белорусских песнях. Это символы текучести, вечности, глубины, бесполезности, напрасности, оторванности от реальности [Баброўская 2009:98]. Анализ памятников фольклорной культуры показывает, что синий цвет обычно наделялся магическими свойствами. Прежде всего, он был связан с водой, которая, в свою очередь, считалась в древности местом, где таятся злые, враждебные человеку силы. Вода осознавалась как стихия, связанная со смертью и с загробным миром. Так же понималось и синеє. Не случайно одним из центральных обрядов в христианстве является крещение водой, символизирующее смерть и воскресение в истинную веру. Образ синего моря как символа смерти находим и в исследуемых нами текстах О. Ипатовой. Герой, уходящий в далекие страны, пересекает *синеє море* (медиативный локус, граница между

мирами) на корабле. Он словно «умирает» для этого мира, чтобы в другом мире возродиться в новом качестве – достичь святости, подобия Богу.

Синий цвет, который у славянских народов служил символом и веры, и печали, горя, ассоциировался то с божественным, а то и с бесовским миром. Старинные памятники описывают синих и черных бесов. По белорусским поверьям, леший показывался людям в образе старика с белым, как береста, никогда не загорающим лицом и непомерно большими, неподвижными тусклыми глазами свинцово-синего цвета [Серов 2004]. Примеры этого типа обнаружены в романах О. Ипатовой: *Ён быў таксама жрацом, але ніжэйшага абраду, і сіняваты меч яго быў са сталі намнога ніжэйшага гатунку, чымся ў мяне. – Он был жрецом, но низшего обряда, и синеватый меч его был из стали более низкого сорта, чем у меня; ...кааб прынесці вам ахвяры, бо галовы дзікоў будуць спаленыя ў даліне, і сіні дым спатоліць ваш голод... – ...чтобы принести вам жертвы, потому что головы вепрей будут сожжены в долине, и синий дым утолит ваш голод.*

В белорусском языковом ареале отчетливо прослеживается ассоциация синего цвета с небом: *Яблыневым пахам пацягнула ад Мульяна, зеляніна на кустах была свежай, усё буйна расло і прыгажэла пад гэтым сінім небам...* Образ синего неба часто получает в контексте символический смысл, органично сплетаясь с общим художественным целым: *Глядзі, глядзі на свет. Глядзі, любы хлопча, на свет. Глядзі. Глядзі. Неба над табою. Шмат. Шмат неба. Сіняга-сіняга неба. Аблокі плывуць, як караблі. Нясуць, нясуць душу над зямлёю. Нясуць. Зямля ўнізе вялікая. Зямля ўнізе цёплая. Зямля ўнізе добрая. І неба над зямлёй вялікае. І неба над зямлёй цёплае. І неба над зямлёй добрае. І аблокі між небам і зямлёй. Ты – у аблоках, аблокі – у табе. Сіняе-сіняе неба, белыя-белыя аблокі, чыстая-чыстая зямля. Нельга не быць шчаслівым. Нельга.*

Синий встречается и в качестве описания горизонтального света («сіні камень»). Установлено, что такие камни на самом деле существуют. По мнению исследователей (С. Васильев, И. Дубов, К. Комаров), они являются частью бывших языческих святилищ, где проводились определенные обряды. Народные легенды описывают чудесные явления из-под земли в разных местах и исчезновения. Эту мистичность заметили и белорусы: на территории Восточной Европы встречаются камни, озера, реки и другие объекты с названиями «синий» («синяя») [БМ]. Встречается этот образ и в исследуемых нами текстах: *Я чуў пра гэты Сіні Камень. Туды прыходзяць з усяго Княства пакланіцца дзіву – цвікам, убітым у аграмадны валун.*

Как известно, одним из объектов национального белорусского пейзажа является лес, который притягивает к себе и настораживает, вызывает ощущение очарования [Марчанка 2009:160]. Особую таинственность, наполненную сказочной красотой, придает лесу синий

цвет. Чем дальше находится лес, тем кажется более туманным и синим. Отсюда, вероятно, и идет устойчивый образ *сініх даляў, сіняй далечыні*. Именно синий цвет расположенных вдали лесов помогает показать необъятность просторов белорусской земли, окутанных синевой: *Паабанал алеі стаялі туманна-сінія дрэвы*. Здесь отражена оптическая сема, указывающая на особенности восприятия цвета на расстоянии и проявляющаяся преимущественно через возможности сочетания колоратива. Синий цвет отождествляется с далью, бесконечным простором, недостижимостью. Усиливает это впечатление употребляемые в контексте лексемы *ўдалечы, далёка, даль, бездань*, а также глагол *сінець* в значении 'виднеться, быть видным издалека'.

Синий цвет в белорусском лингвокультурологическом и языковом сознании связан прежде всего с концептом «*васілька/валошкі*», когнитивная структура которого имеет двойственную природу и значительно расширена и обогащена за счет важнейших для белоруса понятий (*радзіма, Беларусь, край, беларуская дзяўчына, беларус, нацыянальны герой, мова, хлеб, адзенне, чысціня, шчасце*), что позволяет утверждать, что национальная цветовая картина мира белорусского сознания, наряду с белым, красным и зеленым цветами, включает еще и синий цвет.

Очевиден знаковый характер концепта «*васілька/валошкі*» как символа белорусскости. Обозначен данный концепт был еще А. Мицкевичем в «Пане Тадеуше» (букетик из васильков на голове у Зоси). Активизировался он в белорусской лингвокультуре под влиянием строк М. Богдановича. Псевдонимы с лексемами «Валошка» и «Васілёк» избирали себе белорусские поэты и писатели. Использовался он и в названиях рассказов, стихов, сборников, эссе, а также в качестве символа «Славянского базара» в Витебске [Конюшкевич 2003:284].

Вполне закономерно видится в синем цвете и сама Беларусь: *Над пняшчотна-сінімі палосамі квітнеючага лёну трапяталі жаўрукі, а вышэй над імі – бяздонна-велічнае неба такой асляпляльнай васільковай гушчыні, якую яна бачыла толькі на радзіме*.

Синее пространство ассоциируется с представлением о счастье: *Вось бы ісці зараз басанож паўз жытняе поле, дзе сярод залатых сцяблін смяюцца сінія васількі!*

Основное прилагательное для обозначения светло-синего цвета (среднего в спектре между зеленым и синим) в современном русском языке – *голубой*, в белорусском – *блакітны*. В современных славянских языках голубой цвет называется разными словами и словосочетаниями: укр. *голубий* 'голубой, темно-серый' (о масти животного); *блакитний* 'то же'; рус. *голубой, светло-синий, цвета ясного дневного неба, лазоревый*; польск. *włękity* 'голубой, светло-синий', *niebieski* 'то же' (ст.-польск. *golębi*) и т.д.

Прилагательное *голубой* имеет общеславянское происхождение, известен с XVI в. Первоначально *голубой* имел несколько значений: 'цвет неба; голубой'; 'пепельный, светло-серый' (о масти животных). Семантика слова изменялась: 'желтый' – 'желто-серый' – 'серый' – 'сизый' – 'голубой'. Интересны замечания В. Даля об абстрактности определения цвета *голубой*: «Народ голубым называет то синее, то серое или темнокоричневого цвета; голубая лошадь, пепельная, мышастая, иногда даже и с желтизной, голубым иногда народ зовет желтый цвет; замечательно, что цвета эти противоположны» [СД]. Большинство этимологов придерживаются мысли, что дефиниция *голубого* первоначально была привязана к характерному эталону – сизо-серому «с металлическим отливом» оперению шейки голубки [Василевич 2007:25].

В белорусском литературном языке наиболее употребительна лексема *блакітны*. Она заимствована из польского языка (*blekitny* 'голубой, светло-синий'). Первоосновой слова исследователи считают средневерхненемецкое *blanc-heit* (белая или светлая, блестящая краска) [Булыка 1972:43]; позднее в славянских языках (в чешском, а под его влиянием – и в польском) для обозначения неба в дневное время употреблялись существительные, потом для называния цвета дневного неба – прилагательные. В белорусский язык слово пришло в XVI в., одни исследователи считают его заимствованием из польского [Булыка 1972:43], другие – из чешского [ТСБМ].

Следует отметить, что в белорусских диалектах для названий голубого цвета существует несколько слов: *блакітны* (*бланкетны*, *бланкітны*), *галубы*, *нябескі* (*небескі*), *нябесны*. Частотность употребления названных прилагательных различная. В толковом словаре белорусского языка приведены только *блакітны* 'светло-синий; цвета ясного чистого неба' [ТСБМ] и *нябесны* 'который имеет цвет неба; светло-голубой' [ТСБМ]. Слова *галубы* в литературном языке не фиксируются, хотя широко распространено в диалектах на территории Беларуси (ощущается влияние русского языка) [ЛА]. В некоторых диалектах *блакітны* и *галубы* имеют не совсем одинаковую семантику: *галубым* называют цвет с серым оттенком, а *блакітным* – прозрачный, чистый, насыщенный. Интересно, что в литературном языке производное *блакіт* сочетается с прилагательными *красивый*, *прозрачный*, *чистый*, *стеклянный*, *яркий*, *ясный*, *бездонный*, *глубокий*, *удивительный* и др.

Н.Л. Железковская в статье «Этноязыковая специфика вербальных ассоциаций на цветовые стимулы» отмечает, что «в отличие от русских, белорусы и американцы солидарны по поводу *голубого*, который является наименее нейтральным, а значит, и наиболее значимым в цветовой картине мира представителей этих этносов. Для русских самый значимый цвет – *красный*. Это может быть как причиной, так и следствием того, что он является составной частью советской символики, а *голубой* цвет присутствует на флагах

США и Британии, которые географически имеют выход к морям и океанам. Большое количество водоемов, рек и озер на территории Беларуси объясняет значимость голубого цвета и для белорусов» [Железовская 2015].

В языке произведений белорусских писателей *блакітны* сохраняет устойчивую ассоциацию с цветом неба, что непосредственно проявляется и в самой дефиниции. Образ неба чаще всего неотделимо связан с родной природой, с Родиной. Для писателей *блакітнае неба* – признак великолепия, красоты, неповторимости родной земли: *Мокрая высокая трава, сонца, радасць... І над чыстымі хаткамі бусліныя вялізныя гнёзды і блакітная цішыня. Гэта была новая, зусім іншая Беларусь.*

На первый план здесь чаще всего выходит корреляция с концептами «пространство», «безграничность», «даль»: *На карціне быў пейзаж, якіх не бывае – празрыста-блакітны і няўлоўны... А пад дрэвамі ішоў кудысь малады чалавек і вёў за аброць белага каня.* Следующий абзац: *І вось цяпер ён сам, сам Алесь, ішоў з белым канём у нейкую блакітную далячынь.* И далее: *...такі далягляд, якога не бывае на зямлі, далягляд невядомай блакітнай краіны, у якую спакойна і ўпэўнена крочылі чалавек і белы конь.* Здесь в роли лейтмотива выступает контаминация цветов. Цветообраз с максимальной точностью повторяется в значимых смысловых отрезках. Цвет превращается в символ, углубляющий и расширяющий авторскую мысль.

Лексемы со значением голубого цвета часто являются неотъемлемым средством при портретной характеристике персонажа. В первую очередь это касается описания глаз. Чаще всего обладатели голубых глаз – это персонажи очень добрые, что подчеркивается писателями в исследуемых произведениях: *...з блакітнымі, як бадахшанскі лазурит, вачамі, які мог адчуваць чужую душу, як сваю – ...с голубымі, как бадахшанскі лазурит, глазами, который мог почувствовать чужую душу, как свою...; вочы рабіліся блакітнымі і добрымі – глаза делаліся голубымі и добрымі.* Как показывают наблюдения, герой с голубыми глазами обычно положительный. Он может быть нездоровым, не всегда хорошо выглядеть, но в целом этот персонаж импонирует автору.

Интересным в плане художественного перевода представляется следующий микроконтекст: *Цёмна-блакітныя ў зелень, як марская вада, вочы.– Темно-голубые, как морская вода, глаза.* Обращает на себя внимание отсутствие в переводе лексемы *зелень*, т.е. автор оригинального текста посчитал возможным сравнение зеленоватого цвета глаз с морем, а вот автор художественного перевода решил опустить данный колоратив. Думается, что это было сделано не случайно, так как сравнение зеленых глаз с морем совершенно невозможно в русском языке, такое сравнение как бы «забронировано» здесь раз и навсегда для «самых красивых» синих глаз [Кульпина 2011:119].

Обратимся к следующим микроконтекстам: *Дзяўчынка з захапленнем глядзела на Жывену сваімі шэрымі, чыстымі вачыма. – Девочка с синими, чистыми, как лен, глазами, с восторгом отвечала Живене; Зграбная, лоўкая, нечым нагадвала яна саму Жывену, толькі колер вачэй быў у яе шэрага, як асенняе неба, глыбокага колеру. – Граціозная, ловкая, чым-то напамінала она Жывену, толькі цвет глаз был у нее синего, как осеннее небо, глубокого цвета.* В обоих случаях в оригинальных текстах колоратив *шэры* выступает символом чистоты, наивности, непорочности и глубины. Однако в текстах перевода происходит замена колоратива на *синий*, отношение к которому в русском языковом ареале совершенно особое: синие глаза – это свидетельство неравнодушного к ним отношения и большого положительного эмоционального накала. Здесь имеет место восприятие этого цвета глаз в качестве любимого и дорогого цвета. Серые же глаза – «обычные, нормальные, глаза как глаза» [Кульпина 2011:122].

Голубой (*блакітны*) цвет играет роль двойного символа: с одной стороны, символа идеального мира, сокровенной мечты, созерцательности, духовности, с другой – символа духовного охлаждения и замерзания, изоляции от внешнего мира, инертности. Поэтому голубым цветом глаз обладают и безумные, сумасшедшие (но все равно импонирующие автору) персонажи: *У той дзень стаялі перад усімі худы, русавалосы, з шалёнымі блакітнымі вачамі рамеснік і жонка яго – танклявая, пяшчотна-русявая, круглатварая кабета. – В тот день стояли перед всеми худой, русоволосый, с безумными голубыми глазами ремесленник и жена его – тонкая, нежно-русская, круглолицая кабета.* Следует отметить, что в русском языковом сознании недопустимо употребление лексемы *синие* для номинации безумных и диких глаз, поэтому в переводе с белорусского на русский происходит замена колоратива *сіні* на *голубой*: *...дзяўчынка з дзікаватымі сінімі вачыма – ...девочка с диковатыми голубыми глазами.*

Таким образом, анализ специфики использованных в белорусских текстах и их русскоязычных переводах лексем со значением синего цвета позволяет сделать определенные выводы:

1) Синий цвет и его оттенки играют огромную роль в русской и белорусской цветовых картинах мира и считаются такими же важными, как белый, красный, зеленый. Возможно, поэтому в этих языках для номинации *синего* (*сіняга*) и его оттенка – *голубого* (*блакітнага*) – существуют самостоятельные слова.

2) Реализации положительных коннотаций лексем синего цвета в русском и белорусском языках активно способствуют следующие факторы: оценочность концептуально значимых объектов (глаза, небо); положительный контекст; наличие сложных прилагательных; индивидуально-авторские номинации, которые вмещают в себя большое

количество непредсказуемых компонентов с разнообразной семантикой; градация цвета; сравнительные обороты; присутствие в фольклорной традиции и участие в формировании облика родины.

3) В русской концептуальной картине мира этнопriorитетным является *синий* цвет (закреплен за цветом моря и глаз). Для белорусского языка характерна идеализация *блакітнага*. По-русски самое красивое небо – когда оно синее, а не голубое. В белорусском языке самое красивое – *блакітнае*. Синий цвет в белорусском лингвокультурологическом и языковом сознании связан с концептом «*васілька/валошкі*».

Литература

- Алимпиева Р.В. 1980 – *Развитие смысловых отношений в лексико-семантической группе прилагательных синего тона в русском литературном языке*. Калининград.
- Алимпиева Р.В. 1986 – *Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы*. Ленинград.
- Баброўская К. 2009– *Каляровая палітра беларускіх народных песень*. Мінск.
- Булыка А. 1972 – *Даўнія запазычанні беларускай мовы*. Мінск.
- Василевич А.П. 2007 – *Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания (наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ)*. Москва.
- Железовская Н.Л. 2015– *Этноязыковая специфика вербальных ассоциаций на цветовые стимулы*. Минск.
- Иванова С.Ф. 2014 – *Проблемы и перспективы контрастивного исследования близкородственных языков*. Минск.
- Конюшкевич М. 2003 – *Триада или тетрада?* Гродно.
- Кульпина В.Г. 2011 – *Лингвистика цвета*. Москва.
- Марчанка А. 2009 – *Колеравы каларыт і эмацыйная насычанасць нацыянальнага беларускага пейзажу ў трылогіі Якуба Коласа “На ростанях”*. Мінск.
- Панченко А.М. 1968 – *О цвете в древней литературе восточных и южных славян*. Ленинград.
- Раденкович Л. 1989 – *Символика цвета в славянских заговорах*. Москва.
- Серов Н.В. 2004 – *Цвет культуры: Психология. Культурология. Физиология*. СПб.
- Усанкова Н.В. 2001 – *Специфика структурной соотнесенности лексико-семантической парадигмы цветообозначений красного тона в романах Г. Сенкевича и их русских переводах*. Калининград.

Сокращения

- БМ – *Беларуская міфалогія*. 2006. Мінск.
- ЛА – *Лексічны атлас беларускіх народных гаворак*. 1997. Мінск.
- СД – Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 1955. Москва.
- СО – Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. 1952. Москва.
- СУ – Ушаков Д.Н. *Большой толковый словарь русского языка*. 2004. Москва.
- ТСБМ – *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. 2002. Мінск.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Т.Б. Радбиль

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

timur@radbil.ru

В работе рассматриваются два типа прагмалингвистических механизмов языкового манипулирования сознанием, которые обладают повышенной активностью в современной русской речи. К первой группе указанных механизмов относятся имплицитные механизмы языкового манипулирования, связанные с эксплуатацией разного рода невербализованной информации — семантические и прагматические пресуппозиции, инференции и имплицитности дискурса. Ко второй группе относятся метаязыковые феномены — разного рода метаязыковые комментарии, включения, «слова-загородки» (*hedges*), вводные и вставные конструкции эпистемического характера и пр. Проанализированный материал позволяет определить некоторые принципы выявления признаков применения механизмов языкового манипулирования как осознанной коммуникативной стратегии автора.

Ключевые слова: прагмалингвистика, языковое манипулирование сознанием, современная русская речь

В современной теории языкового воздействия [Стернин 2001; Иссерс 2011] отчетливо проявляется интерес к изучению разнообразных механизмов языкового манипулирования, что, с одной стороны, способствует теоретическому обогащению наших знаний о возможностях и границах функционирования языка, а с другой — оказывается востребованным в плане прикладного применения языковедческих концепций в практической коммуникативистике, рекламном деле, PR, судебно-лингвистической экспертизе и пр.

Значительным методологическим достоянием в области исследования языкового манипулирования, на наш взгляд, является понимание того, что никаких особых специфических манипулятивных приемов не существует: в качестве механизмов языкового манипулирования используется весь богатый арсенал средств языковой выразительности, языковые преобразования любого типа, т.е. все семантические, функциональные и стилистические возможности, которые предоставляет нам естественный язык. Другим важным теоретическим завоеванием можно считать установку на поуровневую стратификацию возможных средств манипулирования сознанием при прочном осознании того, что в реальном использовании языка они выступают в едином и нерасчлененном комплексе: так, различают содержательно-фактические, логические, коммуникативно-прагматические, собственно языковые и речевые (дискурсные) средства.

Наибольший интерес среди всего арсенала приемов языкового воздействия, на наш взгляд, представляют так называемые имплицитные (неявные, скрытые) средства языкового манипулирования, потому что скрытость коммуникативного намерения манипуляции для адресата входит в структуру иллюкутивной силы манипулятивного речевого акта. Исследование невербализованного, имплицитного содержания в среде речевого взаимодействия коммуникантов традиционно относят к прагматике [Падучева 1996] и к теории речевых актов [Остин 1986; Серль 1986].

Таким образом, в настоящей работе рассматриваются два типа прагмалингвистических механизмов языкового манипулирования сознанием, которые обладают повышенной активностью в современной русской речи. К первой группе указанных механизмов относятся имплицитные механизмы языкового манипулирования, связанные с эксплуатацией разного рода невербализованной информации — семантические и прагматические пресуппозиции, инференции и имплицитности дискурса. Ко второй группе относятся метаязыковые феномены — метаязыковые комментарии, включения, «слова-загородки» (*hedges*), вводные и вставные конструкции эпистемического характера и пр.

В качестве материала для анализа используются данные Национального корпуса русского языка, а также тексты современных российских СМИ, в том числе Интернет-СМИ, которые стали объектом нашего судебного-лингвистического экспертного исследования.

I. Имплицитные механизмы языкового манипулирования в современной русской речи. В современной лингвистической прагматике обсуждаются разнообразные типы словесно невыраженной информации: пресуппозиции, презумпции, имплицитности, имплицитности дискурса, модальные рамки и пр. [Падучева 1996:221-257]. Мы остановимся на двух, на наш взгляд, базовых видах имплицитной информации в тексте, во многом противоположных друг другу, хотя и имеющих сходный психолингвистический механизм функционирования в восприятии адресата текста., — это **пресуппозиции и инференции**.

Пресуппозиция представляет собой невербализованное, т.е. не высказанное прямо суждение, которое полагается «по умолчанию» как общеизвестное или безусловно истинное, выступаю основным условием осмысленности всего высказывания, т.е. своего рода «базой» для его понимания. Пресуппозиция — это условие истинности высказывания. Иначе говоря, именно пресуппозиция отвечает за то, чтобы высказывание имело смысл. То, что содержится в эксплицитной, т.е. в непосредственно выраженной словами части суждения, может быть оспорено, опровергнуто, может быть истинным и ложным, т.е. нуждается в верификации, в доказательстве. То, что содержится в пресуппозиции есть истина «по умолчанию».

Инференция представляет собой, в отличие от пресуппозиции, так называемое «выводное знание», знание, которое вообще не содержится в семантике слов и выражений,

составляющих высказывание. Это информация, которую адресат сообщения должен, по замыслу его автора, самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на контекст, на ситуацию общения, культурный фон, энциклопедические знания о мире, а также на постулаты общения (неявные конвенции, принятые по умолчанию в любом социуме при использовании речевой коммуникации). Инференция верифицируется не так прозрачно, как пресуппозиция, однако все же она выявляется при обращении к обстановке речи, к контексту, т.е. к экстралингвистической информации, посредством здравого смысла и простейших умозаключений: ведь суть ее как раз и состоит в том, чтобы читатель ее сам понял и сам вывел, значит, мы просто должны проделать тот же логический путь вместе с читателем. Простой пример — выражение: «А кто-то у нас сейчас получит!» в присутствии лица, к которому оно обращено, однозначно реферирует именно к этому лицу, хотя его имя не названо, а данный человек вообще упоминается в третьем лице.

Пресуппозиции и инференции, с одной стороны, обязательно присутствуют в каждом тексте, и ими можно манипулировать, т.е. сознательно эксплуатировать их такое важное для коммуникации свойство, как неосознанность восприятия, невозможность рефлексирования слушающим, в отличие от прямых доводов или аргументов к разуму. Прием недобросовестного использования пресуппозиций получил в научной литературе название «навязывание пресуппозиций», а прием недобросовестного использования инференций иногда называют «наведение ложных умозаключений» или «подведение к ложному умозаключению» [Баранов 2011; Булыгина, Шмелев 1997; Иссерс 2011].

Приведем некоторые примеры из реальных лингвистических экспертных исследований, иллюстрирующие способы выявления негативных пресуппозиций или инференций в спорном тексте, которые исследовались в работе [Радбиль, Юматов 2014].

Негативная информация, содержащаяся в пресуппозиции, может вводиться в стандартной форме утверждения. Так, в одном из электронных изданий вышел материал, направленный против журналистов правозащитно-либеральной ориентации. Один из подзаголовков гласил: *Журналисты-предатели должны быть наказаны*. В пресуппозицию опущено суждение '(вышеупомянутые) журналисты являются предателями'. Смысл приема состоит в том, что если бы это было выражено в форме прямого суждения, то понадобились бы доказательства и аргументы для этого тезиса. Информация в пресуппозиция является верной, истинной, так сказать, по определению и не нуждается в верификации.

Часто такая информация вводится в форме косвенного речевого акта, например, риторического вопроса, чтобы усилить воздействие на эмоциональную сферу читателя. Так, об одном из вышеуказанных журналистов написано: *Кто из нас может представить, что нормальный, добропорядочный человек будет разговаривать с выродками, крушащими все*

на своем пути? — Здесь наводится пресуппозиция ‘имеющийся в виду субъект (названный по имени в предыдущем фрагменте) не является нормальным, добропорядочным человеком’.

Негативная информация, содержащаяся в инференции, вводится за счет апелляции к культурному фонду и экстралингвистическим знаниям читателя. Так, в газетной статье, критикующей сторонников одного из представителей власти Нижнего Новгорода, написано: *Вся эта шатия и устроила в городе театр марионеток имени Карабаса Барабаса.* — Здесь использование автором негативной метафоры *театр марионеток имени Карабаса Барабаса*, с опорой на фоновые культурные знания читательской аудитории, трактует указанные события как управляемые чьей-то недоброй волей, а самих участников представляет как безвольных «марионеток» в чужих руках. С другой стороны, использование известного образа Карабаса Барабаса явно эксплуатирует негативно-оценочный коннотативный фон, стоящий за этим прецедентным именем для любого, кто знаком с произведением А.Н. Толстого про Буратино, в целях усиления негативного впечатления у читателей.

Именно возможности голословного ввода некоей информации при отсутствии санкций за бездоказательное суждение (каковые были бы возможны в случае появления этой информации в форме прямых утверждений) привлекают авторов в СМИ и политическом дискурсе к таким формам подачи имплицитной информации, как пресуппозиции или инференции. Это и делает некорректное использование пресуппозиций и инференций излюбленным языковым средством для «черного пиара» (кстати, подобное использование является одновременно и ярким сигналом, индикатором того, что перед нами — именно «заказная статья» или другая разновидность «черного PR»).

II. Метаязыковые механизмы языкового манипулирования в современной русской речи. Люди очень часто используют выражения, которые, так сказать, управляют ходом дискурса, т.е. так или иначе анализируют не мир вокруг нас, а нашу собственную речемыслительную деятельность. Можно поставить вопрос о целях подобной метаязыковой рефлексии, которые не всегда являются «благовидными». В нашей работе [Радбиль 2012] исследуются виды и функции так называемых «метаязыковых комментариев» по модели ‘**в X смысле слова**’ на материале Национального корпуса русского языка. Мы предположили, что очень часто подобные модальные операции в той или иной степени актуализуют манипулятивные коммуникативные намерения говорящего.

С помощью метаязыковых комментариев говорящий существенно корректирует смысл исходного комментируемого выражения, которое без этого комментария могло бы быть воспринято адресатом иначе, а именно в рамках общепринятых установок и трактовок, что явным образом не устраивает говорящего.

Отвечая на вопрос, почему Михаил Ходорковский отказался эмигрировать в свое время, Москаленко сказала: «Он патриот своей родной страны — **в прямом смысле слова...**». — Обратим внимание на то, что реально, т.е. узуально, слово *патриот* не предполагает никакого иного смысла, кроме прямого (не говоря уже о сомнительности тавтологического уточнения *своей родной страны*). Следовательно, в данном употреблении заложена незузальная импликация ‘истинный, подлинный патриот’, т.е. соответствующий некоему идеальному представлению о патриоте в сфере ценностей говорящего. Также подобная экспликация предполагает еще одну возможную инференцию в зоне адресата, что противники Ходорковского — патриоты «не в прямом смысле слова», т.е. не истинные.

Аналогичным образом метаязыковые комментарии *в полном смысле слова, в широком смысле слова, во всех смыслах слова* эксплицируют определенные манипуляции адресата с **экстенсионалом**, объемом семантики исходного выражения. Это, на наш взгляд, позволяет говорящему немотивированно включать в объем семантики выражения смыслы, изначально не присутствующие в ассертивной области значения: *Высказывая свое понимание этого тезиса, губернатор сказал так: речь идет о безопасности в широком смысле слова.* — Становится немного страшно от возможности расширенно толковать «безопасность» в устах столь авторитетного представителя власти.

Особенно «удобным» средством манипулятивной субституции в сфере экстенсионала является выражение *в полном смысле слова*. Согласно нашим наблюдениям, это выражение часто употребляется все же именно как реакция на определенное словоупотребление, без снятия метаязыковой функции: *Ищу мужчину в полном смысле этого слова.* — Здесь нет идеи ‘совершенно, совсем’, здесь, скорее, подчеркивается весь семантический комплекс, объединяющий прямой ‘мужчина как представитель мужского пола’, и переносный ‘мужчина прототипический как носитель неких идеальных стереотипных свойств’ смыслы.

Возможная манипулятивность подобного языкового комментария связана с его прагматическим потенциалом: его употребление, по сути, имплицитно ложное предположение о том, что говорящему ведом некий полный смысл какого-либо выражения, неведомый другим простым смертным, говорящим на данном языке. Особенно часто это свойство используется, например, в рекламном дискурсе:

Максимально манипулятивен метаязыковой комментарий *во всех смыслах слова* — он как бы заранее перечеркивает саму возможность привнесения нового смысла, какой-либо иной интерпретации сказанного «в таком исчерпывающем ключе». Особенно интересно употребление *во всех смыслах слова* в качестве метаязыкового комментария к выражению, имеющему узуально однозначную интерпретацию и никаких других смыслов не предполагающему: *Бангкок — столица Таиланда во всех смыслах этого слова.*

Еще один рефлексив *в известном смысле слова* эксплицитно выражает мысль об общеизвестности того, о чем говорится, однако реально под марку *в известном смысле слова* закладывается смысл, известный только для говорящего. Особенно это эффект усиливается, когда комментарий *в известном смысле слова* употребляется применительно к выражению, не подлежащему вероятностной или эпистемической оценке: *...американское правительство стремилось скрыть правду так же, как оно не начинало уголовного расследования в известном смысле слова.* — Здравый смысл предполагает, что уголовное расследование может однозначно оцениваться как начатое или как не начатое, но никак не «в известном смысле» начатое. Здесь возникает импликация, дезавуирующая само проводимое расследование в зоне адресата в ценностном плане, т.е. перед нами снова не дескрипция или номинации события, а скрытое воздействие.

В целом следует отметить, что все самые разные случаи употребления метаязыкового комментария по модели '**в X-м смысле слова**' выступают в качестве инструментария языковой манипуляции: это явления семантического преобразования особого типа, которое можно в целом определить как **операция манипулятивной субституции** узуального смысла в языковом высказывании.

Еще одна весьма репрезентативная группа речевых стратегий манипулятивного типа, связанная с употреблением метаязыковых операторов, описана нами в работе [Радбиль 2014]. Речь идет о целом комплексе метаязыковых показателей со значением истинности: рефлексивов *в истинном смысле слова, в подлинном смысле слова, в действительном смысле слова* и пр., модальных частиц *воистину, поистине*, квазиэпистемических пропозициональных установок *истинно, (что), доподлинно известно, (что)* и пр.

В естественном языке в его обыденном употреблении очень часто эксплуатируется тема объективной истинности, реальности. Люди, производя высказывания, постоянно апеллируют к «тому, что есть на самом деле», т.е. соотносят говоримое с реальным устройством мироздания, со структурой мира (Ч. С. Пирс) в целом. Апелляция к «законам мироздания» придает убедительность и весомость самым простым бытовым суждениям, мнениям, оценкам, высказанным по поводу самых незначительных фактов. Она есть также отличное средство маскировки бессодержательности, путаности, скудности и банальности высказываний. Парадокс в том, что слова и выражения с эксплицитными показателями истинности в ассертивном компоненте семантики выступают в реальной речевой практике, скорее, как средства уклонения от истинности: употребляя некоторые распространенные метаязыковые выражения со значением истинности, говорящий реально не имеет в виду установление некой объективной истины, но реализует некие специфические интенции, связанные с утверждением своей точки зрения на содержание пропозиции или ее фрагмента.

Ср., например — из НКРЯ: *Доподлинно известно, что до двухсот лет мы все могли бы доживать, но мы все делаем для того, чтобы этого не случилось.* — Обратим внимание на то, как маркер безусловной «доподлинной известности» всем и каждому, так сказать, «по умолчанию» интерпретирует в ключе некоей общечеловеческой истины довольно спорное, если не сказать — крайне сомнительное суждение.

Здесь можно видеть специфическую речевую стратегию говорящего, который помещает утверждение, которое в экстенциональном контексте является гипотетичным и дискуссионным, в интенциональный контекст пропозициональной установки установленного и, значит, общеизвестного факта, лишая адресата возможности оспорить сообщаемое. Действительно, нельзя же спорить с незыблемой объективной истиной, которая известна всем и каждому. За спиной у говорящего — мощная защита в лице всего человечества.

Мы условно именуем подобные случаи использования метаязыковых показателей со значением истинности речевыми стратегиями «манипуляции с истиной». Мощный воздейственный потенциал «манипуляций с истиной», который требует от говорящего минимума интеллектуальных усилий — всего-навсего эксплицировать языковой показатель с семантикой истины, но уж никак не аргументировать или верифицировать его истинность, — позволяет нам легко оперировать понятиями «истина», «истинность» в расхожем смысле для выражения наших частных мнений и сомнительных убеждений и не подвергаться при этом вполне ожидаемому опровержению. Высказывание в такой форме претендует ни много ни мало как на установление некоего универсального закона мироздания.

Большинство подобных высказываний полностью вписываются в манипулятивно заряженную стратегию *de re*, когда значения слов и выражений интерпретируются исключительно в духе воззрений говорящего, а не в плане выражения «объективной истины» [Булыгина, Шмелев 1997]. Ср., например: *Доподлинно известно, что со дня на день состоится массированный выброс компромата в отношении Ильюка* [Интернет]. — Нетрудно видеть здесь известное логическое противоречие между тем, что человеку не дано знать будущего («мы не имеем достоверного протокола о будущем»), и тем, что утверждается определенно в модусе абсолютной истинности, т.е. «абсолютного знания». Любопытно также, что в данном примере «абсолютное знание» также вступает в определенный конфликт с неопределенным темпоральным локализатором *со дня на день*.

Рассуждая о лингвопрагматических свойствах метаязыковых показателей со значением истинности, хочется отметить и еще один парадокс их дискурсной актуализации: с одной стороны, эксплицитный ассертивный компонент их семантики отражает стремление говорящего к максимальному соответствию содержания его высказывания «законам мироздания», а с другой стороны, имплицитные компоненты их семантики, связанные с

выражением специфичных намерений говорящего, выступают как действенные механизмы **уклонения говорящего от ответственности за содержание высказывания.**

Подводя итоги, отметим, что в принципе любое эксплицитное выражение истины на лексическом уровне имеет значительный манипулятивный потенциал. Иными словами, чем чаще говорящий апеллирует к «истине», тем меньше в его суждениях истины, потому что объективная истина на самом деле нуждается в верификации, т.е. в подтверждении ее соответствия фактам, а не в словесной экспликации в режиме метатекстового включения.

Подобное — по поводу и без — упоминание столь «сильных» языковых средств, как метаязыковые выражения со значением истинности, чем-то напоминает древнейшую (если не сказать — архетипическую) мифологическую речевую стратегию под названием «магия слова»: ‘то, что я назвал истинным, то и есть истина’. В аспекте дискурсной реализации принципов «правильного» речевого взаимодействия использование подобных метаязыковых средств, не мотивированное прагматической ситуацией, можно трактовать как проявление установки на некооперативное речевое поведение, в рамках которого адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

Литература

- Баранов А.Н. 2011. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. Москва.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1997 — *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: 461-477.
- Иссерс О.С. 2011 — *Речевое воздействие. Учебное пособие*. 2-е изд. Москва.
- Остин Дж.Л. 1986 — Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов*. Москва: 22–129.
- Радбиль Т.Б. 2012 — Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом. *Логический анализ языка. Адресация дискурса*. Москва: 411-423.
- Радбиль Т.Б. 2014 — Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях de re. *Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох*. Москва: 137-148.
- Радбиль Т.Б., Юматов В.А. 2014 — Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 3(2): 18-21.
- Серль Дж.Р. 1986 — Что такое речевой акт? *Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов*. Москва: 151–169.
- Стернин И.А. 2001 — *Введение в теорию речевого воздействия*. Воронеж.

НАЗВАНИЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»
КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В.А. Разумовская

Сибирский федеральный университет, Россия

veronica_raz@hotmail.com

В статье рассматривается проблематика выделения единицы художественного перевода и обосновывается правомерность признания названия художественного текста такой единицей. Важность сохранения информационного объема и потенциала названия определяется его ключевыми функциями, к которым относятся анонсирование произведения потенциальному читателю, идентификация художественного текста как уникального культурного объекта и информирование о содержании называемого текста. Материалом исследования послужили переводы названия романа Ф.М. Достоевского «Бесы» на иностранные языки. Особое внимание уделяется смысловым и культурным сходствам и различиям названий оригинала и анализируемых переводов. В исследование приводятся примеры переводческого дискурса, содержащего анализ сделанного переводчиком выбора.

Ключевые слова: культурное информационное пространство, «сильный» текст, название художественного текста, единица перевода

Одним из «вечных» вопросов, как общей теории перевода, так и художественного переводоведения всегда был и, бесспорно, продолжает оставаться вопрос о выделении единицы перевода, относительно которой конкретный переводчик принимает решение на перевод. Важное методологическое значение, прежде всего, приобретает принцип выделения такой единицы, что в свою очередь определяет ее объем, а также информационную природу и функциональные характеристики. Сложное и многомерное информационное пространство цельнооформленного и завершенного художественного текста представляет собой некую организованную сумму информационных пространств (объемов) отдельных единиц текста, которые выступают информационными гипоединицами по отношению к целому тексту, представляющего собой информационную гиперединицу высшего уровня. Единицы более низкого уровня – гипоединицы – определяются как относительно соответствующих языковых ярусов текста и варьируют от звука до сверхфразового единства, так и компонентов его структурно-содержательной организации, к которым могут быть правомерно отнесены семантическая ситуация и художественный образ.

Являясь полноправным и одновременно всегда уникальным фрагментом общего транснационального литературного и культурного информационного пространства, каждый художественный текст является потенциальным объектом художественного перевода –

сложного коммуникативного акта, обеспечивающего межкультурное взаимодействие и взаимовлияние. Особое место в литературном пространстве принадлежит «сильным» литературным текстам, обладающим высоким энергетическим потенциалом, имеющим большую аудиторию читателей и которые часто включены в национальные образовательные каноны и стандарты. «Сильные» тексты постоянно отдают эстетическую энергию читателям и получают энергию от своих читателей, которая многократно усиливается и качественно изменяется вследствие перманентно возникающего информационного резонанса [Кузьмина 2009:68-71]. Крайне важным является тот очевидный факт, что «сильные» тексты культуры находятся в состоянии перманентного информационного резонанса и с другими «сильными» текстами «своей» и «чужих» культур. Именно «сильные» тексты литературы и культуры являются регулярными и популярными объектами художественного перевода, что всегда делает перевод данных текстов значимым и ответственным видом коммуникативной деятельности.

Важную роль в создании информационной «силы» художественного текста и оказании эстетического воздействия на читателя играет его название. Находясь в предельно инициальной позиции в называемом им тексте, название выполняет ряд важнейших функций: идентификацию художественного текста как уникального эстетического объекта, информирование читателя о содержании последующего основного текста, привлечение внимания потенциального читателя. При этом название произведения, как структурно, так и содержательно тесно связано с основным текстом произведения, являясь его неотъемлемой частью. Нельзя не согласиться с мнением о том, что название – это предельно сжатая свертка целого произведения [Кухаренко 1988:92]. Сходную точку зрения на роль названия высказывает и Р.Р. Чайковский, который определяет название как визитную карточку книги [Чайковский 1994:24]. Выбор оптимального («сильного») названия требует от автора произведения определенных творческих поисков и когнитивных усилий. Не вызывает сомнения, что перевод названий литературных произведений также представляет определенные трудности, связанные с очевидными языковыми и культурными различиями оригинала и перевода, расхождениями в общественном сознании и литературных традициях, индивидуальными фоновыми знаниями переводчика и его эстетическими предпочтениями, а также особенностями идиостиля автора оригинала и воплощенного им художественного замысла (концепции). Все вышесказанное позволяет исследователям утверждать, что «...перевод заглавий, как вообще перевод художественной (и не только художественной) прозы не может ограничиться механической подстановкой на место данного чужезычного слова соответствующего русского, необходим и здесь ... творческий подход» [Рогов 1998:238].

Данное суждение, вне всяких сомнений, справедливо и для ситуации перевода названий «сильных» текстов русской литературы и культуры на «другие» языки мира.

Предметом настоящего исследования стал роман Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871-1872) и ряд его переводных вариантов. Переводы романа формируют центр переводческой аттракции [Разумовская 2011], в который входят полнотекстовые, сокращенные и фрагментарные переводы (глава «У Тихона») оригинала на языки мира, а в более широком смысле – переводы текста Достоевского средствами других семиотических систем (межсемиотический перевод по Р. Якобсону). Уже в 1886 году «Бесы» были переведены на французский (сокращенный перевод В. Дерели), датский (перевод Э. Хансена) и голландский (перевод К. Бринкмана) языки, а в 1888 году был опубликован первый немецкий перевод (переводчик – Г. Путце). По сравнению с другими центрами переводческой аттракции, в которых аттракторами выступают другие тексты Ф.М. Достоевского, рассматриваемый в данной работе центр менее объемён, что в определенной мере отражает незаслуженно малое внимание к данному художественному тексту в российской и мировой культурах. Особенностью романа, являющегося одним из последних, но едва ли не самым значительным произведением писателя, является стремление его автора рассказать не о конкретной человеческой личности, а создать портрет молодого поколения России середины XIX века. Так, А. Камю, осуществивший в 1959 году инсценировку романа, считал «Бесов» шедевром мировой литературы [Camus 2002]. Для А. Жида роман является «... самым мощным, самым замечательным созданием великого романиста» [Жид 1926:452]

В метафорическом названии оригинала «Бесы», заключен глубокий переносный и важный символический смысл, представленный в смысловой паре «бесы и бесноватые». Название романа-предупреждения имеет сильные христианские, медико-психиатрические и поведенческие, а также философские импликации и имеет отсылку к реальным историческим событиям (политическое убийство). Примечательно, что о важности названия данного текста Ф.М. Достоевский писал своему другу поэту А.Н. Майкову. Название русского оригинала эксплицитно указывает на одержимых людей. С другой стороны, в названии «Бесы» эксплицируется и такой смысл, как одерживающие (лица, осуществляющие одержание). В результате оригинальной многозначности единицы «бесы» основной проблемой для переводчиков из различных стран и временных периодов стала очевидная двойственная аллюзивность названия оригинала. Прежде всего, это отсылка к Евангелию от Луки, где описана сцена изгнания чертей из людей и последовавшее далее вселение чертей в свиней. Соответствующий отрывок из текста Библии представлен у Ф.М. Достоевского в качестве эпиграфа, что напрямую эксплицирует смысл названия. В оригинальном тексте романа также представлен и другой эпиграф, взятый из поэтического текста «Бесы»

А.С. Пушкина и полностью созвучный с пророческой трагедийностью повествования Достоевского. Таким образом, название романа содержит в себе отсылки ко многим высказываниям, как в тексте номинируемого художественного произведения, так и к прецедентным художественным и религиозным текстам, что требует особого внимания и делает передачу смысла оригинального названия средствами других языков и культур трудной задачей для переводчиков.

Исследование концепта русской культуры «бесы» на материале текста одноименного романа позволяет определить, что исследуемый концепт имеет многослойную полевую организацию: ядро концепта составляет лексема «бес/бесы», которая вербализирует в тексте романа признак «зло»; ближнюю периферию образуют семантические поля, репрезентирующие древние, дохристианские признаки концепта; дальняя периферия исследуемого концепта также состоит из семантических полей, которые выражают индивидуально-авторское наполнение анализируемого концепта. В результате исследования становится очевидным, что в отличие от дохристианского и христианского представления о бесах как о бесплотных злых существах концепт «бесы» у Ф.М. Достоевского через актуализируемый в тексте романа признак «физическое воплощение» приобретает и новый смысл – смысл «нигилисты» [Истомина 2002]. Смысл единицы русского языка «бесы», имеющей общеславянское происхождение, традиционно определяется как «злые духи», что соответствует языческим древнеславянским религиозно-мифологическим представлениям и широко представлено в фольклорных текстах. Позднее в христианской традиции единица стала регулярно использоваться для перевода единицы «демоны», имеющей древнегреческое происхождение и обладающей смыслами «злые духи, дьявол, сатана». Другим синонимом единицы «бес» в русском языке выступает единица праславянского происхождения «чёрт» («злой дух низкого ранга»). В православии единица «бесы» используется как в первоначальном смысле, так и в более позднем христианском [Бесы 1991:92]. В названии текста Ф.М. Достоевского, бесспорно, представлены два основных смысла единицы.

Общаясь к некоторым переводческим аспектам романа, интересно подчеркнуть, что Ф.М. Достоевского интересовали вопросы переводимости русской литературы. В «Дневнике писателя» русский писатель отстаивал идею переводимости западной литературы на русский язык и непереводимости русской литературы на западноевропейские языки [Власов 2014].

В иноязычных переводах названия романа обнаруживаются смысловые и культурные соответствия и расхождения, что позволяет определить название художественного произведения как регулярную единицу художественного перевода. Анализ названий переводов художественного текста, представленных в международной базе переводов ЮНЕСКО [Index

Translationum]¹⁷, позволяет сделать следующие наблюдения и выводы. Так, при переводе на славянские языки переводчики преимущественно использовали единицы, являющиеся семантически и этимологически близкими единице оригинала «бесы». В центре переводческой аттракции романа представлено несколько польских переводов, выполненных И. Еджеевичем (1987), З. Подгожеком (2002), Т. Загорски (2004) и имеющих название “Biesy”. Существует несколько болгарских переводов романа, опубликованных под названием “Besove”. Это переводы Б. Бурсова (1983), А. Атанасова (1993), В. Райчева (1983). В чешском переводе 2000 года – “Běsi” (Т. Гачкова и Я. Гулак); в хорватском 2006 года – “Bjesovi” (И. и Я. Кушан); в македонском 1993 года – “Besovi” (Б. Варошлия). В других славянских переводах (в частности, сербских) в названиях не сохранена единица оригинала, но передан один из основных смыслов («злой дух»): “Zli duši” (В. Маркович, 1981) и “Nečiste síle” (К. Цветкович, 1922).

В названиях переводов «Бесов» на неславянские языки наиболее часто представлены единицы, этимологически восходящие к древнегреческой единице «демоны», что соответствует традиционной паре культурных и языковых эквивалентов «бесы-демоны». Так, в румынском переводе 1970 года использовано название “Demonii” (переводчики Н. Гане и М. Преда); французском – “Les demons” (1955 года С. Луно и Б. де Шлецер, а также 2001 года А. Марковича); итальянском – “I demoni” (1931 года С. Балакучиоф, 1981 года Дж. Бугафава, 1987 года Р. Куферле, 1990 года Ф. Гори, 1995 года М. Галензи); португальском 1983 года – “Os demónios” (Р. Мадейра); литовском 1997 года – “Demonai” (А. Атанавичус); испанском – “Los demonios” (1984 года Х. Лопес-Марилья, 1984 года К. Ассенс, 1985 Л. Аболада); каталанском 1987 года – “Dimonis” (Дж. М. Гуэль); эстонском 1997 года – “Kurjad vaimud” (В. Крим и Г. Райметс). Кроме того, существует французский перевод, опубликованный под названием “Les possédés” (Э. Гертик). Аналогичный смысл представлен в норвежском переводе 1991 года “De besatte” (Г. Кейтсаа) и шведском переводе 2006 года “De besatte” (Э. Томассен), а также в финских переводах И. Пекари (1979) и Л. Пикко (1982), опубликованных под названием “Riivaajat”.

Обобщенный смысл «нечистая сила» представлен в названиях датского “Onde ånder” (О.Х. Йенсен, 1996) и шведского “Onda andar” (С. Даль, 2004) переводов. Смысл «дьявол» передан в названиях венгерского “Ördögök” (И. Макай, 1983), исландского “Djöflarnir” (И. Харальдсдотир, 2000) и албанского “Djajtë” (Й. Доксани, 2000) переводов. Ярким примером доместикации (по Л. Венути) может служить турецкий вариант названия “Eciniler” («Джинны») (переводчики Э. Озден и И. Ергуз), опубликованный в 1982 году. К случаям «одомашнивания» названия романа относится и перевод названия на японский язык

¹⁷ В тексте статьи указывает год первой публикации перевода или его переиздания, указанные в базе данных.

("Akuryô"), используемое в переводе Е. Таку 1979 года и И. Камеяма 2010 года. В японском варианте названия использована единица, номинирующая японского аналога черта.

Наиболее известными и часто переиздаваемыми английскими вариантами переводов романа являются тексты, опубликованные под названиями "Demons" (В. Пивер и Л. Волохонски в 1994 году), "The Devils" (К. Гарнет в 1916 году), "The Possessed" (Д. Магаршак в 1923 году, М. Кац в 1992 году). Последний известный английский перевод романа (переводчик Р. Магир) опубликован в 2008 году под названием "Demons". Важно отметить, что в англоязычном литературоведении наиболее широко используются варианты названия "Demons" и "Devils".

Примечательно, что в историографии межъязыковых переводов романа «Бесы» представлены не только переводческие варианты оригинального названия, но и анализ принятых переводческих решений. Так, в историографии немецких переводов романа представлены следующие варианты названия: "Die Besessenen", "Die Dämonen", "Die Teufel", "Böse Geister". Из всех перечисленных названий наибольшей критике подвергался вариант "Böse Geister" («Злые духи»), предложенный, согласно распространенному мнению, С. Гайгер (перевод 1998 года). Так, Д. Добровольский отмечает, что данное название по сравнению с традиционным вариантом "Die Dämonen" (переводчики К. Разин, Г. Рёль, М. Кегель, Г. Далиц) подчеркивает какую-то мелкость и пакостность [Добровольский 2015]. Рассматривая стратегии перевода романа «Бесы» на немецкий язык, Р. Хансен-Кокоруш отмечает, что вариант "Böse Geister" принадлежит не С. Гайгер, как традиционно утверждает критика, а русскому эмигранту и переводчику А. Элиасбергу, опубликовавшему в 1920-е годы под данным названием часть романа Достоевского на немецком языке [Хансен-Кокоруш 2013]. Исследователь считает, что в представленная в тексте романа очевидная религиозная и философская оппозиция «бог-черт», а также цитата из пушкинских «Бесов», выбранная Ф.М. Достоевским в качестве одного из эпиграфов, делают вариант "Böse Geister" достаточно неудачным. В подтверждение своего вывода Р. Хансен-Кокоруш приводит высказывание немецкого библиографа писателя К. Хильшер, которая пишет: «Наиболее употребительным русским словом является «черт», и оно появляется в тексте романа, но кроме него в нем появляется и понятие «демон». Поэтому Светлана Гайгер наверняка совершенно осознанно выбрала обобщающий вариант перевода ("Böse Geister"). В книге речь идет не только о демонах революции, но и о злом духе всей западной либеральной цивилизации, в атеизме и материализме которой, по мнению Достоевского, кроется главная причина всех потрясений в обществе. Также в ней говорится о бездне зла в человеке в целом, как, например, она показана в образе великого грешника Ставрогина, который из-за совершенного безразличия лишен способности отличать добро от зла. Но в случае, когда

Ставрогин в своей ужасающей исповеди сознается в страшнейшем преступлении, совращении ребенка, и рассказывает о ночных видениях, о том, что ему является «злой дух», перевод Светланы Гайер оказывается ловушкой, т.к. к Ставрогину, конечно, приходит именно «черт», а не «злой дух»» [Цит. по: Хансен-Кокоруш 2013:28]

Роман был неоднократно экранизирован: 1988 (“Les Possédés”, А. Вайда, Франция), 1992 («Бесы», И. и Д. Таланкины, Россия), 2006 («Бесы», В. Ахадов и Г. Карюк, Россия), 2014 («Бесы», В. Хотиненко, Россия), 2014 («Бесы», Р. Шаляпин, Россия). Известно о том, что первой экранизацией текста Ф.М. Достоевского был несохранившийся немой фильм 1915 года. Режиссер Я. Протозанов назвал свою киноверсию по имени главного героя романа – «Николай Ставрогин». По мнению С.С. Гинзбурга данный фильм явился одним из крупнейших художественных достижений российского дореволюционного кинематографа [Гинзбург 1963]. Известные театральные постановки романа Достоевского были осуществлены А. Камю (1959), Л. Додиним (1991) и Ю. Любимовым (2011). Французская театральная адаптация романа, предложенная А. Камю, приобрела мировую известность и вызвала много откликов. В основу постановки А. Камю был положен французский перевод Б. де Шлецер, опубликованный в 1955 году под названием “Les Démons”: «На этот раз с правильным переводом названия романа на французский – “Les Démons”, в отличие от ошибочного, но по-французски более «экспрессивного» и ставшего традиционным перевода “Les Possédés” («Одержимые/Бесноватые», с легкой руки Мельхиора де Вогиюэ, см. его “Le roman russe” (1886)» [Кушкин 2013]. С точки зрения рассматриваемой в работе проблемы интересно отметить, что по требованию дирекции театры А. Камю был вынужден заменить «название пьесы “Les Démons” на привычное для французской публики “Les Possédés”» [Кушкин 2013].

Проведенный анализ переводов названия романа «Бесы» на иностранные языки носит предварительный характер, поскольку в нем не были учтены переводы текста романа на многие современные языки мира, а также на другие семиотические системы. Тем не менее, полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: название художественного произведения является регулярной единицей перевода, относительно которой принимается решение на перевод; стратегии перевода названия выбираются с учетом языковых и культурных различий текстов, вовлеченных в процесс перевода; определенную роль в выборе названия текста перевода играет переводческая традиция, сложившаяся в языке и культуре перевода; трудности перевода названия художественного текста отражают смысловую сложность и эстетическую ценность названия, поскольку (в соответствии с известной метафорой художественного перевода) перевод выступает в роли некоего зеркала языка и культуры оригинала.

Литература

- Бесы 1991 – *Мифологический словарь*. Москва: Советская энциклопедия. С. 92-93.
- Власов С.В. 2014. – «Братья Карамазовы» на французском языке. *Романский коллегийум. Выпуск 6, посвященный памяти И.В. Лукьянец. Французские пассажи Ф.М. Достоевского*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ. С. 132-155.
- Гинзбург С. 1963. – *Кинематография дореволюционной России*. Москва: Искусство.
- Добровольский Д. – *В чем сложность переводов романов Достоевского на немецкий язык*. <http://postnauka.ru/video/48118>
- Жид.А. 1926. – *Собрание сочинений. Том 2*. Москва: Academia.
- Кузьмина Н.А. 2009. – *Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации*. Омск: Изд-во Омского госуниверситета.
- Истомина Н.Ф. 2002. – *Концепт «Бесы» в одноименном романе Ф.М. Достоевского. Дисс. ... канд. филол. наук*. Липецк.
- Кухаренко В.А. 1988. – *Интерпретация текста*. Москва: Просвещение.
- Кушкин Е. 2013. – «Бесы» на французской сцене. *Звезда*. № 11. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/11/11k-pr.html>
- Разумовская В.А. 2011. – «Евгений Онегин» как центр переводческой аттракции: к вопросу о неисчерпаемости художественного оригинала. *Congreso Internacional “Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspectos teóricos y metodológicos”*. Granada. 7-9 de septiembre de 2011. Granada: Jizo Ediciones. Pp. 584 – 589.
- Рогов В. 1998. – О переводе заглавий. *Иностранная литература*. № 4. С. 238–246.
- Чайковский Р.Р. 1994. – Слова, вставшие на крыло. Афоризмы Булата Окуджавы. *Русская речь*. № 2. С. 22-25.
- Хансен-Кокоруш Р. 2013. – Стратегии перевода романа Ф.М. Достоевского «Бесы» на немецкий язык (на примере переводов Е.К. Райзин и С. Гайгер). *Текст. Книга. Книгоиздание*. – № 1(3). С. 18-29.
- Camus A. 2002 – *Théâtre, récits, nouvelles*. Paris: Gallimard.
- Index Translationum* // http://portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=7810&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 444-447. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

«ИГРАТЬ ПО-ВЗРОСЛОМУ»: ПРОВЕДЕНИЕ ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ИГРОВОЙ ФОРМЕ

Л.В. Ракитина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия

larissa.rakitina@gmail.com

Статья посвящена методике проверки знаний учащихся по русскому языку как иностранному в формате многофункциональной игры. В работе анализируются возможные проблемы преподавания иностранного языка в старшей аудитории и предлагаются варианты их решения. Рассматриваются основные принципы и особенности игрового обучения при работе со взрослыми. Оценивается степень применимости его концепции к сфере лингводидактического тестирования.

Ключевые слова: языковое тестирование, игровое обучение, андрагогика, контрольно-измерительные материалы

Общеизвестно, что русский язык относится к группе международных языков. Несмотря на то, что мировым лидером по распространённости в иностранных школьных программах русский язык не является, он входит в список самых популярных языков мира, изучаемых в более старшем возрасте. Ежегодно миллионы взрослых иностранцев принимают решение выучить наш язык с профессиональными или личными целями. Ожидается, что их количество возрастет под влиянием изменившегося федерального законодательства, согласно которому знание национального языка требуется практически для любой деятельности иностранца на территории России. В связи с этим разработка новых учебных технологий в области преподавания русского языка как иностранного во взрослой аудитории не теряет своей актуальности.

Распространено мнение, что изучение нового языка во старшем возрасте неразрывно связано с трудностями. Известно, что одной из основных проблем в работе со взрослыми студентами является боязнь ошибок. Часто студенты оказываются склонны к перфекционизму, стесняясь своей речи и предпочитая ничего не говорить, чем говорить неправильно. К сожалению, идеальной речи с первого раза добиться получается крайне редко, что для многих оказывается серьезным стрессом. Кроме того, частым страхом, особенно для успешного, образованного человека оказывается боязнь показаться примитивным; ощущение того, что он, серьезный бизнесмен, говорит «как ребенок».

Помимо таких волнений, есть и другие причины трудностей: для работающего человека изучение языка чаще всего является не основным занятием, у него не хватает ни

времени, ни сил на полноценное изучение правил и выполнение монотонных домашних заданий. Мало того, его стремление овладеть другим языком может быть встречено окружающими неодобрительно и иронически – «вечный студент». Сама возможность обучения представляется забытым и утраченным навыком, а воспоминания о занятиях языком в школе не всегда бывают позитивными. В результате всех этих факторов взрослый, оказавшись в роли ученика, чувствует себя, как правило, неуверенно и скованно.

Очевидно, что перечисленные трудности носят преимущественно психологический характер. В то же время для овладения иностранным языком необходимо преодоление этого психологического барьера, препятствующего успешному обучению. Одной из самых перспективных стратегий снятия нервного напряжения в аудитории, на наш взгляд, является внедрение в процесс элементов игровой методики. Такая технология связана с особой формой взаимодействия преподавателя и учащегося через реализацию определенного вымышленного сюжета с четкими правилами.

На первый взгляд может показаться, что такая методика может найти свое применение только в детской и подростковой аудитории. Тем не менее, известно, что большинство взрослых охотно используют своё свободное время для участия в разных видах игр (спортивных, компьютерных, настольных), что доказывает лояльность людей к подобному времяпрепровождению в любом возрасте. Такой вывод подтверждается многочисленными психологическими исследованиями (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, Г.А. Китайгородская и др.). Более того, благодаря развитию моральной и эмоциональной устойчивости, способность принимать правила игры и следовать им с возрастом только укрепляется, что усиливает положительный эффект методики.

Склонность людей к игре объясняется множеством ее особенностей, которые можно назвать преимуществами: это привычное и любимое с детства занятие; она эмоционально вовлекает в себя, дает дополнительную мотивацию, активизирует творческие способности. Во многом игра привлекает возможностью оказаться в новой ситуации, отличающейся от повседневной степенью свободы моделирования. В процессе игры человек может позволить себе «быть кем-то еще», совершая действия, по ряду причин невозможные в обычной жизни. Игровая ситуация не воспринимается полностью реальной, что дает возможность расслабиться и попробовать альтернативные способы решения поставленных задач и достижения игровой цели, не испытывая панического страха неудачи.

Обычная, бытовая игра несет ряд важнейших функций: самореализации (то есть, возможности добиться успеха в игре), коммуникации (возможности общения с другими игроками), развлечения (возможности получить удовольствие), релаксации (возможности отдохнуть) и так далее. Игровое обучение отвечает тем же требованиям, но важнейшим его

отличием от бытовой игры является обязательное включение обучающего компонента, который зачастую имплицитен, но вместе с тем имеет ключевое значение.

Важным обстоятельством, влияющим на успех применения игры на занятии, видится соблюдение всех основных принципов ее построения, к которым относятся следующие:

1. Ситуация и роль, которые должны быть обсуждены и приняты совместно преподавателем и учащимся до начала игры. Они должны быть интересны и понятны студенту, хотя могут и не совпадать с его повседневной деятельностью.

2. Правила, также обговоренные перед началом игры с учетом нестандартных ситуаций.

3. Цель, не только ясная, но и желанная для учащегося.

4. Четко обозначенные начало и конец игры.

Очень важно, кроме того, обеспечить возможность спокойного, «мягкого» входа учащегося в ситуацию игры. В отличие от детей, для которых игра является основным видом деятельности, при работе с взрослыми важно учитывать степень радикальности смены повседневной ситуации и роли на игровые и обеспечить плавность перехода к игре.

Вне всякого сомнения, данная методика в большей или меньшей степени используется на занятиях по русскому языку как иностранному. К элементам игрового обучения можно отнести составление и разыгрывание диалогов по ролям, задания с соревновательным подтекстом, кроссворды, картинки и так далее. Тем не менее, игра, как правило, выполняет в таких ситуациях преимущественно развлекательную и релаксационную функцию, что, несомненно, является важной, но не единственной возможной сферой ее применения. Кроме того, преподаватель, а следовательно, и учащийся, часто воспринимает игру как шуточное занятие, тем самым еще раз подтверждая ошибочный тезис об исключительно промежуточном характере игры.

Для построения полноценного игрового занятия необходимо, по нашему мнению, уйти от противопоставления «игровое – полезное», в котором второй компонент, носящий однозначно позитивную коннотацию в отношении обучения, предстает в оппозиции к первому. Очевидно, что при правильной организации, игра оказывается не менее полезным и эффективным методом, чем традиционные способы обучения.

В доказательство этого тезиса можно привести еще и тот факт, что изучение иностранного языка непосредственно связано с моделированием вторичной языковой личности (об этом пишут, напр., И.Л. Бим и И.И. Халеева). Такая особенность роднит обучение с игрой, где, как упоминалось выше, происходит близкое по сути формирование новой, особенной личности – игровой. Игровое обучение, как и следует из названия, совмещает эти два процесса. В процессе продуманной игры учащийся абстрагируется от

субъективного восприятия языка, развивая не свои собственные навыки и умения, а продвигая вперед своего игрового персонажа. Такое занятие обеспечивает психологический комфорт студента и, вместе с тем, краткосрочную мотивацию в условиях, когда долгосрочная (напр., получение работы, гражданства, диплома) может быть забыта.

В то же время, игровое обучение, при всех своих перечисленных плюсах, даже применяясь фрагментарно на уроках, крайне редко применяется на экзаменах. Такой способ проверки знаний ассоциируется исключительно с детской аудиторией, незнакомой с традиционным тестированием. Однако, как было рассмотрено выше, эффективность игрового формата для взрослых при правильном построении занятия крайне высока.

Представляется, что актуальность применения игры для тестирования языковых знаний студентов не только не ниже, но и выше, чем при аналогичном применении в процессе обучения. Ситуация экзамена требует максимальной концентрации, демонстрации всех приобретенных умений и быстрого и точного выполнения заданий. Вместе с тем, экзамен является непростым испытанием для психики, эмоционально тяжелым и стрессовым мероприятием. Сама серьезность и важность проверки чаще всего оказывается дополнительной причиной волнения и неуверенности в себе, что неизбежно приводит к ошибкам, которых в стабильном эмоциональном состоянии могло не возникнуть.

Как уже упоминалось, игра представляет собой деятельность с сильным мотивационным аспектом и высокой степенью сосредоточенности и вовлеченности, что объединяет ее с экзаменом. В то же время моделирование игровых рамок позволяет выйти из реальной ситуации и избавиться от психологического напряжения, что позволяет действовать более уверенно и точно. Очевидно, что даже сами принципы построения игры в общем и целом совпадают с принципами построения экзаменационных заданий.

В связи со всем вышесказанным, хотелось бы, чтобы игровой подход стал частью не только обучения, но и языкового тестирования как отдельного самостоятельного аспекта прикладной лингвистики.

При создании игры необходимо проанализировать и синтезировать все требуемые на данном уровне умения в области грамматики, лексики, чтения, аудирования и говорения и адаптировать их к моделируемой ситуации. Самым очевидным вариантом представляется соотнесение заданий для каждого уровня с требованиями соответствующих государственных стандартов. Оценивать выполненные упражнения можно также по существующим стандартным матрицам проверки.

Такое тестирование может быть использовано не только в качестве итоговой проверки языковых умений, но и в качестве промежуточного теста достижений, а также для оценки уровня владения языком вне каких-либо программ.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

Л.В. Рацибурская

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

racib@yandex.ru

В статье анализируются медийные новообразования, отражающие современную российскую действительность, даются структурно-семантические и функциональные характеристики способов узуального и незузуального словообразования. Описываются наиболее продуктивные узуальные и незузуальные способы: суффиксация, префиксация, контаминация, голофразис. Незузуальные новообразования характеризуются особой экспрессивной значимостью.

Ключевые слова: масс-медиа, узуальное и незузуальное словообразование, продуктивные форманты, модели и способы словообразования

В последние десятилетия медийные тексты современных российских средств массовой информации демонстрируют разнообразие деривационных процессов в современном русском языке. Стремление к воздействию на общественное сознание становится главенствующей коммуникативной установкой, влияющей на специфику медийного словотворчества, которое отличается высокой степенью экспрессивности и оценочности новообразований.

По-прежнему активно создаются новообразования в процессах именной префиксации с участием иноязычных греко-латинских префиксов *анти-* с семантикой отрицания, противопоставленности, *супер-* с размерно-оценочной семантикой, *псевдо-* со значением неистинности, ложности, *экс-* с семой 'бывший' и др.: *Назвать эти антидобрые и антилюбовные поступки «миссией», пожалуй, трудно* (Дочки-матери, 19.06.2007); *страны антиигиловской коалиции* (радио «Бизнес FM», 07.10.2015); *казенный антипатриотизм* (Литературная газета, 07.08.2013); *Для простоты такой жанр можно было бы назвать антипеснями* (Собеседник, 2014, № 38); *...он им мешал, потому что из всей российской оппозиции имел наименьший антирейтинг* (Собеседник, 2015, № 40); *У нас нет народа, по отношению к которому были бы антинастроения* (телеканал «Россия-1», 19.11.2015); *У нас у Алферова супреучебные заведения* (телеканал «Россия-1», 29.11.2015); *уверенный, сверхуверенный, даже суперуверенный* (радио «Бизнес FM», 17.11.2015); *Оборона россиян не выглядит суперпрочной* (радио «Бизнес FM», 08.06.2015); *Мы не гранды мирового футбола, суперожидания нельзя делать* (Россия 1, 06.06.2015); *...все по-настоящему крупные и масштабные дела делаются только в одиночку. Кто может «помогать»*

Наполеону? Супернаполеон? (Комсомольская правда, 21-28.08.2014); *Супер-аферист* или *зиц-председатель?* (Ленинская мена, 19.03.2015); *Суперэкспрессы* пустят в столицу в 2018 году (Комсомольская правда - Нижний Новгород, 20.05.2015); *Я стал ректором в эпоху супердемократии* (Собеседник, 2015, № 4); *музыкальная супербитва* (1-й телеканал, 20.11.2015); *Вместо того, чтобы строить федеративное государство с двумя равноправными языками, они с неонацистским рвением стали гордить моноэтническое, моношароварное псевдообразование* (Литературная газета, 10-16.09.2014); *Активисты начали друг друга называть «псевдолевыми», а либералов - «либеральной шушерой»* (Новая газета, 12.03.2014); *Итальянский режиссер, известный своими псевдобιοграфическими фильмами* (Евроновости, 24.05.2015); *Не будет проплаченных псевдошахтерских митингов* (1-й телеканал, 31.01.2015); *экс-нападающий сборной России* (Бизнес FM, 08.06.2015); *экс-соратник Януковича Юрий Бойко* (Московский комсомолец. РРЕ, 26.11-03.12.2014); *Супруги расстались еще в 1996 году, причем экс-жене богатого бизнесмена тогда достались крохи <...> Еще в 2001 году она пыталась отсудить у экс-благоверного 20 млн долларов, но безуспешно* (Собеседник, 2014, № 46); *Экс-начальники обвиняемых - губернаторы Городецкий и Толоконский* (Собеседник, 2014, № 46).

Наряду с активным функционированием в деривационных процессах заимствованных ранее префиксов появляются новые аффиксы иноязычного характера (префикс *мега-*) и аффиксоиды (суффиксоиды *-гейт*, *-лэнд*): *Для тех, кто хочет отличиться у Владимирской площади еще одним мегауродом, сохранившаяся здесь застройка конца XVIII-начала XIX вв. – «рухлядь и рассадник бомжей»* (Новая газета, 23.03.2009); *Мегановость* прошлой недели (Московский комсомолец, 26.06-03.07.2013); *Это сложнейшая рок-опера, которая требует мегапрофессионализма* (1-й телеканал, 06.11.2015); *Мы все, конечно, знаем, что, избавившись от мегакоррупционного тирана, Украина ввергла себя в пучину бедствий* (Московский комсомолец. РРЕ, 26.11-03.12.2014); *Алтайгейт, Ирангейт, Моникагейт, Обамагейт; Капеллогейт. В финансировании главного тренера сборной России по футболу могли принимать участие компании и люди, замешанные в масштабных махинациях по отмыванию преступных средств* (Российская газета, 24.04.2015); *Израильский бизнесмен Гадамак связан с так называемым делом «Анголагейт»* (радио «Бизнес- FM», 26.11.2013); *Регионы охватывает «намазгейт». Тема ислама и мечетей вошла в арсенал черных пиарщиков* (Независимая газета-Религия, 21.08.2013); *Я по-прежнему убеждена, что основная вина в скандале с «Тангейзером» лежит на театральном сообществе <...> Кстати, «тангейзергейт» попутно выявил коммуникативный изъян...* (Культура, 10-16.04.2015, № 13); *Сталинлэнд; Моторлэнд; Шаолэнд; Информация конгресса США о том, что Россия в прошлом году вышла на первое место в мире по поставкам оружия в*

«развивающиеся страны», призвана усилить негативное отношение к «Путинлэнду» (Завтра, 2006, № 44). На статус форманта претендует и элемент –вуд: **Таллинвуд, Смоливуд**. (О новых аффиксоидах см. в работах Е.М. Коряковцевой, С.В. Ильясовой [Коряковцева 2012, Ильясова 2013]).

В связи с высокой оценочной плотностью современных медиатекстов указанные иноязычные аффиксы и аффиксоиды выступают в новообразованиях как яркое экспрессивно-оценочное средство. В последние годы в этой функции активно используется также префикс *недо-* при создании новообразований разных частей речи, особенно существительных: *На минувшей неделе один из таких недополитиков охотно и с удовольствием рассказал журналисту «Премьера» свое видение ситуации вокруг уголовного дела Валентина Горобцова (Премьер, 02.09.2008); недолидер, недовождь (Риск, 22.10.2013); Недомирие. С 15 февраля вступило в силу перемирие между Украиной и самопровозглашёнными республиками Донбасса (Литературная газета, 18-24.02.2015, № 7); Составить странную историю из недофактов... (Комсомольская правда, 19.08.2015); Для страны "уникальной" и "исключительной", с "богоизбранным народом", как видят себя США, все человеки - "недочеловеки", а государства - "недогосударства". Что особенного может произойти за какие-то 70 лет в этих "недостранах"? (5.11.08.2015, №2); Где-то добавила, где-то убавила, где-то передобавила, где-то недоубавила (1-й телеканал, 06.11.2015).*

По-прежнему активно используются в СМИ в оценочной функции производные абстрактной семантики с книжными суффиксами –(из)аци(я) и разговорным суффиксом –цин(а) с оттенком неодобрения: **Гламуризация** всей страны (Московский комсомолец, 10.04.2010); *Вместе с тем такая «дагестанизация» конфликта в состоянии сыграть с федеральной властью злую шутку (Независимая газета, 26.11.2010); Какая уж тут модернизация с «наноизацией» плюс айфонизация всей страны (Открытая газета, 15-22.09.2010); Плюс китаизация всей страны (Коммерсантъ, 01.02.2010); Дженифер Лопес и Ксения Собчак как диалог индустриализации и таджикизации (Русский обозреватель, 10.10.2013); Великая французская депардьезация (Новая газета, 09.01.2013); Азиатизация <...> Рывок к современной западной цивилизации, под знаком которого прошли 80-е и 90-е годы, обернулся все сильнее набирающей ход «азиатчиной», проникающей и в наш быт, и в систему политических институтов, и в общий нравственный климат нашего общества (Литературная газета, 13-19.03.2013); ...долой лимоновщину, то есть неуступчивость (Независимая газета, 17.12.2012); Здесь нет даже шарашек – только продолжение той самой андроповщины, которая похоронила сначала разрядку, а потом и советский проект в целом (Собеседник, 2014, № 48); От майданины к антимайданине. Украина*

стремительно теряет остатки государственности (Свободная пресса, 03.02.2015); *В культовой для нашей диссидентщины книге Александра Солженицына «В круге первом» дипломат Володин звонит в американское посольство, чтобы разоблачить советского агента* (Культура, 06-12.02.2015); *Тяга людей ко всяческой потустороннице сегодня едва ли не активней, чем во времена Толстого...* (Литературная газета, 18-24.03.2015, № 11); *...экономическая беда, в которую нас загнали гайдаровщина и кудринщина* (телеканал «Россия-1», 05.11.2015)

Социальные пристрастия и антипатии выражаются в новообразованиях с компонентами –*мания, -фобия*: Зачастую основными предметами шопоголизма становятся одежда, обувь, различные аксессуары, а также продукты. Есть также и особые формы этой болезни, которые развились вместе с рекламой. Например, *сейломания*, признаки которой время от времени может обнаружить у себя каждый <...> Именно поэтому *сейломанию* называют еще и манией распродаж и скидок. Недалеко от нее ушли *брендомания* — навязчивое желание приобретать изделия или услуги конкретных брендов ... (Экстра-Н, 27.10-02.11.2014); *Штрафомания и штрафофобия*. Наша власть увлеченно вводит все больше различных штрафов и наказаний (Литературная газета, 26.11-02.12.2014, № 47).

Достаточно активно создаются существительные с различными размерно-оценочными суффиксами: *Вы не патриот вовсе, а так, мелочный и меркантильный патриотишка, не видящий дальше собственного носа* (Ежедневный журнал, 05.11.2005); *Даже наши желторотые артистишки этим грешат* (Собеседник, 2014, № 44); *Либералишки несчастные* (Московский Комсомолец, 06.04.2015); *Вот в чем фишка, прикольчик-то в чем?* (Культура, 3-9.10.2014, № 34); *Ристалище под Кстовом. Мериться силушкой здесь будут настоящие богатырчики* (Аргументы и факты – Нижний Новгород, 23-29.03.2011); *«Не назову это бумом, но это бумчик», – охарактеризовал он такую динамику* (Новые известия, 23.01.2012); *Даже в моем скромном бложке появился специальный тег ... для англоязычных материалов...* (Завтра, 15.07.2014); *Клобучок сниму, амуничку надену* (Культура, 03-09.2014, № 34); *С большой вероятностью можно ожидать разные майданы, майданчики* (телеканал Россия 1, 24.05.2015); *Он говорит, мы тебя состарим, создадим какой-нибудь гримчик* (1-й телеканал, 14.11.2015).

В последнее время наблюдается активизация ряда узуальных словообразовательных моделей, характерных для разговорной речи, в частности при образовании прилагательных и наречий-диминутивов: *Вел себя адекватно, только затхленько* (Комсомольская правда, 08.11.2011); *Толерантненько*. Факт давно общеизвестный: те, кто громче всех кричит о необходимости свободы слова, требуют этой свободы слова не для всех, а только лишь

исключительно для себя (Завтра, 13.09.2012); *Все равно возвращение Долматова перекрыла другая тема - свадьба Ксении Собчак. И гламурненько, и оппозиционненько* (Российская газета, 05.02.2013); *Грешновато, но православненько* (Московские новости, 07.11.2014); *Если ты весь список будешь читать – у нас программа закончится. – Не закончится. Я буду так порционненько-порционненько* (Радио «Комсомольская правда», 28.10.2014); *У нас в Питере все пряменько, перпендикулярненько, параллельненько* (Россия 1, 17.05.2015).; *Иными словами, все точь-в-точненько* (1-й канал, развлекательная программа «Точь-в-точь», 22.02.2015).

Новообразования с размерно-оценочными суффиксами используются в современных медиатекстах в функции экспрессивно-оценочных средств при характеристике как неодушевленных предметов, так и лиц, а также действий и состояний, что особенно актуально в периоды социальных противостояний. Во многих случаях экспрессия имеет уничижительный характер. Диминутивы становятся эффективным средством манипулирования, воздействия на массовое общественное сознание [Петрова, Рацибурская 2006]: *Нужна элита, а не элитка. Наша политическая, а особенно управленческая элита сейчас недееспособна и деквалифицированна* (Комсомольская правда, 21.11.2014); *Это катастрофка небольшая, социальная* (радио «Коммерсант FM», 16.10.2014).

«На рубеже XX – XXI вв. особую активность проявляет неuzuальное словообразование. Оно связано с раскрепощением языка, ослаблением границ между разными сферами языка. Неuzuальное словообразование характерно для всех сфер языка <...>, но наиболее интенсивно оно живет в СМИ...» [Земская 2010: 249].

Наряду с деривационными процессами зуального характера в современных медийных текстах наблюдается расцвет неuzuального словотворчества, в частности разного рода контаминация, при которой совмещаются формально тождественные части исходных слов: *Снегодяи. Кто бы мог подумать, что этот прекрасный белый снег станет так раздражать <...> Но когда же снег начнут нормально, качественно убирать с городских дорог и из дворов?* (Патриоты Нижнего, 2015, №5) – снег+негодяи; *Интервру* (Аргументы и факты, 15-21.04.2015)- интервью+вру; *ПерельМальчик. Достойный наследник всемирно известного Григория Перельмана (решил «проблему тысячелетия»- гипотезу Пуанкре) учится в школе №564 и занимается в Лаборатории непрерывного математического образования* (Комсомольская правда, 2015, № 55); *Грефоводник* (Завтра, 2015, № 8)- Греф+греховодник; *Наша новая рубрика «МельпоДмена» с первой публикации пригласила читателей по душе* (Литературная газета, 29.04.2015, № 17) – Мельпомена+подмена; *Алиментарно, папа <..> Около 17 тысяч исполнительных производств о взыскании алиментов было окончено судебными приставами региона в минувшем году* (Нижегородский рабочий, 25.02.2015, №7) – алименты+элементарно.

В качестве одного из исходных слов может выступать аббревиатура: **ВАЗники** проблемы (Новая газета, 19.01.2015) – **ВАЗ** (Волжский автомобильных завод)+возникли; **Давай, ДОВСЕдания!** Выход России из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) стал главной военной сенсацией этих дней (Красная звезда, 18.03.2015) – **ДОВСЕ** + до свидания; **СКАзочная** помощь для «Спартака» <...> Инициатором возрождения «красно-белого» клуба стал Геннадий Тимченко, который совмещает в **КХЛ** две знаковые должности – председателя совета директоров лиги и президента СКА (Собеседник, 2015, № 30); **СКА-ЗКА!** Питерский СКА разгромил «Ак Барс» (6:1) в пятом матче финала и впервые в истории завоевал Кубок Гагарина (Комсомольская правда, 21.04.2015); **США ПРОлетели.** Расходы США на противоракетную оборону оказались бессмысленными? (Красная звезда, 15.09.2015).

Графическая контаминация (гибридизация), при которой в рамках одного слова графическими средствами выделяется другое (иногда с формальными видоизменениями), чаще всего представлена в заголовках: **Давайте поЗНАКомимся!** (Комсомольская правда, 05-12.11.2014), **ГОЛОСуем** за победителя (Российская газета, 19.12.2014); **Купить или ПРИЮТить?** (Комсомольская правда- Нижний Новгород, 26.11-03.12.2014); **Овечкина заКАДРила** Катя Лель. Капитан хоккейной сборной России снялся в клипе певицы (Комсомольская правда, 11-17.09.2014); **МИССия** выполнима (Комсомольская правда- Нижний Новгород, 29.08.2014); **БЕС-пилотники** (Завтра, 2014, № 44); **Зайка моя, я твой МАЗАЙчик.** В Кузбассе повторилась легендарная история про дедушку Мазая [который в половодье спасал зайцев – **Авт.**] (Комсомольская правда, 6-13.05.2015) – **Мазай**+зайчик; **СОБОРование** культуры. Петербургская епархия заявила права на главный объект культурной столицы – **Исаакиевский собор** (Собеседник, 2015, № 30); **ГАРАЖане** (Комсомольская правда, 08-15.10.2014); **Но знаний по части электроники у него, видимо, было малоВАТТо** (Собеседник, 2014, № 46); **КРЫМсота** по-американски (Комсомольская правда, 05.09.2014)- **Крым**+красота; **Совсем АЙФОНарели** (Комсомольская правда, 05.11.2014)- айфон+офонарели; **Мы видели, как Запад приносит ДЕМОНкратию** (Комсомольская правда, 25.02.2015, №17) – **Демон**+демократия. Кроме капитализации в медийных текстах представлены также графодериваты, в которых совмещаются разные алфавиты, буквенные и небуквенные знаки: **Иди туда...Сам знаешь куда** (Литературная газета, 29.10-04.11.2014); **Миф в РРавдивости** (Собеседник, 2014, №15); **Добро пожаловать в Зомбилэнд.** Киевляне, минувшей зимой пострадавшие от нападений активистов майдана, отмечали странное сходство в их поведении: **стадную управляемость, немотивированную агрессивность, безрассудство, бессвязность речей. Все признаки повального использования наркотиков...** (Культура, 10-16.10.2014, № 33); **Настоящий** гламур <...> 28 марта в

Мультимедиа Арт Музей открывает выставку «Как рождается мода» (Культура, 27.-3-02.04.2015, № 11). К гибридным новообразованиям относятся и виртуальные дериваты, допускающие вариативное прочтение [Попова 2005]: *Эпи(некро)лог <...> Букеровское жюри из года в год реализует названный принцип с бессмысленной жестокостью по отношению к читателю. Вивисекция эта <...> рано или поздно закончится* (Литературная газета, 18-24.02.2015).

Контаминированные новообразования являются действенным экспрессивно-оценочным средством в современных медиатестах, что обусловлено высокой степенью нестандартности подобных неузальных новообразований.

В последнее время в медийных текстах появляются голофрастические конструкции – новообразования-стяжения частей словосочетания или предложения типа *Крымнаш: «Крымгодкакнаш», а кому стало лучше?* (Собеседник, 18-24.03.2015, № 10), *Юрвец «ещененаш»*. *В Нижегородскую область просят соседи* (Московский комсомолец в Нижнем Новгороде, 04.11.03.2015).

Актуализация деривационных формантов и моделей в современном медийном словотворчестве определяется прежде всего социально-психологическими факторами. Новообразования в современных российских СМИ, демонстрирующие продуктивность тех или иных словообразовательных способов, моделей и деривационных средств, отражают политические и социально-экономические изменения в России начала XXI в.

Литература

- Земская Е.А. 2010 – Литературная норма и неузальное. *Современный русский язык: Система – норма – узус*. Москва.
- Ильясова С. В., Руденко О.Ю. 2013 – Взгляд на иноязычность через призму языковой игры. *НОМО COMMUNICANS III: человек в пространстве межкультурной коммуникации*. Szczecin.
- Коряковцева Е. И. 2012 – О деривационном статусе новых морфем. *Человек о языке – язык о человеке*. Москва.
- Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. 2005 – *Неология и неография современного русского языка*. Москва.
- Рацибурская Л.В., Петрова Н.Е. 2006 – Формы проявления агрессии в газетном тексте. *Русский язык в школе*. №1. с.76-83.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ

А. Романик

Университет в Белостоке, Польша

aniaromanik8@wp.pl

В настоящей статье исследуются синтаксические особенности слоганов и заголовков реклам, напечатанных в русских журналах. Анализируемый материал представляет собой интересные синтаксические конструкции, отличающиеся краткостью изложения, экспрессивностью, лаконичностью и большим перзуазивным потенциалом.

Ключевые слова: рекламный дискурс, русские журналы, синтаксическая расчлененность, экспрессивный синтаксис, язык рекламы

В современном языкознании наблюдается повышенный интерес к рекламе, как к лингвистическому феномену массовой культуры. Она является объектом многоаспектных исследований как русских, так и западных ученых. Несмотря на множество научных работ, в центре которых находится реклама, появляется потребность ведения постоянных исследований, вызванная активным развитием рекламоательства и появлением связанных с ним новых языковых тактик.

Цель настоящей работы – провести структурный анализ рекламных заголовков и слоганов, выявить их синтаксические особенности. Одновременно необходимо описать функциональный аспект конкретных синтаксических структур, используемых в печатных коммерческих рекламах.

Материалом для настоящего анализа послужили элементы рекламного текста, т.е. слоганы и заголовки русских реклам, извлеченных из собственно российских глянцевого периодик (*АвтоЗвук, Автоцентр, За рулём, Добрые советы, Женский журнал, Железный мир, Красота и здоровье*), а также из федеральных журналов, издаваемых по иностранным лицензиям (*Cosmopolitan, Elle, Glamour, MuscledFitness, Офф-роуд Драйв, IronManMagazine*). Исследуемые журналы были напечатаны за последние 5 лет (2010 – 2015).

Рекламный текст, по мнению Н.А. Красавского [с.138], можно определить как «структурно оформленное, смыслозавершенное, функционально организованное сообщение, адресант которого посредством применения определенных коммуникативных стратегий и тактик, реализуемых различными вербальными и невербальными средствами, ставит перед собой задачу психологического воздействия на адресата с целью приобретения последним

предлагаемого товара или воспользования услугой». Рекламный текст состоит из пяти основных элементов, которые почти всегда используются в рекламе: заголовок, подзаголовок, основной текст, подписи и комментарии, а также рекламный лозунг (слоган).

Не случайно объектом настоящего анализа являются лишь заголовок и слоган. Заголовок ведь – это самый значимый элемент рекламного объявления, так как вводит читателя в главную часть текста и отражает коммерческую идею предлагаемого продукта или услуги [Сердобинцева 2010:37]. Но не менее важное место в структуре рекламного текста занимает слоган, который является словесным эквивалентом логотипа фирмы, в четкой, ясной форме передает основную мысль коммерческого предложения, которая легко воспринимается и запоминается [Ульянов 2007:92]. Оба элемента, заголовок и лозунг, выполняют основную задачу рекламы – заинтересовать и привлечь внимание целевой аудитории. Эта цель рекламы реализуется при помощи разных персуазивных стратегий на всех языковых уровнях: словообразовательном, лексическом, грамматическом и стилистическом [Романик 2015]. Понятно, что лексика играет главную роль в процессе создания эффективной рекламы, так как она несет смысловую нагрузку в тексте, а также отличается аксиологическими возможностями и тем самым обладает манипулятивным потенциалом. Но синтаксису также отводится значительная роль в формировании успешного коммерческого предложения. Не только слова привлекают внимание адресата, но также экспрессивные синтаксические конструкции. Польский лингвист Й. Бральчик замечает: „O świecie dowiadujemy się nie tylko ze słów w zdaniu, ale i z budowy tego zdania; tak samo przekonujemy innych i jesteśmy przekonywani” [2004:115].

На основе проведенного анализа можно констатировать, что копирайтеры, создавая слоганы и заголовки, используют прежде всего такие синтаксические конструкции, которые легко воспринимаются и запоминаются, а также отличаются экспрессивностью, яркостью высказывания, лаконичностью, убедительностью, которая почти всегда принимает форму манипуляции. Такими чертами обладают как предикативные, так и непредикативные синтаксические конструкции.

Если рекламист выбирает форму предложения, обычно использует простые предложения, которые более меткие и ясные, обладают персуазивным потенциалом. Реклама – это умение редуцировать в сжатой, минималистской форме передавать содержание высказывания [Бральчик 2004:116]. Но, как подчеркивает Е.В. Медведева [2003:111], «максимальная сжатость изложения должна сочетаться с выразительностью и экспрессивностью».

В собранном фактографическом материале преобладают односоставные простые предложения, т.е. такие, в структуре которых можно выделить лишь один главный член,

одновременно называющий предмет, явление, состояние и оформляющий предикативность и модальность [Валгина 1973:147]. Главным образом доминируют **определенно-личные предложения**. Выбор именно такого типа предикативной единицы в роли слогана или заголовка обусловлена тем, что они придают повествованию бóльшую энергичность, динамичность речи и делают его более лаконичным [Валгина 1973:153]. Главный член в исследуемых определенно-личных предложениях выражается прежде всего глаголом повелительного наклонения в форме второго лица единственного или множественного числа. Популярность императивного высказывания в структуре рекламного текста связана с его возможностями контролировать поток информации, управлять мнением адресата, воздействовать на его поведение. Императивы в рекламах редко относятся к ситуациям, непосредственно связанным с действием, в котором копирайтер хочет убедить потенциального клиента. Итак, например, рекламы, предлагающие спортивное питание бодибилдерам, пестрят заголовками в форме императивных конструкций. Некоторые из них прямо побуждают к выбору данного продукта: *Увеличивайте выносливость и полностью восстанавливайтесь после нагрузок вместе с X-FUSIONAMINO!; Заправься перед битвой! Выбирай ISABOLIC – протеин высшего качества!; Возьми вверх над человечеством с MUTANTMASS!* Другие рекламы используют определенно-личные предложения с императивом, который лишь посредственно предлагает товар: *Будь в форме! Nurtazone.ru; Сделай свой спорт ярче! HARDLABZ.*

Императивные высказывания в рекламах косметики, напечатанных в женских журналах, выражают более нежные речевые акты, такие как предложение, желание, совет, которые часто завуалированы метафорами: *Наполни мир счастьем! ESPECIALYESCADA; Поддайтесь бесконечному искушению золота. Ощутите драгоценную роскошь на губах. COLORRICHE – LOREALPARIS; Окупись в золото – STENDERS; Освободитесь от сухости кожи! NIVEA; OLAY. Брось вызов невозможному!; Сделайте Ваши глаза достойными лучших подиумов; Превратите Ваши губы в зеркало.*

Среди односоставных предложений важное место занимают номинативные предложения, которые называют рекламируемый товар и прямым или косвенным образом дают качественную его характеристику. Такой тип синтаксической единицы представляет собой субстантивную конструкцию, в которой стержневым компонентом является имя существительное. Например: *CHEVROLETTAONE. Легендарный внедорожник для настоящих героев; (Adidasfootball) Твой стиль игры!; Отличная подача новостей. Газета.ru; Высококачественный протеин для совершенных тел! BODYShaper; Жиросжигатель нового поколения. Экстремальная энергия!!! DYMATIZENUTRITION; Массивный импульс. Мощный тренинг. OLIMPSPORTNUTRITION; Ультра-тонкий, экспрессивный, исключительный яркий*

цвет (GARNIER); Идеальный баланс на поверхности Вашей кожи (LOREALPARIS); Роскошный и очаровательный аромат (InBloom от Риз Уизерспун). На основании вышеприведенных примеров можно констатировать, что номинативные конструкции не только называют объект рекламы и его достоинства, но также называют чувства, ощущения, вызванные использованием предлагаемого объекта. Имя существительное, выполняющее роль главного члена предложения, часто распространяется определениями (так согласованными, как и несогласованными) или потоком однородных определений, придавая высказыванию динамичный характер.

В роли заголовков или слоганов употребляются также простые двусоставные предложения, напр.: *Качество имеет значение (спортивное питание NANOX); Skoda Yeti. Приключения начинаются!; GOLDWELL. Вы никогда не получите совершенный блонд из супермаркета; Роскошь может быть доступной (AKSEECosmetics); COLORRICHIE LOREAL PARIS. Вы ведь этого достойны; Ваша кожа безупречна. И никто не устоит! (флюид LOREAL); Никогда цвет не был таким восхитительным. Вы захотите красить губы снова и снова (помада PURECOLOR – ESTELAUDER); Поражения не будет (спортивное питание ULTIMATESPORTNUTRITION); Жизнь может быть игривой (шампанское Gancia).* Интересно, что среди двусоставных предложений встречаются такие, в структуре которых в роли главных или второстепенных членов предложения выступают прагматонимы – словесные товарные знаки бренда, марки или эргонимы т.е. собственное имя фирмы, компании, организации. Итак, например, прагматонимы могут выступать в роли подлежащего (*HYPNOSEDOLLEYES LANCOME придаёт объём, удлиняет, подкручивает ресницы; NewSYNTHIA–6 ISOLATE опережает конкурентов; «Князь Рюрик» покоряет мир!*) или являются дополнением (*Я хочу MUSCLETECH*).

Учитывая признак функциональности предложений, в собранном материале в роли слоганов и заголовков употребляется преимущественно повествовательные и побудительные синтаксические единицы. Реже, но также встречаются самостоятельные вопросы или вопросо-ответные конструкции, которые оживляют повествование, создают иллюзию непринужденного разговора с читателем. Например: *Где Твои кубики?(Оху ELITE Pro); Чудеса встречаются? Конечно! Если их спланировать(megamall.ru); Болят уши? Капли ушные во флаконах 15 мл.*

Стоит заметить, что исследуемый фактографический материал представляет собой структуры экспрессивного синтаксиса. Динамичность и экспрессивность слоганов и заголовков, как одна из основных характеристик рекламного высказывания, достигается за счет разных факторов. Ведущим из них олазалось явление **синтаксической расчлененности**, о которой подробно пишет в своей работе Г.Н. Акимова [1990]. Синтаксическая

расчлененность это «специфическое дробление предложения на два или более высказывания» [Колокольцева 2011:150]. Оказалось, что наиболее продуктивным типом синтаксически расчлененных конструкций являются сегментированные структуры. В них кроме базовой части слогана или заголовка, выраженного предикативной или непредикативной единицей, выделяется также конструкция, которая представляет собой именительный темы, т.е. рекламное имя, называющее фирму, марку или предлагаемый объект (прагматонимы и эргонимы). Обе части сегментированных структур отделяются обычно точкой или переносом в другую строку. Например: *Новый Golf. Единственный в своём роде; BOSSBOTTLED. NIGHT. Аромат для мужчин. Представляет Райан Рейнолдс; WILDBLOOM. Аромат Твоего настроения; EVE. Каждый день – твой день; За воплощение мечты! LECOMPLIMENT; Твой выход! OutspokenINTENSEbyFergie; Baileys. За время с близкими друзьями; NIVEA. 100 лет заботы о коже; LIQUIMOLY. Лучший бренд в Германии; Салон красоты Прикосновение. «Всегда спешу только в этот салон!» Ирина Игнатюк; Оставь свой след. Внедорожная резина FEDERAL.* Следует отметить, что прагматонины и эргонимы являются почти неотъемлемой частью структуры анализируемых слоганов и заголовков. Они могут находиться в пре- или постпозиции по отношению к базовой части рекламных лозунгов.

Следующей синтаксической тактикой достижения экспрессии высказывания оказывается **парцелляция текста**. Это способ расчленения синтаксической структуры предложения на несколько структурно-смысловых фраз [Колокольцева 2011:153]. Данные части структуры слогана или заголовка занимают тогда довольно автономную позицию, благодаря чему внимание потенциального клиента обращается на разные важные компоненты. Например: *Яндекс. Найдется все. Со временем; VOLUMEGLAMOURMAX. Ультрачерные и сияющие ресницы. Десятикратный объем. Соблазнительный взгляд. Максимальный гламур; COLORRICHIE. Мерцающее сияние золотых частиц. Несравненное богатство цвета... Переливы золота на губах; Доверьтесь Clinique. Сделайте Вашу кожу свежей, гладкой, сияющей. Сегодня и навсегда.*

Парцеллируя структуру слоганов и заголовков, рекламисты используют часто повтор – анафору (*MAGNUM – это сила. MAGNUM– это скорость. MAGNUM– на каждый день; Больше массы. Больше мышцы. Больше силы. Vplabnutrition; KENWOOD. Новый аромат – новые правила!*)или эпифору (*EVE. Каждый день – твой день*).

В заключение следует отметить, что копирайтеры, моделируя рекламное сообщение осознают роль синтаксиса в формировании эффективного коммуниката. Чтобы создать легко запоминающийся, притягивающий внимание девиз рекламы, надо использовать не только лексические возможности языка, но также придать сообщению определенную

синтаксическую структуру. Слоганы и заголовки главным образом представляют собой простые синтаксические конструкции, иногда осложняемые однородными членами предложения (скузуемыми, определениями). В собранном материале доминируют монопредикативные предложения. Самый продуктивный тип – односоставные предложения (определенно-личные и номинативные), реже встречаются двусоставные конструкции. В структурном плане исследуемые слоганы и заголовки являются конструкциями экспрессивного синтаксиса. Экспрессивность высказывания достигается употреблением разных языковых стратегий, таких как: синтаксическая расчлененность или парцелляция текста. Надо также заметить, что использование конкретных синтаксических конструкций в рекламе определяется функциональным аспектом. С точки зрения синтаксиса заголовки и слоганы полифункциональны. Они выполняют не только имиджевую, текстообразующую или коннективную функцию [Морозова 2003:5], но также придают высказыванию своеобразную экспрессивность, которая является элементом манипуляции человеческим сознанием.

Литература

- Валгина Н.С. 1973 – *Синтаксис современного русского языка*. Москва.
- Колокольцева Т.Н. 2011 – Слоган как ключевой компонент рекламного текста. *Рекламный дискурс и рекламный текст*. Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, Москва. С. 1147-171.
- Красавский Н.А. 2011 – Печатный рекламный текст как отражение системы ценностей социума. *Рекламный дискурс и рекламный текст*. Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, Москва. С. 138-146.
- Медведева Е.В. 2003 – *Рекламная коммуникация*. Москва.
- Морозова И. 2003 – *Слагая слоганы*. Москва.
- Сердобинцева Е.Н. 2010 – *Структура и язык рекламных текстов*. Москва.
- Ульянов А. 2007 – *Словарь терминов по рекламе, маркетингу, Atl, Btl, и PR*. Москва.
- Крюкова И.В. 2006 – Имена собственные на разных уровнях рекламного воздействия. *Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс*. Волгоград. С. 153-164.
- Bralczyk J. 2004 – *Język na sprzedaż*. Gdańsk.
- Romanik A. 2015 – Языковое манипулирование в рекламе косметики. *Rosja w dialogu kultur*, t. 1, podred. K. Dembskiej i M. Głuszkowskiego, Toruń. s. 497-508.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ АРГУМЕНТАТИВНЫХ СТРУКТУР В НАУЧНОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Т.Н. Савчук

Белорусский государственный университет, Беларусь

tatyana.s77@list.ru

В статье представлен результат исследования способов вербализации структурных элементов аргументации в научном гуманитарном дискурсе. Предлагается авторская типология вербальных индикаторов, отражающая закономерности языковой репрезентации тезиса, доводов, форм, схем, типов, приемов обоснования. Эксплицируется роль рассматриваемых языковых средств в формировании прагматики аргументативного дискурса. Демонстрируется неоднозначность соотношения семантических и прагматических характеристик вербальных единиц. Отмечается важность понимания таких несоответствий в практике распознавания и интерпретации структур аргументативного дискурса.

Ключевые слова: аргументативный вербализатор, вербальный индикатор, языковой репрезентант, аргументативная структура, научно-гуманитарный дискурс

Одним из существенных признаков аргументации является ее вербальный характер: логико-коммуникативная процедура обоснования предполагает обязательное языковое выражение. Научный аргументативный дискурс, в силу присущего ему высокого уровня рациональности, имеет сложную структуру, отражающую многомерные когнитивные связи между его компонентами, что проявляется в языке аргументации. В гуманитарной сфере научная аргументация испытывает влияние факторов, специфицирующих эту область познания [подробно об этом см.: Макаров 2003; Микешина 2009], следствием чего является переориентация критерия научности с истинности объективного знания в сторону правдоподобия, приемлемости, вероятности мнения; использование внелогических форм обоснования, где связь между тезисом и аргументами носит нежесткий характер; социокультурная обусловленность аргументативных моделей; синтез формально-логической и вероятностной инференций; актуализация средств эмоционально-психологического воздействия [Савчук 2015:266], находящая выражение в «парааргументации» [Алексеев 2006:36], а также в использовании «аргументационного ресурса» [Алексеев 2006:30].

Все эти особенности аргументации так или иначе проявляются в ее языковых механизмах, в частности в способах вербальной репрезентации аргументативных структур. Языковыми репрезентантами аргументации, или аргументативными вербализаторами будем называть слова и выражения естественного языка, позволяющие идентифицировать

структурные элементы аргументации, эксплицировать значимые для аргументативного дискурса когнитивно-прагматические свойства и отношения.

Научный интерес к аргументативным вербализаторам определяется их ролью в коммуникативном процессе: выполняя функцию организации, упорядочения дискурса, они способствуют его эффективности (при условии компетентного употребления этих языковых средств участниками дискурсивного процесса). В научно-гуманитарном обосновании использование вербальных индикаторов позволяет аргументатору максимально точно и ясно объективировать когнитивные схемы рассуждения для лучшего понимания его системы аргументов и последующего принятия его точки зрения аудиторией, т.е. для достижения конечной цели - убеждения воспринимающей стороны. Очевидной является закономерность, сформулированная голландскими исследователями: «Чем менее точными являются вербальные указатели, тем больше возрастает необходимость использования разъяснений из дальнейшего вербального или невербального контекста» [ван Еемерен, Гроотендорст 1992:46]. Из этого следует, что аргументатор заинтересован в точности вербального представления обоснования, поскольку это позволяет ему сэкономить усилия по реализации убеждающего воздействия.

Вербальные показатели аргументации представляют ценность и для реципиента: их наличие «значительно облегчает процесс распознавания аргументативных элементов» [ван Реес 2006:211]. Кроме того, для реципиента языковые маркеры выполняют «навигационную» функцию – дают возможность следить за движением мысли аргументатора, понимать логику его обоснования, адекватно интерпретировать аргументативные структуры. Усвоение таких формул является необходимым условием осуществления полноценной аргументативной деятельности.

Аргументативные вербализаторы многообразны, вместе с тем они поддаются типологизации, результаты которой зависят от оснований деления и потому различаются у разных исследователей [См., напр.: van Eemeren, Grootendorst 1992, Schiffrin 1987, Snoeck Henkemans 1992]. Предлагаем авторскую типологию, основанную на когнитивно-прагматическом подходе и явившуюся результатом анализа письменного аргументативного дискурса. Фактологическую базу составили научные статьи, относящиеся к различным направлениям социально-гуманитарной области познания (социологии, психологии, культурологии, языкознания, журналистики), извлеченные из авторитетных русскоязычных изданий. Исследование произведено с использованием метода контекстуального анализа, метода реконструкции, интерпретативно-дискурсивного метода.

Авторская типология включает, наряду с традиционно выделяемыми, также новые разновидности вербальных репрезентантов, актуальные для научно-гуманитарного

аргументативного дискурса. К наиболее значимым относятся индикаторы структурных элементов аргументации – тезиса и доводов (аргументов). Заметим, что многие лексико-грамматические конструкции с аргументативным значением, в силу регулярности употребления, приобретают устойчивый характер в плане их структурно-семантических и функциональных свойств и могут рассматриваться как особая разновидность дискурсивных формул – аргументативные клише.

Вербализация тезиса может осуществляться с помощью клишированных фраз, содержащих соответствующие лексические указатели, типа *Наша позиция / точка зрения заключается в следующем / в том что...; Вот тезис, который подлежит обоснованию / мы собираемся доказать*, что, впрочем, наблюдается довольно редко. Чаще в таких конструкциях присутствует модальность долженствования, выражаемая лексемами *должен, нужно, необходимо, следует* и т.п. Вот несколько классических примеров: *Прогресс должен быть исследован как один из существенных факторов формирования новых <...> форм аномалий психического развития* [Тхостов, Сурнов 2006:27]; *Сегодня <...> необходимо изучать опыт праздничного календаря советского периода* [Аниконова 2015:29]; *Психология не может оставаться в стороне от решения насущных социальных задач* [Дубровина 2007:16].

Использование высказываний, эксплицитно выражающих коммуникативное намерение аргументирования, вроде *Наша аргументация будет следующей / заключается в следующем; Приведем аргументы в поддержку выдвинутого тезиса; Обоснование этого положения будет таким* в исследованном материале представлено редкими примерами. Как правило, индикация аргументов осуществляется с помощью грамматических средств. При этом вербализаторы различаются в зависимости от маркируемой ими формы аргументации – прогрессивной, при которой аргументы предшествуют тезису (*вследствие чего; в силу этого; посему; тем самым; в результате; по этой причине; вот почему; поэтому; неудивительно, что; можно предположить, что* и др.); регрессивной, когда аргументы следуют за тезисом (*поскольку; так как; ведь; по той причине, что* и т.п.); прогрессивно-регрессивной, для которой характерна интерпозиция тезиса по отношению к аргументам (*поскольку..., то можно считать, что..., так как...; поскольку..., то..., ведь; вследствие этого..., поскольку* и др.).

Особую группу составляют вербализаторы сложных структур аргументации: множественной (*между прочим, более того, кроме того, помимо прочего, в особенности, причем* и др.); подчинительной (*вследствие этого; ввиду того, что; отсюда следует, что; и поэтому следовало бы; вот почему; коль скоро, то..., что приведет к* и др.); сочинительной

(вдобавок к тому; а также тот факт, что; подчеркивается также и; эти примеры показывают, что; если также учесть, что; все это свидетельствует о том, что и др.).

Заметим, что индикаторы *во-первых, во-вторых, вначале, в первую очередь, далее, наконец* и подобные в равной степени могут использоваться как в множественной, так и в сочинительной аргументации, что выявляется в контексте.

В научно-гуманитарном дискурсе преобладают сочинительные структуры, которые без труда идентифицируются благодаря использованию соответствующих языковых маркеров: **Учитывая, что политика государства в сфере науки будет и дальше направлена на совершенствование ее кадрового состава <...>, а также тот факт, что в стране растет численность женщин, имеющих высшее образование, магистерскую степень, а также поступающих в аспирантуру, можно предположить, что в ближайшие годы численность женщин в составе исследователей Республики Беларусь будет расти** [Антонова 2013:306].

Регулярностью отличается использование в научно-гуманитарном обосновании языковых средств, вербализующих характерные для этой области познания способы (типы) аргументации. К ним, прежде всего, относятся: объяснение (*объясняется это тем, что; именно это объясняет тот факт, что* и т.д.); подтверждение (*ведь, не случайно, действительно* и др.), оправдание (*причина такого поведения в том, что; мотивом этого поступка может быть* и т.п.), интерпретация (*раскрывается как, поясняется как, составляет основу* и др.), критика (*на наш взгляд, это наиболее слабое место его теории, ибо; более разумное объяснение заключается в том, что; самый большой недостаток этой концепции в том, что* и т.п.).

В дискурсивном процессе также регулярно употребляются языковые показатели аргументативных схем – общих моделей рассуждения. К наиболее продуктивным можно отнести: классификационные схемы (предмет – признак, род – вид, целое – часть), апеллятивные схемы (апелляция к авторитетному мнению, к реальности, к корпоративному знанию), схемы причинно-целевого обоснования (средство – цель, мотив – действие, условие – следствие). Одной из доминирующих в гуманитарном обосновании является схема «причина – следствие», вербализаторы которой указывают направление мысли. В одних случаях ход рассуждения направлен к причине: *добиться этого невозможно без; именно благодаря; обусловлена в первую очередь; такой радикальный поворот связан с; одна из причин этого явления* и т.п. Другой вариант обоснования – движение мысли к следствию. В такой ситуации, как показывает анализ, закономерным является дистрибутивный характер использования аргументативных репрезентантов, распределяемых по трем группам. Первую составляют языковые единицы, регулярно используемые для объективации позитивных

следствий: *обеспечит, благоприятствует, способствует, содействует* и т.п. Ко второй относятся индикаторы негативных следствий: *неудивительно, что; именно это скрывает за собой; что привело к; одним из закономерных следствий стало* и др.

Надо заметить, что насыщенность подобными вербализаторами формирует необходимый эмоциональный фон дискурса, способствует достижению убеждающего прагматического эффекта: *Большое значение в работе с персоналом имеет формирование нормального психологического климата в коллективе, который **создает предпосылки для раскрытия лучших творческих, коммуникационных и других качеств работников, благоприятствует** более эффективной производственной деятельности. Благоприятный социально-психологический климат **открывает возможности для развития продуктивных межперсональных отношений и взаимодействий работников с ближайшим окружением и содействует** развитию личностного ресурса* [Бабосов 2010:15].

Третья группа включает языковые единицы, которые в равной степени могут использоваться и в том, и в другом указанных случаях: *ведут к; привел к тому, что; в результате происходит; что позволяет; позволяющий создать* и др. Прагматическое значение таких аргументативных маркеров детерминируется контекстным окружением, в частности, лексическими распространителями. Ср., напр.: *положительно / благоприятно / в конечном счете / отрицательно / неминуемо / неизбежно **сказывается на...***

Особого внимания заслуживают ситуации, когда окраска вербализатора следствия не соответствует характеру самого следствия, как в следующем примере: *<...> сейчас в нашем обществе в большей мере востребованы психологические знания, нежели психологическая культура. Это **создает благоприятную почву** для всевозможного манипулирования людьми* [Дубровина 2007:17]. В данном случае положительная окраска аргументативного клише диссонирует с репрезентируемым негативным следствием. Такая семантико-прагматическая рассогласованность устраняется в дискурсивном контексте.

Обширную группу составляют языковые репрезентанты различных схем фактического обоснования, самые частотные из которых - пример и иллюстрация. Препозиция фактов-примеров маркируется аргументативными клише: *анализ статистических данных, проведенный в разные годы, свидетельствует о том, что; как видно из данных таблицы; итак, как показал анализ; таким образом, анализ данных статистики показал, что; продолжив этот ряд, можно утверждать, что; фактически это свидетельствует о* и т.п. На постпозицию примеров традиционно указывают вербализаторы *так, например*. Показателями фактов-иллюстраций являются дискурсивные формулы, типа *еще более очевидно это в; характерно, что; свидетельствует о; к примеру; иллюстрацией может быть; примером этого служит* и др. Следует учитывать, что

актуальные для аргументации прагматические различия фактических данных (функция обобщения в случае примера либо подтверждения для иллюстрации) выявляются конситуативно (лексемы *пример*, *иллюстрация* не указывают однозначно на прагматику фактов).

В отдельную группу можно объединить языковые средства, репрезентирующие иерархию аргументов внутри сложных структур, типа *более того*; *сверх того*; *а самое главное*; *еще более очевидно это в*; *проявляется в наибольшей степени* и др. Подобные выражения указывают на логическую и / или эмоциональную градацию доводов. Их использование позволяет реализовать риторический принцип усиления и, таким образом, интенсифицировать передаваемую интенцию.

Сходную прагматическую функцию выполняют вербальные единицы, входящие в качестве константных элементов в модели аргументативных рассуждений. Регулярность и продуктивность таких моделей служит основой для их формализации, что можно легко продемонстрировать на примере: <...> *привычное сочетание "наука и культура" представляется семантически немотивированным <...>, поскольку наука неотделима как от других видов познания, так и от других присущих культуре форм творчества, а главное, она неотделима от обыденного сознания и языка <...>* [Чернейко 2011:4]. Аргументация в данном случае имеет следующую форму: *Т, поскольку как А, так и В, а главное С*, где Т – тезис обоснования; А, В, С – аргументы. Очевидно, что переменные таких моделей предполагают множественность подстановок.

Функционально синонимичными вербализаторами градационных значений в структуре аргументации являются также: *как.., так и..., а также...; не только не..., но...; не только..., не менее важный их источник...; не ограничивается... . Не меньшее значение имеют...; не только..., но прежде всего...; не просто..., а почти... .* Эти дискурсивные модели могут участвовать в оформлении парааргументации – элементов дискурса, выполняющих «квазиаргументационные функции» [Алексеев 2006:36]. Такие языковые средства позволяют реализовывать убеждающую цель аргументации за счет актуализации ее эмоционально-психологического, ценностного, эстетического потенциала. Прагматическая конкретизация представленных моделей происходит только в контексте.

Вербализаторы аргументации облегчают ее идентификацию, реконструкцию, интерпретацию, однако могут затруднить эти процессы при механическом подходе. Поэтому компетентное оперирование подобными языковыми выражениями предполагает учет нескольких принципиальных моментов. Во-первых, не всегда словесные показатели различных логико-смысловых отношений выполняют в дискурсе аргументативную функцию. Сказанное, в частности, относится к репрезентантам отношений условно-

следственных (*но, тогда, в таком случае* и др.); сопоставительно-противительных (*с одной стороны, напротив, с другой стороны, наоборот* и др.); противительно-уступительных (*хотя, однако, впрочем* и т.п.). Они к участвующим в оформлении аргументационного ресурса - уточнений, пояснений, отступлений, комментариев - логически связанных суждений, которые не содержат готовые аргументационные конструкции, но служат основой для их образования [Алексеев 2006:30].

Кроме того, как было отмечено ранее, среди вербализаторов есть такие, которые способны выполнять несколько функций (быть прагматически многозначными): индцировать различные элементы в структуре обоснования, различные аргументативные структуры, схемы, приемы. В то же время различные языковые средства могут репрезентировать одинаковые аргументативные значения, что позволяет рассматривать их как прагматические синонимы. В научно-гуманитарном обосновании наблюдается также явление прагматической омонимии: одинаковые языковые единицы употребляются как в собственно аргументативном значении, так и в квазиаргументативном. Такая способность замечена, в частности, у следующих языковых единиц: *ведь, во-первых, таким образом, более того, причем, прежде всего* и некоторых других.

Наконец, очень важно понимать, что языковые средства могут указывать на несуществующие логические связи, быть «фиктивными вербализаторами». Так, традиционные маркеры тезиса аргументации, обосновываемого мнения устойчиво закреплены за объективацией отношений логического следования (*таким образом; следовательно; из этого следует / вытекает; мы убедились в том, что; можно утверждать / сделать вывод, что*). Однако в естественно-языковой дискурсивной практике эти указатели могут скрывать ошибки аргументации, такие, например, как «мнимое следование», «поспешное обобщение», «предвосхищение основания», превращаясь тем самым в «ложные друзья» интерпретатора. Таким образом, для адекватного понимания и толкования аргументативных структур опоры на лексико-грамматические показатели логических связей недостаточно. Важно учитывать контекст и содержание высказывания.

Использование в научном гуманитарном дискурсе вербальных единиц, репрезентирующих аргументативные структуры, - творческий процесс. Степень отступления от принятого в науке стандартного их употребления детерминируется прагматическими факторами: спецификой предметной области познания, целями обоснования, особенностями адресата, а также в значительной степени личностными параметрами аргументирующего субъекта, включая статус, эрудицию, компетенцию, особенности творческой манеры, научного идиостиля и др. Вместе с тем понимание закономерностей вербализации логико-коммуникативной процедуры обоснования является необходимым условием оптимизации

аргументативного дискурса. Это позволяет рассматривать дальнейший анализ и систематизацию аргументативных вербализаторов как одну из приоритетных задач исследования лингвопрагматической категории аргументации.

Литература

- Алексеев А.П. 2006 – *Философский текст: идеи, аргументация, образы*. Москва.
- Реес М.А. ван 2006 – Интерпретация и реконструкция аргументации. *Важнейшие концепции теории аргументации*. Перевод с английского. Санкт-Петербург. С. 198-238.
- Еемерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р. 1992 – *Аргументация, коммуникация и ошибки*. Перевод с английского. Санкт-Петербург.
- Макаров М.Л. 2003 – *Основы теории дискурса*. Москва.
- Микешина Л.А. 2009 – *Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания*. Изд. 2-е, дополненное. Москва.
- Савчук Т.Н. 2015 – Прагматика научного гуманитарного дискурса (аргументативный аспект). *Язык и межкультурные коммуникации*. Минск. С. 263-267.
- Eemeren F. H. van, Grootendorst R. 1992 – *Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-dialectical Perspective*. Hillsdale, NJ.
- Schiffrin D. 1987 – *Discourse Markers*. Cambridge.
- Snoeck Henkemans A.F. 1992 – *Analysing Complex Argumentation: The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Compound Argumentation in a Critical Discussion*. Amsterdam.

Источники фактического материала

- Аниконова Т.Г. 2015 – Праздничный календарь в формировании ценностных установок общества. *Наука. Культура. Искусство*. Выпуск 2 (6) юбилейный, Белгород, 2015. С. 20-30.
- Антонова Т.А. 2013 – Динамика научных кадров Республики Беларусь: гендерный аспект. *Социологический альманах*. Выпуск 4. Минск. С. 300-307.
- Бабосов Е.М. 2010 – Креативное управление и его роль в преодолении кризиса. *Социологический альманах*. Выпуск 1. Минск. С. 13-19.
- Дубровина И.В. 2007 – Психологическая культура и образование. *Национальный психологический журнал*. № 2. Москва. С. 16-20.
- Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. 2006 – Культура и патология: побочные эффекты социализации. *Национальный психологический журнал*. № 1. Москва. С. 20-27.
- Чернейко Л.О. 2011 – М.В. Ломоносов и язык науки. *Филологические науки*. № 6. Москва. С. 3-14.

ГЛАГОЛЬНЫЕ И СУБСТАНТИВНЫЕ ДЕРИВАТЫ ЛЕКСЕМЫ «ГРЕХ»
КАК КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ «ГРЕХ»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В.В. Сайгин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия

secretar@ahch.unn.ru

В работе рассматриваются деривационные экспликаты концептуального поля «грех», которые реализуются в языковой семантике и особенностях речевой актуализации глагольных и субстантивных дериватов лексемы *грех* как фрагмента соответствующего словообразовательного гнезда с вершиной *грех*. Делается вывод, что большинство субстантивных и глагольных дериватов указанной лексемы в плане их современного бытования следует рассматривать в аспекте тенденции к десакрализации концепта «грех» в языковом сознании современных носителей русского языка.

Ключевые слова: *концептуальное поле «грех», концептуальный анализ, современный русский язык*

Концепт «грех» относится к числу наиболее значимых в русской культуре, он во многом определяет специфику отношения русских людей к миру, их системы ценностей и жизненных установок. Изначально для функционирования этого концепта в народном сознании была характерна определенная двойственность в плане противостояния религиозного и светского восприятия греха. При этом языковое воплощение этого концепта обнаруживает тенденцию к преобладанию внерелигиозной трактовки греха, что в наших предыдущих работах обозначается как «десакрализация» концепта «грех» [Сайгин 2014].

Исследование базируется на принципах лингвокогнитивного анализа концептуального содержания культурно значимых единиц национального менталитета, изложенных в работах Т.Б. Радбиля [Радбиль 2006; Радбиль 2007; Радбиль 2012] и его учеников — например [Жуковская 2015]. Согласно нашей концепции анализа концептов национальной культуры, принятой на основе методики, разработанной на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского [Ручина, Горшкова 2011], мы рассмотрели смысловой объем концепта «грех» в парадигматических и синтагматических особенностях его языкового воплощения. По итогам анализа было выявлено 11 когнитивных признаков концепта [Сайгин 2013].

1. Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию);
2. Нарушение религиозных предписаний, правил;

3. Состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом;
4. Нарушение предписаний, правил нравственности;
5. Проступок, преступление;
6. Ошибка;
7. Состояние (чувство, ощущение) вины;
8. Порок, недостаток;
9. Беда, несчастье;
10. Состояние греховности = ощущение неправильности, предосудительности (своих действий);
11. Распутство.

В настоящей работе анализируются деривационные особенности языковой объективации концептуального поля «грех». Указанные особенности выражаются прежде всего в структуре системно-языкового словообразовательного гнезда с вершиной «грех» и в словообразовательной семантике слов, составляющих это гнездо. Словообразовательное гнездо с вершиной «грех» в данной работе рассматривается по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [Тихонов 1985].

Гнездо с вершиной «грех» в современном русском языке характеризуется разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями и включает в себя 36 производных слов разной степени производности по отношению к исходному «грех». В схематической форме словообразовательное гнездо с вершиной «грех» в современном русском языке представлено на **Схеме 1**.

Схема 1. *Словообразовательное гнездо с вершиной «грех» по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова*

ГРЕХ

- ГРЕШ-ОК
- ГРЕХ-ОМ (нареч.)
- ГРЕШ-Н-ЫЙ → ГРЕШ-Н-ОЕ (сущ.)
 - ГРЕШН-О
- ГРЕХ-ОВН-ЫЙ → ГРЕХОВН-ОСТЬ
- БЕЗ-ГРЕХ-ОВН-ЫЙ
- БЕЗ-ГРЕШ-Н-ЫЙ → БЕЗГРЕШН-О
 - БЕЗГРЕШН-ОСТЬ
- НЕБЕЗ-ГРЕШ-Н-ЫЙ → НЕБЕЗГРЕШН-ОСТЬ
- ГРЕШ-И-ТЬ → ГРЕШ-НИК → ГРЕШНИЦ-А
 - НА-ГРЕШИТЬ
 - ПО-ГРЕШИТЬ → ПОГРЕШ-ЕНИ-Е
 - ПОГРЕШ-НОСТЬ
 - ПОГРЕШИ-ТЕЛЬН-ЫЙ → НЕ-ПОГРЕШИТЕЛЬНЫЙ
 - НЕПОГРЕШИТЕЛЬН-О

→ НЕПОГРЕШИТЕЛЬН-ОСТЬ

→ НЕ-ПОГРЕШ-ИМ-ЫЙ → НЕПОГРЕШИМ-ОСТЬ

→ ПРЕ-ГРЕШИТЬ → ПРЕГРЕШ-ЕНИ-Е

→ СО-ГРЕШИТЬ → СОГРЕШ-ЕНИ-Е

→ ГРЕХ-О-ВОД-НИК → ГРЕХОВОДНИЦ-А

→ ГРЕХОВОДНИЧ-А-ТЬ → НА-ГРЕХОВОДНИЧАТЬ

→ ГРЕХ-О-ПАД-ЕНИ-Е

→ МНОГО-ГРЕШ-Н-ЫЙ

Анализ структуры словообразовательного гнезда позволяет сделать вывод о том, что сама разветвленность данного гнезда свидетельствует о богатстве концептуального содержания и культурной разработанности понятия «грех» в русском языковом сознании.

На наш взгляд, наибольший интерес в плане интересующей нас проблемы представляют субстантивные и глагольные дериваты вершинной лексемы «грех».

Субстантивные дериваты представляют собой два ряда: (1) ряд неодушевленных существительных *грешок, греховность, безгрешность, безгрешность, погрешение, погрешность, непогрешительность, непогрешимость, прегрешение, согрешение, грехопадение* (11 дериватов), которые характеризуют разные стороны греха как отвлеченного понятия — свойства или действия, осмысленных в отрыве от признака или действия / состояния; 2) ряд одушевленных существительных *грешник / грешница, греховодник / греховодница* (4 деривата), которые обозначают разные представления о людях, совершающих грехи или испытывающих состояние греховности.

Базовые субстантивные дериваты *грешник / грешница* тоже совмещают религиозные и внерелигиозные компоненты концептуального содержания «грех». Религиозные значения — ‘грешный человек; человек, совершающий или совершивший грех / грехи’; ‘нарушитель религиозных предписаний’: *Грешники попадут в ад*. Внерелигиозные значения — ‘человек, совершающий проступки, преступления’; ‘порочный человек’: *неисправимый грешник*. Десакрализация и снижение стилистического регистра в сторону шуточного употребления проявляется в выражении *старый грешник* — ‘*В просторечии*. Шуточно-смирненное признание своих недостатков или шуточный упрек по отношению к кому-либо другому’ [Евгеньева 1985].

Внерелигиозный компонент содержания усиливается в других субстантивных дериватах *греховодник / греховодница* — ‘*в просторечии*. Шуточно-укоризненное название нарушителя (нарушительницы) правил морали, общежития’ и ‘человек, подающий пример дурного поведения, наводящий на грех других’ [Евгеньева 1985]. Ср. также ‘(разг. укор. устар.) Распущенный мужчина’ и ‘Шалун, безобразник (о ребенке-мальчике; фам.)’ [Ушаков

1996]. Эту же тенденцию сохраняет производный от *греховодник* глагол *греховодничать* ‘вести себя легкомысленно, неприлично’.

Десакрализованное, светское понимание греха как человеческой слабости, а также шутовское, т.е. несерьезное отношение к нему проявляет себя также в деривате с уменьшительно-ласкательным суффиксом *грешок*: *мелкие грешки, простительные грешки*.

Расширение объема концептуального содержания «грех» проявляет такой дериват, как *погрешность*. Это слово реализует представление о грехе как о некоей неправильности в общем смысле слова — ‘ошибка, неправильность, неточность, допущенная кем-л. в чем-л.’ [Евгеньева 1985]: *погрешность в вычислении; стилистические погрешности*, — и потому распространяет это понимание на неодушевленные предметы, вещи — ‘недостаток, изъян в работе какого-л. механизма, устройства и т. д.’ [Евгеньева 1985]: *погрешности в моторе трактора*. В этом же значении употребляется разговорное слово *огрех* (которое А.Н. Тихонов не включил в свой словарь). Причем первое значение этого слова — *сельск., диал.* ‘пропущенное или плохо обработанное место в поле при пахоте, посеве, косьбе’ также имеет неодушевленный денотат.

Глагольные дериваты представляют собой 4 слова: исходное *грешить* → *согрешать, погрешать, прегрешать*. Базовый глагольный дериват *грешить* отражает деятельностьную сторону концепта «грех». Это слово также совмещает в себе религиозные и внерелигиозные компоненты концептуального содержания «грех». Религиозный КП ‘нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию)’ отражается в значении ‘совершать проступок, грех (в 3-м знач.)’ [Евгеньева 1985]. Внерелигиозные КП ‘порок, недостаток’ и ‘ошибка’ отражены в толковании ‘1. Ошибаться в чем-либо, действовать неправильно; иметь какой-либо недостаток’: *грешить чем или в чем-либо; грешить против чего* [Евгеньева 1985]. КП ‘нарушение религиозных предписаний, правил’ и ‘нарушение предписаний, правил нравственности’ объединяются в более общем значении ‘ошибаться, нарушать какие-н. правила, обязательства’ [Ушаков 1996]: *грешить против истины; грешить против грамматики*.

В целях нашего исследования важно, что глагол *грешить* развивает новые когнитивные признаки, отсутствующие в концептуальном содержании исходного «грех».

Это просторечное значение ‘несерьезно заниматься чем-либо (с оттенком насмешки)’: *грешить по драматической части* — и отмеченное как устаревшее и областное значение ‘возводить напраслину, без основания дурно думать о ком-либо’: *грешить на кого-либо*.

Нетрудно видеть, что эти значения относятся к просторечной или диалектной сфере, т.е. отражают народные представления о концепте. Сниженные, иронически-насмешливые оттенки смысла в первом случае актуализуют представление о грехе как о простительной

слабости (то же — в *грешок*), а второе значение имеет нравственный оттенок смысла, отражающий представление о грехе гордыни. Это явный показатель тенденции к десакрализации греха в народном понимании, отраженной в фактах языка.

С другой стороны, глагольные образования на базе *грешить* — *согрешать*, *погрешать*, *прегрешать* — имеют отчетливо книжный характер и отражают религиозные компоненты ‘совершать грех’ и ‘преступать религиозные правила и установления’. В соответствии с этим формируется семантика отглагольных существительных *погрешение*, *согрешение*, *прегрешение*, книжный характер которых подчеркивают признаки старославянского происхождения этих слов.

Иными словами, «грешить» могут даже неодушевленные объекты, что приводит к максимуму десакрализованности в понимании этого концепта в обыденном сознании.

Итак, мы выявляем два новых когнитивных признака концепта «грех», которые не были ранее зафиксированы при анализе синтагматических и парадигматических особенностях языковой экспликации слов — репрезентантов данного концепта в современном русском языке:

- ‘человеческая слабость’
- ‘недостаток, изъян в работе какого-л. механизма, устройства’.

Таким образом, уточненный смысловой объем концепта «грех» включает в себя 13 когнитивных признаков:

1. Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию)
2. Нарушение религиозных предписаний, правил
3. Состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом
4. Нарушение предписаний, правил нравственности
5. Проступок, преступление
6. Ошибка
7. Состояние (чувство, ощущение) вины
8. Порок, недостаток
9. Беда, несчастье
10. Состояние греховности = ощущение неправильности, предосудительности (своих действий)
11. Распутство
12. Человеческая слабость
13. Недостаток, изъян в состоянии вещи, в работе какого-л. механизма, устройства.

В целом следует отметить, что в концептуальном поле «греха» со временем, на уровне обыденного употребления языка, утрачивается актуальность его религиозной, православно-христианской рецепции: непосредственно религиозные когнитивные признаки этого концептуального поля зачастую уступают место совсем иным семантическим компонентам, отражающим уже особенности быта и нравов народа, его ценностей и предпочтений, лишенных христианской окраски. Особенно явственно это отражается на примере функционирования производных лексем на базе исходного слова «грех», а именно его субстантивных и глагольных дериватов. В этом, на наш взгляд, можно видеть проявления тенденции к десакрализации концептов традиционной русской культуры в речевой практике носителей современного русского языка.

Литература

- Евгеньева А.П. 1985 — *Словарь русского языка: В 4-х т. Т. I.* РАН, Ин-т лингвистич. исследований. Москва.
- Жуковская Л.И. 2015 — Когнитивные признаки и смысловой объем концепта «менталитет / ментальность» в современном русском языке (по данным научных, энциклопедических и лексикографических источников). *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.* 5: 283-287.
- Радбиль Т.Б. 2006 — Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи. *Русский язык в научном освещении.* 12(2): 56-79.
- Радбиль Т.Б. 2007 — Аномалии в сфере языковой концептуализации мира. *Русский язык в научном освещении.* 1 (13): 239-265.
- Радбиль Т.Б. 2012 — *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие.* Москва.
- Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. 2014 — Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке. *Современные проблемы науки и образования.* 5. Режим доступа: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 27.11.2014).
- Ручина Л.И., Горшкова Т.М. 2011 — Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 6-2: 130-135.
- Сайгин В.В. 2013 — Языковая экспликация концепта «грех» в современном русском языке. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2: 112-116.
- Сайгин В.В. 2014 — Концепт «грех» в свете антиномии религиозного и светского содержания ключевых концептов русской культуры *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.* 2 (30): 88-93.
- Тихонов А.Н. 1985 — *Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок 145000 слов: В 2-х т. Т. I.* Москва.
- Ушаков Д.Н. 1996 — *Толковый словарь русского языка: В 4-х т. Т. I.* Москва.

АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР В РУССКОМ ДИСКУРСЕ
(О ПЕРЕВОДАХ П.Г. ВУДХАУЗА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

О.Н. Скачкова

Балтийская международная академия, Латвия

olga-skackova@inbox.lv

В данной статье рассматриваются переводы двух рассказов П.Г. Вудхауза на русский язык. Один из главных английских писателей-юмористов Вудхауз еще мало знаком широкой русской публике, а при переводе его произведений преобладает развлекательная тенденция, упрощающая оригинал и порою уничтожающая его самобытность. Для улучшения качества переводов предлагается посмотреть на творчество этого классического писателя в контексте истории и культуры, что поможет создать «русского» Вудхауза, соответствующего английскому оригиналу.

Ключевые слова: юмор, перевод, Вудхауз

П.Г. Вудхауз (1881-1975), классик английского юмора, ценимый, прежде всего, за свою так называемую Englishness [Critchley 2002], которую он выразил, по мнению соотечественников, не менее блестяще, чем Диккенс и Честертон. Последние более известны русским читателям: Диккенс стал частью русской культуры уже при жизни [Диккенс 1962]) и история его «присвоения», начатая пресловутым Иринархом Введенским [Чуковский 1930], давно изучается на переводческих факультетах российских университетов. Менее импонирующий массовому читателю Честертон, (интеллектуал по природе, презиравший интеллектуалов по профессии) тем не менее тоже имеет много поклонников в России [Васильева 2000].

Мир Вудхауза и его герои иные, чем у великолепных предшественников, но, как и они, Вудхауз, прежде всего, мастер словесной игры, составляющей главное достоинство его произведений [Alexander 1997]. Комедия характеров, комедия положений менее важны в его текстах, чем виртуозное словесное плетение, заставляющее читателя изнемогать от смеха, но ... это удовольствие, доступное английскому или англоязычному читателю. Возможен ли полноценный перевод такого текста на другие языки? Энтузиасты верят, что возможен, поэтому в 1960-1980-х годах, когда Вудхауза заметили за пределами англоязычного мира, его начали интенсивно переводить – в результате был издан 6-томник переводов произведений Вудхауза на 59 языков [Prasad 2004]. Мнения специалистов и читателей об этом издании довольно противоречивы, потому что тем, кто читал Вудхауза по-английски, его вариант на родном языке, как правило, представляется плоским и упрощенным.

В Россию (еще Советский Союз) Вудхауз пришел поздно, в конце 1980-х годов. Его первым переводчиком на русский язык стала Н. Трауберг, дочь известного советского режиссера, которая в детстве слышала восторженные отзывы о Вудхаузе от своего отца и его друга-соратника Г. Козинцева. Оба будущих классика мирового кино, разумеется, читали английского юмориста в оригинале [Trauberg 2015]. Первый же перевод, сделанный Н. Трауберг (повесть *Lord Ensworth and the Girl Friend*, 1989), вдохновил ее коллег. В результате возникла группа переводчиков, возглавленная И. Бернштейн (Ю. Жукова, В. Ланчикова и Э. Новикова), занимающаяся теми текстами, героями которых являются Дживс и Вустер – самые известные, «брендовые», персонажи Вудхауза. Впрочем, невустеровские тексты тоже переводят, последовательно и талантливо, Е. Доброхотова-Майкова, И. Гурова и А. Дорман.

Английский юмор в новом варианте был сразу замечен читателями: в 1996 году бизнесмен Михаил Кузьменко, на которого переводы Н. Трауберг произвели сильное впечатление, основал в России Общество любителей Вудхауза, насчитывающее несколько тысяч членов, целью которого стало составление каталога русских и английских публикаций об этом авторе и его работах [Trauberg 2015].

Такая реакция массового русского читателя на юмористические тексты свидетельствует о комплиментарности русской и английской культур. Данный термин, предложенный Л. Гумилевым, имеет много составляющих [Гумилев 1994], но нас интересуют только те, которые обнаруживаются при взаимодействии языков – главного средства самоидентификации культуры. Идеи, теории, учения и тому подобное, как продукт общественной жизни, легко пересказываются с одного языка на другой, потому что основаны на основной потребности любого вида – выжить. Юмор возникает уже на другой ступени развития общества, он порожден потребностью быть самим / самой собой, что предполагает отделение себя от стада. Это время насмешек над другими, время клоунов, скоморохов и прочего примитивного веселья. Когда оно проходит, возникает более сложная задача: посмотреть со стороны не на других, а на себя, посмеяться над собой – в этом англичане чемпионы. Самоирония англичан близка русским.

Прагматические механизмы создания комического эффекта основаны на окказиональном преобразовании единиц языка. При переводе любого текста, а художественного – в особенности, неизбежно возникает вопрос: «Насколько окказионально активны язык оригинала и перевода, как сами по себе, так и при сопоставлении? Какие уровни языка участвуют в этом процессе?» Едва ли можно представить два языка, в которых приемы окказионализации вполне совпадают, чаще эти совпадения очень незначительны. В паре английский язык – русский язык очевидна высокая активность грамматического и

синтаксического уровня в английском и словообразовательного в русском. На уровне идиоматики и стиля потенциал этих языков, приблизительно, равен.

Переводчикам Вудхауза необходимо считаться с этими обстоятельствами, постоянно принимая решения по поводу того, как поступить не столько с безэквивалентной лексикой оригинала, сколько с ее культурным и социальным контекстом. С точки зрения коммуникации комизм возникает при нарушении постулатов общения. Так камердинер Дживс разговаривает со своим хозяином на общем для них, отшлифованном до полного автоматизма, языке хорошего общества, изобилующем эвфемизмами и штампами. Для хозяина Дживса и жизни, богатого бездельника Берти Вустера, это родной язык, но его слуга, «джентельмен при джентельмене» (это только один из возможных способов перевода английского термина – реалии “gentelman’s gentleman”), знает и другой: Дживс постоянно использует цитаты, аллюзии и прочие стилистические приемы, которые Вустер не воспринимает как таковые. Он или пропускает их мимо ушей, или простодушно адаптирует. В результате общение героев внутри текста представляется сложным и порою загадочным. Читателю не всегда понятно, то ли Дживс, как человек, находящийся в услужении, по необходимости опускается до своего хозяина, «трутня», милого дурачка, то ли постоянно над ним издевается, получая, таким образом, нематериальную «прибавку к жалованью». Вне текста читатель волен выбирать любой из этих вариантов, но те, кому действительно близок Вудхауз, остаются рядом с ним, автором, и при многократном повторении этого приема понимают, что дело не только в скудных умственных способностях самого Берти и его патетической непринадлежности к культуре, но и в обществе, законным сыном которого он является.

Понимать это должен и переводчик, задача которого честно, без искажения, передать оригинал, не «улучшая» его в угоду своим пристрастиям и не пытаясь сделать его «еще смешнее». На первое место среди упреков, которые можно предъявить русским переводчикам Вудхауза, следует поставить пренебрежение так называемыми **речевыми привычками**. Монотонное повторение слов-паразитов, не обладающих информативной ценностью, в художественной литературе является приемом, который автор использует с определенной целью, как характеристику персонажа. Из этого следует, что переводчик не должен менять авторскую концепцию, стараясь сделать текст более «живеньким», например: (все английские тексты цитируются по книге [Wodehouse 2004], русские – по книге [Вудхауз 2002], перевод Э. Новиковой)

1 *Oh, I say, can you? said the child delightedly...I say, thanks awfully – Это. а вы можете? – спросила девочка, просяв. – Это, большое спасибо.*)

2 *Yes, carry on. I say, Jeeves, it’s a strange thing – Да, вперед, Дживз. Странная штука.*

Это только два примера (из числа многих, которые можно было бы привести) того, как переводится бессмысленная с коммуникативной точки зрения фраза *I say*, принадлежащая к речевым привычкам данной среды и имеющая множество эквивалентов в любом языке. В русском 80-х – 90-х годов – это, позже – типа и так далее. Это не просто язык, а культурный сигнал, свидетельство убожества говорящего.

То же можно сказать и о *dashed / dash it*:

3 *Oh, dash it, Jeeves! he said with feeling. – Черт побери, Дживс, – сказал он в явном возбуждении.*

4 *Ought to be a dashed interesting experience, Jeeves, don't you think? – Должно быть, это будет интересный опыт, а, Дживс?*

5 *Jeeves, he said, is that dashed car mended yet? – Дживс, – хрипло сказал он, – вы уже починили эту чертову машину?*

6 *Jeeves, said Mr Wooster, this is dashed jolly. – Дживс, – сказал мистер Вустер, – это просто здорово.*

Все данные примеры корректно передают базовые словарные значения вышеназванного английского слова. Но почему же профессиональная переводчица перевела его по-разному и не обратила внимания на то, что это часто повторяемое слово является речевой привычкой глуповатого героя Вудхауза? Зачем надо переводить одно и то же слово по-разному? Чтобы поправить, улучшить Вудхауза? Чтобы сделать из Берти – забавного дурачка – нового «культурного героя», вопреки намерениям его создателя?

Стиль оригинала тоже немало пострадал от энтузиастов, о чем свидетельствуют следующие примеры:

7 *Jeeves, I wish I had a daughter. I wonder what the procedure is? – Marriage is, I believe, considered the preliminary step. – Дживс, бы хотел иметь дочку. Что для этого нужно сделать? – Полагаю, предварительной ступенью является женитьба, сэр.*

Юмористический эффект данного фрагмента в том, что Вустер употребляет слово *procedure* (*процедура*), имея ввиду удочерение, а его камердинер, знающий, насколько недалек хозяин, допускает, что тот может спрашивать и о другой *процедуре*, а именно о том, откуда берутся дети. Берти так много раз демонстрировал неосведомленность в самых обычных житейских вопросах, что и здесь Дживс на всякий случай его направляет. Сам Дживс, мастер эвфемизмов, никогда не называет вещи их настоящими именами в разговорах с представителями класса своих работодателей, поэтому неудивительно его предположение, что, говоря о *процедуре*, Вустер спрашивает о том, чего нормальным людям объяснять не надо – о простейших законах жизни. В переводе этот важнейший для отношений двух главных героев момент стерт по непонятной причине, так как никаких лингвистических

сложностей перевод слова *procedure* на русский язык не предполагает. Поняла ли переводчица художественный смысл данной языковой реальности?

8 *No doubt some men in my place would at this juncture have voiced their disapproval. I avoided this blunder.* – Без сомнения, кто-нибудь другой на моем месте выразил бы в подобной ситуации свое несогласие. Я избежал такой **тактической ошибки**.

At this juncture – фразеологизм, употребляемый, преимущественно, людьми образованными, который можно перевести как *на распутье, на крутом повороте, перед лицом решающего выбора* [Dictionary of Idioms 2005], что никак нельзя считать стилистическим эквивалентом избранного переводчиком нейтрального разговорного выражения. С другой стороны, *blunder* – стилистически сниженный и экспрессивный синоним нейтрального слова *mistake*, употребляемый преимущественно в газетном стиле, и, как таковой, его следовало бы перевести как *оплошность, ляп, глупость* [Мюллер 2008], а вовсе не как *тактическая ошибка*. Переводчица дважды пренебрегла стилистическими сигналами оригинала, а ведь игра со стилем едва ли не самое интересное в текстах Вудхауза. Более того, в обоих случаях в оригинале комический эффект возникает из-за несоответствия формы (безупречно корректного языка Дживса) и содержания (обсуждения очередной нелепой выдумки Вустера).

9 *Tact, of course, has always been with me a sine qua non < ... >* – Такт у меня, само собой, всегда был на первом месте <...>

В данном случае переводчица стояла перед выбором: 1 – предположить, что ее читатель знаком с этим расхожим выражением, входящим в культурный багаж любого читающего человека, независимо от родного языка и национальности (его знает даже Вустер, хотя это не по-английски); 2 – предположить, что ее читатель не поймет этот иноязычный фразеологизм и не потрудится выяснить, что он значит. Выбрав второй путь, переводчица выбрала и читателя, полагая, что упростив оригинал не лучшим образом, оказывает ему услугу.

При переводе **фразеологизмов** выбор точного эквивалента или, при отсутствии такового, использование стратегий модуляции и компенсации – сложная задача, требующая особого такта. К сожалению, рассматриваемые ниже фрагменты не являются образцом корректного перевода фразеологизмов.

10 *Hallo-allo-allo!* said Mr Wooster, as the child reached us. Do you want a lift? – **Здрасьте-мордасти**, – сказал мистер Вустер, когда девочка подошла. – Тебя подбросить?

Английский текст содержит шутливую форму приветствия, явно употребляемую в приятельской среде золотой молодежи. Странное выражение в русском переводе, очевидно, созданное переводчицей по образцу выражения *страсти-мордасти*, никак не мотивировано

отношениями между Вустером и незнакомой ему девочкой и привносит в образ героя несвойственную ему вульгарность.

11 *Are you suggesting that I've gone a bit crazy?* – *Вы думаете, у меня сдвиг по фазе?*

Как и в примере 10 нейтральное английское выражение переведено с помощью современного молодежного слэнга, который абсолютно неуместен в устах лондонского джентльмена 1930-х годов.

12 *I am not blaming you. But you know, Jeeves, I have been thinking rather deeply these last few days, and I've decided that mine is an empty life. I am lonely.* – *Я вас не виню. Но, **разрази меня гром, в смысле, вы должны со мной согласиться, я имею в виду**, в последнее время я много размышляю и пришел к заключению, что моя жизнь пуста. Я одинок, Дживс.*

Переводчица добавила к тексту три предложения, чтобы акцентировать косноязычие героя, который никак не может добраться до сути того, что хочет сказать. Вероятно, таким образом она хотела добавить комизма, но нам этот прием представляется сомнительным, потому что не соответствует авторской концепции данного персонажа – как легко убедиться, в английском оригинале Берти Вустер выражает свои мысли вполне складно, не запинаясь и не спотыкаясь, не оставляя предложения незавершенными.

13 *He **had insisted**, against my frank disapproval, on wearing purple socks. However, I coped successfully with that **outbreak**, and I was by no means unsanguine that I should eventually be able to bring the present affair to a happy issue.* – *<...> он, несмотря на мое откровенное неодобрение, **вздумал** надеть лиловые носки. Тогда мне удалось пресечь **этот непорядок**, и я имел право надеяться, что и теперь, в конце концов, смогу привести историю к счастливому финалу.*

Как уже отмечалось, Дживс подчеркнуто почтителен по отношению к Вустеру и выбирает такие выражения, которые придают культурный лоск повседневным событиям их жизни, поэтому он говорит, что Берти *insisted* (*настаивал*) на своем выборе предмета туалета, а вовсе не *вздумал надеть* (это неуважительно!). Само описываемое событие – попытку Берти надеть лиловые носки – характеризует как *outbreak*, то есть, *бунт, вспышку неповиновения* [Мюллер 2008], что вполне отражает стиль отношений между героями и придает истории особый колорит, которым почему-то пренебрегла переводчица, выбрав невыразительное слово *непорядок*.

14 *And when we get back, I'll be bursting with health and ready to start on this plan of mine.* – *А когда вернемся, я со свежим силами, вернусь к маленьким ножкам.*

Идиома, содержащаяся в оригинале, имеет точный русский эквивалент – *пышет здоровьем*, который был бы гораздо более забавным и выразительным в данном контексте, чем выбранный переводчиком. С точки зрения рассказываемой истории (о попытке Берти

завести себе ребенка, как симпатичного домашнего питомца, вроде кошки или собаки) необходимость предварительных оздоровительных мероприятий выглядит забавно и эта тема получит развитие далее в сюжете тогда как выражение со свежими силами имеет более общий характер и лишено образности, столь яркой в оригинале.

15 *I had found <...> the fellow sneaking my silk socks, a thing **no bloke of spirit could stick at any price.** – <...> человек, который <...> попался на краже шелковых носков, чего **ни один мужчина и спортсмен не потерпит ни за какие коврижки.***

Прием генерализации, использованный при переводе *no bloke of spirit* как *ни один мужчина и спортсмен*, можно считать удачным, но русские *коврижки* в устах английского денди звучат странно.

Следует отметить, что многие варианты перевода фразеологизмов удачны и не нарушают общей концепции отношений героев или их речевых портретов, например:

16 *So it happened that the night before I had been present at a rather cheery little supper, and I was **feeling pretty rocky.** – Случилось так, что накануне я принимал участие в довольно бойком застолье и с утра **был немного не вполне.***

Rocky – любимое словечко Вустера с очень широкой семантикой, которое он употребляет в разных ситуациях, когда затрудняется подобрать более точное определение; оно отлично передает его нехитрые отношения с миром, в котором он ни за что не отвечает и живет как-то приблизительно, благо есть Дживс, решающий все проблемы.

17 *It would perhaps be safest to drive carefully until we are out of the school ground, sir. I might run down one of the young ladies. – **Well, what's wrong with that?** demanded Mr Wooster, with extraordinary bitterness.*

*Or even Miss Tomlinson, sir. **Don't speak of it!..It's a delicious thought!** –*

*По территории школы придется ехать очень медленно, так будет безопаснее, сэр. Мы можем задавить какую-нибудь молодую леди. – **А чем плохо?** – с горечью спросил Вустер.*

*Или даже мисс Томлинсон, сэр. – **Не надо... Не дразните меня.***

Хотя перевод совсем не дословный, общее настроение разговора передано тонко, вполне в духе Вудхауза и функциональные эквиваленты для перевода устойчивых фразовых единиц подобраны удачно.

Следует остановиться еще на двух тенденциях, которые популярны у сегодняшних русских переводчиков Вудхауза: использование деформированных идиом и отсебятина. Надо отдать должное Э. Новиковой, чей перевод рассматривался выше, – она не использует таких приемов, зато это очень любят делать И. Бернштейн и Н. Трауберг. Замена одного компонента идиомы часто встречается в их переводах, например: *отряхнув прах с наших*

шин, Синяя Птица подняла лапки кверху и закрыла лавочку, куда ни бросишь кирпич, вляпаться в такую калошу. Цель этих манипуляций с языком очевидна – сделать текст смешнее. Достигается ли подобный эффект – вопрос вкуса, возможно, некоторым читателям именно это и нравится, именно это они и считают «юмором Вудхауза», но к английскому тексту подобные «находки» не имеют никакого отношения. Английское остроумие вообще, и Вудхауза в частности, имеет другую природу.

Кроме того, переводчицы иногда просто добавляют в русский текст целые фразы и предложения: *он ест бутылочное стекло и в полнолуние приносит человеческие жертвы, он гнал меня с хлыстом в руке целую милю по пересеченной местности, направо и налево были пригоршнями розданы счастливые концы, следить за собой как последняя собака.* Благодаря этим нелепостям, русские читатели получают очень искаженное представление о знаменитом английском юмористе.

Рассмотренный здесь материал довольно типичен для большинства переводов текстов Вудхауза на русский язык. В них есть замечательные находки и остроумные приемы передачи английского юмора в английской же манере. Однако нельзя не заметить, что единый подход, общая стратегия еще не выработаны. Так, речевые характеристики героев, столь детально, виртуозно создаваемые Вудхаузом, нарушаются ради сомнительных целей: Вустер не становится более смешным, если предстает косноязычным заикой или употребляет слэнг чуждой ему среды, а речь виртуозного оратора Дживса упрощается и лишается подтекста. Этому можно найти объяснение: русским переводчикам трудно воссоздать на родном лексическом материале язык той среды, которой принадлежат герои Вудхауза, потому что ее просто нет и никогда не было в русской социокультурной, социоисторической реальности. История русского языка, разумеется, отлична от истории английского, но не менее важным оказывается и другая история, та, где симпатичные «трутни» кажутся «цветом нации», а умные и дельные плебеи, подобные Дживсу, выполняют при них не только роль слуги, но и няньки, без которой Вустеры и не выжили бы. Как социальный тип они исчезли после Второй мировой войны, потому что их Дживсы оказались заняты более серьезными вещами, чем выбор носков для баловней судьбы. Показательна в этом отношении биография самого Вудхауза: он случайно оказался во Франции, на оккупированной немцами территории, в самый разгар «Битвы за Англию», и, растерявшись перед лицом страшной реальности, поступил в соответствии со своей натурой – начал шутить в предоставленном ему немцами эфире от имени попавших в плен англичан (которые не разделяли его веселья). К этому времени он был уже знаменитым создателем Дживса и Вустера, поэтому те друзья, знакомые, коллеги, которые за него заступались позже, говорили о его «детской наивности», неумении здраво судить о политике, подсознательно отождествляя его с Берти Вустером.

Вудхауз талантливо сумел убедить их в том, что забота о его личном комфорте оправдывает любые нравственные компромиссы и должна быть на первом месте, даже тогда, когда горят под фашистскими бомбами города Англии.

По окончании войны он уехал в Америку, где преимущественно и жил, понимая, очевидно, что серьезно разочаровал соотечественников. Разумеется, со временем эти настроения смягчились, и его книги по-прежнему с удовольствием читают в англоязычном мире, но переводчикам, берущимся за Вудхауза, необходимо видеть его личность и мир его героев в полном объеме, со всеми историческими, социальными, лингвистическими аспектами, чтобы создать аналог на родном языке, в нашем случае – «русского Вудхауза», не исказив перспективу.

Литература

- Васильева Е.В. 2000 – *Художественный мир романов Г.К.Честертона*. Воронеж.
Вудхауз П.Г. 2002 – *Командует парадом Дживс*. Москва.
Гумилев Л. 1994 – *Этногенез и биосфера земли*. Москва.
Диккенс Ч. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1838-1960. 1962. Москва.
Чуковский К. 1930 – *Принципы художественного перевода*. Ленинград.
Alexander, R. 1997– *Aspects in verbal humour in English*. Tübingen.
Critchley, S. 2002 – *On humour*. London.
Prasad, H. 2004 – *Laughing with the master: In praise of P.G.Wodehouse*. Bloomington.
Trauberg, N. 2015 – *Wodehouse in Russia*. Moscow.
Wodehouse, P.G. 2004 – *Carry on, Jeeves*. London.

Словари

- Мюллер В.К. 2008 – *Большой англо-русский словарь*. Москва.
The Oxford Dictionary of Idioms. Second edition. Oxford, 2005.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФОН ПОРТОВОГО ГОРОДА

Е.Н. Степанов

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина

stepanov.odessa@gmail.com

Цель статьи – показать специфические черты лингвокультурного фона русской речи города, экономически ориентированного на морехозяйственную деятельность и торговлю. Результатом исследования являются выявленные факторы влияния на специфику лингвокультурного фона портового города: социально-экономический, социально-этнический, геоклиматический и культурно-исторический. Лингвокультурная специфика города реализуется, в первую очередь, через семантические особенности денотативного и коннотативного уровней лексико-фразеологической системы городской речи: как в койне города, так и в его социолектах.

Ключевые слова: лингвокультурный фон, городская речь, русский язык, городское койне, городские социолекты

Понятие лингвокультурного фона языковеды обычно используют при изучении особенностей перевода либо способов передачи фоновых и безэквивалентных понятий в лексике, фразеологии, а иногда и в фонетике, грамматике. Приоритет современных антропоцентрических исследований даёт всё больше оснований для изучения закономерностей в изображении лингвокультурного фона нерусских реалий писателями и поэтами. Это направление известно лингвистике. Вспомним хотя бы работы, в которых интерпретируются тексты «Хожения за три моря» А. Никитина, «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина, «Фрегата “Паллада”» И. А. Гончарова, «Африканского дневника» Н. С. Гумилёва и других путевых заметок.

Опыт наших исследований свидетельствует о том, что свои закономерности и средства имеются и в изображении лингвокультурного фона в русском языке носителей, проживающих в городе и деревне, мегаполисе и небольшом городе, в портовом, шахтёрском, курортном, военном и других городах, в регионах с разными климатическими условиями [Степанов 2013]. В том же ряду находятся гендерные, возрастные, другие социолингвистические исследования лингвокультурного фона речи разных социальных категорий населения.

В данной статье мы попытаемся показать лишь те особенности русской речи, которые характерны для жителей больших портовых городов. За основу взята русская речь одесситов.

Мы выделяем 4 основных параметра, которые необходимо учитывать в исследовании лингвокультурного фона речи жителей портового города: 1) социально-экономический; 2) социально-этнический; 3) геоклиматический; 4) исторический.

Основными единицами языка, отражающими специфику лингвокультурного фона, являются лексемы и фразеологизмы. В лексико-фразеологических системах городских койне наилучшим образом реализуется феномен городской прецедентности, обусловленный указанными выше социально-экономическим, социально-этническим, геоклиматическим и историческим факторами.

Особенности экономической деятельности и обусловленного ею социального поведения горожан отражаются в семантической специфике денотативного и коннотативного уровней лексико-фразеологической системы городской речи: как в городском койне, так и в социолектах города. Одним из факторов постоянного обновления лексико-фразеологической системы является развитие социально-экономических отношений. Появляются новые либо трансформируются уже существующие денотаты. Денотативный и коннотативный макрокомпоненты каждой единицы в том или ином городе могут иметь свою специфику, вызванную степенью значимости для городского социума определённых сфер хозяйствования, организацией их инфраструктуры и наличием либо отсутствием сфер с этно-экономическими особенностями. Исследование русской городской речи Одессы свидетельствует о том, что чаще других используются морская и коммерческая метафоры с соответствующими денотативными микрокомпонентами вместо единиц, семантические структуры которых в стандартной русской речи не содержат сем 'морской', 'коммерческий'. При этом появляются коннотативные семы, значение которых зависит от конкретных целей и ситуаций коммуникации.

В портовых городах экономическая жизнь тесно связана с морем и ориентируется на определённые географические особенности расположения порта, демографические, энергетические и транзитные возможности города, биологические ресурсы водоёма, на берегу которого этот город расположен. Специальный лингвистический анализ указывает на связь большинства сфер деятельности горожан с морскими отраслями экономики. Самым весомым аргументом в подтверждение этого является широкое применение морской терминологии и единиц профессионального жаргона моряков писателями, поэтами, журналистами города. Многие из этих слов понятны большинству горожан, даже тем, чья профессиональная деятельность не связана с морем. Напр.: *Обводы и общая конструкция "паузки" не отличается от баржи* [Моряк, 215, 2.07.1922: 1]. *Слева от нас призрачной башней медленно двигался маяк, справа – тихий, безлюдный брекватер* [Бондарин 1981:10]. *На леерах развешены тельняшки / И чуточку повыше рештованья / Приспущен старый вымпел расставанья* [Гордон 1982:15]. *Запрет Регистра шуткой преврав, / Я трогаю машинный телеграф...* [Там же] (о службе Государственного регистра, разрешающей или запрещающей судну выходить в плавание, хорошо знают моряки и члены их семей).

Частыми являются примеры морской метафоры типа: *бросить якорь*, *бросить спасательный круг* ("помочь"), *бросить швартов (-ы)* ("ухаживать"; просторечное "швартоваться"), *бросить маяк* ("объяснить", "предоставить информацию", "проинформировать"; жаргонное "дать наколку"). Обычно в городской речи наблюдается сдвиг в сторону меньшей стилистической сниженности, чем это определено стандартом. Напр.: *Ты что, пионер-школьник? Ты женщин не видел? <...> А тут что-то не то. <...> Может, швартовка твоя подошла?* [Митрофанов 1982:87]. В данном контексте *швартовка* – не грубое, а фамильярное просторечное слово. *Рубль довольно прочно стал на якорь* [Моряк 23.07.1922:2] (*стать на якорь* = "перестать инфлировать"). *А ведь я горел, котлом кипел, аж пузырился* [Шквал 1928:9] (*кипеть котлом* = "волноваться, беспокоиться"). *И, как закон, полчаса – горизонт голове и ногам* [Митрофанов 1992:100] (*горизонт голове и ногам* – "лечь"). *"Черноморцу" нечего "ловить"* [Пойзнер 2001:52] (в жаргоне футбольных фанов *нечего ловить* = "не выиграть, не удержаться в игре"). *Несчастье шлялось под окнами, но оно было пьяно, как водолаз* [Бабель 1986:125].

Водная и морская терминология издавна входит в фольклор народов, населяющих морские побережья и ведущих хозяйственную деятельность в море [471]. Морская метафора, метонимия, морской эпитет, морское сравнение широко используются в художественном и публицистическом одесском дискурсе. Сема 'морской' в этих фигурах, как правило, яркая. Обычно морской микрокомпонент в них эксплицитен. Он может быть представлен разными способами: 1) словами с корнем *мор-* (напр.: *У тебя же вид "на море и обратно"* [Пойзнер 2001:225] (= "нелепый вид"). *Эти "моряки в седле" до сегодняшнего дня окружают меня...* [Пойзнер 2001:177] (= "те, кто получил береговую профессию в морском вузе"). *Морская акула – человек казённый* [Кармен 1977:64] (= "портовый охранник"); 2) единицами, называющими общеизвестные морские объекты (напр.: *Он въехал на пяточок Соборки..., как пиратский корабль входит в чужие воды из нейтральных* [Пойзнер 2001:53]. *Но всё сильней стремимся мы к походам / И всё решительней вираем якоря, / Чтоб обуздать штормящие моря. <...> Приучены державить над судьбою / И каждую ступень на трапе восхожденья / Брать с бою!* [Карев 1981:48]); 3) терминами, характерными для профессиональной речи моряков (напр.: *Боковое появление Маргариты* [Крокодил 1911, 35]. Ср.: *боковой крен, боковой ветер. На траверсе – акации в строю, / Я лагом к Дерибасовской стою* [Гордон 1982:14]. *Еду на горбатом "Запорожце" в часть. Забил его ниже ватерлинии – от и до...* [Пойзнер 2001:148].

Денотаты 'берег' и 'море' в речи жителей портовых городов нередко противопоставлены по признаку "место работы"; данная ситуация заимствована из судоводительского дискурса. Напр.: *На берегу работы нет... Пошёл плавать – сбывлась*

детская мечта... [Пойзнер 2001:267]. В устной и письменной речи частыми бывают сухие, полусухие, образные и индивидуально-авторские метафоры, в денотативном макрокомпоненте значений которых имеется периферийная либо окказиональная сема 'рыба'. Напр.: 1) *В день могу иметь гривень, ну, 15-20. Смотри какой косяк пошёл...* [Пойзнер 2001:220]. Реплика шахматиста-любителя с одесской Соборки. *Косяк* – те, кто виснет на “крючок” шахматиста. 2) *Чтоб тую скумбрію незаметно было в нашем голубом Чёрном море* [Катаев 1989:250]. В отличие от скумбрии, *кефаль* выступает как метафора с отрицательной коннотацией. Ср.: *Мерзавец, кефалик проклятый, рачколя дохлая*, – думал он про цирюльника... [Зритель 1922, 1:3]. Слово *рачóля* в нерегулярно функционирует как собирательное существительное со значением "рачки = креветки", в метафорическом употреблении *рачколя* обладает негативной коннотацией и, характеризуя человека, функционирует со значениями, подобными зооморфным метафорам *насекомое*; *навозный жук*. Полагаем, что *кефалик* и *рачколя* в указанном употреблении являются безэквивалентными одессизмами.

Когнитивная "рыбная" метафора в речи одесситов бывает перенесённой не только с водного животного на человека, но и наоборот. Напр.: *И больше соли! Мало дашь, так получишь интеллигентного рака. А кому нужен интеллигентный рак? Ни рыба ни мясо...* [Пойзнер 2001:35]. Метафора *интеллигентный* коррелирует здесь с фразеологизмом *ни рыба ни мясо*.

Соизмеримым по значимости с морским онтологическим направлением экономической деятельности жителей портовых городов является торговля и бизнес. Торгово-деловая сфера – важная составная часть экономико-социального макрокомпонента в их языковой картине мира.

Фоновый характер использования единиц социально-экономического макрокомпонента с торгово-деловым микрокомпонентом можно назвать более ярким, чем у единиц с морским микрокомпонентом. Во-первых, большинство торгово-деловых урбанизмов, в отличие от морских, являются социолектными словами, поэтому оказываясь в городском койне при расширении узуальности, попадают прежде всего в городское некодифицированное просторечие, фактически сохраняя свои оценочные и эмоциональные коннотации. Во-вторых, из-за своего преимущественно социолектного функционирования выход торгово-деловых урбанизмов за пределы речи одного города происходит редко, поэтому фоновыми в этой группе лексических и фразеологических единиц обычно являются урбанизмы, имеющие соответствия в общеупотребительном фонде. Ср.: *форцовщик* ≈ *спекулянт*; *давать* ≈ *платить*; *тянуть* ≈ *стоять*; *пассажир* ≈ *покупатель*; *гешефтмахер* ≈ *бизнесмен*; *гуцать на сходнях* ≈ *подписывать договор* и под. Напр.: *После войны он жил вместе с дочерью и зятем – обычным одесским фарцовщиком* [Пойзнер 2001:339]. *Ма́хер, гешефтма́хер, фо(а)рца́,*

фо(а)рэц (а позже *фо(а)рцџовщик*) вошли в речь одесситов из языка идиш благодаря активному участию представителей еврейской общины города в коммерческой деятельности. *Махер* (< ид. מאכער) – обычный торговец, покупавший товар оптом дешевле и перепродававший в розницу в нескольких местах. *Гешефтмахер* (< ид. געשעפטמאַכער) занимал функциональную нишу современного бизнесмена (*бизнесмен, деловар*). Слову *форцџовщик*, которое до сих пор употребляется, одесситы отдают большее предпочтение, чем его синониму *спекулянт*. В XIX в. такого урбанизма ещё не было, вместо него функционировало слово *форџ*. Сначала *форцом* называли человека, который умел своим красноречием сбить цену на оптовую партию товара, дёшево покупал, благодаря чему имел *фору* перед махерами в дальнейшей перепродаже *форцы́* (перекупленной партии товара). Следовательно, *форец* зарабатывал не только как *махер*, но и как практик в области нейролингвистического воздействия. Слова *форец* и *форца* возникли как метафоры с негативной коннотацией. *Форец* было синонимом русского оценочного существительного *вонючка*, а *форца* – существительного *вонь*. Образовано от грубого еврейского (в идиш) פּוּרְפּוּץ [форц] – “газы, выходящие из кишечника” и פּוּרְפּוּץ [форцн] – “выпускать газы из кишечника” [Степанов 2008:70-71].

Безэквивалентными могут быть единицы, называющие реалии торгово-деловой сферы, характерные только для пространства одного города. Так, только для Одессы были характерны в специфическом значении слова *заяц* и *скаун*: *Тут же, на Пересыти – главная биржа перекупщиков, “зайцев”, “скаунов” и прочих мелких гешефтмахеров, которые ежедневно далеко до рассвета выходят на промысел и пускают в дело всевозможные хитрости, чтобы накрыть простоватого крестьянина, везущего в город зерновой хлеб* [Путеводитель 1889:33].

Торгово-деловой микрокомпонент значения в структуре экономико-социального макрокомпонента может сочетаться с микрокомпонентами 'торговля', 'финансы', 'хозяйственное право' и некоторыми другими. Наши исследования показывают, что подвижность лексического состава профессионального арго коммерсантов и бизнесменов коррелирует с перманентным процессом декодирования старых арготизмов и проникновения в этот идиом новых единиц, чаще всего из других дискурсов. Напр.: 1) *Шо же вы взяли? Кто экономит на рыбе?* [Пойзнер 2001:261]. *Тут за углом дают красивые бананы по десять гривен, так я вспомнила об очередях!* [Из разг., 2014]. *Молоко мы будем брать теперь у армян на «Жигулёнке»* [Из разг., 2012]. Из арго торговцев XIX в. в русскую речь Одессы пришла традиция не говорить *покупать* и *продавать*, а заменять эти слова теми, в которых отсутствует сема 'деньги' – *брать* и *давать*. 2) *Вы шо, дядя! Даже у Давида-партизана та бутылка тянет 12 рублей* [Пойзнер 2001:180]. *Что просит эта куцая козочка?* [Из разг., 2013]. Даже в двадцать первой семеме *тянуть* в МАС – “иметь тот или иной вес, весить” – не отмечена денотативная сема 'деньги', в отличие от регулярного в городской речи

одесситов *тянуть* = "стоять". В начале XXI в. информанты отмечают устарелость и грубоватость этой метафоры, отдавая предпочтение метафорическому *просить* в этом же значении. 3) *Я всегда поражался его способности быть "на всех базарах"* [Пойзнер 2001:314] (*быть на всех базарах* = "всюду успевать"). *Езжу, в основном, "мимо денег"...* [Пойзнер 2001:223] (в профессиональных жаргонах одесских таксистов, водителей маршруток и проводников *ездить мимо денег* = "выполнять невыгодные рейсы"). *Как быть со сдачей?* [Пойзнер 2001:118] (= "чем отблагодарить, расплатиться?"). К этой же группе ФЕ относится поговорка *Подкладка тяжёлого кошелька сшита из слёз* [Бабель 1986:117] (= "большое состояние можно сколотить только на чужом горе"). 4) *Так мы ж в ту субботу шпаклевали облкниготорг.* <...> – *А ты что, маляр?* <...> *Шпаклюем означает... скупаем дефицитные книги* [Пойзнер 2001:36]. Выделенный арготизм торговцев 1960-х – 1980-х г.г. (из строительного дискурса) – метафорического происхождения. Опытные спекулянты скупали только дефицитный товар, которым можно было заполнить "щели" повышенного спроса: *шпаклевали*. Отобранный товар в арго спекулянтов назывался *шпаклёвкой*.

Продуктивны в русской городской речи разные способы формальной и семантической трансформации в ФЕ, в которых концептуализируется торгово-деловая сфера жизни общества. Так, в жаргоне одесских футбольных фанов семантический трансформ *внешний рынок* = ¹"противники любимой команды"; ²"люди, болеющие не за местные спортивные клубы" (*То, что ему... не прощалось в разговорах между своими, ...приветствовалось Соборкой в нравоучениях на "внешнем рынке", то есть, когда надо было разобраться с незваными гостями – пришельцами извне* [Пойзнер 2001:51]); *группа товаров* = "специальность, занятие, профессия" (*Будем учить "по чуть-чуть" уже футболу. <...> Это как раз наша группа товаров...* [Пойзнер 2001:47]).

С социально-этническим фактором связано появление в речи горожан единиц, проникающих в городское койне из речи поселяющихся в портовом городе национальных групп, а также из речи моряков и торговцев, систематически бывающих в городе и ведущих в нём активный образ жизни. Поведение таких групп носит обычно прецедентный характер. В каждом портовом городе наблюдается своя специфика взаимовлияния языков, однако влияние на основной язык общения иных языков всегда очевидно. Например, на городскую речь Санкт-Петербурга заметное влияние в разное время оказывали немецкий и финский языки, на русскую речь Одессы – украинский, идиш, итальянский, греческий, молдавский, французский, польский; имеются даже единичные заимствования из китайского и японского. Очевидно, что в абсолютном большинстве случаев города становятся полилингвокультурными в связи с экономическими мотивами поселяющихся в этих городах людей. Приведём пример: *Старый фармацевт с грустью вспоминал за ушедшие годы*

[Смирнов 1997:62]. *Фармазón* – от польск. *farmazon* < греч. *φαρμασωνας* < фр. *franc-maçon* – “франкмасон”, “революционер”, “вольнодумец”, “либерал”. С такими значениями это слово определяется как устаревшее, просторечное. Где и когда оно приобрело бранную коннотацию, став синонимом слов *наглец*, *аферист*, *обманщик*, *мошенник*, словари не отмечают, однако значения эти относительно новые. Наиболее вероятно, что они возникли в среде поляков, производивших и оптом продававших на экспорт зерно, кожу и шерсть в Одессе. С начала существования одесского порта и до 1850-х годов греки выступали монополистами в экспортных операциях с хлебом, уступив монополию евреям лишь в середине XIX в. [Яковлев 1894:376]. В I-й трети XIX в. современники, среди которых был и А.С. Пушкин, воспринимали греков как наиболее революционизированный этнос Европы, т.е. как *фармазонов*. Посредничество этих *фармазонов* в экспортных операциях с хлебом и другой сельхозпродукцией непосредственно касалось помещиков-поляков. Материальную выгоду от операций имели обе стороны, однако меньше рисковал и неизмеримо быстрее богател посредник, прибегая в удобных ситуациях, по законам свободного рынка, к откровенной наглости и мошенничеству монополиста. Всё это, видимо, и стало основанием для семантического сдвига к адстратному *farmazon* / *фармазон*, которое в I-й трети XIX в. употреблялось в Одессе как псевдоэтноним греков. Следовательно, семантическая парадигма полонизма *фармазон* обогатилась семами ‘наглый’, ‘афера’, ‘обман’, ‘мошенничество’ в I-й пол. XIX в. вследствие семантического сдвига, ставшего результатом активных деловых отношений поляков и греков в Одессе. Из русской городской речи одесситов новые денотативный и коннотативный макрокомпоненты значения этого слова распространились в польское, русское, украинское общеупотребительное просторечие [Степанов 2004:280].

Языковой портрет города зависит от геоклиматического фактора. Так, русской речи Одессы присуще более частое, чем речи русскоязычного материка, употребление элементов лексических фондов, связанных с реалиями причерноморской степи. В лирике одесских поэтов преобладает степной пейзаж и пейзаж южного моря. Среди объектов растительного мира поэтизируются *виноград*, *белая акация*, *тополь*, *платан*, *подсолнух*; среди географических объектов – *море*, *лиман*, *степь*; среди климатических процессов – названия черноморских ветров (*бора*, *бриз*, *левант*), помех в видимости горизонта (*дымка*, *туман*); среди людей по профессиональному признаку – *моряки*; среди цветов – *синий*, *голубой*, *жёлтый*. В подтверждение этих наблюдений приведём ряд примеров. Так, *тополь* символизирует у поэтов юго-западной литературной школы человеческую молодость, красоту, непокорность, стабильность: *Стройный тополь с высоты / Рассыпал свой пух. / И от этой красоты / Ввысь взмывал мой дух* [Томчи 1993:6]. *Вспомню ... Опалённые пожарищем / Тополя над пепелищем хат...* [Карев 1981:11]. Тополь с древних времён имел

символическое значение для народов, населявших северное Причерноморье. Например, частое изображение этого дерева в охотничьих сценах на рубеже двух эр [Маркевич б. г.: 2] свидетельствует о том, что *тополь* был тогда символом охотничьей удачи и безопасности. *Уноси меня, шаланда, озорной водой облей! Ветра синего – “леванта” – В паруса хвати смелей!* [Домрин 1980:65]. *Слова ж подхватывает бриз...* [Гордон 1982:7].

Культурно-исторический фактор обуславливает использование любого их специфических средств, в том числе обусловленных социально-экономическим, социально-этническим и геоклиматическим факторами, однако лучше всего проявляется в использовании урбанотопонимии и городской прецедентной антропонимии, а также оттопонимных и отантропонимных единиц, городской фразеологии. Суффиксальные отурбанотопонимные антропонимы могут коррелировать с отэргонимными антропонимами, характеризующими человека по месту его работы, учёбы и под., образуя пары омонимов. Например, в речи одесситов: *китоббёц* – (устар.) член экипажа китобойной флотилии “Советская Украина” и житель Китобойной или соседних с ней улиц; *зóровец* – (устар.) рабочий ЗОРа (завода им. Октябрьской революции и житель посёлка ЗОР).

Прилагательное *карантинный* толкуется как “относящийся к карантину”. В Одессе слова *карантин* и *карантинный* в зафиксированных словарями значениях употребляются с начала строительства города. Однако имеется ещё несколько безэквивалентных одессизмов *Карантин (карантин)*. Крупнейший в центральной части города прибрежный парк культуры и отдыха им. Шевченко – территория бывшего противочумного *Карантина*. Во 2-й пол. XIX в., когда здесь был высажен Александровский парк, одесситы говорили, что идут *гулять в Карантин*. Однако наиболее частотное в одесском дискурсе значение слова *Карантин (карантин)* имеет метонимическое происхождение, не зафиксированное академическими словарями: ¹“часть акватории порта (Карантинная гавань с Карантинным молом) и прилегающая к ней территория самого порта” с портовыми пакгаузами для складирования товаров; ²“порт”. В порту находили работу и приют тысячи нищих, деклассированных элементов. К Карантинной гавани ведёт *Карантинная балка (Канава)*, где когда-то располагались ночлежки для бездомных. Эти геосоциальные особенности легли в основу ряда одесских фразеологизмов с негативными коннотациями, указывающих на отношение носителей денотативных признаков к социальному дну: *карантинные ругательства, байстрюк карантинный, карантинная бикса, карантинный жлоб, карантинные нравы* и под. До 2-й пол. XX в. обычным в Одессе было выделение двух центров воспроизводства грубой брани: порт и припортовая зона (*карантин*) – мужской, а *привоз* – женской. Основными “творцами” и носителями первой были портовые грузчики и бездомные завсегдаи ночлежек, второй – привозные торговки, перéкупки (*ругаешься, как*

грузчик (как карантинный босяк; как портовый / карантинный бич) / ругаешься, как привозная торговка (как торговка с привоза; как рыбная торговка; как на Привозе)).

Таким образом, лингвокультурный фон речи того или иного города – важный феномен в понимании специфики культурного кода жителей того или иного города. В нашем исследовании на примере русской городской речи Одессы показано, что основными в формировании лингвокультурного фона портового города являются социально-экономический, социально-этнический, геоклиматический и исторический факторы. Дальнейшее исследование проблемы следует направить, во-первых, на установление межъязыковых и межкультурных универсалий в речи носителей разных языков, проживающих в больших портовых городах мира, а в дальнейшем – на определение таких универсалий и особенностей речи в городах, специфически ориентированных в экономическом отношении.

Литература

- Бабель И. Э. 1986 – *Избранное*. Минск: Мастацкая літаратура. 272.
- Бондарин С. А. 1981 – «Скиф». *На берегах и в море*. Москва: Советский писатель. 4-104.
- Гордон И. Б. 1982 – *Берег Отрады*. Одесса: Маяк. 94.
- Домрин В. В. 1980 – *Свет земли*. Одесса: Маяк. 112.
- Зритель* 1922: еженедельный журнал литературы, театра, кино, спорта. Одесса.
- Карев Г. А. 1981 – *Солёный ветер*. Одесса: Маяк. 56.
- Кармен Л. О. 1977 – *Рассказы*. Москва: Художественная литература. 286.
- Катаев В. П. 1989 – *Белеет парус одинокий. Хуторок в степи*. Москва: Правда. 558.
- Крокодил* 1911: еженедельное издание. Одесса: Б.Д. Флит, Ф.Б. Сегал. № 35.
- Маркевич А. И. Б. г. – *К вопросу о народах, живших в древнее время в Черномории*. Москва. 5.
- Митрофанов И. 1992 – *Водолей над Одессой. Знамя*. № 3-4. 84-128.
- Моряк : краевая газета Чёрного, Азовского и Каспийского морей* 1922-1924. Одесса.
- Пойзнер М. Б. 2001 – *С Одессой надо лично говорить... (Из подсмотренного и подслушанного)*. Одесса: Друк. 392.
- Путеводитель по Одессе и её окрестностям : справочная книга для одесситов и приезжих. Адрес-календарь – 1889*. Одесса. 129.
- Смирнов В. П. 1997 – *Операция «Гиппократ»*. Одесса: Одессей. 319.
- Степанов С. М. 2004 – *Російське мовлення Одеси*. Одеса : Астропринт. 496.
- Степанов Е. Н. 2008 – *Отражение этнопрофессиональной дифференциации населения Одессы в одесском городском койне (на примере некоторых итальянских и еврейских заимствований XIX – нач. XX в.)*. *Русистика и современность : Хмеждународ. науч.-практ. конф., 26-28 октября 2007 г. : материалы*. Санкт-Петербург: МИРС. Т. 1. 64-71.
- Степанов Е. Н. 2013 – *Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы*: Дис. ... докт. филол. наук. Одесса. 596.
- Томчи Л. В. 1993 – *Мне ветры тайны нашептали...* Одесса: МП «Галина». 32.
- Шквал* 1928: двухнедельный журнал «Известий» Одесского Губкома КП(б)У, Губисполкома и Губпрофсовета. Одесса.
- Яковлев В. А. 1894 – *Кое-что об иноплеменниках в истории г. Одессы. Из прошлого Одессы: [сб. статей]*. Одесса: Маразли. 372-393.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

С.Е. Степанова

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина
fudimkaa@mail.ru

Цель статьи – показать способы влияния профессиональной речи портного Эммануила Соловья, центрального персонажа рассказа Веры Инбер «Соловей и Роза», на язык художественного произведения и языковую картину мира участников швейно-портняжной коммуникации. Результаты исследования способствуют определению места и роли русской профессиональной речи в формировании индивидуальной, семейной, корпоративной, региональной, национальной ЯКМ. Апробируется методика когнитивного исследования профессиональной речи портного на стыке швейно-портняжного и обыденного дискурсов. Указаны особенности влияния профессиональной картины мира говорящего на ЯКМ членов его семьи. Поднимается вопрос о месте автора в профессиональной картине мира его персонажей.

Ключевые слова: профессиональная и языковая картины мира, швейно-портняжный дискурс, сравнение, метафора, олицетворение, творчество Веры Инбер

Сегодня изучение проблем взаимосвязи речи и картины мира человека находится в центре внимания многих аспектов лингвистики. И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [Бодуэн де Куртенэ 1963:71]. Человек познаёт мир, свою сущность, окружающую действительность через осознание своей теоретической и предметной деятельности в нём. То, что человек наблюдает вокруг себя; то, чем занимается дома и на работе, формирует ядро его индивидуальной картины мира.

В данной статье впервые на материале текста рассказа Веры Инбер «Соловей и Роза» исследуются механизмы и формы отражения профессиональной картины мира портного в обыденной речи его и членов его семьи. Исследуемый текст ранее не анализировался с этой точки зрения. Мы рассматриваем здесь отдельные вопросы влияния профессиональной картины мира говорящего на его речь. **Целью** исследования является определение способов влияния профессиональной речи портного Эммануила Соловья, центрального персонажа рассказа Веры Инбер «Соловей и Роза», на язык этого художественного произведения и языковую картину мира участников швейно-портняжной коммуникации.

Анализ текста показал, что **чаще всего** из слов ЛСП швейно-портняжного дела в рассказе используется слово **портной**. Однако оно употребляется только в авторском

повествовании, описании и комментариях. Ни одного раза слово *портной* не употреблено в прямой речи персонажей рассказа. Наибольшая частотность слова *портной* объясняется тем, что центральный персонаж рассказа – портной. Вокруг его образа и его отношения к своему ремеслу построено всё повествование.

На **втором** месте по частотности – слово *пиджак* (6 употреблений). Как и слово *портной*, слово *пиджак* употребляется только автором, называя реальную вещь и, в то же время, вымышленного персонажа, с которым перед сном беседует его создатель, портной Соловей. Частотность использования этого слова может свидетельствовать о том, что *пиджак* – обобщённый образ вымышленного собеседника центрального субъекта повествования и, одновременно, его собственный антипод. Пиджак – антисубъект рассказа. Пиджак спорит со своим создателем, заставляет его сомневаться и критически относиться к себе и своему портняжному творчеству.

По 5 раз использованы слова *шевиот*, *галифе* и *френч*, причём они употребляются как в авторской речи, так и в речи некоторых персонажей и представляют собой составные части *костюма* (слово встретилось 4 раза), который заказала портному киноактриса. Частотность использования этих слов свидетельствует о том, что **костюм** из синего шевиота, состоящий из френча и галифе, **является центральным объектом** авторского повествования. Слова, называющие этот объект и его составные части, употребляются в рассказе всего 19 раз: автором – 10; портным – 2; его женой – 2; заказчицей – 4; милиционером – 1. В рассказе есть другие объекты повествования: *брюки от Лейбовича* и *серый жилет*, – но о них упоминается, соответственно, 2 и 1 раз в диалогах портного и его жены. Следовательно, это – второстепенные объекты повествования. С помощью центрального и второстепенных объектов повествования автор представляет ЯКМ центрального персонажа рассказа.

Мы выделили также этапы работы Эммануила Соловья. Первый этап – **снятие мерки**. Этот этап сопряжён, в первую очередь, с использованием таких единиц ЛТГ (лексикотематической группы) ‘профессиональные процессы в швейно-портняжном деле’ как *снимать / снять мерку* и всех единиц ЛСГ (лексико-семантической группы) ‘одеваемые части тела человека и их размеры’. Кроме того, часто используются единицы ЛТГ ‘части одежды и заготовки’, так как мерка снимается для изготовления одежды по частям. Из ЛСГ ‘портняжный инструментарий’ наиболее часто употребляется лексема *сантиметр*. В рассказе «Соловей и Роза» подробно описана сцена снятия мерки у актрисы, заказавшей пошить галифе и френч из синего шевиота. Подробным описанием самого короткого по времени этапа пошива одежды Вера Инбер, по нашему мнению, хотела подчеркнуть его наибольшую важность. Только при правильно и точно снятой мерке все остальные этапы

можно выполнить успешно. В русской национальной картине мира есть пословица *Семь раз отмерь – один раз отрежь*. В ней зафиксирован народный опыт, основанный, в первую очередь, на изготовлении одежды.

Второй этап – **кройка**. Этот процесс сопровождается изготовлением эскизов частей одежды путём их вычерчивания мелом на материале и разрезания. В рассказе «Соловей и Роза» этот этап описан сжато, но точно. Автор показала, что Соловей за работой напевает, *исчерчивая мелом синий шевюот*. А затем *над синим шевюотом ... ножницы летают...* Здесь автор намекает на «птичью» фамилию мастера: Соловей *напевает*, а ножницы *летают*, подобно частым движениям крыльев маленькой птицы. На этом этапе изготовления одежды основным корпусом лексики швейно-портняжной коммуникации являются слова ЛСГ ‘части одежды и заготовок’, ЛСГ ‘материалы для изготовления одежды’, некоторые слова ЛСГ ‘портняжный инструментарий’ (*мел, ножницы, булавка*) и ЛТГ ‘профессиональные процессы швейно-портняжного дела’ (*чертить, рисовать, кроить, разрезать* и др.).

Третий этап – **пошив**, чередующийся с **примеркой**. На этом этапе в швейно-портняжной коммуникации используются практически все единицы ЛСП (лексико-семантического поля) швейно-портняжного дела. В рассказе «Соловей и Роза» этот этап как этап технологической цепочки создания одежды описан автором очень скупо, хотя в реальном времени он самый длительный. В. Инбер пишет так: «Покамест он *шил* и *примерялся*, чугунная туча висела над Соловьиным домом. Роза осунулась и от беспокойства и тоски подружилась с женой булочника, Клавдией Макаровной». Вера Инбер видит причину этого в том, что портной Соловей как творческая личность не просто шил одежду, а творил её, обладая способностью видеть, чувствовать и создавать прекрасное. Он с первого взгляда проникся симпатией и любовью к заказчице костюма, что вызвало целый ряд проблем в жизни его семьи и определённым образом изменило самого портного, на что указывает автор.

В рассказе «Соловей и Роза» Вера Инбер с помощью описания этапов работы по созданию одежды описывает конкретные эпизоды картины мира участников швейно-портняжной коммуникации и раскрывает закономерности функционирования в языковой картине мира портного единиц ЛСП швейно-портняжного дела.

Рассказ «Соловей и Роза» – высокохудожественное литературное произведение. Автор широко использует **сравнительный оборот** как средство художественной выразительности. Например: (1) *Его глаза суживались, как у заклинателя змей*. – Такое сравнение подчёркивает необычайный профессиональный талант, азарт и преданность портного Соловья избранному ремеслу. (2) *Влюблённые, тесно, как птицы на телеграфных проводах, сидящие в "Электрических чарах", замирая, слышат крик...* – О манере

влюблённых прижиматься друг к другу в кинотеатрах. Этот сравнительный оборот отражает ситуацию, при которой между городами уже были протянуты телеграфные провода. Электричество тогда уже было, но его вырабатывали мелкие местные электростанции и отдельные генераторы; ещё не было единой энергосистемы. В рассказе «Соловей и Роза» имеются сравнительные конструкции, отражающие профессиональную картину мира главного персонажа. Средством сравнения в них является слово ЛСП швейно-портняжного дела. Например: (3) *И наш Изенька – чудный мальчик, вот он спит в своей кроватке, тихий, как напёрсток*. Поведение пятилетнего ребёнка во сне сравнивается с напёрстком по признаку размера и функции: напёрсток маленький; он служит портным и швеям тихой защитой от уколов. В отличие, например, от ножниц, он не скрипит; в отличие от утюга – не шипит; в отличие от тихой иглы – не колет, а защищает от уколов. (4) *И над синим шевитом, хоть и очень неважного качества, ножницы летают, нежно щебеча, как ласточки*. – Звук ножниц Соловья автор сравнивает с щебетаньем ласточек. (5) *После чего наступает такая слабость и весь он так дрожит, как будто нёс не розу, а паровой утюг*. – Волнение Соловья, который нёс лёгкий цветок розы в подарок своей заказчице-киноактрисе, автор сравнивает с дрожью в руках при переноске тяжёлого и горячего утюга для отпаривания вещей из плотной ткани.

Текст рассказа наполнен разнообразными **метафорами**. Рассмотрим лишь те из них, которые отражают языковую картину мира центрального персонажа как портного. Постараемся сгруппировать их. **По форме**: *косная материя* (= материя, упругая, как кость); *шерстяной хаос* (= бесформенный кусок шерстяной ткани); *световой клин упирается в экран* (= луч света упирается в экран); *пучок куполов* (= купола одной церкви). **По сходству издаваемых звуков**: *ножницы летают, нежно щебеча*. **По характеру движения**: *ножницы летают* (= очень быстро движутся). **По функции**: *прятаться в шубку* (обычно от холода прячутся в доме, а заказчица спряталась в тёплую шубку). **По цели**: *освежить брюки* (= обновить, отремонтировать брюки). **По сходству предметов материального мира и мыслей**: *выразить талию* (= пошить одежду так, чтобы талия была видна). **По сходству предметов материального мира и явлений общественной жизни**: *распластанный хаос* (= беспорядочно разложенная ткань). **По сходству предметов материального мира и видов деятельности**: *материя покорялась* (= материя становилась пригодной для обработки).

Наиболее заметным **олицетворением** рассказа В. Инбер «Соловей и Роза» является разговор портного Эммануила Соловья в спальне в полусонном состоянии с недошитым пиджаком, висевшим на деревянном болване (манекене). Вот этот диалог:

Он [пиджак] хитро подмигивал пуговицей и вёл с бессонным Соловьём немые разговоры.

- Ну что, дружище, - **говорил пиджак**, - почему же ты не спишь? Кажется, давно пора. Тебе предстоит ещё много работы. Вчера во время примерки я определённо намекнул тебе, что вытачки у меня не на месте.

- Что вытачки, - **ответил Соловей**, задумчиво светя голубыми глазами, - что такое вытачки не на месте! У меня **душа не на месте**.

- Но почему? - **вопросил пиджак**, **зевнув карманами**. - Почему? Я просто теряюсь в догадках... Роза с тобой...

- Розалия Абрамовна со мной, конечно. И наш Изенька - чудный мальчик, вот он спит в своей кроватке, тихий, как напёрсток. Но что говорит по этому поводу Суламифь? «На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его».

- **Не понимаю**, – **продолжал пиджак**, **наморщив лацкан**, – я просто **удивляюсь тебе**. Ты, значит, несчастлив в семейной жизни, Эммануил?

- Вы – **провокаатор**, – **возразжал взволнованный Соловей**. – Молчите! Вы – **двубортный мерзавец!** Вы хотите вызвать меня на какие-нибудь разоблачения. Я вижу вас **насквозь**. **Вы шиты белыми нитками**, и у вас **отвратительная подкладка**.

И, повернувшись спиной к пиджаку, Соловей засыпал.

Пиджак в этом диалоге олицетворяет прагматичного человека, который не согласен с отношением портного к жизни и своему ремеслу.

Таким образом, мы изучили особенности речи персонажей рассказа Веры Инбер «Соловей и Роза», обусловленные профессией главного героя, механизмы и формы отражения его профессиональной картины мира в его речи и речи других участников швейно-портняжной коммуникации, мы определили некоторые способы влияния профессиональной речи центрального персонажа на язык художественного произведения и языковую картину мира участников швейно-портняжной коммуникации. Среди художественных выразительных средств, возникших и развившихся на основе швейно-портняжной коммуникации, наиболее яркими являются сравнительные конструкции, метафоры и олицетворения. Система участников швейно-портняжной коммуникации, частотность и ситуации использования ими слов ЛСП швейно-портняжного дела, выделение этапов изготовления одежды, переплетение профессиональной и художественной картин мира персонажей и автора подчинены в рассказе «Соловей и Роза» тому, чтобы показать влияние профессиональной картины мира человека на его языковую картину мира и языковые картины мира участников швейно-портняжной коммуникации.

Результаты проведённой работы позволяют ответить на вопрос о месте и роли русской профессиональной речи в формировании индивидуальной, семейной, корпоративной, региональной, национальной ЯКМ. В статье разрабатывается и апробируется методика

когнитивного исследования профессиональной речи портного на стыке портняжного и обыденного дискурсов. Кроме того, устанавливаются особенности влияния профессиональной языковой картины мира говорящего на языковую картину мира членов его семьи.

А каково же место автора в профессиональной картине мира его персонажей? Разгадка мастерского переплетения профессиональной и художественной картин мира персонажей и автора в рассказе «Соловей и Роза» состоит в том, что Вера Инбер до и в период написания этого рассказа была профессионально увлечена модой. Первая публикация Веры Инбер («Севильские дамы») появилась в одесских газетах в 1910 году. А после замужества В.М. Инбер жила в Швейцарии и во Франции (в Париже), где работал её муж. Именно в Париже молодая писательница профессионально занялась модой. Из Парижа она присылала в одесские журналы статьи о последних модах. В одной из статей она так показывает своё понимание моды: «Если слова созданы для того, чтобы скрывать свои мысли, то платья существуют для того, чтобы показывать свою душу. По крайней мере, ту сторону души, которую хочешь показать» [Сайт «Я Одессит!» 2009]. Известно, что 19 апреля 1913 г. Вера Инбер выступала в одесском театре «Унион» со специально подготовленной для модниц и модисток лекцией «Цветы на асфальте. Женские моды в их прошлом и настоящем». В Одесском Литературном музее сохранилась программка лекции, в которой дано представление лектора о женской моде за три тысячи лет. А потом указано: «Мода этой весны: всё в цветах». В журнале «Одесское обозрение театров» была напечатана рецензия на эту лекцию, где сказано: «Красивая лекция, может быть, слишком богатая, «варварски» богатая красочными этикетками, сравнениями, отступлениями...» [Сайт «Я Одессит!» 2009].

Следовательно, автор была хорошо осведомлена на тему всего, что касается швейно-портняжного дела. Из текста произведения нам становится это понятным и очевидным.

Литература

- Бодуэн де Куртене 1963 – Язык и языки. *Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т.* Москва: Изд-во АН СССР. Т. 2. С. 67–95.
- Инбер В. М. – Соловей и Роза. *Смерть Луны: рассказы.* 1-15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litfile.net/web/384920/389000-390000>
- Сайт «Я Одессит!» 2009 – *Инбер Вера Михайловна.* 15 сентября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.naviga-tor.ru/content/inber-vera-mikhailovna.html>

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СООТНОШЕНИЕМ ВНЕШНЕСОБЫТИЙНОГО
И ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО СЮЖЕТНЫХ РЯДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Т.ТОЛСТОЙ)

И.В. Столярова

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия
stolirina@gmail.com*

На материале рассказов Т. Толстой «Петерс» и «Легкие миры» анализируются внешнесобытийные и внутриличностные сюжетные ряды текста. Рассматривается «двойное кодирование» как прием коммуникативной стратегии автора. Предлагаются различные интерпретации текста. Выражается сомнение в том, что любой художественный текст, при всей его возможной полисемантической, имеет свое инвариантное ядро, которое не допускает диаметрально противоположных толкований. Каждый акт чтения представляет собою сложную транзакцию между компетенцией читателя и тем типом компетенции, которую данный текст постулирует, в чем и проявляется прием «двойного кодирования».

Ключевые слова: текст, интерпретация, сильная позиция, полисеманτικότητα, «двойное кодирование», метафора

Интерпретация художественного текста опирается на определенные композиционные и семантические доминанты. Смысловые доминанты осуществляют прагматическое фокусирование на важнейших частях текстовой информации. Особое значение приобретают так называемые «сильные позиции», то есть помещение важных для смысла текста компонентов «на такое место в тексте, где они психологически особенно заметны» [Арнольд 1990:46]. К сильным позициям текста обычно относят начало, конец текста, заглавие. Начальная и конечная позиции любого текста играют значительную роль в определении его когнитивных и коммуникативно-прагматических особенностей, так как именно они словесно «очерчивают» границы «мира» текста, а также начинают и завершают процесс общения его автора с читателем [Гончарова, Шишкина 2005:92].

Заглавие рассказа Т. Толстой «Петерс» не вызывает разночтений. Загадочность этого произведения в его финале. Концовка словесно завершает композицию произведения. Обычно «открытая» концовка возникает, если текст заканчивается вопросительным предложением, прямой речью, предложениями, содержащими лексико-грамматические средства выражения будущего и др. С помощью «открытого» конца автор создает дополнительные опоры для развития читательской фантазии и в определенном смысле продлевает «жизнь» своего произведения, так как дает импульс интерпретациям предполагаемого продолжения художественного действия. Возможность различного

восприятия и различной интерпретации текста читателями, несмотря на наличие «сильных позиций», позволяет говорить о полисемантической художественного текста как об одном из его свойств. Полисеманτικότητα может быть результатом авторского замысла (так называемый открытый конец), автор предоставляет возможность читателю решить, чем закончилась рассказанная история, какой может быть дальнейшая судьба персонажей, а также делать свои оценки и выводы. По устоявшемуся мнению лингвистов, любой художественный текст, при всей его возможной полисемантической, имеет свое инвариантное ядро, которое не допускает диаметрально противоположных толкований текста [Гончарова, Шишкина 2005:62]. Однако с последним положением приходится не согласиться.

В рассказе «Петерс» финал представляется неопределенным. Именно не открытым, когда судьба героя может в дальнейшем повернуться по-разному, а неопределенным, то есть судьба уже решена в финале: герой или кончает жизнь самоубийством, или примиряется с жизнью и приветствует ее такой, какая она есть. Возможно, такая неопределенность трактовки была заложена автором. Опрос около сорока читателей-студентов свидетельствует о том, что двадцать человек восприняли финал оптимистически, десять допускают двойственность, остальные поняли конец рассказа как трагический. Каждая из этих позиций может быть обоснована и подтверждена лингвистическим анализом текста.

«Петерс» — рассказ о несложившейся, бесплодной, вызывающей сочувствие жизни Петерса — мальчика, молодого и потом уже немолодого мужчины. Из неуклюжего ребенка, оберегаемого от жизни бабушкой, он превратился в «дюдю», «эндокринологического дундука», как назвала его обожаемая им женщина. С ним, как и в детстве, «никто не хочет играть». Жизнь Петерса — приливы и отливы вспыхивающей надежды и решимости, а потом глубочайшего разочарования и отчаяния. Он уже однажды пытался покончить с собой, но самоубийство не состоялось: жалко было распахивать хорошо заклеенное на зиму окно, а газ, как выяснилось, в тот день отключили.

Иногда, особенно весной, Петерс ощущает, что «жизнь прекрасна», но тут же приходит понимание, что это «чужая, счастливая и живая жизнь». Густонаселенный деталями текст Т. Толстой содержит множество потенциальных сюжетов, и печальный рассказ о трагической судьбе «не познавшего ни любви, ни воли куриного юноши», которого приносит из магазина и разделявает Петерс, может быть воспринят как метафора жизни самого Петерса.

В очередной раз приходит весна. «Старый Петерс толкнул оконную раму — зазвенело синее стекло... И ничего не желая, ни о чем не жалея, Петерс благодарно улыбнулся жизни — бегущей мимо, равнодушной, неблагодарной, обманной, насмешливой, бессмысленной,

чужой – прекрасной, прекрасной, прекрасной». Это финал рассказа. Говорит ли он о смерти героя, делает ли тот последний шаг?

Ощущение трагизма финала может быть подтверждено мнением А. Гениса, который отмечает, что обычно романтический конфликт мечты с действительностью завершается трагически. Возникает противоречие между внешесобытийным и внутриличностным сюжетными рядами. Обманувшиеся герои встречаются во всех рассказах Толстой. «Смерть почти всегда подстерегает героя в финале рассказа. Новеллы Толстой посвящены не эпизоду, а всей судьбе человека – от начала до конца» [Генис 2002:84]. К ощущению свершившегося трагического события склоняют и литературные ассоциации: так же бьется стекло в сцене самоубийства Лужина у В. Набокова.

По глубокому убеждению Умберто Эко, литература должна воодушевлять и провоцировать на повторное или даже многократное прочтение одного и того же текста, чтобы лучше понять его. «Таким образом, двойное кодирование – не аристократическая придурь, а способ проявить уважение к доброй воле и умственным способностям читателя» [Эко 2013:50-51].

Напрашивается парадоксальный вывод: восприятие финала с самоубийством героя опирается на читательский опыт; сознание, в значительной степени свободное от такого опыта (большинство опрошенных студентов), понимает финал как оптимистический. Что же имела в виду сама Т. Толстая? Однозначного ответа нет.

Как отмечает Умберто Эко, «те, кого называют «авторами художественной литературы», никогда, ни в коем случае не должны объяснять смысл ими написанного» [Эко 2013:57]. Толстая пишет для своего читателя, пытающегося постичь «двойное кодирование». «Автор художественного текста, будучи по совместительству здравомыслящим читателем собственного произведения, обладает безусловным правом оспорить любые надуманные интерпретации. Однако, как правило, писатель должен уважать своих читателей, ибо он, выражаясь фигурально, швыряет текст в мир, словно послание в бутылке» [Эко 2013:14-15]. Каждый акт чтения представляет собою сложную транзакцию между компетенцией читателя (читательским знанием о мире) и тем типом компетенции, которую данный текст постулирует, чтобы быть истолкованным самым «экономичным» образом – так, чтобы интерпретация строилась на максимальном понимании написанного и поддерживалась контекстом [Эко 2013:68-69].

Текст написан, и он порождает собственные смыслы. Художественный текст, по устоявшемуся мнению, устроен таким образом, что наряду со сведениями, которые в нем сообщаются в явной форме, он содержит и такую информацию, которую читатель должен

извлечь, пройдя через цепочку умозаключений. Эта неэксплицитность составляет художественный прием.

К важным функциям «начала» можно отнести интригующую функцию – функцию привлечения внимания читателя, которая возникает в так называемых необычных началах. Среди «необычных начал» можно назвать начало «с середины», к его лингвистическим маркерам относятся прежде всего используемые в нестандартной для них позиции личные местоимения, указательные местоимения, диалогические реплики. Рассказ Т. Толстой «Легкие миры» начинается так: – *И вы понимаете, не правда ли, что с этого момента все права, обязанности и проблемы, связанные с этим имуществом, становятся вашими, – терпеливо повторил адвокат. – Это уже будет ответственность не Дэвида и Барбары, а ваша.*

На первый взгляд, рассказ «Легкие миры» – о покупке и затем продаже автором американского дома. На этом строится сюжет, опирающийся на автобиографический материал. Автор-повествователь описывает свое пребывание в Америке в начале 90-х годов, работу в колледже, сравнивает американский и русский менталитет, образ жизни, особенности преподавания. Но почему название всему этому – «Легкие миры»?

Вводя понятие «двойного кодирования» по отношению к художественному произведению, Умберто Эко определяет его как одновременное использование интертекстуальной иронии и скрытого метанарративного обращения: «Используя в произведении технику двойного кодирования, автор тем самым вступает в некий необъявленный сговор с искушенным читателем, тогда как массовая аудитория, не уловив львиную долю присутствующих в тексте культурных аллюзий, чувствует, что важная часть произведения «прошла стороной» [Эко 2013:50].

Как начало связано с названием рассказа? Заглавие взаимодействует со всем текстом как на содержательном, так и на композиционно-языковом уровне. Заглавие выполняет номинативную функцию, которая дает возможность идентифицировать текст; информативная функция, скорее, отсутствует, чем информирует читателя о теме, идее и об основном содержании произведения; прогностическая функция здесь также не действует, так как читатель не может прогнозировать, о чем пойдет речь в рассказе. На этапе входа в текст реализовывается в первую очередь интригующая функция заглавия и начала произведения. Таким образом читательское восприятие получает уже на входе в текст определенную перспекцию, возникают ассоциации между идейно-тематическим содержанием уже известной, прецедентной ситуации, и нового текста. Двойное кодирование в художественных текстах входит в систему коммуникативной стратегии писателя и занимает важное место в диалоге автора и читателя [Столярова 2013:143]. На передний план выходит не предмет

высказывания (мир), а именно «точка зрения», важны не факты, а отношение к ним. Жизнь автора-повествователя не строится в строго линейном порядке, основана не столько на взаимодействии с бытовой реальностью, сколько на взаимодействии с вечными ценностями. Биография выстраивается от столкновения с событиями реальности до необходимости осознания базовых жизненных ценностей: *Голым приходишь ты в этот мир, голым и уходи,* – так заканчивается рассказ.

Как представляется, метафорическое название «Легкие миры» – это неизъяснимая творческая энергия, не поддающееся описанию и анализу состояние, которое можно поймать в совершенно неожиданном месте и встретить в абсолютно неподходящих условиях. Топос в тексте одновременно служит «в качестве языка для выражения других, непространственных отношений» [Лотман 1970:280]. Он способен метафорически принимать на себя моделирование разных связей мира и человека (социальных, этических, личностных) и в некоторых случаях стать существенной смысловой доминантой, или, как пишет Г.В. Степанов, «конденсатом образа» [Степанов 1982:26]. Способность топоса стать «конденсатом образа» может реализовываться широкими описательными контекстами, в которых топонимические детали входят в разветвленные семантические отношения с иными текстовыми элементами (обозначениями предметов и вещей, оценочными предикатами и др.) и увеличивают тем самым смысловую емкость изображаемого, проекцию непосредственно выраженного содержания на глубокие пласты художественного смысла текста.

Америка, с ее формализмом, непререкаемостью установок, жесткостью законов, вызывает у автора-повествователя удивление и иронию: *Вот сейчас я поставлю на американской бумажке свою нечитаемую закорючку, и один акр Соединенных Штатов Америки перейдет в мои частные руки. Стоит – а вернее, течет, хлещет и бурлит – 1992 год, и я приехала из России, где все развалилось на части и непонятно, где чье, но уж точно не твое, и где земля уходит из-под ног, – зато тут я сейчас куплю себе зеленый квадрат надежной заокеанской территории и буду им владеть, как ничем и никем никогда не владела. А если кто сунется ко мне в дом без спросу – имею право застрелить. Впрочем, надо уточнить, какие права у воров и грабителей, потому что на них тоже распространяется действие Конституции.*

Автор-повествователь постоянно возвращается мыслями в Россию, не идеализируя бестолковость и парадоксальность русской жизни. Однако все это близкое, свое, во многом раздражающее и необъяснимое, но родное, родное... Т. Толстая стремится показать жизнь во всем ее противоречивом многообразии, не предлагая читателю готовых рецептов, часто используя в структуре своих высказываний метатекстовые средства, подчеркивающие субъективное отношение к происходящему [Столярова 1985:134].

Как метафора воспринимается такой фрагмент текста: *Весна в Америке, на Восточном побережье, совсем сумасшедшая... Вишневые деревца стоят на зеленых лужайках как розовые фонтаны... Грушевые деревья – о боже мой, я не выдерживаю такой красоты. Потом распускается магнолия, но это уже слишком, простому сердцу такой пышности не надо. Цветы должны быть мятыми, рваными, растрепанными, как, например, пионы. Избыточность «красоты по-американски» чужда «простому сердцу».*

А. Генис отмечает, что рассказы Т. Толстой густо населены, видя в этом связь с Гоголем [Генис 2002:87]. Из небольшого второстепенного отступления вполне может вырасти самостоятельный сюжет. Таких «боковых линий», мини-историй в рассказе много, в результате одной из них возникает вывод: *«Мне приятно было, что американцы тоже тырят: не все ж мы одни».*

Ироничное описание учебного процесса в колледже, где автор-повествователь преподает курс писательского мастерства, также подчеркивает различие двух культур: *Культура, провозгласившая: «нет – это значит нет, а да – это значит да», да и вообще ориентированная на протестантскую этику, совсем не считает метафору, боится игры, бежит даже нарисованных пороков... Еще желателен отказ от собственного интеллекта: интеллект раздражает. И словарь попроще, а то они уже жаловались, что я употребляю непонятные им слова.*

Автор-повествователь называет здешний мир тяжелым и душным, а *«нелепая, чудесная постройка, эта воздушная, прозрачная коробка» – «волшебная комната»* со стеклянными дверями – недостроенная терраса в купленном доме – обещала выход в «легкие миры»: *Я сплю в волшебной комнате... отсюда есть ход в легкие миры... Работа в колледже убивала меня. Еще несколько лет назад я умела видеть сквозь вещи, а теперь на меня надвигалась умственная глаукома, темная вода.*

Желание неизъяснимого, стремление к «легким мирам» расцветает в душе. *Да, девушка, вот такой финал: стоишь ты себе одна-одинешенька посреди американского континента, без гроша в кармане... Голым приходишь ты в этот мир, голым и уходи.* Существенно только то, что внутри нас.

На входе в текст читатель воспринимает заглавие как имя текста, то есть в его номинативной функции, а также в его информативной и проспективной (прогностической) функциях. По мере прочтения текста значение заглавия обогащается дополнительным смыслом и рядом коннотаций. Читатель осваивает «двойное кодирование». Постепенно становится ясным символический, метафорический смысл заглавия. На выходе из текста читатель обладает всем комплексом семантической и эстетической информации, смысл заглавия реализуется максимально. Говоря о концептуальной основе заглавия,

В.В. Степанова имеет в виду сложнейший, многомерный по своим составляющим концепт, закрепленный в своем выражении текстом, его линейным развертыванием. «Заглавие дает лишь исходную информацию о тексте. В тексте же «лингвистически» эксплицирована эстетическая, образная, иначе — художественная информация во всей совокупности ее характеристик. Специфика лингвистической экспликации создается нежесткостью организации художественного текста, свободой в выборе средств выражения этой информации» [Степанова 2013:72].

Литература

- Арнольд И.В. 1990 – *Стилистика современного английского языка*. Москва: Просвещение.
- Генис А.А. 2002 – Рисунки на полях: Татьяна Толстая. *А.А.Генис. Избранное в 3-х т.* – Москва: Подкова, Т.2: Расследования – ДВА.
- Гончарова Е.А., Шишкина И. П. 2005 – *Интерпретация текста: Учебное пособие по немецкому языку*. Москва: Высшая школа.
- Лотман Ю.М. 1970 – *Структура художественного текста*. Москва: Искусство.
- Степанова В.В. 2013 – Лексическая структура текста и его заглавие. *Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13-15 ноября 2013г.* / Отв. ред. В. Д. Черняк. Санкт-Петербург: САГА. С.67-73.
- Степанов Г.В. 1982 – О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста. *Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения*. Москва: Наука.
- Столярова И.В. 2013 – «Двойное кодирование» Т. Толстой в рассказе «Легкие миры» *Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13-15 ноября 2013г.* / Отв. ред. В. Д. Черняк. Санкт-Петербург: САГА. С. 141-147.
- Столярова И.В. 1985 – *Модальная характеристика вводного компонента в современном русском литературном языке*: дисс. канд. филологических наук. Ленинград.
- Эко Умберто 2013 – *Откровения молодого романиста* / Умберто Эко; пер. с английского А. Климина. – Москва: АСТ: CORPUS.

СЕМИОТИКА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

М.В. Титаренко

Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Украина

m.titarengo91@gmail.com

В статье рассматривается экспликация социального статуса в русской лингвокультуре на материале кратких рассказов А.П. Чехова. Проведен анализ основных невербальных экспликативных признаков социального статуса. Сделан вывод, какой из способов передачи сведений о социальном статусе являются для данной языковой культуры доминирующим.

Ключевые слова: социальный статус, знак, семиотика, художественный текст, имплицитность

Каждая культура имеет свои языковые и паралингвистические формы экспликации социального статуса. В данной статье продемонстрированы формы передачи информации о социальном статусе в русской культуре. Материалом для исследования послужили 197 микротекстов, отобранных сплошной выборкой из 45 рассказов А.П. Чехова. Выбор обусловлен тем, что А.П. Чехов, являясь мастером короткого рассказа, отображал в своих произведениях широкий спектр персонажей различных социальных слоев. Обладая удивительной памятью на детали (к примеру, после своей поездки на Сахалин в письме к знакомому он написал, что помнит все, даже выражение глаз у ресторатора [Чан Юн Сун 2004:30]), автор использует это в своем творчестве, передавая детали с точностью фотографа [Перцов 2002:184]. Так, А.П. Чудаков указывает: «Повествователь Чехова непременно обратит внимание и на скатерть в трактире, и на физиономию полового, и на то, как топорщатся воротнички у одного из собеседников» [Чудаков 1971]. Сам А.П. Чехов как-то заметил, что «для того, чтобы подчеркнуть бедность просительницы, не нужно тратить много слов, не нужно говорить о ее жалком несчастном виде, а следует только вскользь сказать, что она была в рыжей тальме» [Крейдлин 2002:24].

Таким образом, короткие рассказы А.П. Чехова предоставляют возможность объективно описать знаки, презентующие социальный статус в русском языковом сознании конца 19-го века.

Актуальность статьи заключается в соответствии ее темы основному направлению современных лингвистических тенденций – антропоцентрическому подходу к исследованию языка. Разрабатываемая в работе система классификации социальных знаков может быть использована для анализа любых знаков подтекстовой информации.

Методологической базой для анализа послужили: теория знаков и знаковых систем (Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, М.В. Никитин, А.В. Кравченко, В.Н. Агеев, Г.Е. Крейдлин, Ф. де Соссюр, Р. Якобсон, Р. Барт, У. Еко, Ж. Деррида, Daniel Chandler, David Lidov), теория «языковой личности» (В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, Л.П. Иванова), теория имплицитности (М.Ю. Федосюк, Т.И. Сильман), теория социального статуса как лингвистической категории (В.И. Карасик).

Объектом наблюдений в данной работе являются категории социального статуса с позиций семиотики текста.

Предметом характеристики выступают знаки, презентующие категорию социального статуса в художественном тексте.

Цель исследования заключается в анализе средств экспликации категории социального статуса в русской языковой культуре, а также выявление доминирующих способов передачи данной информации.

Следует учитывать, что языковое сознание личности всегда национально обусловлено. В связи с чем, в случае культурного разрыва, может происходить неверная интерпретация социальных знаков. Так как, «создавая текст, его автор применяет ряд кодов, которые приписывают используемым им выражениям определенное содержание. При этом автор (если он предназначает свой текст для коммуникации) должен исходить из того, что комплекс применяемых им кодов — такой же, как и у его возможного читателя. Иначе говоря, автор должен иметь в виду некую модель возможного читателя (М-Читатель), который, как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал» [Эко 2007:18]. Ю.М. Лотман говорит об «удвоенной в семиотическом пространстве личности» [Лотман 2000].

Среди обилия различных знаков в ходе нашего исследования были выделены следующие группы знаков-индексов высокого/низкого статусов: знаки запахов; знаковые функции пищи и напитков; знаки языков жестов; знаковость пространства и жилищ; знаки времени; знаки вещей и интерьера; знаки животных; знаки орденов; знаки средств передвижения; знаковые функции прислуги; знаковость одежды (особый интерес представила также форменная одежда); знаки денег, а также были рассмотрены различные формы обращений как знаки социального статуса, имена собственные, говорящие имена, формы титулования, особенности употребления словоерса.

Рассмотрим основные экспликаторы социального статуса.

1. Запахи

Несмотря на то, что наука о запахах – ольфакция еще мало разработана, запахи являются важным знаком социального статуса в повседневной жизни. Для общества

исследуемого периода важным было противопоставление «естественного – культурного» [Лотман, Погосян 1996:40-41]. Так, естественные запахи, такие как запах еды, пота были не допустимы в светском обществе [Лотман, Погосян 1996:40-41], и таким образом мы можем утверждать, что они являются знаками низкого социального статуса, а противопоставляемые им запахи духов – высокого. В рассказе «Толстый и Тонкий», сюжет которого полностью построен на сопоставлении статусов персонажей, автор передает это различие посредством запахов следующим образом: «пахло от него хересом и флёр-д'оранжем» и «пахло от него ветчиной и кофейной гущей» – противопоставляется естественный запах еды как признак низкого социального статуса запаху цветов апельсинового дерева и вина.

2. Еда и напитки

Наукой о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков, о приеме пищи, о культурных и коммуникативных функциях снадобий и угощений является гаслика. Очевидно, что имущественный статус легко определить по диете — неординарности, дороговизне, разнообразию продуктов. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что отношение к трапезе может быть различным в разных культурах.

Обладающий высоким социальным статусом может рассчитывать, что окружающие, зная о его вкусовых пристрастиях, будут стараться ему угодить: *«Монахи знали, что она любит маринованную стерлядь, мелкие грибки, малагу и простые медовые пряники, от которых во рту пахнет кипарисом, и каждый раз, когда она приезжала, подавали ей всё это».*

Важным для обозначения социального статуса является разделение приема пищи. Так, в 19 веке разделения дня на до и после обеда не состоялось, и в Париже говорили, что ремесленник обедает в два часа дня, рыночный торговец – в три, клерк – в четыре, нувориш – в пять, министр и богатый банкир – в шесть, а Талейран – в восемь вечера [Лотман, Погосян 1996]. Р. Берлинг также приводит примеры различной коннотации времени пищи в зависимости от статуса говорящих [Burling 1972]. А.В. Олянич подчеркивает, что «классовая принадлежность по-прежнему является важным фактором при определении времени приема пищи, манере приема пищи» [Олянич 2006:46]. Следующие примеры демонстрируют эту особенность и в русской языковой культуре: *«Он будет обедать не в полдень, а в седьмом часу, по-столичному»*, *«Лидия Егоровна вышла на террасу пить утренний кофе. Время было уже близко к жаркому и душному полудню».*

3. Языки жестов

Жест — демонстративное выразительное движение человеческого тела или некоторого органа, сигнализирующего о чем-то [Крейдлин 2002]. Языки жестов являются природной формой выражения индивидуально-психологических и общественных процессов.

Соответственно они являются источниками информации о собеседнике. Более того, Пол Экман подчеркивает, что именно тело, в связи с тем, что ему уделяют меньше внимания, дает постоянную утечку информации [Экман 2007].

Даже отсутствие вербального сопровождения жестового общения (не беря во внимание язык глухонемых) эксплицирует социальный статус, так как обладающий более высоким социальным статусом позволяет себе более раскованное поведение в разговоре, порой обходясь лишь мимикой и жестами, это иллюстрирует следующий пример: *«Когда он пришел благодарить, его сиятельство отложил в сторону газету и сел поглубже в кресло. [...] хотел сказать еще что-нибудь такое же удачное, но его сиятельство вновь углубился в газету и кивнул головой...»*. В данном примере высокий статус князя передается в первую очередь его титулом «его сиятельство», в то время как невысокий статус его собеседника подчеркивается именно невербальным поведением князя, который не использует вербальные средства для поддержания разговора со своим собеседником (его поведение не симметрично).

4. Знаковость пространства и жилищ

Наука о пространстве коммуникации, о том, как человек мыслит коммуникативное пространство, обживает его и использует, называется проксемикой. Место жительства, тип дома, часть жилища, количество комнат - это все знаки, репрезентующие социальный статус. Так, прислуга живет в нежилых частях дома: *«лакей такой, бог с ним, что ни в кухню его не сунешь, ни в сени, а непременно особую комнату ему подавай. Ума не приложу, что мне делать! Вот что разве, деточки, не перебраться ли вам покуда во флигель к Федору (слуга)? А вашу комнату лакею бы отдали, а?... Поместили в проходной комнате, между сенями и спальней управляющего»*.

В связи с тем, что немалую роль в культуре жителей 19-го века играет также театр, особенность рассадочных мест помогала определить положение в обществе. В рассказе «Дама с собачкой» читаем: *«Театр был полон. И тут, как вообще во всех губернских театрах, был туман повыше люстры, шумно беспокоилась галерка; в первом ряду перед началом представления стояли местные франты, заложив руки назад; и тут, в губернаторской ложе, на первом месте сидела губернаторская дочь в боа, а сам губернатор скромно прятался за портьерой, и видны были только его руки; качался занавес, оркестр долго настраивался. Все время, пока публика входила и занимала места, Гуров жадно искал глазами. Вошла и Анна Сергеевна. Она села в третьем ряду»*.

5. Время

Изучением использования времени в невербальном коммуникационном процессе занимается наука хронемика. Для общения время является не менее важным фактором, чем

слова, жесты, позы и дистанции. *«Он только что вышел из объятий послеобеденного Морфея и не знал, что ему делать... Читать надоело еще в незапамятные времена, в театр еще рано, кататься лень ехать...»* – у героя нет необходимости работать, спит днем и не знает, как занять себя в свободное время.

6. Вещи и интерьер

Вещи также являются знаками, так вещь может быть ценной. С древних времен вещи служат знаками, символами социальной принадлежности человека [Теория культуры 2008]. Среди обилия знаковых вещей, таких как драгоценности, мебель, предметы интерьера и декора, в данной статье приведен пример веера как знака социального статуса. Связано это с тем, что он обладает своим языком. Благодаря расположению мушкам и вееру дамы могли без слов объясниться с кавалером [Марченко 2001]. Следовательно, данным кодом должны были владеть как женщины, так и мужчины. Таким образом, можно утверждать, что веер представляет собой знак высокого социального статуса. Так, описывая бал у князя в рассказе *«Анна на шее»*, автор уточняет, что у дам был *«в руках веер»*. Когда Гуров встречает Анну в театре, автор также обращает внимание читателя на наличие у нее веера: *«Крепко сжала в руках вместе веер»*, кроме того, в этом примере показано внутреннее беспокойство героини, которое проявляется в манипуляции руками.

Несмотря на то, что животные не относятся к миру вещей, они также являются символами социального статуса. В рассказе *«Тайный советник»* перед приездом генерала убирают непородистых животных из дома, чтобы они не снижали статус: *«кота Куцего...отнесли из хором в кухню и отдали под начало Анисьи; Федьке сказано было, что если собаки будут подходить близко к крыльцу, то его «бог накажет»*.

7. Прислуга

Целесообразно рассмотреть наличие прислуги как индекс социального статуса. В примере *«По комнатам, как угорелые, сновали взад и вперед взятые напрокат из клуба лакеи в черных фраках и белых запачканных галстуках»* – обращается внимание на то, что прислуга не штатная, а также не самая лучшая, так как ее одежда запачкана, следовательно, социальный статус ее нанимателя низкий. *«Затрещала дверь, и пред лицо майора предстал его камердинер, куафер и полойка Пантелей...»* – функции трех разных прислуг выполняет один человек, что свидетельствует об экономии майора, не свойственной людям с высоким социальным статусом.

8. Одежда

Являясь определенным знаком личностных отношений, одежда передает информацию о возрасте, половой, этнической принадлежности человека, а также о его социальном

статусе. Одежда — это определенный знак личностных особенностей, она информирует о человеке [Теория культуры 2008]. «Ее выражение, походка, платье, прическа говорили ему, что она из порядочного общества» – в данном примере одежда является одним из знаков, передающих статус. В рассказе «Тайный советник» автор также подчеркивает, что по одежде не всегда точно можно определить статус, описывая лакея следующим образом: «я наткнулся на высокого, плотного господина, с фешенебельными бакенами и в франтовском пальто», «вид этого Петра, одетого гораздо богаче, чем я и Победимский».

На примере кратких рассказов А.П. Чехова был проведен анализ основных знаков, передающих социальный статус в русской языковой традиции второй половины XIX века (общей сложностью 197 микротекстов). Выбор материала обусловлен тем, что А.П. Чехов передавал информацию о действительности с "фотографической точностью" и таким образом, можно говорить о максимально точном воспроизведении данной культурной эпохи.

Проанализировав материал, приходим к выводу, что передача минимальная передача информации происходит посредством знаковости запахов (6 единиц), прислуги (6 единиц). Посредством знаков жестов информация передается чаще – 8 раз. Такой же результат представляет время как знак социального статуса. Вещи и интерьер, которые являются символами социальной принадлежности человека передают информацию 9 раз. Знаки, представляющие название пищи и напитков, также их количество, сервировку стола, время приема пищи играют более важную роль для русской лингвокультуры (19 единиц). Более значимыми являются знаки жилищ и пространств (20 единиц). Доминирующей является знаковая функция одежды – 29 упоминаний.

Несмотря на приведенную выше классификацию, считаем, что одного знака недостаточно для адекватной интерпретации статуса. Считаем необходимым, указать, что социальные знаки следует интерпретировать в комплексе.

Литература

- Крейдлин Г.Е. 2002 – *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*. Москва: Новое литературное обозрение. 592 с.
- Лотман Ю.М., Погосян Е.А. 1996 – *Великосветские обеды*. Санкт-Петербург. 318 с.
- Лотман Ю.М. 2000 – *Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992)*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб. 704 с.
- Марченко Н. 2001 – *Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи*. Москва: Изограф, Эксмо-Пресс. – 368 с., илл. Режим доступа: http://www.e-reading.ws/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Nrapy_i_byt_pushkinskoi_epohi.pdf
- Олянич А.В. 2006 – *Потребности – дискурс – коммуникация: монография*. Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива». С. 46.

- Перцов П.П. 2002 – Изъяны творчества. *А.П. Чехов: pro contra* / Сост., общая редакция И.Н. Сухих. Санкт-Петербург: РХГИ.
- Пропш В.Я. 1997 – *Проблемы комизма и смеха*. 2-е издания. Санкт-Петербург: Алетейя. 287 с. *Теория культуры: Учебное пособие*. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 592 с: ил. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/theory_cultlonnik-bolshakova-2008-a..html
- Чан Юн Сун 2004 – *Предметный мир прозы и драматургии А.П. Чехова*. Дисс. ... канд наук. Москва. 200 с.
- Чудаков А.П. 1971 – *Поэтика Чехова*. Москва: Наука. 290 с. Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=183894&p=35>
- Экман Пол 2007 – *Психология лжи*. Санкт-Петербург: Питер. 272 с. Режим доступа: http://www.loveread.ec/read_book.php?id=3519&p=2
- Эко Умберто 2007 – *Роль читателя. Исследования по семиотике текста* / Перев. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. Санкт-Петербург: «Симпозиум». 502 с.
- Burling R. 1970 – *Man's Many Voices: Language in its Cultural Context*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 222

Источники иллюстративного материала

- Антон Чехов. *Рассказы. Повести. Юморески*. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://chegov.niv.ru/chegov/text/rasskazy.htm>

МЕСТО НАЗВАНИЙ ТОРГОВЫХ ЦЕНТРОВ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

С. Томасик

Университет Казимира Великого в Быдгоще, Польша

s.tomasik@rambler.ru

Настоящая статья является попыткой ответить на вопрос, касающийся определения места названий торговых центров (и других типов похожих объектов) в сложной системе ономастической терминологии. В тексте в качестве примеров приведены названия торговых центров, находящихся в крупнейших городах России. В статье сопоставляются мнения западнославянских и восточнославянских ученых-ономастов.

Ключевые слова: ономастика, топоним, хрематоним, торговый центр, терминологические различия

В XX веке мир собственных имен стал быстро увеличиваться. Это явление было связано с грандиозным развитием городов, развитием промышленности и массового производства. Такая тенденция удерживается и нынче, в XXI столетии. Несомненно, новые объекты требуют индивидуализации, определения, наименования.

Согласно А.Ф. Шакировой, в настоящей статье, *торговый центр* понимается как группа предприятий торговли, управляемых как единое целое и находящихся в одном здании или комплексе зданий, соединенных крытым переходом [Шакирова 2009]. Для торгового центра нужно найти собственное название. Применяются разного типа наименования: единичные, напр.: *Агат, Армада, Альтаур, Галактика, Горизонт, Гуливер, Жук, Жасмин, Vegas* и др., серийные (т. е. такие, которые находятся в разных городах, или которых больше в пределах одного города), напр. *Лайнер, Левый берег, Панорама, Парк, Сити, Рио, Мегалополис, Мега, Перекресток* и др., а также названия перенесены с одного предприятия (чаще всего самого большого, главного), находящегося в данном здании в название всего торгового центра (трансонимы), напр. *Carrefour, Ашан, Магнит* и др.

Во второй половине XX века произошел гигантский качественный скачок в изучении имен собственных. Появились международные организации ономастов, а в поле зрения ономастов попали многие категории имен, которые ранее не изучались, напр. названия различных группировок людей, предприятий, товарные знаки, ники и др. Все это принесло новые идеи и привело к появлению новых направлений в изучении собственных имен. На протяжении XX века основное внимание ученых уделялось определению того, чем является имя собственное и чем оно отличается от имени нарицательного [Суперанская 2008:314].

Названия торговых центров могут являться интересным полем интересов ономастов. Эти онимы можно подвергать анализу, искать сходства, различия, сравнивать названия в регионах. Возможностей работы много. Но, в любом случае, автору такой работы придется найти место таких названий в ономастической системе. Скорее всего, возможны два варианта, два ответа. Названия торговых центров можно поместить в группу топонимов (в подгруппу внутригородских названий, т. е. урбанонимов) или в группу «торговых названий». В этом месте возникает следующая проблема, касающаяся терминологических различий между представителями, так называемых, ономастических школ и, следовательно, между языками. Хотя за последние десятилетия проделана огромная работа в области теоретической и описательной ономастики, до сих пор не все достижения русских ономастов известны на Западе, а достижения западных ономастов лишь фрагментарно известны в России. При глобализации научных знаний большим тормозом оказываются языковые барьеры и несогласованность используемых терминов. Необходима серьезная целенаправленная терминологическая работа с привлечением ономастов из разных стран для взаимного согласования иерархии понятий и их систем [Суперанская 2008:314]. Пока, прежде чем приступить к работе, надо строить свою систему терминов, или четко определять, на какой терминологической системе опираются исследования.

Стоит привести основные точки зрения славянских ономастов.

Термин *хремадоним* (*chrematonim*¹⁸) функционирует во всех славянских языках, но не обладает одинаковым значением. В западнославянских языках *chrematonim* – собственное имя результатов как материальной, так и культурной деятельности человека. В русской ономастической школе для выделения таких онимов используется иной термин – *эргоним* (от греч. *ergon* ‘дело, работа’) или *прагмадоним* (от греч. *pragmatos*, *pragma* ‘предмет, вещь’). Русский термин *хремадоним* используется для обозначения изделий, предметов материальной деятельности человека (напр., Шапка Мономаха), которые противопоставляются идеонимам (собственные названия явлений духовной культуры человека) [Подольская 1978]. Согласно *Словарю русской ономастической терминологии* [Подольская 1988], *хремадоним* в русской ономастике является названием единичного материального продукта деятельности человека. *Хремадоним* в русской ономастике близок т. н. *ктематониму* (от греч. *ktema*, *ktematos* ‘имущество, приобретение’). Такая эквиваленция появляется в теории А.Л. Василевского [Василевский 1971:240-245]. Этот вопрос решает также А.В. Суперанская. Несомненно, русская точка зрения, касающаяся вопроса хремадонимии, – дефиниция суженная, которая совмещает только названия материальных изделий, употребляемых

¹⁸ В связи с большими терминологическими различиями, во избежание межъязыковой омонимии, там, где это необходимо, спорные термины даются в подлинном варианте.

человеком, напр., оружия, музыкальных инструментов, драгоценностей, произведений искусства.

Согласно польскому исследователю Э. Брезе [Breza 2005:343-363], под названием *chrematonim* понимаем собственные имена единичных или серийных изделий человеческой деятельности, чаще всего не связанных с определенным ландшафтом. Это широкая дефиниция, включающая в себя также результаты умственной работы человека, напр., произведения литературы, художественные картины, скульптуру. Ч. Косыль ограничивает понятие *chrematonim* до названий «некоторых материальных изделий человека, промышленных либо рукодельных» [Kosyl 1993:440-444] [пер. S. Т.] и добавляет, что сфера употребления термина *chrematonim* еще не вполне определена. Время от времени необдуманно к этой группе причисляются собственные имена объектов (напр., кино, театров, особняков, домов отдыха, пунктов общественного питания, торговых комплексов, промышленных предприятий), которые надо было бы поместить в группу идеонимов находящуюся в пределах т. н. «неисконной хрематонимии». Дефиниция, предложенная Э. Брезой получила широкую популярность в польской ономастической школе. Большинство чешских и словацких ономастов согласны с ней, некоторые допускают лишь небольшие дополнения. Таким образом, можно подытожить, что, чаще всего, польские и чешские ономасты термином *chrematonim* определяют названия объектов выполняющих два условия: 1. эти объекты должны быть изготовлены (построены) человеком, 2. они не должны быть связаны с ландшафтом (т.е. их можно передвигать или они способны передвигаться самостоятельно).

Э. Жетельска-Фелешко подчеркивает: «названия магазинов надо рассматривать как топонимы» [Rzetelska-Feleszko 1994:133-142.] [пер. S. Т.], относя их к группе *микротопонимов*. Похоже мнение высказывают Т. Скубаланка и Ч. Косыль [Skubalanka, Kosyl 1969:207-221]. Исследователи говорят о микротопонимах (названиях маленьких объектов) и перечисляют среди них названия кино, кабаков, домов отдыха. Стоит еще рассмотреть понятие *микротопоним*: Микротопоним – это собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующие в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта, в т.ч. микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т. п.) [Подольская 1988:192]. Приведем еще одну точку зрения. К. Хандке [Handke 1989:7-34], рассматривая городские названия в группу в урбонимов включает: памятники, постройки, мосты, железнодорожные вокзалы. Возможно, среди «построек» есть и торговые

центры. Микротопоним является особым случаем топонима. Ссылаясь на Н.В. Подольскую [1988:192], *топоним* (от греч. *topos* 1. ‘место’ 2. ‘местность, область, страна’ 3. ‘пространство’) – это собственное имя любого географического объекта, в т. ч. гидроним, ойконим, ороним, спелеоним, хороним, урбаноним, дромоним, агроним, дримоним, напр., *Балтийское море, р. Волга, р. Москва, Ладожское озеро, г. Находка, г. Москва, Дмитровская гряда, Эльбрус, Невский проспект, ул. Чехова, пл. Победы, поле Косая полоса, гора Нередица, Монастырский лес, Владимирский тракт.*

Таким образом мы показали, что согласно приведенным дефинициям и опытом исследователей, названия торговых центров помещены (или могут быть помещены) в группу топонимов или прагматонимов (*chrematonimy*). Как заметно, разногласия появляются не только на стыке ономастических школ, а даже среди представителей одной ономастической школы.

Действительно, названия торговых центров выполняют требования приведенных дефиниций – топонимов и прагматонимов. Торговые центры являются, конечно, результатом материальной деятельности человека, но, в определенных случаях, они способны описывать, характеризовать определенное пространство. Возникают сомнения, насколько сильно торговые центры связаны с ландшафтом. Если в случае кафе, магазина в пользу того, что эти объекты не сильно связаны с ландшафтом, можно привести примеры таких торговых точек, на которых висит табличка с надписью типа: мы переехали, наш новый адрес... . Такое несомненно доказывает того, что в случае отдельных магазинов, кафе или ресторанов название «переезжает» вместе с объектом и элементы, указывающие на место, утрачены. Торговый центр, молл – как правило, крупное строение объединяющее десятки магазинов и заведений. Переехать всем этим торговым точкам одновременно и в одно новое место нелегко.

Картину затемняют еще те примеры названий торговых центров, в которых мотивация связана с топонимом; в которых одним из элементов является перенесенный уже раньше существующий топоним, напр. *Автотэй71* (расположен на 71км Московской кольцевой автомобильной дороги), московский *Солнцево Парк, Центральный Обнинск, Рио Коломна, Город на Рязанке, Бутово Парк, Раменский* и др.

Приблизить к ответу на поставленный в заглавии настоящей статьи может рассуждение насчет функции названий, контекстов, в каких они употребляются. Приведем два примера: 1. *Давай сходим в Мега, купим все что надо*, 2. *Давай встретимся в Мега, в пять часов*. В первом случае важны определенные черты магазина, можно предположить, что *Мега* – это большой, удобный торговый центр, в котором все под одной крышей. Именно это на первом плане высказывания. Конечно, можно предположить, что участники разговора

знают, где находится *Мега*, но это уже второстепенное, менее важно. Во втором примере ситуация другая. Определяется место встречи. Покупки и, соответственно, черты магазина не интересны. Возможен вариант следующий – встретимся в *Мега* и пойдем в другое место – никаких покупок не будем делать. В первом примере безусловно выполняется функция прагматонима – выделяется торговый центр (из ряда других торговых центров, т. е. похожих объектов). Во втором примере – функция топонима – определяется место.

Стоит еще обратить внимание на то, что функции топонима названий торговых центров реализуют прежде всего в неофициальной коммуникации. Хотя в официальном языке допускается употребление названия торгового центра в функции топонима, для определения конкретного места в пространстве, лучше употреблять традиционные координаты, т. е. называть улицы, дом, район и т.д. Не стоит обходить еще одно замечание. Определение части пространства (черта характерна для топонимов) выполняется лучше всего в случае названий единичных торговых центров, т.е. таких, которые не являются сетевыми (хотя бы в пределах одного населенного пункта).

Приведенные аргументы позволяют ставить тезис, что название торгового центра – это прагматонимы или *chrematopim*. Мы нашли больше сходств с этими категориями. Функция называния места выполняется лишь в определенных контекстах, и можно считать ее добавочной.

Есть еще и другие аргументы в пользу того, что названия торговых центров – это не топонимы. Названия торговых центров чаще всего созданы искусственно. Сегодня в области маркетинга работают многие фирмы, которые ответственны за успех предприятий. В них работают люди, занимающиеся неймингом, цель которых – подобрать лучшее название. Следовательно, во многих случаях в названии торгового центра дается его характеристика или даже реклама, подчеркиваются его положительные черты.

Литература

- Болотов В.И. 1993 – Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте. *Материалы из серии «Народы и культуры»*, XXV, Ономастика, кн. 1., ч. 1. Москва. С. 37-46.
- Гарвалик М. 2007 – К вопросу о современной ономастической терминологии. *Вопросы ономастики*, № 4. С. 5-14.
- Мадиева Г.Б. 2005 – *Ономастическое пространство современного Казахстана: структура, семантика, лемматизация*. Автореф. дисс. ... докт. наук. Алматы. С. 5-15.
- Матвеев А.К. 2005 – Ономастика и ономатология: Терминологический этюд. *Вопросы ономастики*. № 2. С. 5-10.
- Подольская Н.В. 1978 – *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва.
- Суперанская А.В. 2008 – Терминология ономастики. *Acta Onomastica*, II С. 314-322.

- Шакирова А.Ф. 2009 – Особенности проектирования систем оповещения и управления эвакуацией для торгово-развлекательных комплексов. *Технологии техносферной безопасности*. № 3. С. 1-5.
- Breza E. 2005 – Nazwy obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (chrematonimy. Rzetelska-Feleszko E. (ped.), *Polskie nazwy własne. Encyklopedia*. Kraków. С. 343-363.
- Buczyński M. 1982 – Nazwy własne pojazdów komunikacyjnych w Polsce. *Zeszyty Naukowe UG. Prace Językoznawcze*. VIII. С. 181-187.
- Dacewicz L., Abramowicz Z. 2001 – Interdyscyplinarny charakter badań onomastycznych. *Acta onomastica*. XLI-XLII. С. 29-33.
- Gałkowski A. 2008 – *Chrematonimy w funkcji kulturowo-użytkowej. Onomastyczne studium porównawcze na materiale polskim, włoskim, francuskim*. Łódź.
- Handke K. 1989 – Nazewnictwo miejskie. Szkic teoretyczno metodologiczny. *Urbańczyk S. (ped.), Nazewnictwo miejskie*. Warszawa – Poznań. С. 7-34.
- Lewandowski A. 1992 – *Współczesne polskie nazwy firmowe*. Zielona Góra.
- Pluskota T. 2009 – Aktualne tendencje w nazewnictwie moskiewskich księgarń i innych punktów sprzedaży książek. *Laskowska E. (ped.), Język. Biznes. Media. Prace Komisji Językoznawczej Bydgoskiego Towarzystwa Naukowego*. т. XIX. Bydgoszcz. С.47-56.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 519-524. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Т.Е. Трощинская-Степушина

Отдел образования, спорта и туризма администрации

Октябрьского района г.Витебска, Республика Беларусь

astrid_2000@tut.by

Современная русскоязычная литература Беларуси в силу многих факторов занимает особое место в отечественном литературно-художественном пространстве второй половины XX – начала XXI вв. и является неотъемлемой частью белорусской культуры. Одним из таких факторов является само понятие русскоязычной литературы, объем которого на сегодняшний день не является окончательно определенным. Для адекватного понимания феномена «русскоязычная литература Беларуси» в статье дан краткий обзор русскоязычного литературно-художественного пространства второй половины XX – начала XXI вв., который свидетельствует о том, что творчество русскоязычных литераторов, представленное поэзией, прозой, драматургией, многообразно и разнопланово.

Ключевые слова: художественный текст, русскоязычная литература Беларуси, этнокультурная специфика, мультикультурная парадигма

На рубеже второго и третьего тысячелетий становится все более очевидным, что человечество идет по пути расширения связей разных стран, народов и культур. Сегодня невозможно найти этнические общности, которые не испытали бы на себе воздействие со стороны культур других народов. Проблема множественности культурных традиций получила название «мультикультуры» – феномена сосуществования и взаимодействия в пределах одного общества разнообразных, равноправных и равноценных культур, включающих в себя образ жизни, формы поведения, стиль общения, ценностные ориентации социокультурных групп. «Мультикультура есть универсализация, но не унификация национальных культур, ... равноценное сосуществование национального и мирового, а не поглощение одного другим или качественное изменение национального» [Ольшанский 2011].

Специфика мультикультурной парадигмы в Беларуси заключается в существовании русскоязычной ветви национальной литературы – произведений, написанных на русском языке белорусскими писателями (независимо от их этнической принадлежности). Русскоязычная литература Беларуси – своеобразный маркер культурного взаимодействия белорусского и русского этносов – в силу многих факторов занимает особое место в отечественном литературно-художественном пространстве второй половины XX – начала XXI вв. Одним из таких факторов является само понятие русскоязычной литературы, объем

которого на сегодняшний день не является окончательно определенным. Это связано, в частности, с непростой геополитической ситуацией, обусловленной распадом Советского Союза в 1991 г. Все литературно-художественные произведения, издававшиеся в Беларуси на русском языке до этого времени, автоматически включались в русскоязычное (русское) культурное пространство, в то время как белорусской считалась лишь литература, написанная на белорусском языке.

С появлением государства Республика Беларусь, в котором оба языка – белорусский и русский – являются государственными, ситуация изменилась: литература, написанная на русском языке, закономерно рассматривается не только как элемент русской, но как полноправная составляющая белорусской культуры. Таким образом, политические катаклизмы повлекли за собой изменение лингвокультурной ситуации.

А.Н. Андреев, исследуя специфику данного феномена, утверждает, что «белорусская литература – это не только литература на белорусском языке, но еще и литература Беларуси, страны европейской, где сосуществуют многие языки и культуры», поэтому часть белорусской литературы на русском языке корректно называть русскоязычной. «Модус белорусской ментальности», по мнению автора, неизбежно проявляется в творчестве «русскопишущих» писателей-уроженцев Беларуси, живущих как в Беларуси, так и за ее пределами [Андреев 2010]. В статье «Русская (русскоязычная) литература Беларуси: проблемы становления» А.Н. Андреев пишет: «Русская литература Беларуси – это одновременная развернутость в сторону разных культурных (ментальных) парадигм, которая осуществляется в едином языковом дискурсе» [Андреев 2010].

Мы считаем, что литературно-художественные произведения, созданные на русском языке как живущими в Беларуси писателями, так и этническими белорусами, живущими за рубежом, являются неотъемлемой частью белорусской литературы. Определяющим фактором при этом становится не национальная принадлежность писателя и не место его фактического проживания, а то количество времени, которое он прожил на белорусской земле, почувствовав очарование ее неброской красоты, узнав и полюбив ее язык, историю, культуру.

Необходимо особо отметить специфику исторически сложившегося в нашей стране двуязычия, которое трудно назвать сбалансированным хотя бы в силу того, что, по мнению Н.Б. Мечковской, «полной симметрии в социально-этнических условиях сосуществования двух языков в одном обществе практически не бывает» [Мечковская 2002:102]. И.В. Лисковец характеризует языковую ситуацию в нашей стране как «стабильный близкородственный билингвизм, характеризующийся доминированием русского языка во всех сферах, почти поголовным владением всем населением русским языком и широким

пассивным владением белорусским языком» [Лисковец 2006:12]. В качестве причин доминирования русского языка исследователь называет следующие: 1) близкородственность русского и белорусского языков; 2) достаточно позднее возникновение письменного варианта белорусского языка (вторая половина XIX в.); 3) институциональная поддержка русского языка практически во все исторические эпохи; 4) слабость этнического самосознания белорусского народа. С.А. Гринберг утверждает, что «активное неравновесное двуязычие и «кризис идентичностей» обусловлены ранее культивируемыми тезисами о «двух родных языках» и идентичности «советский человек», которые не выдержали проверки временем» [Гринберг 2011:8].

В настоящее время на территории Беларуси русский язык употребляется значительно более активно, чем белорусский: сегодня его использует более 80% граждан нашей страны. Однако общность языка не является свидетельством полной идентичности белорусской и русской культур не только в силу неодинаковости географических и политико-экономических детерминант, но в силу отсутствия общности сознаний. В этой связи русскоязычные художественные тексты как яркий пример межкультурной коммуникации достойны самого серьёзного изучения.

Особый интерес представляет исследование данной проблемы в произведениях художественного творчества. Художественный билингвизм – объективное следствие ситуации, сложившейся в обществе. Не вызывает сомнения и тот факт, что в зависимости от многообразных территориальных, культурных, исторических и других условий данное явление в отдельно взятом государстве приобретает свои специфические особенности. Рассматривая философскую основу художественного билингвизма, Г.Д. Гачев отмечал: «Двуязычие – это диалог двух мировоззрений, систем мира, обуславливающий стереоскопичность зрения, объемность мышления» [Гачев 1998:445]. А.В. Подобрый разделяет данную точку зрения: «Одной из важнейших характеристик русскоязычной литературы является коммуникативная функция: здесь совершается диалог разных национальных культурных традиций. Следовательно, обращение к подобному «диалогу» разных национальных культур в рамках русского языка ведет не к «порабощению» одной культуры другой, а к их «сотрудничеству», коммуникации между собой и читателями разных национальностей» [Подобрый 2009:83].

В течение многих лет бесспорным в науке считался тезис Н.Г. Джусойты о том, что «не бывает национальной литературы на инациональном языке» [Джусойты 1988]. В конце XX в. этот постулат был серьезно поколеблен М.М. Ауэзовым, отметившим, что «в условиях глубоких связей между культурами литература может существовать и на инациональном языке», хотя «сроки языкового инобытия не бесконечны» [Ауэзов 1997].

Окончательно (и доказательно) положение Н.Г. Джусойты было опровергнуто в исследованиях И.С. Хугаева [Хугаев 2008]. В последние годы появились исследования, посвященные русско-инонациональному художественному билингвизму (У.М. Бахтикиреева, Москва, 2005; Р.О. Туксаитова, Екатеринбург, 2007; Е.И. Зейферт, Караганда – Москва, 2008; А.Б. Туманова, Алматы, 2008; М.Б. Амалбекова, Астана, 2010; И.С. Хугаев, Владикавказ, 2010; Е.Н. Кремер, Москва, 2010 и др.), выполненные в русле лингвокультурологического направления.

В области белорусско-русского художественного билингвизма фундаментальной является работа А.А. Гируцкого «Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы» (1990). Серьезный вклад в разработку данной проблемы внесла С.А. Гринберг, диссертационное исследование которой посвящено изучению данного вида билингвизма в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах (2011). «В таком виде творчества речь не идет о вопросах интерференции, смешении и уподоблении двух языковых систем и культур в творческой деятельности билингвальной личности. Тут важным становится создание художественных образов национальной культуры средствами иного языка», – отмечает С.А. Гринберг [Гринберг 2011:5].

«Наличие двух ветвей литературы в культуре Беларуси – не минус, а плюс, и истребление любой из них сделает духовную жизнь общества беднее. В любом случае означенная двойственность вписывается в парадигму мультикультурализма, со все большей определенностью заявляющую о себе на планете», – пишет И.С. Скоропанова [Скоропанова 2011]. Общность исторических судеб белорусского и русского народов, генетическое родство, близость двух языковых систем – все эти факторы составляют специфику взаимодействия белорусской и русской культур.

Для адекватного понимания феномена «русскоязычная литература Беларуси» приведем краткий обзор со второй половины XX до начала XXI вв. В современной русскоязычной литературе Беларуси выделяется два периода: первый охватывает 1960-е – начало 1990-х гг.; второй длится с начала 1990-х гг. до настоящего времени. В первый период кроме официально признанных литераторов существовал ряд авторов, составляющих неформальное объединение, получившее название «Минская школа». Как замечает И.С. Скоропанова – автор-составитель хрестоматии «Минская школа» на рубеже XX–XXI вв., «одни из них считали себя русскими, другие белорусскими писателями, но всех их роднила своеобразная «удвоенная» – русско-белорусская / белорусско-русская – ментальность, накладывавшая на их произведения особый отпечаток» [Скоропанова 2007:96]. В 1960-х – 1980-х гг. лидерство в творчестве русскоязычных писателей принадлежало поэзии, цент-

ральной фигурой которой стал Вениамин Блаженный (сб. «Возвращение к душе», «Слух сердца» (1990), «Сораспятье» (1995), «Стихотворения. 1943–1997» и др.).

К старшему поколению русскоязычных поэтов принадлежат С. Евсеева, А. Дракохруст, Ф. Ефимов, В. Карпов, И. Котляров, Ю. Сапожков и др. Поэзия «срединного» поколения представлена творчеством В. Гришковца, Ф. Мыслицкого, В. Поликаниной, А. Скоринкина. В 1990-х гг. заявили о себе К. Михеев, Д. Строцев, Д. Летуновский и др.

К русскоязычной литературе относят и творчество живущих за пределами Беларуси художников слова: И. Шкляревского – поэта, переводчика, лауреата многих литературных премий, в том числе Пушкинской (1999), Л. Турбиной – поэта, переводчика, литературоведа, автора поэтических книг «Улица детства» (1981), «Город любви» (1988; 2006). Думается, это связано с тем, что глубинным вектором, определяющим направление творчества данных авторов, является белорусская ментальность, которая, будучи неподвластной ни времени, ни расстоянию, придает их произведениям неповторимый колорит.

В 1990-е гг. творчество писателей-прозаиков становится более разнообразным и насыщенным в проблемно-тематическом и жанрово-стилевом планах. «Наряду с реализмом (С. Алексиевич, Ю. Сапожков, Е. Казанцева и др.), – пишет И.С. Скоропанова, – заявляет о себе постреализм (А. Андреев, отчасти Е. Попова, Н. Халезин), модернизм, неомодернизм, авангардизм (Д. Строцев, К. Михеев, Д. Летуновский и др.)» [Скоропанова 2007:111]. В частности, А. Андреев в своих романах «Легкий мужской роман», «Для кого восходит солнце?», «Маргинал» исследует проблемы «нового лишнего человека».

Старшее поколение русскоязычных прозаиков сегодня представлено именами Э. Скобелева, А. Сульянова, Н. Чергинца. Современная русскоязычная драматургия представлена творчеством ряда авторов, из числа которых следует особо выделить О. Ждана, А. Курейчика, Е. Попову. Е. Попова до недавнего времени была известна преимущественно как драматург (пьесы «Объявление в вечерней газете» (1978), «Баловни судьбы» (1992) и др.). Пьесы автора ставились на сценах Беларуси, России, Эстонии, Германии, переводились на белорусский, английский, немецкий языки. На рубеже XX – XXI вв. Е. Попова обращается к жанру прозы (романы «Восхождение Зенты» (2000), «Большое путешествие Малышки» (2001), «Седьмая ступень совершенства» (2004) и др.).

Даже такой краткий обзор современной русскоязычной литературы Беларуси свидетельствует о том, что творчество русскоязычных литераторов, представленное поэзией, прозой, драматургией, многообразно и разнопланово. Признание не только в нашей стране, но и за рубежом свидетельствует о высоком художественном уровне данного пласта национальной литературы.

Если национальная литература, написанная на белорусском языке, всесторонне изучалась и изучается, включается в учебные курсы в учреждениях образования различного уровня, то русскоязычной литературе Беларуси долгое время не уделялось должного внимания. В настоящее время положение меняется. Сегодня русскоязычная литература становится объектом пристального внимания белорусских филологов. Данной проблематике посвящены работы С.Я. Гончаровой-Грабовской, под редакцией которой вышел сборник научных статей «Русскоязычная литература Беларуси конца XX – начала XXI века» (2010). На эту тему писали А.Н. Андреев, С.А. Гринберг, А.В. Иванов, О.А. Лавшук, И.С. Скоропанова, О.Ф. Таланцева, Л.И. Толчикова и другие ученые. Однако все перечисленные работы носят, в основном, литературоведческий характер, языковая же сторона произведений русскоязычных авторов остается пока малоизученной.

Таким образом, литература Беларуси, написанная на русском языке, составляет важный пласт белорусской литературы и культуры и приобретает статус сложного, амбивалентного культурного явления. В то же время генетическое родство, общность исторических судеб белорусского и русского народов, близость двух языковых систем, с одной стороны, и этнокультурная специфика, проявление модуса белорусской ментальности, с другой, составляют суть диалектического взаимодействия белорусской и русской культур, которое находит отражение в языке белорусской русскоязычной художественной прозы рубежа XX–XXI вв.

Литература

- Андреев А.Н. 2010 – *Русская (русскоязычная) литература Беларуси: проблемы становления*. – Режим доступа: <http://www.litkritika.by/categories/literatura/kritika/856.html>.
- Ауэзов М.М. 1997 – *Кто мы? Языковое инобытие и двуязычие*. Алматы.
- Гачев Г.Д. 1998 – *Национальные образы мира. Курс лекций*. Москва.
- Гринберг С.А. 2011 – *Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах*. Москва.
- Джусойты Н. 1988 – *Что это такое – родной язык писателя?* Москва.
- Лисковец И.В. 2006 – *Русский и белорусский языки в Минске : проблемы билингвизма и отношения к языку*. Санкт-Петербург.
- Мечковская Н.Б. 2000 – *Социальная лингвистика*. Москва.
- Ольшанский Д.А. 2011 – *Тоталитарное государство – феномен антикультуры*. – Режим доступа: http://www.sarkado.net/2011/10/blog-post_5838.html.
- Подобрий А.В. 2009 – *К вопросу о понятиях «русскоязычная литература» и «национальная атрибуция писателя»*. Пермь.
- Скоропанова И.С. 2011 – *Астральная образность в творчестве А. Андреева*. Могилев.
- Скоропанова И.С. 2007 – *«Минская школа» на рубеже XX–XXI вв*. Минск.
- Хугаев И.С. 2010 – *Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы*. Владикавказ.

ВНЕТИПОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ИДИОЛЕКТЕ Ф. ИСКАНДЕРА

И.Г. Урбанович

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь
urbanovich2@tut.by

Окказиональное словотворчество – один из способов создания индивидуальности языка художественных произведений. В современной лингвистике нет четкой классификации способов окказионального словообразования лексем, однако они могут быть разграничены по следующему признаку: созданные по деривационным законам языка или с нарушением этих законов. Исследование явления окказиональности должно носить системный характер, включающий анализ факторов, этапов, механизма появления новых слов и значений в плане как экстралингвистической, так и лингвистической обусловленности использования продуктивных и непродуктивных моделей языка.

Ключевые слова: внетиповые окказионализмы, редеривация, субституция, контаминация, тмезис

В современной лингвистике активно исследуются окказиональные единицы – факты речи, создаваемые в пределах определенного текстотипа, входящие в систему эмоционально-экспрессивных лексических средств, выбираемых самим автором. При наличии различных классификаций образования окказионализмов (в дальнейшем ОК), общей методики, разграничивающей способы их появления, нет. Р.Ю. Намитокова выделяет следующие способы внетипового окказионального словообразования, характерные для художественной речи: «редеривация (*нечаянный-чаянный*), субституция – замена морфем, сегментов слов, компонентов сложного слова (*отдарочек*), контаминация – проникновение первой части одного слова в другое и вытеснение его начала (*ломастер* от *ломать мастер*), тмезис – вторжение аффикса или слова внутрь слова (*еже-почти-минутно*), наложение – на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало второго слова (*ленингра-дуга*)» [Намитокова 1986:141].

Внетиповые авторские окказиональные образования образованы следующими способами: высвобождение аффиксов и других частей слова; контаминация; междусловное наложение; намеренный авторский аграмматизм с целью передачи внешних качеств героя, специфики речи героя; образование окказиональных онимов; образование окказиональных топонимов; образование по конкретному образцу; построение слов с вымышленными корнями; редеривация; создание повторов-отзвучий; субституция (замена морфем, сегментов слов, компонентов сложного слова); тмезис.

Высвобождение аффиксов и других частей слова, в результате которого происходит усечение слова или деление его на два наблюдается у следующих внетиповых образований: *бик* (*бьюик*→*бик*); *всхолмие* (*всхолмление*→*всхолмие*); *нац* (*национальность*→*нац*); *симпатичка* (образован от основы качеств. им. прилагательного *симпатичный*: *симпатичный*→*симпатичк*-(а); *спекуль* (*спекулянт*→*спекуль*).

Например: – *Что за нац?! – снова всплеснул руками персидский коммерсант, выслушав Дашу и тоном показывая, что он на этот раз в свое восклицание включает более широкий круг народов («Сандро из Чегема»); Когда я уезжал в командировку, наши ребята предупредили меня, чтобы я обязательно посмотрел, как он патронит машину какого-нибудь спекуля («Сандро из Чегема»).*

К контаминации, помимо случаев соединения двух узуальных слов, нами также были отнесены различные случаи фонетической мены (утверждение А.Е. Земской) в корнях и аффиксах представленных внетиповых образований. К данного типа образованиям относятся следующие единицы: *двужелтошные*, *ебрейи*, *заморочивала*, *икзикуция*, *коммерсия*, *кумхоз*, *кумхозник*, *лемец*, *лиандры*, *луманад*, *мумие*, *меблизация*, *очумить*, *рикиминдация*, *Твирдовский*, *щелчок-шалабан*.

Путем фонетической мены в корне слова образованы единицы: *замор[а]чивала*→*замор[о]чивала*; *коммерсия* ([ц]→[с’]); *кумхоз* (о→у. Образован сложением на основе словосочетания *коммунальное хозяйство*); *лемец* ([н’]→[л’]); *лиандры* ((усечение начального *о* и мена *е*→*и*; речевая характеристика взрослого героя); *луманад* (*и*→*у*); *меблизация* (о→е, усечение [и]); *рикиминдация* (е→и, о→и, е→и); *Твирдовский* (а→и); *щелчок-шалабан* (*щелбан*→*шалабан* (*щ*→*ш*; *е*→*а*; ноль звука+*б*→*аб*).

Например: – *Дали бы ей чего-нибудь пожевать.., – говорил кто-нибудь по-абхазски, когда она своим лопотанием слегка заморочивала всем головы («Сандро из Чегема»); Кумхоз идет! Кумхоз! («Сандро из Чегема»); – Я с поэтом Твирдовским учился в смоленском институте, – начинал он («Посрамление фальшивомонетчиков»);*

Посредством замены аффиксов образованы следующие окказионализмы: *очумить* (мена глагольного аффикса *е*→*и*. Узуальный глагол – *очуметь*. Окказионализм использован в значении «заклеймить»).

Например: *...Бесчестие нависло над нашим домом и грозит очумить нас позором («Сандро из Чегема»).*

Замена фонем во втором компоненте композита, мотивированного конструкцией *два желтка* наблюдается в окказионализме *двужелтошные*: [ч’]→[ш]. Узуальные адъективы – *желточный*; *желтковый*. Например: *Тетушка Хрисула часто с гордостью повторяла, что вскормила Деспину исключительно двужелтошными яйцами («Сандро из Чегема»).*

Фонетическое авторское искажение [в]→[б], сохранение флексии ед.ч. -й в форме мн.ч.) наблюдается во внетиповых окказионализмах с целью передачи специфики индивидуальной речи героев: *ебрейи*; *икзикуция* (э, е→[и]); *мумие* (*мумия*→*мумие*). Например: – *А при чем тут **ебрейи**, – ответила Софичка лейтенанту, – я их и в глаза никогда не видела («Софичка»); Если кто провинился и ушел в лес, в дом его родственников приходили казаки и жили там столько времени, сколько положило начальство. **Икзикуция** называлось! («Сандро из Чегема»); А я от смеха умираю, потому что эта немочка меня целует, а моя жена смотрит как египетская **мумие** («Сандро из Чегема»).*

Способом междусловного наложения образуются внетиповые окказионализмы:

- *козлотуризм* (*козлотур*+*туризм*=*козлотуризм*). – *Козлотуризм* – лучший отдых, – сказал я («Созвездие Козлотура»).
- *Эндургенция* (*Эндур*-(ск)+(интелли)-*генция*). Все эти слухи в основном распространяет *эндургенция* («Сандро из Чегема»).

Намеренное использование искаженной лексики и нарушение форм наблюдается у следующих внетиповых образований, характеризующих речевую деятельность героев: *Дефое* (приращение основы фамилии); *животная* (образован посредством изменения рода им. существительного со ср.р. на ж.р.); *интернационализма* (изменение рода и флексии им. существительного *интернационализм*); *Крузое* (приращение основы фамилии); *некупленные продукты* (использование неправильно подобранного адъектива вместо слова «непроданные»); *поджарый живот* (неправильное использование значения «худощавый/мускулистый (обычно о фигуре/теле в целом)» в отношении характеристики части тела); *почива* (приращение основы); *рыть* (узусальное значение – то же, что копать. В авторской трактовке – происхождение лексемы от слова «рыло»).

Например: – *Такую гордую **животную** в мире не найдешь* (о буйволе)! («Сандро из Чегема»); *Навей читал книгу «Робинзон **Крузое**», сочиненную Даниэлем **Дефое*** («Большой день большого дома»); *Потом он вымылся в кладовке, переоделся в чистое белье... и, сдвинув назад складки рубахи на своем **поджаром животе**, вышел на кухню* («Бригадир Кязым»).

Выявленные в идиолекте Фазиля Искандера окказиональные онимы также являются внетиповыми образованиями, среди них: *Анапацци* (немотивированный звуковой комплекс, кличка кошки); *Анапацци* (немотивированный звуковой комплекс, кличка кошки); *Закидонович* (образован по аналогии с отчеством *Македонович* от основы просторечного имени существительного *закидоны*); *Перепивало* (образование имени собственного от основы глагола *перепивать*: *Перепива*-+л-(о); *Хрущит* (употреблен в именовании личности Н.С. Хрущева. Усечение аффикса -ев-). Все образования носят разговорный характер.

Примеры окказиональных онимов: *У тетушки было две кошки, звали их **Ананаци** и **Апапаци** («Чаепитие и любовь к морю»); Учитель русского языка, Акакий Македонович, или как его называли, **Закидонович**, сказал ему, чтобы он на следующий день пришел в школу с кем-нибудь из родителей («Защита Чика»); Заявления были написаны на имя Хрущева и Ворошилова. – Как ты думаешь, **Хруцит** поможет? – спросил он, называя его на абхазский манер («Сандро из Чегема»).*

В идиолекте писателя также имеет место образование окказиональных топонимов, которые являются внетиповыми образованиями – немотивированными звуковыми комплексами-названиями несуществующих областей Абхазии. Они называют такие объекты, «которые представляют не отображение реальных вещей, а результат художественного вымысла, – это идеальные объекты...» [Белова 1987:118]. В качестве таких объектов было выделено образование немотивированных и мотивированных звуковых комплексов: *Кенгур*; *Кенгурск*; *Мухус*; *Чегем*; *Эндурск*.

В образовании одного из комплексов-топонимов наблюдается вариативное употребление – *Кенгур* (нулевая суффиксация); *Кенгурск* (образование с суффиксом -ск). Способом обратного прочтения образован от мотивированного топонима *Сухум* окказиональный топоним *Мухус* (нулевая суффиксация). Например: *Но эти умники из **Кенгура**... вполне могут засадить человека ни за что ни про что («Дерево детства»); С этим странным трофеем, явно не равноценным трупу офицера, преследователи возвратились в **Кенгурск** («Сандро из Чегема»); Он познакомился с ним на лодочном причале в **Мухусе** («Морской скорпион»).*

Образованиями по конкретному образцу являются: *горевестник* (аналогия со словом *буревестник*), *законотолкователи* (аналогия со словом *законодатели*), *конеубийство* (аналогия со словом *самоубийство*), *махолет* (аналогия со словом *самолет*. Первая часть слова образована от основы глагола *махать*), *перехарлампит* (образован от имени собственного *Харлампо*: *пере-*+*харламп*-(ит), *повиновничать* (аналогия с глаголом *почаевничать*), *почернильничать* (аналогия с глаголом *почаевничать*), *радугни* (аналогия с глаголом *рыгни*), *разновкусица* (аналогия со словом *разноголосица*).

Например: *С этой же постной миной **горевестника** он взял Куклу за повод и повел ее со двора («Лошадь дяди Кязыма»); Оказывается, по-абхазски «убивать себя, самоубийство» одновременно означает – «я убил своего коня, **конеубийство**» («Сандро из Чегема»); ... И я говорю своим деткам, показывая на радугу: «Рады дуге?» – «Рады радуге! – кричат мои детки. – Папа, еще раз рыгни и **радугни!**» («Сандро из Чегема»).*

Одним из приемов создания внетиповых окказионализмов является построение слов с вымышленными корнями. К данным единицам относятся образования, мотивированные

основой вымышленных топонимов: *верхнечегемская* (*верхне-+Чегем+-ск-(ая)*); *додендурил* (Эндурск: *до-+-ендур-(э→е)+-и-+-л*. В значении «довел»); *мухус-сочи* (употреблен в значении «самодельная обувь»); *мухусчанин* (*мухус+-чан- -ин* (фонемат. |чан'-ин|); *нечегемность* (*не-+Чегем+-н-+-ость*); *нижнечегемская* (*нижне-+Чегем+-ск-(ая)*); *обэндурилась* (образован от немотивированного топонима Эндурск); *эндуристость* (Эндурск: *эндурист-+-ость*).

Например: *Через полчаса начальник НКВД и председатель колхоза вышли из дома и, освещая себе путь карманным фонариком, открыли ворота и поднялись на верхнечегемскую дорогу («Софичка»); – До чего же Теймыр ее доендурил, – смеялись крестьяне, – что она в такой час вспомнила о полотенце («Бригадир Кязым»); Кроме того, на нем была обувь из расслоенных старых покрышек, которую многие теперь носили и называли ее «мухус-сочи», имея в виду, что ей нет сносу («Ремзик»).*

Способом редеривации образованы следующие внетиповые окказионализмы: *ликвидуют* (усечение аффикса *-ир-*); *лунатская* (усечение аффикса: *лунатическая*); *папортъ* (усечение корня имени существительного, выпадение гласного и изменение рода: *папоротник→папортъ*); *пиршеский* (подстановка суффикса *-ск-* и усечение аффиксов в основе относительного им. прилагательного: *пиршественный→пирше-+-ск-(ий)*); *таратор* (десуффиксация: *тараторка* (используется как в ж.р., так и в м.р. В контексте употреблен в значении «попугай»).

Например: – ...Они ж сами *ликвидуют* и сами *закапывают*... Мы ж с военного городка, мы ж с ими не связаны... («Сандро из Чегема»); *Однажды Бадра искал свою лошадь и шел через заросли папорти* («Сандро из Чегема»); *Так как в абхазском языке вообще нет слова «попугай», Абесаломон Нартович с ходу придумал ему абхазское название, и притом довольно остроумное. В обратном переводе на русский язык оно звучит примерно так: таратор* («Сандро из Чегема»).

В идиолекте писателя выявлены следующие повторы-отзвучия: *дети-шмети, доктур-моктур, заказ-маказ, зелень-мелень, комиссия-чамиссия, кофты-мофты, лобиа-мобиа, ляй-ляй-конференция, милиция-челиция, рентген-менген, суперфосфат-муперфосфат, туфли-муфли*. Повторы-отзвучия являются «приемом рифмованного эха, фокус-покус-приемом» [Земская 1992:88]. «Суть повтора-отзвучия в том, что производное слово создается повторением близкого, но не совпадающего полностью сегмента» [Купрадзе 2002:89]. Выделенные единицы являются каламбурными образованиями на основе рифмованного сочетания субстантивных пар. Например: – *Хорошо, – сказал я, – быстренько перекусим, и я поеду. – О чем говорить – зелень-мелень, лобиа-мобиа* («Созвездие Козлотура»); ... – *Тонн сто суперфосфат-муперфосфат* прошу, как родного брата, Андрей Шалвович («Созвездие

Козлотура»); – *Коммерсия*, – сказал он и пожал плечами. Немного подумав, добавил: – *Женщинам – кофты-мофты...* («Попутчики»).

Каламбурным образованием на основе намеренного искажения первого субстантива, а также рифмованного сочетания субстантивной пары является сочетание *доктур-моктур*: *И на следующий день милиция-челиция, доктур-моктур, и они узнают, что ты отравлен, и твоего бедного хозяина сажают в тюрьму как отравившего ни в чем не повинного человека* («Умыкание, или загадка эндурцев»).

Внетиповым, междометным образованием с именем существительным, неизменяемым (несклоняемым) в контексте является образование *ляй-ляй-конференция*: – *По рабочим местам! Три часа бездельничали, а теперь три часа будут ляй-ляй конференция, как чегемский парень их лошадь объездил!* («Сандро из Чегема»).

Как прием художественной выразительности повторы-отзвучия служат целям создания комического эффекта. «Избрание того или иного конкретного материала определяет, какая именно разновидность комического создается в тексте – ирония, гротеск или шутка» [Земская 1996:129].

С помощью субституции (замена аффиксов) образованы: *взаимозажатие* (замена префикса в основе субстантива: *по-*→*за-*. В значении «рукопожатие»); *европейки* (образован от основы им. существительного *европейки* заменой суффикс *-к-* на *-анк-*: *европей-*+*-анк-*+*(и)*); *индианские* (образован от основы относит. им. прилагательного *индийские* заменой суффикса *-ск-* на *-анск-*: *инди-*+*-анск-*(*ие*)); *отдунув* (замена префикса: *сдунуть*→*отдунуть*); *пригрызет* (замена префикса: *загрызет*→*пригрызет*); *удвинулись* (замена префикса: *задвинулись*, *отодвинулись*→*удвинулись*); *уразумить* (замена префикса: *вразумить*→*уразумить*).

Например: *Набрав с полстопки, он поднес ее к губам и, отдунув соринки, попавшие туда из кармана, где лежала стопка, осторожно вытянул пару глотков* («Сандро из Чегема»); – *Наверное, медведь тебя пригрызет или сорвешься с какого-нибудь склона, – говорили ему односельчане* («Сандро из Чегема»); *Уразумить людей – значит убедиться в собственном разуме* («Сон о боге и дьяволе»).

Ассоциативное замещение компонента сложного слова по аналогии наблюдается в окказионализмах: *винотворческая* (*винодельческая*→*винотворческая*); *колчерукий* (замена компонента *-ногий* на *-рукий*. Использован в значении «хромой» на руку»); *миллиосердие* (замена первого компонента сложного слова: *милосердие* →*миллиосердие*). Например: – *Виноград портишь, дурень! – прикрикнул на него Сандро, как человек, чувствующий живую боль за винотворческую часть хозяйства* («Большой день большого дома»); *Он знал, что Колчерукий совсем недавно приобрел себе новую лошадь...* («Ремзик»); – *Я слышал, что один миллионер проявил миллиосердие и подарил детскому дому тысячу долларов* («Думающий о России и американец»).

Тмезисом (вторжение аффикса внутрь слова) образованы такие внетиповые единицы, как *бурунчатъ* (вторжение в основу глагола *бурчатъ* аффикса *-ун-*); *динамка* (образован от основы неизменяемого им. существительного *динамо*: *динам-+-к-(а)*); *нормалевич* (усечение основы, вторжение аффикса внутрь основы слова: *нормал'-+-евич*); *по-селенски* (вторжение аффикса внутрь основы слова *по-сельски*: *по-сел'-+-ен-+-ск-+-и*). Например: – *Хватит бурунчатъ, – миролюбиво сказал ему старый охотник, – ты, Теймыр, давно безрогий, а все боднуть норовишь. Лучшие сиди здесь и слушай мой рассказ* («Бригадир Кязым»); – *Нет, я так просто, – краснея и лукаво беря на себя вину, отвечал Жора, – сами варим* (чачу)! *Подомашнему! По-селенски!* («Чик и Пушкин»).

Индивидуально-авторское творчество «чаще всего остается в рамках окказионального употребления. Значительно реже индивидуальное словотворчество писателя переходит в узуальное. Тем не менее сочетаемостные, или валентностные, возможности тех или иных слов, строго ограниченные грамматически, могут развиваться – и они часто развиваются – в возможности лексической сочетаемости» [Мельникова 1995:73-74]. Окказиональное явление в художественной ткани произведений выполняет еще и такую задачу, как «вызвать напряжение словом, которое приковывает слушателя (или читателя)» [Хейзинга 2001:217].

Мотивацией образования исследованных внетиповых единиц в идиолекте Фазиля Искандера является художественная контекстуальная необходимость. Это оригинальные авторские слова-образы, выполняющие номинативную, экспрессивную и структурную функции. В них заключено особое видение писателя, чувственно-эмоциональное и оценочное отношение к действительности, которое находит отражение в художественной речи. Наблюдаемое нарушение узуальных норм при создании внетиповых образований ведет к намеренному искажению лексики, используемой писателем с целью передачи специфики речи героев, создания ассоциативных образов, представлений.

Литература

- Белова Б.А. 1987 – *О номинативных свойствах окказионализмов художественной речи*. Кемерово.
- Земская Е.А. 1992 – *Словообразование как деятельность*. Москва.
- Земская Е.А. 1996 – *Активные процессы современного словопроизводства*. Москва.
- Купрадзе С.Д. 2002 – *Потенциальные и окказиональные дериваты в языке произведений Е.А. Евтушенко*. Минск.
- Мельникова Л.А. 1995 – *Окказиональные словосочетания в произведениях А.С. Грина*. Москва.
- Намитоква Р.Ю. 1986 – *Авторские неологизмы: словообразовательный аспект*. Ростов-на-Дону.
- Хейзинга Й. 2001 – *Ното ludens. Человек играющий*. Москва.

«МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ» В ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА

В.Г. Фатхутдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

favenera@mail.ru

В статье анализируются словообразовательные типы русских глаголов, семантика которых включает в себя определённое ментальное содержание и является отражением поведенческих стереотипов человека. Доказывается, что лексико-словообразовательная семантика ряда производных формирует эмотивно-оценочную коннотацию и представления о нежелательных и социально осуждаемых «моделях поведения» человека. Как правило, это разговорная лексика, образующая периферию лексико-семантической группы глаголов поведения. Словообразовательные типы русских глаголов в конкретном лексическом воплощении могут выступать репрезентантами деонтических норм и ментально-культурных установок этноса.

Ключевые слова: глаголы поведения, словообразовательный тип, семантика, ментальность

Изучение предикатной лексики на занятиях по русскому языку в иноязычной аудитории всегда представляет особую сложность. Это обусловлено не только спецификой словообразовательной структуры глагола и системы его грамматических форм, но и широтой семантики, свидетельствующей об этнокультурной маркированности лексических единиц. Несомненную лингводидактическую ценность представляет собой описание всей системы способов глагольного действия, позволяющее охарактеризовать семантическое, структурное и аспектуальное многообразие русского глагола. При этом особого внимания и последовательной интерпретации требуют лексико-семантические группы глаголов, содержательная структура которых включает в себя дополнительные коннотативно-оценочные смыслы.

Предметом нашего исследования стали словообразовательные типы русских глаголов, семантика которых включает в себя определённое ментальное содержание и является отражением поведенческих стереотипов человека. Цель статьи – доказать, что лексико-словообразовательная семантика ряда производных формирует эмотивно-оценочную коннотацию и представления о нежелательных и социально осуждаемых «моделях поведения» человека. Как правило, это разговорная лексика, образующая периферию лексико-семантической группы глаголов (далее ЛСГ) поведения: *доиграться, допрыгаться, раскияться, распуститься, выкаблучиваться* и др.

Как известно, национальное своеобразие семантического пространства русского языка и весь конгломерат ментально-культурных смыслов выявляется прежде всего при системном идеографическом описании его словарного состава. Глаголы поведения с точки зрения их коммуникативной и культурологической значимости являются важным фрагментом языковой картины мира любого этноса.

Проведенный структурно-семантический и концептуальный анализ позволил нам выдвинуть следующую гипотезу: в системе русского словообразования находят отражение определенные способы образования номинативных единиц, в результате которых отдельные смыслы получают этнокультурную маркированность. Другими словами, в русском языке существуют словообразовательные модели и типы, специально «ориентированные» для выражения ценностных и антиценностных доминант, и в частности, для оценки поведения человека в обществе.

В современной лингвистике ЛСГ глаголов поведения описана достаточно хорошо: выявлены лексико-грамматические особенности и специфика семантической организации наиболее частотных лексических единиц, охарактеризованы парадигматические, синтагматические и деривационные отношения слов внутри группы, описана их лексическая и синтаксическая сочетаемость, а также функционирование в рамках определенных текстов (Л.М. Васильев, Р.М. Гайсина, И.Г. Галенко, О.П. Жданова, О.М. Исаченко и др.).

ЛСГ глаголов поведения, с точки зрения И.Г.Галенко, состоит из двух подгрупп, объединенных общим значением «поведение человека». Оно включает в себя характеристику поступков и определенных действий по отношению к окружающим, манеру держать себя в коллективе соответственно или вопреки действующим в нём правилам и нормам, а также проявление в поведении типичных свойств, черт характера человека, получивших соответствующую социальную и моральную оценку, например: *азартничать*, *баловаться*, *бахвалиться*, *безобразничать*, *бесстыдничать*, *буйствовать*, *буйнить*, *важничать* и др. Идентификаторы первой группы – «вести себя», «поступать», идентификатор второй группы – «проявлять». Наличие нескольких идентификаторов свидетельствует о размытости границ группы «глаголов поведения» и её связях с другими ЛСГ [Галенко 1982:84].

Большинство глаголов поведения содержат в себе семантику оценочности, которая содержится непосредственно в основе лексической единицы – непроизводной или производной. Социальный характер оценки, по мнению ученых, определяется самой природой этого понятия и следующими факторами: определенной социальной значимостью действий и поступков, называемых глаголами поведения, – единицы данной ЛСГ называют действия, отражающие отношение субъекта к обществу, к окружающим: *хитрить*,

своевольничать, лентяйничать; позицией какого-либо обобщенного субъекта, с точки зрения которого оцениваются отдельные социально-коммуникативные действия и поступки: например, глаголы *важничать, пыжиться*, называют действия, оценка которых является объективной и социально мотивированной, так как исходит от обобщенного субъекта, стоящего на позиции общепринятых в обществе норм поведения и заинтересованного в их соблюдении; понятием об общепринятом в данном обществе нормах поведения, в соответствии с которыми оцениваются социально-коммуникативные действия и поступки отдельного субъекта, например, негативная оценка действий, называемых глаголами *рисоваться, солидничать, серьёзничать*, обусловлена регламентируемым нормами поведения требованием естественности [Жданова 1982:55].

Лексическое значение глаголов поведения представляет собой, с точки зрения О.М. Исаченко, иерархичную структуру: интегральные (базовые) семы – *‘процесс’, ‘вести себя как-либо’, ‘ненормативность’, ‘связь с субъектом поведения’, ‘намеренный характер’, ‘обусловленный, ситуативный характер’*; дифференциальные: а) денотативно-сигнификативные семы – *‘способ действия’, ‘причины поведения’, ‘объект действия’, ‘цель поведения’, ‘результат действия’*; б) коннотативные семы – *‘интенсивность’, ‘образность’, ‘эмотивная оценка’* [Исаченко 2000:10].

В «Русском семантическом словаре» лексический класс «Поведение, а также действия и поступки, неотделимые от поведения» охватывает обширный пласт слов, характеризующих поведение и образ действий. В него включены также глаголы и фразеологизмы, непосредственно связанные с мышлением, с убеждениями человека, с его понятиями о нравственных ценностях, а также со случайными реакциями на те или иные стимулы и сложившиеся обстоятельства [Шведова 2007:314].

Авторы подчёркивают отличие поведения от деятельности как таковой: «Любая форма поведения может быть объяснена внутренними и внешними причинами. В первом случае поведение обуславливается психологическими свойствами человека, а во втором – какими-либо внешними условиями или обстоятельствами. В первом случае можно говорить о мотивах, потребностях, целях, намерениях, желаниях, интересах, а во втором – о стимулах, исходящих из сложившейся ситуации. Однако в обоих случаях действия и поступки человека небессознательны, внутренне обоснованны и, следовательно, порождаются актом мысли, воли, чувства» [Шведова 2007:315].

В основе классификации, представленной в словаре, лежат четыре основные группы: 1) «общие обозначения», 2) «деятельное, активное поведение», 3) «нерешительное, осторожное поведение, медлительность, бездеятельность, уклонение от деятельности» и 4) «антиобщественное и антисоциальное поведение», каждая из которых получает

дальнейшую многоступенчатую детализацию. Так, например, вторая группа включает в свой состав следующие подгруппы: «собственно активное поведение, борьба», «благоразумное поведение, корректность, уважительность, спокойствие, сдержанность» и «неразумное, предосудительное, неискреннее, некорректное, недоброжелательное поведение».

В последней из упомянутых групп выделяется подгруппа «последствия неразумного, некорректного, предосудительного поведения, поступка», которая, в свою очередь, включает две другие: «собственно последствия, результат» и «нежелательные и осуждаемые последствия какого-нибудь длительного поведения, занятия, поступков». Это глаголы типа *дождаться, докатиться, докуриться, допить, достучаться*. Нетрудно заметить, что перечисленные лексические единицы являются производными и образованы по словообразовательной модели, включающей в себя конфикс «до- ... -ся».

В «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т.В. Ефремовой формант «до-...-ся» характеризуется как регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая непереходные глаголы совершенного вида [Ефремова 2005:115]. Производным глаголам, образованным при помощи этого деривационного средства, свойственны два типа словообразовательных значений: 1) «добиться чего-либо, достигнуть какой-либо цели в результате интенсивного или длительного действия, названного мотивирующим словом», например: *добудиться, додуматься, дождаться, дозваться, дозвониться, доискаться, докопаться*; результат этого действия оценивается как положительный: *дождаться утра, лета, хорошей погоды*; 2) «довести действие, названное мотивирующим словом, до отрицательного или абсурдного состояния», например: *добегаться, довоеваться, дотанцеваться*. Предикаты этой группы представляют собой вторичные номинации с метафорическим типом лексического значения. У данных лексических единиц «семантика поведения» является уже производной, она возникает в результате метафоризации и словообразовательного маркирования глаголов других семантических сфер. В данном случае речь идет о семантической декорреляции – нарушении соотносительности однокоренных слов.

Семантическая структура глаголов *доиграться, допрыгаться, достучаться* включает в себя общий семантический компонент «довести себя до каких-либо неприятных последствий, до определенного (обычно нежелательного) результата», который в мотивирующих основах – *играть, прыгать, стучать* – отсутствует. И только словарные дефиниции этих глаголов дают возможность познать свернутую смысловую пропозицию: эти «последствия» возникают в результате «неразумного», отрицательно оцениваемого поведения, которое может довести «до беды». Семантическая структура этого ряда глаголов включает в себя уже негативную оценку. Если данная семантика и организуемый ею

контекст имплицитно присутствуют в языковом сознании носителей русского языка, то для иностранных учащихся она представляет особую сложность, в том числе и в силу ее формальной невыраженности в родном языке. Например, в испанском языке исследуемые глаголы не имеют структурно-семантических аналогов и передаются при помощи перифрастических оборотов: *vot и добегался – he aquí lo que ha conseguido*, см. подробнее [Фатхутдинова 2014:261].

Другими репрезентантами определённых «моделей поведения» являются словообразовательные типы глаголов с префиксом «раз- / рас-» или конфиксом «раз- / рас- ... -ся». Последний является достаточно регулярной и продуктивной в разговорной речи словообразовательной единицей, образующей непереходные глаголы совершенного вида со значением ‘достигнуть большой интенсивности в совершении действия, которое названо мотивирующим глаголом’, например: *разбушеваться, разгореться, раскричаться, расшуметься* [Ефремова 2005:434].

М.В. Черепанов в рамках данного типа выделяет следующие словообразовательные значения и модели: ‘интенсивно, с нарастающей силой развить действие’: *разбаловаться, развеселиться, расхвастаться, расхрабриться* – префиксальная модель; *развоеваться, разболтаться, разговориться, разоткровенничаться, распеться* – конфиксальная модель. По его мнению, другой тип производных с общей семантикой ‘интенсивно развиться состоянию’ неоднороден по своей структуре: производные *разволноваться, разнежиться, разобидеться, рассердиться* соотносятся с возвратными мотивирующими глаголами, а глаголы *разболеться, разгореваться, растосковаться, расхандриться, расхвораться* и др. мотивированы невозвратными глаголами *болеть, горевать, тосковать*; кроме того, выделяются структуры с опосредованной адъективной мотивацией: *разбодриться (бодрый), развеселиться (весёлый), расслюнявится (слюнявый)*; к этому подтипу примыкают глаголы с субстантивной мотивацией *разненаститься (ненастье), разохотиться (охота), разжалобиться (жалость)* [Черепанов 2004:312].

Перечисленные словообразовательные модели находят отражение в следующих семантически преемственных группах: «бесстыдное поведение, буйство» → «бесчинство, несдержанность»: *разбушеваться, распсиховаться, разбуйниться, развоеваться, разойтись (в гневе), разъяриться*, ср. устаревшие слова в словаре Владимира Даля: *рассатаниться, разлютоваться, распыхаться*. Семантика слов, образованных по этой модели, включает в себя следующие компоненты: ‘интенсивность, переходящая в чрезмерность в проявлении действия’, ‘эмоционально-возбужденное состояние человека’, ‘агрессивное поведение’, ‘пейоративная оценочность’.

Другая семантическая ветвь – «собственно-предосудительное поведение» → «глупое поведение, легкомыслие, небрежность, баловство, капризы, упрямство, своеволие, неестественное поведение» → «своенравное, своевольное поведение, несдержанность» - коррелирует с лексико-словообразовательными значениями глаголов *разболтаться, развинтиться, разгуляться, распусться, рассвободиться, расхлябаться*.

Словообразовательная детерминация глагольных основ (собственно глаголов поведения или предикатов других семантических сфер) при помощи других средств также подчёркивает пейоративный характер оценки, например, в семантических группах «манерное поведение, кривляние, паясничанье, показное поведение»: *выламываться, выделываться, выпендриваться*; «капризное, привередливое поведение, упрямство»: *выкаблучиваться, выкобениваться, выдрючиваться*; «важничанье, надменность, апломб»: *возгордиться, загордиться, разважничаться*; «безделье, праздность» - *излениться / разлениться, избаловаться / разбаловаться, изнежиться / разнежиться* и др.

Таким образом, в актах деривации глагольная лексика получает семантико-стилистическую маркированность, эмоционально-экспрессивную окраску и новые ментальные смыслы. Дополнительная оценочная коннотация как компонент лексико-словообразовательной семантики русских производных слов является отражением системы нравственных и этических ценностей человека, регулирующих поведение индивида в социуме. Словообразовательные типы русских глаголов в конкретном лексическом воплощении могут выступать репрезентантами ментально-культурных установок этноса, отражая его поведенческие стереотипы и деонтические нормы.

Литература

- Галенко И.Г. 1982 – Мотивация глаголов поведения в русском языке. *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск. С.83-89.
- Ефремова Т.Ф. 2005 – *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва.
- Исаченко О.М. 2000 – *Функционально-семантический класс глаголов поведения (системно-семантический, функциональный и лингвокультурологический аспекты)*. Автореферат дис. ...кандидата филол.наук. Барнаул.
- Жданова О.П. 1982 – Семантическая структура глаголов поведения. *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск. С.55-65.
- Фатхутдинова В.Г. 2014 – Словообразовательный ряд как источник этнокультурной информации: лингвометодический аспект. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. № 7 (90). Иркутск. С.259-263.
- Черепанов М.В. 2004 – *Очерк словообразовательной типологии русского глагола*. Саратов.
- Шведова Н.Ю. 2007 – *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Том IV. Глагол. Москва.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 538-549. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКОВ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ “EIN RUSCH BOECK”

А.В. Филей

Вентспилсская Высшая школа, Латвия

odessamatj@inbox.lv

Статья посвящена лексико-семантической и речевжанровой характеристике слов и фразовых сочетаний из русско-нижненемецкого разговорника “Ein Rusch Boeck”. Семантические признаки речевых единиц, отражённых в лексических блоках разговорников с тематической доминантой ‘времени, природных состояний, погодных условий’, приведены с опорой на лексикографические данные исторических словарей русского языка с учётом их регионально-диалектной специфики. По итогам лингвопрагматического анализа разговорника как речевого жанра выделяются ключевые коммуникативные группы и подгруппы высказываний.

Статья может быть интересна филологам, в чью сферу научной деятельности входит историческая русистика и вопросы лингвистических контактов, а также самому широкому кругу читателей.

Ключевые слова: русско-нижненемецкие разговорники, лексический блок, речевой жанр, лингвопрагматика

Русско-нижненемецкие торговые разговорники позднего средневековья были написаны опытными торговцами-путешественниками, преимущественно выходцами из городов, входивших в Ганзейский союз с целью облегчить задачу освоения русского языка молодыми ганзейскими «учениками» (*sprakelerers*). Вариант старорусского языка, отражённый в текстах, представляет собой региональную разговорную норму с элементами койне, распространённую в крупных торговых городах Северо-Западной Руси. При восприятии текстов разговорников как самостоятельных исторических речевых жанров представляется возможным разделить включённые в него фразовые сочетания (субжанры) на основные коммуникативные группы и подгруппы:

1. Дидактико-паремические максимы. Примеры: *Kackowa semla tackowa prawda wera u obyzyoy* (7a.1); у Фенне: *Takowa semla takova praffdu, Takova gorod takova obutzeiu* (476.13, 476.15). Ср.: *Какова земля, таков и хлеб* [БСРП: 372]. *Gorowy po pamety da po prawde* (7a.7), где *правда* употреблён в ЛСВ, ‘законодательство, свод законов’; в СД: ‘неумытность, честность, неподкупность, добросовестность’ [СД 3: 985]: *жить по правде*. Сочетание *говори по памяти да по правде* обозначает призыв ‘говорить честно и открыто’. *Neday boch us sylnym Borotsa da Isbohatym tegatsa* (7.4.). Здесь глагол *тягаться* употреблён в архаичном

ЛСВ ‘судиться’, ‘вести тяжбу’. СД: *тягаться* (ЛФВ *тяжаться*) — ‘вести тяжбу, спорить и судиться за обиду, за имущество’ (юж., пермск.) [СД 4: 900]. *Czemu ty na tom meste nebywal kuda Ja tebe srotzil* (7.9). ЛСВ *срочить* - ‘устанавливать срок’ [СД 4: 484]; ‘назначать срок для совершения какого-либо дела, для явки к суду’ [СДРЯ: 213]; ‘определять, назначать срок’ и ‘посылать уведомление о назначенном сроке судебного разбирательства’. Ср. субстантивная форма *сроченье*: ‘назначение какого-либо срока’ [СРЛЯ 27:157]. *Gotzeschli somnoi pomirytsa chudym Ili dobrym?* (7.11). Это сочетание близко к делопроизводственным формулам, на что указывает параллелизм в структуре. Прескриптив с семантикой предостережения от пьянства: *Koli tzoloweck pian Ino Idi spati da wyspisa Ino lichogo sbudesch* (46.14-15). Встречаются также паремии-библейзмы, например, с семантикой честного, справедливого суда: *Sedi kriwo da sudi pramo* (46a.1); *Ne twoi Ja osudnick boch twoi osudnick* (46a.3); *Ne osusai druga Ino sam osusen nebudesch* (46a.5) и др.

2. Типовые ситуации диалогической беседы наёмного работника и «господаря»: *Sto tebe nadobet Mene na dobet milosty bosy da hospodarskoho salowanie* (7a.10-11), с региональной нормой безличного сказуемого *надобет*, *надобит*, распространённой в северных (напр., архангельском) говорах: *мне надобет/мне не надобет* [СРНГ 19:241]. К этой группе можно причислить вопросительные формулы, которые часто воспроизводились при встрече двух торговцев: *Skasy mene westy tayny Skasy Yawny* (8a.6, 8a.8) и др.

3. Прескриптивные формулы честной и справедливой торговли, которые эксплицируют особую «русскую модель» торговых отношений: 1. *Torgui lasckawo, Torgui bes Kolowerti* (8.13, 8.13), *Torgui somnoiu laskawo bes kollowerti* (63a.1) Лексема *Коловерть* в словарях не зафиксирована, однако отражены производные: *коло* > *коловёртный*: ‘легкомысленный, непостоянный’ [СД 2:319]; *коловерт*, *коловерть*: ‘человек коловёртный (коловертливый), непостоянный, необдуманно решающийся на всё’ (пск., тверск.) [СД 2:319]. Здесь предостережение от *коловертной* торговли: ‘торговли легкомысленной, непостоянной, со своевольным изменением цен в зависимости от настроения и желания торгующего’. См. тж. *коловерть*: *человек, слишком поспешный в делах и решениях, действующий необдуманно, очертя голову* (пск., тверск.) [СРНГ 14:150] и *ловкий, расторопный, проворный человек* (с отсылкой на СД) [СРНГ 14:150]. Тж. *коловертничать*: *быть шатким, нерешительным, изменчивым, непостоянным; коловертничанье* — *действие это* [СД 2:319]. Другие примеры: *Torgui somnoi Serdtzem da po sakonu* (63a.2), *Ja chotzu stoboi Torgowat kaby smoim bratom Ilij Ottzom* (63a.5-6); *Torgui somnoiu Kack Ini ludj wmesty torguit* (63a.9), *Ja chotzu stoboiu torgowat po Rusky* (63a.13), *Ja chotzu tebbe towar prodati kack mene samomu stoiet* (63a.15).

4. Формулы приветствия. *Na lichogo Clowecka sly dny. Dobromu Clowecku dobry dni* (18a.10-12) с паремическим параллелизмом. Основные этикетные формулы: *Dobroffto / Celom / Dobroi den / Dobroi wetzter / Dobranotz / Boh na pomotz / Spasy boch na salowani / Sdorrow*

parylsa / Sdorowo li tebe na dwory / Ase bog dal wso sdorowo / Blaho sto ti sdorow / Ase boch pomilowal (20a).

5. Инвективные, обвинительные формулы, в частности, с употреблением обценных: *solgal ty bledyne syn* (18a.20) и др. Оправдание оппонента: *Nasto ty mene laies da bestzestisch Ja tebe ne wino wat* (18a.21-22) и др.

6. Фрагменты беседы между русской девушкой и немецким учеником, «сердечным другом» (20.4). Выражение намерения тесно пообщаться с девушкой: *Ja chotzu moloditzu podorotzit* (20.9). Обращение к местному жителю с просьбой поспособствовать получить в своё распоряжение девушку: *Paren podu posaluy Dobuwaty mene Moloditze* (42a.1); *Koli [яство] ne prospelo Ino Ja Idu w torg gulat da choroschich moloditz smotrit* (27a.9-10). Обращение за помощью к «парню», который может исполнить функцию сводника. Слово *Swodnick* присутствует в “*Ein Rusch Boeck*” с переводом *huren führer* (14a.2) (‘добытчик девушек лёгкого поведения’) наряду с дисфемической номинацией *Bludnick (huren Jeger)* (14a.1) (‘охотник за девушками лёгкого поведения’). Ср. обценная номинация *hoer* (у Фенне: 42.2). Выражение намерения жениться (видимо, для соблазнения девушки, которая была против добрачных любовных отношений): *Ja chotzu senitisa* (20.6). Тж. выражение прямого намерения: *Chroscha moloditza podi somnoi Spaty* (43a.1) или прагматически более замаскированного: *podu somnoi gulat, poidem schtypati orechow* (43a.3-4). Ответ: *Chotzeschi na mene senitisa Ino stoboi poidu spat* (43a.5). Далее следует образец любовного признания: *Koli tebe wisu Ino toboi vteschajusa Imoge sertze* (43a.8). Разговор с «господарем» о его супруге и дочери: *Chroschali twoja hospodarna / Jest dobry* (44.3) *Lubit li nemetzckych molodtzow* (44.5) *Lubitli wino piti* (44.8) *Ili dengy Imaty* (44.9) *Jestli vney dotz chroscha / Pro mena budetli pod mena* (44.9-10).

7. Фрагменты торговых и дружеских диалогов: *Czto twoi promysl / Schubom promyschlaju* (A 57.10-11) *Ja sluzil dwa gody vnego da nitzego mene ne dal / Chudoj hospodar* (12, 14) / *Nechuli Jego* (15) / *Ja Jeho ne chwalim* (16). *Podi somnoi torgowat* (17) / *Nedosuck topere domow prisol da vstal nogy mene bolajut* (18) / *Chotzu otpotzinut* (21); 2. Уведомление о получении грамоты с предписанием: *mene gramata pryschla sto mene domow Jechat* (43.8) и ответ с пожеланием хорошего пути: *Miley moi nemtzin po gedi sbohom da siw sdorow* (A 43.10).

8. Суждения о характере местных жителей: *Wassy ludy ne prawedny* (43a.11), *Nasa semla bogata ludmi da ne solotom* (43a.14); *Ruscka semla nebohata srebrom da solotom tolicko ludmi* (36.15). Тж. насмешливо-хвастливая фраза: *Nasy ludy vmejut Krugom obgity wasu semlu* (43a.16).

9. Сочетания, отражающие конфликтные ситуации и наказанию за преступления: *Poschli po nedelschicka* (44a.23); *Ja tebe dowedu ludmi dobrimi* (44a.9). Оправдания: *Ne sapiraise Na prasno ty mene pocklepal* (44a.10-11), *ty mene bestzestil Jas ne winowat* (44a.12).

Требование возмещения за публично высказанное несправедливое обвинение: *Saplati moje beszesti* (44a.13), *saplati moy vbytock* (44a.14). 4. Просьбы к *недельщику* о применении меры и степени наказания: *Nedelschück v koway w selesa / Ili posadi Ich w turmu / ili porucka Jestli ponich day Ich na porucku / Day ich palatzu wrucky / powedi Ich na putcky / neskasutli po dobroj woli / Swesy im Rucki Y Nogi / Weli Ich knutom setzi / powesyti / Golowu ot setzi / Na kol posaditi / W wodu posaditi / Kasniti / Wypusty sturmy* (45). Вопрос уплаты штрафа: *Yschu mojeho bestzesty Sto Rublow da dwe griwny / Wtom tztto mene na prasno bestzestil* (45a.3-5). Тж. призывы принимать силовые меры: *Ponesyte Jeho suda da swesyte Jemu Rucky / prywedi Jeho saborodu* (45a.10-12). Жалобы молодого наемника на противоправные действия со стороны работодателя-«господаря»: *Hospodary pockolol mene torznem / Bey Jeho batogom / hospodary wtzeras mene grabil da vbil dengy wsal / Do prawi na nem bestzesty / Y dengy / Y vbytock* (45a.10 - 18).

Лексико-семантические особенности слов и сочетаний рассмотрены на примере лексических единиц из блоков, посвящённых обозначениям времени, состояний природы, погодных условий.

Анон. 11.13. **Saffse (завсе) facken (oft, immer) = часто, всегда**

Анон. 21.15. **Ja sawse chosu ko tebe (Я завсе хожу ко тебе) Ich ga facken tho dy.**

Два основных ЛСВ: ‘всегда’ и ‘часто’. СРЛЯ: *завсе* - ‘всегда’, а для варианта *зався* отмечается значение ‘всегда, постоянно’ [СРЛЯ 5: 160]. Лексема может быть истолкована как словосокращение от полного наречия *завсегда*: в СРЛЯ *завсегда* и *завседы* = *завсе* и *зався* [СРЛЯ, там же]. Форма *зався* может быть характерна для говоров южнорусской зоны, где часто происходил переход [а] < [е] в заударной позиции в соответствии с системными акающими тенденциями в южном диалектном ареале.

Н.-нем. лексема *facken* = **vāken (1)**, *vaken*, *fāken*, *vākene*, *vakene*, *mnd.*, Adv.: *nhd. oft, häufig* (Lü 467 (*vaken*): ‘часто’. Употребление наречия *завсе* в более полном фразовом контексте: *Ja sawse chosu ko tebe* не указывает на точный смысл: *Я всегда хожу к тебе* или *Я часто хожу к тебе*. У Даля: *завсе* < *завсегда*: ‘всегда, всяк час или день, всякий раз’ [СД 1:1407]. Полная характеристика этого ЛСВ: ‘часто, без устали, безперечь’ [СД: там же] с вариантными формами *завседы*, *завсяды* (тамб. и пенз.) и др. Семантические доминанты ‘всегда’ и ‘часто’ могли совпадать в представлении о течении времени и при характеристике периодичности действия. В сознании носителей старорусской нормы могла отражаться такая модель темпорального восприятия: *часто – интенсивно – постоянно – всегда* (с интегральным индикатором *завсе* < *завсегда*), что и обусловило вариантность данной лексемы.

В СРНГ фиксируются две основные акцентологические речевые формы: *завсе* и *завсё* (в соответствии с северорусским переходом [‘о’] > [‘е’]) с толкованием ‘всегда’, но без отражения семы ‘часто’ [СРНГ 9:342] [Fałowski 1996: 84].

Anon. 11.19. **posafftry (позавтре) Auer morgen (übermorgen) =** послезавтра. СРНГ: Слово встречается в пинежском и архангельском говорах: 1. ЛСВ *завтра*; 2. *послезавтра* [СРНГ 28:304] с указанием на северорусский узус.

Anon. 11a.10 **lonского leta (Vergangen Jar)**. 11a.12 **loni to bylo (Ahm vergangen Jar was dat)**.

Первое сочетание – темпоральное наречие; второе – предикатив с безличным компонентом с указанием на время действия. СРНГ: *лони / лани* – давно без временной отнесённости (арханг.; пск.). Помимо *лони = лонись* приведена группа фонетических вариантов с эпитезой: *лонисе, лонися, лонись/лоньис, ланись / ланьис: в прошлом году*. Отмечается региональный характер употребления лексемы (в говорах русского Севера) [СРНГ 17:126-127]: *с ланской поры – с прошлого года* (ср. *лонского лета*) [СРНГ 17:128. Также *лони – в прошлом году* [СРЛЯ 8:281]. *Лони* (вариант с эпитезой: *лонись*): *прошлого года, в прошедшем году; летось, зимусь, веснусь или осенесь* (эпитетический сибиллянт указывает на системность диалектной черты) [СД 2:687]. Форма *лони* без эпитезы могла быть более распространена в говорах северорусской группы.

1.4. Anon.: 11a.2. **posdo (поздо) – spade** Fenne: 33.11. **поздо – poszdo – spade**.

В наречии *поздо* ожидаемым было бы выпадение дентального звука: *по[зн]о*, поскольку он находится в слабой (неартикулируемой) позиции. Выпадение носового, вероятно, было связано с влиянием диалектной среды.

В СРНГ: формы *позды, поздо* приведены с указанием на распространённость среди говоров Твери, Новгорода, Костромы, Вологды [СРНГ 28:329]. Варианты прилагательного *поздой, поздый* – ‘поздний’, с указанием на распространённость в восточных русских говорах [СРНГ 28:330]: народная песня русского Севера: «*Не оставьте, мои голубушки, во время-то поздого вечеру*» [СРНГ, там же].

В русско-церковнославянской традиции встречается вариант *поздъ* – ‘поздно’ [СД 3:596], с указанием *вост.* встречаются лексемы *поздый* и *поздой* [СД 3:595].

Fenne: 33.9. **мари: тоуман – marÿ:tuman – daeck**

Сложная лексема: *мари (марь?)* и *туман*. Предполагается форму мн. ч. *мары*: ‘туман, мгла, марь’ [СРЛЯ 9:32]. В речевом варианте мог фиксироваться более передний финальный *-и: мари*, что указывает на допустимость аппозитивных сочетаний. Близкая номинация *мар*: ‘солнечный зной; сухая мгла; сон’, *магрит* «(солнце) печет, особенно при туманном, душном воздухе», *марь* ж. ‘туман; возрастающий зной’, *магрный* ‘знойный, теплый, мутный’, сюда же *могра* ‘темнота, туман’ [ЭСРЯ 2:571], где отмечаются семы, связанные с сухим мглистым воздухом вкупе с жаркой, знойной погодой. Тж. близкая семантическая форма: *мара* – ‘призрак; грезы; наваждение’, диал. ‘домовой’, укр. *марат* ‘призрак, привидение’, русск.-цслав. *мара* [ЭСРЯ 2:571]. В ходе древнерусской семантической деривации отражается

характеристика сухого, знойного тумана, а признаковая черта ‘тумана’ повлияла на образование семантики ‘видения, наваждения’. С другой стороны, здесь может отражаться значение особого (северорусского?) природного явления: *марь* – ‘переливающийся, струящийся слой тёплого воздуха, наблюдаемого в тёплую погоду’ [СРНГ 17:379], а также похожая лексико-семантическая форма: ‘испарения от земли летом в жару’. Однако наиболее близким к семантике сочетания *мари туман* является зафиксированное в СРНГ обозначение полосы призрачного тумана, дымки, которая считается хорошей приметой, предвещающей наступление тёплого дня [СРНГ, там же]. Н.-нем.: **daeck ~ dach (1)**, dag, mnd., М.: nhd. Tag, Tageslicht, Licht, Helligkeit (Lü 72a (dach), с семантикой ‘день, дневной свет, ясность, яркость’, что противоречит отражённым в русской лексикографии семантическим чертам, характерным для этой номинации, но может позволять выявить новые элементы значения русской лексемы: *марь* – ‘свет, ясный день’ (?).

1.6. Anon.: 12.3. **Duga (дуга) Regenbogen (der Regenbogen) = радуга.** Fenne: 31.15. **Дуга – duga – Regenßbage**

Номинация *дуга* = радуга. Из других славянских языков: укр. *дугаг*, также “радуга”, болг. *дъгаг* “радуга” [ЭСРЯ 1:549-550]. Номинация *дуга* могла распространяться в южнорусской зоне, о чём свидетельствует лексема в совр. укр. Но в СД: *дуга* – ‘радуга’ (северорусск., стар.) [СД 3:1242]. Также *дуга* – ‘радуга’ [СРНГ 8:245] (арханг., вятск., смоленск.).

Anon.: 12.17. **Pogodia (погодия) Wedder (das Wetter) = погода.**

Fenne: 31.22. **тепло погодия – teplo pogodia – warmweder.**

Фиксируется [и] перед [j`а]. В данном случае [и] представляет собой напряжённый редуцированный звук, возникавший перед [j`а] в церковнославянизмах. Сочетание *ia* (*ya*) в примерах: *porodya*, *Swinia*, *pogodia* (црксл. *погодие*, *погодье* – ‘удобное время, пора’ [СД 3:396]. Йотированная форма передачи *a* в безударной позиции в конце слова (*Pogodia*) является региональной чертой определённого этапа развития русского языка. См. *погодия* – ‘попутный ветер’ [СРНГ 27:300], а также варианты с [и] более переднего ряда и напряжённым [j]: *погодье*, *погодие* – ‘состояние атмосферы, погода’. Именно характеристика ‘солнечная, ясная погода, ведро’ ближе к семантической доминанте, отражённой в сочетании *тепло погодия*.

Любопытно развитие омонимических связей в следующем варианте: *погодье* – ‘удобное время, пора’; ‘надобность, нужда, потребность’ (СРНГ 27, 301). См. *погодье (-ие)*: ‘благоприятная погода’; ‘благоприятный (попутный) ветер’ (СРЛЯ 15, 191). Исходные значения отражают деривацию, которая происходила на энантиосемической основе, в ходе которой смыслообразовательный вектор смещался в сторону темпоральной и абстрактно-качественной характеристики: ‘ветер’; ‘непогода, ненастье, буря’; ‘погода’; ‘время, период,

пора`; `случай, обстоятельство`; `соответствие, согласование`; `угождение` (СРЛЯ 15, 191).

Анон.: 12.24. **Wialitza (виалица) Dow (das Tau) = вьялица, вьюга, метель/роса?** Fenne: 33.8. **Роза – rosa – Dow.**

СД: *вьялица* > *вьять* (*віять*), в которой перечислены ЛФВ *вьялица, вьялица, вьялица, вьюга = метель, мятель, метелица, буран* [СД 2:806]. СРНГ: *вьялица = вьяга* ('вьюга, метель') (пск.) [СРНГ 6, 71]. По-видимому, в этом слове происходила перегласовка *-ja-/-ju-*, где произносительный вариант с *-a* был характерен для ряда среднерусских говоров. См. церковнославянизмы *вьялица* и *виялица* с напряжённым [*u*] с примерами употребления в письменных источниках XII столетия [СДРЯ 1:267]. Тж. в СОРЯ: *вьялица* – 'метель' со ссылкой на Анон. [СОРЯ 3:314].

Не отражается специфический ЛСВ *роса*, зафиксированный в н.-нем. переводе (*Dow*). Очевидно, составители перепутали номинации [Fałowsky 1996:85]. Немецкая переводная лексема толкуется как *an der Erdoberfläche sich tropfenförmig niederschlagende Feuchtigkeit der Nachtluft* ('каплеобразные отложения влаги из ночного воздуха на поверхности').

Анон.: 12а.3. **prosov (просов) – kleine pfütze (eine kleine Pfütze) = просов, лужа, лужица.**

Слово встречается в отдельных письменных памятниках XVII столетия в значении: *яма на проезжей дороге, образовавшаяся от таяния подснежного льда* (Fałowsky 1996:85). СД: 'зажера, зажерина по зимнему пути, в распутицу, где нога проступает' [СД 3:511]. В СРНГ: 'Яма, провал, глубокий след и т.д.' 'на дороге (чаще весной при таянии снега)' (пск.) [СРНГ 32:236]. Это слово могло представлять собой специфический регионализм, который употреблялся преимущественно в среднерусских говорах, а н.-нем. перевод *маленькая лужа* не соответствует сущности реалии ('глубокая яма на проезжей дороге' вряд ли может считаться «маленькой лужей»). В число ключевых смысловых признаков ЛСВ *просов*: 'яма посреди дороги', 'образовавшаяся от таяния льда'.

Анон.: 12а.6. **wecher (вехер, вехерь) Püing weter = вихрь.**

Fenne: 32.14. **вигорь – vigor – ilinge od[er] dwerwindt.**

Номинация *вехер, вехерь* – 'вихрь', зафиксирована со вторым полногласием, которое было характерно для большого числа говоров среднерусской диалектной зоны, а также для говоров севернокривичского ареала (см. 39). СРЛЯ: *вихрь (вехорь)* и *вихрь (вихорь)* [СРЛЯ 2:194] (Fałowsky 1996: 86). СД: *вихорь, вихрь* [СД 1:511]. СОРЯ: *вихор* со ссылкой на Фенне [СОРЯ 2: 217]. В архангельском и олонцком говорах встречаются лексические варианты *вехарь, вехорь* в значении 'сильный ветер, вихрь' [СРНГ 4:208]. Форма со вторым полногласием в лексикографических источниках не фиксируется, равно как и форма с

корневым смычным [г], а не с палатальным [х]. Корневой звук в *вигорь* может носить фрикативный (южнорусский) характер.

Н.-нем. лексическая форма **ilinge (2)**, *ilinge*, mnd., F.: nhd. Eile, Ungestüm, plötzlich auftretender Wirbelsturm, Gewitterbö, Ansturm, Anprall (Lü 156b (*ilinge*)) с актуализацией ‘спешки, порыва’, внезапно налетающего вихревого сильного ветра, шторма.

Fenne: 32.17. **стокъ ветръ – stok wetr – osten windtt.**

Номинативное сочетание *сток ветр* = *восточный ветер* [Мжельская 2003:168] характеризуется сокращённой формой прилагательного и отпадением начального компонента *во-*. Вариант с выпадением начального слога мог встречаться параллельно с формой, в которой наблюдалась афереза гласного *о*: *всток* [СД 1:614] с пометой *стар.* Слияние начальных согласных приводило к отпадению первого, что и повлекло образование формы *сток*, которая часто фиксируется в говорах северорусского ареала, в частности, в архангельском и олонецком говорах [СРНГ 41:192]. Вариант *сток* мог переключаться в койне СЗР и закрепиться в виде субстантивированного прилагательного для обозначения, например, направления ветра (в *стокъ ветерь* атрибутив, видимо, является приложением). Фиксируется самостоятельная лексема *сток* в значении ‘восточного ветра’, где она квалифицируется как архангелизм [СРНГ: там же] с примером: «*Сток бывает холодный, морозит здорово зимой, когда сток дует*», что указывает на лексический субвариант ‘холодный восточный ветер, распространённый на северорусских территориях’.

В более поздней традиции (в профессиональной речи моряков) встречалось определение *холодный сток* в значении ‘северо-восток’ [СРНГ: там же]. Лексема *сток* или *сток ветер* была распространена в северорусской традиции и часто являлась контекстуальным синонимом *холодного ветра*.

Fenne: 32.20. **мокро ветръ – mokro wetr – sudwesten windtt.**

Здесь качественная характеристика ветра превалирует над семантикой направления. Наименование *мокро ветр* характеризовало юго-западный ветер [Мжельская 2003:168] как ‘ветер, приносящий влажную, дождливую погоду, осадки и циклон’. Аналогичная ситуация наблюдается при определении холодного ветра (*сток, восточный ветер*), когда в роли адъективного компонента выступает качественная характеристика. См. сочетание *метеля мокрая* – ‘ветер с мокрым снегом’ [СРНГ 18:213]. Однако в СРНГ не отражена номинация *мокрый ветер* (*мокро ветр, *мокроветр*) для обозначения ветра, дующего с юго-запада и приносящего влажную погоду с проливными дождями. В сочетании *мокро ветр* может отражаться не краткая форма прилагательного, а генитивная форма существительного *мокра* в значении ‘грязь, сырость’. Эта субстантивная форма схожа с существительными из схожей лексико-семантической группы, образованными по продуктивной модели суффиксации:

мокрядь, мокрень, мокристь, мокресть и др. с общей семантикой ‘мокрой, влажной погоды, мокрого снега’ [СРНГ 18:206-208].

Анон.: 13.7. **solntze saleslo (солнце залезло) die sonne ist vntergangen (Die Sonne ist untereghen) = солнце зашло, закат.**

Fenne: 31.11. **солньцо – solnszo – sunne.**

Глагольная лексема *залезть* отражена в контекстуально связанном значении ‘закатиться, зйти’, что привязывает её в лексическом контексте к существительному *солнце*. См. *залезть*: ‘закатиться’, где можно предположить региональный характер употребления. Исходная семантика глагольной формы *залезть/залезать* предполагает доминирующую сему ‘восхождения’, на что указывают семантические признаки ‘влезать, забираться’ [СД 1:1486]. В этом контексте может отражаться представление: ‘залезть за горизонт’.

В смоленских говорах используется глагольная форма *залезть* в значении ‘закатываться, садиться (о солнце)’ [СРНГ 10:199]. Встречается лексико-семантическая форма *залезть на избу* в значении ‘зйти в дом, в избу’ (например, в пермских говорах) [СРНГ: там же], что является мотивирующим фактором для смыслового перехода *солнце зашло – солнце залезло*.

У Фенне встречается форма *солнцо* с окончанием *-о*, которая, вероятно, является древнерусской простонародной формой. Этот лексический вариант не отражается в исторических словарях русского языка.

Fenne: 32.7. **солнца пошло залес – solnsa poshlo sales – de sune ist tho gade gegahn.**

В вариантных отражениях номинации *солнца* (32.4.-32.7.) фиксируется нехарактерное окончание *-а*, которое является позиционно обусловленным вариантом *-о* (из-за нахождения в безударной позиции фонологическая характеристика [о] ослаблялась). Такого рода отражение связано с ослаблением [е] в позиции заударного слога в конце слова, что сближает этот вариант номинации с лексической формой из южнорусской региональной зоны. Ср., например, в совр. белор. *сонца*.

Анон.: 13.8. **Lunno na dwory (лунно на дворы) lüchte vp dem hoff (es ist licht).** 13.9. **Swetlo na dwory (светло на дворе).**

Наречие *лунно* употреблено в безличной конструкции с характеристикой состояния, времени. Можно воспринять наречие *лунно* в качестве контекстуального синонима наречия *светло*, на что также указывает семантика н.-нем. перевода. В различных устойчивых сочетаниях фигурирует компонент *лунный*: *лунный свет, лунный месяц* [Fałowski 1996:86]. В СРНГ фигурирует обозначение *лунно* в значении ‘светло’ [СРНГ 17:196]. Наречию *лунно* иногда свойственно безличное значение в составе сложной предикативной структуры.

Встречается пример: *станет лунно* (в значении ‘станет ночью светло’) с примечанием об узусе в орловском говоре.

В СД: *лунный* – ‘к луне относящийся’ [СД 2:707], что косвенно может указывать на значение лунного света с семантическим переходом к более отвлечённому обозначению ночного света. На внутреннее противопоставление ночного (лунного) освещения и дневного (солнечного) света указывает фиксация синонимичной конструкции *swetlo na dwory* (*светло на дворе*), для которых в н.-нем. части приводится тот же перевод, что свидетельствует об отражении обоих типов освещения одной и той же немецкой безличной конструкцией: *luchte vr dem hoff*.

Fenne: 32.10.-11. **Молод месяц – molod mesaetz – de nie mahne; ветох месяц – vetoch mesetz – de olde mahne.**

Атрибутивное обозначение убывающей фазы луны: *ветох месяц*. Семантическая характеристика прилагательного *ветхий* включает в себя признаки ‘древности’, ‘исконности’, обусловленные церковнославянским речевым канонem: ‘исконный, доконный, древний, давний, давнишний, старый’ [СД 1:460]. Краткая форма прилагательного чаще всего употреблялась в устойчивой номинации, компоненты которой характеризовались лексической связанностью: *ветхий*, *ветох*, и даже *ветух месяц* в значении ‘луна на убыли, на ущербе, особенно к концу недели, последняя четверть луны’. К этому сочетанию часто приводится коррелят *новец: на новце* (с темпоральной семантикой), *молодая луна, новолуние* [СД 1:460-461]. Часто использовались устойчивые сочетания *месяц ветх, на ветх, на ветху* [СД: там же]. Здесь наблюдается теснейшая лексико-контекстуальная взаимообусловленность, когда краткая форма *ветох/ветх* встречалась в составе фразеологического единства, хотя в древнерусской традиции краткая форма этого прилагательного употреблялась более регулярно в отношении других реалий. Полная форма *ветхий* приведена в СРЛЯ: *ветхий месяц* – ‘когда луна на ущербе’ [СРЛЯ 2:126].

ЭСРЯ фиксирует значение убывающей луны для краткой формы прилагательного: *ветхий ветхий* также *ветох* “последняя четверть лунного цикла”. См. также в региональной традиции субстантив *ветох, ветух* – ‘луна, месяц’ с указанием на смоленские говоры (пример: *ветох взошёл*) [СРНГ 4:197]. Эта форма, вероятно, субстантивированная в повседневной речевой практике, отражена в значении ‘последняя фаза луны, луна на ущербе’ (с указанием на смол., новг. узус и на распространённость в северорусских говорах) [СРНГ: там же]. См. также ЛФВ *ветых* с примером: *молодик – месяц нараживается, ветых – сраживается* (с указанием на псковизм) [СРНГ 4: 206], а также ЛВФ *ветух/ветых* в значении ‘полнолуние’ [СРНГ 4:205].

Anon.: 13.11. **widisch Rannuju swesdu – siestu den morgen sterne.**

Под устойчивым номинативным сочетанием *ранняя звезда* чаще всего предполагается мифопоэтическое обозначение Венеры, обладающее фольклорными и мистическими коннотациями. Сочетание *ранняя звезда* выступает в качестве аналога устойчивого сочетания *утренняя звезда*, которое встречается в др.-русск. письменных источниках [СДРЯ 3: 1317] [Fałowsky 1996:86]. Также часто встречается обозначение *дъньница* (*деньница*, *деница*): ‘утренняя звезда, фосфорос, lucifer’ [СДРЯ 1:771]. В лексикографических источниках сочетание *ранняя звезда* в схожем значении не встречается, однако синонимичная вариативность, в принципе, допускается. С другой стороны, можно предположить отражение семантики первой звезды, однако наиболее вероятное толкование связано с Венерой.

Fenne: 31.9. **оболока – oboloka – wolken.**

Слово *оболоко* встречается у Даля с пометой об устаревшем узусе и с указанием на восточнорусское употребление этой лексемы [СД 2:1568]. Фиксируется древнерусская речевая форма *оболоко*, которая могла быть противопоставлена церковнославянскому варианту *облако*, закрепившемуся в современном литературном языке. Встречается глагольная форма *оболокать*, которая может считаться исходной [СД: там же]; зафиксированы слова с процессуальным значением *оболоканье*, *оболоченье*. Разговорник Фенне фиксирует полногласную форму, распространённую в среднерусском узусе.

В СРЛЯ фигурирует номинация neutrum *оболоко* и форма masculinum *оболокъ* [СРЛЯ 12:121]. В другой статье встречается глагол *оболакивати* с семантикой: ‘обтягивать чем-либо, покрывать чем-либо сверху’ [СРЛЯ 12:120].

Fenne: 31.21. **поморочливо – pomorotzliuo – dunker weder.**

Наречие *поморочливо* обозначает совокупность признаков, отражающих состояние атмосферы, время суток (сумеречное предвечернее состояние), и включает в себя семантику погодных условий. В СРНГ встречается форма прилагательного *поморочный* в значении ‘пасмурный, ненастный’ [СРНГ 29:225], что соответствует семантическому признаку ‘тёмная погода’, отражённому в н.-нем. переводном сочетании. СД: лексема *поморок* > *поморочливо*; *поморочливый*: ‘пасмурная, мрачная, сырая погода’ [СД 3:709] (пск., тверск.). Лексема могла функционировать в составе безличной предикативной конструкции.

Другим вариантом именной лексемы, которая могла быть исходной для наречия, является номинация ж.р. *поморочь*. СРНГ: *поморочь* – ‘мрак, темень от набежавших туч’ (пск.) [СРНГ: там же]. В таком случае, фиксируется региональное наименование предгрозового состояния, когда густые и плотные тучи полностью покрывают небо. См. лексема-деминутив *поморочинка* в значении ‘облачко, тучка’ [СРНГ: там же]. СРЛЯ: *поморочливо* – ‘пасмурно’ со ссылкой на Фенне [СРЛЯ 17:30].

Fenne: 33.2. Молония – *molonia* – *Blixen*.

Эта лексическая форма приведена с полногласной корневой структурой: -оло-. В большом числе среднерусских говоров встречается форма *молонья* с разноместным ударением [СРНГ 18:237]. (костромск., вятск., владимирск., печорск., арханг.) со стяжённым корневым [j], в то время как в форме, отражённой в разговорнике, фиксируется напряжённый [i]. Эта черта характерна для русско-церковнославянского канона (ср. *погодия*, *свиния*). Этимологическая характеристика отражает варианты, распространённые в южнорусской диалектной зоне: народн. *молоньяг*, *магланьяг*, *магланка*; укр. *молонняг*, блр. *моглоння* [ЭСРЯ 2:643]. Тж. см. *молонья* (*маланья*) – ‘молния’ с примером: «*Архангелы излеют молония свои пред ним*» [СРЛЯ 9:252], где наблюдается форма мн. ч. *молония* (с напряжённым [и]), которая могла отражаться в разговорнике. Явление молнии могло восприниматься народным сознанием как множественное, когда во время грозы на небе возникали несколько молний, что и привело к актуализации формы *pluralis* в речи. Н.-нем. переводная лексема представляет собой орфографический вариант номинации *blixem* и выражает аналогичное значение: **blixem**, blixeme, blixemene, blixen, blexen, blikse, bliksem, blitsen, blisme, [...] 1, sw. M. (n), Blitz (Lü 57b (blixeme)).

Литература

- Мжельская О. С. 2003 – *Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI – XVII вв.* Санкт-Петербург. Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета.
- СД 1998 – *Словарь Даля (СД) 1998. Толковый словарь живого великорусского языка под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ.* Т. 1 — 4. Москва. Цитадель. СДРЯ 1893-1912 – *Словарь древнерусского языка. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам под редакцией И. И. Срезневского.* Т. I-III. Санкт-Петербург.
- СОРЯ с 2003 – *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XI – XVII вв.* Под редакцией О. С. Мжельской, Е. В. Генераловой, О. В. Васильевой. Санкт-Петербург. Наука.
- СРЛЯ с 1975 – *Словарь русского литературного языка.* Москва. Наука.
- СРНГ с 1965 – *Словарь русских народных говоров.* Москва-Ленинград.
- ЭСРЯ 1986-1987 – *Этимологический словарь русского языка.* Изд. 2. Т. I-IV. Москва.
- Fałowski A. 1996 – „*Ein Rusch Bоеck...*”, *rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmowki z XVI wieku. Analiza językowa.* Краков. Drukrol.
- Lübben A. 1980 – *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch.* Darmstadt. Digitalisiert von Köbler, G. *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*, 3. A. 2014.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТУРИЗМ КАК ФАКТОР ЧИТАТЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ

О.Л. Филина

*Балтийская международная академия, Латвия
oksanafilina@gmail.com*

В статье рассматривается проектная стратегия изучения литературы, способствующая читательскому развитию студентов Балтийской международной академии. Автор анализирует дидактические проблемы преподавания литературы современным студентам-нефилологам и предлагает актуальные способы их решения в реальной педагогической практике.

Ключевые слова: педагогическая стратегия, модель чтения, читатель, читательская мотивация, проект, литературный туризм

Чтение для современных студентов, увлеченных инновационными технологиями, становится практически архаичным видом деятельности. Сегодня отнюдь не художественное слово, а разнообразные формы видеокультуры оказываются активными факторами социализации ребенка и подростка. «Электронными воспитателями» становятся телевидение, кино, интернет, компьютерные игры. Образный видеоряд задает определенные правила и модели поведения, в том числе, чтения. Именно это свойство современного читателя метафорически выразил С. Минаев в романе «Видеоты»: «Иногда кажется, что мои глаза существуют отдельно от тела, будто они всё время снимают окружающий мир на видео, лишь изредка связываясь с мозгом».

Другими словами, в настоящее время формируется модель чтения, которая существенно отличается от традиционной. Современный читатель воспринимает книгу не как феномен культуры, и даже не как учебник жизни, а один из источников информации и одно из средств массовой коммуникации. Это подтверждают результаты опросов, проводимых среди школьников: на первом месте в их читательских интересах стоят энциклопедии, далее следуют детективы и «ужастики», книги о детях и школе читает 1% опрошенных школьников, классическую литературу они читают для того, чтобы выполнить домашнее задание. По меткому замечанию В.П. Чудиновой: «Школьники не осваивают язык классического наследия, но хорошо осваивают разнообразные клише и формальный подход к классической литературе» [Чудинова 1999:27].

Эта тенденция подтверждается и в студенческой аудитории. Небольшое исследование читательских интересов, проведенное среди студентов 1-3-х курсов Балтийской меж-

дународной академии и Латвийского Университета в мае 2014 года, показывает, что у потенциальных читателей абсолютно отсутствует интерес к классической литературе, прецедентные тексты, изучаемые в средней школе, совершенно незначимы для них, из современных произведений читаются только тексты так называемой массовой литературы (П. Коэльо, Д. Браун, Дж. Мартин и т.п.). Классические тексты, «простудированные» или просмотренные в пересказах, ими давно и прочно забыты. И самое главное, они искренне не понимают смысла художественного чтения. Необходимость привести на лекции пример, сравнив современного модного писателя с классиком, часто ставит преподавателя в тупик. Рассуждения на тему «Х. Мураками не оригинален, это современный японский Хемингуэй», совершенно ничего не значат для слушателей-студентов, потому что они впервые слышат фамилию американского классика XX века. Таких примеров можно привести немало, и, к сожалению, ситуация с каждым годом не улучшается.

Получается, что сегодня мы наблюдаем разрыв между поколениями: меняется существовавшая долгое время традиция освоения литературной культуры. Утверждается «новая модель» чтения – точнее, «новые модели», и какими окажутся эти модели пока не вполне ясно. Однако некоторые качества «нового читателя» очевидны уже сейчас:

- 1) читатель «нового типа» с его клиповым сознанием и мозаичным восприятием мира стремится прочитать любой текст быстро, не вникая в его содержание, довольствуясь только поверхностными смыслами;
- 2) преобладает функциональная и развлекательная мотивация чтения;
- 3) предпочтение отдается печатной продукции с ярким и выразительным видеорядом.

Столь же очевидно, что приоритеты современного читателя школьника и студента на стороне электронного, а не бумажного носителя текста. Тем более что литература все теснее сливается с масс-медиа. На базе литературного произведения создаются компьютерные игры, фильмы, комиксы, в которых используются повествовательные линии, сюжетные ходы, образы текста-основы. Например, арт-проект «Метро 2034» Д. Глуховского, созданный при активном использовании ресурсов сети: блог-сервиса LiveJournal и сайта «Одноклассники.ру».

Не вызывает сомнения, что подобные проекты, в контексте которых литературный текст как бы расширяет свои границы, включает в свое содержание дополнительные смыслы, привлекают «нового читателя» гораздо больше, чем традиционный «бумажный» вариант книги. Получается, что форма трансляции перестает быть важной, а на первый план выдвигается проблема содержания: какие именно тексты будут представлять потенциальному читателю различные медиа.

Таким образом, проектирование – это вид деятельности, более понятный современному студенту, чем традиционное чтение. Именно поэтому автором статьи был разработан учебный курс, основанный на стратегии проектирования, – «Литературный туризм». Его основная цель – создание условий для развития у студентов проективной компетенции, которая формируется в процессе анализа литературных произведений в туристическом дискурсе. Курс разработан как тренинг, участники которого создают собственные туристические проекты на основе литературных текстов.

Следует заметить, что литературный туризм – один из актуальных сегодня видов культурного туризма, сущность которого, при всей множественности определений, может быть очень точно выражена следующим образом: путешествие с целью удовлетворения культурных потребностей.

Какое же место занимают культурные потребности в ценностном мире современного человека? Какие возможности удовлетворения своих культурных потребностей предоставляет человеку современный социум?

В поисках ответа на эти вопросы обратим внимание на концепцию Ю.Е. Зияждиновой, которая выделяет «ноосферу культурных потребностей» как особый социокультурный феномен и что, особенно важно для нас, актуализацию туристских потребностей [Зияждинова 2007:22]. Традиционно выделяется несколько направлений культурных потребностей – это художественно-эстетические, познавательные, зрелищные, рекреационные. Потребности, удовлетворение которых связано с чтением, в равной степени включаются в каждое из этих направлений.

Вместе с тем, литература и чтение как вид деятельности занимают в современной культуре довольно противоречивое положение. С одной стороны, литература, как это было всегда, является одним из видов искусства. Именно литература, как известно, предоставляет читателю уникальную возможность обогатить свою память бесценным эмоциональным духовным опытом. Но эту уникальную возможность литература открывает только перед творческим читателем. Современный же читатель-студент, как уже отмечалось, художественной литературой практически не интересуется. В американской психологии появился даже своеобразный термин «ридингфобия», которым преподаватель и психолог М.К. Джексон в книге «Невосприимчивый читатель» назвал это отношение современного молодого читателя к произведению художественной литературы.

Этот «невосприимчивый читатель» живет в контексте массовой культуры и весьма далек от литературы и чтения. Вместе с тем, этот же человек, как правило, активный путешественник, если и не в реальном пространстве, то в виртуальном.

Таким образом, целевую аудиторию литературного туризма можно условно разделить на две неравные части: «творческие читатели» и «невосприимчивые читатели».

К творческим читателям мы относим тех потенциальных туристов, которые интересуются литературным процессом и историей литературы, стремятся поближе познакомиться с авторами художественных произведений. Именно эта часть целевой аудитории воспринимает литературный туризм как возможность удовлетворения своих культурных потребностей. К «невосприимчивым читателям» мы относим тех потенциальных туристов, которые далеки от художественной литературы, однако вынуждены повседневно осваивать бытовую и профессиональную информацию, что невозможно без так называемого функционального, информационного чтения.

Активное проникновение компьютерных технологий и Интернета во все сферы нашей жизни все теснее объединяет литературу с масс-медиа. Можно предположить, что человек, активно пользующийся интернет-технологиями, общающийся в социальных сетях, читающий авторские блоги, при «встрече» (даже неожиданной) с литературным произведением или его автором, заинтересуется литературными фактами, тем самым встав на путь развития своих культурных потребностей.

Другими словами, современный человек (и читающий и нечитающий), привыкший к «массовому потреблению» не только материальных, но и духовных продуктов, став туристом, получает возможность включиться в процесс активного освоения культурного наследия, расширить личностное культурное пространство и тем самым выйти за пределы массовой культуры. То есть литературный туризм становится основой культурного развития человека, а именно – включает его в процессы сохранения и развития своей культурной идентичности и культурной открытости.

Виды и формы литературного туризма непосредственным образом связаны с формами существования литературного произведения и событиями литературного процесса. Турист, которого мы охарактеризовали как «восприимчивый читатель», традиционно интересуется объектами, связанными с жизнью и творчеством писателя или «жизнью» литературного произведения. Подобные традиционные маршруты разработаны во многих странах и адресованы они любителям литературы. Например, «Лондон героев Диккенса», «Петербург Достоевского», «Путешествие с доктором Живаго» и т.п.

Турист, которого мы охарактеризовали как «невосприимчивый читатель», скорее всего, не обратит внимания на такие маршруты, однако может заинтересоваться местами, связанными с героями популярных фильмов или телепередач, с различными тайнами и загадками, в том числе историческими, о которых пишут в Интернете, с разного рода экстремальными фактами и т.п. Для такого туриста необходимо придумывать и

разрабатывать нетрадиционные маршруты, которые, однако, связаны с литературой и призваны включить их участника в процесс взаимодействия с культурным пространством и интериоризации культурных ценностей.

Не следует забывать также об актуальном в последние годы виде туризма – виртуальном. Именно виртуальное пространство предоставляет человеку возможность реализовать культурные потребности без перемещения в реальном пространстве и времени.

Учитывая вышесказанное, можно составить условную схему, включающую основные виды литературного туризма:

1. Литературный музей.
2. Литературная экскурсия.
3. Культурно-значимое виртуальное туристическое пространство.
4. Инновационные формы путешествий.

В соответствии с этим, студенты создают самостоятельные туристические проекты, включающие проектирование литературного музея, создание литературной экскурсии, разработка виртуального туристического пространства.

Остановимся на такой инновационной стратегии, как создание виртуального культурно-значимого пространства. С одной стороны, эта стратегия опирается на традиционные формы литературного туризма. С другой, предполагает разработку креативных форм, реализовать которые в реальном пространстве затруднительно или невозможно: литературная гостиная, читательский клуб или форум, литературная игра и т.п. К созданию виртуальных туристических маршрутов студенты обязательно привлекают свои компетенции в сфере компьютерных технологий. Что касается концепции и сбора материала, эти процессы происходят по традиционной схеме: идея разрабатывается в форме сценария, собирается материал (тексты, иллюстрации, видеоряд и т.д.) и затем «складывается» макет проекта.

Как показывает практика, эффективной формой анализа литературного произведения оказывается актуальный в современной социокультурной практике метод культурного (в нашем случае, литературного) картирования туристического пространства. Функцию карты в этом случае выполняет литературный факт: произведение, жизнь и творчество писателя, событие литературной жизни, литературный жанр и т.п. Как справедливо отмечает А.В. Фирсова, литературное картирование предполагает фиксацию трех способов взаимодействия географического и литературного пространства произведения: конкретного, символического и прагматического [Фирсова 2012].

В первом случае фиксируются биографические данные в их проекции на реальный ландшафт; художественный мир произведения сравнивается с географическим пространством, где разворачивается сюжет, другими словами, выявляются литературные места.

Существенную помощь в процессе конкретного картирования пространства может оказать литературное краеведение [см., например, Чмыхало 1990].

Во втором случае исследуется «культурный ландшафт», который трактуется как организованная система, включающая в себя существующие в данной местности явления культуры и природные условия, обладает территориальной неоднородностью и позволяет связать воедино территорию, природу и культуру [Веденин 1997].

Культурный компонент, как замечает Р.Ф. Туровский, может быть не выражен непосредственно на местности и составлять его невидимое содержание. Он требует специального изучения сознания людей, наследия духовной, традиционной, художественной культуры [Туровский 1998:19-20]. Литературный факт, если его рассматривать в контексте определенного географического пространства становится существенным компонентом культурного ландшафта.

Под прагматикой художественной литературы понимается фиксация и изучение тех ситуаций, когда творчество писателя побуждает человека совершать реальное путешествие по литературным местам. Прагматика литературного текста реализуется в разработке туристических маршрутов «по литературным местам». Однако сегодня в это понятие включается также и строительство туристических объектов, возможно, стилизованных, издание соответствующей литературы, производство сувенирной продукции. Прагматический анализ литературного текста вскрывает его «рациональное содержание», формы «воздействия его на жизненное поведение» [Фирсова 2012].

Объекты литературного картирования пространства выбираются в соответствии с концепцией разрабатываемого учебного проекта. Например, А.В. Фирсова, опираясь на исследования Н.П. Анциферова, Г.М. Лаппо, В.Н. Топорова, В.Г. Щукина [Фирсова 2012] предлагает такой перечень потенциальных литературных мест:

- 1) адрес писателя (дом, квартира, музей);
- 2) маршрут путешествий писателя;
- 3) «адрес» литературного героя;
- 4) «маршрут» литературного героя;
- 5) топография литературного города и микрогеография города-прототипа;
- 6) панорамный обзор – место, которое создает условия для наблюдения, способствует восприятию образа места;
- 7) «locus poesiae» – место «разыгрывания» литературного сюжета осмысления культурного ландшафта;
- 8) «литературное гнездо» – места социально-культурной жизни литературного сообщества: редакции литературных издательств, литературные кафе (салоны), дом писателя и др.;

9) прагматика литературного места (жизнь текста в социально-культурной практике: текст рекламы, текст путеводителя, текст литературной экскурсии; внетекстовые реалии: скульптура, памятник, туристская инфраструктура).

В процессе тренинга студенты разрабатывают в группах, парах, а также индивидуально самостоятельные туристические проекты. Разработка каждого проекта выстраивается в несколько этапов:

- 1) разработка идеи, концепции, задач проекта,
- 2) литературное картирование пространства,
- 3) изучение выявленных туристических объектов, сбор и подготовка материалов,
- 4) составление композиции проекта (план экскурсии, структура музея, композиция виртуального пространства...),
- 5) описание объектов проекта и форм коммуникации с «потенциальными» туристами.

Следует подчеркнуть, что по окончании тренинга студенты обогащают свой читательский опыт на 5-7 литературных произведений. Кроме того, они меняют свое отношение к литературе: текст, созданный писателем, становится для них не просто неким архаическим объектом культуры, а материалом для практического использования в профессиональной практике. В результате читательское развитие студентов становится динамичным, у них начинают формироваться читательские потребности и интерес к литературе.

Литература

- Веденин Ю.А. 1997 – *Очерки по географии искусства*. Москва: Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия. С. 196-214.
- Зиятдинова Ю. Е. 2007 – Роль бренда в развитии культуры [Текст]. *Вопросы культурологии*. № 1. С. 21-24.
- Туровский Р.Ф. 1998 – *Культурные ландшафты России*. Москва: Ин-т наследия. С. 19-20.
- Фирсова А.В. 2012 – Литературный туризм как продукт культурного картирования. *Вестник удмуртского университета*. Вып. 2. Режим доступа: http://vestnik.udsu.ru/2012/2012-062/vuu_12_062_19.pdf
- Чмыхало Б.А. 1990 – *Литературный регионализм: Учебное пособие по спецкурсу*. Красноярск: КГПИ. 80 с.
- Чудинова В.П. 1999 – Чтение детей и подростков в России на рубеже веков: смена «модели чтения». *Социологические исследования*. №8. С.25-30.
- Щукин В.Г. 2007 – *Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей*. Москва: РОССМЭН. С. 364-370.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И.Э. Федотова

Белорусский государственный экономический университет, Беларусь

А.В. Санникова

Минский государственный медицинский университет, Беларусь

kbrl@bseu.by

В данной статье речь идет о решении в Республике Беларусь проблемы качества предоставляемых иностранным гражданам образовательных услуг через создание нормативной базы, регламентирующей обучение; введения единых специальных учебных планов для иностранных студентов; модернизацию работы кафедр РКИ; координирующую роль Белорусского общественного объединения преподавателей русского языка как иностранного.

Ключевые слова: интернационализация, экспорт образовательных услуг, качество обучения, нормативная документация, регламентирующая учебный процесс, профессионально-ориентированная методика, БООПРЯИ, проблемы обучения

Одним из важнейших приоритетов развития системы высшего образования в условиях экономической глобализации является поступательное вхождение «на равных» в мировое образовательное пространство. К числу наиболее развитых направлений освоения мирового рынка образовательных услуг относится экспорт образования, который предполагает привлечение иностранных граждан на полный курс обучения в вузы, в том числе и белорусские, на платной основе. Его увеличение не только свидетельствует об укреплении конкурентных позиций высшей школы, но и содействует реализации социально-экономических и геополитических интересов государств, способствует обновлению национальных систем образования с учетом потребностей мирового рынка [об этом: Скриба 2013:6].

Наряду с традиционным обучением граждан других государств непосредственно в стране-экспортере, формами интернационализации образования все чаще становятся дистанционное образование, открытие филиалов учреждений образования на территории других стран, освоение программ академической мобильности и пр. Рынок образовательных услуг превращается в стремительно развивающийся сектор экономики, центральными элементами которого выступают международный маркетинг учреждений образования и целенаправленный набор иностранных учащихся.

Количество выпускников средних учебных заведений, желающих получить высшее образование за рубежом, увеличивается год от года. Возрастает и количество иностранных абитуриентов в Республике Беларусь. Так, если в 2013-2014 учебном году в стране обучалось немногим более 13 тыс. иностранных студентов, то в 2014-2015 учебном году их уже насчитывалось более 18,5 тыс. Наибольшее число иностранных студентов сейчас в Белорусском государственном университете, Белорусском национальном техническом университете, Белорусском государственном экономическом университете, всех медицинских вузах республики.

Столь динамичный спрос иностранных граждан на образовательные услуги свидетельствует об укреплении конкурентных позиций высшей школы Беларуси. Повышение международной конкурентоспособности как условие успешного интегрирования в мировое образовательное пространство во многом зависит от того, насколько быстро будут освоены правила и нормы экспорта образования. Первостепенную значимость в решении этой задачи имеет достижения высокого уровня качества образования через модернизацию системы подготовки специалистов, поиск новых форм преподавательской работы и технологий реализации учебного процесса, разработку соответствующей методической базы, совершенствование условий обучения в целом. В современной поликультурной образовательной среде результативность столь масштабной работы определяется не только профессиональными компетенциями преподавательского корпуса, но и изменением мировоззренческой позиции входящего в аудиторию педагога, наличием принципиально иных ценностных ориентиров в организации учебного процесса [об этом: Федотова 2013:93].

Вузами республики уже накоплен более чем 50-летний теоретический и практический опыт подготовки специалистов для зарубежных стран. В основном решены необходимые правовые, кадровые и методические вопросы обучения, созданы структуры, обеспечивающие прием, обучение и повышение квалификации иностранных граждан: подготовительные факультеты (отделения), деканаты по работе с иностранными учащимися, кафедры русского языка как иностранного.

Несмотря на очевидные преимущества, интернационализация образования порождает немало проблем нормативно-правового, методического, финансового, социокультурного характера. Центральное место среди них занимает проблема качества образования, обеспечение которого формирует репутацию страны и вуза, значимость и узнаваемость диплома и уровень востребованности его выпускников в других странах.

После распада СССР и прекращения действия старой нормативной документации для вузов все более очевидным стал круг проблем, связанных с методическим обеспечением учебного процесса, прежде всего, отсутствием единых учебных планов подготовки

иностранных граждан на первой ступени высшего образования, ориентированных на адаптацию последних к преподаванию широкого спектра дисциплин на русском языке.

Первые студенты-граждане других государств, появились в бывшем СССР, и Республике Беларусь в том числе, более 50-ти лет назад. До начала 90-х годов прошлого века обучение таких студентов регламентировалось документами, разработанными Министерством образования СССР. После распада Советского Союза каждая республика, а точнее, каждый вуз выработывали свои нормативные документы, связанные с обучением иностранных граждан. С принятием Министерством образования Республики Беларусь в 2008 году новых образовательных стандартов и введением новых специальностей решение вопроса качественной подготовки иностранных граждан вышло за пределы частных интересов отдельных вузов и все более стало приобретать системный характер. Была прежде всего решена проблема разработки специальных учебных планов, предназначенных только для иностранных студентов. С 1961 года они обучались по учебным планам, которые были разработаны для белорусских студентов, но не ориентированы на иностранных. В этой связи отсутствовали единые организационные подходы и учебно-методическое обеспечение подготовки иностранных граждан, прежде всего из стран Азии, Африки и Ближнего Востока, на первой ступени высшего образования по всем направлениям. Даже в вузах одного профиля встречались различия в перечне дисциплин и количестве часов, отводимых на их изучение. Особого внимания заслуживал курс «Русский язык как иностранный», который не был включен в учебные планы и, следовательно, в расписание, несмотря на то, что для иностранных граждан русский язык – первое и необходимое средство обучения. Уровень владения русским языком часто недостаточен для эффективного усвоения учебных дисциплин на первой ступени высшего образования.

Исследование опыта европейских стран (Англии, Германии, Франции, Швеции, Польши) и США по организации обучения иностранных граждан на языке экспортера образовательных услуг показало, что сегодня в мире не существует единой международной системы высшего образования, даже если определенная модель и используется другими странами для построения собственной образовательной системы. Между тем страны Евросоюза, начиная с конца XX – начала XXI вв., ставят целью создание европейской модели высшего образования. У всех перечисленных стран есть одно требование: иностранные граждане, которые принимаются на обучение в вуз, уже должны быть достаточно хорошо подготовлены для восприятия учебного материала на неродном языке как языке обучения. Даже те представители других стран, которые поступают на подготовительную ступень обучения, должны владеть языком в определенном, минимальном, объеме. Для этого в Европе и мире в целом создана система языковой

подготовки, включающая сертификационные экзамены, без успешной сдачи которых невозможно поступить в вуз. Только при достижении уровня владения языком, позволяющим свободно и плодотворно участвовать в учебном процессе, иностранный гражданин будет зачислен на первый курс.

Для поддержания нужного уровня языка или достижения следующего сертификационного уровня в европейских вузах существуют языковые курсы, интенсивные курсы, институты языка во внеучебное время, как правило, бесплатные. Такой подход к обучению позволяет будущему студенту овладеть языком страны-экспортера до начала образовательного процесса по специальности. Поэтому в вузах Англии, Германии, Франции, Швеции и США нет отдельных учебных планов для иностранных студентов первой ступени высшего образования.

В суверенных республиках, образовавшихся после распада СССР, прежде всего в России, Беларуси, Украине, сохранилась система образования иностранных граждан, существовавшая с конца 50-х годов XX века: обучение языку ведется на подготовительных отделениях (факультетах) и продолжается в процессе получения первой и второй ступеней высшего образования. Такой подход некоторые исследователи называют «концепцией доучивания»: в процессе обучения по профилю избранной специальности предполагается продолжение занятий по русскому языку с тем, чтобы к окончанию вуза иностранные студенты овладели им в достаточной степени, соответствующей

- уровню B2-C1 по европейской сертификационной системе;
- 4-му уровню (по российской классификации);
- уровню профессионального владения языком (по белорусской классификации) [об этом: Гербик 2013:7].

На обучение принимаются иностранные граждане с разным уровнем языковой подготовки. В свою очередь, недостаточно хорошее знание русского языка становится препятствием к получению качественного образования практически по любой специальности.

Поэтому на государственном уровне, как и непосредственно вузами Беларуси, проделана большая работа в направлении повышения качества обучения иностранных граждан. Это, прежде всего, принятие нормативной документации, регламентирующей их обучение. С 2013 года в образовательный процесс введено уже третье поколение типовых учебных планов для иностранных студентов I и II ступеней высшего образования. В соответствии с ними на изучение русского языка отводится в зависимости от профиля вуза:

- подготовительное отделение – 800-980 часов;
- основные факультеты – не менее 700 часов;
- магистратура – от 140 до 480 часов.

Переход на специальные учебные планы – начало целенаправленной модернизации учебно-методического обеспечения процесса подготовки иностранных граждан. На кафедрах русского языка вузов республики ведется разработка нового поколения УМК и ЭУМК с учетом современных подходов к обучению русскому языку как иностранному. Разрабатываются и внедряются в учебный процесс современные учебные пособия, в том числе с грифом Министерства образования. Профессионально ориентированная методика преподавания направлена на практическое овладение языком как инструментом осуществления учебной деятельности и построена по принципу опережающих знаний с учетом межпредметной координации. В республике на базе Белорусского государственного экономического университета раз в два года проводится Республиканский научно-методический семинар с международным участием «Преемственность и координация в обучении иностранных студентов вузов республики», на котором обсуждаются проблемы межпредметной координации совместно с преподавателями общеобразовательных и специальных дисциплин.

На кафедрах работают преподаватели, имеющие большой опыт обучения иностранных студентов. При Республиканском институте высшей школы открыта переподготовка на уровне высшего образования с выдачей диплома по специальности «Русский язык как иностранный», курсы повышения квалификации преподавателей РКИ «Язык как средства межкультурной коммуникации и поликультурного образования современного специалиста».

С октября 2002 года существует Белорусское общественное объединение преподавателей русского языка как иностранного (БООПРЯИ), которое явилось преемником Республиканского методического объединения преподавателей русского языка как иностранного. Оно координирует работу всех кафедр РКИ вузов Республики Беларусь, организует научные исследования, проводит международные научно-практические конференции под эгидой МАПРЯЛ.

Данное объединение является общественной профессиональной организацией, осуществляющей свою деятельность в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, действующими законодательными актами и Уставом, и входит в состав МАПРЯЛ.

БООПРЯИ объединяет всех, кто профессионально связан с изучением, преподаванием и распространением русского языка и культуры; координирует научные исследования, проводимые кафедрами, издательскую деятельность; информирует о последних достижениях в области методики преподавания русского языка как иностранного; издает журнал «Вестник БООПРЯИ», который служит для продвижения научных идей в области лингводидактики, психологии обучения, методики преподавания, а также освещает деятельность объединения и его комитетов.

Регулярно раз в два года в республике под эгидой БООПРЯИ и МАПРЯЛ проводятся международные научно-практические конференции с постоянным названием «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития», «Технологии обучения РКИ (языкам) и диагностика речевого развития», «Язык и социум», которых принимают участие видные учёные-методисты Москвы, Санкт-Петербурга, Украины, Польши, Китая.

С 2000 года возобновлены Республиканские олимпиады по русскому языку среди иностранных учащихся вузов Республики Беларусь.

Ежегодно проводятся научные студенческие конференции на базе Белорусского государственного медицинского университета, Гродненского медицинского университета, Белорусского государственного экономического университета, Военная академия Республики Беларусь организует конкурс ораторского мастерства «Златоуст».

Под патронажем БООПРЯИ разработаны и изданы «Модели образовательных стандартов по русскому языку как иностранному», «Типовая программа по русскому языку для иностранных студентов 1-4 курсов нефилологических специальностей», «Типовая программа по русскому языку как иностранному для слушателей подготовительных факультетов и отделений высших учебных заведений».

Формирование единого европейского образовательного пространства требует модернизации установившейся практики приема на обучение иностранных граждан. В Европе и Российской Федерации иностранный гражданин зачисляется на I курс или в магистратуру по результатам сдачи сертификационного экзамена, который определяет этот уровень в соответствии с видами речевой деятельности и дает достаточно объективную оценку. Сохраняя нашу уникальную систему обучения языку, следует модернизировать ее при помощи введения сертификационных экзаменов при поступлении в бакалавриат и магистратуру, тем более, что существует республиканская классификация уровней владения языком, соответствующая европейской и российской. Давно назрела необходимость создания центра тестирования, ибо вузами республики для оценки знаний по русскому языку используются различные критерии. Подобный центр поможет во многом решить проблему качества владения русским языком и унифицирует контроль знаний.

Набирающий силу фактор конкуренции ставит университеты перед необходимостью применения комплексного подхода к решению проблемы качества подготовки специалистов для других стран. Выбор иностранным гражданином своей будущей *alma mater* предопределяет не только интеллектуальная, но и материальная основа процесса обучения (наличие и состояние аудиторного фонда, ориентированного на малокомплектные группы иностранных учащихся, его техническое оснащение), а также общее отношение

академического сообщества к представителям других стран (их активное вовлечение в студенческую жизнь, организация совместного с белорусскими студентами быта и досуга и пр.). Только взаимное сочетание всех обозначенных условий позволит значительно снизить языковой барьер, повысить качество образования и, как следствие, общий рейтинг вуза в восприятии иностранных граждан.

Литература

- Вышэйшыя навучальныя установы Рэспублікі Беларусь па стану на пачатак 2010-2011 навучальнага года (статыстычны даведнік). *Минск: Галоўны інфармацыйна-аналітычны цэнтр Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, 2010. 207 с.*
- Гербик 2013 – Система подготовки преподавателей русского языка как иностранного (I и II ступени обучения в БГУ). Л.Ф. Гербик. *Технология обучения РКИ (языкам) и диагностика речевого развития: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ. Минск: БГЭУ. С. 7-8.*
- Демчук 2013 – *Глобализация мировой экономики и интернационализация высшей школы: современные взаимосвязи и прогнозы интегрированного взаимодействия. М.И. Демчук [и др.]; под ред. М.И. Демчука. Минск: РИВШ. 108 с.*
- Демчук 2012 – *Интернационализация высшего образования в контексте зарубежного опыта. / М.И. Демчук [и др.]; под общ. ред. М.И. Демчука. Минск: РИВШ. 124 с.*
- Скриба Н.Н, Федотова И.Э. 2011 – Модернизация учебно-методического обеспечения вуза в условиях интернационализации системы образования. *Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. №6. С. 5-10.*
- Скриба Н.Н, Федотова И.Э. 2013 – Национальные образовательные традиции как составляющая качества обучения иностранных студентов. *Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. №5. С. 92-97.*
- Скриба Н.Н, Федотова И.Э. 2015 – Преимущество и координация в обучении иностранных студентов вузов. *Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. №2. С. 127-130.*
- Федотова И.Э. 2013 – Модернизация учебно-методического обеспечения учебного процесса с иностранными студентами как составляющая повышения качества обучения. *Технология обучения РКИ (языкам) и диагностика речевого развития: материалы XVIII Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ. Минск: БГЭУ. С. 5-7.*
- Федотова, И.Э. Обучение иностранных граждан в Беларуси: проблемы и перспективы. *Преимущество и координация в обучении иностранных студентов вузов: материалы II Республиканского научно-методического семинара с международным участием. Минск: БГЭУ. С.3-5*

ВЫРАЖЕНИЯ, УСТАНОВЛИВАЮЩИЕ И ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ СЛОВЕСНЫЙ КОНТАКТ В НАСТОЛЬНОМ ПОЛЬСКО-РУССКОМ ИДИОМАТИКОНЕ

Б. Хлебда

Опольский университет Польша

bchlebd@op.home.pl

Основной барьер в свободном владении иностранным языком, вероятнее всего, возникает из-за неумения устанавливать или продолжать акт коммуникации в ситуации, когда у говорящего исчерпываются готовые сообщения, конкретная информация для передачи, когда следует «собраться с мыслями». Необходимые для этого языковые единицы, названные фатическими, открывают канал коммуникации или обеспечивают его проходимость, предупреждают об изменении значения, делают акт коммуникации естественным, спонтанным обменом информацией, оценками и мнениями. Употребление таких единиц создаёт впечатление активного участия в разговоре и подтверждает хорошее знание иностранного языка.

Ключевые слова: идиоматикон, фатические единицы языка, переводной словарь

Настольный польско-русский идиоматикон (далее *Идиоматикон*, НПРИ) – это словарь многокомпонентных воспроизводимых единиц языка, составляемый по замыслу и под редакцией Войцеха Хлебды коллективом сотрудников Опольского университета. *Идиоматикон* был задуман как словарь, определяемый семью параметрами: фразеологическим, переводным, тематическим, страноведческим, дидактическим, комментированным, издаваемым в продолжении – словарь издаётся ливрезоном, с 2006 года вышло 7 тетрадей, на очереди 8 выпуск. В 2014 году был издан сводный том *Польско-русский словарь переводных пар*, в который вошли единицы пяти первых тетрадей, расположенные в алфавитном порядке.

Тематический характер НПРИ заключается в том, что каждый из выпусков включает в среднем 11–13 разделов, посвящённых определённой теме. Например: Адресативы и другие формы этикета (приветствие, прощание); Компаративы; Метеорология (атмосферные явления, прогноз погоды); Компьютер и его использование; Крылатые слова; Заглавия (литературных и музыкальных произведений, заглавия произведений европейской живописи и кино); Европейский союз (структура, функционирование, институты); Фразеологическая эпонимия; Европейский диалог вероисповедований и вероотношений; Мода (названия частей гардероба, тканей); Историзмы с древних веков до современности; Библизмы и мифологизмы; Городские надписи (вывески, извещения, предостережения); Медицина (разделы медицины, медицинский персонал, институты и объекты здравоохранения,

медицинские процедуры, заболевания, симптомы, бактерии, вирусы) и другие. Всех тематических блоков в НПРИ до сегодняшнего времени около шестидесяти, они выбраны согласно опыту и решению авторов – преподавателей-русистов – о недостаточной разработке определённой лексики в переводных словарях и дидактических пособиях.

Единицы, включающие значимую в страноведческом аспекте информацию, снабжены комментарием. Хорошо иллюстрируют страноведческий и комментированный принцип составления словаря примеры из раздела Европейская фразеологическая эпонимия. В таком комментарии, как известно, нуждаются типично польские выражения, не имеющие аналогов в русском языке. Таковы идиомы *ruski rok* и *ruski miesiac*, которые используются в польском языке в значении ‘очень долго’. В комментарии автор раздела поясняет, что с 1582 г. существует временная разница между принятым католической церковью грегорианским календарём и календарём юлианским, которым руководствуется православная церковь. Эта разница во времени (13 дней в настоящее время, 10 дней в конце XVI века) стала основой формирования фразеологизмов, дав повод считать русский год и месяц «очень долгими» [Danecka 2010:90, 102].

В IV тетради *Идиоматикона* имеется раздел под заглавием *Беседы наши повседневные* [Chlebda 2009:173-179], материал которого является объектом наших замечаний.

Пытаясь ответить на вопрос, почему мы говорим – имея в виду не физиологическую, а скорее психическую сторону этого акта – следует сосредоточиться на потребности говорения, ответить на вопрос, откуда она вытекает и куда ведёт. Очевидно, что посредством говорения мы можем передавать и получать информацию, но тогда чему должен служить свободный необязывающий разговор о погоде?

Установлено, что одной из задач речевой деятельности человека является поддержание общественных связей. Исследованием такой функции занимался в начале XX века известный польский общественный антрополог, этнолог, социолог, основатель функционализма в антропологии и социологии, Бронислав Малиновски, который назвал эту функцию языка фатической функцией – название происходит от греческого *phanein*, обозначающего *появляться*. Описание фатической функции даётся Малиновским в работе *Проблема значений в первобытных языках* [Malinowski 2000:317-369].

Малиновский исследовал также феномен разговора, называемого на английском языке „small talk”. Кажется, что такой разговор не является беседой (конверсацией) в прямом смысле этого слова, это скорее всего обмен свободными репликами, не имеющими существенного значения. Такие единицы языка становятся незаменимы, когда мы приветствуем собеседника; когда нужно приступить к разговору на определённую тему; когда беседа затихает, и наступает неловкое молчание.

В любом языке имеются выражения, служащие прежде всего или даже исключительно только 1) средством установления, продолжения или поддержания коммуникации, 2) средством передачи информации о том, что контакт не обрывается, 3) средством побуждения внимания собеседника или проверки такого внимания. Эту установку на контакт участников акта коммуникации называем фатической коммуникацией или фатической функцией языка. Функция эта сводится к тому, что с помощью языковых средств в процессе говорения участники коммуникации создают и поддерживают межчеловеческие контакты, причём сам *факт* говорения становится важнее того, *о чём* говорят его участники.

Основной барьер в свободном владении иностранным языком, вероятнее всего, возникает из-за неумения устанавливать или продолжать акт коммуникации в ситуации, когда у говорящего исчерпываются готовые сообщения, конкретная информация для передачи, когда следует «собраться с мыслями», и когда – как это сказал современный российский писатель Михаил Шишкин – словесные сосуды закупорены. Обычно в определяемой выше ситуации повисает тишина. Участники акта коммуникации не предпринимают попытки заполнить возникшую паузу, так как не располагают оборотами, которые на родном языке легко ими применяются. А тем временем фатическая функция языка – умение установить, поддержать и соответственно закончить контакт с другим человеком – является одной из самых древних и самых основных, а в общественном плане – самых необходимых языковых функций.

Такие единицы, как, например:

jeżeli dobrze rozumiem / zrozumiałem – если я хорошо понимаю / понял
jeżeli <dobrze> się <w czym> orientuję – если я <хорошо> разбираюсь <в чём>
kłopot w tym, że – беда в том, что
moim skromnym zdaniem – по моему скромному мнению
moim zdaniem – по моему мнению / разг. по-моему
można powiedzieć, że – можно сказать, что
dajmy na to – допустим / предположим / положим
wydaje się <że> – wydaje się <że> – кажется <что>
rzecz w tym, że – дело в том, что
żeby nie skłamać – чтоб<ы> не соврать
ale z drugiej strony – но, с другой стороны
bez fałszywej skromności – без ложной скромности
bez przesady – без преувеличения
być może – может быть
chciałem powiedzieć, że – <я> хотел сказать, что
chodzi o to, że – дело в том, что
<ale> chwalić Boga / chwala Bogu – <но,> слава Богу

chyba tylko – разве только / разве что
nie mówiąc już o – не говоря уже о
nie można powiedzieć, żeby – нельзя сказать, чтобы
nawiasem mówiąc – кстати <говоря> / кстати сказать
między nami mówiąc – между нами говоря
rzecz w tym, że – дело в том, что
jednym słowem – одним словом
tam szczęście, że – моё счастье, что
dajmy na to – допустим / предположим / положим
po oczywistości – ну конечно
rozwoli pan / pani – позвольте / с вашего позволения

открывают канал коммуникации или обеспечивают его проходимость, предупреждают об изменении значения, делают акт коммуникации естественным, спонтанным обменом информацией, оценками и мнениями.

Употребление единиц, которые мы называем фатическими, создаёт впечатление активного участия в разговоре, внушает убеждение активного участия в разговоре, несомненно, производит на собеседнике хорошее впечатление, так как подтверждает хорошее знание иностранного языка. Чтобы овладеть желаемой беглостью установливания контактов на иностранном языке, умелого их поддержания, а также завершения, следует располагать некоторым набором подходящих единиц второго языка. Мы их назвали фатизмами, широко понимая это определение.

Фатизмы организуют – если можно так выразиться – гиперпространство коммуникации. Содержат своего рода маркеры интенции собеседников, являются в известной степени презентацией языковых возможностей для установления контакта, поддержания его, контроля за его организацией, а также завершения этого контакта.

В синтаксическом плане фатизмы являются как правило вводными выражениями, выделяемыми пунктуационно и требующими синтаксического дополнения. Они могут быть также в известной степени резюмирующим оборотом. Для иллюстрации приведём следующие единицы: *muszę powiedzieć, że – я вынужден сказать, что; jak już było powiedziane – как уже было сказано; to na razie wszystko – это пока всё; to <już / jest> koniec – это <уже> конец; no dobrze – ну хорошо / ну ладно; o ile pamiętam – насколько <я> помню; umówmy się, że – договоримся, что; że tak powiem – так сказать; <wszystko> w porządku.*

Присмотримся к выражениям, постоянным компонентом которых является глагол *mówić* и его грамматические формы. Итак, единицы, содержащие деепричастие *mówiąc – говоря*, для удобства записаны под этой словарной статьёй. Однако, поскольку компонент этот чаще выступает на втором месте (что в русском языке становится правилом), русские

эквиваленты помещены рядом с теми польскими единицами, которых частотность употребления выше:

- mówiąc delikatnie* → 38. *delikatnie mówiąc* – мягко говоря
mówiąc inaczej → 42. *иначе / по-другому говоря*
mówiąc krócej / krótko → 63. *krócej / krótko mówiąc* – короче / коротко говоря
mówiąc między nami → 69. *między nami mówiąc* – между нами говоря
mówiąc nawiasem → 87. *nawiasem mówiąc* – кстату <говоря> * кстату сказать
mówiąc obrazowo → 118. *obrazowo mówiąc* – образно говоря
mówiąc ogólnie → 119. *ogólnie mówiąc* – вообще говоря
mówiąc otwarcie → 122. *otwarcie mówiąc* – откровенно говоря
mówiąc uczciwie → 136. *uczciwie mówiąc* – честно говоря

а также:

- nie mówiąc już o* – не говоря уже о
jak mówią – как говорят
jak to mówią – как говорят
jak to się mówi – как говорится
nic mi to nie mówi – мне это ничего не говорит
nie można powiedzieć, żeby – нельзя сказать, чтобы
nie mów – <u> не говори
umówmy się, że – договоримся, что
co <też> pan / pani mówi – ну что <же> вы говорите
co <też> państwo mówiąc – ну что <же> вы говорите
co <też> ty mówisz – ну что <же> ты говоришь
żeby powiedzieć <całą> prawdę – чтоб<ы> сказать <всю> правду

Чтобы легко установить контакт на иностранном языке, умело его поддержать, а также закончить этот контакт, следует овладеть некоторым запасом соответствующих единиц второго языка, в чём, надеемся, должен помочь собранный нами языковой материал. Выражения, помещённые в разделе *Наши беседы повседневные* в IV тетради, составляют свыше 150 единиц (все вошли в состав сводного тома). Однако, поскольку число собранных тогда, в 2009 году, единиц значительно превысило двести, было отмечено, что публикуется первая часть, продолжение будет следовать в одной из очередных тетрадей *Идиоматикона*.

В заключение хочется сказать, что представленный материал успешно используется нами на занятиях по практике русского языка и лингвострановедению со студентами факультета славистики Опольского университета.

Литература

- Chlebda B. 2009 – Rozmowy nasze codzienne. *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*, z.4, red. W. Chlebda. Opole.
- Chlebda W. 2006 – Czym jest Idiomatykon i jak z niego korzystać. *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*, z. 1. Opole.
- Chlebda W. 2010 – Reprodukty na warsztacie. *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowrazowych jednostek języka*. Opole.
- Danecka I. 2010 – Europejska eponimia frazeologiczna. *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*, z.1, red. W. Chlebda. Opole.
- Malinowski B. 2000 – Problem znaczenia w językach pierwotnych. *Jednostka, społeczność, kultura*. Warszawa.
- Язык — это оборона. *Интервью с Михаилом Шишкиным*. Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/dossier/shishkin-interview/>

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 570-577. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

КАКОЙ УЧЕБНИК НУЖЕН?

В.М. Чарторийский

Российский университет дружбы народов, Россия

taranka111@mail.ru

Дается кратный обзор нескольких учебников элементарного и базового уровня для начинающих изучать русский язык как иностранный. Отмечены достоинства и недостатки учебников с точки зрения автора и тех задач, которые стоят перед студентами подготовительных факультетов и отделений вузов России, и целей, которые ставит перед собой преподаватель.

Ключевые слова: методика преподавания РКИ, начальный этап обучения, формирование навыков, выход в речь

Будущее студента-иностранца во многом зависит от результатов его учебы на подготовительном факультете. Это накладывает большую ответственность на преподавателя-русиста. Поэтому каждый год приходится решать задачу: как изменить занятия, чтобы достичь максимального результата без больших перегрузок. В советское время у преподавателей начального и продвинутого этапов обучения РКИ был большой друг и надежный товарищ – учебный комплекс «Старт». В то время был создан специальный институт, методика преподавания активно развивалась и совершенствовалась. Трудом многих классных преподавателей-методистов с большой буквы был создан УК, в котором были реализованы последние достижения методической науки. Созданный для работы в многонациональных группах, богато иллюстрированный учебник имел словарь-вкладыш с переводом заданий и страноведческий комментарий, приложения по обучению аудированию, письму, чтению, научному стилю речи и подробное методическое руководство для преподавателей. По понятным причинам использование «Старта» сегодня стало весьма проблематично.

Но жизнь продолжается, и появляются новые учебники.

М.П. Аксенова. Русский язык по-новому. Книга большого формата, двухцветная офсетная печать на хорошей бумаге, в твердом переплете. Разработано аудиоприложение. В учебнике много рисунков, фотографий, таблиц. Есть административная карта России, схема Санкт-Петербургского метрополитена. Учебник начинается аннотацией-рекомендацией редактора и подробным комментарием М.П. Аксеновой. Также автор предлагает методические комментарии-рекомендации и в дальнейшем в виде сносок к предьявляемому

материалу. Грамматический материал урока хорошо структурирован, много обобщающих и сравнительных таблиц, пронумерованы модели спряжения глаголов. Чувствуется, что автор – опытный преподаватель-практик, а учебник – результат многолетней практической работы. Одним словом: хочется взять учебник и начать по нему работать.

Первый урок не начинается с алфавита. Первыми вводятся 5 гласных звуков [а, о, у, э, и] и за ними 6 согласных [м, п, б, н, т, д]. Для чтения предлагаются только слоги с твердыми согласными. Предлагаемые образцы (шрифт) рукописных букв не представляется удачным, так как для такого написания необходимо неоднократно отрывать ручку от бумаги. Автор вводит понятия «звонкий и глухой согласный» и редукции. При этом вводится специальный знак для обозначения предударного [а] и принятый в фонетике знак [ъ] для заударных слогов. Далее следует упражнение, которое может привести к ошибке при чтении: даются названия букв (*Это эм*) и в скобках рукописный вариант соответствующей буквы. Далее вводится первая интонационная конструкция (ИК-1), но в 2-х вариантах произнесения, что, несомненно, является дополнительной трудностью как для студента, так и для преподавателя. Уже на первом занятии предлагается обращать внимание на пунктуацию (объясняется разница между простым и сложным предложениями, но не вводится понятие членов предложения (даже нет символов субъекта и предиката).

Можно только приветствовать, что учебник показывает, как правильно соединять буквы при письме. Но, во-первых, эти прописи набраны очень мелким шрифтом, а, во-вторых, многие буквы содержат лишние элементы-украшения, которые уместны на открытках или в объявлениях.

Уже во 2-ом уроке после [ф, в] и [с, з] одновременно вводятся [л, р] и за ними шипящие: твердые [ш] и [ж] и мягкие [щ] и [ч]. Через пару упражнений вводятся [г, к, х] и позднее [ы]. Честно говоря, я не смог себе объяснить отличный от «канонического» порядок постановки согласных звуков, и у меня нет уверенности, что такой порядок предпочтительней. В то же время автор уделяет много внимания постановке правильного чтения и говорения, используя для этого в целом активную лексику. А вот в образце прописей, кавычки представлены в печатном варианте.

В 3-ем уроке студенты знакомятся с буквой *й* и отдельным звуком [й], так как напечатана одинокая транскрипция; я не могу себе объяснить, зачем это сделано. Через несколько заданий приводится слово «пожалуйста», и его транскрипция почему-то без заударного [а], то есть в транскрипции отмечены только 3 слога.

Йотированные гласные вводятся традиционно. После нескольких речевых упражнений происходит знакомство с мягким знаком и в сравнении с конечным твердым согласным проводится сравнение с мягким конечным согласным *Том – Толь, брат – братья*.

Только потом предлагаются открытые слоги с мягкими согласными (при этом сначала с йотированными гласными буквами).

Мне понятно, когда для выработки правильной интонации используются диалоги типа:

– *Это машина «Москвич»?*

– *Нет, это машина «Жигули».*

Но не понятны диалоги:

– *Это ши?*

– *Нет, это борщ.*

Мне понравилась сравнительная таблица, которая подробно и доходчиво объясняет разницу между вопросами: *это ТВОЙ брат?* и *Это твой БРАТ?*

Я уже решил, что буду работать по этому учебнику. Но на следующей странице появляется знак [ь] для обозначения безударных гласных после мягких согласных, а через пару страниц факультативный (о чем предупреждает автор в методическом комментарии), но очень полезный материал, затрагивающий понятия тема – рема. Я понял, что мои студенты столкнутся с труднообъяснимыми на первой неделе обучения сложностями. Также я не нашел в первых уроках упражнений и заданий, выводящих в речь.

Уроки фонетики, обучение правильному чтению очень важны и необходимы на начальном этапе, но формирование умений говорения и письма, формирование навыков продуцирования речи тоже важно и необходимо, и должно начинаться уже на первом занятии.

М.Б. Будильцева, Н.Ю. Царева. Начало. Учебник для начинающих (элементарный уровень) на хорошей белой бумаге среднего формата в мягкой обложке. I раздел – вводно-фонетический курс, II раздел – знакомство с падежной системой. Есть небольшое количество иллюстраций и картинки, объясняющие задания. Учебник содержит поурочный словарь с переводом на 4 языка. Особенностью и достоинством данного пособия является наличие грамматической информации (то, что обычно должен объяснить преподаватель) на русском языке с переводом на 4 языка. Такая информация не бывает лишней: на русском языке она является методическим «маяком», а перевод способствует более полному пониманию и усвоению студентами материала уроков, экономит аудиторное время, позволяет продуктивно заниматься грамматикой самостоятельно (например, во время болезни). К сожалению, в книге неаккуратно пропечатаны прописи, есть ошибки в переводе.

В первом уроке вводятся 6 гласных звуков и объясняется (на языке!) характеристика согласных по признаку глухости – звонкости. Далее объясняется, что такое слог и ударение. Это, несомненно, необходимая информация, и перевод только помогает преподавателю и студентам при прохождении материала. Наличие перевода также облегчает задачу при

изучении грамматической категории рода. Думается, что при освоении мягких согласных комментарии также упростят задачу преподавателю и помогут студентам.

В 3-м уроке даются количественные числительные (с комментарием) и конструкции *Сколько стоит ручка?, Сколько стоят очки?* с ответами: *1 рубль, 2, 3, 4 рубля* и т.д. Здесь тоже очень помог бы грамматический комментарий, но его нет. Просто, по-деловому авторы объясняют, что такое наречие, какие группы наречий можно выделить, их отличие от прилагательных.

Весь вводный фонетико-грамматический курс состоит из 4-х основных уроков и 5-го обобщающего урока. Не все упражнения, предлагаемые авторами, мне нравятся. Например: *«Повторите слова урока, перепишите их в тетрадь. Не глядя в словарь учебника, напишите их перевод»* [Будильцева 2004:103]. В целом I раздел кажется легким, то есть содержащим мало учебного материала (обычно учебники для подготовительных факультетов насыщены большим количеством различных упражнений). Практически нет заданий для выхода студентов в речь. Однако чувствуется, что материал I раздела хорошо проработан, и авторы – опытные преподаватели, которые хорошо «пропекли» материал и продумали последовательность своих действий, прежде чем выходить в аудиторию. Я, пожалуй, попробую использовать этот учебник на начальном этапе.

Русский язык – мой друг. Базовый уровень. Авторский коллектив под редакцией Т.В. Шустиковой и В.А. Кулаковой. Первое впечатление – книга очень большая, объемная: 850 страниц. Возникает вопрос: можно ли пройти весь материал в отведенные часы (даже отказавшись от других пособий)? Книга, наверное, недешевая. Содержит большое количество иллюстративного материала на глянцева бумаге: политическую карту мира, административную карту РФ, виды Москвы и Санкт-Петербурга, схему метро, портреты русских писателей, много фотографий студентов РУДН. С методической точки зрения особенно ценны серии рисунков, по которым студенты должны подготовить монологические высказывания. Представлены на большом количестве моделей парадигмы склонения именных частей речи, выделены трудные случаи. Также даны склонения некоторых вопросительных и указательных местоимений, нескольких числительных. Есть падежные таблицы по родам и числам, обобщающие материал на уровне предложения. Также составлен минимум на 260 пар глаголов с управлением с указанием моделей спряжения. Есть и контрольные работы. Авторы учебника предлагают студентам заниматься с использованием Интернета и приводят адрес конкретного ресурса.

I раздел начинается с алфавита и транскрипции на основе латиницы (!). Примеры произнесения звуков представлены английскими и русскими словами. Далее следует подробный лингвистический комментарий по русской фонетике, ритмике и интонации.

Собственно вводно-грамматический курс начинается с освоения 6 гласных и традиционных согласных [м, б, п, в, ф, д, т, н, з, с, к, г]. Звук [х] не предлагается. Звуки подаются очень плотно, что может вызвать затруднение при запоминании их произнесения. Рукописные буквы (в традиционном стиле 50-60-х годов с избыточными элементами) помещены в конце урока и предлагаются к написанию в качестве домашнего задания. Красивые рукописные буквы состоят из толстых и тонких линий, что невозможно (и не нужно) воспроизвести шариковой ручкой. К тому же не показаны образцы правильного соединения различных букв при письме. На второй странице первого урока студентам предлагают основательно ознакомиться с редукцией русских гласных, вводя термины *Ударный, 1 предударный, Начальный, Заударный*. Вводится не очень понятный знак (крыша) для первой степени редукции [а] и [о]: короткий звук [а], и принятый знак [ъ] для второй степени редукции: короткий звук между [а] и [ы]. Потом следует таблица, демонстрирующая ритмику, и за ней таблица, дающая представление о категории грамматического рода. На следующей странице студенты знакомятся с ИК-1 и ИК-2 (ИК-3 не представлена). На примере предложения *Это papa* показаны предцентр, центр ИК и постцентр. На примере вопросительного предложения *Кто это?* даются 2 варианта прочтения: *КтО это?* и *Кто Это?*

Во 2-м уроке продолжается работа по старому материалу, вводится один твердый согласный звук [л] и приводятся примеры чтения сочинительного союза *и*. Грамматическая тема – множественное число существительных. 3-й урок знакомит с твердыми шипящими [ш] и [ж] и с классификацией согласных по признаку глухости – звонкости. В четвертом уроке продолжается ранее начатая работа, вводятся твердые согласные [р] и [ц] и вопросительная интонационная конструкция ИК-3. В пятом уроке студенты осваивают твердый [х] и мягкий [й]. В качестве домашнего задания предлагаются грамматические упражнения на единственное и множественное число и подстановочные упражнения на употребление личных местоимений третьего лица.

В 6-м уроке появляются *я, е, ю, е* и таблица с правилами их чтения в изолированной позиции, в начале слова, в позиции после гласного и после согласного (мягкого). Далее следует таблица с прилагательными трех родов с основой на твердый согласный. После нескольких грамматических упражнений авторы знакомят учащихся с мягкими согласными в сравнении с твердыми. Соответствующая таблица показывает перед какими гласными произносится твердый звук, а перед какими мягкий. Несколько позднее происходит знакомство с мягким знаком и приводятся слова-примеры с мягким знаком и без мягкого знака (*брат – брать, пол – соль*). Потом говорится о редукции *е* и *я*, дается таблица, показывающая образование множественного числа существительных мужского и женского

рода отдельно с основой на твердый и мягкий согласный. Обращается внимание на невозможность определить род существительных с основой на -ь по начальной форме слова. Грамматический материал 6-го урока представлен спряжением глагола *знать*, отрицательной частицей *не*, вопросительной формой глагола, а также сравнением простого предложения со сложным предложением с глаголом *знать* (*я знаю, кто это*). Здесь же представлены в виде таблицы две формы повелительного наклонения семи частотных глаголов. Домашнее задание по-прежнему предлагается на уровне 1 – 2 уроков: переписать (прописи) буквы, слоги, слова и фразы; писать, читать, учить слова урока; распределить новые слова по родам; при наличии первой и последней букв восстановить слово. Только в 7-м и в 10 - последнем уроке I части встречаются по одному упражнению, которые могут приблизить студента к выходу в речь. И это несмотря на то, что объем грамматического материала стремительно нарастает. В 7-м уроке вводятся глаголы *любить* и *жить*, винительный падеж существительных, конструкция *у кого есть кто / что*. В 8-м и 9-м уроках вводятся в качестве моделей глаголы *говорить*, *читать* и *писать*, несколько глаголов I спряжения, глагол *учиться*, прошедшее время глаголов, притяжательные местоимения, конструкция *который час?* Но как превратить все это в продукцию, в продуцирование речи?

Первый урок первой части основного курса насыщен различным материалом. На мой взгляд, даже перенасыщен. Объясняется грамматика, которую изучали в вводной части, представлен материал, который обычно предлагается на более позднем этапе, многое студент должен запомнить (т.е. вызубрить), наряду со сложными заданиями встречается много простых, ненужных на данном этапе. Вот хорошее задание: *напишите рассказ «Как я изучаю русский язык»*. Такие упражнения способствуют выходу в речь. Но, во-первых, этому нужно учить постепенно, пошагово, а, во-вторых, задание следует за текстом с аналогичным названием. Как поступит 9 студентов из 10?

Авторы проделали большой объем работы. В учебнике много текстов разных типов и тематики. Много необходимой и полезной информации. Наверное, по такому учебнику хорошо заниматься с сильно мотивированным человеком, который, возможно, уже какое-то время изучал русский язык, расположен к серьезной самостоятельной работе, лингвистически образован. Я боюсь рисковать, так как не уверен, что за 300-350 часов смогу результативно пройти этот учебник с обычными студентами и сформировать устойчивые грамматические умения и навыки продуцирования связного монологического высказывания.

И.С. Гусева, Н.М. Румянцева. Интенсивный курс русского языка. Учебник-брошюра, небольшой по объему (160 стр., часть которых – страницы рабочей тетради (что не характерно для отечественной культурной традиции), одноцветная офсетная печать, которая позволяет достичь эффекта двух цветов. Заявлен как учебное пособие элементарного и

базового уровня несмотря на то, что рассчитан на 150-180 часов аудиторных занятий, содержит около 850 лексических единиц, включающих 140 видовых пар глаголов. Слово *интенсивный* истораживает, и заинтересовывает. Хотя авторы «не рисуют привычных таблиц, которые подчас рассеивают внимание учеников и отвлекают их от важнейшего, что происходит со словом» [Гусева 2013:5], в учебнике представлены модели склонения прилагательных, притяжательных и указательных местоимений, порядковых числительных в одной таблице (без указания частей речи) в двух вариантах: с основой на твердый и мягкий согласный. Склонение существительных и личных местоимений дается в виде предложений (нужные слова выделены жирным шрифтом) с демонстрацией различных значений каждого падежа без деления по родам. Представлены продуктивные и непродуктивные модели спряжения русского глагола и список глаголов с управлением. Материал разбит на 8 циклов. Каждый цикл начинается с подробных методических советов, которые должны направить работу преподавателя в нужное русло.

Уже в первом цикле даются ценные советы по постановке звука [ы] и проведению «немного» артикуляционного диктанта. Объясняется, как уже на первом занятии после изучения нескольких согласных можно и нужно вывести учащихся в речь, как с вводом 1-2 новых согласных расширяется такая возможность. Образцы рукописных букв «правильные» (как в «Старте»). Такое написание позволяет овладеть скорописью – не отрывать ручку от бумаги и не чертить лишние детали. К сожалению, нет образцов соединения букв при их написании.

Быстрый выход в речь, конечно, нужно приветствовать. Но в учебнике нет привычных для первых занятий подборок слогов, которые, по сложившейся практике, многократно прочитываются. Смогут ли студенты, начав с чтения диалогов, запомнить с одного раза, как правильно произносятся звуки и слоги? А как быть с семантизацией лексики? Я понял, что перевод должны сделать учащиеся дома. Или в аудитории? Или преподаватель делает это при чтении диалогов, а рабочая тетрадь (часть учебника) заполняется дома?

Буквально в первый день занятий авторы предлагают студентам «расширить пространство общения, так как именно здесь рождаются первые модели выражения объектов принадлежности» [Гусева 2013:5]. Правда, без объяснения падежной системы. Это же очень просто: *книга Ивана*, *книга Анны*. Но как быть, если это *книга Али*, или студентки *Янь*?

Этот учебник – *Интенсивный курс русского языка* – безусловно, заслуживает внимания. В нем каждый преподаватель сможет найти для себя что-то новое: идеи, подходы, приемы. Но будут ли готовы студенты, занимающиеся по этому пособию, к изучению программы I сертификационного уровня?

Литература

- Аксенова М.П. 2000 – *Русский язык по-новому. Часть 1 (уроки 1 – 12)* / Под редакцией Кульковой Р.А. Санкт-Петербург: Златоуст. 440 с.
- Будильцева М.Б., Царева Н.Ю. 2004 – *Начало. Элементарный курс русского языка для иностранцев. Учебник*. Москва: РУДН. 420 с.
- Вагнер В.Н. 2001 – *Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа. Учебное пособие*. Москва: ВЛАДОС. 384 с.
- Галеева М.М., Журавлева Л.С., Нахабина М.М., Протасова Т.Н., Шипицо Л.В., Соболева Н.И. 1986 – *Старт 1-2. Учебник русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР. Вводный и элементарный курсы. Книга для студента*. Москва: Русский язык. 510 с.
- Гусева И.С., Румянцева Н.М. 2013 – *Интенсивный курс русского языка. Учебное пособие*. Москва: Дрофа (РУДН). 159 с.
- Русский язык – мой друг. Базовый уровень. Учебник русского языка для студентов-иностранцев / Под редакцией Т.В. Шустиковой и В.А. Кулаковой. 2010. Москва: РУДН. 851с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В
ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ БИ-/МУЛЬТИЛИНГВА В ПРОЦЕССЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ
СУБСТРАТА РОДНОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II И Г.А. ПОТЁМКИНА)

Т.С. Чепурная

*Национальный педагогический университет им.М.П.Драгоманова, Украина
chepurnajat@mail.ru*

Статья посвящена анализу трансформированных фразеологизмов в письменной речи би-/мультилингва в процессе преодоления субстрата родного языка. Предметом исследования является русская письменная речь мультилингва, базирующаяся на субстрате немецкого языка. Фразеологические единицы рассматриваются как культурнозначимые и как таковые, которые поддаются влиянию родного языка в процессе изучения иностранного. Приводится классификация выделенных из текстов писем ФЕ. Анализируются трансформированные ФЕ.

Ключевые слова: языковой субстрат, фразеологическая единица, трансформированные фразеологизмы, би-/мультилингв

Билингв / мультилингв, осваивая новую языковую систему, осваивает посредством языковых знаков и новое мировиденье, и новую/иную культуру. Уточним, что мы имеем ввиду не естественное двуязычие, не ту ситуацию, когда две системы языка формируются параллельно, к примеру, у ребёнка, родители которого говорят с ним на разных языках. Мы подразумеваем ситуацию, в которой человек сознательно погружается в иное языковое пространство.

Как отмечает Л.П. Иванова, каркас языковой картины мира и языковой личности формируется в самом раннем возрасте, приблизительно до пяти лет, позднее данные категории расширяются и усложняются, но ничего из них не уходит, то есть в процессе своей жизни человек глубже познаёт мир < ...> то, что он узнал в детстве остаётся с ним навсегда [об этом: Иванова 2006:12].

Проведём небольшой экскурс в историю и напомним, что Екатерина II (София Фредерика Августа) была немкой по происхождению. Девочкой-подростком пятнадцати лет она приняла православие и стала невестой наследника российского престола. В родительском доме Фредерика, будущая Екатерина Алексеевна, воспитывалась в духе германских дворянских семей того времени. К ней был приставлен лютеранский священник, который преподавал немецкий язык и богословие, и гувернантка-француженка. Русский язык Екатерина стала изучать уже по приезде в Санкт-Петербург. Её учителем был учёный-

языковед В.Е. Ададулов, автор первой российской грамматики на родном языке (1740). Он познакомил Екатерину с тогдашними новинками русской литературы – произведениями Ломоносова и Сумарокова. Со временем императрица сама станет автором множества литературно-художественных и публицистических сочинений на русском языке. Две детские сказки, написанные Екатериной II, «Сказка о царевиче Февее» и «Сказка о царевиче Хлоре», замечательны уже тем, что это первый опыт печатного литературного произведения в данном жанре для детей России. Обратим внимание и на тот факт, что в истории государства Екатерина II не единственная принцесса-немка, но она первая популяризировала русский язык среди знати и аристократии. В связи с этим отметим, что в России 18-го века языком светского общения был французский, на русском языке говорили большей частью челядь и простолюдины. Императрица любила общаться со слугами, служанками, няньками, ключницами, дворниками, соответственно таким образом она училась живой разговорной насыщенной народными образами русской речи.

Предметом нашего исследования является русская письменная речь мультилингва, базирующаяся на субстрате немецкого языка. Процесс преодоления языкового субстрата сложен. Это не только усвоение би-/мультилингвом грамматических и фонетических категорий. Принимая умозаключения В. Фон Гумбольдта о языке, происходит не просто смена систем, а осуществляется переход из одного мировидения на другое, из одной культуры в другую. Так как восприятие и деятельность человека зависит от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. «Тем же самым актом, посредством которого он создает язык, человек отдает себя в его власть: каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого он может выйти только в том случае, если вступает в другой круг» [Гумбольдт 1985:102].

Мы предлагаем проследить данный процесс на основе анализа наиболее культурно-маркированных единиц – фразеологизмов. Фразеологические единицы, в данном исследовании, – это лакмусовая бумага, которая проявит субстрат. С этой позиции ФЕ ещё не были предметом лингвистического анализа, этим продиктована актуальность работы.

Материал исследования получен методом сплошной выборки фразеологизмов из письменных текстов, принадлежащих Екатерине II. Это письма интимно-бытового характера адресованные Г.А. Потёмкину. Обратим внимание, что тексты такого рода всегда отмечены экспрессивно-эмоциональным характером и спонтанностью, что немаловажно для нашего исследования. Эпистолярный текст содержит культурную информацию, которая находит свое выражение в форме языковых знаков [об этом Антоненко 2000:40]. К таким культурно-маркированным языковым знакам относим фразеологизмы. Корпус фразеологических единиц (далее ФЕ) Екатерины II, репрезентированный русской письменной речью, представлен

освоенными и трансформированными паремиями. Среди них освоенных собственно русских – 53 единицы; универсальных – 17; трансформированных – 18, что в общей сложности составляет 88 фразеологизмов, включая поговорки пословицы.

Исходя из этого и принимая во внимание вышеупомянутое умозаключение Л.П. Ивановой, для нашего исследования важны следующие факты: Екатерина II была мультилингвом (с одной стороны, с точки зрения освоенного ею с детства французского языка, она была естественным билингвом, с другой, учитывая факт переезда в Россию в 14-тилетнем возрасте, пребывания в русскоязычной среде, – искусственным билингвом); она изучала не только книжную русскую речь, но ей была знакома и разговорная форма русского языка того времени.

Классифицируя ФЕ, выделенные нами из текстов интимно-бытовой переписки, руководствуемся определением Н.М. Шанского: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде единица языка из двух или более ударных слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» [Шанский 1981:116]. Отметим, что учёный, вслед за Ш. Балли и В.В. Виноградовым, разделяет с точки зрения слияния составляющих фразеологические обороты частей фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения [об этом: Шанский 1981:116].

Отобранный материал разделим на две основные группы: освоенные фразеологизмы и трансформированные. При этом уточним, что под «освоенными» в данной работе мы понимаем ФЕ, которые были употреблены автором в тексте в соответствии с нормой русского языка 18-го века с учётом допустимых типов варьирования компонентов ФЕ (т.е. фонетический тип варьирования, синтаксический, лексико-семантический, стилистический). К подгруппе «собственно русские фразеологизмы» мы отнесли ФЕ, которые отмечены таковыми авторами следующих словарей: *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв.* / Под редакцией А.И. Фёдорова; *Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля* в 4-х томах; «*Пословицы русского народа*» В.И. Даля [электронный ресурс]; *Большой фразеологический словарь русского языка* / Под редакцией В.Н. Телия 2006 [электронный ресурс]. К универсализмам относим ФЕ, которые эквивалентно бытуют в русском и немецком языках. Это зафиксировано русско-немецкими словарями DUDEN-Langenscheidt, Langenscheidts Grosswörterbuch, Deutsch als Fremdsprache, hg. und bearb. von Dr. Dieter Gotz, Dr. Gunther Haensch, Dr. Hans Wellman; 5. Auflage, Berlin und München, Druck: Graphischer Grossbetrieb Possneck, 2001/2002; *Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и Библейских изречений*. 2-е изд., испр. Москва: Флинта. Наука. 2006. 341 с.

Названные нами «трансформированными» ФЕ представляют собой группу индивидуальных идиом, образованных автором под влиянием субстрата родного языка, приобретённого нового культурно-языкового опыта и под влиянием контекста, ситуации речевого общения.

Приведем классификацию выделенных нами ФЕ, со сбережённой орфографией и грамматическим написанием автора:

освоенные фразеологизмы – русские:

приняться за ум; не в глаз, но в самую бровь; оставаться верным по гроб; душа не на месте; сто лет не видеть; быть без ума; плевать на что-либо; ни на грошь; ломать голову; нести вздор; душа в душу; пустой труд; сквозь слёзы; быть на равной ноге; не заикаться ч-л; пуганная ворона и куста боится; казаться на глаза (глазы); как без рук; выбиться из сил; никто не пикнет; ударить лицом в грязь; пускать мимо ушей; овцы целы, а волки сыты; взяться за дело; как по маслу; ни духу ни слуха; заварить кашу; на носу; ни живой ни мёртвый; тише едешь дальше будешь; связывать руки; быть в чьих-то руках; быть на ногах; выбиться из сил; связывать руки; руки чешутся; без оглядки; время окажет; куда конь с копытом, туда рак с клешней; был таков; не смей показать нос; один Бог без греха; щедрой рукой; проложить дорогу; дурака заставь Богу молиться он лоб расшибёт; волосы дыбом встают; сходить с ума; наставить на путь истинный; носить на руках; вверх дном; среди пяти огней; чтоб тянули ножки по одежке; писать пустошь.

освоенные фразеологизмы – универсализмы:

красна как рак; прийти на ум (многократное употребление); иметь на уме; рука руку моет; гора мышь родить может; дарёному коню в зубы не смотрят; день ото дня; оставить в игре; водить за нос; час от часу; от всего сердца; одним словом; по уши; у страха глаза велики; день и ночь; всем сердцем; плясать по их дуде.

трансформированные:

Кричать курицею; ударить к-либо по пальцам; Он огонь раскладывая с нашими интересами, а не по дуде и прихотям; Ни которую руку не предложил; Когда кто сидит на коне, тогда сойдёт ли с онного, чтоб держаться за хвост; Охранял границу так, что во всю зиму ни котика не пускал; Что шпагу не вынет без того чину; Кроме еды да петуховой драки и в голове ничего не помещается; Зубы есть готовы на оборону отечества; Они с поляками до Москвы дойдут не найдя котика дома; Муху сноса не сгонят, тот пакостит а они нюхают; И таковые дни для меня так приятны как пилюли принимать; От мизинца моего до пяты и от сих до последнего волоску главы моей; Из ваших сетей небось не выпутаешься а час от часу завернёшься; Когда менее всего ожидаешь, тогда гора валится; Выдрать глаза;

Исписалась до смерти, устала; И хотя я двенадцать лет пытаюсь сей корень истребить, но вижу, что не успеваю, ибо отрыжки.

Говоря о трансформации фразеологических единиц, следует отметить, что очень тонка грань между понятиями «трансформированные фразеологизмы» и смежными с ними явлениями (апофтегма, сентенция, афоризм и т.д.). Так, Л.П. Иванова в статье «Фразеологизм и смежные с ним явления: проблемы дифференциации» отмечает, что устойчивостью и воспроизводимостью, главными характеристиками фразеологизмов, обладают и другие явления [Иванова 2009:257-265]. На основе дифференциальных признаков выведенных автором статьи, относим приведённые нами единицы именно к фразеологическим. Так, например, такие выражения императрицы, имеющие структуру предложения, как: *Когда кто сидит на коне, тогда сойдёт ли с онного, чтоб держаться за хвост; Охранял границу так, что во всю зиму ни коту не пускал; с поляками до Москвы дойдут не найдя коту дома; Муху сноса не сгонят, тот пакостит а они нюхают; Из ваших сетей небось не выпутаешься а час от часу завернёшься; И хотя я двенадцать лет пытаюсь сей корень истребить, но вижу, что не успеваю, ибо отрыжки;* можно на первый взгляд отнести, к афоризмам и апофтегмам. Но принимая во внимание тот факт, что каждое смежное явление будет обладать специфическим набором дифференциальных признаков, отметим, что выделенные нами выражения не будут обладать «прослеживаемым авторством» и не относятся к книжным явлениям. С опорой на эти данные относим приведенные примеры к трансформированным фразеологизмам.

Проанализируем наиболее яркие примеры, которые вошли в эту группу, так как во ФЕ именно этой группы были отмечены следы влияния субстрата родного языка.

Врагам своим ты ударил по пальцам усердием ко мне и ревностию к делам Империи.
[Лопатин 1997:220]

В русском языке нет такого фразеологизма *ударить по пальцам*. Во фразеологических словарях зафиксирована форма ФЕ *ударить по рукам* со значением заключить сделку и *палец о палец не ударить*, со значением бездействия. И в том и другом случаи заложен образ действия. В.М. Мокиенко отмечает, что *ударить по рукам* – это то же, что *взять по рукам и ногам*, то есть в значении лишить кого-то возможности свободно действовать [об этом: Бирих, Мокиенко, Степанова 2001:499]. У В.И. Даля встречаем в значении кончить дело, то есть формально завершить действие. В немецком языке находим фразеологизм с компонентом пальцы – *die Finger sich die Finger nach etw. lecken* (досл. облизывать пальцы – перевод автора) – очень сильно чего-то желать или зариться на что-либо. Учитывая это и исходя из контекста, в котором употреблена ФЕ, делаем вывод, что под влиянием родного языка автора произошла замена фразеологического компонента, *руки* – *Finger*, вследствие

чего был вербализован новый образ. Автор в эмоционально-экспрессивной форме дал оценку действиям адресата. Это же предложение можно было бы интерпретировать так: *Своим усердием ко мне и ревностью к делам Империи Врагам своим ты мешаешь и не даёшь их мечтам воплотиться.*

В целом, анализируемое нами ФЕ отображает стереотипное представление об ограничении свободы действий и о причинах невозможности свободно осуществлять деятельность.

Кроме еды да петуховой драки и в голове ничего не помещается [Лопатин 1997:460].

Значение данного фразеологического выражения складывается из свободных значений их компонентов и является вербализацией нового приобретённого билингвом культурного кода. Так, компонент еда означает нечто праздное, соответствующее в православной культуре мирскому, не имеющему важного значения. В православии главную роль играет душа, её состояние, а еда – для насыщения плоти, понятие второго порядка. Петуховая драка (петушиные бои) – увеселение, народная забава, известная нашим предкам еще во 2 в. до н.э. Первое упоминание о таком роде времяпрепровождения в России пришлось на начало 18-го века. Родоначальником считается граф Орлов. Эквивалентом данного индивидуального фразеологического выражения может служить русский фразеологизм – *ветер в голове.*

<...> а не по дуде и прихотям той или иной нации <...> [Лопатин 1997:250].

По дуде – это часть русской интерпретации универсальной идиомы *плясать под чью-либо дудку*, ср. в нем *nach j-s Pfeife tanzen*; в англ. *dance to smb.'s fiddle (tune)*; во фр. *marcher sous la houlette de*. Впервые выражение встречается у древнегреческого историка Геродота. Почти неизменным вошло в Библию. В целом фразеологизм имеет пейоративный оттенок. В репродукции автора это достигается ещё и в связи с употреблением разговорного просторечного названия инструмента. После соединительного союза «и» стоит существительное, которое выполняет функцию декодирования в приведённой ФЕ. Такая расшифровка носителю языка, культуры не нужна, поскольку определяющим свойством ФЕ является воспроизводимость, способность извлекаться из памяти, подобно отдельному слову [Иванов, Ск овородникова, Ширяева 2003:400].

Они с поляками до Москвы дойдут не найдя кота дома [Лопатин 1997:733].

Думается, что «*не найти кота дома*» значит в данном случае не застать дома хозяина. Образ взят из немецкой поговорки "*Wenn der Kater hinaus, kommt s Mauschen heraus*". В русских словарях того периода, которым датируются исследуемые нами тексты, не зафиксирована данная идиома. Предполагаем, что в русскую разговорную речь она вошла

уже позже 18-го века. Такой факт свидетельствует о том, что выражение было создано автором под влиянием субстрата немецкого языка.

Охранял границу так, что во всю зиму ни кот не пускал [Лопатин 1997:289].

В основу ФЕ положен метафорический образ кота. Кот – это животное, которое может бесшумно двигаться и видеть в темноте. Благодаря таким способностям его сложно заметить, что и дало повод автору для образования данного выражения. Но в русском культурном сознании не кот, а мышь ассоциируется с незаметным существом, которое тяжело поймать. Примером этому служит ФЕ *и мышь не проскочит*.

Выводы: На основе анализа приведённых нами единиц приходим к выводу, что существование окказионализмов и разного рода несоответствий при попытке перевода устойчивых выражений – явление неизбежное. Идиомы оживляют язык, придавая речи эмоциональность. Русский фразеологический корпус в системе языка Екатерины формировался постепенно по мере освоения ею русского языка, русской культуры. Если уровень усвоения лексики был направлен лишь на понимание и для установления контакта, то появление фразеологизмов в речи би/мультилингва придают ей образность и экспрессивность. Присутствие ФЕ в речи би-/мультилингва указывает на качественно высший уровень овладением языком, с одной стороны.

Литература

- Антоненко С.В. 2000 – *Структура писем А.С. Пушкина: (Лингвостилистика текста)*. Киев
- Бирих А.К. 2001 – *Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник* / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. Санкт-Петербург.
- Гумбольдт В. 1985 – *Язык и философия культуры*. Москва.
- Иванов Л.Ю. Сквородников А.П., Ширяев Е.Н. и др. (редакторы) 2003 – *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*. Москва.
- Иванова Л.П. 2006 – *Отражение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)*. Учебное пособие к спецкурсу / 2-е изд. доп. Киев.
- Иванова Л.П. 2009 – *Фразеологизм и смежные с ним явления: проблемы дифференциации. Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия [9а], Филология. Социальные коммуникации/ Таврический нац. ун-т. Т. 22 (61) № 4(2)*. Симферополь.
- Лопатин В.С. 1997 – *Екатерина II и Г.А.Потёмкин Личная переписка*. Москва.

СИСТЕМНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ РУНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ П.М. МЕЛИОРАНСКИМ

Н.Г. Шаймердинова

*Евразийский национальный университет имени Л.Гумилева, Казахстан
nurila1607@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности перевода на русский язык средневекового древнетюркского рунического памятника Кюльтегин, осуществленного выдающимся русским тюркологом П.М. Мелиоранским. Перевод П.М. Мелиоранского рунического памятника отличается семантикоцентричностью, которая проявляется в семантической интерпретации отдельных лексем и выражений, словообразовательных формантов, грамматических форм и категорий древнетюркского языка. В переводе П.М. Мелиоранского воссоздается самобытная номадическая культура, древнетюркская картина мира, в которой нашли отражение формирование кочевых древнетюркских государств, структура государственного устройства, мировоззрение и верования древних тюрков, этнографические и географические сведения.

Ключевые слова: руника, древнетюркский, перевод, семантикоцентричность, концептуальный

Платон Михайлович Мелиоранский, выдающийся тюрколог-лингвист, владел западными (немецкий, французский, английский, голландский, итальянский, датский), восточными (арабский, персидский, монгольский), древними (орхонский, уйгурский, чагатайский) языками и их «современными наречиями, прежде всего казакь-киргизское, казанско-татарское и османское» (А.Н. Самойлович), сумел понять и интерпретировать другой (тюркский) мир, культуру, язык. П.М. Мелиоранский обладал энциклопедическими знаниями не только в сфере лингвистической, но и области исторической, археологической и этнокультурной, о чем свидетельствуют его рунические исследования, и особенно его «Памятник в честь Кюль-тегина».

Сопоставляя немецкие варианты текстов В.В. Радлова, В. Томсена, учитывая погрешности своего первого совместного с В.В. Радловым перевода (1897 г.), П.М. Мелиоранский, создает новый русский перевод памятника Кюль-тегин. Он пишет: «...Такъ какъ чтеніе довольно большого числа мѣсть въ надписи Кюль-тегина у В.В. Радлова, работавшаго главнымъ образомъ по эстампажамъ, не совпадало съ чтеніемъ В. Томсена, то я подвергъ текстъ этихъ таблицъ тщательному пересмотру при помощи атласа «Inscriptions de l'Orkhon» и подлинныхъ фотографій съ надписей, снятыхъ финляндской экспедицией» [Мелиоранский 1899:49].

Орхоно-енисейские памятники, в т.ч. памятник Кюль-тегин, написаны на древнетюрском руническом языке. Алфавит древнетюрского языка состоит из 38 знаков-рун (происхождение которых до сих пор не установлено: либо шумеро-арамейское, либо собственно тюркское начало). Четыре рунических знака представляют систему вокализма, состоящую из 8 гласных фонем (а, э, ы, и, о, ө, у, ү), 26 знаков - систему консонантизма, состоящую из 28 согласных фонем, 6 рунических знаков являются лигатурными, которые выражают сочетания nd/nt, ld/lt, nč, ök/ük, аш / баш (ниже в таблице № 1 рунический алфавит).

Гласные	Парные согласные				Непарные согласные	Лигатурные знаки
	Велярные / Палатальные					
𐰀 (а, ?); /a, ä/;	𐰁	b	𐰂	b ¹	𐰃 (č)	𐰄 nd/nt
𐰅 (е, и); /e, i/;	𐰆	ɸ	𐰇	g	𐰈 (š)	𐰉 ld/lt
𐰊 (о, у); /o, u/;	𐰋	d	𐰌	d ¹	𐰍 (?)	𐰎 nč
𐰏 (?); /ö, ü/;	𐰐	j; ž	𐰑	j; ž	𐰒 (m)	𐰓 𐰔 𐰕 𐰖 𐰗 /ok, uk, ko, ku/;
	𐰘	q	𐰙	k	𐰚 (p)	𐰛 (ok, uk, ko, ku): /ök, ük, kō, kū/;
	𐰜	l	𐰝	l ¹	𐰞 (z)	𐰟 (am); /aš/;
	𐰠	n	𐰡	n ¹		𐰢 (bam); /baš/;
	𐰣	r	𐰤	r ¹		
	𐰦	t	𐰧	t ¹		
	𐰩	s	𐰪	š		

Для иллюстрации приведем некоторые древнетюрские слова и выражения и их переводы:

𐰀𐰅𐰆𐰇 𐰈𐰉 *Tenri-Umaj*, 𐰊𐰋 𐰌𐰍 *Jer-Sub* (Тенгри-Умай и Земля-Вода); 𐰎𐰏𐰐𐰑 𐰒𐰓𐰔𐰕 *tört buluŋ* (четыре угла); 𐰖𐰗𐰘𐰙𐰚𐰛𐰜 𐰝𐰞𐰟𐰠 *önjeki-qurjaqu* (восток-запад); 𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *jyrjaqu-berjeki* (север-юг); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *berden-jyrdan* (справа-слева); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *üsti-asta* (верх-низ); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *öñden-qurdan* (вперед-назад); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *jaqup-uzaqu* (близкий-далекий); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *kün-tün* (день-ночь); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *saryu-qaryu* (светлый-темный); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *kök-qara* (голубой-темный); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *ata-uruq* (предок-потомок); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *jarqan-menü* (творимое-вечное); 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *jalqu-üküs*; 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *mängi* "вечный"; 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *buyruk* "приказ, приказной"; 𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿 *bitig* "письмо/письменность" [Шаймердинова 2014:62].

П.М. Мелиоранский, один из первых из тюркологов, выявляет фонетико-фонологические особенности древнетюрского языка: систему велярных и палатальных согласных, нейтральные согласные, сочетающиеся с гласными как переднего, так и заднего рядов (m, ñ, ŋ, č, ś, z), лабиализованность (или в терминах П.М. Мелиоранского «губное

притяжение») гласных звуков «о», «у», «ө», «ү»; гармонию между гортанными и небными звуками (а, ә), (ы, і), (о, у), (е, ү) (или сингармонизм по твердости и мягкости). Звуки (а, ә), по мнению П.М. Мелиоранского, «употребляется почти исключительно на конце словъ и на этомъ месте встречается необыкновенно часто; я не могъ-бы указать ни одного несомненнаго примера, въ которыхъ бы конечное «а» «ә» въ орхонскихъ надписяхъ, не было обозначено» [Мелиоранский 1899:15].

Перевод П.М. Мелиоранского рунического памятника отличается семантикоцентричностью, которая проявляется в семантической интерпретации отдельных лексем и выражений, словообразовательных дериватов, грамматических форм и категорий древнетюркского языка. Проиллюстрируем сказанное выше в 1) лексической, 2) деривационно-грамматической системах.

1. **Лексическая система:** *Törüg qazıyanıp uça barmıs. Qaıym qaıanqa başlaju baz qaıyanıp balbal tikmis. Ol törüde üze eçim qaıan olurty. Eçim qaıan olurypan türük bodunıy jiče itdi, igitti. Ğuıajıy [baj qyldy, azyıy üküs qyldy. ... Когда мой дядя-каган, стал ханомъ, онъ привелъ в порядокъ турецкій народъ и повысил его благосостояніе. Бедныхъ онъ сделалъ богатыми, малочисленныхъ онъ сделалъ многочисленными* [Радлов, Мелиоранский 1897:20]. Выделенное выражение очень часто встречается в текстах В.В. Радлова, В. Томсена, а позже и в переводах С.Е. Малова и др. П.М. Мелиоранский считает, что, когда В.В. Радлов, В. Томсен переводят "аз" буквально как "малочисленный", нарушается смысловое содержание строфы [Томсен 1893:39]. Он пишет: «Эпитет «аз, немногочисленный» кажется, конечно, на первый взглядъ малоподходящимъ для большихъ племенъ кыркызовъ и тургешей», но понимать его здесь нельзя буквально; «аз» здесь значить не более **какъ разгромленный, разбежавшійся** и временно пришедшій въ упадокъ народъ, вследствие чего онъ и сталъ временно «немногочисленнымъ». Надписи несомненно употребляютъ «аз» въ такомъ понимании, потому что иначе непонятно какъ это хан можетъ «сделать немногочисленныхъ многочисленными» о чѣм они неоднократно говорятъ» [Мелиоранский 1899:112].

Убедительнымъ является перевод выражения «уда бас», которое В.В. Радлов переводит как «напасть врасплох», В. Томсен - как «победить, обыграть» [Radloff 1894:37] *jaıyına kыркыз тапа сүладиміз; сүнүг батыма карың сөкіпан көгмән жышың тоға жорып кыркыз будунын уда басымыз.- Проложивъ дорогу черезъ снегу глубиною съ копье и поднявшись въ Когменскую чернь, мы **разбили и обратили** в бегство кыркызский народъ* [Мелиоранский 1899:73].

Как исследователь объясняет такой свой перевод? П.М. Мелиоранский пишет «въ виду того, что орхонское (уда) перешло въ османскомъ въ «ашитъ», такое сближеніе не

невозможно, но мне кажется более естественным видеть глаголь «следовать, преследовать»; «уда басдымыз» буквально означает «победили, так что (потом) преследовали» т.е. «разбили и погнали» [Мелиоранский 1899:123]. Следует отметить, что эти смысловые значения были использованы авторами новейшего Атласа орхонских памятников.

Значения слов «теблиг», «корилік», «армарчы» до сих пор является предметом дискуссии среди тюркологов. П.М. Мелиоранский пишет: «Я сближаю «теблиг» съ «теп», *лягать, толкать*, и перевожу «подстрекательство» (собст. подталкивающий, подстрекающий); «кориліг» через «шпионство», от «кор» – смотреть; «армакчы» – прельщение; В.В. Радловъ сближаетъ съ «арбагчи», *заклинатель, колдун*» [Мелиоранский 1899:102]. В казахском языке *теп-тебу* означает *отталкивать*; *көру* *видеть, смотреть*. На наш взгляд, ученый удалось правильно определить значение указанных слов как «подсматривать», «подглядывать».

В текстах памятников много этнонимов, значения которых ясны и до настоящего времени. Так, например, в так называемом большой надписи Кюль-тегина пишется: «Сами[каганы] умерли. Скорбящие, плачущие из солнечного восхода, народ пустынной Бёкли, табгачи, тибетцы, авары, римляне, кыргызы, уч-куруканы, отыз-татары, киданы, татабы – столько народа пришло. Все скорбели, оплакивали. Столь великие каганы были. После них каганами стали их младшие братья, сыновья их стали каганами» [Жолдасбеков, Сарткожаулы, Шаймердинова 2006:186]. П.М. Мелиоранский дает толкование некоторым из этих этнонимов: табгачами называет китайцев, тупутами – тибетцев, уч-куруканы – это предки современных якутов и т.д. В то же время он не скрывает своих сомнений по поводу неясного этнонима «*пар-пурум*»: «...онъ скончался. (Въ качестве) плачущихъ и стонущихъ (т.е. для выраженія) пришли, изъ страны солнечного восхода, народи степи (?) Боклийской (?), а также китайцы, тибетцы, *пар-пурумы* (?), кыркызы, учъ-куруканы, отузъ татары, кытай и татабийцы, - столькіе народы придя стонали и плакали: столь знаменитый каганъ былъ онъ» [Мелиоранский 1899:60].

Ссылаясь на историографические источники, В. Бартольда, ученый предполагает, что «пар-пурум» (или, какъ хочет В. Томсень, «Апар-апурым») какой-то народъ, который не удалось вполне отождествить съ какимъ-нибудь известнымъ изъ другихъ источниковъ. Всего вероятнее, на мой взглядъ, предположеніе В. Бартольда, что это уйгурское племя Fu-fu-lo, жившее до половины VI века недалеко отъ Алтунйыша, родины ту-гю [Мелиоранский 1899:99].

Позже С.Е. Малов без какой-либо доказательной базы этот этноним переводит как «*авары и Рим*» [Малов 1951:34], таким же образом данный этноним переводят и последователи Сергея Ефимовича до настоящего времени. Таким образом, версия П.М. Мелиоранского осталась без должного внимания.

2. Деривационно-грамматическая система. Хорошее владение тюркскими языками (турецким, казахским) делает достоверным перевод П.М. Мелиоранским производных слов и словоформ древнетюркского языка. Обратимся к некоторым иллюстрациям *сыра/ -сіра; лық/ lig, мыш/миш, арінч; жалма (жалмас)*. Например: 1) *Јағы болып әтүнү жаратуну умдук јана ічікмиш. бунча ішіг*

күчиг бәртүкгәру сакынматы, түрк будун өлүрәјін уруқсыратајын тәр әрмиш, жокаду барыр әрмиш. - Став врагомъ, онъ турецкій народъ откочевалъ назадъ, где питалъ надежду устроиться и завести у себя (старый) порядокъ [Мелиоранский 1899:66].

2) *Кырк артук[ы јат]і јолы сұламиш, јәгірмі сүнүш сүнүшмиш, тәнрі јарлыкадук үчүн әллігіг әлсіратмиш, қағанлығыз қағансыратмыш... – Сорок семь раз онъ ходилъ съ войском в походъ и дал двадцать сражений. По милости Неба онъ отнялъ племенные союзы у имевшихъ племенные союзы и отнял кагана у имевшихъ (своихъ) каганов [Мелиоранский 1899:67].*

Ученый правильно понимает значение производных *уруқсыратајын* («предполагать», «надеяться»), *әлсіратмиш* («сделать бессильным», «отнять»), *қағансыратмыш* («остаться без кагана», «отнять»). Разделяя точку зрения В.В. Радлова в полемике между В.В. Радловым и В. Томсеном по данному дериватам [Radloff 1894:78], П.М. Мелиоранский отмечает, что «въ современных диалектахъ аффиксъ *-сыра, -сіра (-зыра,- зіра)* почти никогда не имеетъ привативнаго значения», пишет, что значение аффикса «сыра» вообще по-видимому варировало, напр. по казакъ-киргизски «уіксура» значить «говорить во сне, грезить, иметь поллюцію» и далее «кансыра», иметь потерю крови, «элсіра», обессилеть [Мелиоранский 1899:103]. Тем самым, на наш взгляд, П.М. Мелиоранскому удаётся правильно определить модальные значения словообразовательного деривата. В современных тюркских языках (казахском, киргизском, каракалпакском, ногайском и др.) сохранились производные слова с указанными значениями аффиксов.

В тексте рунических памятников часто встречаются грамматические формы с аффиксами *мыш/миш, лық/ lig/лик*: *Бардыз курыңару барыңма бардыз; бардук јардә арін канын субча јүгүрті сүнүкун таңча јатды, бәгілік уры кул болды, сілік кыз оғлын күн болды. - Ходилъ назад (т.е. на запад), и въ странахъ, куда ты ходилъ, вотъ что было для тебя хорошаго: твоя кровь бежала (тамъ), как вода, твои кости лежали (т.е. нагромождались там), какъ горы; твои крепкіе сыновья стали рабами, твои чистыя дочери стали рабынями [Мелиоранский 1899:70].*

Считается, что аффиксы *лық / lig* в древнетюркском языке являются формообразующими [Ramstedt 1957:45; Кононов 1988:106]. П.М. Мелиоранский считал, что эти аффиксы в древнетюркском языке образуют класс имен прилагательных: «Я решительно

стою за переводъ этого места, данный В. Томсеномъ. Я думаю почти какъ В. Томсень, уклоняясь отъ него только въ одномъ пунктѣ. Оба эти окончанія и притомъ только они одни употребляются исключительно для образованія имени прилагательныхъ (башлык, тізліг). Это совершенно ясно изъ всего оборота, взятаго въ целомъ, и столь обычнаго не только въ турецкомъ, но и въ родственномъ ему монгольскомъ языкѣ» [Мелиоранский 1899:95].

Продуктивными являются в древнетюркском языке слова на – *мыш / миш*, которые чаще всего определялись как синкретичные глагольные формы [Deny 1955:11; Tekin 1968:49]. Платон Михайлович пишет: «форма на -мыш между прочимъ выражаютъ иногда действия, предшествовавшія или даже одновременныя по отношенію къ действию, выраженному прошедшимъ категорическимъ, но сосавляющія как бы его обстановку, рисующія те обстоятельства, при которыхъ оно совершилось.» [Мелиоранский 1899:86]: *Түрк бәгләр түрк атын ыты, табҗач аҗы бәгләр табҗач атын тутыпан табҗач каканка көрмиш. әліг жыл ишиг күчиг бармиш.* – Турецкіе беги сложили (съ себя) свои турецкія имена (т.е. званія, титулы), и принявъ (какъ) китайскіе важныя беги, китайскія имена (т.е. титулы) подчинились китайскому кагану. Пятьдесятъ летъ отдавали они ему свои труды и силы [Мелиоранский 1899:65].

Благодаря тому, что Платон Михайлович выявил значения и употребление формы *мыш / миш*, позже ученые смогли данные формы определить как причастные формы древнетюркского языка. Более того, значения и средства выражения указанных аффиксов нашли преимущество и в памятниках позднего средневековья таких, как «Дивани лугат ит турки» М. Кашгари, «Кутадгу билик» Ю. Баласугуни, армяно-кыпчакских памятниках в «Судебнике», в «Слове мудрого Хикара». Все это означает верность переводов и интерпретации глагольных форм и значений П.М. Мелиоранским. В современных тюркских языках причастные формы на *мыш / миш* сохранились в огузской подгруппе тюркских языков – турецком, азербайджанском, гагаузском, туркменском языках.

Анализ другой грамматической формы «*јалма*» («*јалмас*») раскрывает процесс манифестации языкового сознания, определяемый речевым поведением тюрколога. В. Банг форму «*јалма*» рассматривает в параллели с «*јакма, dzalma, tsalma, salma*», т.е. как вариант «*јалма*» [Bang 1917:14].

П.М. Мелиоранский вступает в полемику с В. Бангом, которая со стороны Мелиоранского имеет порой острый, беспощадный характер, о чем свидетельствует его коннотативно насыщенная речь: мы плохо понимаемъ, как собственно В. Бангъ представляетъ себе взаимныя отношенія всехъ приводимыхъ имъ параллелей; В. Бангъ думаль, будто орхонскому «*јалқасын*» соответствует якутское «*салқасын*»; допустим, что это такъ; в «алтайской» фонетике В. Банга начальные «*j, tz, ts, s*» заменяют друг друга безъ всякаго, съ

позволения сказать, толка по первому востребованию В. Банга на всем протяжении алтайских языков. И, наконец, саркастическое заключающее выражение «А такъ какъ вместо начального «а» В. Бангъ смело ставитъ «ја» (алкасын = јалкасын), то трудно представить, какъ далеко онъ можетъ пойти со своимъ «методомъ и какъ «плодотворны» будутъ результаты его изысканий! Какія удивительныя превращения можетъ испытать глаголь «ал, братъ» (јал, дзал, сал, чал и т.д.). Однако довольно! ...» П.М. Мелиоранский считает, что В. Банг, недопустимо объединяет в одном слове разные корни, что в форме «*јалма*» речь должна идти о форманте *-s*, обозначающим предположения, неуверенность [Мелиоранский 1899:107].

«Памятник...» в переводах П.М. Мелиоранского представляется как отражение картины древнетюркского мира истории раннего, позднего тюркского каганата, мировоззрения и верований тюрков, этнографических и географических сведений. Картина древнетюркского мира раскрывается через концептуальные понятия, в которых раскрываются вопросы государственности, структура государственного устройства, верования и деятельность каганов. П.М. Мелиоранский был одним из немногих людей своего времени, признававших наличие тюркской цивилизации и государственности:

1. *«Когда (ихъ) стало семсотъ, то онъ привелъ въ порядокъ народъ, утратившій свой «эль» (т.е. свое независимое государственное устройство) и своего кагана народ, порабожденный (китайцами), народ, упразднивший (свои) турецкія установленія (этот-то народъ онъ привелъ въ порядокъ), по установленіямъ моихъ предковъ и сделалъ его воинственнымъ (т.е. готовымъ къ борьбе съ врагами)...»* [Мелиоранский 1899:67].

П.М. Мелиоранский считает, что «эль» означает «государственное устройство» и «самостоятельную государственную жизнь», однако это государство не западного типа, а государство кочевое. Он отмечает «эль» есть первоначально группа племён (обыкновенно однородныхъ или близкихъ другъ къ другу этнографически), которыя пользуются самостоятельностью и составляют одно политическое целое – «кочевое государство» [Мелиоранский 1899:82].

Слова «*төр*», «*төрү*», по мнению тюрколога, означают проявление власти хана, кагана: «Въ примененіи къ хану «төрү» значить а) решение, постановляемое ханомъ при различныхъ тяжбахъ и столкновеніяхъ, б) просто «ханская правительственная власть», ... «*эль төрү*» власть хана в государстве». П.М. Мелиоранский определил структуру государственного устройства тюрков, эта мысль нашла отражение в новейшем Атласе орхонских памятников (центра государства – Орда, правое крыло – тардуш, левое крыло – толес [Жолдасбеков, Сарткожаулы, Шаймердинова 2006:8]. П.М. Мелиоранский пишет «толесъ и тардушъ были конечно два такъ называемыхъ «отделенія» племени огузов. Изъ разныхъ

месть надписей видно, что оба эти племени играли первенствующую роль въ «эле ту-гю»; стоявшія во главе ихъ лица были высшими сановниками после хана; они носили титулы «ябгу» и «шада» (выделено – Ш.Н.), причёмъ «ябгу» считался также шадомъ, какъ видно изъ неоднократнаго упоминанія о двухъ шадяхъ» [Мелиоранский 1899:109].

В комментариях «Памятника...» П.М. Мелиоранский раскрывает и верование тюрков, обосновывая в переводе употребление слов мировоззренческого характера Неба, Земля-Вода, Тенгри, Умай – верховные божества тюрков: «Т’энри», «жер», «суб» – турецкія шаманистскія божества; подъ ними надо понимать или прямое олицетворенія неба, земли и воды. Или особыхъ духовъ, обитающихъ по верованію въ различныхъ «священныхъ» местахъ ихъ родины. «Т’энри» (небо) есть въ то-же время и высочайшее божество» [Мелиоранский 1899:105].

Таким образом, семантический анализ форм и слов, «Памятника...» раскрывает языковое сознание учёного, экспликацию когнитивных возможностей талантливого тюрколога-лингвиста. Используя достаточно обширный материал по орхонским исследованиям исторического, этнографического, культурного, лингвистического характера; сопоставляя работы известных тюркологов В.В. Радлова, В. Томсена, В. Банга, полемизируя с ними, П.М. Мелиоранский создаёт свою уникальную версию перевода, предельно приближённую к воссозданию древнетюркского мира. Эта приближённость минимизирует количество понятий, отражающих русские реалии. Неизбежные при переводе замена специфических этнических фактов, соответствующих реалиям русской действительности, сведена к минимуму. К ним относятся:

- слова, обозначающие социальный статус и функции *добрые витязи, лейб-мастер, челядинцы, вассальные народы, княжна, ту-гю, турецкий (тюркский)* и т.п.

- стилистически маркированные выражения типа *от любезного сына моего кагана тургешского, чтобы научиться из этой моей речи (правильному взгляду на дело), мои проверженные челядинцы (или: соплеменники), обладающий тем пресловутым образованием* и т.п. [Шаймердинова 2007:188].

Как уже было отмечено, П.М. Мелиоранский «не боится» сомневаться, в тексте много лакун, вопросительных знаков, заскобочных пояснений и размышлений, отражающих моменты сомнений, раздумий. На наш взгляд, именно перевод и толкование П.М. Мелиоранского, является концептуальной, лингвистической базой для всех последующих переводов и в первую очередь для перевода С.Е. Малова.

Резюмируя изложенное, следует сказать, что и сегодня актуальны слова его ученика А.Н. Самойловича, который писал «П.М. Мелиоранскій, благодаря своимъ недюженнымъ дарованіямъ, большому трудолюбію и безграничному интересу къ своему предмету,

поразительно быстро стала на мало кем из туркологов достигнутую высоту современных лингвистических методов и взглядов» [Самойлович 1907:4]. На наш взгляд, лучший перевод на русский язык и толкование древнетюркского рунического памятника Кюльтегиндо сих пор никем не сделан. Все последующие переводы Кюль-тегина, в том числе и С.Е. Малова, являются тем или иным вариантом перевода П.М. Мелиоранского.

Литература

- Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. 2006 – *Атлас Орхонских памятников*. Астана.
- Кононов А.Н. 1980 – *Грамматика языка тюркских рунических памятников*. Ленинград.
- Малов С.Е. 1951 – *Памятники древнетюркской письменности*. Москва – Ленинград.
- Мелиоранский П.М. 1899 – *Памятник в честь Кюль-тегина*. Санкт-Петербург.
- Радлов В.В., Мелиоранский П.М. 1897 – *Древнетюркские памятники Кошо-Цайдам*. *Сборник Трудов Орхонской экспедиции. Т.IV*. Санкт-Петербург.
- Самойлович А.Н. 1907 – *Памяти П.М. Мелиоранского*. Санкт-Петербург.
- Шаймердинова Н.Г. 2014 – *Древнетюркская картина мира в текстах письменных памятников*. Астана
- Шаймердинова Н.Г. 2007 – *Когнитивная семантика древнетюркских Орхонских текстов*. *Изд. переработанное и дополненное*. Астана.
- Bang W. 1917 – *Turcica. Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*. Leipzig.
- Deny J. 1955 – *Principes de Grammaire turque*. Paris.
- Radloff W. 1894 – *Altürkischen inschriften Mongolei*. St.Peterburg.
- Ramstedt, G. 1957 – *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre*. Helsinki.
- Tekin T. 1968 – *Grammar of Orkhon Turkish. Indiana University Publications*. The Hague.
- Tomsen V. 1893 – *Dechiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Jenissei. Notice preliminaire*. *Bulleten de l'Academie des sciences et des lettres de Danemark*.

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СТАРОВЕРОВ ЭСТОНИИ

В.П. Щаднева

Тартуский университет, Эстония

valentina.schadn@mail.ru

Предлагаемая статья посвящена репрезентации концепта *время* в говоре староверов Эстонии. Объектом изучения выступают слова и словосочетания с семой темпоральности. В работе затрагиваются значимые для староверов лексико-семантические группы темпоральных единиц разных частей речи, называющих как точные, так и приблизительные временные отрезки: время суток, месяц, времена года; конфессиональные праздники; исторические периоды и т. п. В ходе анализа принимается во внимание пересечение концепта *время* с другими важными для диалектоносителя концептами: *религия, труд, природа, семья*.

Ключевые слова: концепт *время*, темпоральные единицы, говор староверов, диалектный дискурс, языковая картина мира

Данное исследование¹⁹ посвящено репрезентации концепта *время* в говоре староверов Эстонии. Цель работы — рассмотрение идеи времени в языковой картине мира старообрядцев. Анализу подвергался материал бумажных и электронных записей диалектных текстов, собранных студентами и преподавателями отделения славистики за несколько десятилетий. В ходе анализа учитывались и неопубликованные, и уже изданные материалы [Очерки I 2004; Очерки II 2007; Очерки III 2012]. Предлагаемая работа не претендует на полное освещение вопроса, поскольку отдельные стороны обозначенной темы заслуживают специального обсуждения. По этой причине основным объектом изучения стали наиболее типичные для диалектного текста и дискурса темпоральные языковые единицы, выявленные в рассказах староверов Западного Причудья и примыкающего к нему о. Пийриссаар.

Анализ опирается на *функционально-семантическую категорию темпоральности*, объединяющую совокупность разных грамматических и неграмматических языковых средств репрезентации времени: лексических, морфологических, синтаксических [Бондарко, Беляева 1990:67]. Специфика временной референции заключается в том, что «темпоральность возникает в акте высказывания и через высказывание» [Бенвенист 1974:315]. Тем самым темпоральное маркирование оказывается обязательным признаком дискурса и текста.

¹⁹ Статья написана при финансовой поддержке гранта № 9300 Эстонского научного фонда и гранта № 09102 «Староверы как носители культурной памяти» государственной программы Эстонии.

Актуальность темы обусловлена изначальной связью религиозной концепции староверов с идеей времени, что отражено уже в их самоназвании. Представления о мире, взгляды, оценки, нормы поведения, имеющие для староверов принципиальное значение, предопределены древними канонами, которые сформировали старообрядчество как обособленное этноконфессиональное сообщество. Содержанием диалектных текстов, как показывает фактический материал, во многих случаях оказываются произошедшие события и их оценки, описания освященных традицией действий и предметов. По этой причине в записях речи диалектоносителей в целом наблюдается постоянное противопоставление прошлого и настоящего, что уже отмечали исследователи разных говоров. По мнению С.М. Беляковой, например, главной оппозицией в диалектных текстах является *прошлое – настоящее*, а основным временным планом — план прошлого [Белякова 2005:87].

В воспоминаниях о прошлом отражается важный для человека и социума приобретенный опыт, который имеет особую ценность в силу повторяемости значимых элементов существования человека. Как пишет Н.Г. Брагина, «к прошлому апеллируют как к некой реальности, очевидной истине. То, что хранится в памяти, несет на себе печать истинности» [Брагина 2003:11]. Поэтому направленность в прошлое является важной характеристикой мировоззрения носителей традиционной этноконфессиональной культуры, ибо для диалектоносителей память о повторяющихся бытовых и ритуальных действиях связана с жизненным укладом.

Противопоставление в диалектном дискурсе планов прошлого и настоящего осуществляется посредством разнообразных языковых средств разных уровней языка. В первую очередь темпоральность реализуется через глагольно-временные формы, в которых уже заложено установленное самой языковой системой грамматическое значение времени и которые относят высказывание к одному из трех временных планов: настоящему, прошедшему, будущему. В задачи статьи детальное обсуждение глагольных форм не входит, однако отметим, что в целом глагольная темпоральность в диалектном дискурсе отражается посредством меняющейся временной перспективы и использования глагольных форм с разными временными значениями, что доказывают приведенные ниже языковые иллюстрации.

Богатство глагольных форм и их значений сочетается в диалектном дискурсе с активным использованием разнообразных лексических средств, как обладающих в своей семантической структуре семой темпоральности, так и обозначающих время опосредованно — через указание на конфессиональные праздники, ритуалы и пр. В рамках одного контекста и даже одного предложения нередко наблюдается одновременное использование темпоральных слов разной семантики и частеречной принадлежности. Эти лексические единицы, уточняя временные параметры событий, называют и точное, и приблизительное

время: 1) точный временной пункт, 2) интервал между временными точками, 3) временную повторяемость, 4) временную длительность и др. Данная статья нацелена на обзор наиболее типичных языковых единиц²⁰, относящихся к разным частям речи — существительным, прилагательным, числительным, наречиям и их производным:

(1) *Мне **семьдесят восемь годóв**. **Всю жизнь** [жизнь] **тута жил**. Наши деды и прадеды **ишио жили**. **А сяйчас-то добра мало**. **Ядиноличники **таперя****. Тольки норма большая. **Дочка** — рабоча сила, а и с мяня тоже требуют. **Ничаво живем все ж. Раньше** занимались **строительством, тапéрь** это устарело. **Тапéрь** силы-то большой ня надо: **всё на машины перенесены**. **Раньше** все долго жили, **в старину**, мой папáшка говорил, а папáшкин-то отец жил **сто двадцать год**, а бабушка — **сто пятнадцать**. Малые Кольки, 1964*

(2) *Сам я с **1896 года** рождения. Пожалуй, **старше** мяня никого и нетути, все помёрли, было много. **Нóни** один старичок помёр, хороший был. **Вместях** росли, **вместях** гуляли с девками. Правда, ён был на **чатыре года** постарше, а **тапéрича** в сырой зямли ляжит. **Ничаво не поделаешь**, всим умирать придётся, а пожить хочется, **сячас** хорошо стало. Березье, 1970*

(3) *Сахар этот варим, **до сих пор** варим этот сахар, **с давних времён** варим. В посты варили на воды, **пóстничали-то**. Варнья, 2003*

В сфере темпоральных средств говор Западного Причудья и о. Пийриссаар обладает рядом языковых особенностей, одной из которых является сочетаемость слова *год* с количественными словами, что ранее было отмечено И.П. Кюльмоя [Кюльмоя 2012:244]. Такая сочетаемость распространяется на значения возраста и срока:

(4) *Раньше топил печки, **пять год** работал в школе. Свой дом самы построили. Я строил, баба кирпич резала, двое строили. Малые Кольки, 1964*

(5) ***Сейчас** [я] ножку разломала и глазок растеряла. Мне **сейчас без 2 год 100 год**. Любницы, 1970*

Однако подобное употребление не исключает и совпадения с литературным языком:

(6) ***Шесть лет** в по́ле ходи́л и **два лета** на баржѝ, на паруснике у дяди Артемия Стяпаныча Якимова в работниках отплавал. Школа была у нас только четырёхкласска **в то время**. Когда я кончил **чаты́ре** класса, меня уже сполнилось **лет чаты́рнадцать**. Новая Казепель, 2003*

Следует упомянуть и о сложных прилагательных также со значением возраста или срока. В составе подобных прилагательных используется компонент *-гóдний* в значении *-летний*:

²⁰ 1) В примерах сохранены лишь некоторые наиболее яркие фонетические особенности говора. 2) Жирным шрифтом отмечены темпоральные языковые единицы; глаголы и союзы не выделяются. 3) В квадратных скобках указываются значения диалектных слов или даются необходимые пояснения.

(7) *Не то что городские там большие, у нас там **третьегодняя** девочка такая. Что-нибудь скажешь, так яна: «Бабушка, ты не так, ты неправильно говоришь!»* Варнья, 2003

(8) *Хотите посмотреть **стогóдного** [на фотографии]? **Сто лет** было папы.* Варнья, 2003

Представляется интересным и наличие в говоре абстрактного существительного *прэжность* и наречия *дэнью-дэнь*:

(9) *Вот такие люди были **в старину**, в которых такая вера была. Я про **прэжность** говорю, которые такие оставши воспоминания.* Муствез, 2003

(10) *Я ходила за клюквой две нядэли **дэнью-дэнь** [целыми днями].* Старая Казепель, 2005

Противопоставление планов настоящего и прошлого в дискурсе маркируется, прежде всего, рядом вариантов наречных лексем *теперь* (*таперь*, *таперича*), *сейчас* (*сячас*) — *тогда* (*тоды*), *раньше* (*ране*), *потом* и др. Эти весьма частотные слова (особенно *теперь* и *тогда*) пронизывают тексты всех частных дискурсов: бытового, трудового, конфессионального, гендерного и др.

(11) *Тут были ямы, куветы, а **тапёрь** пяску навозили, поставили будку, а то некуда скрыться пассажирам.* Малые Кольки, 1964

(12) *А я говорю: «А что ты сделаешь? **Тапёрь** уже всё. **Тапёря** куды идтить, как [когда] случивши? Это надо было **сразу** идти».* Варнья, 2003

(13) ***Тогда** я ходил **летом** в поле по крестьянам, а **потом** с отцом на строительство перяшёл.* Новая Казепель, 2003

(14) ***Раньше** тут у нас в дяревне почти у каждого были **лошадя**.* Малые Кольки, 1964

С точки зрения содержания рассказов употребление таких наречий распространяется не только на события, но и на оценку временных периодов, ибо весьма значимая для диалектоносителя оппозиция *прошлое–настоящее* представляет собой способ сопоставления как самих временных отрезков, так и жизненного уклада в разное время. Хотя сравнение сложившегося порядка вещей и современного положения дел может быть как в пользу настоящего, так и прежнего времени, во многих случаях прошлое в этой оппозиции рассматривается как норма. Это утверждение относится к разным частным дискурсам:

(15) *А **таперича** жизнь [жизнь] хорошая, как сыр в масле катаются...* Выпсу, 1970

(16) *В Ленинграде вот, **вчерась** анна [одна] говорит, морковь-то была по тридцать копеек, а **тапёрь** уже рупь пучок.* Малые Кольки, 1964

(17) *Ну вот и говорят, что судак поядает всю рыбу, что рыбы мало стало. **Раньше** ездили мы и не видали почти ягó. **Некоторый раз** коли попадэ один, так это хорошо. **Последне время**, **три аль чатыре года**, откуль [откуда] ён появился, никто не знает.* Варнья, 2003

(18) *А бабушка, его мать, была красавица. Она была несчастна за красоту. Кто её хотел [сватал], были другой веры, православные. Тогда строго было: родители не отдали, замну́ли её.* Варнья, 2003

(19) *Теперь хлеб с магазина, всё с магазина, а тогда хлебы пякли сами. Напая́ём на няделю, он и не черствел так скоро, как магазинный теперь. Были такие квашо́нки деревянные, и туда делали закваску.* Варнья, 2003

Из подобных противоположных направленностей реализации концепта *время* складывается менталитет старовера как индивидуальная и коллективная черта.

Оппозиция *раньше – сейчас* может проявляться и в некотором умалении своей языковой культуры. Это означает, что староверы осознают себя носителями уходящих ценностей, реалий и языка:

(20) *Сячас публика стала граматная.* Березье, 1970

(21) *Тапéрь всё новое, народ культурный стал. Тапéрь уже и старушки ходят в кино.* Малые Кольки, 1964

В то же время недостойное поведение представителей нового времени (в том числе и потомков староверов) носители говора осуждают:

(22) *Не стали знать тапéрь ничо́го, худое время и худые люди. Погляжь тапéря: пьют, курют, яны́ не сознают ничо́го.* Новая Казепель, 2003

(23) *Раньше не пили ведь так, как сейчас пьют. Раньше азунчик [бутылка в 0,25 литра] был маленький, а вино-то [водка] было хлебное, хорошее, и с этого азунчика пьяный.* Варнья, 2003

Охватывая разные микротемы, лексемы *теперь* и *тогда* в рассказах староверов активно используются и во вторичном значении — как своеобразные синонимы союзов *и*, *и вот*. Соединяя предложения в связный текст, они, по сути дела, становятся дискурсивными словами, которые в композиционной структуре текста подчеркивают логическую последовательность событий, конкретных действий и komponуют отдельные фрагменты повествования в единое целое:

(24) *Бывало, папа привозил конфеты — всяго́ там, разных. Мама под крест здесь поставит. Нет, она [сестра] найдёт, всё равно возьмёт и ото всех убярёт. Тапéря-то и начинает мама: «Кто конфеты съел?» — «Не знаю».* Варнья, 2003

(25) *Прилетели, стали бомбить не бомбить, вроде как с пулемёта, и народ стал разбегаться. Тогда́ кто-то кричит: «Не бягите по дороге, а бягите по огородам!»* Муствез, 2003

(26) *Немножко водичкой помочишь, опять месишь [тесто]. Вымесишь, тогда постоит час-два, оно поднимется.* Варнья, 2003

(27) *И я, купивши дом, ещё немного отжил с отцом, тогда вижу: мне всё же нужно жани́ться.* Новая Казепель, 2003

В употреблении таких слов-коннекторов И.П. Кюльмоя усматривает влияние эстонского языка [Кюльмоя 2004:158]. Первичные и вторичные употребления этих семантически диффузных лексем в текстах перемежаются, при этом наблюдается использование их и для установления простой последовательности событий:

(28) *Первый народился у мяня сын, потом Праксея и тогда ещё сын, а тады ещё две дочки.* Новая Казепель, 2003

Поскольку рассказы старообрядцев носят ретроспективный характер, то в рамках повествований и описаний отражается восприятие и оценка времени разных исторических и жизненных периодов. Представления о прошлом воплощаются через названия как с денотативным, так и с коннотативным значением: *Псковское царство, царское время, крепостное время, якатерининские времена, эстонское время / при Эстонии* (время первой Эстонской республики); *сенокосное время; хамов век, сатанинский век* и др.:

(29) *В царское время дярвеня называлась Лубóвкой, а тяперича Выпсу.* Выпсу, 1970

(30) *В Нина [деревне] ярманки раньше были в нас, при Эстонии, при той.* Кольки, 2005

(31) *Был в немецкое время приказ в молённую ходить.* Новая Казепель, 2003

(32) *Много-много я перяжёл в эту военную время. А впо́слях бяри́, явился-приехал домой.* Новая Казепель, 2003

(33) *У меня дед пáсто́лы носил. Когда было сенокосное время, он всегда в пáстолах ходил.* Новая Казепель, 2008

Как уже упоминалось, духовная и материальная жизнь староверов изначально опирается на идею времени. Весьма значимый для староверов конфессиональный дискурс обусловлен старообрядческой религиозной концепцией с ее устоявшимися канонами, которые сохраняются и в ритуалах, и в религиозной лексике, тесно связанной как с временем года (названия праздников), так и суток (названия служб): *Рожество, Пятров день, вечерня, утренняя, часы* (ряд служб в моленной в течение дня) и др. В то же время религиозные устои определяют и традиционный быт, в котором предусмотрено весьма уважительное отношение к труду. При этом труд в религиозной концепции староверов реализуется и в усердном служении Богу, и в повседневной работе [Щаднева, Паликова 2011:376–389]. В Эстонии староверы традиционно занимаются выращиванием лука и рыбным промыслом, которые зависят от сезонных и природно-климатических условий, поэтому в речи старообрядцев важны указания на времена года, месяцы. Даже некоторые названия ветров, особо значимых для рыбаков, несут печать темпоральности: *зимня́к, полуденник*. В то же время наименования времен года, месяцев актуальны и для текстов иной тематики, например, семейной:

(34) *Наши-то уехал, батькин малек, в Камчатку. Вясной улятел на ераплáne с Москвы.*

Развозит там по рыбакам то снасти, то провианты. Малые Кольки, 1964

Несмотря на то что приведенные в статье языковые и содержательные особенности концептуализации времени в старообрядческой картине мира охватывают лишь незначительную часть темпоральных феноменов, анализ способов выражения времени в говоре староверов Эстонии свидетельствует и о наличии ряда своеобразных способов оформления идеи времени, и о структурирующей роли темпоральных языковых средств в архитектонике диалектного текста и дискурса. Проведенное исследование подтверждает также выводы специалистов о том, что противопоставление планов прошлого и настоящего является общей диалектной чертой. Употребление темпоральных языковых единиц обусловлено пересечением концепта *время* с другими важными для диалектоносителя концептами: *религия, труд, природа, семья*. Тем самым содержательно-языковая репрезентация концепта *время* в диалектном дискурсе формирует диалектную картину мира.

Литература

- Белякова С.М. 2005 — Прошлое и будущее в диалектной картине мира. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2, 79–88.
- Бенвенист Э. 1974 — *Общая лингвистика*, Москва.
- Бондарко А.В., Беляева Е.И. 1990 — *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград.
- Брагина Н.Г. 2003 — Память и прошлое: языковые образы, культурные практики. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. Т. 62, № 5. С. 3–13.
- Кюльмоя И.П. 2004 — О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии I*, Tartu. С. 155–159.
- Кюльмоя И.П. 2012 — «Хорошо я жизнь прожил очень, спасибо богу» (Об особенностях говора одного жителя острова Пийриссаар). *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III*. Acta Slavica Estonica I. Лингвистика. XV. Tartu. С. 241–245.
- Очерки I 2004 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии I*, Tartu.
- Очерки II 2007 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II*, Humaniora: Lingua Russica, Лингвистика X, Tartu.
- Очерки III 2012 — *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии III*, Acta Slavica Estonica I, Лингвистика XV, Tartu.
- Щаднева В.П., Паликова О.Н. 2011 — Труд в системе социально-религиозных представлений староверов западного Причудья (на материале говора). *Лингвокультурное пространство современной Европы через призму малых и больших языков*. Humaniora: Slavica Tartuensia IX. Tartu. С. 376–389.

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-РУСИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ НА БАКАЛАВРИАТ И МАГИСТРАТУРУ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ Г. КРАКОВА

С. Юзефяк

*Педагогический университет им. Комиссии народного образования, Польша
syljoz6@wp.pl*

Настоящая статья содержит информацию на тему подготовки будущих бакалавров и магистров русской филологии Краковского Педагогического университета. По утвержденным Министерством высшего образования Польши вузовским планам обучения дипломные работы на бакалавриат готовятся студентами 3-го курса в рамках семинаров по глоттодидактике. Зато магистерские работы осуществляются в течение полтора года, то есть во втором семестре 1-го курса и на 2-х конечных семестрах 2-го магистерского курса.

Ключевые слова: глоттодидактика, антропоцентризм, компетенции, письменная речь, лингвистические кванты, лингвостилистические кванты, лингвостилистические кванты

Согласно антропоцентрическому подходу, подготовка студентов к профессии филолога-учителя или переводчика – это обоюдный процесс, в котором, с одной стороны, участие принимает преподаватель, с другой – студент. Первый, как правило, преподает языковой материал и одновременно управляет им, начиная с сильного управления, постепенно проходя через ослабевающее, чтобы в конце концов передать управление в руки студентов [Józefiak 1999:66; Tałyżina 1980]. Студенты же, в свою очередь, на первых порах подражают образцам, приводимым преподавателем, затем включая собственные замыслы, связанные с подготовкой дипломных работ и согласуя их с научным руководителем, самостоятельно готовят отдельные главы, принимая постепенно на себя полную ответственность за их структурное, текстовое и лингво-стилистическое качество. На тему антропоцентризма в обучении иностранным языкам высказывались до сих пор психологи и дидакты. В связи с этим следует упомянуть фамилии таких авторов публикаций, как: [Вересов 2001; Ворожбитова 2005:368; Гуревич 1991; Woźniewicz 2009:15].

Главной исследовательской задачей автора настоящей статьи стала потребность оптимального усвоения технологии лингво- и коммуникативной компетенции в области письма польских студентов-русистов, готовящих дипломные работы. Э. и М. Шарвуд-Смис отстаивают точку зрения, что правильному говорению на иностранном языке должно сопутствовать овладение умением писать на нем. Этими дидактами была разработана трехэтапная модель письменной коммуникативности, заключающая в себе три вида письменных упражнений:

- управляемое письмо
- частично управляемое письмо,
- самостоятельное письмо [Sharwood-Smith 1977:5-29]

К настоящему времени на польском рынке образования появилось несколько интересных публикаций на тему способов подготовки дипломных работ. В них даются указания по приобретению материалов, их отбору и обработке а также их общей структуре [(см.) Gambarelli G., Łucki 2001; Węglińska 2004; Woś 2006].

Авторы выделяют три общих типа работ:

К первой группе относят отчетно-документационные, авторы которых сосредотачивают внимание на анализе предметной литературы и доступных документов.

Вторую группу представляют собой отчетно-концепционные работы, в которых подвергаются анализу приобретенные языковые материалы, извлекаются существенные итоги и формулируются тезисы, а также ставятся научные гипотезы для дальнейшей их практической проверки в реальных условиях.

К третьей принадлежат инновационные проекты, подвергающиеся экспериментальной проверке в школьных условиях или в бизнесе. Они осуществляются на базе экспериментальных и контрольных групп, где новые модули в ходе этих действий не только внедряются, но и часто модифицируются студентами-экспериментаторами. Полученные результаты подробно описываются, обогащая диапазон новых технологий школьного обучения или форм работы переводчиков на предприятиях и государственных фирмах.

Автор настоящей статьи, готовя студентов-русистов к написанию дипломных работ в бакалавриате и магистратуре, поставил себе целью ознакомить их в ходе семинарских занятий с содержанием основных стилей русского и польского языков и продемонстрировать сходства и разницы, существующие между ними. Предметом анализа стали: научный, деловой, разговорный и публицистический стили. Стоит сказать, что, занимаясь этой проблематикой, мы ссылались на работы как польских, так и российских ученых-лингвистов. (ср.) [Szczerbowski 2002; Васильева 1976; Митрофанова 1976]

Главное место в этих сопоставительных анализах заняли:

- основные характеристики функциональных стилей речи
- их основные коммуникативные функции,
- особенности функционирования
- языковые и стилистические единицы обоих языков [Шведова, Метс, Тютюнова, Чемоданова 1986].

Эти контрастные исследования стали вступительным шагом к процессам обнаружения квантов лингвистической и стилистической информации и их распознавания студентами-семинаристами в подлинных научных текстах русского языка.

На основании проверенных автором статьи глав дипломных работ бакалавров и магистрантов в 2006-2007 гг. нам удалось обнаружить и составить блок шестнадцати самых частотных квантов лингвостилистической информации, проявившихся в работах. К ним принадлежали:

- многократные глаголы со словообразовательными суффиксами: -ива- /-ыва-, -ова-
- глаголы с подвижным ударением
- глаголы совершенного и несовершенного видов
- типичные корни в словах русского языка
- мягкий знак в русских глагольных формах
- группы глаголов с другим, чем в польском языке падежным управлением
- мягкий знак в русских именах существительных
- мягкий знак в русских именах числительных
- мягкий знак в русских именах прилагательных
- мягкий знак в именах прилагательных притяжательных
- сравнительная и превосходная степени сравнения русских имен прилагательных
- формы причастий и деепричастий в русском языке
- мягкий знак в русских наречиях
- правописание твердого знака в словах русского языка
- правописание дефиса в русских словах
- активные и пассивные конструкции предложений русского языка.

Кроме вышеупомянутых лингвистических квантов в текстах были также обнаружены и стилистические, перечень которых приводится ниже:

- употребление глаголов страдательного залога
- употребление безличных и неопределенно-личных форм в предложениях русского языка
- употребление обязующей перестановки слов в предложении
- употребление активных и пассивных форм глаголов
- употребление предложных и беспредложных конструкций в обоих языках
- неприменение более широкого семантического поля местоимений русского языка по сравнению с польским.

Следует подчеркнуть, что вышеупомянутые лингвостилистические кванты стали предметом экспериментальных исследований автора.

Они проводились параллельно в экспериментальных и контрольных группах студентов-семинаристов в течение пяти лет, т.е. от 2006/7 до 2010/11 г:

Исследованию подверглось 48 студентов стационарного и заочного отделений русской филологии, готовящих дипломные работы в бакалавриате и магистратуре.

Экспериментальные и контрольные работы проводились в течение одного диагностического этапа (1-й), одного инновационного (2-ой) и двух очередных инновационно-контрольных этапов (3-й и 4-й).

Экспериментальные работы велись линейным путем, это означает, что вначале студенты обучались квантам лингвистической информации, а затем после ее завершения приобретали стилистические кванты согласно дидактической технологии работы, адекватной обоим типам квантов. К ним разработаны упражнения. К первым – грамматико-орфографические, заключающие в данном тексте различные парадигмы, зато к продвинутым – блоки научных текстов, предназначенных для анализа и одновременно служащих студентам образцами для самостоятельного и правильного продуцирования собственных письменных научных текстов, адекватных темам их дипломных работ.

Говоря о разработанной нами технологии, следует указать на ее общие принципы, которые позволили управлять процессом, начиная, как упоминалось выше:

- с сильного управления, постепенно переходя к ослаблению, чтобы на завершающем этапе передать управление в руки студентов,

- обучающие действия реализовались «шаг за шагом», то есть на первом этапе начинались с глобальной презентации конкретной грамматической категории, например, полной парадигмы причастий во всех ее планах, т.е. грамматическом и орфографическом, затем следовало осознание и извлечение из нее самых существенных квантов лингвистической информации в виде или алгоритмов, или пунктограмм. Следующий шаг представлял собой блок упражнений аналитически-синтезирующих, целью которых было осознание студентами квантов, управляющих их правильным использованием в языке (сначала квантами в рамках одной грамматической категории, а затем параллельно квантами из области других категорий, напр.: имен существительных, степеней сравнения имен прилагательных, деепричастий и др.), и наконец, после презентации всех групп квантов применялись упражнения, интегрирующие все извлеченные и осознанные кванты, адекватные описанным категориям.

Следующий этап управленческой работы был сориентирован на формирование и упорядочивание как синтаксической, так и стилистической компетенции студентов, готовящих дипломные работы. Технология работы опиралась на очередные дидактические шаги и сопутствующие им текстовые упражнения. Студенты глоттодидактических семинаров знакомились с типичными синтаксическими и стилистическими конструкциями русского языка, встречающимися в специально отобранных текстах, репрезентирующих все стили русского языка.

Анализам подвергались основные коммуникативные функции отдельных стилей, особенности их функционирования, их основные характеристики, а также принципы

применения лексических единиц и стилистических конструкций, свойственных каждому языковому стилю. Затем студентами совершались операции распознавания вышеназванных явлений и их контрастирование с явлениями родного языка (обнаруживание стилистико-культурных квантов), а затем конструирование при их помощи предложений в очередных разделах дипломных работ.

Следующим шагом являлись упражнения на перевод фрагментов научных текстов с польского языка на русский, в ходе реализации которых семинаристами применялись подходящие по смыслу усвоенные лексико-синтаксические конструкции, типичные для русского научного стиля и адекватные коммуникативной интенции студента или заданной ситуации(-иям) общения. Семинарист каждый раз должен был обосновывать выбор данной стилистической конструкции, чтобы научный руководитель и другие студенты могли убедиться в правильности / неправильности проводимых им мыслительных операций и умении применять данные кванты на практике конструирования отдельных научных письменных коммуникативных единиц.

Следует сказать, что в польских вузах, согласно принятым европейским стандартам, дипломные работы, прежде чем утверждаются научными руководителями, подвергаются экспертизе вузовской системы на предмет подделки.

Как Педагогическим университетом, так и другими польскими высшими учебными заведениями разработаны сжатые критерии редактирования дипломных работ, с содержанием которых студенты знакомятся в начале семинаров по глоттодидактике. Они общедоступны на страницах интранета каждого вуза.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что поэтапная подготовка студентов на глоттодидактических семинарах помогает им осознавать не только специфику научных текстов, их структуру и способы конструирования новых, но и ускоряет темп подготовки отдельных дипломных работ, одновременно повышая общую коммуникативную компетентность филологов-русистов в области письменной речи.

Литература

- Boć J. 2006 – *Jak pisać pracę magisterską?* Wrocław: Kolonia Limited.
- Gambarelli G., Łucki Z. 2001 – *Jak przygotować pracę dyplomową lub doktorską?* Kraków: Wyd. Universitas.
- Józefiak S. *Sterowanie procesem opanowywania mowy produktywnej na etapie przyswajania podstaw j. obcego (na materiale j. rosyjskiego)*, Praca monograficzna nr 272. Kraków: Wydawnictwo Naukowe AP (1999, 66).
- Józefiak S. 2012 – *Kształtowanie stylu naukowego studentów filologii rosyjskiej przygotowujących prace dyplomowe (spojrzenie glottodydaktyka)*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, stron 142. ISBN 978-83-7271-748-1

- Sharwood-Smith E. i M. 1977 – *O pisaniu w języku obcym*. Warszawa: WSiP
- Szczerbowski T. 2002 – *Różne sposoby rozumienia stylu a szansa integracji*. Kraków
- Tałyżina N.F. 1980 – *Kierowanie procesem przyswajania wiedzy*. Warszawa: WSiP
- Węglińska M. 2004 – *Jak pisać prace magisterską?* Kraków: Oficyna Impuls
- Woźniewicz W. 2009 – Понимание оригинального художественного текста в аспекте положений когнитивизма и межкультурной коммуникации. *Русистика на рубеже веков. Юбилейная книга в честь проф. Антони Палинского*, red. Z. Czapiga, G.A. Ziętała, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, s. 15–17.
- Васильева А.Н. 1976 – *Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи*, Москва.
- Вересов Н.Н. 2001 – *Психология управления. Учебное пособие*, Библиотека менеджера, Москва: Издательство МОДЭК МПСИ, s. 67–73.
- Ворожбитова А.А. 2005 – *Антропоцентрическое направление*. Москва: Высшая школа.
- Гуревич А. Я. 1991 – *Культурно-антропологическая история сегодня*. Москва: Наука
- Митрофанова О.Д. 1976 – *Научный стиль речи: проблемы обучения*. Москва.
- Программа по русскому языку для 5-месячных курсов повышения квалификации зарубежных преподавателей* / Составители Л.Н. Шведова, Н.А. Метс, И.А. Тютюнова, Е.Д. Чемоданова. Институт Русского Языка им. А.С. Пушкина. Москва: Русский язык. 1986.

Русистика и современность.

18-я Международная научная конференция. Сборник научных статей, с. 607-611. ISBN 978-9984-47-107-5

Рига: Балтийская международная академия, 2015.

НОВЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ
ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ ЯЗЫК И ИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
НА ПОРТАЛЕ «ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ»
(<http://pushkininstitute.ru>)

М.И. Яскевич, Т.Э. Корепанова, Н.В. Кулибина

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина, Россия

miyaskевич@pushkin.institute tekorepanova@pushkin.institute

nvkulibina@pushkin.institute

В статье представлена информация о создании и реализации современных электронных образовательных ресурсов для различных категорий интересующихся русским языком, русской культурой и Россией в целом, размещенных на портале «Образование на русском», как уже работающих, так и планируемых.

Ключевые слова. Портал «Образование на русском», электронные образовательные ресурсы, онлайн обучение русскому языку детей и взрослых, тестирование по русскому языку, повышение квалификации, MOOK

Портал открытого дистанционного образования «Образование на русском» (<http://pushkininstitute.ru>) разработан в рамках реализации Программы продвижения русского языка и образования на русском, инициированной Советом по русскому языку при Правительстве Российской Федерации.

Главная миссия портала – предоставить возможность каждому человеку, проявляющему интерес к русскому языку, русской культуре, русской истории, или желающему получить образование в России, изучить русский язык, а каждому преподавателю русского языка, или преподающему на русском языке – предоставить необходимую поддержку.

За время работы портала с 1 сентября 2014 года его посетили более 1500000 человек из 172 стран мира. В настоящее время на портале зарегистрировано более 312700 пользователей, из них более 4450 преподавателей.

В двадцатку активных входят: Россия (54,3 %), США (22,2 %), Украина (1,78 %), Германия (1,44 %), Мексика (1,38 %), Италия (1,35 %), Испания (1,09 %), Казахстан, Польша, Болгария, Япония, Индонезия, Китай, Бразилия, Чехия, Франция, Турция, Беларусь, Армения, Великобритания.

На портале «Образование на русском» доступны следующие ключевые сервисы:

Онлайн курс «Русский язык как иностранный» (<http://pushkininstitute.ru/learn>) – образовательный ресурс, позволяющий изучать русский язык с любого уровня и в любом

возрасте. Курс разработан в соответствии с рекомендациями ALTE, имеет модульную структуру, соответствующую 6 уровням сложности – от А1 до С2, и рассчитан на более чем 4000 академических часов занятий. Курс позволяет развивать все четыре вида речевой деятельности: чтение, письмо, слушание, говорение. Встроенный в курс обучения лингафонный кабинет позволяет отрабатывать произношение русских слов и фраз, сравнивая собственные фонограммы с фонограммами эталонного звучания в профессиональном исполнении. На портале размещены курсы для изучающих русский язык как иностранный от А1 до С2. В настоящее время около 9000 человек самостоятельно изучают на портале курс РКИ: более 5600 человек изучают элементарный уровень русского языка А1, около 600 слушателей осваивают I сертификационный уровень В1. Изучение РКИ в дистанционном режиме возможно как самостоятельно, так и с помощью профессионального помощника – тьютора.

В разработке ресурсов для изучающих русский язык как иностранный участвовали специалисты 10 российских и зарубежных вузов: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, МГУ им. М.В. Ломоносова, РУДН и др. (всего более 70 человек).

Отдельный блок курса РКИ посвящен тестированию (<http://pushkininstitute.ru/learn>). Слушатель, пройдя тест, может определить уровень владения русским языком. Узнав свой уровень, слушатель может проверить, готов ли он сдать сертификационный тест (ТРКИ).

Онлайн школа профессиональной поддержки преподавателей (<http://pushkininstitute.ru/teach>) ориентирована на удовлетворение потребностей российских и зарубежных преподавателей русского языка как иностранного, а также педагогов-предметников, ведущих обучение на русском языке за рубежом.

Одним из наиболее востребованных курсов Школы профессиональной поддержки является курс повышения квалификации «Практическая методика преподавания русского языка как иностранного», открытием которого 01.09.2014 был дан старт началу работы всего портала «Образование на русском». Курс состоит из 9 модулей, каждый из которых включает видеолекцию, комплекс тестовых заданий, список литературы (в том числе, интернет-ресурсы) и др. Успешно завершившие обучение могут пройти итоговую аттестацию и получить официальный документ (свидетельство) о повышении квалификации в объёме 72 часов (без итоговой аттестации – электронный сертификат о прохождении курса).

Всего на портале в рамках Школы профессиональной поддержки размещено более 10 дистанционных программ повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного объёмом от 16 до 72 часов. Тематика курсов – различные аспекты описания русского языка как иностранного и методики его преподавания иностранным учащимся:

модульные образовательные программы и их использование в практическом курсе РКИ (фонетико-интонационный, лексико-грамматический, культурологический модули); обучение чтению, аудированию и др.; методики оценки знаний учащихся и другие. Количество записавшихся на курсы составляет около 2 250 человек из почти 70 стран.

Для специалистов с высшим филологическим, педагогическим и гуманитарным образованием, желающих приобрести специализацию по РКИ предлагается дистанционная программа профессиональной переподготовки «Русский язык как иностранный и методика его преподавания» объемом 380 час., включающая три модуля «Русский язык», «Методика» и «Страноведение». Освоение программы профпереподготовки предполагает просмотр видеолекций, выполнение разнообразных заданий к ним, подготовку и защиту выпускной квалификационной работы и, как результат, получение Диплома, дающего право практической деятельности в сфере преподавания РКИ. Реализация программы предполагает педагогическую поддержку слушателей (как правило, преподавателями-авторами соответствующих разделов курса).

Все образовательные программы Школы профессиональной поддержки портала «Образование на русском» разработаны исключительно преподавателями Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Учебно-тренировочный комплекс для поддержки образовательной деятельности на русском языке и обучения русскому языку детей-билингвов **«Русский язык для наших детей»** (<http://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/>) разработан в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина. С его помощью русский язык изучают более 7000 детей из 92 стран мира. Лидерами по востребованности обучающего ресурса для детей являются Польша, США, Швейцария (более 75000 просмотров). Этот раздел портала характеризуется усидчивой аудиторией: время, которое ребенок проводит в обучающей среде, составляет около 0,5 часа.

Учебный материал комплекса распределён по нескольким разделам:

- на «Игровой площадке» представлены игровые виды познавательной деятельности, которые позволят даже пятилетним детям самостоятельно расширять словарный запас и постигать русскую грамоту;
- раздел «Школьный двор» содержит увлекательные задания, призванные компенсировать дефицит полноценной языковой среды, с одной стороны, и усилить мотивационную базу для дальнейшего изучения русского языка – с другой;
- «Читальный зал» представляет собой электронный сборник озвученных текстов (сказок, рассказов, стихов и очерков) уровней А1, А2, В1 и В2 с интерактивными заданиями, задачи которого - погрузить детей в многообразный мир русского слова;

- в разделе «Я знаю русский!» представлена новая система сертификационного тестирования по русскому языку для детей-билингвов: здесь можно узнать, что представляет собой эта система, для кого она создана, на какой детский возраст и на какие уровни владения русским языком она рассчитана, какие предполагает объекты контроля.

Отдельный раздел, посвящённый вопросам практической методики и теории обучения детей-инофонов и билингвов русскому языку, называется **Методический кабинет** и содержит актуальные публикации специалистов по отдельным вопросам лингводидактики, дополнительные учебные материалы, нацеленные на формирование социокультурной компетенции учащихся. Также в этом разделе для изучения и анализа представлены открытые версии системы тестирования детей-билингвов.

«**Лингвострановедческий словарь**» (<https://ls.pushkininstitute.ru/>) – снабженная удобной поисковой системой упорядоченная совокупность более 620 словарных статей и относящихся к ним 640 видеофрагментов и 120 заданий, разработанных Институтом Пушкина, позволяющих посетителям портала углубить знания в области истории, географии, культуры, религии, литературы, музыки, искусства России. Словарные статьи содержат энциклопедические справки о словах, сведения о значении слов в историческом и культурном контексте, о месте этого слова в языке и речи. Особенностью словарных статей является их адаптация к различным уровням владения русским языком. Вокруг словаря формируется широкая аудитория интересующихся Россией интернет-пользователей из Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Египта, Италии, Испании, Нидерландов, Китая, Финляндии и России. Более 8600 человек из 79 стран мира пользуются словарем (более 120000 просмотров), причем максимальное число посетителей - жители Германии, Украины, Италии, Алжира, Польши и др. Среднее время, которое пользователь проводит за изучением статей словаря, составляет более 10 мин.

В помощь различным категориям слушателей, в той или иной мере интересующихся русским языком (изучающим или преподающим его, а также использующим русский язык в своей профессиональной или иной деятельности), на портале представлено **более 30 массовых открытых онлайн курсов (МООК)** на русском языке (<http://pushkininstitute.ru/school/facultative>) гуманитарной, естественнонаучной, художественно-эстетической направленности, разработанных в сотрудничестве с ведущими вузами России. Тематика курсов разнообразна: от истории русской матрешки и традиций русской кухни до основ самолетостроения, робототехники и нанотехнологий. Задача курсов – расширить кругозор слушателей в той или иной области знания, предоставить возможность овладения лексикой в той или иной предметной области, мотивировать слушателей к более

глубокому изучению предмета. К концу 2015 года общее количество представленных на портале MOOK популярной тематики составит более 90.

В разделе «Видео» представлены коллекции учебных фильмов разной тематики. Так, в коллекцию «Урок в музее» включены видеуроки, записанные в литературных музеях Москвы: музее А.П. Чехова, музее Ф.М. Достоевского и др.

Осуществлен перевод основного содержания портала на 8 наиболее распространенных языков: английский, французский, немецкий, испанский, португальский, арабский, хинди и китайский языки.

Для того, чтобы пользоваться ресурсами портала, слушатель должен пройти регистрацию и подписаться на интересующий курс

Стратегия развития портала связана с адаптацией его образовательного контента к особенностям изучения и преподавания русского языка в зарубежных странах. Перспективными направлениями сотрудничества Института Пушкина и преподавателей – русистов зарубежных стран является совместная разработка методических материалов и рабочих тетрадей, необходимых для эффективного использования ресурсов курса РКИ. Не менее актуальной задачей является подготовка из числа преподавателей зарубежных стран тьюторов, способных осуществлять педагогическое сопровождение слушателей, изучающих на портале курс РКИ.

220 организаций из более, чем 20 стран мира, стали партнерами Института Пушкина и выбрали портал «Образование на русском» (<http://pushkininstitute.ru>) в качестве интернет-площадки для обмена идеями и активного общения на русском языке в интересах развития и углубления межкультурного обмена и международного сотрудничества в сфере образования.